Энеолит
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1982

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Энеолит СССР

Ответственные редакторы тома:
В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1982

Археология СССР
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах

ПАЛЕОЛИТ СССР
МЕЗОЛИТ СССР
НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР
ЭНЕОЛИТ СССР
ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА
ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ
АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.
* ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI—XIII ВВ. 1982
ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО
ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ
ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
* СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. 1981
КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Звездочкой отмечены вышедшие тома. Цифрой обозначен год выхода тома.

Том представляет собой первое в отечественной и мировой науке обобщающее исследование по энеолиту СССР. В нем рассматриваются яркие и самобытные раннеземледельческие культуры, возникшие на территории Средней Азии, Кавказа, Правобережной Украины и Молдавии в VI—IV тысячелетиях до н. э. Книга снабжена подробной библиографией и многочисленным иллюстративным материалом.

Авторы тома:

В. М. МАССОН

Н. Я. МЕРПЕРТ

Р. М. МУНЧАЕВ

Е. К. ЧЕРНЫШ

Э $\frac{0507000000-343}{042(02)-82}$ Подписное.

Введение
Постановка вопроса. Понятие «энеолит»

Определение характера эпохи, которой посвящен данный том, представляет собой важную и сложную проблему. В энциклопедических справочниках энеолит обычно определяется как переходный период от эпохи неолита к бронзовому веку либо как историко-археологический период, характеризующий конец эпохи неолита. В полном соответствии с семантикой слова этот период характеризуется как «медно-каменный век», время, когда медные орудия употреблялись наряду с каменными, причем каменные преобладали (Энеолит, БСЭ, 1957, т. 49, с. 67; Энеолит, ИЭ, 1976, т. 16, с. 132—133; Archaeology, 1960, p. 128—129). В качестве синонимов используются также термины «халколит» и «медный век», но понятие «энеолит» распространено в советской литературе наиболее широко.

Отношение исследователей к самому понятию различно. Так, Дж. Мелларт в одной из ранних работ, вышедших в свет до открытия Чатал-Гуюка, по материалам древнеземледельческих культур Малой Азии относил к раннему халколиту комплексы с расписной керамикой и редким металлом (*Mellaart J.*, 1964, p. 5). Позднее в сводной работе, посвященной неолиту Ближнего Востока, тот же исследователь характеризует неолит как время ранних земледельцев и отмечает, что его зрелая фаза, или энеолит, в Малой Азии часто именуется ранним халколитом, но добавляет, что этот термин потерял свое значение (*Mellaart J.*, 1975, p. 9). В целом такая формулировка отражает отношение многих ученых Англии к термину, которого они стараются избегать, ограничиваясь понятиями «неолит» и «бронзовый век» (*Монгайт А. Л.*, 1973, с. 200). Аналогичным образом польские археологи не выделяют в своих классификационных схемах и в археологической периодизации энеолит как особое явление: за поздним неолитом сразу следуют культуры ранней бронзы (*Кухаренко Ю. В.*, 1969). В Северной Европе под энеолитом понимается переходный период от неолита к бронзовому веку, когда в археологических комплексах появляются первые металлические изделия, местные или привозные. А. Л. Монгайт, давая обзор западноевропейской археологии, писал: «Учитывая эту разнополосицу, а также то, что для исторической периодизации выделение эпохи энеолита не имеет принципиального значения, я рассматриваю в этой главе культуры неолитические и энеолитические совместно» (*Монгайт А. Л.*, 1973, с. 200), что также не решает существа вопроса.

Можно выделить два основных подхода к определению понятия «энеолит»; с ними, собственно, и связаны возникающие противоречия и неувязки. Первый подход можно определить как формально-семантический, когда во главу угла ставятся медные и каменные изделия и этим дело по существу ограничивается. Однако следует иметь в виду, что археологическая периодизация — это не периодизация одних только орудий труда, хотя они и играют в ней важную роль как один из существенных признаков. Археологическая периодизация основана на учете изменений всего комплекса культурных явлений, находящих соответствующее отражение в археологических материалах и в типах вещей в первую очередь. Более перспективным является подход к понятию «энеолит», который может быть назван содержательным и в разработке которого большая роль принадлежит советской исторической науке. Приведем несколько примеров. Так, Б. Б. Пиотровский в университетском курсе по археологии Закавказья рассматривает энеолит как определенный и весьма важный этап развития человеческого общества. «Энеолит,— пишет Б. Б. Пиотровский,— относится к тем стадиям первобытной культуры, когда общность хозяйственных форм создает поразительное сходство материальной культуры вплоть до мелких деталей» (*Пиотровский Б. Б.*, 1949, с. 41). В этой формулировке звучит некоторая увлеченность теорией стадиальности, но общая установка на рассмотрение энеолита как периода, отражающего определенные эпохальные закономерности, достаточно показательна. В учебнике А. В. Арциховского общее определение энеолита отражает в первую очередь семантический подход, поскольку автор говорит, что в это время «появилась уже медь, но подавляющее преобладание в индустрии принадлежало еще камню», хотя далее отмечает, что знакомство с металлом, как правило, соответствует широкому распространению земледелия и скотоводства и что из энеолитических поселений наиболее типичны так называемые поселения с расписной керамикой, которые располагаются на территории от Киева до Дуная и «всюду отмечают одну и ту же ступень общественного развития» (*Арциховский А. В.*, 1954, с. 60, 61). А. В. Арциховский перечисляет пять наиболее характерных для памятников этого типа признаков: господство мотыжного земледелия; появление медных орудий при преобладании каменных и кремневых; большие обычно глинобитные дома первобытнообщинных коллективов; статуэтки родоначальниц, характерные для материнского рода; расписная керамика. В заключение А. В. Арциховский подчеркивает ту же мысль, что и Б. Б. Пиотровский: «Редкое сходство социально-экономической обстановки всюду вызывало сходные формы прикладного искусства. Впрочем, керамика сходна, но не тождественна» (*Арциховский А. В.*, 1954, с. 61). Таким образом, в перечислении признаков энеолита у А. В. Арциховского соединены признаки материальной культуры, т. е. чисто археологические, и признаки исторического порядка, связанные с формами семейно-брачных отношений. В прин-

ципе подобный подход, направленный на раскрытие содержания периода, выделяемого археологической периодизацией, наиболее перспективен.

Как особый, самостоятельный период рассматривает энеолит на сибирских материалах и М. П. Грязнов, отмечая, что в Южной Сибири он совпадает с другим важным нововведением — земледелием и скотоводством (*Gryaznov M. P.*, 1969, p. 45—46). В развитие подобного подхода в литературе было предложено стадию архаической производящей экономики на материалах Ближнего Востока и Средней Азии именовать неолитической, а время сложившихся земледельческо-скотоводческих культур, когда широко входит в употребление медь, существенно потеснившая кремень,— энеолитическим (*Массон В. М.*, 1964, с. 84; Средняя Азия..., 1956, с. 8—9).

Новые археологические материалы ясно показывают, насколько устарело формально-семантическое понимание энеолита, особенно после открытия медных изделий в малоазийских памятниках VIII—VII тысячелетий до н. э.— Чатал-Гуюке и Чейюнютепеси. Однако первое применение меди или даже открытие ее плавки, стимулированные успехами раннеземледельческих племен в сфере теплотехники, не привело на начальных этапах к изменениям в составе орудий труда, определяющих основные отрасли хозяйства южных племен — земледелие и скотоводство. Производительность использовавшихся в этих сферах кремневых, костяных и роговых орудий труда, как показывают экспериментальные исследования, была весьма высока и, надо полагать, определенное время удовлетворяла потребности ранних земледельческо-скотоводческих обществ (*Коробкова Г. Ф.*, *Массон В. М.*, 1978, с. 105).

Вместе с тем не приходится умалять значительную роль металла в развитии технологии и хозяйства древних обществ в целом. В этом отношении показательно выступление С. С. Березанской, направленное на отрицание роли металла в общественном прогрессе вообще. Справедливо указывая на то, что металл по техническим качествам не мог заменить камень, автор поспешно заключает, что он «практически ничего не давал для развития экономики» (*Березаньска С. С.*, 1971, с. 9). Если исходить из формально-семантического понимания терминов «энеолит» и «бронзовый век», то позицию С. С. Березанской в известной мере можно понять, но и в таком случае сами по себе хозяйственная роль и значение металлургии оказываются неоправданно приниженными. Экономический эффект новых металлических изделий в такой решающей сфере, как производительность труда, определяется четырьмя обстоятельствами. Во-первых, воспроизводство в металле традиционных типов орудий повышало их рабочую эффективность (*Семенов С. А.*, 1963; *Рындина Н. В.*, 1971, с. 7). Эксперименты с каменными и медными теслами показали, что вторые по количеству времени, затраченного на изготовление из дерева лодки-долбленки, на 25% эффективнее, не говоря уже о качестве работы. Во-вторых, пластичность меди, применение разных способов отковки и отжига рабочего лезвия позволяли получать орудия неизвестной ранее высокой эффективности, особенно при обработке дерева и кости, при доведении до конца разного рода тонких работ по этим материалам (*Gryaznov M. P.*, 1969, p. 46). Выдающимся нововведением энеолита назвал М. П. Грязнов и рыболовный крючок (*Gryaznov M. P.*, 1969, p. 46). В-третьих, на первых порах металлические инструменты положили конец чрезмерной дифференциации форм кремневых орудий. Медный нож одной и той же формы, а иногда просто один и тот же с успехом мог использоваться при целом ряде операций, выполнявшихся различными вкладышевыми орудиями (*Семенов С. А.*, 1969, с. 14). В-четвертых, и это обстоятельство часто упускается из виду, большую роль сыграла высокая эффективность самого процесса изготовления медных изделий, особенно с внедрением литья, позволившего массовое тиражирование объектов. Повышение производительности труда в этой сфере в немалой степени должно было способствовать общему экономическому прогрессу.

Неоднократно указывалось на то обстоятельство, что ассортимент и количество медных изделий в ранних комплексах весьма невелики. Показательно, что на таких раннеземледельческих поселениях Северной Месопотамии, как Телль Сотто и Ярымтепе I, тщательно изученных советскими археологами, медные изделия представлены главным образом украшениями — бусами, колечками, пронизками (*Мерперт Н. Я.*, *Мунчаев Р. М.*, 1977, с. 156—158). В Средней Азии наряду с украшениями первые медные изделия включают иглы, так называемые пробойники, бывшие скорее всего долотами, и небольшие ножи. На раннем этапе Триполья также известны в основном украшения — бусы, пронизки, подвески, амулеты, нашивные бляшки, реже — шилья, рыболовные крючки, еще реже — крупные долота и топоры (*Рындина Н. В.*, 1971, с. 136). О сходном составе первых медных изделий говорит и М. П. Грязнов, называя в их числе иглы, булавки, сверла, небольшие ножи, миниатюрные долота (*Gryaznov M. P.*, 1969, p. 46). Однако следует иметь в виду, что в руки исследователей попадает лишь определенная выборка древних изделий, состав которой во многом обусловлен источником информации. Так, при раскопках могил это будут в первую очередь украшения; крупные металлические изделия неизменно шли в переплавку и лишь в редких случаях попадали в состав культурного слоя, обычно представляющего собой по существу бытовой мусор.

В этом отношении весьма показательно, что в том же северомесопотамском Ярымтепе I сами медные изделия единичны, тогда как кусков медной руды довольно много. Совершенно ясно, что в распоряжение археологов попадает лишь ограниченный и поэтому весьма специфичный набор медных изделий. Вместе с тем одним из косвенных показателей их широкого внедрения в хозяйство является определенная деградация кремневого инвентаря, проявляющаяся в небрежности техники расщепления, резком сокращении тщательно оформляемых ретушью изделий, в сокращении или исчезновении ряда категорий, в частности геометрических микролитов. В этом отношении показательно, что по данному признаку было высказано предположение о наличии медных изделий в хассунской культуре Месопотамии, затем получившее подтверждение в находках на Ярымтепе I и в Телль эс-Саване.

С другой стороны, вопрос о соотношении и взаимозамене каменных и медных изделий требует конкретного подхода и истолкования с учетом специфики местных условий. Так, на юге Средней Азии внедрение металлургии привело к довольно быстрому исчезновению кремневых изделий, за исключением наконечников стрел и редких вкладышей серпов. Напротив, в трипольских комплексах Северного Причерноморья кремневые и костяные орудия обильны и широко использовались на всех этапах для земляных работ, обработки дерева и шкур. Это скорее всего объясняется сложностью получения в больших количествах медной руды, поступавшей, как установили специальные исследования, из месторождения Баната на территории культуры Винча (*Рындина Н. В.*, 1971, с. 137), и богатством сырья для изготовления вкладышевых орудий — кремня, дерева, кости и рога. Показательно, что на протяжении почти всего времени существования трипольских комплексов охота в целом сохраняет большое значение, причем добывались преимущественно благородные олени (*Цалкин В. И.*, 1970, с. 211—216), из рогов которых изготовлялись в первую очередь мотыги самых разных форм.

Учитывая, что энеолит выделяется, как правило, на основании археологических материалов, его следует рассматривать как понятие археологической науки, как археологический комплекс, в котором набор типов объектов отражает культурные стереотипы и инновации, соответствующие образу жизни оставивших этот комплекс древних племен. Таким образом, можно заключить, что энеолит — не плод отвлеченных кабинетных комбинаций, не какой-то случайный переходный период, а проявление в конкретном археологическом материале реальной исторической эпохи. Вместе с тем мы имеем не абстрактный энеолит, а многочисленные археологические комплексы энеолитического типа, отражающие все богатство и многообразие реального исторического процесса, диалектическое сочетание общего и особенного. По критериям археологической периодизации под энеолитом следует понимать эпоху внедрения и широкого использования медных изделий, приводящих, как правило, к деградации кремневой индустрии, обеднению наборов каменных орудий. Энеолитические археологические комплексы, выделяемые на основании археологических критериев, соответствуют определенной эпохе в развитии древних культур, характеризуемой в первую очередь интенсивным развитием производящей экономики — земледелия и скотоводства в различных их сочетаниях — и сопутствующими новому образу жизни культурными инновациями, ярко проявившимися в новых устойчивых наборах археологических типов (плоскодонная, как правило, богато орнаментированная керамика, мелкая пластика, прочные жилища с ровным полом). Этот набор типов в сочетании с медными и деградирующими кремневыми изделиями (отсутствие геометрических микролитов как массовых серий и ряд других признаков) и характеризует археологические комплексы энеолитического типа.

Наиболее отчетливо энеолитические комплексы представлены в южной зоне, где внедрение медных орудий позволило земледельцам и скотоводам достигнуть значительных успехов в развитии производства (*Массон В. М., Мунчаев Р. М.*, 1977). Здесь особенно ярко видно, что энеолит — это не какой-то переходный этап, а самостоятельная и важная историческая эпоха. На территории СССР могут быть отмечены три основных центра развития земледельческо-скотоводческих культур энеолитического облика: среднеазиатский, кавказский и северопричерноморский. Определенную роль сыграл энеолитический период и в зоне преимущественно скотоводческого развития производящей экономики, охватывающей примыкающие к этим центрам евразийские степи. Однако там в полной мере стремительный расцвет, нашедший отражение в определенном наборе археологических типов, приходится уже на эпоху бронзы. Поэтому рассмотрение этих энеолитических комплексов в общей системе «Археологии СССР» отнесено в том, специально посвященный палеометаллическим культурам степной зоны.

Далее на север роль энеолитического периода убывает. Внедрение медных орудий в хозяйственные системы охотников и рыболовов имело меньшее значение, чем в зоне оседлоземледельческих культур. Аналогичный сдвиг на севере происходит, но не всегда с внедрением металлургии бронзы, а то и железа. Поэтому в этой зоне комплексы, выделяемые как энеолитические, скорее являются звеном археологической систематики, чем отражением исторической эпохи. В данном отношении показателен вопрос об энеолитических памятниках Карелии. Ряд исследователей предлагал при их выделении исходить из установки Монтелиуса о том, что к эпохе металла следует относить памятники, в которых не только отмечено знакомство с металлом, но и сами металлические орудия образуют типологические ряды (*Брюсов В. Я.*, 1952). Н. Н. Гурина писала, что, несмотря на отсутствие таких типологических рядов в Карелии, следы местной плавки меди налицо, однако предлагала ограничиться термином «эпоха раннего металла», включая сюда и пору раннего железа (*Гурина Н. Н.*, 1961, с. 82). Вместе с тем, характеризуя карельские материалы, Н. Н. Гурина уже тогда выделяла группу памятников поры энеолита, на которых встречались кусочки металла, шлаки, тигли, льячки. Отличались они и типами керамики, и кремневым инвентарем. Дальнейшие исследования увеличили число таких памятников, причем медеплавильня была зафиксирована и в комплексе с типичной ямочно-гребенчатой керамикой (*Журавлев А. П.*, 1975). А. П. Журавлев, посвятивший этим памятникам специальное исследование, говорит об энеолите Карелии как об особой эпохе, охватывающей в основном III тысячелетие до н. э. вплоть до поры раннего железа. Помимо следов металлургического производства, здесь известны и сами медные изделия: пластинки, кольца, проколки, рыболовные крючки (*Журавлев А. П.*, 1977). Однако, как отмечает сам автор, внедрение меди не повлекло радикальных изменений в хозяйстве и орудиях труда — каменная индустрия сохранилась на достаточно высоком уровне (*Журавлев А. П.*, 1977, с. 13). В результате памятники Карелии, определяемые как энеолитические, не обнаруживают резких изменений в общем наборе археологических типов по сравнению с эпохой неолита. Благоприятная природная ситуация (самородная медь Заонежья) в данном случае

способствовала относительно раннему развитию металлургии, но в условиях традиционной охотничье-рыболовческой системы хозяйства не вела к существенным изменениям в образе жизни и соответственно в наборе орудий. Поэтому комплексы лесной зоны, как и зоны степных скотоводов, характеризуются в томе, посвященном бронзовому веку лесной полосы.

В настоящем томе рассматриваются энеолитические комплексы, сложившиеся в зоне южных земледельческо-скотоводческих культур, где они выделяются особенно четко. Отдельная глава посвящена общей характеристике энеолита степной зоны, тогда как детальное рассмотрение конкретных археологических комплексов (древнеямных, кемиобинских, афанасьевских и др.) будет предпринято в другом выпуске «Археологии СССР». Такое выделение энеолита ярко выражено в самих комплексах как устойчивых сочетаниях типов археологических объектов, изучаемых археологией как особой наукой, что соответствует реальному развитию древних племен и народов, материальным воплощением культуры которых они являются. Сами по себе медные изделия еще мало о чем говорят, как и специфический набор типов иных категорий, но именно их сочетание и характеризует энеолитические комплексы. При этом могут быть отмечены два основных их вида. В одном случае энеолитический период, выделяемый средствами археологии и являющийся археологическим понятием, соответствует большой исторической эпохе, в другом — энеолит — понятие, почти исключительно относящееся к сфере археологической систематики. В настоящем томе рассматриваются энеолитические комплексы первого вида, распространенные на юге СССР и отразившие важнейшую эпоху в истории племен и народов нашей страны — пору расцвета земледельческо-скотоводческих культур. Эти южные энеолитические культуры тесно связаны с древнейшими очагами земледелия и скотоводства, сформировавшимися на Ближнем Востоке. Именно эти ближневосточные связи наряду с местными предпосылками к переходу к производящим формам экономики определили качественный скачок в развитии племен юга СССР. Одновременно наблюдается и значительная зависимость от ближневосточных культурных эталонов некоторых объектов материальной культуры. В соответствии с конкретными направлениями линий взаимодействий это влияние ближневосточных эталонов в каждом из центров различно. Например, в Северном Причерноморье оно вообще проявляется лишь через посредство балканских комплексов и культур, но именно оно составляет одну из общих черт в развитии трех энеолитических центров юга СССР.

Следует иметь в виду то немаловажное обстоятельство, что изученность энеолитических комплексов юга СССР далеко не одинакова. Раньше всех, еще в конце XIX в., начато исследование памятников трипольского типа в Северном Причерноморье. Сейчас здесь выявлены сотни поселений, раскопаны десятки объектов, накоплены громадные коллекции и имеется обширная литература. Близкие по культуре, а иногда и просто идентичные им памятники распространены в Болгарии и Румынии и привлекаются для дополнительных характеристик. Поэтому энеолитическим памятникам Северного Причерноморья посвящен в данном томе наиболее значительный раздел. Хотя первые раскопки энеолитических памятников Средней Азии были произведены едва ли не одновременно с трипольскими, их систематическое и планомерное исследование развернулось лишь в 50-х годах. Занимаемая ими территория несоизмеримо мала по сравнению с Северным Причерноморьем, да и число их более ограниченно. Еще более коротка история исследования энеолитических памятников Кавказа. Относимые к их числу комплексы выявлены в ходе полевых работ 60—70-х годов. Все это, естественно, сказывается и на вопросах археологической систематики. Так, если в Средней Азии четко выделяется оседлоземледельческий неолит — джейтунская культура, то в Закавказье такое членение менее ясно и по существу неолитические и энеолитические раннеземледельческие комплексы рассматриваются нерасчлененно. Менее ясна здесь и культурная группировка памятников. Степень изученности определила и подход авторов к организации предлагаемого материала. В тех случаях, когда типологические связи, позволяющие говорить о надежном выделении культур и локальных вариантов, слабо разработаны, памятники рассматриваются по территориальным группам. В других случаях использована группировка по типологическим признакам с использованием традиционной триады понятий: культурная общность, культура, локальный вариант. В ряде случаев обширность материалов как будто позволяет использовать более гибкую понятийную сетку, в большей мере учитывающую конкретно-историческую ситуацию (см., например, *Дергачев В. А.*, 1978), но в целом традиционная триада остается вполне надежным исследовательским инструментом.

Том подготовлен авторским коллективом в составе В. М. Массона (введение, часть I, гл. 6 части III с использованием материалов Е. К. Черныш, заключение), Р. М. Мунчаева (часть II), Е. К. Черныш (главы 1—7 части III, гл. 1 и 6 в соавторстве с В. М. Массоном) и Н. Я. Мерперта (часть IV).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Энеолит Средней Азии

Глава первая
История изучения, основания периодизации, хронологии и типологии

Глава вторая
Памятники раннего энеолита

Глава третья
Памятники среднего энеолита

Глава четвертая
Памятники позднего энеолита

Глава пятая
Основы хозяйства и общественный строй энеолитических племен Средней Азии

Глава шестая
Идеологические представления и памятники искусства среднеазиатских племен эпохи энеолита

Глава первая
История изучения, основания периодизации, хронологии и типологии

Энеолитические комплексы Средней Азии, как и соответствующие им комплексы других регионов, характеризуют определенную историческую эпоху в жизни оседлых земледельческо-скотоводческих племен, нашедшую прямое отражение в специфическом наборе объектов материальной культуры, рассматриваемых на уровне археологической науки как археологические типы.

В Средней Азии энеолитические памятники изучались еще в конце XIX в. (*Комаров А. В.*, 1888; *Джуракулов М. Д.*, 1964; 1966), но широкую известность получили лишь после раскопок американской экспедиции на холмах Анау и их фундаментальной публикации (*Pumpelly R.*, 1908; *Бишони Р.*, 1977). Несмотря на низкий методический и методологический уровень, эти материалы долгое время оставались для мировой науки основным источником по изучению энеолитических комплексов Средней Азии (*Кобранов Е. А.*, 1927; *Итина М. А.*, 1951). В 30-е годы ашхабадскими археологами были проведены значительные работы по выявлению новых памятников (*Марущенко А. А.*, 1939; 1949), но раскопки их практически не производились, а материалы не были опубликованы. Решающий перелом произошел в результате развертывания работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) АН Туркменской ССР (*Литвинский Б. А.*, 1952; *Массон М. Е.*, 1955б), особенно с 1952 г., когда энеолитические комплексы исследовались специальным отрядом экспедиции под руководством Б. А. Куфтина (*Куфтин Б. А.*, 1954; 1956). Систематическое исследование энеолитических памятников было продолжено в 1955—1963 гг. совместными усилиями ЮТАКЭ и ЛОИА АН СССР под руководством В. М. Массона (*Массон В. М.*, 1957а; 1957б; 1957в; 1959в; 1962а; 1964а) при участии И. Н. Хлопина и В. И. Сарианиди (*Лисицына Г. Н., Массон В. М., Сарианиди В. И., Хлопин И. Н.*, 1965). Материалы, полученные в ходе этих работ, опубликованы в двух томах Трудов ЮТАКЭ (т. VII, 1956; т. X, 1961), а энеолитическим комплексам специально посвящены четыре выпуска «Свода археологических источников» (*Массон В. М.*, 1962в; *Хлопин И. Н.*, 1963а; 1969; *Сарианиди В. И.*, 1965б). Новые материалы опубликованы также в зарубежных изданиях (*Masson M. E., Masson V. M.*, 1957; *Masson V. M.*, 1961; 1972; *Masson V. M., Sarianidi V. I.*, 1972). В дальнейшем основное внимание этого коллектива было перенесено на изучение памятников эпохи бронзы, а наиболее ранние энеолитические комплексы продолжали исследоваться ашхабадскими археологами (*Бердыев О. К.*, 1967; 1969; 1972а; 1972б; 1974; 1976). Слои Намазга II шурфовались на Елендепе (*Щетенко А. Я.*, 1968а); энеолитические напластования в небольшом объеме раскапывались и на Алтындепе (*Массон В. М.*, 1977б).

В отличие от Южного Туркменистана, где ярко и разносторонне представлены памятники энеолита, в других районах Средней Азии выделение собственно энеолитических комплексов связано со значительными трудностями. Так, в рамках неолитической кельтеминарской культуры на поздних этапах ее развития появляются свидетельства использования ее носителями медных изделий, но комплекс в целом, и прежде всего кремневые орудия, полностью сохраняют архаический, неолитический облик. Поэтому кельтеминарский и близкие ему комплексы рассматриваются в томе «Неолит СССР» настоящего издания.

Данный том посвящен памятникам среднеазиатского энеолита, сосредоточенным на юго-западе региона, в Южном Туркменистане (карта 1). Природные условия здесь благоприятствовали развитию оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства и раннеземледельческой культуры. С юга область обитания энеолитических племен была ограничена Копетдагским хребтом, достигающим высоты 2800 м и понижающимся в восточном направлении, где он представляет собой невысокую горную гряду. Межгорные долины достаточно плодородны и в западной части, где осадков больше, густо покрыты растительностью. Помимо арчи, являющейся благодаря твердости и прочности прекрасным строительным материалом, здесь много плодовых и орехоплодных видов, в числе которых яблоня, груша, виноград; на плоскогорье встречаются заросли дикорастущего ячменя. В горах водится горный баран, безоаровый козел, леопард. Эти животные, судя по костным остаткам и изображениям, были хорошо известны и энеолитическим племенам. Северный склон Копетдага расчленен узкими долинами небольших горных рек и временных селевых протоков.

Вдоль Копетдага, вытянутого меридионально, простирается северная подгорная равнина, бывшая основным центром среднеазиатского энеолита. Как бы зажатая между Копетдагом и южной кромкой Каракумской пустыни, эта слабо покатая равнина имеет ширину 10—20 км. Долина сложена лессами и галечниками и характеризуется сероземами и такыровидными почвами, в ряде случаев солонцеватыми. Климат резко континентальный, равнина открыта с севера доступу масс холодного воздуха. Количество осадков незначительно, и норма увлажнения низка — 250 мм, лишь в предгорьях она поднимается до 350—450 мм. Это вело к необходимости искусствен-

Карта 1. Распространение энеолитических памятников Средней Азии

1 — Чингиздепе; *2* — Беурме; *3* — Каранткитокай; *4* — Тилькиндепе; *5* — Дашлыдепе; *6* — Гавычдепе; *7* — Новая Ниса; *8* — Акдепе; *9* — Овадандепе; *10* — Апау; *11* — Карадепе; *12* — Елендепе; *13* — Яссыдепе; *14* — Гарадепе; *15* — Каушут; *16* — Намазгадепе; *17* — Серманчадепе; *18* — Улугдепе; *19* — Алтындепе; *20* — Илгынлыдепе; *21* — Монджуклыдепе; *22* — Чакмаклыдепе; *23* — Серахское поселение; *24* — Хапуздепе; *25* — Геоксюрский оазис;
а — древние русла

ного орошения полей, которое производилось за счет небольших рек и ручьев. Наиболее значительные из них — Душак, Лаинсу, Арчиньянсу, Меанасай (Акмазар) и Чаачасай — имеют в долинах выраженные террасы и обширные конусы выноса. Растительность бедна, но в древности вдоль наиболее крупных водных артерий были распространены тугаи с такими лесными породами, как тополь, ясень, карагач, угли которых часто встречаются при раскопках раннеземледельческих поселений. Вегетационный период значителен и длится с апреля по октябрь включительно, что позволяет при налаженном орошении получать два урожая в год. Из стадных копытных животных промысловое значение имели джейраны и куланы. Охота на них продолжалась регулярно, несмотря на развитие скотоводства.

На востоке подгорная равнина ограничивалась крупной водной артерией — р. Тедженом, веерообразная дельта которого с относительно небольшими протоками шириной 10—25 м и глубиной до 2 м была частично освоена энеолитическими земледельцами. Мургаб, вторая крупная река Южного Туркменистана, отделена от Теджена песками и пустынной степью, куда энеолитические племена проникали лишь эпизодически. В целом природные условия Южного Туркменистана благоприятствовали развитию мелкооазисного поливного земледелия.

Степень изученности энеолитических памятников Средней Азии можно оценивать с двух позиций. Во-

первых, соотношение известных памятников и поселений, реально существовавших в древности, во-вторых, степень исследованности выявленных памятников. Несмотря на то что энеолитические поселения юга Средней Азии, как правило, многослойны и их оплывшие руины образуют всхолмления многометровой высоты, соотношение выявленных памятников и древних поселений едва ли имеет высокий процент. Расположенные в зоне постоянно функционирующего поливного земледелия, эти памятники, особенно небольшие, подвергались и подвергаются уничтожению при планировке полей, особенно при использовании мощной землеройной техники. Небольшие памятники легко могли быть скрыты аллювиально-делювиальными отложениями, достигающими в подгорной полосе мощности 6—10 м, или погребены под культурными наслоениями более поздних периодов, особенно в условиях стабильного расположения водных источников, определяющих прочную оседлость на определенной территории от неолита до XX в. Достаточно отметить, что такие крупные энеолитические поселения, как Карадепе и Илгынлыдепе, в настоящее время на археологической карте выглядят единичными, а аналогичное поселение Геоксюр 1, оказавшееся в полупустынной зоне, где оседлое земледелие после энеолита практически не существовало, сохранило округу из семи мелких поселков. Судя по подъемному материалу, на территории городища Новая Ниса с мощными наслоениями парфянского и раннесредневекового периодов был и раннеэнеолитический памятник, но непотревоженные слои этого времени здесь пока не обнаружены. Все это позволяет считать, что если крупные энеолитические центры численно сохранились почти полностью, то мелкие поселения уцелели лишь наполовину, а то и менее.

Второй аспект — степень изученности известных памятников. Из 27 выявленных энеолитических поселений на 19 изучение стратиграфии проведено большей частью путем шурфовки, причем на разном методическом уровне. Так, например, по опорным шурфам Намазгадепе графическая фиксация профилей шурфов практически отсутствует. Один памятник (Дашлыджидепе) был исследован полностью на уровне всех трех имевшихся в нем строительных горизонтов, на четырех (Ялангачдепе, Муллалидепе, Чакмаклыдепе, Монджуклыдепе) полностью вскрыт верхний строительный горизонт. Однако все это небольшие поселения площадью не более 0,3 га. Широкое вскрытие верхних строительных горизонтов осуществлено на таких крупных поселениях, как Карадепе и Геоксюр 1, а также на четырех небольших поселениях геоксюрской группы памятников. Последняя, таким образом, исследована наиболее полно и разносторонне (*Сарианиди В. И.*, 1960б; 1965а; *Лисицына Г. Н.*, *Массон В. М.*, и др., 1962; *Хлопин И. Н.*, 1964б).

Хронология рассматриваемых памятников базируется на стратиграфических колонках, делающих особенно надежными разработку относительной хронологии и периодизацию археологических материалов. Специфической особенностью среднеазиатских и вообще ближневосточных памятников разных эпох является последовательное расположение друг над другом глинобитных домов, представляющее почти идеальные условия для вертикального членения культурных напластований. По существу остатки одного дома с содержащимися в нем предметами материальной культуры образуют один слой или, как можно в данном случае говорить, один археологический комплекс, являющийся основной исходной единицей фиксации при раскопочных работах. Такой строительный горизонт заключает остатки одного или нескольких строений, одновременное функционирование которых нашло отражение в стратиграфическом положении между прослойками полов более раннего и более позднего строительных комплексов. Эта особенность связана с практикой разрушения верхних частей сырцовых строений после их предельного ветшания и разравнивания участка, на котором они располагались, под фундамент новых построек. Практически в среднеазиатских памятниках ранних земледельцев такой строительный горизонт в среднем имеет мощность 0,5 м. Однако не всегда в ходе производившихся раскопок, особенно в глубоких и незначительных по площади шурфах, удавалось проследить стратиграфические горизонты. В таких случаях применялась условная фиксация материала по ярусам (один ярус равен 0,5 м). Объединяя керамические находки в ярусы, исследователи, естественно, повышали элемент субъективности в фиксации материала.

История изучения стратиграфии энеолитических памятников юга Средней Азии рисует картину постепенного совершенствования принятой методики фиксации материала и выделения комплексов. Так, при раскопках Анау были выделены три комплекса, содержавших материал, трактуемый сейчас как энеолитический,— Анау IА, Анау IБ и Анау II (*Schmidt H.*, 1908). Фиксация материала велась по высотным отметкам, причем часто в пределах очень большой (до 2 м) амплитуды. Рабочие доставляли добытые объекты находившимся вдали от раскопа исследователям. Неудивительно, что между выделенными американской экспедицией комплексами Анау II и Анау III оказался пропущенным большой период. Это, правда, характерно для уровня раскопок начала XX в. В Сузах, как показали последующие работы в области стратиграфии, между выделенными первоначально комплексами Сузы I и Сузы II лежал «незамеченный» промежуточный слой мощностью 12 м. Анауская лакуна была заполнена в ходе работ 1952 г. на Намазгадепе, проводившихся под руководством Б. А. Куфтина. Тогда были выделены комплексы Намазга I и Намазга II, соответствовавшие комплексам Анау IБ, Анау II, и комплекс Намазга III, не замеченный американской экспедицией, хотя аналогичный ему материал имелся и на северном холме Анау (*Куфтин Б. А.*, 1954). Однако фиксация материала шурфов на Намазгадепе велась исключительно по условным ярусам. В ходе работ 1955—1963 гг. стал шире применяться учет материала по строительным горизонтам наряду с сохранением для шурфов фиксации по ярусам. Семь строительных горизонтов (Кара 1—7) были вскрыты на Карадепе, по десяти строительным горизонтам (1—10) зафиксирована стратиграфия Геоксюра 1, по строительным горизонтам (1—14) велся учет мате-

рпала и на Алтындепе. Несомненно, следующей ступенью совершенствования методики и подхода к конкретному анализу археологических объектов является более детальное исследование памятника по слоям и прослойкам в пределах одного строительного горизонта.

Следует иметь в виду, что каждая отдельно взятая стратиграфическая колонка отражает прежде всего конкретную картину развития материальной культуры на данном памятнике или в данном месте памятника, если последний достаточно обширен. На сравнительно крупном поселении разрушение старых домов и постройка новых зданий, естественно, происходили не одновременно во всем поселке, а постепенно, на разных его участках и в разные сроки. Это, соответственно, сказалось на числе и чередовании строительных горизонтов, вскрываемых в шурфах и стратиграфических раскопах. Так, на Алтындепе на «холме ремесленников» слои с керамикой геоксюрского типа насчитывали пять строительных горизонтов, а на «холме вышки» — шесть, что отражает более интенсивное обживание последнего в то время; соответствующие слои оказались здесь и более мощными. Подобный учет разного характера культурных отложений, выделяемых в качестве самостоятельных горизонтов, особенно важен при сопоставлении нескольких стратиграфических колонок, в которых могут быть представлены и строительные остатки разной степени монументальности, и горизонты с мусором, и просто ямы с хозяйственными отходами. Корреляция и синхронизация отдельных колонок особенно надежны в случае обнаружения в отдельных горизонтах привозных объектов, как это имеет место в Южном Туркменистане при раскопках памятников, весьма удаленных друг от друга. Синхронизация производится и на основании общего сопоставления комплексов, прежде всего керамических, дающих для культур расписной керамики очень яркую и детальную картину (табл. I).

Абсолютная хронология энеолитических комплексов Средней Азии основывается на привязке к памятникам Ирана и Месопотамии путем сравнительно-типологического анализа и данных радиокарбонового определения возраста органических остатков, преимущественно древесных углей. Наиболее надежной остается синхронизация комплекса Намазга III с иранскими комплексами типа Сиалк III, 4—7 и Гиссар IC—IIA, предложенная при первой публикации материалов с Намазгадепе (*Массон В. М.*, 1956а, с. 316—320) и подтверждаемая всеми новыми данными. Поэтому для абсолютной хронологии в известной мере ключевым является вопрос о дате комплекса Сиалк IV, перекрывающего комплекс Сиалк III. Так, уже Р. Гиршман синхронизировал комплекс Сиалк IV с Джемдет-Насром (*Ghirshman R.*, 1939, р. 83—89), что было поддержано и Д. Мак Кауном (*Mc. Cown D. E.*, 1942, р. 18; 1954). Вместе с тем отмечались аналогии материалов Сиалк IV с месопотамскими находками раннединастического периода, следующего за Джемдет-Насром (*Чайлд Г.*, 1956, с. 295). Несомненно, аналогичные найденным в Сиалк IV цилиндрические печати стиля Джемдет-Наср встречаются и в раннединастических слоях (*Массон В. М.*, 1960б, с. 378). Подобная «короткая хронология» получила дальнейшее развитие в сводке Р. Дайсона по хронологии ранних памятников Ирана. Исследователь полагает, что комплекс Сиалк IV продолжал существование и в раннединастический период вплоть до начала его второго этапа (*Dyson R.*, 1965, р. 225). По схеме Р. Дайсона, начало Сиалк IV приходится на 3000 г. до н. э., а комплекс Сиалк III, 5—7 отнесен к 3500—3000 гг. до н. э. При этом следует учитывать то обстоятельство, что месопотамские влияния при распространении на восток испытывали своего рода эффект запоздания (*Массон В. М.*, 1963; 1964а, с. 424). Р. Дайсон, анализируя иранские материалы, также отмечает, что убейдские материалы комплекса Сиалк III, 4—5 приходятся не на убейдское время, а уже на следующий за ним раннеурукский период (*Dyson R.*, 1965, р. 237). Видимо, подобным образом надо объяснять и появление «убейдских элементов» в мелкой пластике Южного Туркменистана (*Массон В. М.*, 1962б; 1964б, с. 426—427; *Сарианиди В. И.*, 1965б, с. 37), приходящееся там, если придерживаться предлагаемых туркменистано-иранских синхронизмов, уже на поздний Урук и Джемдет-Наср. Импортная керамика бесспорно южнотуркменистанских типов времени Намазга III была найдена на восточноиранском памятнике Шахри-Сохте в слое I (*Lamberg-Karlovsky C. C.*, *Tosi M.*, 1973; *Массон В. М.*, 1977б, с. 185). В комплексе Шахри-Сохте I имеются также три цилиндрические печати, выполненные в стиле Джемдет-Наср, что, как мы отмечали, может в равной степени указывать и на раннединастический период. При этом показательно, что изданные материалы Шахри-Сохте I содержат фрагмент керамики, роспись на котором как бы продолжает традиции позднего Намазга II, представленного слоем типа Кара 2, а основная часть материала аналогична керамике раннего Намазга III (слой Кара 1А). Вместе с тем другие материалы памятника находят аналогии в слоях Алтын 9 и Алтын 10, представляющих поздние фазы развития посуды геоксюрского типа. Не исключено, что более детальное и послойное издание керамики Шахри-Сохте I позволит установить происхождение указанных образцов из разных стратиграфических горизонтов.

Другие среднеазиатско-иранско-месопотамские синхронизмы менее определенны, и степень их надежности для заключений в области абсолютной хронологии не вполне ясна. Так, ряд элементов росписи на керамике Намазга II в монохромном исполнении находит аналогии в эламском комплексе Джови (*Массон В. М.*, 1962в, с. 21). Параллели самого общего характера могут быть отмечены между росписью посуды раннего энеолита Южной Туркмении и хассунской керамики (*Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 25). Среди последних особое место занимает керамика южноиранского памятника Тали-Иблис. Здесь в слое IV найдена посуда, получившая название алиабадской полихромии, бесспорно имеющая сходство с южнотуркменистанской полихромной керамикой типа Намазга II (*Caldwell J. R.*, 1967, р. 144—145, 182). Учитывая некоторые параллели керамики с монохромной росписью с этого памятни-

ка, комплекс Иблис IV можно ориентировочно синхронизировать со слоями Кара 4 — Кара 3. К сожалению, стратиграфия Тали-Иблис, частично искаженная древними мусорными отвалами, несколько аморфна. Слой Иблис V по ряду признаков синхронизируется с комплексом Сиалк IV (*Caldwell J. R.*, 1967, p. 36), который, таким образом, полностью сохраняет свое значение как решающее звено большинства синхронизаций.

Возможности радиокарбонового метода уже достаточно широко обсуждались в литературе (*Титов В. С.*, 1965; *Долуханов П. М., Тимофеев В. И.*, 1972), и, надо сказать, отмеченные при этом неувязки и противоречия наблюдаются и на энеолитических памятниках Средней Азии, хотя число полученных здесь дат пока относительно невелико (*Романова Е. Н., Семенцов А. А., Тимофеев В. И.*, 1972). Приведем их полностью:

Дашлыджидепе, комплекс типа Намазга I — 2680±±90 гг. до н. э.

Тилькиндепе, комплекс типа Намазга II — 4560±±110 гг. до н. э.

Алтындепе, комплекс типа Ялангач, время Намазга II — 3160±50 гг. до н. э.

Геоксюр 1, комплекс типа Геоксюр, время раннего Намазга III — 2860±100 гг. до н. э. и 2490±100 гг. до н. э.

Карадепе, комплекс типа позднего Намазга III — 2750±250 гг. до н. э.

Итак, некоторые даты (что характерно и для многих других групп радиокарбонных датировок) заведомо неверны и противоречат такому объективному археологическому показателю, как стратиграфия. Даже согласованные между собой даты (Геоксюр 1, Карадепе и ялангачский комплекс Алтына) в целом дают как бы поздний, сдвинутый вверх вариант датировок в той мере, в какой их можно сопоставлять с абсолютной хронологией комплекса Сиалк IV. Отметим, что Ж. М. Касаль первоначально, основываясь на ограниченных публикациях, был склонен сдвигать комплекс Намазга III до середины III тысячелетия до н. э. (*Casal J. M.*, 1961, p. 100, 115) и лишь после знакомства с коллекциями в Ленинграде понизил эту дату до начала III тысячелетия до н. э. (*Casal J. M.*, 1969, p. 49, 78). Если произвести пересчет южнотуркменистанских дат «согласованной» группы по предлагаемой сейчас коррекции (*Dales G. F.*, 1973), то соответствующими датами для Геоксюра 1 будут 3410—3240 гг. до н. э., а для слоев Алтындепе с керамикой ялангачского типа — 3810 гг. до н. э. Это более отвечает современным взглядам на дату комплекса Сиалк IV. Энеолитическим комплексам юга Средней Азии стратиграфически предшествует джейтунская неолитическая культура, наиболее надежная датировка которой — VI тысячелетие до н. э. (*Массон В. М.*, 1971в, с. 70). Таким образом, ориентировочно энеолитические памятники рассматриваемого региона можно датировать от начала V до начала III тысячелетия до н. э. и считать, что они отражают картину постепенного развития культуры на протяжении двух тысячелетий.

Весьма существенным является вопрос об объединении материала в более крупные единицы исследования, чем один строительный горизонт. До последнего времени основным понятием, используемым для этого, был археологический комплекс, выделяемый на основе во многом эмпирического определения типа (стиля) расписной керамики. В качестве эталона была принята колонка Намазгадепе, где Б. А. Куфтиным выделены комплексы Намазга I, II и III. Близкие им комплексы других памятников именовались «комплексами типа Намазга I, II или III», а при наличии существенных отличий, опять-таки в расписной керамике,— «комплексами времени Намазга I, II или III» (*Массон В. М.*, 1962в, с. 6; *Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 6—7; Средняя Азия..., 1966).

Этой археологической периодизации соответствовало и употребление термина «энеолит», причем комплекс Намазга I определялся как раннеэнеолитический, комплекс Намазга II — как развитоэнеолитический, а комплекс Намазга III — как позднеэнеолитический. В принципе такая периодизация, основанная на данных объективной стратиграфии, во многом сохраняет свое значение и в настоящее время, но в свете последних разработок в области процедуры археологических исследований и понятийной сетки археологической науки она нуждается в дополнительном обосновании и дальнейшей разработке. Как уже отмечалось, вопросы организации материала в первичный комплекс облегчаются самим характером памятников, где такая исходная единица, как строительный горизонт с разнообразным набором объектов материальной культуры, выделяется достаточно четко. Практически беспрерывное обживание одного и того же памятника способствовало тому, что последовательное и во многом непрерывное развитие культуры в той мере, в какой оно засвидетельствовано наборами археологических типов, как правило, также весьма отчетливо. Таким образом, главный вопрос заключается в том, где провести значимую грань при объединении нескольких горизонтов в один археологический комплекс.

При рассмотрении археологической культуры как устойчивого сочетания типов объектов важное значение имеет предложение В. С. Бочкарева (*Бочкарев В. С.*, 1975) о различении культуры как сочетания типов разных категорий и фракции как сочетания типов в пределах одной категории (*Массон В. М.*, 1974а; 1976). Тип или стиль (ware) расписной керамики явно относится к категории фракции и одного его недостаточно для обоснования выделения археологической культуры. На юге Средней Азии качественная смена типов разных категорий происходит как раз после джейтунской культуры эпохи неолита, предшествующей энеолитическим комплексам. Видимо, начиная с этого времени с полным основанием можно говорить о существовании особой, анауской, археологической культуры, прошедшей в своем развитии несколько стадий или периодов. Различия между ними нашли особенно яркое отражение в керамических наборах, на основании которых и были эмпирически выделены комплексы Анау IA, Намазга I, II и III. На определенных этапах развития анауской культуры могут быть выделены и территориальные, или локальные, варианты. С формированием и развитием комплек-

сов эпохи бронзы типа Намазга IV, V и VI, вероятно, следует говорить о сложении новой культуры, также проходящей закономерные стадии развития, которую по наиболее изученному памятнику можно именовать культурой Алтындепе.

При разработке типологии археологических объектов среднеазиатского энеолита наибольшее значение имеют вопросы типологии керамики, украшенной росписью и наиболее чутко отражающей временные и территориальные изменения. В ходе работ по изучению энеолитических поселений в 1955—1963 гг. была предложена унификация терминологии, связанной с формами сосудов, а в «Сводах археологических источников», посвященных этим поселениям, осуществлены разработки типологии орнаментальных схем или типов композиций (*Массон В. М.*, 1962в; *Сарианиди В. И.*, 1965а; *Хлопин И. Н.*, 1963а; 1969). Дальнейшие работы по типологии последних проведены Л. Б. Кирчо, предложившей использовать основой для классификации видов орнаментальных композиций законы симметрии (*Кирчо Л. Б.*, 1976). Предлагаемый ниже опыт единой терминологии форм сосудов энеолитической эпохи и типологии орнаментальных схем осуществлен автором совместно с Л. Б. Кирчо (табл. II, III).

При выделении классов форм сосудов учитывались в первую очередь основные объемы, исключая формы подставок, ножек и поддонов. К первому классу были отнесены сосуды, форма которых в основном может быть сведена к одному конусу или одному цилиндру. В пределах этого класса выделены миски и чаши. Общим показателем пропорций мисок является отношение высоты к диаметру в пределах до 0,5. В числе форм этих пропорций выделяются группы конических, полусферических, сферических, биконических и цилиндрических мисок. Чаши или кубки определяются отношением высоты к диаметру в пределах более 0,5 и делятся на те же группы, что и миски. Ко второму классу отнесены сосуды, форма которых может быть сведена к сочетанию двух конусов или конуса и цилиндра. Это класс горшков. У сосудов этого класса отношение высоты к наибольшему диаметру составляет больше 1, а подразделяются они на те же группы, что миски и чаши. Наконец, в третий класс объединены сосуды, форма которых сочетает три элемента, например три конуса или два конуса и цилиндр. Сосуды этого класса, названные кувшинами, в энеолитических комплексах Средней Азии практически не встречаются.

При классификации композиционных схем орнамента (табл. IV) были использованы такие понятия, как сетка, бордюр, двусторонний и односторонний орнамент. Бордюры имеют одну ось переноса мотива — горизонтальную, тогда как у сетки две оси — горизонтальная и вертикальная. Двусторонний орнамент — двухцветный, при соответствующем замещении закрашенных участков просветами композиция своего вида не меняет (простейший пример — «шахматная доска»). В генетическом аспекте само появление двусторонних орнаментов могло быть связано лишь с двусторонними поверхностями, например тканями, циновками и т. д., хотя, возникнув, такой орнамент мог наноситься на любые плоскости. Вопросы классификации элементов орнамента, соотношения таких элементов и мотивов с композиционной схемой слабо разработаны. Их решение, безусловно, является одной из важных задач дальнейших изысканий по методике анализа расписной керамики. Пока такие элементы выделяются в основном описательно и какая-либо единая система отсутствует.

Следующей категорией находок, представленных на энеолитических памятниках, являются терракотовые фигурки, воспроизводящие людей. Они делятся по основной позе — статуарному типу (*Массон В. М., Сарианиди В. И.*, 1973, с. 9—17). Для энеолитических комплексов могут быть намечены четыре статуарных типа терракот (табл. V). Первый тип — изображения стоящих женщин с подчеркнутой стеатопигией. Он представлен двумя вариантами. В первом варианте воспроизводятся полная грудь и руки, во втором эти части тела не изображаются. Второй статуарный тип передает пышнотелых сидящих женщин, причем здесь также наблюдаются два основных варианта: в одном изображаются руки, во втором — только груди, в которые как бы переходят плечи. Третий тип — это небольшие изящные статуэтки, воспроизводящие женщин с тонкой талией и длинными ногами в сидячей позе. Два основных варианта третьего типа также характеризуются наличием или отсутствием рук и грудей, но есть и переходные формы. Наконец, статуэтки четвертого типа изображают мужчин в двух основных позах — стоящими и сидящими. Число целых фигурок ограниченно, что затрудняет порой отнесение к тому или иному типу отдельно найденных головок. Все эти терракоты при некоторых вариациях в целом отличают достаточно тщательное исполнение и проработка деталей, предусмотренных каноническим типом. Схематические, наспех вылепленные фигурки из глины с расширяющимся коническим основанием называются антропоморфными статуэтками. В наиболее тщательном исполнении они воспроизводят человеческую фигурку с распростертыми руками (*Кожин П. М., Сарианиди В. И.*, 1968; *Массон В. М., Сарианиди В. И.*, 1973, с. 44).

Довольно массовой категорией находок на энеолитических памятниках являются терракотовые пряслица со сквозным отверстием, представленные двумя основными типами — полушаровидной формы и усеченно-конические, иногда с подкошенным основанием. Изделия с несквозным отверстием, функционально, видимо, аналогичного назначения, именуются навершиями и имеют форму шарика, усеченного конуса разных пропорций или биконическую.

Типология поселений (табл. VI) может быть построена на абсолютных размерах площади, поскольку их план в основном аморфен, что отражает стихийный характер застройки и роста поселка. Преобладают овальные в плане поселения, есть удлиненно-овальные или представляющие собой в плане комбинацию таких овалов. По площади выделяются три типа (I—III) энеолитических поселений: от 0,1 до 2 га, от 4 до 12 и свыше 20 га.

Типология строений может быть осуществлена на основании такого их признака, как планировка, функциональное же назначение устанавливается по отделке интерьера, размерам, составу находок, на-

личию очагов. Площадь строений в какой-то мере зависит от размеров самого поселения. Так, отмечается их очень небольшая площадь на маленьком поселении Дашлыджидепе. В целом выделяются два основных типа строений — однокомнатные и многокомнатные. Последними можно считать такие, в которых основные оси и конструктивные приемы указывают на их постройку изначально именно как сложных комплексов из нескольких помещений. Однокомнатные строения делятся на два основных подтипа: прямоугольные или подквадратные и овальные или круглые в плане. В качестве одного из вариантов первых специфической отделкой интерьера и специфическими очагами-жертвенниками выделяются культовые строения (*Хлопин И. Н.*, 1964а, с. 78—79). Многокомнатные комплексы в большинстве случаев вскрыты не полностью, что затрудняет их более детальную классификацию.

Металлические изделия (табл. VII, VIII) с энеолитических памятников в целом, если не считать невыразительных обломков, довольно немногочисленны и типологизированы Е. Е. Кузьминой (*Кузьмина Е. Е.*, 1966).

Погребения встречаются одиночные и коллективные. При общем скорченном положении погребенного ориентация и положение рук варьируют, но эти два показателя не дают устойчивых сочетаний. При анализе погребального инвентаря важно выделение так называемого стандартного набора (*Алекшин В. А.*, 1977, с. 2), характеризующего тот средний минимум сохранившихся объектов, который типичен для определенной культурной общности.

Следующей категорией находок является каменный инвентарь. Он включает сравнительно немногочисленные кремневые пластины, наконечники стрел, а также каменные мотыги, тесла и кольца-утяжелители для палок-копалок (табл. IX).

Перейдем к более подробной характеристике энеолитических памятников Средней Азии, исходя из принятой в литературе трехчленной их периодизации и учитывая названные выше обстоятельства.

Глава вторая
Памятники раннего энеолита

По разработанной системе периодизации, в Средней Азии к периоду раннего энеолита относятся комплексы типа Анау IA и Намазга I или, по системе Р. Пампелли, Анау IБ, отражающие два последовательных этапа развития анауской культуры. Наиболее ранний из них — комплекс Анау IA — долгое время был известен только по раскопкам северного холма Анау (*Pumpelly R.*, 1908) и в соответствующем выпуске «Свода археологических источников» характеризовался лишь на основании этих весьма ограниченных материалов (*Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 7). Однако последующие раскопки и публикации ранее полученных коллекций частично изменили это положение. Сейчас материалы типа Анау IA получили достаточно полное освещение в двух работах О. К. Бердыева (*Бердыев О. К.*, 1974; 1976).

Для комплекса Анау IA (табл. X) как устойчивого сочетания различных типов характерны: небольшие поселения первого типа, однокомнатные и многокомнатные строения из сырцового кирпича размерами 40—50×20×8—10 см, конические терракотовые пряслица, медные двулезвийные ножи и четырехгранные в сечении шилья-проколки, керамика стиля Анау IA с одноцветной темно-коричневой росписью по красному или красновато-желтому фону, полусферическая чаша как ведущая форма и использование в орнаментальной композиции преимущественно односторонних бордюров типов 5В и 6.

Стратиграфическое положение комплексов типа Анау IA определяется достаточно четко. На северном холме Анау соответствующие напластования в раскопках Р. Пампелли составляли 3,1—4,2 м, а в шурфе 1953 г.— около 3,5 м, причем в последнем, судя по опубликованному разрезу, можно выделить четыре (или пять) строительных горизонта (*Ершов С. А.*, 1956б, с. 27). Во всех случаях раскопок на северном холме Анау комплекс Анау IA был перекрыт слоями с керамикой типа Анау IБ или Намазга I. Последующие разведочные раскопки на Овадандепе, Гавычдепе и поселении у Каушута подтвердили такую стратиграфию — повсюду слои с керамикой типа Анау IA залегали непосредственно под наслоениями типа Намазга I. На поселении у Каушута мощность таких слоев составляла 3,50 м (*Бердыев О. К.*, 1972б), а на поселении Чакмаклыдепе, содержащем лишь материал типа Анау IA,— 2,85 м с выделением пяти строительных горизонтов (*Бердыев О. К.*, 1968а; 1968б). На Монджуклыдепе при разведочной шурфовке было пройдено 6,7 м, причем внизу оказались материалы неолитической джейтунской культуры, а верхние три метра, ориентировочно соответствующие четырем строительным горизонтам, дали комплекс типа Анау IA (*Бердыев О. К.*, 1972а; 1976, с. 38). Таким образом, комплексы типа Анау IA стратиграфически подстилаются джейтунскими материалами и перекрываются комплексами типа Намазга I. Мощность слоев типа Анау IA колеблется от 3 до 4 м. По имеющимся материалам какие-либо изменения в материальной культуре на протяжении существования комплекса трудноуловимы; во всяком случае, стратиграфический раскоп, заложенный О. К. Бердыевым на Чакмаклыдепе, не дал в этом отношении сколько-нибудь четких критериев.

Территориально памятники типа Анау IA делятся на две группы — западную и восточную, различия в материальной культуре которых довольно заметны. Для западных памятников характерна роспись темно-коричневым или черным по красному фону, для восточных основным является красновато-желтый или светлый фон. Специфическая особенность расписной керамики западных памятников проявляется в использовании в росписи мотива ромба, образованного полосами, с внутренним сетчатым заполнением и композиции, представляющей собой сетку из бордюров типа 6. В восточной группе памятников роспись представлена лишь орнаментами, развивающимися в одном направлении,— по горизонтали, т. е. бордюрами. Вместе с тем определенное единство керамических материалов этих двух групп памятников проявляется в использовании одной и той же ведущей формы (полусферической чаши), в двух одинаковых композициях (типы 5В и 6) и в одинаковых исходных элементах орнамента, основанных на фигурах с сетчатым заполнением. В целом данных для постановки вопроса о существовании в анауской культуре времени Анау IA двух локальных вариантов еще недостаточно, но территориальное деление памятников на две группы прослеживается весьма четко.

К западной группе памятников относятся северный холм Анау, Овадандепе, Гавычдепе, поселение у Каушута и поселение на 73-м км дороги Ашхабад — Бахарден. На северном холме Анау в шурфе 1953 г. слои с керамикой типа Анау IA залегали с XVIII по XII ярус, причем полы и стены некоторых пройденных шурфом сырцовых строений были окрашены в темно-красный цвет. Керамика памятника представлена в основном фрагментами полусферических чаш, как крупных, так и более мелких. Донца их в большинстве случаев плоские и лишь иногда вогнуты. В тесто добавлен мелкий песок, обжиг равномерный, черепок плотный. Сосуды покрыты красным ангобом, а иногда и залощены. Из композиций росписи особенно характерна сетка, образованная сдвоенными бордюрами типа 6, выше которой идет бордюр из соединенных вершинами небольших контурных треугольников. Встречены при раскопках и терракотовые пряслица, в основном

усеченно-конические. В слоях времени Анау IA на поселении Овадандепе, расположенном в дельтовой части ручья Карасу, расчищены остатки дома, пол и стены которого были покрыты красной краской. Материк здесь представлен перемежающимися прослойками желтоватого песка и темной илистой глины, что указывает на периодическое подтопление местности, видимо, в пору паводков. Помимо керамики с росписью по красному фону, характерной для западной группы памятников, найдены конические пряслица иногда с несложным орнаментом, сделанным палочкой. Аналогичные находки происходят и с Гавычдепе, где, правда, коллекция расписной керамики особенно разнообразна и включает чаши сферической формы. Слои с керамикой типа Анау IA там, как и в Анау, и на Овадандепе, лежат на материке. Ту же картину мы наблюдаем и на двух других памятниках западной группы — на поселении у 73-го км дороги Ашхабад — Бахарден и на поселении близ Каушута. На первом обнаружено детское погребение с восточной ориентировкой, а среди основной массы расписной керамики типа Анау IA выделено несколько черепков из тонкоотмученной глины с примесью дресвы, орнаментированных насечками. По облику и фактуре это типичная керамика прикаспийского неолита; ее присутствие на данном памятнике указывает на стык двух культурно-хозяйственных зон. Каушутское поселение, помимо расписной керамики и орнаментированных конических пряслиц, дало находки медных изделий. В их числе выделяется шило или крупная проколка с овальным в сечении рабочим краем и уплощенной рукояткой, весьма удобной для удержания в руке и, возможно, не требовавшей дополнительной обкладки из дерева или кости (*Терехова Н. Н.*, 1975а; 1975б). Орудие отлито в открытой форме и доработано ковкой. Итак, все перечисленные поселения западной группы исследованы шурфами и, как правило, не дают четкой стратиграфии по строительным горизонтам. Тем не менее полученная на них коллекция керамики и некоторых других находок достаточно выразительна и в целом образует устойчивый комплекс.

Более обширна соответствующая информация для памятников восточной группы. В их число входят два всхолмления Монджуклыдепе (I и II), расположенные неподалеку от крупнейшего памятника ранних земледельцев Южной Туркмении — Алтындепе, и поселение Чакмаклыдепе, находящееся в нескольких километрах к юго-востоку от двух первых. На Монджуклыдепе и Чакмаклыдепе изучена стратиграфия, оба памятника полностью раскопаны на уровне верхних строительных горизонтов. Всего же мощность слоев типа Анау IA на Монджуклыдепе достигает 3 м, а на Чакмаклыдепе — 2,85 м. Однако керамический комплекс верхнего слоя последнего памятника по сравнению с керамикой верхнего слоя Монджуклыдепе производит впечатление более позднего, где традиционные орнаментальные композиции отмечены чертами небрежности и упрощенности. Вероятно, верхний горизонт Чакмаклыдепе чуть позднее комплекса, представленного верхним горизонтом Монджуклыдепе. Именно в керамике Монджуклыдепе встречаются мотивы, характерные для посуды позднего этапа джейтунской культуры, что подчеркивал и О. К. Бердыев (*Бердыев О. К.*, 1974, с. 37). По типологии джейтунских орнаментов (*Массон В. М.*, 1971в, с. 55) на керамике Монджуклыдепе выделяются такие орнаменты, как «лесенка», вертикально-полосчатый, горизонтально-полосчатый, силуэтные треугольники. Г. Ф. Коробкова комплекс нижних слоев Монджуклыдепе отнесла к среднему этапу джейтунской культуры (*Коробкова Г. Ф.*, 1969, с. 59). Все эти данные позволяют заключить, что поселение времени Анау IA появилось здесь на руинах среднеджейтунского поселка и, судя по аналогиям в росписи, существовало на протяжении позднеджейтунского этапа. Верхний горизонт Чакмаклыдепе, не дающий таких аналогий, может быть отнесен уже к постджейтунскому времени. В этой связи кажется малоубедительным обратное заключение О. К. Бердыева о том, что Чакмаклыдепе представляет ранний этап комплекса Анау IA, а Монджуклыдепе — соответственно поздний (*Бердыев О. К.*, 1976, с. 47—48).

Архаика Монджуклыдепе заметна уже при анализе его планировки. Приблизительно в центре древнего поселения проходила улица шириной около 2 м, разделявшая его на две половины (табл. X, 33). Однако хаотично расположенные по обеим сторонам улицы строения как бы продолжали традиции джейтунских поселений с их стихийной застройкой. Вдоль улицы стояли два подквадратных в плане дома, своими очагами, хозяйственными отсеками и суфами напоминающие однокомнатные дома джейтунского неолита (*Бердыев О. К.*, 1972а, с. 15). Новыми деталями этого типа домов являются два внутренних выступа, делящих внутреннее пространство на две части. Дальнейшим развитием подобного типа домов стал прямоугольный удлиненный дом, также разделенный на две части внутренними выступами. Таких домов на Монджуклыдепе насчитывается пять или шесть. Судя по размерам и наличию в них очагов, это были жилые строения. Вместе с примыкающими к ним более мелкими подсобными строениями они создают впечатление формирующихся многокомнатных массивов. При раскопках Монджуклыдепе обнаружено семь скорченных погребений, частично имеющих следы посыпки охрой. Двое погребенных ориентированы головой на северо-запад, остальные — на север, северо-восток, север — северо-запад.

Керамический комплекс Монджуклыдепе, в целом не очень значительный, характеризуется в основном тонкостенными сосудами с примесью в тесте песка и поверхностью, покрытой красновато-желтым, красным или светлым ангобом, по которому темно-бурой или темно-коричневой краской нанесена роспись. Иногда встречается лощение. Преобладают полусферические чаши, есть также небольшие конические миски и горшки. Несмотря на значительный объем работ, количество керамики невелико, а целые сосуды вообще отсутствуют. Среди орнаментальных композиций ведущими являются бордюры из треугольников, расположенных «вразбежку» (тип 6), и треугольников, соединенных вершинами, с ромбовидными просветами между ними (тип 5В). В нижней части сосудов отмечена вертикально-полосчатая роспись. Характерными элементами орнамента являются треугольники, полосы и в меньшей мере — ром-

бовидные фигуры с сетчатым заполнением. В ряде случаев роспись нанесена как снаружи, так и внутри сосудов. Из терракотовых изделий отметим фигурку животного, маловыразительную часть женской статуэтки и фишку для игры с полусферическим навершием. Особенно многочисленны терракотовые пряслица, как правило, усеченно-конической формы. Среди изделий из камня, помимо весьма многочисленных терок, пестов и ступок, имеются подпятники, гиреобразные изделия и кольца, обычно определяемые как утяжелители палок-копалок. Для кремневого инвентаря характерна микролитоидность, сочетающаяся с отсутствием геометрических микролитов. Скалывание производилось с микронуклеусов, имеющих круговое огранение (*Коробкова Г. Ф.*, 1969, с. 45). Есть кремневые сверла и скребки, но преобладают микропластины, обычно обработанные мелкой противолежащей ретушью. В качестве сырья использовались кремень белого цвета и халцедон. На Монджуклыдепе сравнительно много медных изделий. В основном это шилья и четырехгранные орудия с заостренным концом. Найден также обломок двулезвийного ножа. Из украшений отметим обломок глиняного кольца, каменную пластинку с отверстиями для крепления или продевания ремешка и лазуритовую пластинку — едва ли не древнейшее свидетельство использования этого бадахшанского минерала, приобретшего в IV—II тысячелетиях до н. э. на Древнем Востоке особую популярность.

Поселение Чакмаклыдепе на уровне верхнего строительного горизонта также было разделено на две части центральной улицей, но расположенные по ее сторонам строения имели отчетливую тенденцию к объединению в многокомнатные массивы, связанные общими стенами, единством осей и, видимо, возводившиеся именно как многокомнатные дома. О. К. Бердыев выделяет четыре таких массива (или комплекса), а в качестве их составляющей — небольшие комнаты с угловыми очагами (*Бердыев О. К.*, 1968а, с. 27—30). Особое положение занимает строительный комплекс, бывший центральным на поселении. Его ядро образует подквадратный в плане двухкомнатный дом, в котором пол и стены одного из продолговатых помещений были окрашены в черный цвет. В этом помещении мы видим два противолежащих выступа, подобных отмеченным в удлиненных жилых домах Монджуклыдепе. Вполне вероятно, что перед нами общинное святилище, повторяющее своей планировкой тип традиционного жилого дома. В целом же наличие многокомнатных массивов делает планировку Чакмаклыдепе более регулярной и совершенной по сравнению с Монджуклыдепе.

Производившиеся в стратиграфическом раскопе подсчеты керамики показали, что расписная посуда составляет здесь 20—25% от общего числа обнаруженных фрагментов. Ведущей формой является полусферическая чаша, а в композициях росписи преобладают те же два основных типа бордюров, что и на Монджуклыдепе. Однако роспись более упрощенная и небрежная: наряду с сетчатым заполнением треугольников относительно широко распространяется и заполнение просто параллельными линиями. Среди других керамических изделий отметим конические пряслица, иногда украшенные росписью, фигурки животных и плоские диски с отверстием в центре. В числе каменных орудий, помимо терок, ступок и гиревидных изделий, выделяются два превосходно сделанных массивных наконечника мотыг. Найдены также обломки медных шильев и сравнительно крупный медный наконечник дротика. Вместе с тем количество кремневых орудий в верхнем горизонте Чакмаклыдепе по сравнению с верхним горизонтом Монджуклыдепе весьма невелико, что может служить дополнительным указанием на его более позднюю датировку.

Происхождение достаточно яркого и бесспорно энеолитического комплекса Анау IA довольно сложно. Начиная с Д. Мак Кауна, синхронизировавшего его с Сиалком II (*Mc. Cown D. E.*, 1942, p. 5), почти все исследователи в той или иной мере связывали его происхождение с Ираном (*Хлопин И. Н.*, 1960а, с. 191; *Сарианиди В. И.*, 1967, с. 16—17; *Бердыев О. К.*, 1968а, с. 16—17; 1976, с. 17—19; *Коробкова Г. Ф.*, 1969, с. 48). Изучение в восточной группе ряда стратифицированных памятников, расположенных к тому же в непосредственной близости от поселения местной неолитической культуры Чагыллыдепе, позволяет достаточно всесторонне рассмотреть этот вопрос. Выше уже приводились основания для того, чтобы считать комплексы типа Анау IA сосуществующими в этом районе с позднеджейтунскими памятниками. Дополнительным аргументом в пользу справедливости подобного заключения является нахождение в четвертом слое (второй снизу строительный горизонт) Чакмаклыдепе черепка типичной позднеджейтунской керамики (*Бердыев О. К.*, 1968а, с. 17). Сопоставление отдельных составных элементов комплексов Анау IA и джейтунского позволяет наметить как определенные местные традиции, так и инновации, столь заметные в этих археологических материалах (табл. 1).

Прежде всего обращают на себя внимание явления, связанные с инновациями технологического плана. Это — применение в домостроительстве прямоугольного сырцового кирпича, введение металлургии, использование в керамическом производстве в качестве отощителя песка вместо рубленой соломы, новая кремневая индустрия, новые виды орудий труда, появление пряслиц и каменных мотыг. Поскольку в данном случае речь идет о развитии технологии, можно было бы заключить, что перед нами результат естественной эволюции местного общества, могущего, правда, использовать и уже сложившиеся технологические приемы путем прямого заимствования. Однако заметные инновации наблюдаются и в сфере культуры. Так, весьма показательна полная смена (по сравнению с джейтунским периодом) кремневой индустрии, рассматриваемой как устойчивое сочетание типов изделий, типов заготовок и типов обработки (*Коробкова Г. Ф.*, 1975, с. 9). В комплексе Анау IA наблюдаются изменения по всем трем составляющим кремневой индустрии, что явно указывает на иную культурную традицию. О культурных инновациях свидетельствует и распространение новых композиций росписи в виде бордюров типов 5В и 6 и элементов орнамента. Показатели культурной традиционности, которые могут быть возведены к джейтунскому культурному пласту, содержат общие для многих раннеземледельческих

Таблица 1. Комплекс Анау IA. Сочетание местных традиций и инноваций

Категория объектов		Неолитические традиции	Инновации
Дома	Техника домостроительства	–	+
	Подквадратные дома	+	–
	Удлиненные дома	–	+
	Окраска интерьера	+	–
Погребения	Скорченное положение	+	–
	Посыпка охрой	+	–
	Ориентировка	+	–
Керамика	Технология	Примесь самана	Примесь песка
	Типы форм	–	+
	Орнаментальные композиции	–	+
	Элементы орнамента	25%	75%
Керамические изделия	Статуэтки людей	+	–
	Статуэтки животных	+	–
	Фишки для игры	+	–
	Пряслица	–	+
Кремневая индустрия	Типы заготовок	–	+
	Типы со вторичной обработкой	–	+
	Типы изделий	–	+
Каменные орудия	Зернотерки	+	–
	Ступки	+	–
	Ядра для пращи	+	–
Медные изделия		–	+

культур элементы (мелкая пластика, фишки для игры, ступки, терки, охра в погребениях) и признаки, более тесно связываемые с традициями джейтунской культуры как специфической археологической общности (типы домов, элементы орнаментации керамики).

Для анализа причин отмеченных нововведений немалое значение имеют данные погребений как источника, чутко реагирующего на этнические изменения и дающего материал для антропологической характеристики древнего населения. Погребальный ритуал джейтунских захоронений и погребений времени Анау IA в принципе одинаков: умершие помещались в скорченном положении на боку, тела их посыпались охрой, погребения совершались на территории поселка. Для обоих археологических комплексов показательна неустойчивая ориентировка — преимущественно головой на север, северо-восток и северо-запад, но есть и на юго-запад. Антропологический состав населения Монджуклыдепе по данным погребений в известной мере напоминает картину, устанавливаемую по сочетанию в комплексе Анау IA местных традиций и сторонних инноваций. Наряду с типичными для раннеземледельческих культур Ирана и Средней Азии черепами, относимыми к вариантам восточносредиземноморского европеоидного типа (*Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.*, 1959; *Трофимова Т. А.*, 1961), здесь представлен череп, обнаруживающий дравидоидные черты, свойственные населению экваториального типа Южной Индии (*Трофимова Т. А.*, 1964, 1968; *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.*, 1972, с. 44—46). Таким образом, данные антропологии говорят о возможном появлении нового населения, что позволяет объяснять отмеченные выше культурные инновации переселением племенных групп, бывших, в частности, и носителями новой технологии. Элементы, восходящие к местной неолитической традиции, скорее всего отражают сложный характер процессов ассимиляции, когда, например, местное население, инкорпорированное пришельцами в систему своих родовых общин, могло сохранять культурные традиции в росписи керамики.

Остается последний вопрос — об источнике инноваций, а иными словами,— о направлении переселения племенных групп, отмечаемого по данным археологии. Имеющиеся аналогии в расписной керамике указывают на районы Северного и Центрального Ирана, где существовала местная рудная база и рано началось изготовление медных орудий. К сожалению, иранские материалы представлены в основном расписной керамикой, а сколько-нибудь подробные публикации, за исключением Сиалка, отсутствуют. Действительно, некоторые орнаменты Анау IA находят прямые аналогии не только в слое Сиалк II, как заметил Д. Мак Каун (*Mc. Cown D. E.*, 1942, p. 5), но и в слое Сиалк I (*Массон В. М.*, 1959а, с. 319). И. Н. Хлопин обратил внимание, что сходные мотивы имеются и на керамике поселения Шири-Шайне, расположенного неподалеку от Гиссара (*Хлопин И. Н.*, 1961, с. 165). В. И. Сарианиди, отмечая возможность аналогий и на ряде других памятников близ Тегерана, предложил считать, что именно из этого района шло расселение племен в западный район памятников типа Анау IA, тогда как восточная их группа, в частности Монджуклыдепе, отражает влияния Сиалка и косвенно Хассуны (*Сарианиди В. И.*, 1970, с. 24). К сожалению, иранские материалы сами по себе и их публикации в особенности еще недостаточны для детализированных сопоставлений. Нужно осторожнее говорить об области Центрального Ирана как центре расселения племен, принесших на юг Средней Азии целый ряд технологических и культурных инноваций. Таков генезис археологического комплекса, стоящего у истоков развития богатой энеолитической культуры ранних земледельцев и скотоводов Южного Туркменистана.

Следующий этап развития анауской культуры получил в специальной литературе наименование Анау IБ или Намазга I. Памятникам этого типа была посвящена сводная работа И. Н. Хлопина (*Хлопин И. Н.*, 1963а). Со времени ее выхода в свет количество новых данных увеличилось незначительно. Были опубликованы сведения о наличии слоев времени Намазга I на целом ряде памятников (*Бердыев О. К.*, 1972б; 1976); слои этого времени вскрыты в разведочном шурфе на поселении Алтындепе (*Массон В. М.*, 1977б).

Для комплекса Намазга I как устойчивого сочетания различных типов характерны: поселения первого и второго типов, однокомнатные и многокомнатные строения из сырцового кирпича размерами 45—48×20—24×10 см, терракотовые пряслица конической формы, обычно орнаментированные насечками, навершия шаровидной формы, медные булавки с выделенной головкой, терракотовые статуэтки первого типа, изображающие стоящих женщин, и керами-

ка стиля Намазга I. Последняя характеризуется значительной примесью в глине самана (особенно толстостенные сосуды) и монохромной темно-коричневой росписью по красному или зеленовато-белому фону. Это крупные горшки сферической формы, в литературе иногда именуемые корчагами, чаши полусферической формы с вогнутым донцем или на невысоком поддоне, конические чаши и миски. Роспись носит преимущественно геометрический характер: силуэтный треугольник является ведущим элементом орнамента, а композиция типа 16, представляющая собой сетку, образованную такими треугольниками,— наиболее распространенной орнаментальной схемой.

Стратиграфическое положение комплекса Намазга I наиболее четко фиксируется на северном холме Анау, где комплекс типа Намазга I подстилается материалами типа Анау IA и перекрывается наслоениями с материалом типа Намазга II. Мощность культурных слоев с материалами типа Намазга I на Анау, по данным американской экспедиции, составляет 11,2—11,9 м, а по данным С. А. Ершова,— около 10 м. Комплекс типа Намазга I подстилается слоями типа Анау IA также на Каушутском поселении и Овадандепе, а перекрывается слоями типа Намазга II на целом ряде памятников (Тилькиндепе, Акдепе, Карадепе, Намазгадепе, Алтындепе, Илгынлыдепе, Серахское поселение, Геоксюр 1). Мощность культурных слоев времени Намазга I достигает столь значительной величины лишь на Анау. На Карадепе, Намазгадепе и Яссыдепе она равна 7—7,5 м. На Алтындепе соответствующие напластования составляют всего 5 м, но следует учитывать, что в данном случае шурф прорезал в основном подошву холма со слоями смыва и без каких-либо строительных остатков. В Геоксюрском оазисе слои времени Намазга I составляют около 2 м и насчитывают три строительных горизонта (Геоксюр 1, Дашлыджидепе), что отражает освоение этого района лишь на поздних этапах существования комплекса типа Намазга I.

Несмотря на такую мощность культурных напластований, явно соответствующую значительному времени существования этого комплекса, его развитие и внутреннее хронологическое членение остаются практически неизученными. На материалах шурфа Карадепе было предложено выделение трех этапов. Для первого из них (XVI—XVII ярусы) характерно преобладание керамики с росписью по красному фону, для второго (XIX—XXII ярусы) — росписи по зеленовато-белому фону, а для третьего (нижние слои, соответствующие ярусам XIX—XXII) — вновь краснофоновой керамики (*Массон В. М*., 1960б, с. 324—326). Эта общая тенденция находит подтверждение в материалах раскопа 6 на том же памятнике, где в более раннем слое 3 намечается некоторое увеличение числа светлофоновой посуды (*Хлопин И. Н*., 1963а, с. 12). Ту же картину можно наблюдать и на Алтындепе, где в шурфе на раскопе 11 количество светлофоновой керамики постепенно возрастает по мере углубления (*Массон В. М*., 1977б, с. 177). Однако эти наблюдения общего порядка пока не могут быть подкреплены и дополнены сведениями об изменении мотивов и композиций росписи сосудов, что объясняется в первую очередь ограниченностью материалов, происходящих из шурфов небольшой площади. Практически хорошо выделен лишь поздний этап Намазга I, чему способствовало изучение полностью раскопанного И. Н. Хлопиным поселения Дашлыджидепе, относящегося как раз к завершающим фазам развития всего комплекса (*Хлопин И. Н*., 1961).

В настоящее время известно около 30 памятников, содержащих материалы типа Намазга I, которые по территориальному признаку могут быть сгруппированы в три основных района — западный, центральный и восточный. Некоторые различия между районами, выделяемыми как территориальные, наблюдаются, несмотря на ограниченность имеющегося материала, и в области культуры, прежде всего в расписной керамике. По сравнению со временем существования комплекса Анау IA произведено более дробное членение района, именовавшегося при описании памятников типа Анау IA западным, на два — западный и центральный. Это вызвано увеличением конкретного материала, позволяющим такое более дробное районирование. И. Н. Хлопин предлагает выделять в особый, четвертый, район памятники Геоксюрского оазиса (*Хлопин И. Н*., 1963а, с. 6), но обычно они рассматриваются как подразделение восточного района (*Сарианиди В. И*., 1965б, с. 5).

Западный район охватывает территорию от Кызыл-Арвата до Анау включительно. Здесь насчитывается 10 памятников со слоями Намазга I (с запада на восток): Беурме, поселение на 73-м км дороги от Ашхабада, Каранткитокай (*Ганялин А. Ф*., 1953), Старая Ниса, Экиндепе (*Гинялин А. Ф*., 1956б), Дашлыджидепе, Овадандепе, Гавычдепе, Акдепе и северный холм Анау. Все это мелкие памятники — поселения первой группы. Видимо, население широко освоило почти все небольшие ручьи и реки этого района, но природные ресурсы не благоприятствовали формированию крупных населенных центров. Вместе с тем здесь отмечается непрерывное развитие — та же территория практически была освоена еще неолитическими земледельцами джейтунской культуры. На большинстве названных памятников произведены лишь зачистки, разведочные шурфовки или просто собран подъемный материал.

При раскопках на северном холме Анау применявшаяся американской экспедицией методика не позволила выявить сырцовые строения в сколько-нибудь значительных масштабах. Стена одного из зданий, вскрытого шурфом С. А. Ершова, была покрыта двухцветной росписью (*Ершов С. А*., 1956б), причем гамма (черная и красная краски) и мотивы орнаментации (шахматная сетка и треугольники) близки расписной керамике этого времени (табл. XI, *10, 11*). Возможно украшенное таким образом помещение имело особое назначение, являясь небольшим святилищем. Вместе с тем показательно, что последнее располагалось не в центре поселения, а на его окраине. Известно также, что поселение Овадандепе в один из периодов своего существования было окружено глинобитным валом.

На северном холме Анау обнаружено семь детских погребений, совершенных в скорченном положении на правом или левом боку с юго-восточной или

юго-западной ориентировкой (*Warner L.*, 1908). Стандартный набор погребального инвентаря включал бусы из белого камня, возможно, частично нашивавшиеся на одежду, бусы из бирюзы и сердолика, а также две просверленные раковины. Интересны находки в двух погребениях медных и свинцовых пронизок, но каменные бусы здесь отсутствовали. Одно детское погребение содержало лишь два керамических пряслица и кремневое острие. В культурных слоях Анау найдены костяные проколки, каменные зернотерки, ступки и массивные кольца для палок-копалок.

Отличительной особенностью расписной керамики западной группы памятников И. Н. Хлопин считает (*Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 16—17) такие композиции, как «шахматная доска» (тип 20) и ромбы, образованные пересекающимися лентами (тип 21 Б). Из элементов росписи достаточно специфичны пересекающиеся ленты (на крупных сосудах), пиловидные линии, линия с нанесенными на нее шариками («нитка бус») и подчеркивание ромбовидной композиции гребенчатыми линиями.

Материалы, характеризующие памятники типа Намазга I центрального района, более значительны. На Карадепе у Артыка слои этого времени зафиксированы в шурфе 1, в шурфах на раскопах 1, 2 и 5 и в раскопе 6, что позволяет сделать заключение о существовании здесь поселения эпохи раннего энеолита, занимавшего площадь более 10 га (*Массон В. М.*, 1960б, с. 323—326; *Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 10—12). На раскопе 6 вскрыто несколько строений. Так, на уровне второго строительного горизонта расчищена небольшая прямоугольная комната с полом, окрашенным черной краской. Пол и стены одного из углов комнаты были облицованы керамикой. Перед комнатой располагался двор, где находились крупный сосуд для хранения, врытый в пол, и две зернотерки. Ниже этого строительного горизонта на небольшом участке вскрыт еще один горизонт, где также было помещение с окрашенным полом, но на этот раз красной краской. В шурфе 1 мощность напластований с керамикой типа Намазга I составляла 7 м, но строительные горизонты ввиду небольшой площади шурфа выявлены не были. В ярусе XVI шурфа обнаружено детское погребение, совершенное в скорченном положении на левом боку, головой на юг — юго-запад. В области шейных позвонков находилось 38 бус, выточенных из красноватого известняка. В том же ярусе найдена статуэтка, изображающая стоящую женщину с подчеркнутой стеатопигией и украшенная росписью, нанесенной коричневой краской (табл. XI, *35*). Вокруг шеи проведена полоса, скорее всего передающая ожерелье или повязку. От нее по спине до талии спускаются две узкие полосы или ленты. Полная грудь, переданная двумя налепами, и покатые плечи, от которых вниз спускались руки, характеризуют этот подтип стоящих женских скульптур, присущих Намазга I. В ярусе XIX найдена часть второй фигурки, видимо, относящейся к тому же подтипу. Стеатопигия здесь еще более подчеркнута, а на ягодицах имеются насечки.

На Намазгадепе слои Намазга I (табл. XI, *37—47*) пройдены в шурфе 1 («шурф ЮТАКЭ») и в шурфе 5 («шурф в хаузе»). Строительные остатки в обоих шурфах не обнаружены (*Куфтин Б. А.*, 1954; 1956; *Массон В. М.*, 1956а). Судя по значительному расстоянию между этими шурфами, поселение на Намазгадепе в пору Намазга I занимало площадь не менее 10 га. В шурфе 5 найден торс женской фигурки (табл. XI, *43*), относящейся, судя по пышной груди и округлым плечам со следами обломанных рук, к тому же подтипу, что и статуэтки Карадепе.

Интереснейший комплекс времени Намазга I выявлен на Яссыдепе, расположенном в 9,5 км к северу—северо-западу от сел. Каахка (*Куфтин Б. А.*, 1956; *Ершов С. А.*, 1956а; *Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 13—14). Здесь во втором сверху строительном горизонте раскопан ряд строений. Видимо, это были жилые помещения с очагами и примыкавшие к ним хозяйственные дворики и подсобные строения. Выделяются два смежных помещения, в одном из которых располагался массивный очаг, а вдоль стен другого шла колоннада из деревянных столбов. Стены помещений были расписаны, причем геометрические мотивы (ромбы, треугольники) повторяли настенную роспись в Анау. Роспись (табл. XII, *1, 2*) производилась по светлому грунту черной и красной красками, а в одном случае была применена инкрустация из белых гипсовых вставок. На одной из стен полихромная роспись нанесена в несколько слоев, что указывает на длительное использование строений. Необычайно парадный интерьер этого дома позволяет видеть в нем святилище. В известной мере это строение на Яссыдепе напоминает двухкомнатный дом времени Анау IA на поселении Чакмаклыдепе с полом и стенами, окрашенными в черный цвет, который также предположительно трактуется как святилище. Возможно, одно или несколько подобных строений имелось на каждом раннеэнеолитическом поселении. Стенная роспись зафиксирована в слоях времени Намазга I при шурфовке небольшого поселения центральной группы Серманчадепе, расположенного близ станции Арман-Сагата (*Массон В. М.*, 1956б, с. 236). При раскопках Яссыдепе, помимо многочисленной расписной керамики и невыразительных обломков медных предметов, найдены: идольчик (табл. XII, *3*) в виде терракотового стержня с вырезанным на его вершине человеческим лицом, терракотовые пряслица конической формы (табл. XII, *4, 5*), костяные проколки, ядра для пращи из необожженной глины, каменные зернотерки, тесло и ступки. В центральной группе памятников керамика типа Намазга I обнаружена также на Гарадепе и на поселении у Каушута (*Бердыев О. К.*, 1972б).

В числе особенностей росписи керамики памятников центральной группы И. Н. Хлопин отмечает наличие орнаментальной композиции типа 9, одновременное использование в одной композиции силуэтных и контурных треугольников, появление изображений животных (*Хлопин И. Н.*, 1963а). К числу последних относятся линейно-схематические, но достаточно экспрессивные фигуры козлов с большими полукруглыми рогами с Намазгадепе и найденный на Карадепе черепок (табл. XI, 33) с силуэтным изображением передней части фигуры животного, похожего на лошадь или кулана. Поскольку костные остатки лошади на памятниках Южного Туркменистана вплоть до поздней бронзы отсутствуют, речь, вероятно, должна идти именно о кулане.

Рис. 1. Керамика Карадепе (*1—5, 7—9,*) Ялангачдепе (*6,10*) и Дашлыджидепе (*11—16*)

1, 3, 6, 7 — слой Кара 3; *2, 8, 10* — слой Кара 1А; *4, 5, 9* — слой Кара 2

Среди памятников восточной группы керамика типа Намазга I обнаружена на Улугдепе в перемещенном состоянии, на склонах древнего холма. На Илгынлыдепе слои с керамикой типа Намазга I пройдены на глубину 3,5 м в северном шурфе, но материк не был достигнут (*Ганялин А. Ф.*, 1959). На Алтындепе керамика типа Намазга I (табл. XII, *26—29*) обнаружена в слоях шурфа на раскопе 11, расположенном на восточном фасе поселения, а в перемещенном состоянии, но в значительном количестве — в шурфе 3 на западной его окраине. Это позволяет заключить, что в период Намазга I поселение Алтындепе представляло собой достаточно крупный центр (*Массон В. М.*, 1977б) и что оно может быть отнесено к числу памятников второго типа. В шурфе раскопа 11 в слоях с керамикой типа Намазга I какие-либо строительные остатки отсутствовали. В ярусах XVIII—XXIII шли мусорные отвалы, скопившиеся на склонах древнего поселения, нуклеарная часть которого оказалась вне пределов раскопа. Ярусы XXIV—XXVII в этом шурфе представляли собой горизонтальные натечные слои с бурыми известковыми включениями, кусочками угля и мелкими обломками керамики. Судя по характеру этих отложений, шурфом пройдена древняя подошва холма, образованного раннеэнеолитическим поселением на Алтындепе, которое осталось далеко за пределами данного шурфа. Материк, лишенный следов культурной деятельности человека, был достигнут на глубине 8,5 м от современной поверхности. Общая мощность культурных напластований времени Намазга I составила на Алтындепе 5 м, но, несомненно, в центре древнего поселения, где имеются остатки строений, она более значительна. Помимо глиняной посуды, среди находок из этого шурфа отметим плоский медный предмет неизвестного назначения и костяную проколку.

К восточной группе памятников относится и Серахское поселение, расположенное в пойме р. Теджен. В нижних его слоях, непосредственно на материковом аллювии, выявлены культурные слои с расписной керамикой типа Намазга I.

В Геоксюрском оазисе три строительных горизонта с керамикой типа Намазга I (табл. XII, *15—25*) вскрыты в основании шурфа на центральном поселении Геоксюр 1 (*Сарианиди В. И.*, 1960б). В перемещенном состоянии керамика этого типа обнаружена на Ялангачдепе (*Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 14—15). Косвенные соображения и отдельные фрагменты керамики позволяют говорить о наличии слоев времени Намазга I еще на трех памятниках оазиса — Акчадепе, Айнадепе и Геоксюр 7 (*Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 58, 63). Находки со всех перечисленных памятников ограничиваются обломками расписной керамики. Следующий памятник Геоксюрского оазиса — Дашлыджидепе — раскопан полностью на уровне трех строительных горизонтов и дал достаточно разнообразный материал (*Хлопин И. Н.*, 1961).

Постройки во всех строительных горизонтах Дашлыджидепе возведены из прямоугольного сырцового кирпича и в принципе однотипны (табл. XIII, *29*). Маленькое (около 1600 кв. м) и, видимо, бедное поселение не отличается высоким качеством своих сооружений, но среди лабиринта мелких и нередко косоугольных строений отчетливо заметна их концентрация в несколько хозяйственно-жилых комплексов. Центром такого комплекса был небольшой однокомнатный жилой дом площадью от 6 до 12 кв. м. Дверной проем имел невысокий порог. Иногда с внутренней стороны помещался подпяточный камень, свидетельствующий о существовании в прошлом навесных вращающихся дверей. Обычно слева от входа находился прямоугольный очаг, сооруженный из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Возле домика располагался небольшой двор с подсобными строениями и клетушками. Такие хозяйственно-жилые комплексы отмечены на Дашлыджидепе во всех трех строительных горизонтах, причем общее их число на поселении достигало шести—восьми. Один из однокомнатных домов выделяется из числа прочих своими размерами (28,5 кв. м) и окраской пола первоначально в красный, а затем в черный цвет. Показательно, что планировка и размеры этого строения сохраняются в двух строительных горизонтах. Возможно, это сооружение принадлежало семье главы общины, а также выполняло функции дома общих собраний — святилища (*Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 73).

Найденные на Дашлыджидепе две терракотовые фигурки (одна целая и одна фрагментированная) относятся ко второму подтипу статуэток, изображающих стоящих женщин и характерных для раннего энеолита (табл. XIII, *21*, *22*). В отличие от фигурок с Карадепе и Намазгадепе изображения рук и груди отсутствуют. Голова передана в условно-плоскостной манере, зато подчеркнуты пышные бедра, сплошь покрытые круглыми вдавлениями. Довольно многочисленны фигурки животных из необожженной глины, в основном весьма схематичные. В некоторых из них можно определить фигурки козлов и быков. Столь же обильны терракотовые пряслица, в большинстве своем усеченно-конические, орнаментированные насечками или защипами. Имеются также пряслица грушевидной и шаровидной форм и шаровидные навершия. Из необожженной глины сделаны антропоморфная фигурка и фишка для игры в виде удлиненного конуса, принадлежащая к числу изделий, традиция употребления которых восходит к неолитической джейтунской культуре (*Массон В. М.*, 1971в, с. 41—43). Найдены также костяные проколки и три медных предмета: фрагмент двулезвийного ножа, квадратное в сечении шило и биконическая головка миниатюрной булавки.

По синхронизации, предложенной И. Н. Хлопиным, третий строительный горизонт Дашлыджидепе соответствует ярусам XXVI—XXVII шурфа на Намазгадепе и частично ярусам XVIII—XX Карадепе (*Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 20, рис.4). Это в целом отвечает его положению наиболее позднего в свите слоев типа Намазга I и вместе с тем позволяет более обоснованно ставить вопрос о локальных отличиях, поскольку в данном случае сопоставляется материал синхронных памятников. Правда, в отличие от Карадепе посуда позднего Намазга I в Геоксюрском оазисе (рис. 1, *11—16*) имеет не красный, а зеленовато- или желтовато-белый фон, что, возможно, составляет одну из черт локального своеобразия. Весьма характерны для памятников восточной группы и орнаментальные композиции типов 10А, 17, 19Б. К числу локальных особенностей И. Н. Хлопин от-

посит также концентрические полуокружности на внутренней и внешней поверхностях сосудов открытого типа.

Таким образом, есть основания полагать, что между памятниками, выделенными в три территориальные группы, имеются некоторые отличия и в области культуры, главным образом в росписи керамики. Так, в западной группе найдены статуэтки первого подтипа первого статуарного типа, а в восточной — лишь второго подтипа. Правда, находки соответствующих скульптур пока единичны. Вместе с тем отмечаемые локальные особенности менее значительны, чем культурные различия между двумя территориальными группами памятников в пору Анау IA. В пору Намазга I в Южном Туркменистане, судя по расписной керамике, происходит своего рода культурная интеграция, складывается единый керамический стиль. Наблюдаемые же различия в целом невелики и выявляются лишь при детальном анализе. Все это заставляет обратить особое внимание на проблему происхождения комплекса Намазга I.

Поскольку на северном холме Анау, Овадандепе и поселении у Каушута слои времени Намазга I подстилаются комплексами типа Анау IA, естественно предполагать в данных случаях наличие генетических связей между ними. Действительно, формат сырцового кирпича, окраска полов в строениях специализированных функций, двухкомнатные дома Яссыдепе и Чакмаклыдепе свидетельствуют о тесной генетической связи комплексов Намазга I и Анау IA. Терракотовые конические пряслица, медные двулезвийные ножи и четырехгранные в сечении шилья-пробойники составляют другую группу объектов, объединяющих эти комплексы.

Сложнее обстоит дело с керамикой, на основании изучения которой и были в первую очередь выделены названные комплексы поры раннего энеолита. Посуда стиля Анау IA и стиля Намазга I различается уже на уровне технологии, поскольку в последней вновь получает распространение широко практиковавшийся в пору джейтунской неолитической культуры прием добавления в глину в качестве отощителя рубленой соломы. Весьма близки к джейтунской культуре в комплексе Намазга I и крупные горшки цилиндро-конической формы, предназначавшиеся для хранения припасов и обычно именующиеся в литературе хумами или корчагами. Многие авторы подчеркивали эту связь джейтунской керамики с керамическим комплексом Намазга I (*Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 21). Есть основания полагать, что за время существования комплексов Анау IA технологическая традиция, представленная джейтунским гончарством, не прерывалась и продолжалась на каких-то еще не открытых памятниках (*Бердыев О. К.*, 1976). Выше уже отмечалось, что на определенном этапе комплексы Анау IA и позднеджейтунские памятники сосуществовали. Во втором слое Чакмаклыдепе наряду с типичной для Анау IA посудой найдена толстостенная керамика с примесью в тесте крупного рубленого самана, сходная как по этому признаку, так и по зеленовато-белому цвету черепка с керамикой типа Намазга I (*Бердыев О. К.*, 1976, с. 36). Таким образом, керамика типа Намазга I сохраняет джейтунскую керамическую традицию. В этом отношении в значительной мере прав О. К. Бердыев, отмечавший, что культуру времени Намазга I можно рассматривать как соединение местных джейтунских традиций и инноваций, появившихся в Южном Туркменистане с формированием комплекса типа Анау IA (*Бердыев О. К.*, 1976, с. 21). Наряду с этим определенная преемственность между керамикой комплексов Намазга I и Анау IA может быть отмечена и в системах орнаментации. Так, композиционные решения типов 3Б, 5Б и 6, характерные для посуды Анау IA, в равной мере сохраняются и в пору Намазга I. Но это опять-таки характеризует лишь один из компонентов, вошедших в состав керамического комплекса Намазга I.

Основная же масса композиционных решений (типы 1, 2А, 2Б, 3А, 3Б, 5А, 5Б, 6, 8Б, 9, 10А, 10Б, 15А, 15Б, 16) и доминирующие типы (17, 20, 21) впервые появляются именно в комплексе Намазга I. Формально некоторые из этих композиций, как и элементы геометрических орнаментов, в частности контурный треугольник, имеют параллели в керамике хассунской культуры VI тысячелетия до н. э. Северной Месопотамии (ср.: *Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 25) и в посуде комплекса Хаджи-Фируз того же времени в Северо-Западном Иране (*Mellaart J.*, 1975). Однако эти параллели, как и аналогии женской терракотовой статуэтке с Дашлыджидепе в комплексах Элама (*Массон В. М.*, *Сарианиди В. И.*, 1973, с. 12), едва ли могут иметь отношение к проблеме генезиса комплекса типа Намазга I, в первую очередь ввиду хронологических расхождений. Вероятно, формирование нового стиля расписной керамики, имевшее место в Южном Туркменистане в пору Намазга I,— один из частных случаев явления, в целом обычного для культур расписной керамики, и далеко не всегда при этом следует искать обязательные прототипы росписи на соседних территориях. Новыми композиционными решениями в росписи керамики Намазга I являются шесть бордюров и девять сеток, причем среди первых имеется один двусторонний бордюр, а среди вторых — пять двусторонних сеток, включая и композицию 16, которая, как неоднократно подчеркивалось, присуща всем комплексам типа Намазга I, невзирая на принадлежность к той или иной территориальной группе. Между тем, как отмечалось выше, двусторонние композиции могли возникнуть лишь на двусторонних поверхностях — циновках, тканях и т. п. Очевидно, именно таков был один из основных источников композиционных решений энеолитических гончаров в пору формирования керамики стиля Намазга I. Таким образом, есть все основания рассматривать археологический комплекс Намазга I в целом именно как местный, среднеазиатский, формировавшийся на основе культурных традиций, представленных в Южном Туркменистане на раннеземледельческих памятниках неолитического времени и времени Анау IA.

Глава третья
Памятники среднего энеолита

По разработанной системе периодизации, в Средней Азии к среднему или, как его иногда называют, развитому энеолиту относятся комплексы времени Намазга II, значительно варьирующие в двух основных территориальных группах. Соответствующие материалы были выделены еще при раскопках северного холма Анау и получили наименование комплекса Анау II (*Pumpelly R.*, 1908). Это выделение было подтверждено стратиграфическими наблюдениями на Намазгадепе, где аналогичный комплекс назван Намазга II (*Куфтин Б. А.*, 1954; *Массон В. М.*, 1956б, с. 296, 298). В 1955—1962 гг. ЮТАКЭ АН Туркменской ССР совместно с ЛОИА АН СССР проводились специальные раскопки памятников среднего энеолита, причем особенно значительными были масштабы этих работ на Карадепе и в Геоксюрском оазисе (*Массон В. М.*, 1960а; 1960б; *Хлопин И. Н.*, 1964б; 1969). В последующие годы некоторые дополнительные шурфовки были произведены на Елендепе (*Щетенко А. Я.*, 1968а) и Алтындепе (*Массон В. М.*, 1977б).

Для среднеэнеолитического комплекса в целом характерны: поселения первого и второго типов, строения из сырцового кирпича форматом 47—48×23—25×10—12 и 40—42×23—25×10 см, одиночные захоронения преимущественно с южной ориентировкой, женские терракотовые статуэтки второго типа, терракотовые усеченно-конические пряслица, медные двулезвийные черешковые наконечники ножей или дротиков, сферические чаши, конические чаши и миски как ведущие формы, а также горшки с выделенным горлом и биконические миски, композиции росписи типов 10Б и 20 и геометрические фигуры (треугольники, квадраты, ромбы) с сетчатым или полосчатым заполнением как основные элементы орнамента. Эти признаки характеризуют среднеэнеолитические комплексы в целом, тогда как в западной группе памятников господствует керамика типа Намазга II, а в восточной — керамика ялангачского стиля, которые детальнее будут рассмотрены ниже.

Во всех случаях, когда производилось послойное изучение памятников, среднеэнеолитические комплексы были достаточно надежно стратифицированы (*Куфтин Б. А.*, 1954; *Массон В. М.*, 1960б; 1962г). В западной группе слои Анау II на эпонимном памятнике имели мощность около 5 м и повсюду подстилались раннеэнеолитическими отложениями. На Карадепе в шурфе 1 они подстилались комплексом типа Намазга I, перекрывались комплексом типа Намазга III и достигали толщины 3 м (ярусы VI—XI — по фиксации Б. А. Куфтина, ярусы X—XV — по нумерации, принятой при последующих работах). На том же памятнике в шурфе на раскопе 2 зафиксированы слои типа Намазга II мощностью 2 м (ярусы XIV—XVII), а на раскопе 1 выявлены шесть строительных горизонтов с материалами этого типа, получившие наименование Кара 2—7 и имевшие толщину около 5 м. На Намазгадепе комплекс Намазга II был выявлен в шурфах 1 (ярусы XVIII—XXII) и 5 (ярусы XIV—XIX), в целом составляя слои толщиной 2,5 м. Раскопки на другом памятнике западной группы — Елендепе — установили мощность соответствующих напластований в 6,5 м при наличии восьми строительных горизонтов.

В восточной группе памятников слои среднего энеолита были изучены в целом ряде пунктов. На центральном поселении Геоксюрского оазиса — Геоксюре 1 — они занимали четыре строительных горизонта (4—7), подстилались слоями с материалами типа Намазга I и перекрывались ярким позднеэнеолитическим комплексом с керамикой геоксюрского стиля (*Сарианиди В. И.*, 1960б). На других памятниках оазиса мощность среднеэнеолитических наслоений колебалась от 3,25 м (Акчадепе) до 4,70 м (Муллалидепе) и 5,40 м (Ялангачдепе), причем в последнем случае не исключено наличие в основании холма и раннеэнеолитических напластований (*Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 64). На Алтындепе в шурфе на раскопе 11 среднеэнеолитические слои, как и на Геоксюре 1, находились между раннеэнеолитическими и геоксюрскими напластованиями, а на раскопе 1 оказались лежащими на материке и лишь перекрытыми комплексом с посудой геоксюрского стиля. В обоих случаях толщина наслоений невелика — 3 и 2,8 м. Это связано с тем, что в пределы раскопа попали лишь окраинные части поселения без остатков строений. На Илгынлыдепе слои среднего энеолита были изучены в шурфе в северной части памятника, где они выходили на дневную поверхность и имели мощность 4,5 м, занимая ярусы I—IX (*Ганялин А. Ф.*, 1959, с. 18—19). Таким образом, можно заключить, что среднеэнеолитические напластования в тех случаях, когда изучались строительные остатки, в среднем достигают толщины 4—5 м. Исключение составляет лишь Елендепе, где, возможно, представлена наиболее полная свита слоев этого времени.

Обратимся к краткой характеристике памятников западной группы, материалы которых систематизированы в сводке, опубликованной в 1962 г. (*Массон В. М.*, 1962в). С тех пор они пополнились лишь в небольшой мере. Наиболее значительные данные получены при раскопках Карадепе, причем материалы работ 1955—1957 гг. систематизированы и опубликованы (*Массон В. М.*, 1960б; 1962в), а данные раскопок 1963 г. вводятся в научный оборот впервые. На Карадепе среднеэнеолитические наслоения выявлены в четырех пунктах — на раскопах 1 и 5, в шурфе на раскопе 2 и в шурфе 1. Можно сказать,

Рис. 2. Строения слоя Кара 3 на Карадепе (*1*) и улица, разделяющая жилые массивы на поселении Геоксюр 1 (*2*)

что Карадепе в этот период представляло собой крупное поселение, явно относящееся ко второму типу. Правда, интенсивность обживания памятника различна. Наибольшей мощности слои времени Намазга II достигают в северо-восточной его части (раскоп 1), где они изучены в значительном объеме. Раскоп 1, превращенный в стратиграфический, позволил произвести вскрытие слоев Кара 2, 3 и 4 на площади 400 кв. м, а слоев Кара 5, 6 и 7 — на площади 40 кв. м.

В слоях Кара 6 и 7 раскопом 1 пройден слабо застроенный участок; сохранившиеся отрезки стен позволили лишь установить факт их существования, но не выявили сколько-нибудь четкой планировки. В слое Кара 6 обнаружено погребение взрослого человека, совершенное в скорченном положении на правом боку, головой на юг, без сопровождающего инвентаря. В слое Кара 5 открыты остатки тщательно оштукатуренного, видимо, жилого, помещения площадью не менее 8 кв. м с выступом у одной из стен. Параллельно его внешней стене располагались две другие стены — вероятно, остатки каких-то более узких хозяйственных строений. В том же слое расчищено безынвентарное детское погребение, совершенное на правом боку, головой на восток.

Информация о более верхних слоях полнее благодаря значительному масштабу работ. В слое Кара 4 в юго-восточной части раскопа 1 находился обширный незастроенный участок, скорее всего хозяйственный двор, в котором расчищен небольшой закуток, имевший в плане форму буквы П. На этом участке отмечено значительное количество керамических шлаков и обгоревших кирпичей, возможно, связанных с обжигом глиняной посуды. В северо-восточной части раскопа 1 вскрыта часть многокомнатного строения с большой жилой комнатой. На стенах последней сохранились следы трех тщательно выполненных глиняных обмазок. Рядом располагались узкие подсобные строения.

В слое Кара 3 (рис. 2, *1*) незастроенный участок, двор или междудомное пространство, находился в юго-западной части раскопа 1, а в центре располагалось большое подквадратное в плане помещение с несколькими выгороженными отсеками. К северу от него была большая, видимо, жилая, комната с примыкающим узким хозяйственным помещением. В следующем за ним помещении в пол до половины тулова были врыты краснолощеные сосуды шаровидной формы с отогнутым венчиком. Помещения, расчищенные в северо-западной части того же раскопа, были отделены узким коридором; среди них также можно выделить подквадратную жилую комнату с выступом у одной из стен и небольшое хозяйственное помещение с сосудом для хранения. Обособлена в планировочном отношении и группа строений в юго-восточной части раскопа 1, где имелись большая, очевидно, жилая, комната и примыкающие к ней подсобные строения, иногда со стоящими в них крупными сосудами для хранения. В углу одного из этих строений находилась площадка, тщательно облицованная фрагментами керамики. Все сооружения слоя Кара 3 были, как правило, плотно забутованы глиной и кусками сырца, а на них, как на фундаменте, возведены здания следующего слоя — Кара 2.

Относящиеся к слою Кара 3 погребения, расчищенные ниже полов вскрывавшихся строений, стратиграфически залегали уже в слое Кара 4, будучи впущенными в него. Погребения одиночные, могильные ямы нередко обкладывались сырцовым кирпичом. Прослежены отпечатки циновок на дне ям, а иногда и выше костей скелета. В одном случае зафиксированы следы красной краски. Основная масса погребений совершена на правом боку, головой на юг — юго-запад. Положение рук варьирует: обычно правая рука вытянута вдоль тела, а левая согнута в локте; реже обе руки согнуты в локтях так, что кисть одной из них располагалась перед лицом. Инвентарь отмечен в 10 погребениях из 21. Редко это кости животных, обычно же бусы, находимые у шеи и, видимо, образовывавшие ожерелье. В одном детском погребении на шее и плечах было 249 бус, в том числе шесть крупных гипсовых бусин, обтянутых серебряной фольгой. Запястья рук охватывали миниатюрные браслеты, состоявшие из лазуритовых, сердоликовых и одной золотой бусин.

Сооружения слоя Кара 2 в плане во многом повторяют постройки слоя Кара 3. В центре тоже находилось крупное подквадратное в плане строение, в пределах которого выделен ряд отсеков и небольших клетушек. Стены некоторых из них были тщательно оштукатурены и облицованы мелкой галькой, керамическим шлаком и крупными фрагментами керамики. Такой же облицовкой были покрыты и полы отсеков. Кроме того, в пол этой комнаты были врыты крупные краснолощеные сосуды для хранения. Очевидно, помещение служило хранилищем. За его пределами находились дворовые участки, принадлежавшие, судя по разделявшим их стенам, иногда утолщенным, нескольким разным комплексам. В одном из дворов обнаружена глинобитная кормушка.

К слою Кара 2 могут быть отнесены 35 погребений, расчищенных ниже уровня полов и нередко прорезавших строения слоя Кара 3. При некоторой хаотичности их общего расположения заметна тенденция к группировке могил рядами, вытянутыми с востока на запад. Могилы обкладывались кирпичом. Зафиксированы отпечатки циновок и красной краски. Преобладают захоронения, совершенные на правом боку с вытянутой вдоль тела правой рукой и согнутой в локте левой. Отмечено и иное положение рук. Господствует ориентировка головой на юг и юг — юго-запад. Погребальный инвентарь, помимо редких костей животных, содержал бусы, преимущественно в ожерельях возле шеи, реже — в виде диадемы на лбу и браслетов на запястье. Лишь в одном погребении найден глиняный сосуд.

Раскопками на Карадепе получен яркий керамический комплекс типа Намазга II (табл. XIV, *4–9*, *20–27*, *31–35*, *38–50*), который характеризуется: тонкостенными краснолощеными сосудами с черными пятнами на поверхности и примесью гипса в глине в виде полусферических чаш, конических и биконических чаш и мисок, сферических горшков с выделенным горлом, одноцветной и двухцветной (красной и темно-коричневой или черной) росписью преимущественно по кремовому или желтоватому фону, орнаментальными композициями типов 5В, 8Б, 10Б, 16, 18, 15А, 15Б, 20, треугольниками или

Таблица 2. Распределение керамических групп в комплексе типа Намазга II на Карадепе (раскоп 5)

	Группа	Количество фрагментов	%
I	Полихромная роспись	30	9
II	Монохромная роспись по светлому фону	5	1,5
III	Монохромная роспись по красному фону	25	7,5
IV	Краснолощеная с примесью гипса в тесте	13	8
	Красноангобированная	15	
V	Кухонные котлы	87	74
	Толстостенные сосуды	160	
Итого		335	100

Таблица 3. Распределение керамических групп в комплексах Карадепе (раскоп 1)

	Группа	Количество фрагментов		
		Кара 7	Кара 6	Кара 5
I	Полихромная роспись	1	15	2
II	Монохромная роспись по светлому фону	21	46	14
III	Монохромная роспись по красному фону	2	10	16
IV	Краснолощеная с примесью гипса в тесте	26	115	28
	Красноангобированная	19	89	35
	Серая	–	1	1
V	Кухонные котлы	5	10	17
	Толстостенные сосуды	42	169	163
Итого		116	455	276

ромбами с сетчатым или полосчатым заполнением как основными элементами росписи. Особенно специфично появление здесь керамики с двухцветной росписью — «ахальской полихромии», названной так по области Ахал, где сосредоточена часть памятников западной группы.

В литературе предложено деление среднеэнеолитической керамики западной группы памятников по технологическим признакам и цветовой гамме на пять групп: I — с полихромной росписью; II — с монохромной росписью по светлому фону; III — с монохромной росписью по красному фону; IV — красные и серые сосуды; V — грубая посуда хозяйственного назначения — кухонные котлы и толстостенные сосуды для хранения (*Массон В. М.*, 1962в, с. 11—14). Некоторое представление о количественном распределении керамики этих групп в культурном слое Карадепе могут дать подсчеты по материалам раскопа 5 (табл. 2, 3).

Уже в самом раннем среднеэнеолитическом слое Кара 7 представлены краснолощеная керамика с примесью в тесте гипса и один черепок с двухцветной росписью (табл. XIV, *47—50*). Раннеэнеолитическая традиция нашла отражение в наличии керамики с росписью черными силуэтными треугольниками по красному фону. Широкое распространение получили полусферические чаши с росписью треугольниками, образованными несколькими параллельными линиями.

В слое Кара 6 также сохраняется ряд типов расписной керамики (табл. XIV, *38—44*), характерных для раннего энеолита, в том числе с росписью силуэтными треугольниками и «ниткой с бусинами». Вместе с тем широко представлена тонкостенная посуда с двухцветной росписью, преимущественно в виде фризов на наружной стороне чаш и мисок, а также треугольных шевронов, спускающихся ко дну сосуда. Донца чаш иногда вогнуты, в чем также проявляется сохранение раннеэнеолитических традиций. В принципе сходное положение наблюдается и в слое Кара 5 (табл. XIV, *31—35*). Количество расписной керамики во всех учтенных комплексах составляет от 15 до 18%.

Для слоя Кара 4 (табл. XIV, *20—27*) показательно решительное преобладание среди расписной керамики сосудов с полихромной росписью, что составляет 65% всей учтенной расписной керамики. Широкое распространение получает роспись треугольными шевронами. На одном из фрагментов имеется геометризированное изображение человеческой фигурки. Сосуды с росписью по красному фону составляют 29%. В слое Кара 3 (табл. XIV, *13—19*) посуда с двухцветной росписью уже составляет лишь 31% расписной керамики, а на первое место выдвигается посуда с монохромной росписью на светлом фоне. В полихромной керамике слоя доминируют фризовые композиции; появляются линейно-схематические рисунки козлов — четыре ноги и круто загнутые на спину рога, они особенно типичны для посуды с одноцветной росписью. Керамика с росписью по красному фону представлена единичными образцами. В слое Кара 2 (табл. XIV, *4—9*) количество керамики с двухцветной росписью сокращается еще более значительно. Характерным элементом орнамента посуды с одноцветной темно-коричневой росписью по светлому фону становятся узкие полосы, заполненные поперечными черточками или отрезками волнистых линий. Имеется фрагмент чаши с использованием мотива полукреста, образованного просветом в силуэтном треугольнике, что указывает на возможное воздействие керамики геоксюрского стиля, с ранним этапом развития которой слой Кара 2 синхронизируется по ряду данных.

Помимо керамики, в среднеэнеолитических слоях Карадепе найдены редкие терракотовые фигурки животных. Довольно многочисленны изделия из известняка и песчаника: зернотерки, ступки, пестики, подпятники, дисковидные гири с ручкой, кольца — утяжелители палок-копалок. Медные изделия единичны и представлены обломками четырехугольных в сечении шильев-пробойников и булавок с пирамидалевидной головкой.

Среднеэнеолитические материалы других памятников западной группы в основном немногочисленны

или плохо документированы. Самым западным пунктом обнаружения краснолощеной керамики типа Намазга II является Чингиздепе у селения Параy, к западу от Кызыл-Арвата (*Бердыев О. К.*, 1971, с. 11). Керамика типа Намазга II происходит с поселений Гавычдепе, Сунчадепе и Акдепе под Ашхабадом, причем на последнем мощность соответствующих слоев достигает 7 м (*Дурдыев Д.*, 1959, с. 8), что, правда, требует проверки, поскольку нет уверенности в правильном отделении комплексов типа Намазга II от более ранних. Наконец, на поселении Тилькиндепе к востоку от Геоктепе был заложен шурф, выявивший в верхних слоях типичную для Намазга II керамику (*Массон В. М.*, 1962 в, с. 8). На северном холме Анау остатки строений времени Намазга II (Анау II) отмечены на террасе 1, где выделены три строительных периода (*Pumpelly R.*, 1908; *Массон В. М.*, 1962в, с. 9). В целом можно заключить, что здесь располагался хозяйственный комплекс, включавший несколько небольших помещений, у двух из которых пол и стены были облицованы фрагментами керамики, хозяйственный двор и полушаровидные печи для выпечки хлеба, напоминающие современные туркменские тандыры. Вскрытые в наслоениях этого времени погребения в основном детские, совершены на правом боку с согнутыми ногами, головой на юго-запад или реже — на юго-восток. В инвентаре, как и на Карадепе, показательно наличие бус, возможно, частично нашивавшихся на одежду. Так, в одном детском погребении в районе таза найдено 1066 бус из белого камня. Керамика Анау (табл. XV, *4—13*) рассматриваемого времени не делится на дробные хронологические группы, но, судя по аналогиям с Карадепе, здесь имеются и ранний комплекс посуды с полихромной росписью, и монохромная керамика типа Кара 2, т. е. финальных этапов среднего энеолита. Отмечается высокое качество серой керамики; иногда создается впечатление, что она изготовлена на каком-то поворотном инструменте (*Pumpelly R.*, 1908, p. 133). Найдены в Анау медный двулезвийный нож или наконечник дротика, кремневая пластина, возможно, бывшая вкладышем серпа, и каменные изделия, в том числе плоская гиря весом 13,6 кг с ручкой (*Алекшин В. А.*, 1973).

На Намазгадепе среднезнеолитический комплекс Намазга II (табл. XV, *22—32*) выделен в двух шурфах, где расчищены также остатки полов и ориентированные на юг погребения, совершенные в скорченном положении на правом и левом (реже) боку. По аналогии со стратиграфией Карадепе в пределах среднезнеолитических напластований можно выделить два горизонта: ранний (ярусы XIX—XXI шурфа 1), где многочисленна посуда с двухцветной росписью, и поздний (ярус XVIII шурфа 1), где преобладает керамика с монохромной росписью. Интересны находки фрагментов терракотовых женских статуэток второго типа. На бедрах одной из них краской нанесены ряды ломаных линий, на бедрах другой — линейно-схематическое изображение козла, типичное для позднего этапа среднего энеолита.

К среднему энеолиту относится и небольшое поселение Елендепе, расположенное к северу от Каушута. Это овальный в плане холм диаметром около 140 м (*Щетенко А. Я.*, 1968а), где шурфом выявлены восемь строительных горизонтов, причем лишь в самом верхнем отмечена примесь керамики эпохи раннего железа, а остальные датируются средним энеолитом. В пятом строительном горизонте, в зольном слое, расчищен круглый в плане очаг, напоминающий очаги-жертвенники геоксюрских поселений. Рядом с ним обнаружена схематичная мраморная фигурка сидящей женщины, что, возможно, указывает на небытовой характер и самого очага. В верхнем строительном горизонте Елендепе собрана керамика геоксюрского стиля. Посуда с полихромной росписью многочисленна в нижних горизонтах, но в третьем горизонте найдено лишь три фрагмента керамики с двухцветной росписью. Во втором и первом горизонтах посуда с полихромной росписью типа Намазга II полностью отсутствует, а керамика с одноцветной росписью (табл. XIV, *51—58*), по мотивам близка посуде типа Кара 3 и Кара 2, включая линейно-схематические изображения козлов. Елендепе представляет собой уникальный пока для Средней Азии тип поселения, возникшего именно в пору среднего энеолита и тогда же прекратившего свое существование. Это могло быть связано с концентрацией населения в таком крупном центре, как Намазгадепе, который именно в период позднего энеолита достигает максимальных размеров.

При сравнении расписной керамики перечисленных памятников намечаются некоторые локальные особенности. Так, в полихромной керамике Намазгадепе в отличие от Карадепе широко распространены фризы с фигурами треугольников, противостоящих друг другу вершинами, тогда как на Карадепе имеются фигуры крестов, отсутствующие на Намазгадепе (*Массон В. М.*, 1962в, с. 17—18). Однако эти различия существуют в рамках посуды единого керамического стиля. Вместе с тем в пору среднего энеолита на юге Средней Азии в восточной группе памятников сформировалась и посуда особого, ялангачского, стиля, отличная от вышеописанных комплексов.

Наиболее полная характеристика керамики ялангачского стиля была дана И. Н. Хлопиным (*Хлопин И. Н.*, 1958; 1963б; 1969). Она распространяется с поселения Улугдепе у Душака, далее на восток, включая Алтындепе, Илгынлыдепе и поселения Геоксюрского оазиса, где расположен эпонимный памятник — Ялангачдепе. Для керамики ялангачского стиля (рис. 1, *6*, *10*) характерны: монохромная темно-коричневая роспись преимущественно по красному фону, сферическая чаша как ведущая форма, а также цилиндрические горшки, полусферические чаши, конические чаши и миски, биконические чаши и миски, орнаментальные композиции типов 4 и 15А как ведущие, а также композиции типов 2Б, 3А, 7, 8А, 10А, 12А, 12Б, 17, 19, 20. И. Н. Хлопин по орнаментальным мотивам выделяет на геоксюрских поселениях эпохи среднего энеолита три группы керамики: собственно ялангачскую; так называемую псевдоубейдскую или типа пятого слоя Геоксюра 1; с полихромной росписью типа Намазга II (*Хлопин И. Н.*, 1969, с. 17—23). Последняя, как полностью соответствующая комплексам западной группы поселений и скорее всего оттуда импортированная (*Массон В. М.*, 1962в, с. 19—20;

Хлопин И. Н., 1969, с. 23), не имеет прямого отношения к собственно ялангачскому комплексу. Для него типичны, строго говоря, три группы орнаментов: параллельные линии вдоль венчика (преимущественно на небольших и средних сосудах), треугольные шевроны (преимущественно на крупных сосудах) и сравнительно пестрая орнаментация, комбинирующая геометрические фигуры с сетчатым и полосчатым заполнением, опять-таки характерная для сосудов малых и средних размеров (псевдоубейдский тип по И. Н. Хлопину). Многочисленные наблюдения позволили наметить эволюцию керамики ялангачского типа по отчетливо прослеживаемому сближению параллельных линий, идущих вдоль венчика. По подсчетам И. Н. Хлопина, расстояние между линиями на раннеялангачских памятниках составляет от 13 до 16 мм, а на поздних — 4–5 мм, иногда сокращаясь даже до 2 или 1 мм (*Хлопин И. Н.*, 1969, с. 20). Ранние комплексы дают верхние слои таких памятников, как Ялангачдепе и Айнадепе, а поздние хорошо представлены верхними наслоениями поселений Муллалидепе и Геоксюр 7 и 9. С точки зрения автора настоящих строк, производившего раскопки последнего памятника, его керамический комплекс с единичными фрагментами расписных сосудов на многие сотни нерасписных может оказаться синхронным третьему слою поселения Геоксюр 1, где расписные фрагменты, вообще крайне редкие в эту пору, не были встречены лишь ввиду ограниченных размеров шурфа.

Последовательное развитие комплексов восточной группы памятников для среднего энеолита было установлено в шурфе на поселении Геоксюр 1 (табл. XVI, *1–18*). Здесь в седьмом слое обнаружены типично ялангачская керамика и черепок сосуда с полихромной росписью типа Намазга II (*Сарианиди В. И.*, 1960а; 1960б). В следующем, шестом, слое количество керамики с полихромной росписью особенно значительно, причем имеются образцы с изображениями козлов с бугорчатыми рогами и ветвистого дерева. В комплексе пятого слоя уже отчетливо прослеживается сближение полос, идущих вдоль венчиков сосудов ялангачского типа, и появляется керамика с пестрой орнаментацией, основанной главным образом на геометрических фигурах с сетчатым и полосчатым заполнением (типа пятого слоя Геоксюра 1). По-прежнему встречаются фрагменты посуды с полихромной росписью типа Намазга II. Наконец, в четвертом слое продолжается тенденция к сближению линий, идущих вдоль венчика, но, как и ранее, представлены фрагменты с полихромной росписью типа Намазга II. Слои среднего энеолита изучались также на раскопе 3 на юго-западной окраине поселения Геоксюр 1, где они выходили прямо на дневную поверхность. Здесь открыто круглое в плане строение диаметром 3,6 м с отходящими от него отрезками стены толщиной около 0,5 м, которую И. Н. Хлопин считает обводной (*Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 14–15; 1969, с. 7).

Одним из наиболее полно изученных памятников Геоксюрского оазиса этого времени является поселение Ялангачдепе (Геоксюр 3). В настоящее время оно представляет собой оплывший холм вытянутых пропорций с максимальными размерами 130×95 м. Верхний строительный горизонт, сохранивший постройки, сгруппированные на самой вершине холма, вскрыт полностью на площади 750 кв. м (табл. XVII, *2*). Здесь расчищены остатки обводной стены толщиной до 0,6 м с заключенными в ее периметр круглыми в плане строениями, которые, судя по заполнению и наличию очагов, использовались в качестве жилых помещений. Центральное место в пределах ограды занимал подпрямоугольный в плане дом, тщательно оштукатуренный изнутри, с двухчастным очагом-подиумом на невысокой платформе, поднятой над полом, и рассматриваемый как святилище — дом общих собраний всего поселка. Перед домом выгорожен небольшой участок, за которым находились параллельные отрезки стен, бывших, судя по всему, основанием зернохранилища (*Массон В. М.*, 1964в, с. 313, 331–333). Рядом с центральным домом располагался прямоугольный дом меньших размеров, также с двухчастным очагом. В пределах ограды расчищено круглое в плане здание диаметром 6,1 м. За оградой находился еще ряд строений, в том числе прямоугольная комната, параллельные стены — основание зернохранилища — и круглые в плане дома с отходящими от них отрезками прямых стен.

Во втором строительном горизонте вскрыта лишь центральная часть поселка, и, возможно, поэтому ограда не обнаружена. Толстая стена разделяла поселок на две части — восточную и западную. В восточной части центральным строением был прямоугольный, капитально выстроенный дом, занимавший то же место, что и святилище верхнего строительного горизонта. Дом был тщательно оштукатурен, на стене сохранился налеп. Поблизости располагались две пристроенные друг к другу небольшие жилые комнаты и различного рода подсобные сооружения, в том числе основание для помоста. В западной части поселка несколько пристроенных друг к другу помещений образуют целый массив, включавший жилые комнаты площадью 5–10 кв. м и хозяйственные сооружения. При анализе планировки Ялангачдепе три обстоятельства обращают на себя внимание. Во-первых, здесь четко выражены обводные стены, во-вторых, не менее определенно выступает святилище как архитектурный и организационный центр поселка, в-третьих, сама застройка отражает тенденцию сближения однокомнатных домов, возводящихся впритык и в целом образующих прототип многокомнатного дома.

Достаточно разнообразен и комплекс предметов, обнаруженных при раскопках Ялангачдепе (табл. XVIII, *1–23*). Так, среди керамики имеются яркие образцы сосудов типа Намазга II с полихромной орнаментацией, в том числе с изображением геометризированных человеческих фигур, и сосудов с изображением дерева. Найдены костяные проколки и шпатели, кремневые вкладыши серпов и «наконечники стрел», функционально служившие сверлами, медные ножи или наконечники дротиков, часть медного топорика. Особенно выразительна коллекция антропоморфной и зооморфной скульптуры. Из необожженной глины изготовлены схематические антропоморфные фигурки на цилиндрическом основании, статуэтки баранов и бычков. Значительным числом представлены терракотовые женские статуэтки второго варианта второго типа, воспроизводящие пыш-

нотелых сидящих матрон с полной грудью, но без рук (табл. XVIII, *18—20*). На фигурках темно-коричневой или черной краской нанесены дополнительные элементы — ожерелья и различные знаки на бедрах (солярные круги, угловые шевроны, фигура козла). Имеется и схематическая плоская фигурка из камня.

Близкий ялангачскому комплекс (табл. XVI, *31—43*) получен при раскопках верхнего слоя поселения Айнадепе (Геоксюр 6). Здесь представлены по крайней мере два элемента, характерные для планировки Ялангачдепе: овальные в плане строения с отходящими от них прямыми отрезками стен и однокомнатные или двухкомнатные жилые дома, построенные нередко впритык один к другому. Не вполне ясен вопрос о наличии на Айнадепе центрального святилища. При раскопках группы строений третьего слоя в северной части холма открыт небольшой дом из двух комнат, в одной из которых располагался прямоугольный очаг-подиум, а в другой — круглый очаг, идентичный очагам-алтарям геоксюрских домовых святилищ позднего энеолита. Строения слишком малы, чтобы служить местом общих собраний даже одних только взрослых мужчин, если допустить такую выборку наиболее полноправного населения. Однако такая специфическая деталь, как очаги-жертвенники, позволяет предполагать, что упомянутый дом принадлежал лицу, как-то связанному с выполнением культовых церемоний (*Массон В. М.*, 1964в, с. 318; прим. 34; *Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 75, 89). Среди находок с Айнадепе представлены как керамика ялангачского стиля в его раннем проявлении, так и посуда с полихромной росписью типа Намазга II. Обнаружены также два медных ножа, костяные проколки, каменные тесла, глиняные колесики с выступающей с одной стороны втулкой, глиняные фигурки животных и терракотовые женские статуэтки. Среди последних имеется фигурка, принадлежащая, как и скульптура Ялангачдепе, ко второму варианту второго типа (без рук), но представлены и фигурки первого варианта того же типа, воспроизводящие сидящих полных женщин с руками (табл. XVI, *43*). У одной из фигурок короткие отрезки рук опущены вниз, у другой — сложены на животе под грудью. Можно отметить богатство и разнообразие коллекций мелкой пластики, присущие именно раннеялангачским памятникам.

Хронологически близок этим памятникам и комплекс верхнего слоя поселения Акчадепе (Геоксюр 2). Здесь также обнаружены круглое в плане здание, подквадратное святилище с двухчастным прямоугольным очагом-подиумом и небольшие жилые комнаты. Однако все эти строения тесно примыкают, а частично и пристроены друг к другу. В целом узкой улочкой они разделяются на два массива. Керамика поселения аналогична керамическому комплексу Айнадепе, но вместе с тем здесь представлены и сосуды, на которых линии, проведенные вдоль венчика, тесно сближены.

Поздний этап среднего энеолита характеризуется поселением Муллалидепе (Геоксюр 4). В настоящее время оно представляет собой оплывший холм расплывчатых очертаний с максимальными размерами 130×110 м. Верхний строительный горизонт холма вскрыт на площади около 2000 кв. м (табл. XVII, *1*). Обнаруженные постройки группируются в два хронологических комплекса — западный, относящийся к поре позднего Ялангача, и восточный, с керамикой геоксюрского типа, т. е. позднезнеолитический. Планировка западного комплекса Муллалидепе сохраняет три основных планированных элемента, отмеченных на Ялангачдепе: обводную стену с включенными в ее периметр круглыми домами, плотную застройку однокомнатными домами, выделенное святилище с прямоугольным очагом-подиумом. Как и на Ялангачдепе, круглые строения, включенные в периметр обводной стены, имеют диаметр от 3,1 до 3,8 м, заполнены культурными слоями и в ряде случаев снабжены бытовыми очагами, что позволяет рассматривать их как жилые помещения. В пределах обводной стены имеются также хозяйственные строения, в том числе основание зернохранилища, и отдельно расположенное круглое в плане строение площадью 12,5 кв. м с очагом, где найдено несколько зернотерок. Такой отдельно стоящий круглый дом более значительных размеров (28,5 кв. м) был и на Ялангачдепе. Возможно, как и прямоугольные дома-святилища, эти строения выполняли какие-либо специализированные общественные функции. И. Н. Хлопин одно время полагал, что в отличие от прямоугольных святилищ они могли быть специальными «женскими» домами (*Хлопин И. Н.*, 1962б, с. 17). Всего на Муллалидепе насчитывается 12 жилых домов площадью от 7,5 до 15,5 кв. м.

В керамическом комплексе Муллалидепе (табл. XVIII, *24—30*) отчетливо выступают черты позднего происхождения, в частности, отмечается сближение полос, прочерченных на тулове чаш и мисок параллельно венчику. Представлена здесь и посуда с более сложной орнаментацией типа пятого слоя Геоксюра 1, и керамика с полихромной росписью типа Намазга II, причем среди последней имеется фрагмент с изображением дерева. Прочие изделия на Муллалидепе сравнительно немногочисленны и однообразны. Это медные ножи, в том числе один с витой ручкой (табл. XVIII, *34*), сохранившийся фрагментарно, глиняные фигурки животных, глиняные биконические ядра для пращи и костяные проколки. Принадлежность к поре среднего энеолита фрагментов женских статуэток с Муллалидепе остается неясной, поскольку здесь имеются постройки и поры позднего энеолита.

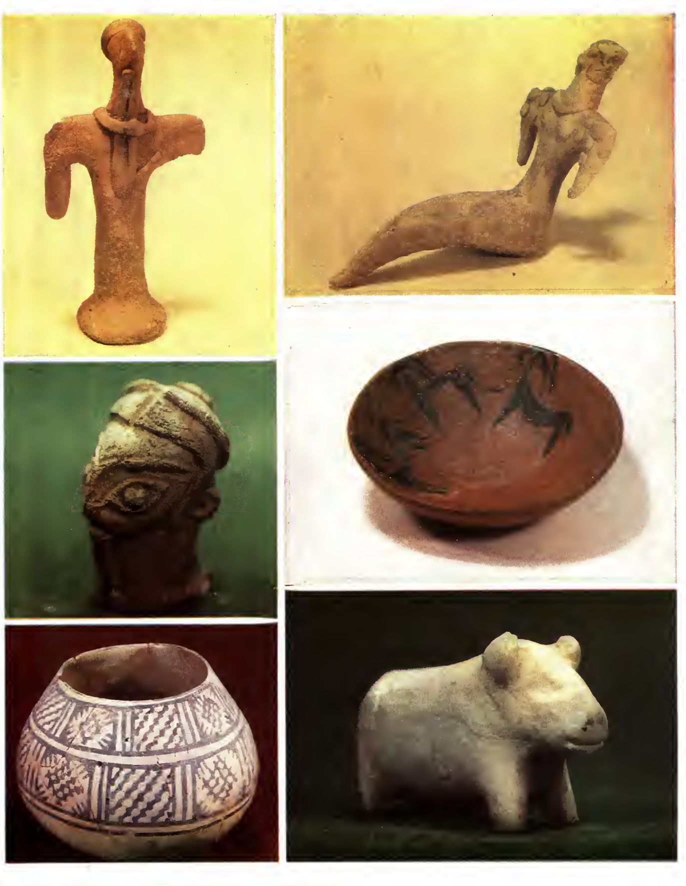
По времени Муллалидепе близко поселение Геоксюр 7, где открыты круглое в плане строение с овальным очагом в центре и два отдельных, но расположенных рядом прямоугольных дома. Судя по обособленному положению, круглый дом функционально аналогичен крупным круглоплановым домам, находившимся внутри обводных стен Ялангачдепе и Муллалидепе. В керамике преобладают изделия ялангачского стиля, причем параллельные линии, нанесенные вдоль венчика полусферических чаш, максимально сближены. Обнаружены цилиндрические горшки, украшенные вертикальными рядами ромбовидных фигур и с крупносетчатым орнаментом. Отметим также сланцевое тесло, костяной шпатель, терракотовые усеченно-конические пряслица и два медных наконечника дротика или ножа. Несколько необычны фрагменты антропоморфных скульптур.

Терракотовые статуэтки. Средняя Азия. Энеолит

Карадепе, ранний энеолит
Ялангачдепе, средний энеолит

Дашлыджидепе, ранний энеолит
Алтындепе, средний энеолит

Расписная керамика и статуэтки. Карадепе. Поздний энеолит

Мужская глиняная статуэтка
Терракотовая «головка воина»
Расписной сосуд

Женская терракотовая статуэтка
Расписной сосуд
Фигурка быка из мраморовидного известняка

Одна из них, видимо, изображает стоящую женщину, т. е. принадлежит к числу статуэток первого типа, характерного для раннего энеолита и пока не встреченного на других среднезнеолитических памятниках. Выделяется каменная головка с четко моделированным лицом и невысокой шапочкой.

К числу позднеялангачских комплексов, а возможно, даже и более поздних, относятся строения верхнего слоя поселения Геоксюр 9. Оно представляет собой холм овальных очертаний с максимальными размерами 104×88 м. В ходе раскопок, осуществленных на площади 750 кв. м, выявлены основные элементы планировки, отмеченные при описании Ялангачдепе: часть обводной стены с включенным в ее периметр овальным строением; однокомнатные прямоугольные и подквадратные в плане дома площадью от 12 до 24 кв. м и расположенное почти в центре поселения подквадратное здание площадью 45 кв. м с толстыми стенами, декорированными снаружи пилястрами. Возможно, оно играло роль святилища — дома общих собраний, но прямоугольный очаг-подиум в нем не обнаружен, хотя в одном из углов расчищена вымостка из обгоревших кирпичей, возможно заменявшая его. В керамике этого поселения фрагменты сосудов с росписью единичны, но все же достаточно характерны. Это прежде всего полусферические чаши со сближенными параллельными линиями, нанесенными вдоль венчика. Кроме того, имеются два образца с полихромной росписью типа Намазга II, фрагменты сосудов с монохромной росписью типа пятого слоя Геоксюр 1, несколько черепков с полихромной росписью геоксюрского стиля. Основную массу — около 70% всей керамики — составляют сосуды с красной, иногда лощеной поверхностью, местами покрытой черными пятнами. Они представлены двумя основными формами — полусферической чашей и конической миской. Обнаружены также терракотовые усеченноконические пряслица, костяные проколки и крючок, напоминающий вязальную спицу, медные проколка и нож. Найдены два фрагмента терракотовых антропоморфных статуэток, одна из которых явно женская, а также каменная человеческая головка, глиняная фигурка барана и глиняные колесики с выступающей с одной стороны втулкой.

В целом для поселений Геоксюрского оазиса поры среднего энеолита характерно стойкое сохранение планировочного решения поселка, предусматривавшего наличие обводных стен с включенными в их периметр круглоплановыми постройками. В общем плане поселка они выглядят как башни, но по площади близки жилым домам и имеют соответствующее заполнение, а нередко и бытовые очаги. Видимо, перед нами строения нерасчлененных функций, что типично для первобытной фортификации. Следует учитывать также, что обводные глинобитные стены полуметровой толщины скорее были забором, чем собственно крепостной стеной (*Массон В. М.*, 1966б).

По сравнению с памятниками Геоксюрского оазиса данные, характеризующие другие поселения восточной группы поры среднего энеолита, весьма ограниченны. Так, на Илгынлыдепе соответствующие слои мощностью 4,5 м были пройдены шурфом в северной части памятника, где, помимо керамики ялангачского стиля, найдены глиняное колесико и торс женской статуэтки (*Ганялин А. Ф.*, 1959, с. 18—20). На Алтындепе среднеэнеолитические слои раскапывались в двух шурфах, но строения этого времени пока не обнаружены (*Массон В. М.*, 1977б). Наряду с керамикой ялангачского стиля здесь представлены фрагменты сосудов с полихромной росписью типа Намазга II. Терракотовые фигурки изображают пышнотелых сидящих женщин с покатыми плечами и опущенными вниз руками, что указывает на их принадлежность к первому варианту терракот второго типа. Нередко на фигурках черной росписью передано ожерелье или роспись в виде различных заштрихованных фигур нанесена на плечи и бедра. В слоях обнаружены также зооморфные фигурки и терракотовые пряслица.

Среднеэнеолитические комплексы обеих территориальных групп обнаруживают тесную связь с раннеэнеолитическими традициями почти по всем основным видам объектов. Так, в комплексах типа Намазга I находят прототипы терракотовые фигурки пышнотелых матрон с проработанными краской отдельными деталями, хотя их стоящая поза в пору среднего энеолита меняется на сидящую. Еще в большей степени это касается таких типов вещей, как каменные тесла, медные двулезвийные ножи и четырехгранные в сечении шилья-проколки, антропоморфные фигурки и глиняные статуэтки животных, усеченно-конические пряслица, а также основного формата сырцового кирпича, по крайней мере для восточной группы памятников, где хорошо изучена жилая архитектура, традиции однокомнатных домов, обнаруживающих, правда, в среднем энеолите тенденцию к сближению и слиянию в огромные дома-массивы. Эти новшества в основном могут быть объяснены эволюционным развитием.

Однако с керамическими комплексами дело обстоит более сложно, особенно для западных памятников, где ведущая группа посуды с полихромной росписью типа Намазга II на первый взгляд резко отличается от расписной керамики типа Намазга I. Поэтому первые исследователи анауской культуры считали, что посуда с полихромной росписью находится вне основной линии развития керамики обитателей Анау, являясь импортом из более культурного центра (*Schmidt H.*, 1908, p. 130). Позднее указывалось на почти одновременное появление полихромной керамики в Средней Азии и в Белуджистане (*Mc. Cown D. E.*, 1942, p. 58, com. 109) и даже говорилось о прямом белуджистанском влиянии на Анау (*Piggott S.*, 1946, p. 20; 1952, p. 75). Ж. М. Касаль, опираясь на свои раскопки поселения Мундигак в Южном Афганистане, считал полихромию Намазга II вариантом стиля Кветта, распространенного на юге Афганистана и в Северном Белуджистане, причем сам стиль Кветта, по мнению исследователя, складывался на основе стиля керамики Сузы II (*Casal J. M.*, 1961, p. 100). Наоборот, советские исследователи на основании новых материалов обычно подчеркивают тесную связь анауской полихромии с местными традициями (*Куфтин Б. А.*, 1954, с. 28; *Массон В. М.*, 1956а, с. 310—311; *Хлопин И. Н.*, 1969, с. 50). Раскопки самых ранних горизонтов времени Намазга II, таких, как слои Кара 5—7, показали, что здесь основная масса посуды с черной росписью по красному фону, и тонкостенная, и тол-

стостенная, продолжает традиции керамики типа Намазга I. Принципиально новой является лишь группа тонкостенных сосудов с полихромной росписью, численность которых постепенно возрастает. Детальный анализ показывает, что целый ряд орнаментальных мотивов и композиционных решений, присущих полихромной керамике, генетически связан с традициями расписной керамики типа Намазга I (*Массон В. М.*, 1962в, с. 20). Это касается композиций типов 8Б, 10Б, 15А, 15Б, 18. Основное отличие, помимо общей измельченности орнамента, заключается в том, что треугольник как важнейший элемент орнаментальных схем не контурный, а заполнен сеткой или косой штриховкой, что впервые, правда, в единичных случаях, отмечается для поры Намазга I. Однако такая преемственность пока может быть прослежена лишь в общей форме. Сам прием употребления двухцветных рисунков, причем именно роспись красным и черным, как в полихромной керамике Намазга II, характерен для настенной росписи Средней Азии поры раннего энеолита (Анау, Яссыдепе) и даже неолита (Песседжикдепе), но процесс распространения его на посуду остается не вполне ясным. И. Н. Хлопин предполагает, что усовершенствование горна позволило обжигать посуду, окрашенную в две краски (*Хлопин И. Н.*, 1969, с. 50), но специальным изучением режима теплотехники это предположение пока не подтверждено. Очевидно, полихромию Намазга II в первую очередь следует рассматривать как ступень совершенствования местной керамической продукции.

Из числа отдаленных аналогий, помимо самых общих месопотамских (*Массон В. М.*, 1962в, с. 21), интерес представляют аналогии монохромной керамики Намазга II, особенно рисунков козлов, с эламским комплексом Джови, предшествовавшим керамике Сузы I. Правда, эти аналогии носят общий характер и могут свидетельствовать лишь об отдаленных культурных связях, но не о происхождении всего среднеазиатского комплекса в целом. Однако весьма показательно принципиальное отличие рисунков козлов на центральноиранском памятнике Сиалк как от эламских, так и от среднеазиатских. Это может указывать на особое направление среднеазиатско-эламских связей, миновавших центральные области Ирана. Особый интерес представляет обнаружение керамики с полихромной росписью типа Намазга II, причем в ее раннем проявлении, на поселении Тали-Иблис в Кермане, в слое Иблис IV, датируемом автором 3600±300 гг. до н. э. (*Caldwell J. R.*, 1967, p. 144—145, 182). Сходство велико, но в целом керамический комплекс Табли-Иблис отличен. Возможно, речь может идти об импорте особо нарядной посуды, как это, видимо, имело место в Геоксюрском оазисе, но в данном случае территориальная разобщенность памятников слишком значительна. К сожалению, стратиграфия Тали-Иблис, где зафиксированы в основном мусорные отвалы, а не строительные горизонты, в целом недостаточно четка, что затрудняет решение этого вопроса.

Что касается керамического комплекса ялангачского типа, то, как убедительно показал И. Н. Хлопин, он закономерно вырастает на основе традиций раннеэнеолитической расписной керамики, хотя и выступает в упрощенном варианте (*Хлопин И. Н.*, 1960а, с. 161—164; 1969, с. 32—35). Это относится и к посуде с росписью параллельными линиями вдоль венчика, и к посуде типа пятого слоя поселения Геоксюр 1. Последняя отражает ту же тенденцию, что и керамика типа Намазга II западных областей,— замену контурных геометрических фигур фигурами с сетчатым или полосчатым заполнением. И. Н. Хлопин склонен объяснять это воздействием на керамическое искусство поселений восточной группы керамики типа Намазга II (*Хлопин И. Н.*, 1969, с. 34). Но это могла быть и общая для региона в целом тенденция, тем более что подобное явление на памятниках восточной группы зарождается уже на финальных этапах раннего энеолита (*Хлопин И. Н.*, 1963а, табл. XIX, *7*). Вопрос о внесреднеазиатских связях среднеэнеолитических комплексов восточных памятников менее ясен. На начальном этапе их изучения были отмечены аналогии посуды типа пятого слоя Геоксюр 1, особенно такого мотива, как ряды ромбов с косой штриховкой, с керамикой северного Убейда и комплекса Сиалк II (*Массон В. М.*, 1962б; 1964в, с. 417—418). С убейдскими воздействиями связывалось и распространение в восточной группе памятников круглых в плане домов, характерных именно для северного Убейда, воспринявшего в этом отношении халафские традиции Северной Месопотамии. И. Н. Хлопин предпочитает видеть в посуде типа пятого слоя Геоксюр 1 исключительно местную продукцию с возможным влиянием лишь западного комплекса типа Намазга II (*Хлопин И. Н.*, 1964в; 1969, с. 34). Однако такой весьма специфический мотив, как ряды ромбов с внутренней штриховкой, в керамике Намазга II отсутствует, и полностью исключать какое-то отдаленное воздействие на Среднюю Азию убейдской традиции, сыгравшей большую роль в истории культуры Ближнего Востока, не приходится. Месопотамские аналогии могут быть отмечены и для отдельных среднеэнеолитических терракот (*Массон В. М.*, *Сарианиди В. И.*, 1973, с. 13).

При сравнении комплексов западной и восточной групп поселений следует учитывать, что на последних благодаря широким раскопкам в Геоксюрском оазисе ассортимент известных изделий разнообразнее. Однако показательно, что при раскопках поселения Елендепе в западной группе памятников обнаружен круглый очаг, идентичный очагам Айнадепе и Геоксюра 7. Вместе с тем керамические комплексы западной и восточной групп, хотя и формируются на основе общей раннеэнеолитической традиции, существенно отличаются. Различия посуды типа Намазга II и керамики ялангачского стиля позволяют заключить, что в это время культурные различия уже столь велики, что можно говорить о формировании в рамках единой анауской культуры двух локальных вариантов. Характерно и постоянное присутствие в памятниках восточной группы керамики явно западного типа, прежде всего посуды с полихромной росписью. Ее детальный анализ показывает, что при определенном своеобразии в целом она практически идентична западным образцам (*Массон В. М.*, 1962в, с. 19—20). Возможно, что это — свидетельство продолжающейся инфильтрации населения из западных областей, приведшей в пору раннего энеолита к возникновению Геоксюрского оазиса.

Глава четвертая
Памятники позднего энеолита

По разработанной системе периодизации в Средней Азии к позднему энеолиту относятся комплексы времени Намазга III, значительно разнящиеся в свои территориальных проявлениях. Материалы этого периода не были отмечены в ходе работ американской экспедиции на Анау и впервые выделились стратиграфически четко при шурфовке Намазгадепе Б. А. Куфтиным (*Куфтин Б. А.*, 1954). В дальнейшем широкими раскопками выявлено значительное культурное своеобразие западной и восточной групп памятников, специально изучавшихся в 1955—1963 гг. После 1963 г. позднеэнеолитические наслоения раскапывались в основном в стратиграфических шурфах на Улугдепе и Алтындепе.

Для позднеэнеолитического комплекса в целом характерны: поселения всех трех типов, многокомнатные строения из сырцового кирпича (45×24×10 и 42×22×11 см), коллективные захоронения в специальных гробницах, женские терракотовые статуэтки третьего типа, мужские статуэтки четвертого типа, терракотовые усеченно-конические пряслица, терракотовые навершия шаровидной и биконической форм, медные двулезвийные черешковые ножи, круглые зеркала без ручек и булавки с лапаточковидной головкой, биконическая чаша как ведущая форма и биконические миски, горшки и кубки как типичные формы, композиции росписи типов 5Б, 8Б, 8А, 10Б, 21А и фигура многоступенчатого креста или его части в виде полукреста или четверти креста как основные элементы росписи. Если перечисленные особенности показательны для керамики позднего энеолита в целом, то в пределах территориальных групп распространена посуда двух разных стилей — на западе карадепинского, а на востоке — геоксюрского, причем каждая со своим собственным устойчивым сочетанием форм, композиций и элементов орнамента, которые будут охарактеризованы при описании этих памятников.

Стратиграфическое положение позднеэнеолитических комплексов определяется достаточно четко как на востоке, так и на западе. В западной группе памятников в шурфе 1 на Намазгадепе соответствующие напластования составляют 2,5 м, подстилаются слоями с материалом Намазга II и перекрываются слоями с материалом Намазга IV. В шурфе 2, судя по имеющимся публикациям, слои с материалом Намазга III мощностью 9 м лежат на материке, занимая наслоения ярусов XIX—XXXVI (*Куфтин Б. А.*, 1956, с. 266; *Массон В. М.*, 1956а, с. 299). Просмотр материалов в фондах музея показал, что керамика из ярусов XXIII—XXVII (2,5 м) действительно принадлежит комплексу Намазга III, а материал более нижних ярусов в собраниях вообще отсутствует. Возникают сомнения, был ли докопан шурф до указанной глубины, тем более что мощность напластований, равная 2,5 м, соответствует толщине слоев Намазга III, отмеченных в шурфе 1. На Карадепе в шурфе 1 соответствующие наслоения составляют 3,5 м (ярусы I—VII), а на раскопе 2 — 2,5 м (ярусы IX—XIII), причем в ярусе XIII обнаружена посуда типа раннего Намазга III или Кара 1Б по установленной на раскопе 1 стратиграфии, где материалы собственно Намазга III занимали горизонт 1А (*Массон В. М.*, 1960б, с. 326—328). Во всех случаях на Карадепе ниже этих горизонтов идут наслоения с материалом типа Намазга II. Наконец, позднезнеолитические напластования отмечены еще на двух памятниках западной группы — на Акдепе у Ашхабада, где они занимают десятый строительный горизонт (*Марушенко А. А.*, 1956; *Дурдыев Д.*, 1959, с. 8—10), и на Гарадепе у Каушута, где в шурфе пройдено 1,5 м с материалом типа Намазга III, но горизонты с материалами типа Намазга II не достигнуты (*Щетенко А. Я.*, 1968а, с. 24—26). Можно заключить, что в западной группе памятников мощность позднеэнеолитических напластований в точно документированных колонках составляет от 2,5 до 3,5 м и что вполне четко выявляется ранний этап формирования этого археологического комплекса.

Достаточно определенно стратиграфическое положение позднеэнеолитических слоев и в восточной группе памятников. Так, на поселении Геоксюр 1 они составляют 2,25 м, занимая первый — третий горизонты в стратиграфическом шурфе (*Сарианиди В. И.*, 1960б, с. 270—271). В третьем горизонте расписная керамика полностью отсутствует, а ниже идут горизонты с керамикой ялангачского типа. На Чонгдепе позднезнеолитические слои составляют 2,5 м (ярусы I—V) и подстилаются наслоениями с материалом времени Намазга II (*Адыков К. А., Массон В. М.*, 1960, с. 59—61). На поселении Хапуздепе, находящемся к югу от поселений Геоксюрского оазиса, позднеэнеолитические слои толщиной около 1 м (ярусы XIV—XIII) лежат на материке и перекрыты горизонтами с материалом типа Намазга IV (*Сарианиди В. И.*, 1964, с. 62). Около 1,5 м достигает позднезнеолитический слой на поселении Илгынлыдепе, где он пройден в двух шурфах (*Ганялин А. Ф.*, 1959, с. 20; *Бердыев О. К.*, 1971, с. 10). На поселении Улугдепе соответствующие материалы отмечены в двух строительных горизонтах — пятом и шестом, причем в последнем встречены единичные фрагменты керамики ялангачского типа (*Сарианиди В. И.*, 1971, с. 433—434). Наконец, детальное изучение стратиграфии Алтындепе показало, что там позднеэнеолитические напластования мощностью от 3,5 до 6,0 м занимают промежуточное положение между наслоениями времени среднего энеолита с керамикой ялангачского типа и слоями,

содержащими материалы типа Намазга IV (*Массон В. М.*, 1977б). На Алтындепе установлена и детальная периодизация, характеризующая развитие позднеэнеолитического комплекса восточной группы памятников (горизонты Алтын 14 – Алтын 9). Многочисленные находки керамики геоксюрского типа на Карадепе и карадепинского типа на Геоксюре, Чонгдепе и Алтындепе позволяют надежно коррелировать стратиграфию западной и восточной групп памятников.

В западной группе наиболее полно изучено поселение Карадепе у Артыка, давшее исключительно обильный и разнообразный материал, пока опубликованный частично (*Массон В. М.*, 1960б, 1962 г). Именно здесь был выделен ранний этап позднеэнеолитического комплекса, обозначенный как Кара 1Б. Соответствующий ему материал обнаружен на раскопе 1, в разведочных шурфах на раскопах 2 и 4, а также на раскопе 5, где напластования этого типа подстилают вскрывавшиеся строения. На территории двора А в раннее время располагалась мусорная свалка, давшая в изобилии керамику типа Кара 1Б. Эта керамика использовалась также для облицовки стен хранилищ, существовавших на раскопе 5 в пору Кара 1А. На раскопе 1 соответствующий материал представлен погребениями, впущенными в слой Кара 2. Могилы одиночные, иногда обложены и перекрыты сырцовым кирпичом. Захоронения в основном совершались в скорченном положении на правом боку, головой на юг или юго-запад с небольшими отклонениями. В погребениях в основном встречаются один-два глиняных сосуда, бусы, реже – медные булавки с лопаточковидным навершием и пряслица. Бусы располагались на шее и у плеч (ожерелье или обшивка одежды), а также в виде браслета на левом запястье. На одном из участков отмечена концентрация детских погребений.

Основные отличия комплекса Кара 1Б как устойчивого набора археологических типов заключаются в керамике, так как пряслица, медные изделия и бусы здесь по существу такие же, как и в слое Кара 1А. Для керамики комплекса Кара 1Б ведущей формой является полусферическая чаша (рис. 3, *1*), типичны также биконические чаши, кубки, миски и горшки (табл. XIX, *16–32*). Сосуды имеют примесь мелкорубленого самана в тесте, тяжеловесны. Часть из них серого цвета, обычно с лощеной поверхностью, иногда украшенной процарапанным орнаментом. Роспись производилась темно-коричневой краской по зеленовато-белому и много реже – по красному фону. Среди композиций представлены односторонние (1Б, 10Б, 15Б) и двусторонний бордюры (тип. 14). Из элементов композиции распространены многоступенчатые кресты с помещенными внутрь ромбовидными фигурами с различным заполнением, пирамидки из трех и большего числа треугольников, косые зубчатые линии и косые полосы с внутренней горизонтальной штриховкой, перекрещенной одной-двумя вертикальными полосами. Судя по отдельным фрагментам, имеются изображения козлов и птиц, правда, сравнительно редкие, а изображения пятнистых животных, столь характерные для керамики Кара 1А, отсутствуют.

В наиболее значительных масштабах на Карадепе изучен слой развитого Намазга III или Кара 1А. В это время, как и в среднем энеолите, Карадепе было поселением второй группы, т. е. сравнительно крупным центром, занимавшим около 15 га. В плане оно представляло собой сдвоенные овалы, причем в пору позднего энеолита в равной мере были обжиты западная и восточная его части. В восточной части холма был заложен раскоп 2, но, несмотря на значительную его площадь (400 кв.м), расчищены лишь маловыразительные остатки строений. Из пяти вскрытых небольших помещений в двух имеются вкопанные в пол сосуды, лишенные дна и использовавшиеся как отопительные очаги, что позволяет считать данные помещения жилыми. В восточной части поселения строения верхнего слоя расчищены на площади около 5500 кв. м. Здесь выявлена достаточно выразительная картина застройки раннеземледельческого поселка (табл. XX). Правда, остался неясным вопрос о характере оформления внешнего края поселения. Заложенный на юго-восточном склоне холма с целью решения данного вопроса раскоп 5 не дал в этом отношении каких-либо конкретных результатов: судя по всему, край позднеэнеолитического поселения разрушен оплывом тепе. Зато весьма выразительной оказалась планировка вскрытых здесь жилых строений. Они принадлежали многокомнатному жилому дому, в состав которого входили как исходный планировочный элемент большая жилая комната с отопительным очагом и примыкающие к ней два-три небольших хозяйственных отсека. Стенки и пол последних были иногда облицованы фрагментами керамики (*Массон В. М.*, 1962 г, с. 165–166). Расчищенные части двух разных массивов разделяло незастроенное пространство шириной около 5 м – очевидно, улица.

Такой исходный планировочный элемент далее неизменно прослеживается в застройке Карадепе, образуя в сочетании со строениями других типов многокомнатные дома-массивы (раскопы 3–4). Интересно отметить, что остатки этих строений, составляя единый строительный горизонт, имеют разные высотные отметки, явно понижающиеся к краям Карадепе, т. е. постройки как бы «обтекают» холм, образованный более ранними руинами. Довольно сложно определение границ многокомнатных домов-массивов, обычно возводившихся впритык друг к другу. В ряде случаев наличие улочек или сплошных стен позволяет с достаточной уверенностью отделить один комплекс от другого. Важным моментом является и внутренняя планировочная взаимосвязь отдельных помещений. К сожалению, не во всех случаях удается с достоверностью установить дверные проемы, которые нередко имели пороги высотой до 40–50 см.

Всего на участке раскопа 3–4 можно выделить ряд многокомнатных домов-массивов. Первый включал примерно 20 помещений (помещения III, 1–17) и с западной стороны был огражден узкой улочкой. С других сторон его границы не могут быть четко прослежены, поскольку выходят на оплывший край холма. Здесь выделяются жилые комнаты с примыкающими к ним узкими подсобными строениями (помещения III, 1, 2 и III, 6, 3), представляющие собой типичный исходный планировочный элемент карадепинских домов. Отопительный очаг в полу помещения III, 1 был сделан из верхней части кухонного сосуда. Возможно, третья жилая комната

Рис. 3. Керамика Карадепе (*1—3, 5—8*) и Геоксюра 1 (*4*)
***1, 2* — слой Кара 1Б; *3—6* — слой Кара 1А; *7—8* — слой Кара 2**

находилась к югу от помещения III, 1, а к ней примыкало узкое хозяйственное помещение III, 5. Наконец, четвертой жилой комнатой этого дома было помещение III, 13 с отопительным очагом в виде овальной ямы в полу. К ней примыкал ряд небольших подсобных строений. Возможно, некоторые из них использовались не только обитателями данной комнаты, но и всем коллективом, проживавшим в многокомнатном массиве. Вероятно, к северу от помещения III, 13 находилась пятая жилая комната, чьим хранилищем было помещение III, 15.

Второй многокомнатный массив, согласно публикациям, состоял из помещений III, 18—23 (*Хлопин И. Н.*, 1956, с. 44; *Массон В. М.*, 1960б, с. 350), однако при завершении раскопок выяснилось, что к нему относятся также помещения III, 61 и III, 62 и двор ГIII, выходивший на центральную площадь всего поселения. Из этого двора проход вел в просторное помещение III, 62, судя по размерам и планировке жилое, с хозяйственными отсеками и небольшой пристройкой перед входом (помещение III, 61). Второй жилой комнатой является помещение III, 23 с обогревательным очагом и тремя подсобными помещениями (III, 20—22). Дом имел небольшой внутренний двор АIII. Третьей жилой комнатой с хозяйственным отсеком были скорее всего помещения III, 19 и III, 18. В свете раскопок 1963 г. к тому же дому-массиву следует относить помещения III, 28—34 и примыкавшие к ним помещения III, 56, III, 58, III, 72, ориентированные на обширный хозяйственный двор ГIII. В трех помещениях (III, 28—30) имелись очаги, что позволяет считать их жилыми, хотя помещение III, 30 скорее всего осуществляло эту функцию в комплексе с соседним помещением III, 31. Судя по размерам и характеру отделки, к числу жилых относится и помещение III, 34. Ранее уже высказывалось предположение, что помещение III, 33, аккуратно оштукатуренное, с выступом-пилястром у одной из стен, с выделенным позднее узким обходным коридором (помещение III, 32), также было жилым (*Массон В. М.*, 1960б, с. 351). В рассматриваемом многокомнатном доме, таким образом, было всего восемь жилых комнат. К числу хозяйственных строений того же дома относятся помещение III, 56, небольшая каморка III, 72 и строение III, 58. Последнее — прямоугольная комната, перегороженная параллельными стенками на узкие отсеки,— в целом представляет собой уже упоминавшееся в предшествующей главе сооружение, определяемое как фундамент зернохранилища. Своеобразие рассматриваемого дома заключается в сравнительной редкости четкого повторения исходной планировочной единицы в виде сопряженных жилой комнаты и хозяйственного отсека или отсеков. Возможно, их функцию выполняли внутренний двор АIII и группировавшиеся возле него строения, но в таком случае следует допускать их общее использование всеми обитателями дома. Всего рассматриваемый дом включал 18 помещений.

К третьему многокомнатному дому можно отнести 12 помещений: III, 24—27 и III, 48—55. Однако следует учитывать, что дом раскопан не полностью, а его южная часть уничтожена поздней мусорной свалкой. В этом доме исходный планировочный элемент просматривается достаточно четко. Таковы прежде всего большая жилая комната III, 25 с обогревательным очагом и соединенное с ней проходом узкое хозяйственное помещение III, 24. Вторым таким же элементом являются жилые помещения III, 48 и III, 50, а третьим и четвертым — помещение III, 53 и сохранившееся частично помещение III, 49, выходившее на хозяйственный двор БIII. В северной части двора расчищены параллельные отрезки стен — основание зернохранилища. Самое крупное помещение дома — III, 26 — имело перегородку, выделявшую небольшой коридорчик, поскольку оно само было проходным. Примечательно, что средняя часть южной стены этого помещения прокалилась от длительного воздействия огня. В его заполнении было много обгорелых балок. Здесь же обнаружена превосходно выполненная терракотовая «головка воина». Было бы соблазнительно видеть в этой комнате домашнее святилище, подобное позднеэнеолитическим святилищам Геоксюра и связанное с сильным и длительным воздействием огня, но здесь нет ничего похожего на овальный или прямоугольный очаг-алтарь, характерный для домовых святилищ Геоксюра и Чонгдепе. Судя по расположению подсобных помещений, шестая жилая комната этого дома могла находиться к востоку от помещения III, 48.

Четвертый дом-массив, вскрытый на раскопе 3, насчитывает 21 помещение (помещения III, 35—47, III, 59—60, 64—66, III, 68—70). От второго дома он был отделен своего рода междудомным пространством, заполненным рыхлым завалом с большим количеством битой керамики. Исходные планировочные единицы здесь выделяются достаточно четко. Такова прежде всего жилая комната (помещение III, 47) с небольшим отсеком перед входом, отопительным очагом и тремя подсобными помещениями (III, 46, III, 64, III, 65). Судя по размерам, второй жилой комнатой было помещение III, 68, частично разрушенное стратиграфическим шурфом 1952 г. Несколько подсобных строений тяготеют к третьему жилому помещению III, 41, также имевшему отопительный очаг. Четвертой жилой комнатой было помещение III, 42 с отопительным очагом, соединенное проходом с комнатой III, 43. Скорее всего пятой планировочной единицей являются помещения III, 37 и III, 38 (жилая комната, раскопанная частично). Рассматриваемый дом имел свой хозяйственный двор BIII, где располагались основание зернохранилища и еще одно подсобное сооружение, получившее в ходе фиксации разных сезонов тройной номер (III, 35—36; III, 70).

Такова общая характеристика основных комплексов, вскрытых на раскопе 3. В целом они образуют весьма сложный планировочный лабиринт, разобраться в котором до конца не всегда удается. Однако анализ позволяет выделить как исходный планировочный элемент каждого отдельного дома-массива жилую комнату и тяготеющие к ней подсобные строения, причем в каждом доме можно насчитать от четырех до восьми таких исходных планировочных единиц. Общим для всех домов является также наличие хозяйственного двора и оснований зернохранилищ.

Весь рассмотренный участок своим северным фасом выходил на обширную центральную площадь

карадепинского поселка. Здесь имеется ряд строений, планировка которых не вполне ясна из-за разрушений, причиненных мусорной свалкой и шурфом 1952 г. С запада площадь ограничивал многокомнатный дом-массив, вскрытый частично (помещения IV, 36—38, IV, 41). Северный край дома четко обозначен прямой улицей, выходившей на площадь и имевшей первоначально ширину 2 м. За ней располагались строения, расчищенные на раскопе 4, где отмечены два стратиграфических горизонта. Стены верхнего из них почти не сохранились, поскольку пол находился на глубине 15—20 см от современной поверхности. Тем не менее сделанные в этом слое находки очень ценны. Здесь обнаружены мраморная статуэтка быка и значительное число целых и фрагментированных сосудов, выточенных из белого и розового мраморовидного известняка. Поэтому было высказано предположение, что этот слой содержал остатки какого-то здания особого назначения (*Массон В. М.*, 1960б, с. 347). Второй горизонт дал уже вполне четкую планировочную систему сооружений, синхронных вскрытым на раскопе 3 постройкам. В первой публикации результатов работ 1956—1957 гг. все строения рассматривались как части двух многокомнатных домов-массивов. Однако обращало на себя внимание то обстоятельство, что на подквадратном участке, определенном как «двор», находился массивный прямоугольный очаг типа отсутствовавшего на раскопе 3. Широкими раскопочными работами в Геоксюрском оазисе было установлено, что аналогичные очаги характерны для культовых построек, обычно представлявших собой крупный подквадратный дом. В. И. Сарианиди вполне обоснованно сопоставил с ними очаг раскопа 4 на Карадепе (*Сарианиди В. И.*, 1962а, с. 48). Наконец, в специальной статье И. Н. Хлопин прямо высказал мнение, что в основном комплексе построек, вскрытых на Карадепе, мы имеем особый культовый центр (*Хлопин И. Н.*, 1971).

Судя по различным осям плана, основной комплекс насчитывал несколько этапов застройки. При этом исходным ядром были «дворы» AIV и БIV с внутренними очагами, из которых очаг в помещении AIV сохранился хуже, и примыкавшие к ним строения. По геоксюрским аналогиям эти «дворы» можно трактовать как святилища. Позднее возле них был возведен комплекс строений (помещения IV, 4, IV, 30—31 и IV, 35), оформлявших выход на улицу, и появился обширный хозяйственный двор BIV, в котором находилось основание зернохранилища. Вероятно, к комплексу, объединявшему святилища, следует относить и семь небольших комнаток, вытянутых вдоль утолщенной стены (помещения IV, 14, IV, 16—20, IV, 27). Связанные между собой проходами и имеющие общий вход, они скорее всего представляли собой хранилища стандартной величины. Отсутствие связывавших «длинный дом» со святилищами проходов естественно, поскольку это строения разного функционального назначения. Основная же группа строений на раскопе 4 при такой трактовке предстает как большой комплекс из двух святилищ, обширного хозяйственного двора и серии хранилищ, не считая прочих подсобных строений. Таким образом, перед нами — остатки весьма сложного сооружения — своего рода протохрамового комплекса, объединявшего идеологическую и хозяйственную функции. Показательно и отсутствие в нем бытовых обогревательных очагов, характерных для жилых комнат.

К северу от этого комплекса вскрыта часть строений многокомнатного дома — пятого в восточной части карадепинского поселения. Здесь крупные комнаты, IV, 21—23 скорее всего были жилыми; некоторые из них снабжены обогревательными очагами. Рядом с помещением IV, 23 располагался узкий хозяйственный отсек. Не исключено, что участок, обозначенный как помещение IV, 26, в действительности был двориком или междудомным пространством. Остатки шестого многокомнатного дома-массива, относящегося к слою Кара 1А, но очень плохо сохранившегося, выявлены в восточной части Карадепе на западном участке раскопа 1. Здесь четко выделяется исходный планировочный элемент — большая жилая комната с отопительным очагом в виде верхней части кухонного котла в полу и примыкающее к ней узкое длинное помещение.

Позднеэнеолитические погребения на Карадепе обнаружены в ряде мест и в различном стратиграфическом положении. По этим признакам они объединяются в три достаточно четкие группы: обособленный могильник на раскопе 1; погребения на территории поселка, расположенные в одном стратиграфическом горизонте с описанными строениями; погребения, залегавшие ниже уровня полов раскапывавшихся построек. Могильник на раскопе 1 относится ко времени Кара 1Б. Он частично охарактеризован выше. Строения того же времени здесь отсутствуют, а могилы впущены в слой Кара 2. Лишь в юго-западной части раскопа 1 зафиксировано несколько построек времени Кара 1А, частично перекрывавших некоторые могилы. Таким образом, в пору Кара 1Б на территории раскопа 1 находились оплывшие руины построек среднего энеолита (Кара 2). Судя по высотным отметкам, это была самая высокая часть Карадепе и именно она была выбрана для обособленного кладбища. В расположении захоронений прослеживается тенденция к размещению рядами, тянущимися с северо-запада на юго-восток, соответственно осям большинства строений.

Вместе с тем подобный обособленный могильник времени Кара 1А пока не обнаружен. Отдельные захоронения, расчищенные выше полов описанных строений, скорее всего были совершены уже в период запустения домов. Исключение составляют лишь коллективные гробницы. Возможно, к их числу принадлежат небольшие, отдельно стоящие подквадратные в плане строения, обнаруженные во дворе на раскопе 5. В одном из них найдены три целых сосуда и два человеческих зуба. Более определенно можно охарактеризовать гробницу, вскрытую на раскопе 4 к северу от культового комплекса. Это прямоугольная камера размерами 2,6×2,2 м, возведенная из сырцового кирпича. Камера оказалась разрушенной, ее расположение близко от дневной поверхности ухудшило сохранность костного материала. Все кости находились в перемещенном состоянии, но, судя по черепам, здесь было захоронено 23 взрослые особи. В южной части камеры имелось свободное пространство, возможно, специально

Рис. 4. Позднеэнеолитическая керамика Карадепе

1—5 — слой Кара 1Б; *6* — слой Кара 1А

Рис. 5. Керамика слоя Кара 1Б поселения Карадепе (*1—10*)

освобожденное для заключительного погребения, которое почему-либо не было совершено. В гробнице обнаружено 17 глиняных сосудов (3 серых и 14 расписных) и 3 каменных, каменные бусины и медная булавка с лопаточковидным навершием. У внешней грани восточной стены найдена терракотовая статуэтка, изображающая сидящую женщину с ползущей по бедру змеей. Показательно, что в гробницы эпохи бронзы, открытые у восточной стены Алтындепе, также помещались женские статуэтки, возможно, с ритуальными целями. Погребения третьей группы, располагавшиеся ниже полов вскрытых домов, как правило, совершены в скорченном положении на левом боку, головой на юг. Погребальный инвентарь их представлен одиночными глиняными сосудами и бусами.

Перейдем к рассмотрению обнаруженных в позднеэнеолитических наслоениях Карадепе археологических объектов, среди которых первое место занимает специфический керамический комплекс (табл. XXI, *25–50*). Керамика карадепинского стиля характеризуется использованием в монохромной росписи густой краски, дающей на поверхности заметный на ощупь рельеф, темно-коричневой росписью по зеленовато-белому и реже – красному фону и редкой полихромной росписью темно-коричневым и красновато-малиновым, серой керамикой, украшенной иногда нарезным орнаментом. Ведущей формой является полусферическая чаша, распространены также сферические и биконические чаши, миски, кубки и горшки. В композициях росписи преобладают односторонние бордюры (2, 5Б, 8Б, 10Б, 19, 21Б) и односторонние сетки (5А, 5В, 8А, 10А, 15А, 21А), но имеются и двусторонние сетки (16, 20). Характерными элементами орнамента являются многоступенчатые кресты обычно измельченного рисунка, их элементы, а также изображения козлов, пятнистых животных, идущих птиц, орлов с распростертыми крыльями.

Карадепинская коллекция керамики, представленная значительным числом целых образцов (рис. 4, *1–5*; 5, *1–10*), позволяет полно охарактеризовать гончарное производство этого времени. Наиболее яркой и хорошо поддающейся анализу группой является расписная керамика. Обычно роспись образует фризы на внешней стороне сосудов, оставляя незакрашенной их нижнюю часть. Расписывались миски конической, сферической, биконической и цилиндрической форм, полусферические, сферические и биконические чаши и кубки, конические, сферические, биконические и цилиндрические горшки, а также сосуды в форме кувшина с выделенным, но еще невысоким горлом. Уникальна полусферическая чаша, очевидно, специального назначения, по краю которой расположены четыре птицеобразные головки людей, повторяющие аналогичные мотивы росписи и терракоты. Геометрические сюжеты росписи, как и крестообразные фигуры, преимущественно измельчены; пестрота рисунка подчеркивается нанесением на линии, образующие основной рисунок, поперечных черточек. Несколько отличаются в этом отношении сосуды с полихромной росписью, по гамме близкие керамике геоксюрского стиля, а по орнаментации резко от них отличные. Из элементов, имевших, видимо, более сложную семантику, чем простая геометрия, отметим круг, обычно трактуемый как солярный символ и представленный на карадепинской керамике с точкой посередине (чаще всего) или с зубчатой короной (реже).

Специфической особенностью рассматриваемого керамического комплекса являются зооморфные мотивы росписи. Это изображения козлов, причем отмечается три их варианта. Первый – профильные изображения животного с бородой, резко загнутыми рогами и длинным хвостом, нередко создающим впечатление трехногой фигуры. Степень схематизации этих рисунков различна, но в основном они весьма реалистичны. Ко второму варианту относятся профильные изображения животных с прямой спиной и сравнительно коротким, опущенным вниз хвостом, что придает фигуре прямоугольные очертания. Особняком стоит изображение кормящей козы с Чонгдепе с поднятым вверх хвостом. Третий, крайне редкий вариант представляет собой изображение козла, воспроизводящее все четыре ноги в противовес профильной манере, что скорее всего является данью среднеэнеолитическим традициям. Количественно преобладают рисунки пятнистых животных, которых, учитывая генетический аспект и ряд специфических деталей, можно считать барсами, хотя чаще всего они сильно схематизированы. Большинство рисунков передает спину животного плавной скругленной линией, реже фигура имеет геометризированные очертания. Хвост обычно длинный, изгибается вдоль туловища, ноги имеют на конце три отростка (когти?). Голова животного, как правило, не выделена, две черточки или два треугольника изображают уши, такими же треугольниками или усиками переданы челюсти. Довольно часты изображения птиц. Они, как и фигуры козлов, силуэтные, в основном встречаются в сочетании с солярными кругами. Редкие фигуры орлов также даны в профиль, в геральдической позе, с распростертыми крыльями. Кроме того, имеются изображения различных трудно отождествляемых существ типа птица-козел (*Массон В. М.*, 1960б, табл. XXI, *4*). Интересно распределение фрагментов керамики с зооморфными изображениями по раскопам (табл. 4).

Таблица 4. Распределение керамики с изображениями животных и птиц на Карадепе

Место и размер раскопов	Козлы	Барсы	Птицы	Орлы
Раскоп 4 (около 1200 кв. м.)	59	80	9	4
Раскоп 5 (850 кв. м.)	69	36	32	–
Раскоп 3 1963 г. (600 кв. м.)	139	164	62	4
Итого, %	37,5	44,5	17	1

Следует иметь в виду, что и сама расписная керамика составляет в среднем около 20% всей глиняной посуды, хотя в археологических исследованиях она рассматривается в первую очередь как четкий индикатор изменений различного рода. Среди нерасписной керамики представлены крупные полусферические чаши и конические миски. Сосуды, использовавшиеся в качестве кухонных котлов, имели сферическую форму и небольшой слив. Своеобраз-

ными переносными котлами были, видимо, сосуды с примесью в тесте дресвы, от которых сохранились крупные ножки. Имеются и высокие ножки от сосудов типа ваз. Серая керамика (табл. XXI, *41*, *42*, *44—50*) с лощеной поверхностью и сравнительно редким процарапанным орнаментом представлена биконическими мисками и горшками. Последние иногда имели высокую ножку или поддон. Найдены также серые полусферические чаши и сферический кубок. Один из фрагментов с частыми сквозными отверстиями принадлежит сосуду типа ситечка, на другом помещен зигзагообразный налеп, возможно, воспроизводящий змею.

Типичными для позднеэнеолитического комплекса Карадепе являются сосуды, выточенные из белого или розоватого мраморовидного известняка (табл. XXI, *20*, *22—24*). Наиболее характерная их форма — приземистые горшочки с невысоким горлом и резко отогнутым наружу венчиком. Имеются также конические и полусферические чаши и высокие сосуды с гофрированными стенками, выглядевшие особенно парадно.

Терракотовые статуэтки рассматриваемого комплекса представлены антропоморфной и зооморфной скульптурой. Из них женские статуэтки относятся к третьему типу, воспроизводящему сидящую фигуру с изящной плавной линией ног и бедер, в которых в отличие от второго типа нет гипертрофированной тяжеловесности. Ноги, как правило, разделены процарапанной линией, исходящей из вершины треугольника, нацарапанного в нижней части живота. Роспись сравнительно редка; ее постепенно заменяют резные линии и различного рода налепы. Могут быть выделены два варианта этого типа: с изображением рук и груди, с тяжелыми подпрямоугольными плечами; с воспроизведением в верхней части фигурки лишь одной головы. Головы обычно имеют клювовидный профиль. Иногда изображалась ниспадающая коса (или косы); нередко по обеим сторонам головы имеются зсовидные подвески. Ожерелья переданы налепами, краской или процарапанными линиями. Мужские статуэтки сравнительно редки и представлены двумя вариантами — сидящими и стоящими (табл. XXI, *12*, *14*). Первые весьма схематизированы, вторые изображают фигурки с тяжелыми подквадратными плечами и длинной узкой бородой, ниспадающей двумя прядями. С затылка на спину спускается узкая коса, небольшая шапочка окрашена в черный цвет. Видимо, к числу фигурок этого типа принадлежит и превосходно выполненная «головка воина» (табл. XXI, *15*) со спускающейся с макушки витой косой, с узкой двупрядной бородой, в головном уборе типа шлема. К группе антропоморфных терракот относятся и схематизированные лепные фигурки, как правило, необожженные.

Коллекция зооморфных терракот с Карадепе также довольно многочисленна. Одна из фигурок с росписью пятнами, возможно, изображает пятнистую корову. Мелкие, наспех вылепленные фигурки в основном, видимо, изображают мелкий рогатый скот, в одном случае, судя по загнутому вверх хвосту,— собаку, в другом — кабана или свинью. Семантически близка терракотам и мраморная фигурка быка, тяжеловесного и неуклюжего, во многом свиноподобного, у которого по существу лишь рога и длинный хвост определяют принадлежность его к этому виду животных.

Число медных изделий в позднеэнеолитических слоях Карадепе невелико. Это четырехгранные пробойники или шилья, обломок двулезвийного ножа, несомкнутый браслет, булавки с лопаточковидными навершиями, небольшое кольцо и долото совкообразной формы. Костяные изделия также немногочисленны: шилья-проколки и кочедыг для плетения циновки. Из песчаника изготовлялись зернотерки, ступки, куранты, подпятники, кольца-утяжелители для палок-копалок, плоские диски с ручкой (так называемые гири) и шары, опоясанные желобком и бывшие, возможно, грузами, использовавшимися при ткацких работах. Украшения, помимо медных, представлены бусами несложных форм, изготовленными в основном из гипса, а также из сердолика и бирюзы. Гипсовые наборные ручные браслеты состояли из плоских бусин разных геометрических очертаний. Впервые появляются в энеолитических комплексах Средней Азии и печати-амулеты, имевшие отверстие для подвешивания. Они вытачивались из нетвердых пород камня и имели рисунок, повторяющий характерные для расписной керамики мотивы,— крест и часть многоступенчатого креста.

Помимо самого Карадепе, позднеэнеолитические памятники западной группы изучены слабо. На Акдепе под Ашхабадом к этому времени относится десятый горизонт юго-восточного раскопа (*Дурдыев Д.*, 1959, с. 8), содержащий керамику (табл. XIX, *1—6*) карадепинского стиля (*Сарианиди В. И.*, 1976, с. 101, рис. 5), в том числе такие характерные формы, как полусферическая чаша, биконическая миска и сферический горшок с дробной геометрической орнаментацией и рисунками пятнистых животных. Интересен почти целый сосуд на трех ножках с этого памятника. На Карадепе найдены лишь фрагменты этого типа посуды. Судя по опубликованным американской экспедицией черепкам (*Массон В. М.*, 1962в, табл. VI, *1—3*, *9*), на северном холме Анау имелся слой с посудой типа Кара 1Б. На Намазгадепе соответствующие слои пройдены лишь в шурфах, в одном из которых отмечены строительные остатки (*Ганялин А. Ф.*, 1956а, с. 53). Нахождение материалов Намазга III в шурфе 1, в перемещенном состоянии в шурфе 5 («в хаузе») и на южной окраине памятника (шурф 2) свидетельствует о том, что Намазгадепе существовало уже как крупное поселение, ставшее в подгорной полосе наиболее значительным центром. В шурфе 1 встречены керамика типа Кара 1Б и столь же яркий комплекс типа Кара 1А (табл. XIX, *7—15*) с присущими ему элементами росписи, рисунками козлов и пятнистых животных (*Ганялин А. Ф.*, 1956а, рис. 9, 10; *Массон В. М.*, 1956а, табл. XXVIII). В коллекциях представлены также черепки с изображением птиц и с полихромной орнаментацией того особого вида, который известен и на Карадепе. В шурфе 2, судя по музейным коллекциям, в ярусе XXVII имеются фрагменты керамики типа Кара 1Б, тогда как выше, вплоть до яруса XXIII включительно, идет фрагментированная, но достаточно выразительная керамика типа Кара 1А. Помимо чисто геометрической орнаментации, здесь имеются солярные круги и фигуры козлов. Материал яруса XXII типологически трудно

определим, поскольку на материалах западной группы памятников критерии различия позднего Намазга III и раннего Намазга IV пока слабо разработаны.

Обратимся к восточной группе памятников, где отмечено четкое культурное единство, начиная с поселения Улугдепе у Душака и вплоть до Геоксюрского оазиса. Начнем с наиболее изученного эпонимного памятника, каким является Геоксюр 1 (*Сарианиди В. И.*, 1959б; 1960б; 1965б; 1966). Он занимает площадь около 12 га и по этому показателю принадлежит к числу поселений второго типа. Строения в широких масштабах изучались здесь на раскопе 1, где на протяжении 55 м прослежена магистральная улица (рис. 2, *2*) шириной 1—2 м с отходящими от нее небольшими проулками. Всего на раскопанном участке намечается не менее пяти домов-массивов, разделенных такими улочками, но не один из них полностью не вскрыт. По данным аэрофотосъемки, деление на дома-массивы прослеживается и в микрорельефе памятника.

Достаточно полно изученный жилой комплекс насчитывает не менее 14 помещений (*Массон В. М.*, 1964в, с. 320), а согласно другому толкованию — даже не менее 16 (*Сарианиди В. И.*, 1965б, с. 9). Здесь прежде всего обращает на себя внимание наличие той же исходной планировочной единицы, которую мы наблюдали на Карадепе. Это сравнительно крупная жилая комната с отопительным очагом и примыкающее к ней узкое подсобное строение. В наиболее хорошо изученном доме-массиве было не менее шести таких жилых комнат. Был здесь и небольшой хозяйственный дворик, в котором в специальном небольшом помещении рядом находились два кухонных очага. Особенно примечательно наличие здесь особого помещения специализированных функций, отсутствовавшего в карадепинских домах. Оно располагалось обособленно, имело отдельный вход со двора и следы длительного воздействия огня. Аналогичные помещения были и в других раскопанных комплексах. Они имели на полу очаг-алтарь в виде небольшого круглого керамического диска с невысоким бортиком и овальным отверстием в центре. Иногда в этих помещениях встречались каменные курильницы и обгоревшие человеческие кости. Видимо, это небольшие домашние святилища, входившие в состав каждого многокомнатного дома, но иногда располагавшиеся рядом с коллективными гробницами. Все они как-то связаны с действием огня, заполнены обугленным хворостом, обгоревшими глиняными блоками. В двух случаях очаг-алтарь с овальным отверстием в центре имел прямоугольные очертания, что явно сближает его с очагами-подиумами среднего энеолита. В одном из многокомнатных домов раскопана двухкамерная гончарная печь, состоявшая из расположенных рядом топки и обжигательной камеры. В наиболее высокой точке Геоксюра 1 частично раскопано здание с парадным фасадом, оформленным пятью пилястрами, возможно, принадлежавшее к числу строений, выполнявших, подобно карадепинскому культовому комплексу, общие для всего поселения функции.

Особый интерес представляют коллективные гробницы Геоксюра 1 (рис. 6, *1—2*), раскапывавшиеся В. И. Сарианиди в течение нескольких полевых сезонов. Они, как правило, овальные в плане, реже — эллиптические или прямоугольные, возведены из сырцового кирпича и имеют размеры от 2,5×2,3 м до 2,2×1,9 м. Перекрытие из того же сырцового кирпича ложносводчатое; в отдельных случаях прослежен вход в камеру, располагавшийся сбоку и при каждом захоронении закладывавшийся вновь. Захоронения в камерах совершались последовательно, причем останки ранее помещенных в гробницу отодвигались в сторону, образуя груду перемешанных костей, среди которых правильное анатомическое расположение сохранял лишь скелет усопшего, помещенного в гробницу последним. Число погребенных в могиле колеблется от 2 до 10—12, но, как правило, больше 2. Инвентарь в большинстве случаев или вообще отсутствует, или очень беден и представлен одиночными каменными или расписными сосудами, плетеными корзинами (сохранились только отпечатки), медными булавками с лопаточковидными навершиями, гипсовыми и каменными бусинами. Выделяются погребение 116 гробницы X, в котором находились медное зеркало в плетеном футляре, медная палочка и бусы (*Сарианиди В. И.*, 1965а, с. 104), и ряд вскрытых в 1965 г. погребений, где, помимо керамики, гипсовых бус и каменных сосудов, имелись оригинальный четырехугольный расписной сосуд и гипсовые, обтянутые золотой фольгой бусы (*Сарианиди В. И.*, 1966, с. 70).

Коллективные гробницы на Геоксюре 1 исследовались В. И. Сарианиди в 1957 г. на раскопе 2 (*Сарианиди В. И.*, 1959а; 1960б), а затем в 1963—1965 гг. на новом раскопе 3 и на прирезках к раскопам 1 и 2 (*Сарианиди В. И.*, 1965б; 1966). Установлено, что гробницы, число которых достигло 30, сооружены на древней дневной поверхности, на заброшенных участках поселения или на особых площадках, огражденных стенами и представляющих собой специализированный могильник. Могильник на раскопе 2 состоял из четырех гробниц и был ограничен с одной стороны внешней стеной многокомнатного дома, а с трех других — специально возведенными стенами с прямоугольными пилястрами. Примечательно, что внутреннее пространство могильника членилось дополнительными стенами на три отсека, в одном из которых было две гробницы, а в двух других — по одной. На раскопе 3 расчищен участок, где компактно располагались семь гробниц, причем шесть, видимо, функционировали одновременно. Гробницы поры позднего энеолита возведены на руинах построек среднеэнеолитического времени. В непосредственной близости от них в двух помещениях были устроены очаги-жертвенники, в том числе один круглый.

Раскопки Геоксюра 1 дали многочисленные образцы глиняной посуды геоксюрского стиля, типичной для восточной группы памятников (табл. XXII, 31—47). Она характеризуется монохромной (темно-коричневой) и полихромной (черной и темно-красной) росписью по желтоватому и красноватому фону, распространением красного ангоба, редко — посудой серого цвета, полусферической чашей как ведущей формой, биконическими мисками, горшками и кубками как типичными формами, односторонними бордюрами (2Б, 5Б, 8Б, 10Б, 21Б) и сетками (8А,

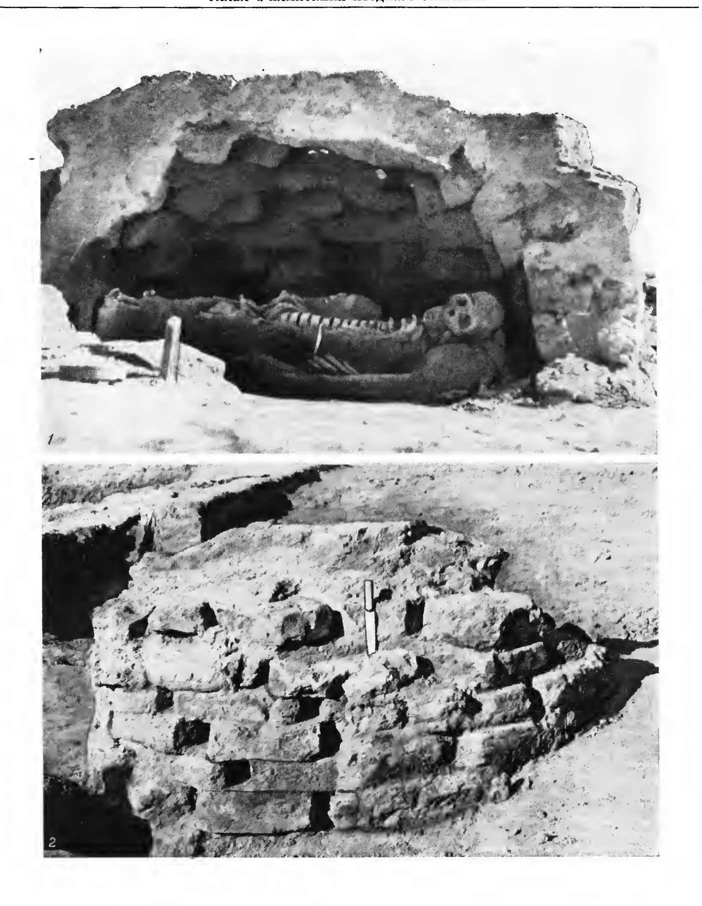

Рис 6. Коллективные гробницы Геоксюра 1 (*1—2*)

21А), равно как и двусторонними бордюрами (9, 11, 13, 14, 18) и сетками (12А, 20) с точки зрения композиции, крупными многоступенчатыми крестами с разным внутренним заполнением и их частями, а также контурным крестом с крестообразной фигурой внутри, образованной ромбом и четырьмя треугольниками (так называемый геоксюрский крест) как ведущими элементами орнамента.

По сравнению с керамикой карадепинского стиля, помимо иного цветового решения (бóльшая роль красноватых тонов), геоксюрской керамике присуще использование в росписи преимущественно крупных четко читаемых геометрических фигур, не теряющихся в пестроте дробной орнаментации. Зооморфные мотивы более редки по сравнению с посудой карадепинского стиля и представлены геометризированными фигурами животных. Так, туловище рогатых копытных, скорее всего козлов, прямоугольное, стилизовано под общую геометрию орнамента, на брюхе помещен треугольник с изображением полукреста, переданного фоновым просветом. Необычны фигуры четвероногих существ, имеющих туловище с сетчатым заполнением, переданные точками глаза и небольшие уши. Иногда подчеркнуты признаки мужского пола. Можно было бы предположить, что перед нами предельно измененные в угоду общему стилю воспроизведения пятнистых животных — барсов с характерным изгибом спины, превращенным в резкий излом (*Сарианиди В. И.*, 1960б, с. 254—255). Но хвост существ в ряде случаев длинный, а иногда короткий и даже поднят вверх, чем отличается от трактовки хвоста у барсов. Антропоморфные изображения и изображения птиц на керамике геоксюрского стиля пока не известны.

Наряду с массовыми находками фрагментов посуды геоксюрского стиля явно местного производства при раскопках двух верхних слоев Геоксюра 1 найдена керамика, по стилю и технике исполнения идентичная керамике западной группы памятников, в первую очередь слоя Кара 2, но частично и Кара 3 (*Массон В. М.*, 1962в, с. 19), и Кара 1Б, что позволяет достаточно четко синхронизировать эти два строительных горизонта со стратиграфической колонкой Карадепе.

Среди терракотовых статуэток Геоксюра 1 преобладают антропоморфные, причем одновременно встречаются женские статуэтки второго статуарного типа, воспроизводящие массивных матрон с опущенными вниз руками, и более изящные скульптуры из числа фигурок третьего типа. На статуэтках второго типа краской нанесены различные изображения, в том числе ожерелья (иногда двухрядные), и рисунки на бедрах, среди которых имеются фигуры фантастических животных с изломанным под углом туловищем. Есть и мужские статуэтки, увенчанные шапочками или шлемами. Специально изучавший эти терракоты В. И. Сарианиди отмечает, что их лица сделаны способом выдавливания в особых формочках с последующей обработкой деталей (*Сарианиди В. И.*, 1965а, с. 35). Шлемы не сохранились, но в целом терракоты очень близки карадепинской «головке воина».

Для позднеэнеолитического комплекса Геоксюра 1 характерны и сосуды, выточенные из мраморовидного и кристаллического известняка: конические чаши, парадные сосуды с гофрированными стенками — высокие с выделенным горлом и более низкие цилиндрические кубки. Обычно из мягкого серого известняка, а реже — из более твердых пород камня изготовлялись ступки, зернотерки, куранты и подпятники. Имеются также каменные кольца-утяжелители диаметром 5—15 см. Найденные в небольшом количестве «наконечники стрел» использовались, как показал проведенный Г. Ф. Коробковой трасологический анализ, в качестве сверл при обработке камня, скорее всего при изготовлении упомянутых выше сосудов (*Коробкова Г. Ф.*, 1964). Отметим найденный на Геоксюре 1 обломок выточенной из камня печати-амулета с изображением фигуры многоступенчатого креста, повторяющим один из основных мотивов росписи керамики геоксюрского стиля.

Количество медных изделий, происходящих с Геоксюра 1, невелико, что вообще характерно для энеолитических памятников Средней Азии. В их числе имеются четырехгранные в сечении шилья, булавки с лопаточковидными навершиями, разные варианты плоских двусторонних ножей, круглые, слегка вогнутые зеркала без ручки.

Поселение Чонгдепе, занимающее площадь около 3,5 га, является вторым пунктом Геоксюрского оазиса, где отмечено интенсивное обживание в пору позднего энеолита, когда налицо симптомы упадка и постепенного запустения всего района. Раскопками верхнего строительного горизонта памятника был выявлен участок, тесно застроенный многокомнатными домами-массивами, отделенными друг от друга узкими проулками (*Сарианиди В. И.*, 1965а, с. 11—13). К сожалению, ни один из комплексов не раскопан полностью, хотя один вскрыт в достаточно значительных масштабах. Интересно, что на вскрытом участке оказалось пять комнат с дисковидными очагами-алтарями на полу, такими же, как на Геоксюре 1. На стенах некоторых комнат и на заполнявших их кирпичных блоках сохранились следы длительного воздействия огня. Как уже отмечалось, функционально такие помещения можно рассматривать в качестве домашних святилищ. На Чонгдепе эти пять строений планировочно связаны с пятью разными комплексами. Каждый такой комплекс объединял не менее десяти строений, часть которых была жилыми комнатами. Наиболее полно изученный комплекс 1 включал шесть жилых комнат, домашнее святилище с очагом-алтарем и кухню с двумя очагами. Судя по составу, многокомнатные дома-массивы Чонгдепе аналогичны комплексам Геоксюра 1. Коллективные гробницы на Чонгдепе не встречены, вероятно, потому, что раскапывалась центральная часть поселения, тогда как могильники устраивались на его периферии или на заброшенных участках. В заполнении вскрытых строений расчищено три погребения, совершенных в скорченном положении на боку или на спине, без погребального инвентаря.

Комплекс изделий (табл. XXII, *1—18*), обнаруженных при раскопках строений верхнего горизонта Чонгдепе, ярко характеризует этап, следующий за Геоксюром 1. На это, в частности, указывают находки керамики карадепинского стиля типа Ка-

ра 1Б, но в основном типа Кара 1А. Определенные изменения могут быть отмечены и в керамике геоксюрского стиля, образующей основную массу находок. Появляется некоторая небрежность в исполнении орнамента, ухудшается качество красной краски, которая становится блеклой и менее густой. Мотив геоксюрского креста, хотя и сохраняется, становится более редким и упрощенным — углы креста, вписанного в ромбовидный шеврон, в отличие от расписной керамики Геоксюра 1 нередко доходят до линии, образующей этот шеврон. На первое место в росписи выдвигается мотив многоступенчатого креста — иногда с вписанным в него ромбом, иногда и без него. В отдельных случаях этот крест просто очерчен черной линией без тонирования самой фигуры красным цветом. Появляются черепки, на которых многоступенчатый крест небольшого размера вписан в ромб из зубчатых линий, а по четырем углам квадрата, в пределах которого располагается эта композиция, находятся фигуры в четверть креста. Эта дробная орнаментика, ведущая к измельчанию и пестроте исходных мотивов геоксюрского стиля, в дальнейшем, как показывают материалы Алтындепе, станет преобладающей в расписной керамике.

Терракота Чонгдепе верхнего горизонта также несет явственные черты более позднего по сравнению с Геоксюром 1 происхождения. Массивных женских фигурок второго типа здесь нет; их полностью сменили терракоты третьего типа. Изредка они имеют роспись, но практически ее заменили налепы, которыми передаются ожерелья, косы, шишечки на плечах. Плечи ряда статуэток подчеркнуто прямоугольные. Особенно интересна одна статуэтка с уцелевшими на животе пальцами, переданными налепом и ясно указывающими на положение рук, сложенных под грудью. Возможно, именно таков был исходный иконографический тип многих терракот позднего энеолита, для которых обычны лишь опущенные вниз отрезки рук (до локтя).

Материалы с керамикой геоксюрского стиля отмечены на поселении, расположенном в пойме р. Теджен на 102-м км дороги Теджен—Серахс (*Адыков К. А., Массон В. М.*, 1960; *Сарианиди В. И.*, 1965а, с. 8), и на сравнительно крупном раннеземледельческом поселении Улугдепе близ Душака, а недавно открыты в дельте Мургаба (*Масимов И. С.*, 1976). Фрагменты керамики геоксюрского стиля были собраны на Улугдепе еще в 1952 г. Б. А. Куфтиным. При последующих раскопках, проведенных на этом памятнике В. И. Сарианиди, обнаружены две позднеэнеолитические полуразвеянные гробницы, содержавшие несколько сосудов, бус и каменную статуэтку (*Сарианиди В. И., Качурис К. А.*, 1968, с. 344). На стратиграфическом раскопе 1 пятый и шестой строительные горизонты с керамикой геоксюрского типа (*Сарианиди В. И.*, 1969) были перекрыты наслоениями времени Намазга IV (слои Улуг 2, 2А, 3 и 4).

Сравнительно подробно изучена последовательность развития позднеэнеолитического комплекса в крупнейшем центре восточной группы памятников — на Алтындепе (*Массон В. М.*, 1977б). В пору энеолита оно формируется как крупное поселение третьего типа, уступавшее по размерам лишь Намазгадепе. Примечательно, что на расположенном рядом поселении Илгынлыдепе именно позднеэнеолитические слои образуют верхний горизонт с керамикой геоксюрского стиля (*Ганялин А. Ф.*, 1959, табл. V—VI), включающей и такие мотивы, как геоксюрский крест и геометризированные фигурки животных. Имеется здесь и терракота этого времени (*Хлобыстина М. Д.*, 1977). По типу керамика Илгынлыдепе особенно близка керамике поселения Геоксюр 1, что позволяет относить ее к ранним этапам развития этого керамического комплекса. Последующее запустение Илгынлыдепе скорее всего было связано с концентрацией населения на Алтындепе, размеры которого как раз в пору позднего энеолита увеличиваются почти вдвое.

Позднеэнеолитические наслоения на Алтындепе выявлены в трех пунктах (*Массон В. М.*, 1970; 1971а; 1972а; 1975; 1977б; *Щетенко А. Я.*, 1968б; 1970). В стратиграфическом раскопе 1, где наиболее глубоколежащие слои раскапывались на сравнительно ограниченной площади, самым ранним позднеэнеолитическим горизонтом был слой Алтын 14. Строительные остатки в нем отсутствовали — раскоп пришелся на мусорные наслоения частично наклонного профиля, располагавшиеся вне пределов нуклеарной части древнего поселения. Этот слой содержал нерасписную краснолощеную керамику с темными пятнами на наружной поверхности (табл. XXIII, *48—51*), напоминающую аналогичную керамику третьего слоя Геоксюра 1. Как и там, расписной керамики здесь вообще нет. Найден торс массивной женской статуэтки второго типа. Слой Алтын 13, где вскрыта часть небольшой комнаты, дал уже характерный комплекс керамики геоксюрского стиля (табл. XXIII, *38—47*), в том числе с полихромной росписью, а также несколько фрагментов, расписанных красной краской, с неясным, как бы потекшим рисунком. Последняя, по заключению исследователей, является весьма ранней и характеризует начальный этап формирования геоксюрского керамического комплекса (*Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 35—36, 122—123). Строительные остатки зафиксированы и в слое Алтын 11—12, где расписная керамика представлена типичными образцами посуды геоксюрского стиля (табл. XXIII, *26—37*). Правда, имеется фрагмент сферического горшка с дробной сетчатой росписью, который по форме и орнаментации ближе керамике карадепинского стиля, что может служить основанием и для синхронизации горизонта по крайней мере с начальным этапом бытования посуды типа Кара 1А. В этом слое обнаружены также фрагменты глиняных статуэток, терракотовые пряслица конической формы и плоская пуговицеобразная поделка с крестовидным орнаментом на одной из сторон.

В слое Алтын 10 вскрыты части двух помещений и овальная в плане погребальная камера возле них. Погребения в камере совершены в двух уровнях — в верхнем находились четыре захоронения взрослых без сопровождающего инвентаря, в нижнем — погребение взрослой женщины с младенцем, с достаточно обильными для позднего энеолита приношениями: пять керамических и два каменных (из белого и розоватого мраморовидного известняка) сосуда, медная булавка с лопаточковидным навершием,

10 бирюзовых пронизок и небольшой медный двулезвийный нож, лежавший среди костей молодого барана. Керамика этого слоя (табл. XXIII, *14–25*) с укрупненным рисунком, с полихромной росписью напоминает посуду Чонгдепе. Вместе с тем здесь довольно многочисленна посуда с монохромной росписью измельченного рисунка, хотя и основанного на таком традиционном для восточной группы памятников элементе, как фигура многоступенчатого креста, который, однако, перестает быть довлеющим элементом композиции.

В слое Алтын 9 обнаружено несколько строений разного функционального назначения. В обрезе раскопа выявлена часть прямоугольного горна. Рядом находилось многокомнатное строение, включавшее комнату с круглым очагом посередине и стоящим в нем сосудом с гофрированным туловом, выточенным из мраморовидного известняка. По аналогии с Геоксюром 1 и Чонгдепе можно заключить, что это было небольшое домашнее святилище. За стеной, судя по толщине,— внешней для всего дома, располагалась овальная в плане усыпальница с двумя захоронениями. На полу камеры и поверх костей скелетов отмечены отпечатки циновок. Погребальный инвентарь включал два расписных сосуда, два терракотовых навершия, каменную бусину и небольшой медный треугольник, возможно, наконечник стрелы. Наряду с расписной полихромной керамикой геоксюрского стиля (табл. XXIII, *6, 12*) здесь все более увеличивается число сосудов, орнаментация которых развивает те же традиции, но в более дробном и одноцветном исполнении (табл. XXIII, *7–10, 13*). Имеется и несколько фрагментов расписной керамики карадепинского стиля, в том числе с изображением пятнистых животных, явно происходящей из западной группы памятников.

По существу те же традиции развиваются в росписи керамики вышележащих горизонтов, в связи с чем значительную сложность представляет вопрос о разграничении на материалах Алтындепе позднеэнеолитических комплексов и комплексов времени Намазга IV, т. е., по существующей системе периодизации, ранней бронзы. Находки привозной керамики карадепинского стиля в слое Алтын 9 свидетельствуют о его принадлежности к позднему энеолиту. Произведенный Л. Б. Кирчо по матрице В. С. Робинсона анализ коэффициентов сходства разных групп керамики с раскопа 1 также показал, что слой Алтын 9 теснее связан со слоями Алтын 10–13, чем со слоями Алтын 4–8 (*Кирчо Л. Б.*, 1972). Видимо, именно здесь проходит значимая грань, разделяющая комплексы разных периодов (табл. 5).

Таким образом, работы на раскопе 1 показали, что здесь изучалась окраинная часть позднеэнеолитического поселения, где располагались гробницы и начало сосредоточиваться керамическое производство, достигшее особого расцвета в эпоху бронзы, когда на этом участке Алтындепе находились жилые комплексы и производственные мастерские (так называемый холм ремесленников).

Довольно значительной оказалась свита позднеэнеолитических наслоений в шурфе на раскопе 11. Здесь отмечено шесть строительных горизонтов, соответствующих наслоениям Алтын 9 — Алтын 14, причем уже в первом из них найдена импортная керамика карадепинского стиля. Ниже шли мусорные слои поры среднего энеолита, наклон которых указывает на их периферийное положение на склоне древнего холма. Следовательно, на данном участке, как и на раскопе 1, в пору позднего энеолита происходит увеличение обжитой площади, жилые дома надвигаются на окраины среднеэнеолитического поселка. Эволюция расписной керамики здесь аналогична наблюдавшейся на раскопе 1. Отметим рисунки козлов с прямоугольным туловищем и фрагмент терракотовой коробочки с резной орнаментацией на наружной стороне.

Таблица 5. Коэффициенты сходства разных групп керамики по слоям на раскопе 1 Алтындепе

Слой	4	5	6	7	8	9	10	11–12	13	14	15
4	200	141	99	41	40	12	3	15	13	–24	19
5	141	200	54	38	–43	6	6	0	0	0	0
6	99	–54	200	38	–45	33	24	–41	34	–47	29
7	41	–38	38	200	111	–138	81	52	26	–29	–32
8	40	43	45	111	200	118	113	84	33	27	–30
9	12	–6	33	138	–118	200	146	108	55	41	–57
10	3	6	24	81	113	146	200	125	52	36	–47
11–12	15	0	41	52	84	108	125	200	62	47	–56
13	13	0	34	–26	33	55	–52	62	200	170	–173
14	24	0	47	–29	–27	41	–36	47	170	200	170
15	19	0	29	32	–30	57	–47	56	173	–170	200

Наконец, позднеэнеолитические слои изучались в шурфе 3 в южной части Алтындепе, где их мощность оказалась наиболее значительной — 6 м. Особенно важно, что эти слои залегают на материке, документируя сложение Алтындепе как крупного населенного центра именно в пору позднего энеолита. В самых нижних горизонтах расписной керамики нет, но зато многочисленна посуда с красной лощеной поверхностью, покрытой черными пятнами, как в слое Алтын 14. Терракотовые статуэтки и некоторые другие предметы из позднеэнеолитических напластований Алтындепе, изучавшихся, помимо отмеченных пунктов, еще и в шурфе на раскопе 5, в целом аналогичны соответствующим изделиям Геоксюра 1 и Чонгдепе.

Таким образом, позднеэнеолитические материалы западной и восточной групп памятников характеризуются достаточно представительными коллекциями, демонстрирующими, в числе прочих черт, их значительное своеобразие, особенно керамических комплексов. Изменения происходят на западе и на востоке почти одновременно. Геоксюрская керамика если и старше посуды карадепинского стиля, то лишь на один строительный горизонт. В целом можно сказать, что обе керамические традиции сосуществуют. Естественно встает вопрос о характере наблюдаемых отличий и их значении для археологической систематики и исторической интерпретации. Уже на первых этапах открытия геоксюрских комплексов отмечено их существенное отличие от материалов памятников западной группы. Различия керамических комплексов были выражены столь значительно, что даже возникал вопрос, правда, не получивший отражения в печати, не имеем ли мы

Расписная керамика. Средняя Азия

Ялангачдепе, средний энеолит
Ялангачдепе, средний энеолит
Геоксюр, поздний энеолит

Геоксюр, поздний энеолит
Геоксюр, поздний энеолит
Геоксюр, поздний энеолит

Расписные сосуды позднеэнеолитических памятников Средней Азии (Карадепе, верхний справа — Алтындепе)

дело с двумя разными культурами. Рассмотрим этот вопрос с точки зрения типологии, предлагаемой в настоящем издании.

Сопоставление отдельных элементов позднеэнеолитических комплексов восточной и западной групп частично суммировано в прилагаемой таблице (табл. XXIV). Оно свидетельствует о значительной их близости по ряду признаков. Это касается типов поселений, их застройки с характерной планировочной единицей в виде жилой комнаты, сопряженной с хозяйственными помещениями, типов терракот, ориентировки погребений, основных видов медных изделий, включая булавки с лопаточковидными навершиями, распространения в обеих группах нового типа погребальных сооружений — коллективных гробниц. Правда, здесь имеются некоторые нюансы: коллективные гробницы пока в бо́льшем числе известны на востоке, чем на Карадепе, где, однако, основные работы велись в центральной части памятника, тогда как могильники обычно располагаются на окраинах. Кроме того, на памятниках восточной группы преобладают овальные в плане гробницы. По существу своего рода культурное противостояние сводится к различным керамическим стилям. Но и здесь имеется ряд общих черт, отмеченных при характеристике позднеэнеолитического периода в целом. Так, для керамики карадепинского и геоксюрского стилей в равной мере характерны биконические сосуды, четыре типа композиционных схем, такой элемент росписи, как фигура многоступенчатого креста. В остальном керамика карадепинского и геоксюрского стилей, как было показано выше, существенно различается. При этом можно отметить и ряд других элементов росписи, общих для обеих керамических школ. Следовательно, различия комплексов приходятся главным образом на керамику, т. е. лишь на один набор типов из числа многих, составляющих археологическую культуру. Все это дает основания заключить, что анауская культура на позднеэнеолитическом этапе своего развития выступает в виде двух локальных вариантов — геоксюрского и карадепинского, территориально совпадающих с двумя локальными вариантами поры среднего энеолита.

Весьма сложна проблема происхождения обоих локальных вариантов. Набор типов этого периода в целом ряде проявлений существенно отличается от набора типов предшествующего периода, что и позволяет достаточно четко выделять позднеэнеолитические комплексы. Этот вопрос имеет уже сравнительно длительную историю изучения, в ходе которой высказывались, причем иногда одним и тем же исследователем, диаметрально противоположные мнения. Анализ расписной керамики карадепинского типа с самого начала показал ее теснейшие связи с такими иранскими комплексами, как Сиалк III, 4—7 и Гисар IB—IIA (*Массон В. М.*, 1956а, с. 315—320). Дальнейшие работы, в первую очередь широкие раскопки Карадепе и интерпретация добытых при этом материалов, показали, что позднеэнеолитическая терракота испытала влияние иконографии убейдской пластики Южного Двуречья (*Массон В. М.*, 1963; 1964в, с. 424—425). Некоторые изменения в погребальном обряде и появление нового антропологического типа позволяли заключить, что в это время в районе западной группы памятников имела место инфильтрация нового населения, принесшего ряд культурных традиций, но что оно было в значительной мере ассимилировано аборигенами (*Трофимова Т. А., Гинзбург В. В.*, 1960; *Массон В. М.*, 1964в, с. 430).

Дискуссию вызывает и проблема происхождения геоксюрского локального варианта. Первоначально ставился вопрос о возможном сложении геоксюрского стиля, не исключая отдельных влияний со стороны, под воздействием некерамических видов прикладного искусства — тканей и плетеных изделий (*Массон В. М.*, 1960а, с. 23—24). В дальнейшем анализ выявил тесную, но, видимо, и отдаленную генетическую связь геоксюрского креста с орнаментальными традициями Месопотамии и Элама (*Массон В. М.*, 1963; *Сарианиди В. И.*, 1963а). Одновременно указывалось на месопотамские связи геоксюрской терракоты, на западный генезис усыпальниц с ложным сводом. Это в целом привело к заключению о проникновении инокультурных групп населения и в восточный район, хотя здесь антропологические свидетельства были менее очевидны (*Сарианиди В. И.*, 1963а, с. 7, 16; *Хлопин И. Н.*, 1962б, с. 18), что заставляло говорить лишь «о волне иранских и более отдаленных влияний» (*Массон В. М.*, 1964в, с. 433). В. И. Сарианиди все более убеждался в существовании миграции (*Сарианиди В. И.*, 1971), а И. Н. Хлопин пытался вывести мотив геоксюрского креста из местной орнаментальной традиции, отрицая наличие каких-либо влияний в Геоксюрском оазисе и объясняя некоторые общие с Месопотамией черты терракот исключительно конвергенцией (*Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 155; 1966; 1969, с. 50).

Рассмотрим имеющиеся позднеэнеолитические материалы именно с генетических позиций, выделяя два показателя: типы объектов, имеющие прямую связь с местной среднеэнеолитической традицией, и типы объектов, которые можно рассматривать как инновации. По технике домостроительства, технологии изготовления керамики, уровню металлургии, широко использующей медное литье, позднеэнеолитические комплексы прямым образом связаны с достижениями предшествующего периода и отличаются лишь отдельными усовершенствованиями, не выходящими за рамки генетического развития. Иную картину мы наблюдаем в материалах, свидетельствующих о соотношении культурных традиций и инноваций (табл. 6).

В погребальном обряде скорченное положение и преимущественно южная ориентировка явно продолжают местные традиции поры среднего энеолита (табл. 7). Показательно, что в четырех коллективных гробницах Геоксюра 1 преобладает южная ориентировка погребенных (*Сарианиди В. И.*, 1965б, с. 18), причем в данном случае мы имеем дело с наиболее ранними комплексами геоксюрского типа. Позднее, как свидетельствуют погребения слоев Алтын 10 и Алтын 9 (*Массон В. М.*, 1977б, с. 165—169), доминирует уже северная ориентировка, господствующая и в эпоху бронзы.

В равной мере в раннегеоксюрских слоях встречаются женские статуэтки второго типа, прямо продолжающие местную традицию поры среднего энео-

Таблица 6. Позднеэнеолитические комплексы. Сочетание местных традиций и инноваций

Тип объектов		Средне-энеолитическая традиция, %	Инновации, %
Дома	Техника домостроительства	+	—
	Дома-массивы	—	+
Погребения	Скорченное положение	+	—
	Ориентировка	87	13
	Одиночные	+	—
	Коллективные	—	+
Керамика	Технология	+	—
	Типы форм	75	25
	Типы композиций	27	73
	Элементы орнамента	10	90
Керамические изделия	Женские статуэтки второго типа	+	—
	Женские статуэтки третьего типа	—	+
	Мужские статуэтки	—	+
	Статуэтки животных	+	—
	Типы пряслиц	+	—
Печати-амулеты		—	+

Таблица 7. Ориентировка энеолитических погребений

Период	Традиционная ориентировка				Всего
	Ю	ЮЗ	ЮЮЗ	ЮЮВ	
Средний энеолит (время Намазга II)	20	6	32	1	59
Поздний энеолит (время Намазга III)	9	3	23	—	35

Период	Нетрадиционная ориентировка						Всего
	С	ССВ	ССЗ	З	ЗСЗ	В	
Средний энеолит (время Намазга II)	—	—	1	1	—	1	3
Поздний энеолит (время Намазга III)	—	3	2	—	1	1	7

лита. В керамических комплексах, в первую очередь в типах форм сосудов, преемственность особенно значительна, а имеющиеся различия в деталях отражают наличие вариантов в пределах единого типа. Некоторая преемственность наблюдается и в типах композиций, и в элементах орнамента. Так, третий вариант рисунков козлов на керамике карадепинского стиля с изображением четырех ног генетически явно связан с зооморфными мотивами керамики среднего энеолита. Однако именно в зооморфном орнаменте инновации особенно значительны и впечатляющи.

Итак, в число новых черт позднеэнеолитических комплексов мы включаем многокомнатные дома, коллективные гробницы, женские статуэтки третьего типа, мужские статуэтки и основную часть типов композиций и элементов орнамента на керамике карадепинского и геоксюрского стилей. Появление многокомнатных домов и коллективных гробниц объясняется внутренними процессами развития общества и связывается с повышением роли большесемейных общин, что подробнее будет рассмотрено в следующей главе. Правда, сама архитектурная форма круглоплановых гробниц с ложносводчатым перекрытием истоков в местном строительстве не имеет; здесь вполне возможны месопотамские воздействия (*Сарианиди В. И.*, 1959а; 1960б, с. 299; *Массон В. М.*, 1964б). В литературе достаточно полно освещено несомненное влияние художественной традиции мелкой пластики Южного Двуречья на среднеазиатскую терракоту, использование характерных элементов которой (подпрямоугольные плечи, сложенные на животе руки, налепы на плечах женских статуэток) в сочетании с местной традицией изображения сидящих женщин (в убейдских комплексах они стоящие) в конечном итоге и привело к формированию терракот третьего типа. Элементы эти настолько специфичны, что едва ли может идти речь об их конвергентности. Еще в большей мере это касается мужских статуэток с цилиндрическим основанием и косой перевязью через плечо. Не вызывает сомнений и тот факт, что разнообразие зооморфных мотивов керамики карадепинского стиля исходным прототипом имело соответствующие мотивы керамики центральноиранских памятников, причем отмечено даже механическое подражание этим образцам. Это хорошо видно на примере пятнистых барсов, которые в Иране изображались двупалыми в профиль, а в Средней Азии были переосмыслены как четырехпалые, хотя точечное заполнение по-прежнему давалось в расчете на профильную двупалую фигуру. Новые материалы по расписной керамике Центрального Ирана показывают, что здесь постепенно формировался тот анималистический стиль, который вошел как один из компонентов в карадепинский керамический комплекс (*Maleki V.*, 1968). Однако в целом карадепинский стиль во всем его разнообразии не только не представлен на иранских памятниках, но даже, как есть основания полагать, оказал воздействие на одновременную расписную керамику Гиссара (*Deshayes J.*, 1975, p. 109).

В значительной мере это относится и к восточной группе позднеэнеолитических памятников, где распространена аналогичная терракота, а в керамике геоксюрского стиля лишь отдельные мотивы, в частности геоксюрский крест, имеют отчетливые и более древние месопотамско-эламские прототипы. Отметим, что названный мотив очень специфичен, поскольку семантически восходит к изображению четырех козлов на углах центрального ромба (*Массон В. М.*, 1963) и потому никак не может быть искусственно создан путем простого сложения ромба и треугольников, как полагает И. Н. Хлопин (*Хлопин И. Н.*, 1966), ранее также горячий сторонник западного прототипа (*Хлопин И. Н.*, 1962б, с. 7—8, 18). Вместе с тем геоксюрский стиль в целом не имеет истоков как законченный, устойчивый комплекс. Более того, по мере развертыва-

ния работ в Восточном Иране, Афганистане и Пакистане, все отчетливее выступает его существенное влияние (вкупе с карадепинским стилем) на расписную посуду оседлоземледельческих племен этих районов (*Массон В. М.*, 1964в, с. 439; *Dales G. F.*, 1973, р. 166; *Biscione R.*, 1973, р. 108—114; *Массон В. М.*, 1977б, с. 187). Все это заставляет вернуться к вопросу о возможном использовании в карадепинской и геоксюрской росписях композиций и мотивов, выработанных в ткачестве или в других художественных ремеслах. Действительно, ряд мотивов росписи явно указывает на подражание аппликациям; не случайны аналогии и с ковровыми орнаментами (*Сарианиди В. И.*, 1967; *Кирчо Л.Б.*, 1975). Показательно, что из 15 типов композиций геоксюрской керамики 7 — двусторонние, а 5 отсутствуют в среднем энеолите.

Таким образом, на начальной фазе позднего энеолита в культуре среднеазиатских оседлоземледельческих общин происходят важные сдвиги, ведущие к сложению сначала на востоке, а затем посредством комплекса Кара 1Б и на западе совершенно новых керамических стилей. При этом использованы отдельные мотивы ирано-месопотамского культурного круга, но они были органически включены в местный керамический стиль. Наличие нового антропологического типа на Карадепе, появляющегося как раз в это время, позволяет предполагать, что имела место и частичная инфильтрация нового населения, во всяком случае, в западной группе памятников. Показательно, что в Средней Азии в это время не наблюдается культурной интеграции. Напротив, своеобразие восточной и западной групп памятников не только сохраняется, но и обретает новые формы. Даже в керамических комплексах, где мы видим следы бесспорного воздействия со стороны, сохраняется набор местных форм сосудов, отличный от Ирана, не говоря уже о Месопотамии. Во всех отношениях воздействие со стороны было менее значительным, чем в пору раннего энеолита, когда складывался комплекс типа Анау IА.

Глава пятая
Основы хозяйства и общественный строй энеолитических племен Средней Азии

Кардинальный хозяйственный переворот, приведший человечество к эпохе производства продуктов питания, в Средней Азии завершился еще в пору неолита, и в этом отношении неолитическая джейтунская культура является достаточно ярким примером ранних оседлоземледельческих обществ, в хозяйстве и культуре которых еще много неизжитых архаических черт (*Массон В. М.*, 1971в). Поэтому энеолитические племена Средней Азии уже на самых ранних этапах своего развития выступают как общество со сложившейся земледельческо-скотоводческой экономикой, где все бóльшую роль начинают играть различные производства, развивающиеся по линии профессиональной специализации и постепенно перерастающие в ремесла.

Судя по всему, в пору Анау IА земледелие носило характер полуполивного, использующего разливы постоянных и временных водотоков, с обваловкой полей для удержания воды и устройством небольших канав для регулирования орошения. Во всяком случае, на это указывает уже само расположение поселений в зоне дельтовых разливов небольших рек и ручьев. Так, на Овадандепе под руинами домов времени Анау IА отмечены чередующиеся натеки темной иловатой глины и желтого песка, свидетельствующие, что эта территория, охватывающая дельтовый участок ручья Карасу, регулярно затоплялась. Восточная группа поселений этого времени сосредоточивалась в районе достаточно полноводных рек — Мианасая и Чаачасая. Наличие на Чакмаклыдепе значительного числа углей тополя и карагача (*Лисицына Г. Н.*, 1964б; 1968а, с. 53) свидетельствует о большой облесенности и соответственно обводненности территории. Судя по характеру материковых наслоений, поселение Чакмаклыдепе было основано на аллювиальных отложениях. За время своего существования оно подверглось катастрофическому наводнению, в результате которого руины домов оказались погребенными почти под полуметровым слоем глины, разделяющим культурные слои (*Лисицына Г. Н.*, 1965, с. 152). Для регулирования поступления воды на поля использовались мотыги с массивными наконечниками, впервые появившиеся в Южном Туркменистане в пору Анау IА (табл. IX, *27*). Урожай собирался серпами с прямой основой, куда вставлялись кремневые вкладыши, обработанные ретушью и имеющие иногда зубчатые лезвия (*Коробкова Г. Ф.*, 1969, с. 47).

Ограниченность определений остеологических материалов затрудняет характеристику раннеэнеолитического скотоводства. В материалах северного холма Анау отмечены кости мелкого и крупного рогатого скота, а также, по определению В. И. Цалкина, верблюда (*Ершов С. А.*, 1956б, с. 32). Большое число пряслиц, составляющих характерную черту Анау IА как археологического комплекса, косвенно указывает на широкое развитие овцеводства. Вместе с тем число кремневых скребков для обработки шкур весьма незначительно (*Коробкова Г. Ф.*, 1969, с. 47), что может быть поставлено в прямую связь с распространением медных изделий.

Из домашних производств определенный прогресс наблюдается в изготовлении тонкостенной глиняной посуды, хотя в литературе ведется дискуссия по поводу того, имелись ли уже специализированные горны для ее обжига (*Сарианиди В. И.*, 1963б; *Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 116). Но наиболее важным, безусловно, было внедрение металлургии, открывавшей широкие возможности для профессиональной специализации. Исследования, проведенные Н. Н. Тереховой, показали, что в пору Анау IА применялись такие приемы металлообработки, как литье в открытую форму, ковка плавленой меди и термическая обработка — промежуточный отжиг (*Терехова Н. Н.*, 1975а, с. 6; 1975б, с. 29). Совершенно ясно, что в это время на юге Средней Азии складывается металлургический очаг, работающий на привозной руде, скорее всего иранского происхождения.

Земледелие и скотоводство — эти два кита производящей экономики составляли основу хозяйства южнотуркменистанских племен и в пору Намазга I (*Шевченко А. И.*, 1960; Очерки..., 1971). На полях высевались мягкая пшеница и двурядный ячмень. Недостаточность естественных осадков побуждала к развитию ранних форм искусственного орошения, возможно, к сооружению подпруд на подгорных ручьях (*Букинич Д. Д.*, 1924; 1929). В этом отношении особенно благоприятные условия были в Геоксюрском оазисе, где поселения располагались по берегам достаточно полноводных, хотя и некрупных, дельтовых протоков р. Теджен. Протоки, блуждая по равнине и затопляя обширные пространства в пору паводков, открывали значительные возможности для развития орошаемого земледелия. Об этом свидетельствуют результаты изучения почвенных разрезов в Геоксюрском оазисе, широкое освоение которого происходит как раз в раннем энеолите. Установлено, что в период внедрения здесь земледелия происходили дельтово-озерные разливы. Их усыхание сопровождалось формированием почв лугово-болотного типа и могло быть ускорено искусственным путем. Именно эта почва обрабатывалась под подсевы, а затем вновь затоплялась, чему благоприятствовали низкие берега дельтовых протоков. По мнению почвоведа Н. Г. Минашиной, «это была искусственно регулируемая лугово-болотная фаза развития почв» (*Минашина Н. Г.*, 1969, с. 124). В ходе культивирования неоднократно

имели место и катастрофические разливы, документированные в разрезах глинистыми отложениями. Орошение было длительным, поскольку слой окультуренной почвы достигает толщины 40 см. По расчетам специалистов, для его образования потребовалось не менее 800 лет (*Минашина Н. Г.*, 1969, с. 125). Таким образом, в пору раннего энеолита сложилось мелкооазисное земледелие, концентрировавшееся на подгорной равнине по берегам речек и ручьев и частично захватившее древнетедженскую дельту. Для обработки почвы использовались палки-копалки с каменными кольцами-утяжелителями, которые найдены на ряде поселений. Каменные мотыги переднеазиатского типа, появившиеся в пору Анау IA, в слоях времени Намазга I пока не обнаружены. Малочисленность кремневых вкладышей серпов заставляет предполагать, что были распространены серпы из меди. Обработка продуктов земледелия производилась с помощью каменных ступок и зернотерок.

Мясо домашних животных уже прочно заняло господствующее место в пищевом рационе: на Дашлыджидепе оно составляло свыше 80% всей мясной пищи. Наряду с крупным и мелким рогатым скотом разводили также свиней. Отсутствие на поселениях загонов и стойл предполагает, что скотоводство было отгонным. Некоторое разнообразие в пищевой рацион вносила охота на джейранов, куланов и оленей. На волков охотились, видимо, с целью получения шкур и охраны стад.

Налаженное земледельческо-скотоводческое хозяйство способствовало прогрессу домашних производств, постепенно приобретавших черты первобытных ремесел. Кремневая индустрия приходит в упадок, что является одним из косвенных свидетельств развития металлургии. Правда, сами медные изделия известны в ограниченном числе, что вообще характерно для Южного Туркменистана, лишенного собственной рудной базы. Это квадратные в сечении шилья, обломок двулезвийного ножа, булавки и пронизки, одна из которых витая. Известна также свинцовая пронизка, а на Карадепе в слоях времени Намазга I найден медный слиток с повышенным содержанием сурьмы. Костяные проколки и лощила, вероятно, были связаны с обработкой кожи. Значительного развития достигает ткачество, о чем свидетельствует большое число терракотовых пряслиц конической формы, нередко украшенных нарезным и прочерченным орнаментом. При раскопках Дашлыджидепе обнаружено свыше 50 таких пряслиц (табл. XIII, *15—17*). Начинает выделяться в особую отрасль и производство украшений: из слоев Намазга I происходят многочисленные каменные бусы и пронизки, в том числе сердоликовые и бирюзовые.

Материал для изучения общественного строя энеолитического населения дают раскопки древних поселений и могильников. В пору Анау IA, по имеющимся данным, существовали лишь небольшие поселения, относящиеся, согласно предложенной классификации, к первой группе. Из их числа планировка Монджуклыдепе образована небольшими однокомнатными домами, иногда подквадратными в плане, иногда удлиненными. Судя по площади, они, подобно однокомнатным домам джейтунского неолита, служили местом обитания малой семьи. Поселок объединял до десяти таких домов, и его, видимо, можно рассматривать как поселение коллектива, состоявшего из малых семей, бывших низовой ячейкой общества. Дома с окрашенным интерьером, трактуемые как святилища, могли символизировать идеологическое единство этого коллектива, которым скорее всего была родовая община. Оба известных поселения времени Анау IA — Монджуклыдепе и Чакмаклыдепе — разделены почти посередине поперечной улицей (табл. X, *33*), на основании чего некоторые исследователи высказывали предположение о наличии там и какого-то двучленного (фратриального?) деления общества (*Хлопин И. Н.*, 1964б).

Основной тип застройки поселений однокомнатными домами сохраняется и в пору Намазга I, как это видно на примере Дашлыджидепе (табл. XIII, *29*). Площадь восьми-девяти домов, образовавших этот поселок, в основном невелика — 6—12 кв. м, но один дом имел бóльшие размеры (28,6 кв. м) и тщательную отделку интерьера, включая черную окраску. Возможно, это было место обитания главы родовой общины и его семьи, одновременно служившее местом собраний и культовых церемоний. Население Дашлыджидепе насчитывало 40—50 человек (*Массон В. М.*, 1964в). Вместе с тем в пору Намазга I формируются и такие крупные поселения, как Карадепе и Намазгадепе, относящиеся уже ко второму типу. Их внутренняя структура, вероятно, была более сложной, но широкие раскопки раннеэнеолитических слоев на них не производились.

Нет признаков, указывающих на заметную социальную дифференциацию родового общества в пору раннего энеолита. Обнаруженные на территории поселений погребения или не различаются по инвентарю (относительно беден), или лишены его вообще. В Анау детские захоронения обычно сопровождались некоторым числом каменных бус (до 70), возможно, нашивавшихся на одежду.

Разделение южнотуркменистанских племен в пору среднего энеолита на две большие культурные области не отразилось на их экономической базе. Во всяком случае, при настоящем уровне наших знаний едва ли можно говорить о каких-либо различиях в земледельческо-скотоводческом хозяйстве восточной и западной групп. Так, продолжалось возделывание тех же двух основных культур — мягкой пшеницы и двурядного ячменя. При раскопках Муллалидепе обнаружено 2100 зерен ячменя и лишь 250 зерен пшеницы. Возможно, это свидетельствует о предпочтении, отдававшемся первой из названных культур. Во всяком случае, на Востоке в древности ячмень на полях занимал первое место, а ячменная лепешка и ячменное пиво были основными продуктами питания рядовых общинников и рабов. На Алтындепе отмечены находки мягкой и карликовой пшениц, двурядного и голозерного ячменя (*Лисицына Г. Н.*, 1970б, с. 92). Каменные кольца-утяжелители для палок-копалок, как и на раннеэнеолитических памятниках, встречаются, но отсутствуют наконечники мотыг. Сравнительно редкие кремневые вкладыши серпов с зубчатым рабочим краем (*Коробкова Г. Ф.*, 1964) заставляют ожидать находки серпов, сделанных из металла. Из лиман-

ного и полуорошаемого земледелие постепенно превращается в поливное, дающее устойчивые и обеспеченные урожаи. Это обстоятельство документально засвидетельствовано открытием древних водоемов в Геоксюрском оазисе (*Лисицына Г. Н.*, 1965). Палеоботаник З. В. Янушевич, изучавшая зерна ячменя с поселения Алтындепе поры среднего энеолита, также пришла к выводу, что здесь практиковалось именно поливное земледелие (*Янушевич З. В.*, 1977, с. 1969). Согласно мнению Г. Н. Лисицыной, время среднего энеолита характеризуется зачатками первых ирригационных сооружений в виде небольших арыков (*Лисицына Г. Н.*, 1970а). Земледелие получает широкое распространение: в оазисах подгорной полосы повсеместно в почвенных профилях обнаруживается мощный реликтовый агроирригационный горизонт.

В состав стада входил крупный и мелкий рогатый скот, причем в Геоксюрском оазисе первый составлял около половины всей мясной пищи. Регулярно встречаются кости домашней свиньи, а в Анау — кости верблюда. Обращает на себя внимание отсутствие домашней птицы. Во всяком случае, ее костные остатки не представлены в остеологических материалах (*Ермолова Н. М.*, 1968). Материалы Геоксюрского оазиса позволяют характеризовать форму скотоводства, практиковавшегося энеолитическим населением юго-запада Средней Азии, как отгонную, когда со стадами передвигались одни лишь пастухи. Палеогеографическими исследованиями установлено наличие в эпоху энеолита в Геоксюрском оазисе двух ландшафтов — тугайного и пустынного (*Лисицына Г. Н.*, 1963а; 1963б), причем последний был особенно благоприятен именно для отгонного скотоводства. Естественно, что в этих условиях в составе стада по количеству голов преобладала овца.

Из разного рода производств наиболее массовым было керамическое. Вместе с тем такая решающая стадия изготовления глиняной посуды, как обжиг, во многом являлась еще несовершенной. Специальные технологические исследования установили, что обжиг по крайней мере части керамики времени Намазга II был неравномерным и кратковременным, производился при температуре до 650°. Согласно заключению Э. В. Сайко, это свидетельствует о плохо организованных условиях обжига, на что указывают разные характер и степень преобразования глиняной массы по толщине черепка (*Сайко Э. В.*, 1977, с. 150). В развитии домашних производств в этот период как будто намечается известная межобщинная специализация. Так, из числа поселений Геоксюрского оазиса на Муллалидепе обнаружено более 50 керамических и каменных пряслиц, в то время как на Ялангачдепе такие находки сравнительно редки, но зато найдено около 30 орудий, связанных с кожевенным производством (табл. XVIII, *14*, *15*): шпатели, проколки, развертки, иглы. Вполне вероятно, что обработка кожи и производство различных изделий из нее были одним из основных занятий ялангачцев в условиях развивающегося межобщинного обмена.

В этом отношении, возможно, особенно показательными были бы данные по металлургии, но, к сожалению, места соответствующих производств на древних поселениях пока не обнаружены в отличие от самих медных предметов. Помимо проколок, булавок и пронизок, в их числе имеются пила, нож с намечающимся черешком, плоский односторонний топор-тесло и дротики ромбовидных очертаний. Специальный анализ показал, что медные предметы среднего энеолита изготовлялись из меди, выплавляемой из руды. Отмечается внедрение новых приемов обработки металла — производится наклепка рабочей части изделий, отмечены попытки использовать для литья закрытые формы (*Терехова Н. Н.*, 1975а, с. 7). Очень важен прием заключительного разупрочняющего отжига, производившегося после холодной ковки. В результате такой обработки изделия становились менее ломкими (*Черных Е. Н.*, 1962). Находки украшений из золота и серебра показывают, что в обработку поступили и эти металлы, т. е. местными мастерами была решена задача температурного режима, освоены особенности рудной базы. Правда, рудные источники находились вне Южного Туркменистана, скорее всего на территории Ирана. Таким образом, несмотря на отсутствие местной рудной базы, анауский очаг металлургии достиг в IV тысячелетии до н. э. высокого уровня технического развития.

Вместе с тем регулярное функционирование этого очага требовало налаженной доставки сырья, что, безусловно, стимулировало развитие обмена, превращая его в регулярно действующий инструмент первобытной экономики. Об этом свидетельствует и широкое распространение украшений из лазурита, поступавшего из месторождений Северного Афганистана. Именно в пору Намазга II получают распространение лазуритовые бусы. Судя по заготовкам, лазурит поступал в виде сырья и уже затем обрабатывался местными мастерами. Этот минерал высоко ценился на всем Древнем Востоке. Через территорию, занятую энеолитическими общинами юга Средней Азии, проходил международный путь, по которому лазурит доставлялся в Иран, Месопотамию и далее на запад, вплоть до Египта (*Сарианиди В. И.*, 1968).

В пору среднего энеолита сохраняются два основных типа поселений — небольшие и средние. Более того, изучение памятников Геоксюрского оазиса ясно показывает, что они образуют своего рода иерархическую структуру, когда более крупный поселок, в данном случае поселение Геоксюр 1, был центром оазиса, включавшего, помимо него, еще семь небольших селений (*Сарианиди В. И.*, 1962б). Последние, раскопанные в значительных масштабах, были застроены однокомнатными прямоугольными или овальными в плане домами с отопительными очагами, продолжая в этом отношении раннеэнеолитическую традицию (табл. XVII). Ялангачдепе насчитывало семь-восемь таких домов и, видимо, было населено тем же числом малых семей. На Муллалидепе одновременно функционировало 17—20 жилых домов. Черты коллективности, общественного единства здесь достаточно ярки. Поселки имеют общие зернохранилища и общее святилище, видимо, служившее одновременно местом собраний и именно в это время формирующееся как особый тип здания, выполняющего специфические функции. Иногда однокомнатные сооружения были вплотную при-

строены друг к другу, образуя прототип многокомнатного дома. Однако в отличие от домов-массивов позднего энеолита целенаправленное их сооружение именно как многокомнатных домов не наблюдается: они как бы складываются стихийно. Возможно, уже в этот период повышается значение большесемейной общины в структуре общества, но она еще не имеет своего четко обособленного жилища. Судя по разведочным раскопкам, такова была и застройка крупного поселения Геоксюр 1, все население которого, исходя из коэффициентов застройки мелких поселков, составляло 2000—3000 человек (*Массон В. М.*, 1964в). В целом число жителей Геоксюрского оазиса в пору среднего энеолита может быть ориентировочно определено как 4000—5000 человек. Возможно, оно образовывало самостоятельную племенную единицу.

В тот же период отмечаются и некоторые различия в составе погребального инвентаря, отражающие разный социальный статус или самих усопших, или их семей. Так, в одном из детских погребений на Карадепе обнаружено около 2500 бус, в том числе золотая бусина и гипсовые, обтянутые серебряной фольгой бусы. Но такое положение является исключением. Вероятно, члены родо-племенной системы управления, стоявшей во главе таких сложных организмов, как Карадепе и Геоксюр 1, насчитывающих не менее 2000 жителей, еще не имели возможности (как материальной, так и социальной) подчеркивать размером и характером погребального инвентаря свое особое положение в обществе.

Общий подъем культуры в период позднего энеолита находился в полном соответствии с подъемом экономики оседлоземледельческих племен. С особой убедительностью об этом свидетельствуют исследования, проведенные в Геоксюрском оазисе (*Лисицына Г. Н.*, 1966; 1972). Здесь орошаемое земледелие сделало новый шаг в своем развитии, появились искусственные водоемы и первые ирригационные системы, основанные на каналах. Возможно, в условиях разветвленной гидрографической сети древнетедженской дельты, где располагались геоксюрские поселения, такие сооружения возникли еще раньше — в пору среднего энеолита. Но они пока не обнаружены в отличие от каналов последующего периода, когда творческую инициативу древних земледельцев подстегивало прогрессирующее усыхание дельты. Таков прежде всего водоем у Муллалидепе, где в пору позднего энеолита жизнь была сосредоточена в восточной части поселения. Овальный по форме, он занимал площадь около 1000 кв. м при глубине 3,5 м. На дне его среди глинистых отложений найдены фрагменты расписной керамики геоксюрского стиля. Вода поступала в водоем из соседнего русла и, видимо, использовалась в период засух. Еще больший интерес представляет оросительная система у поселения Геоксюр 1, где из дельтового протока были выведены три канала, частично функционировавшие одновременно (*Лисицына Г. Н.*, 1964а; 1965). Глубина их достигала 1,2 м, а ширина колебалась от 2,40 до 5,05 м. Длина каналов также сравнительно невелика — около 3 км. По обеим их сторонам в верхнем и нижнем течении располагались поля, куда вода подавалась с помощью небольших канав. В заполнении одного из каналов найдена терракотовая женская фигурка достаточно характерного для позднего энеолита типа. Площадь орошаемых земель близ поселения Геоксюр 1 составляла 50—75 га. Проведение специальных каналов позволяло осуществлять многократное орошение посевов, означавшее принципиально новый этап в развитии поливного земледелия, и получать два урожая в год. Геоксюрские каналы, открытые и исследованные Г. Н. Лисицыной, являются древнейшими памятниками такого рода, изученными археологами в Средней Азии (*Лисицына Г. Н.*, 1965). На полях высевались в основном две зерновые культуры — мягкая пшеница и двурядный ячмень. Их зерна обнаружены при раскопках поселений Геоксюр 1 и Чонгдепе.

Определенные трудности вызывает вопрос о земледельческих орудиях поры позднего энеолита. Наконечники мотыг отсутствуют, тогда как каменные кольца-утяжелители для палок-копалок имеются. Вполне вероятно, что именно с помощью этих орудий осуществлялось рытье каналов, причем земля, как это имело место в Месопотамии, относилась в плетеных корзинах (*Лисицына Г. Н.*, 1965). Истлевшие остатки таких корзин обнаружены в толосах. Некоторые исследователи допускают, что для обработки полей использовалась примитивная соха. Действительно, при раскопках позднеэнеолитических памятников обнаружены глиняные колесики от моделей повозок, а роспись отдельных фигурок животных как будто свидетельствует о существовании упряжи (*Массон В. М.*, 1960б).

В скотоводстве в этот период едва ли произошли существенные изменения. В пору позднего энеолита в Геоксюрском оазисе отмечаются усыхание дельты и одновременно резкое сокращение крупного рогатого скота в составе стада. Среди домашних животных представлен и верблюд. Мясное направление животноводства подчеркивается находками остатков комолых овец (*Цалкин В. И.*, 1970). Видимо, роль отгонного скотоводства повышается, и в стаде преобладает овца, прекрасно кормящаяся в пустынной степи.

Существенный прогресс наблюдается в пору позднего энеолита в разного рода производствах. Именно к этому времени относятся одноярусные керамические горны, обнаруженные на поселении Геоксюр 1 (*Сарианиди В. И.*, 1963б). Гончарные печи представляют собой производственные сооружения особого рода, а их введение означает начало перестройки всей технической базы керамического производства (*Сайко Э. В.*, 1971, 1977, с. 24). Художественные достоинства позднеэнеолитической керамики также свидетельствуют о высоком профессиональном мастерстве. Видимо, развитие производства стало возможным благодаря выделению мастеров-профессионалов, специализировавшихся на изготовлении глиняной посуды.

Совершенствуется и обработка камня (*Айзенберг Ю. Б.*, 1958). Отметим использование белого и розоватого мраморовидного известняка, из которого изготовлялись сосуды, часто сложной профилировки, с рифленым орнаментом (табл. XXI, *22—24*; XXII, *20*), а также массивные фигурки людей и животных, имевшие скорее всего культовый характер. При изготовлении каменных сосудов в качестве

сверл использовались кремневые «наконечники стрел» (*Коробкова Г. Ф.*, 1964).

Наиболее значительные изменения происходят в сфере металлообработки. Помимо увеличения числа изделий и разнообразия их форм, именно в пору позднего энеолита наблюдаются, как установила Н. Н. Терехова, существенные нововведения в технологии (*Терехова Н. Н.*, 1975а). Так, отмечаются дифференциация технологических приемов, применявшихся при изготовлении различных изделий, и стандартизация технологии при изготовлении однотипных вещей, осваиваются такие новые приемы, как литье в закрытую форму и по выплавляемой модели. Возможно, использовались даже универсальные заготовки-полуфабрикаты. Подобная стабильность условий производства позволяет сделать заключение о существовании постоянно действующих специализированных мастерских, о вычленении металлообработки в особую сферу производственной деятельности, отделившуюся от горно-металлургического производства (*Терехова Н. Н.*, 1975а, с. 17).

Видимо, определенная специализация происходит и в ювелирном искусстве. В пору позднего энеолита разнообразные бусы и подвески изготавливаются из самых разных материалов — золота, серебра, меди, бирюзы, сердолика, лазурита. Столь разнообразная производственная деятельность, безусловно, требовала профессиональной специализации. Думается, что все отмеченные материалы и данные могут найти объяснение в рамках гипотезы о развитии в этот период общинного ремесла, когда мастер-профессионал обслуживал потребности других членов своей общины именно в силу своей принадлежности к данному коллективу, а не посредством купли-продажи. В свою очередь община обеспечивала мастеров продуктами сельского хозяйства. Подобная организация производства хорошо известна по целому ряду источников и по существу представляет собой попытку общества обеспечить производственный и технический прогресс в рамках традиционных социальных структур (*Массон В. М.*, 1976, с. 62—63). Показательно, что на поселении Геоксюр 1 гончарные горны, связанные с такой специализированной деятельностью, разбросаны по всему поселению и, видимо, отражают рассредоточенный характер расселения мастеров, обслуживающих членов разных общин, в состав которых они входили.

Усложнившейся хозяйственной структуре соответствует и общество более сложной организации. Наряду с поселениями первого и второго типов теперь формируются крупные центры, занимающие несколько десятков гектаров и выделяющиеся в особый, третий, тип памятников. На территории юго-запада Средней Азии в пору позднего энеолита появляются два таких центра — Намазгадепе и Алтындепе. Последнее, судя по всему, увеличивается за счет концентрации населения целой округи, поскольку в это же время происходят сначала сокращение обжитой территории, а затем и полное запустение расположенного неподалеку поселения Илгынлыдепе, относящегося, по крайней мере в пору среднего энеолита, к числу поселений второго типа.

Существенные изменения происходят и в застройке поселений. Однокомнатные строения сменяются многокомнатными домами, возводившимися именно как крупные жилые массивы (табл. XX). В таких домах-массивах, как мы видели, четко выделяется исходный планировочный узел, объединяющий крупную жилую комнату с отопительным очагом и одно — три подсобных хозяйственных строения. Этот исходный планировочный элемент социологически можно интерпретировать как место обитания малой семьи, тем более что и по площади жилые комнаты соответствуют домам раннего и среднего энеолита, а подсобные строения могли использоваться для хранения принадлежавшего ей имущества. Вместе с тем эти исходные планировочные элементы в пору позднего энеолита уже существуют не самостоятельно, как это наблюдается в более ранних поселках, а объединены числом от четырех до восьми в обширный дом-массив, отделенный от других таких же домов улочками или сплошными стенами. Такой дом-массив имел общие для всего дома хозяйственный двор, кухню, зернохранилища, а в памятниках восточной группы — и общее святилище. Эти обстоятельства подчеркивают определенное хозяйственное и идеологическое единство коллектива, обитавшего в доме-массиве, что позволяет социологически трактовать такие дома как место обитания большесемейной (или домовой) общины, состоящей из малых семей и представляющей теперь основную ячейку общинного поселка (*Массон В. М.*, 1960б; 1964в).

Важное значение для дополнительного обоснования подобного вывода имеет факт появления именно в пору позднего энеолита коллективных гробниц. На поселении Геоксюр 1 было раскопано 30 таких гробниц, причем обнаружены останки около 200 погребенных (*Сарианиди В. И.*, 1972). В основном гробницы содержали останки 3—10 человек, хотя в двух находилось более 10 скелетов (рис. 7). Такой количественный состав сам по себе предполагает, что перед нами усыпальницы значительно большего коллектива, чем малая семья. Этим коллективом наиболее логично признать именно большесемейную общину. Действительно, в трех гробницах найдены скелеты очень пожилых людей, возможно, патриархов-прародителей. В трех случаях антропологами, по данным одонтологии, установлено наличие в одной гробнице кровных родственников. Не исключено, что геоксюрские могильники содержат информацию и о более крупных общественных единицах, чем большесемейные общины. Так, погребальные камеры расположены группами: в одном случае на участке сосредоточены четыре гробницы, в другом — семь. Упоминавшаяся выше карадепинская гробница с 23 погребенными также принадлежала какому-то значительному коллективу или использовалась в течение весьма длительного времени.

Судя по всему, социальная дифференциация позднезнеолитического общества (или только ее имущественное отражение) была еще не очень значительна (*Алекшин В. А.*, 1976). Так, по составу погребального инвентаря на Карадепе можно выделить три группы могил: без глиняных сосудов, с одним — тремя сосудами и с восемью сосудами, как правило, с нарядной росписью. Показательно, что в коллективной гробнице на Карадепе в среднем на одного захороненного также приходился один сосуд. Могила с восемью сосудами резко выделяется из числа

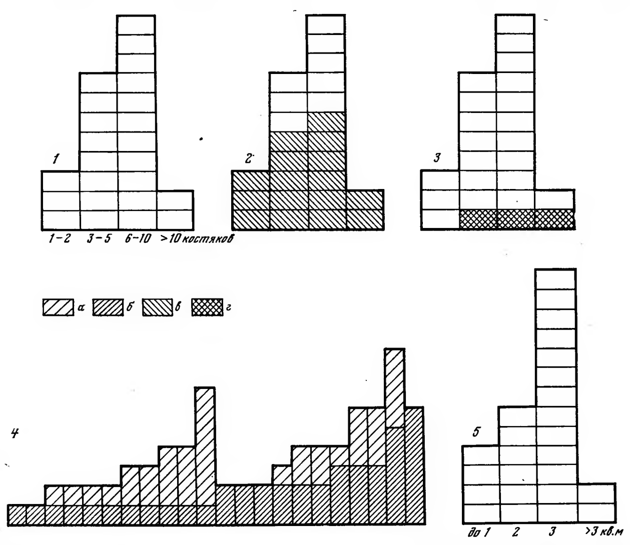

Рис. 7. Распределение погребенных в коллективных гробницах Геоксюра 1

1 — распределение гробниц по числу погребенных; *2* — детские погребения; *3* — погребения стариков; *4* — соотношение мужских и женских погребений; *5* — распределение гробниц по их площади
а — женские могилы; *б* — мужские могилы; *в* — детские могилы; *г* — погребения стариков

остальных, и это ее обособленное положение подчеркивается уникальной находкой — женской статуэткой, нигде более в погребениях Карадепе не представленной. На Алтындепе выделяется богатое погребение с несколькими сосудами и медными изделиями (табл. XXV), на Геоксюре — могила с медными вещами. Можно заключить, что подобные различия в погребальном инвентаре, носящие в основном количественный характер, отражают наличие в позднеэнеолитическом обществе Средней Азии по крайней мере двух социальных прослоек. Высшую из них, надо полагать, составляли жрецы и вожди-старейшины, выполнявшие военные и хозяйственно-организационные функции. Возможно, не случайно именно в пору позднего энеолита появляются терракоты четвертого типа, воспроизводящие бородатых мужчин в боевых шлемах или небольших черных шапочках (табл. XXI, *15*, *16*). Не вполне ясен вопрос о погребениях, вообще лишенных инвентаря. На Карадепе и Алтындепе безынвентарные могилы положением костяков и ориентировкой не отличаются от погребений с сосудами, что говорит об их принадлежности к одной этнокультурной традиции. Если погребенные в них лица и занимали низшую ступень социальной иерархии, то они принадлежали к той же племенной группе, что и основное население поселков, представляя собой либо коренных жителей, либо инкорпорированных в племя чужаков.

Обращает внимание система расселения, формировавшаяся еще по крайней мере в пору среднего энеолита, с крупным центром и подчиненными ему мелкими поселками, блестящим примером чего является Геоксюрский оазис. Если рассматривать поселения третьего типа («суперцентры») как сумму большесемейных (домовых) общин, своего рода прототип городской общины, то группы поселений с двучленной иерархией могут соответствовать более крупному объединению, возможно, племенному (*Массон В. М.*, 1971б). Интересен факт четкого различения по культурным традициям западных и восточных групп памятников, т. е. двух культурных вариантов. Возможно, в данном случае мы имеем дело с двумя племенными союзами, столицами которых были Намазгадепе и Алтындепе.

Глава шестая
Идеологические представления и памятники искусства среднеазиатских племен эпохи энеолита

Среди объектов материальной культуры, содержащих информацию об идеологических представлениях раннеземледельческих племен, необходимо отметить погребальные комплексы, строения специализированных функций, определяемые как святилища, мелкую пластику, объединяющую антропоморфные и зооморфные изображения, и роспись сосудов, рассматриваемую в семантическом аспекте.

Устойчивый погребальный обряд, характерный для анауских племен, предусматривал помещение усопшего в могилу в скорченном положении и нередко в обкладке из сырцового кирпича, что, возможно, имитировало сооружение жилища. Сходным образом можно рассматривать и коллективные усыпальницы — своеобразные домики мертвых, находившиеся по соседству с жилыми кварталами Геоксюра 1 и Карадепе. Вероятно, эти особенности, как и сам факт размещения могил непосредственно на территории поселения, подчеркивали тесную связь усопших с коллективом общины в целом и с микроколлективами типа малой семьи или большесемейной общины. Стандартный набор погребального инвентаря первоначально включал главным образом личные украшения (бусы в ожерельях или нашитые на одежду), а с поры позднего энеолита — и подношения в виде заупокойной пищи, содержавшейся в сосудах, и частей туши барана, обычно далеко не самых лучших (нижние челюсти, кости ног). Эту часть стандартного набора можно рассматривать как помещаемая с усопшим его доля в поминальной трапезе. Представления о потустороннем мире и заботы о благополучии в нем умершего соплеменника в погребальном обряде ранних земледельцев Средней Азии видимого отражения не получили. Захоронения детей в младенческом возрасте производились в пределах функционировавших домов. Таким образом, энеолитические земледельцы Средней Азии при погребальных обрядах подчеркивали тесную связь умершего с коллективом общины и ее обрядовыми действиями, но, как правило, не стремились обеспечить его значительным количеством предметов, в том числе личного пользования, путем помещения их в могилу. Интересна находка у восточной стены коллективной гробницы, раскопанной на Карадепе, женской статуэтки с налепным изображением ползущей по бедру змеи (*Массон В. М.*, 1964б, с. 5). Эта находка может быть сопоставлена с обнаружением на Алтындепе в слоях времени Намазга V у восточной стены погребальной камеры трех женских статуэток и миниатюрных сосудов (*Массон В. М.*, 1971а, с. 430), что, возможно, указывает на особые поминальные обряды, связанные с использованием терракотовых идольчиков.

О том, что энеолитическое общество уделяло особое внимание культовым обрядам и церемониям, свидетельствует сравнительно широкое распространение в среднеазиатском энеолите строений специфических функций, достаточно убедительно трактуемых как святилища. Эти строения обнаружены на целом ряде памятников, и им уже посвящено несколько специальных работ (*Сарианиди В. И.*, 1962а; *Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 76–79; 1971). Раскопки Песседжикдепе показывают, что генезис таких сооружений, бывших организационным и в известной мере планировочным центром оседлоземледельческих общин, восходит еще к неолитической джейтунской культуре (*Бердыев О. К.*, 1976). Традиции песседжикского святилища с его расписным интерьером продолжаются и в пору раннего энеолита. Таковы два строения со стенами, окрашенными в красный цвет, на Чакмаклыдепе (*Бердыев О. К.*, 1976, с. 33) и ряд строений с полихромными стенными росписями на памятниках времени Намазга I. Наличие в них очагов, в том числе пристенного очага-камина сложной конструкции на Яссыдепе, указывает на то, что в исполнявшихся обрядах определенную роль играло и возжигание огня. Однако если на Песседжикдепе такое сооружение специализированных функций было одно на все поселение, то позднее, возможно, их было несколько. Так, на Чакмаклыдепе домов с окрашенным интерьером два — по одному для каждой из двух частей поселка, делившегося почти пополам продольной улицей. Отметим, что на раннеземледельческом поселении Малой Азии Чатал-Гуюк строения со специфическим оформлением интерьера, убедительно определяемые как святилища, распределяются по одному на два-три жилых дома, видимо представляя собой культовые центры большесемейных общин (*Mellaart J.*, 1967; *Массон В. М.*, 1971в, с. 107). Возможно, подобное явление имело место и на южнотуркменистанских поселениях, достаточно больших по числу жителей.

Весьма четко устанавливаются особенности южнотуркменистанских святилищ поры среднего энеолита по материалам раскопок памятников ялангачского типа, удачно суммированным И. Н. Хлопиным (*Хлопин И. Н.*, 1964б). Среди отдельно расположенных жилых и подсобных строений ялангачских поселков выделяются подквадратные и подпрямоугольные в плане дома с тщательно оштукатуренными стенами двойной толщины, многократно обмазанными полами, по площади вдвое превышающие обычные жилые дома. Цветовая отделка интерьера отсутствует, но на стене такого строения во втором слое Ялангачдепе обнаружен глиняный налеп (рис. 8, *1*) в виде перевернутой буквы Ш с 15 углублениями, явно имевший магическое значение. И. Н. Хлопин предлагает видеть в нем схематическое изображение женской фигуры (*Хлопин И. Н.*,

1964б, с. 162). Важной особенностью этих строений, значимой и для их функциональной атрибуции, является наличие в них специфических очагов. Это большие прямоугольные сооружения, огражденные по краю маленьким бортиком с невысокими глиняными столбиками по углам. Внутри очаг разделен на две части, одна из которых, более высокая, гладко обмазана глиной, а вторая, более низкая, несет следы прокаливания. Слабый огонь был явно недостаточен для приготовления пищи и скорее всего возжигался для культовых церемоний. Показательно также, что прямоугольной формой и краевым бортиком эти очаги напоминают культовые подиумы святилищ и храмов древней Месопотамии. По расчетам И. Н. Хлопина, такое святилище могло вместить 25—30 человек, т. е. практически все взрослое мужское население небольшого поселка. Вполне вероятно заключение, что, подобно святилищу Песседжикдепе, аналогичные постройки на памятниках ялангачского типа были одновременно и культовыми центрами, и местами общих собраний полноправных общинников. Вместе с тем показательно существование в пору среднего энеолита в Геоксюрском оазисе очагов овальной формы, располагавшихся в центре овальных строений (Геоксюр 7) и в прямоугольных помещениях (Айнадепе).

Сооружения специального назначения со следами возжигания огня широко представлены и на памятниках позднего энеолита. Так, почти в центре Карадепе на уровне верхнего строительного горизонта с невыразительными остатками сырцовых строений, сохранившихся на высоту всего нескольких сантиметров, найдены мраморная фигурка быка и значительное число целых и фрагментированных сосудов из белого и розового мраморовидного известняка. Это позволяло предположить, что здесь были остатки здания специального назначения (*Массон В. М.*, 1960б, с. 347). При вскрытии строений нижележащего слоя они первоначально рассматривались как остатки двух жилых домов. После раскопок поселений Геоксюрского оазиса, где были открыты специфические прямоугольные очаги, В. И. Сарианиди сопоставил их с очагами упомянутых строений второго слоя Карадепе (*Сарианиди В. И.*, 1962а, с. 48). Развивая эти соображения, И. Н. Хлопин высказал мнение, что комплекс строений, вскрытый на Карадепе, представляет собой культовый центр (*Хлопин И. Н.*, 1971). Действительно, там почти не было пряслиц и обогревательных очагов, характерных для жилых домов Карадепе. Согласно такой интерпретации, на Карадепе имеются два рядом расположенных подквадратных в плане святилища с прямоугольными очагами. К ним примыкают подсобные строения, в том числе цепочка небольших комнат-хранилищ. Иными словами, карадепинский комплекс можно рассматривать как сложное сооружение протохрамового типа, бывшее не только местом обрядовых церемоний, но и в известной мере центром хозяйственной деятельности, в частности местом хранения резервного и семенного фонда земледельческой общины.

В Геоксюрском оазисе такие крупные культовые центры пока не обнаружены, но зато достаточно четко выделяются небольшие святилища, планировочно включенные в состав больших домов-массивов — мест обитания большесемейных общин. Для них характерны круглые очаги-диски (рис. 8, *2*) с белой золой в заполнении и специфические находки, в числе которых отметим каменные сосуды, ступки и пестики, причем в одной из ступок были остатки охры. Такие «домашние святилища» открыты на Геоксюре 1 (*Сарианиди В. И.*, 1960б, с. 231), Чонгдепе (*Сарианиди В. И.*, 1965б, с. 12), а в последние

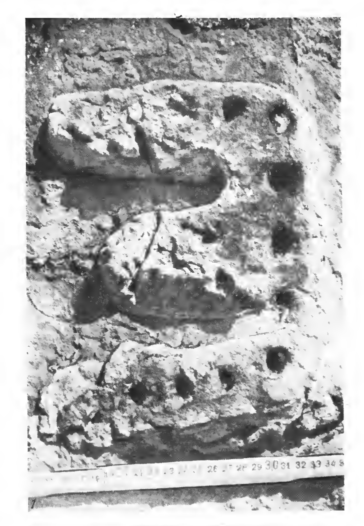

Рис. 8. Налеп в культовом здании Ялангачдепе (*1*) и круглый очаг-жертвенник на Айнадепе (*2*)

годы — и на Алтындепе (*Массон В. М.*, 1977б, с. 165). Хотя в одном из святилищ был обнаружен и прямоугольный очаг-подиум, круглые жертвенники, безусловно, составляют специфическую черту культуры поселений восточной группы. В святилищах Геоксюра 1 отмечены следы больших пожаров, что позволило В. И. Сарианиди выступить с гипотезой об их преднамеренном сжигании (*Сарианиди В. И.*, 1962а, с. 51; 1966, с. 91), но только в порядке постановки вопроса. Несмотря на наличие в этих святилищах костных остатков, остается непроверенной и другая гипотеза того же автора — о связи святилищ с погребальными обрядами. Как бы то ни было, сооружения специфических функций со следами возжигания огня были достаточно широко распространены на раннеземледельческих памятниках Средней Азии в разные периоды и в разных территориальных группах. Однако это отнюдь не решает вопроса о том, в честь каких божеств возжигался в этих культовых постройках священный огонь.

Для решения данной проблемы обратимся к рассмотрению предметов мелкой пластики. Все они, и антропоморфные, и зооморфные, по характеру исполнения могут быть разделены на две основные группы: наспех вылепленные и необожженные или обожженные частично и тщательно сделанные терракоты с нанесенными краской различными деталями, которым близки (прочностью) каменные фигурки. Если в первых можно видеть объекты одноразового использования, то последние явно рассчитаны на долгую службу. В этой связи наиболее убедительным является заключение, что фигурки животных изготовлялись для каких-то разовых обрядов, практиковавшихся древними пастухами (*Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 163). Иногда такие фигурки кидались в огонь, но, как правило, специальному обжигу не подвергались. Аналогичное явление отмечено на памятниках джейтунской неолитической культуры, где некоторые фигурки несут следы преднамеренных уколов, сделанных заостренными косточками или палочками (*Массон В. М.*, 1960в, с. 62; *Бердыев О. К.*, 1976, с. 52–53). Подобные проколы встречаются и на фигурках животных, происходящих с энеолитических памятников (*Сарианиди В. И.*, 1965б, с. 39).

Наспех вылепленные антропоморфные фигурки из необожженной глины, иногда с поднятыми вверх руками можно трактовать как изображения молящихся людей (*Сарианиди В. И.*, 1965б, с. 38), также предназначенные для конкретных случаев и разового употребления. В качестве аналогии обычно приводится текст из аккадского сказания о Гильгамеше, характеризующий культовые обряды общества, сложившегося на основе традиций, восходящих в конечном итоге к пласту раннеземледельческих общин:

Едва занялось сияние утра,
Гильгамеш изготовил из глины фигурку.
. . . .
Фигурку украсил и Шамашу вынес.
(*Эпос..., с. 55–56*)

Но, бесспорно, основной интерес представляют тщательно выполненные фигурки многоразового употребления, среди которых на памятниках анауской культуры, как и других раннеземледельческих культур, подавляющее большинство составляют терракоты, изображающие женщин. Для рассмотрения их семантики могут быть использованы прежде всего специфические черты самих фигурок, в том числе различные детали и символы, нанесенные краской, а также данные об условиях находки и изображения статуэток в росписи на сосудах.

Все три основных статуарных типа женских фигурок среднеазиатского энеолита передают в целом один и тот же образ обнаженной женщины, сначала стоящей, а затем сидящей, с массивными бедрами (или даже с подчеркнутой стеатопигией) и полной грудью.

В терракотах позднего энеолита массивность сменяется изяществом плавных линий, подчеркивающих основную идею иными средствами эстетического воздействия (рис. 9, *2*). Подтипы, имеющиеся внутри основных типов, отражают принцип «часть вместо целого» и дают весьма четкое представление о том, что считалось главным в воспроизводимом образе. Согласно этому принципу, в первую очередь опускалось изображение рук и лишь в редких случаях — груди. Бедра всегда фигурировали как главный элемент. Анализ образа, воспроизводимого древними терракотами, показывает, что при их создании имелась в виду сильная полная женщина, отличающаяся плодовитостью. Это полностью подтверждается характером дополнительных деталей, нанесенных на статуэтки (*Антонова Е. В.*, 1972; 1977). Таков в первую очередь треугольник, подчеркивающий лобок и ставший со времени развитого энеолита неизменным элементом почти всех фигурок, независимо от принадлежности к тому или иному типу или подтипу. В раннем энеолите его заменяло овальное углубление, но следует иметь в виду крайне ограниченное число терракот этого периода. Треугольник наносился краской, подчеркивался процарапыванием или передавался налепом; нередко использовались оба приема — и процарапывание, и окрашивание. Не случайно именно треугольник, иногда с небольшой поперечной черточкой в основании в ранней шумерской пиктографии передает понятие «женщина» (*Вайман А. А.*, 1976).

Другие дополнительные детали встречаются реже. К их числу относятся окрашенные или налепные ожерелья (на шее) и браслеты (на лодыжках). Нередко ожерелья изображаются двойной линией; на крупной статуэтке с Ялангачдепе точками переданы три нитки бус, а двумя сплошными полосками еще два каких-то других вида шейных украшений, возможно, гривны. Сопоставление названных деталей со стандартными наборами погребального инвентаря, содержавшими ожерелья из бус, демонстрирует стремление древних мастеров подчеркнуть особую пышность и богатство воспроизводимых в терракоте женских персонажей. Не вполне ясна семантика косых линий или овальных налепов на торсе. Магические символы, поддающиеся интерпретации, наиболее редки. К их числу относятся фигуры козлов, в разной степени схематизированные и, видимо, связанные с особой ролью этого животного, сохранившего традиционную символику древнего тотема. На бедре фигурки, найденной у стены коллективной гробницы Карадепе, изображена ползущая вверх

змея (рис. 9, *1*). На ряде статуэток, происходящих с ялангачских памятников, можно видеть двойные и одинарные круги с точкой посередине, символизирующие, согласно наиболее вероятному толкованию, солнечный диск. На одной целой статуэтке изображено 15 таких кругов, что, по мнению И. Н. Хлопина, могло передавать аграрный календарь древних земледельцев, предусматривавший деление года на 15 месяцев по 24 дня в каждом (*Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 106).

Терракоты на среднеазиатских памятниках эпохи энеолита в подавляющем большинстве найдены в перемещенном состоянии и к тому же фрагментированы. Было высказано предположение, что фрагменты терракот с магическими целями закладывались в бытовые очаги (*Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 162), но если упоминаемые факты и не случайны, то все же этот обряд не получил массового распространения. Более существенно нахождение превосходной женской статуэтки в богатом погребении на Карадепе и уже упоминавшейся фигурки со змеей близ коллективной гробницы на том же памятнике. Случаев находок целых статуэток в древних святилищах пока нет, однако не исключено, что сцена поклонения такому священному образу воспроизведена на одном из фрагментов расписной керамики, обнаруженном на Карадепе. Здесь сохранились части двух человеческих фигур, обращенных лицом друг к другу. Между ними изображена характерная для позднего энеолита терракота с тяжелыми прямоугольными плечами, подтреугольной «птичьей» головкой, в сидящей позе. Вероятно, это сцена поклонения, причем, судя по относительному масштабу, бывшая объектом поклонения фигура достигала в высоту трети человеческого роста (*Массон В. М.*, 1959а). О существовании крупных антропоморфных скульптур свидетельствует выточенный из мрамора торс с Намазгадепе. Аналогичные изображения женских скульптур в росписи отмечены еще в нескольких случаях. На том же Карадепе имеется фрагмент сосуда, где воспроизведение такой статуэтки сопровождается рисунками птицы и, возможно, пятнистого животного (*Массон В. М.*, 1960б, с. 441, табл. XXII, *2*), а на дне чаши с Алтындепе оно помещено рядом с изображением извивающейся змеи (*Кожин П. М., Сарианиди В. И.*, 1968, с. 36). Наконец, на Алтындепе в 1976 г. было найдено пряслице с воспроизведением двух таких фигурок, разделенных полукрестами. Названные факты не оставляют сомнений в том, что терракотовые женские статуэтки среднеазиатского энеолита являются культовыми объектами, своего рода идолами, воспроизводящими образ женского божества, покровительницы плодородия, богини-матери. Не исключено, что началась дифференциация этого в целом сложного и полиморфического образа, о чем свидетельствует дважды повторившееся соединение женской терракоты с образом змеи, к тому же в комплексе с погребальным сооружением (ипостась хтонической богини подземного мира?).

Как отмечалось, с конца развитого энеолита появляются и сравнительно редкие терракотовые фигурки, изображающие сидящих и стоящих мужчин, в основном воинов в шлемах. Возможно, такие терракоты связаны с культом предков, в частности с

Рис. 9. Позднеэнеолитические терракотовые статуэтки с Карадепе

1 — из коллективной гробницы; *2* — из богатого погребения

культом удачливых военных вождей (*Массон В. М.*, 1960б, с. 401). Значительный интерес представляют находки на Карадепе в слое Намазга III превосходно выполненных терракотовых фигурок животных, украшенных росписью, в том числе фигурок пятнистых коров или бычков, а также, видимо, запряженного быка. Они, как и мраморная статуэтка быка, явно принадлежали к числу предметов многократного употребления. Возможно, это фетиши, хранившиеся в святилищах наряду с другими священными объектами.

Обратимся к росписи на глиняной посуде. Не следует забывать, что это памятники прикладного искусства, подчиняющиеся определенным законам орнаментации, в частности повторению рисунка, развертывающегося по фризу сосуда (*Лисицына Г. Н.*, 1968б). Вместе с тем использованные мотивы, а также отдельные сцены, бесспорно, несут достаточно сложную семантическую нагрузку. В росписи среднеазиатских сосудов таким является крест, первоначально, видимо, выполнявший функции простого оберега, перечеркивающего движение недобрых сил, а затем усложненного семантически, что хорошо видно на печатях и других объектах (*Хлопин И. Н.*,

1962а; *Массон В. М.*, 1960б, с. 390). Простой крест, сложная многоступенчатая фигура креста и его элементы широко использовались в росписи керамики, возможно, сочетая в данном случае эстетическую нагрузку и магическую символику.

Особый интерес представляют фигуры животных, в ряде случаев заменяющие фигуру креста в соответствующих композициях. Чаще всего это рисунки козла, которые при всех стилистических вариациях неизменно присутствуют в росписи посуды и Намазга I, и Намазга II, и Намазга III. В керамике карадепинского стиля образ козла дополняется воспроизведением пятнистых животных — барсов, птиц (уток) и орлов с распростертыми крыльями. Поскольку все это дикие животные и птицы, их популярность в среде оседлых земледельцев и скотоводов естественней всего связывать с наличием или пережитками представлений тотемического круга (*Массон В. М.*, 1960б; 1964в). Вместе с тем показательно нередкое сочетание изображения птицы с солярными дисками, в том числе и с такими, на которых отчетливо видна зубчатая корона. Это частный случай проявления хорошо известного семантического узла птица—солнце. В некоторых случаях на сосудах изображалось несколько разных животных в сопровождении специфических символов типа пирамидок, которые в эпоху бронзы, как и кресты, были перенесены в иконографию печатей (*Хлопин И. Н.*, 1957). Возможно, перед нами сложные сцены, иллюстрирующие мифологические предания и представления древних земледельцев, но убедительная интерпретация их — дело будущего.

Таким образом, энеолитические племена Средней Азии выступают перед нами как общество, где наряду с культом женского божества — покровительницы плодородия — определенную роль играли и представления тотемического круга, вероятно, уже подчиненные этому главному культу. Недаром фигурки козлов изредка рисуются на бедрах женских терракот. Весьма интересно наличие в культовом комплексе Карадепе двух расположенных рядом и одинаковых по размерам подквадратных в плане помещений, которые, судя по ялангачским аналогиям, можно трактовать как святилища. Если одно из них было посвящено культам плодородия, т. е. в первую очередь женскому божеству, то естественно предположить связь второго святилища с мужским божеством, составлявшим с древней покровительницей земледельцев священную пару. Не исключено, что с таким мужским божеством был связан и культ быка, терракотовые и каменные изображения которого как раз появляются на Карадепе в это время. Во всяком случае, в культовом комплексе Алтындепе, относящемся уже к средней бронзе, небесный бык выступает в совокупности с мужским лунным божеством (*Массон В. М.*, 1974б).

Искусство энеолитических земледельцев тесно связано с их идеологическими представлениями, с развитием общественной жизни, хозяйственным потенциалом и производственными возможностями древних общин (*Массон В. М.*, 1966а; *Сарианиди В. И.*, 1967; *Сарианиди В. И.*, *Кошеленко Г. А.*, 1966; *Массон В. М.*, *Сарианиди В. И.*, 1972). Определенную роль играло и стремление благоустроить, украсить быт. Так, уже в пору раннего энеолита с повышением роли общины как представителя коллективного труда или простой первобытной кооперации все большее значение приобретает создание на поселениях центров, воплощающих идеологическое единство. В архитектурном плане эта задача решается на основе рядового жилого дома со специфическим оформлением интерьера. Как показывают раскопки ряда памятников, особое внимание при этом уделялось росписи стен, покрывавшихся композициями из геометрических фигур. Иногда, видимо, роспись представляла собой простой перенос на стену орнамента цветной циновки. Такова стенная роспись северного холма Анау, образующая двусторонние композиции типов 18 и 20, характерные и для расписной керамики среднеазиатского энеолита. В качестве основного строительного материала использовался прямоугольный сырцовый кирпич, на размерах (длинная сторона равна 48—50 см) которого, возможно, и основывался архитектурный модуль.

В пору раннего энеолита обычай украшения посуды росписью широко распространен — почти 30% глиняных сосудов орнаментированы. В росписи господствуют композиции из крупных геометрических элементов, главным образом треугольников. Здесь нет ни дробной пестроты, ни изощренной декоративности. Фигуры козлов линейно-схематические, хотя и переданы уверенными мазками. Изображение непрофильное: художник воспроизводит пару рогов и обе пары ног независимо от того, могут ли они быть видны при данном положении фигуры животного или нет. То же мы видим и в рисунке животного на черепке с Карадепе, хотя залитое краской туловище скорее напоминает профильное изображение. Двумя черточками подчеркнута пара ног. Наоборот, торсы женских статуэток мягко моделированы, с большим реализмом и тонким чувством натуры передан образ полной плодовитой женщины. Хотя по принципу «часть вместо целого» в фигурах второго подтипа раннего энеолита некоторые детали опускаются, общий стиль лепки от этого не меняется. Часть, заменяющая целое, передана не абстрактным символом, а с натуралистичной полновесностью. Хотя проявляется ряд локальных отличий, территориальная обособленность и рост хозяйственной самостоятельности не приводят еще к нарушению культурного единства в той мере, в какой оно прослеживается в памятниках искусства.

В пору среднего энеолита святилище как строение специализированных функций получает уже четкое планировочное решение, формируется определенный тип здания, повторяющийся на разных поселениях. В интерьере на стенах, сохранившихся, как правило, на небольшую высоту, вместо росписи появляются налепы, возможно, имевшие значение магических символов. Возникает и новый тип строений — дома довольно правильной округлой формы, что предполагает использование при их постройке мерной веревки. Роспись на керамике типа Намазга II, характеризующаяся дробностью, пестротой и измельченностью, в принципе варьирует те же основные геометрические фигуры, что и роспись посуды типа Намазга I. Вместе с тем намечается переход к утонченному декоративизму, парадность подчеркивается введением в роспись второй краски. Керами-

Рис. 44. Расписные сосуды и головка терракотовой статуэтки. Алтындепе (поздний энеолит)

ке ялангачского типа, наоборот, присуща скупость простой линейной орнаментации: в восточной группе поселений складывается своеобразный утилитарный стиль оформления глиняной посуды, оказавшийся, однако, в стороне от основной линии развития керамического искусства ранних земледельцев.

В антропоморфной скульптуре продолжается традиция изготовления выразительных реалистических женских статуэток с подчеркнутыми признаками материнства и плодовитости. Это второй статуарный тип фигурок, лишенных рук и плеч. Именно на пышной груди и широких бедрах сосредоточено все внимание скульпторов. На красноватые тела черной краской нанесены детали, изображающие украшения и разного рода магические символы. Наряду с этим массовым вариантом скульптурного воплощения божества плодородия существовали индивидуализированные скульптуры. Такова фигурка с Айнадепе, передающая в мягких переливающихся объемах образ уютно сидящей полной женщины со сложенными под грудью руками. Большинство женских терракот поры среднего энеолита сделаны добротно и основательно; создаваемый ими образ полон спокойствия и самоутверждающей уравновешенности.

Наивысшего расцвета достигает прикладное искусство южнотуркменистанских земледельцев в период позднего энеолита. В архитектуре этого времени используется ложносводчатое перекрытие из сырца, зафиксированное в овальных погребальных камерах Геоксюра 1. Отмечены зачатки планировочного решения поселения в целом, с организацией уличной сети, членящей его на отдельные объемы многокомнатных домов-массивов. Святилища Карадепе возводятся уже не как отдельно стоящие здания специфического типа, а включены в систему построек и образуют своего рода протохрамовый комплекс.

В расписной керамике ялангачская попытка упростить эстетическую сторону этого вида домашней утвари не была принята гончарами позднего энеолита. Декоративное направление решительно утверждается в росписи керамики как в восточной, так и в западной группах. Для росписи этого времени особенно характерны утонченный орнаментализм и символика, смыкающаяся с абстракционизмом. На посуде карадепинского стиля дробный измельченный рисунок почти сплошь покрывает стенки сосудов, несущих в повседневный быт изящество и парадность. Изображения животных, среди которых особенно выразительны фигуры козлов с приостренной бородкой и гордо закинутыми назад рогами, даны уже в профиль. Они вытеснили более ранние линейно-схематичные рисунки. Отмечается и тенденция к созданию сцен, видимо, символико-магического характера, разворачивающихся по фризу сосуда. Керамику геоксюрского стиля характеризует не узорная вязь измельченного рисунка, как это было на керамике Карадепе, а строгость и ритмичность орнаментальных схем, парадно подсвеченных введением в роспись второго цвета. В угоду общему геометрическому стилю здесь стилизуются и фигуры животных: туловища их изломаны под углом так, что порой с трудом можно узнать в рисунках козлов или кошачьих хищников.

Богаче и разнообразнее становится мелкая пластика. Глиняные статуэтки животных нередко вылеплены с большим тщанием и покрыты росписью. В этих миниатюрных скульптурах нетрудно узнать и приземистого кабана, и сайгу с горбоносым профилем, и массивные фигуры мускулистых быков. Древние скульпторы предпринимают попытки освоения нового материала — белого мраморовидного известняка. Из него выточена тяжеловесная фигура бычка, пропорции которой скорее напоминают кабана и показывают неопытность мастеров, работающих по камню. Утверждается и новый тип женских терракот. Пышнотелых матрон сменяют стройные фигурки отточенных форм, плавных и изящных линий. Детализированная декоративность отмечает трактовку причесок и головных уборов. Получают распространение и изображения воинов в шлеме. Стилистическое единство мелкой пластики среднеазиатских общин поры позднего энеолита является одним из выдающихся достижений искусства ранних земледельцев Ближнего Востока. Судя по находке большого торса в позднеэнеолитических напластованиях Намазгадепе, крупные фигуры людей вытачивались также из мрамора.

<table>
<tr><th colspan="3">Западная группа памятников</th><th colspan="6">Восточная группа памятников</th></tr>
<tr><th rowspan="2">Анау</th><th rowspan="2">Намазга-депе</th><th rowspan="2">Карадепе</th><th rowspan="2">Тип керамики</th><th colspan="3">Алтындепе</th><th rowspan="2">Геоксюр 1 шурф</th><th rowspan="2">Чонгдепе</th></tr>
<tr><th>Раскоп 1</th><th>Шурф 3</th><th>Раскоп 11</th></tr>
<tr><td rowspan="4"></td><td rowspan="4">III</td><td rowspan="2">1А</td><td rowspan="6">Геоксюрский</td><td>9</td><td rowspan="6">XI - XXII ярусы</td><td rowspan="6">III-XI ярусы (шесть строительных горизонтов)</td><td rowspan="2"></td><td rowspan="6">I-V ярусы</td></tr>
<tr><td>10</td></tr>
<tr><td rowspan="2">1Б</td><td>11/12</td><td>1</td></tr>
<tr><td>13</td><td>2</td></tr>
<tr><td rowspan="6">IIБ</td><td rowspan="6">II</td><td>2</td><td rowspan="2">14</td><td rowspan="2">3</td></tr>
<tr><td>3</td></tr>
<tr><td>4</td><td rowspan="4">Ялангачский</td><td>15</td><td rowspan="9"></td><td rowspan="4">XII-XVII ярусы</td><td>4</td><td rowspan="3">VI - X ярусы</td></tr>
<tr><td>5</td><td rowspan="3">XXVI-XXXIX ярусы</td><td>5</td></tr>
<tr><td>6</td><td>6</td></tr>
<tr><td>7</td><td>7</td><td rowspan="6"></td></tr>
<tr><td rowspan="4">IБ</td><td rowspan="4">I</td><td rowspan="4">Шурф XIX-XXVII ярусы</td><td rowspan="3">Дашлыджинский</td><td rowspan="5"></td><td rowspan="3">XVIII-XXVIII ярусы ↓</td><td>8</td></tr>
<tr><td>9</td></tr>
<tr><td>10</td></tr>
<tr><td rowspan="2"></td><td rowspan="2"></td><td rowspan="2"></td></tr>
<tr><td>IА</td><td></td><td></td></tr>
</table>

Таблица I. Синхронистическая таблица энеолитических комплексов Средней Азии

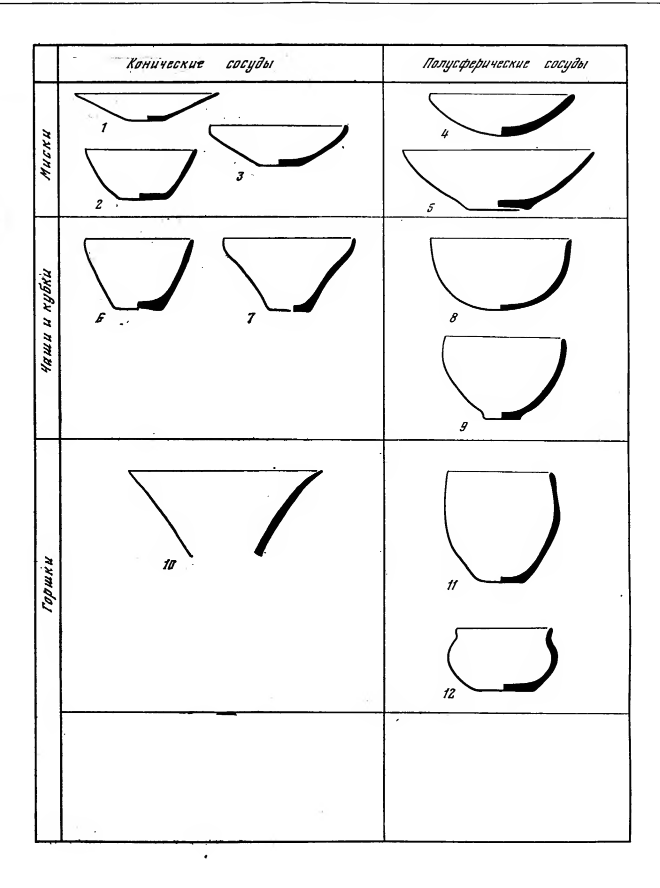

Таблица II. Типы форм энеолитической керамики Средней Азии

Сферические сосуды	Биконические сосуды		Цилиндрические сосуды
1	2	3 4	5
6 7	8	9 10	11
12 13	14 15	16	17
18	19		

Таблица III. Типы форм энеолитической керамики Средней Азии

Тип	Время Намазга I	Время Намазга II		Время Намазга III	
		Ялангачдепе	слой 5-2 Карадепе	Геоксюр 1	слой 1 Карадепе
1					
2А					
2Б					
3А					
3Б					
4					
5А					
5Б					
5В					
6					

Таблица IV. Типы орнаментальных композиций энеолитической керамики Средней Азии

N	Время Намазга I	Время Намазга II		Время Намазга III	
		Ялангачдепе	слой 5-2 Карадепе	Геоксюр 1	слой 1 Карадепе
7					
8А					
8Б					
9					
10А					
10Б					
11					
12А					
12Б					
13					

Таблица IV (продолжение)

N	Время Намазга I	Время Намазга II		Время Намазга III	
		Ялангачдепе	слой 5-2 Карадепе	Геоксюр 1	слой 1 Карадепе
14					
15А					
15Б					
16					
17					
18					
19					
20					
21А					
21Б					

Таблица IV (окончание)

Тип I		Тип II	
Вариант 1	Вариант 2	Вариант 1	Вариант 2

Тип III		Тип IV	
Вариант 1	Вариант 2	Вариант 1	Вариант 2

Таблица V. Типы антропоморфных терракот

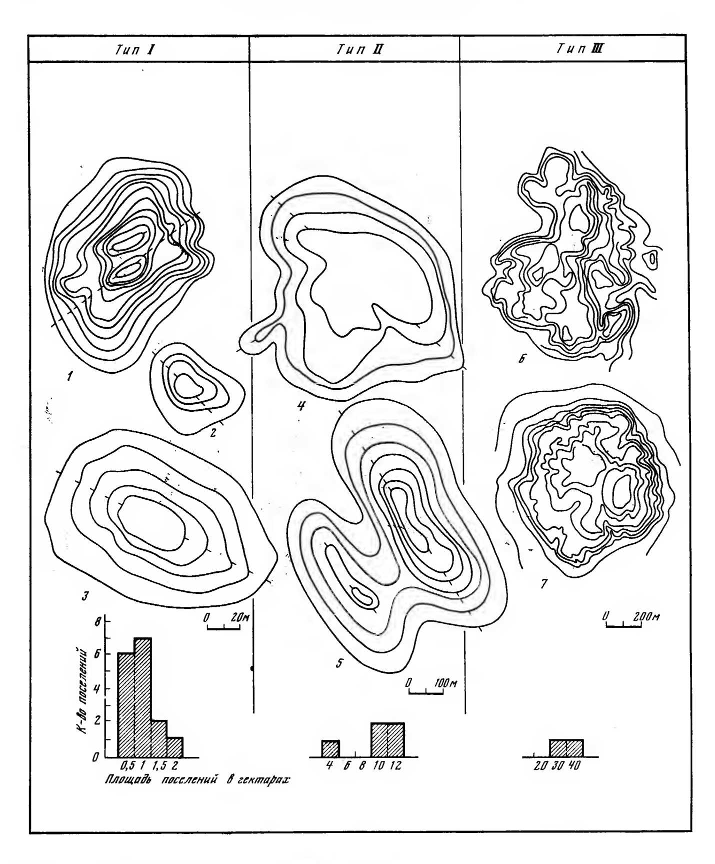

Таблица VI. Типы энеолитических поселений Средней Азии

1 — Айнадепе; *2* — Дашлыджидепе; *3* — Ялангачдепе;
4 — Геоксюр; *5* — Карадепе; *6* — Намазгадепе; *7* — Алтындепе

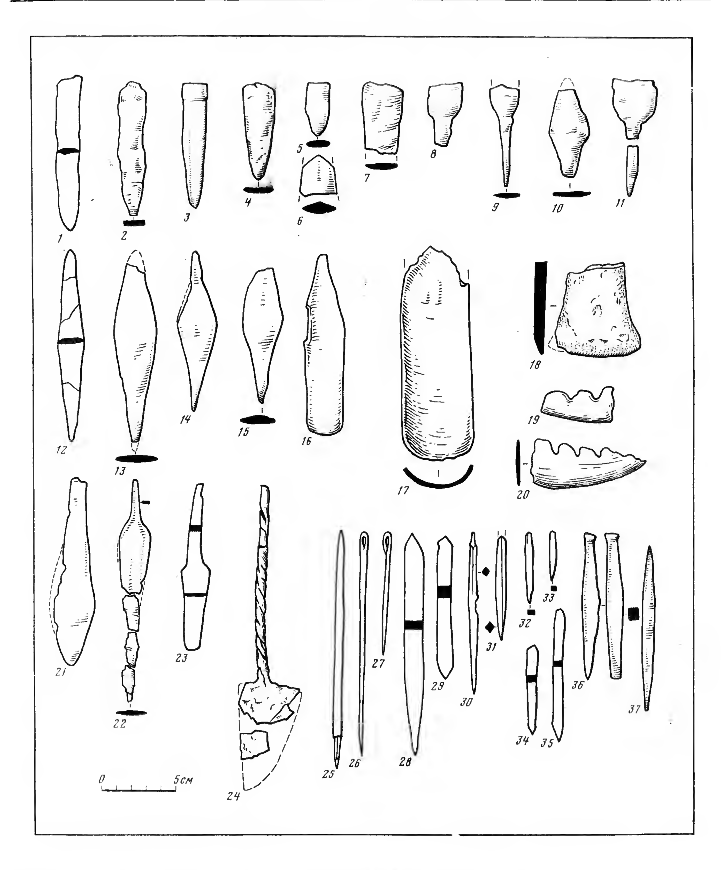

Таблица VII. Медные орудия и оружие с памятников среднеазиатского энеолита

1 — Геоксюр 4; *2*, *4* — Айнадепе; *5*, *29* — Монджуклыдепе; *6* — Дашлыджидепе; *7*, *11*, *17*, *19*, *25*, *30*, *31* — Карадепе; *3*, *24* — Муллалидепе; *8—10* — Геоксюр 7; *12*, *23*, *26*, *27*, *34*, *35* — Геоксюр 1; *13*, *15*, *18*, *32*, *33* — Ялангачдепе; *14*, *16* — Илгынлыдепе; *20* — Тилькиндепе; *21* — Анау; *22* — Алтындепе; *28* — Каушутское поселение; *36* — Серахское поселение; *37* — Геоксюр 9

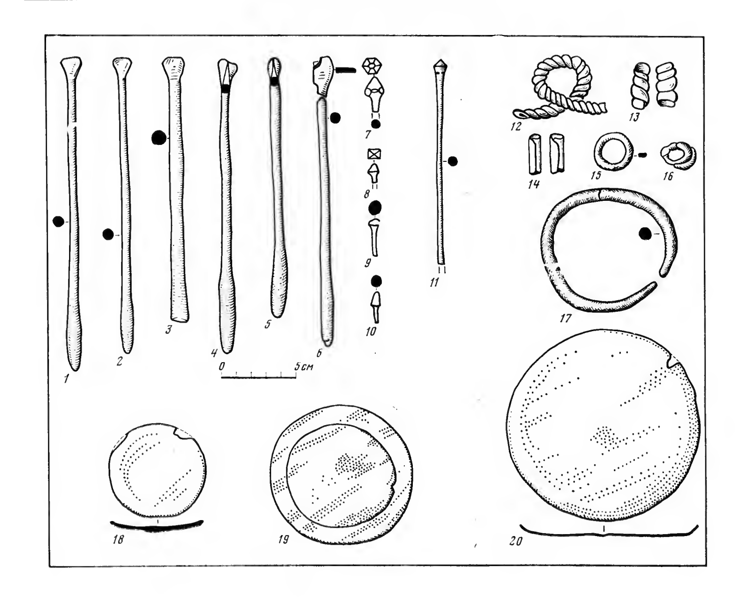

Таблица VIII. Медные украшения и зеркала с памятников энеолита Средней Азии

1—3, 8, 15—17 — Карадепе; *4—7, 11, 18, 20* — Геоксюр 1; *9—10, 12—14* — Анау; *19* — Серахское поселение

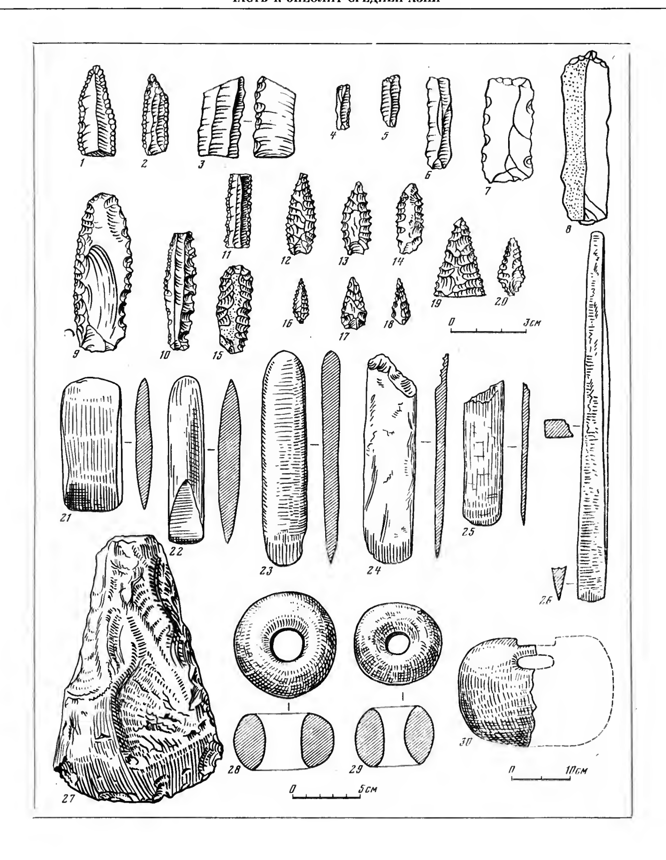

Таблица IX. Кремневые и каменные изделия с энеолитических памятников Средней Азии

1, 2 – Монджуклыдепе (время Анау 1А); *3–6, 27* – Чакмаклыдепе (время Анау 1А); *7—8* — Анау (время Намазга I); *9—15, 25* — Ялангачдепе (время Намазга II); *16—20* — Геоксюр 1; *21, 28, 29* — Карадепе (время Намазга III); *22* — Дашлыджидепе (время Намазга I); *23* — Айнадепе (время Намазга II); *24* — Муллалидепе (время Намазга II); *26* — Геоксюр 7 (время Намазга II); *30* — Анау (время Намазга II)

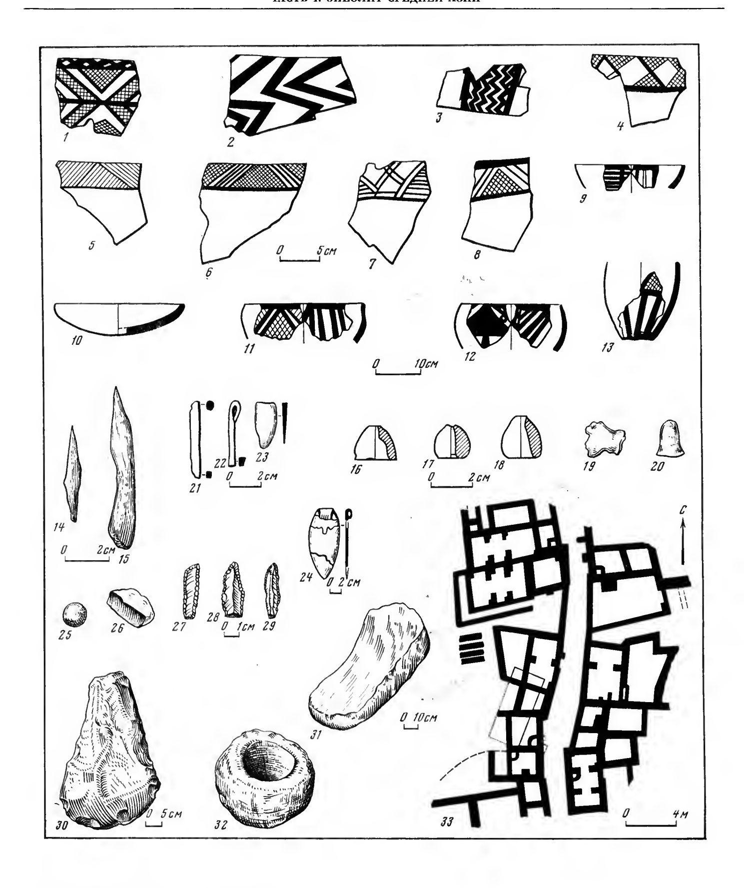

Таблица X. Комплекс типа Анау IA

1—13 — керамика; *14—15* — кость; *16—20* — терракота; *21—24* — медь; *25, 26, 30—32* — камень; *27—29* — кремень; *33* — план поселения

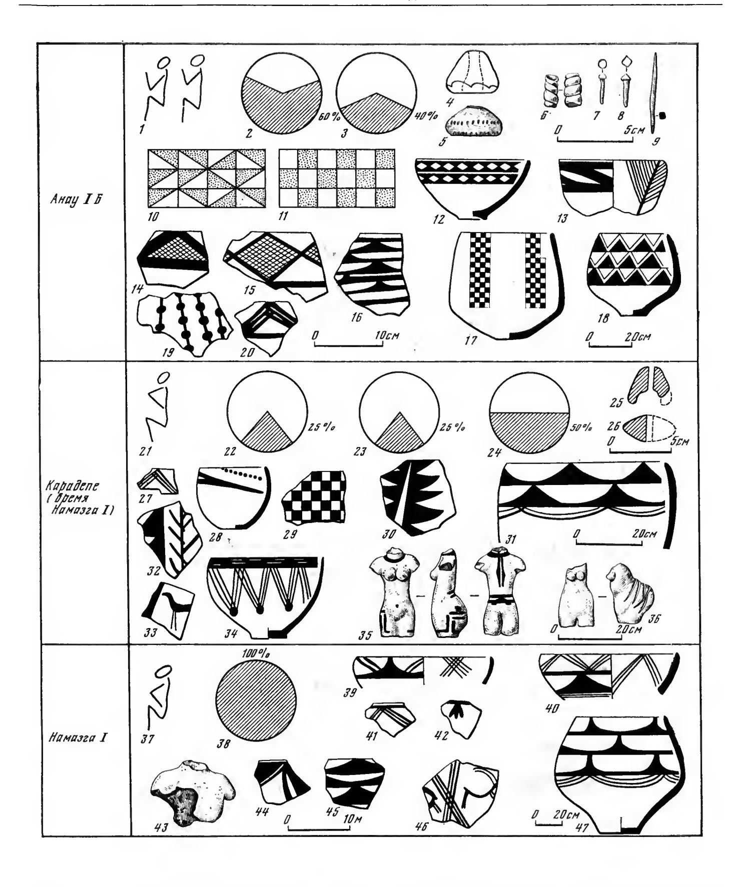

Таблица XI. Раннеэнеолитические комплексы Анау (*1—20*), Карадепе (*21—36*) и Намазгадепе (*37—47*)

1, *21*, *37* — поза погребенных; *2*, *22* — погребения с юго-западной ориентировкой; *3*, *23* — погребения с юго-восточной ориентировкой; *24*, *38* — погребения с южной ориентировкой; *4*, *5*, *25*, *26* — терракотовые пряслица; *6—9* — металлические изделия; *10—11* — стенная роспись; *12—20*, *27—34*, *39—42*, *44—47* — керамика; *35*, *36*, *43* — терракотовые статуэтки

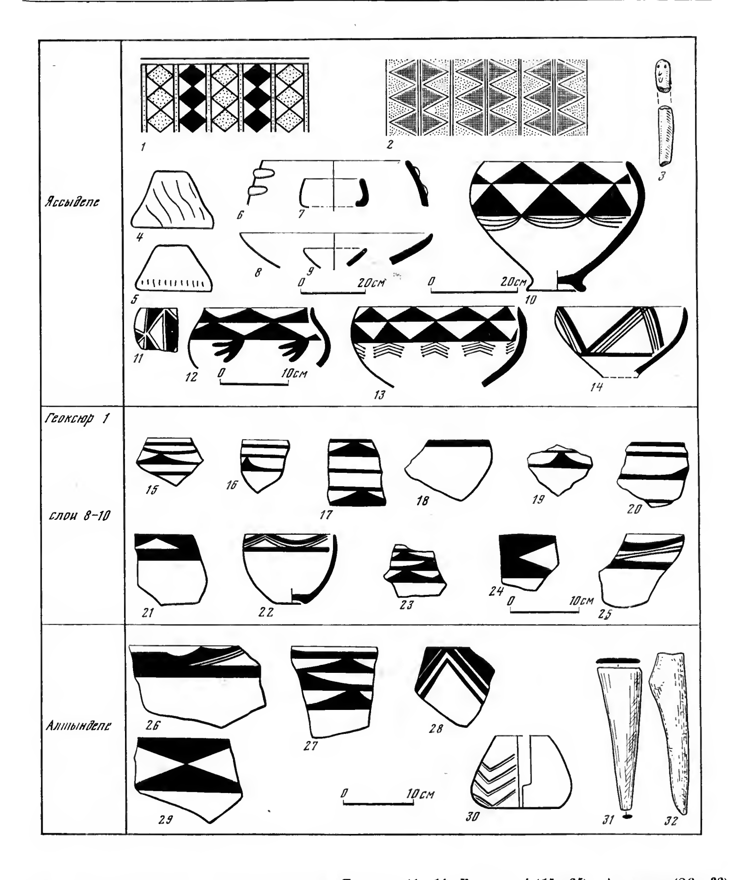

Таблица XII. Раннеэнеолитические комплексы Яссыдепе (*1–14*), Геоксюра 1 (*15–25*) и Алтындепе(*26–32*)

1, *2* — степная роспись; *3* — терракотовая статуэтка; *4*, *5*, *30* — терракотовые пряслица; *6—29* — керамика; *31* — металлическое изделие; *32* — костяное изделие

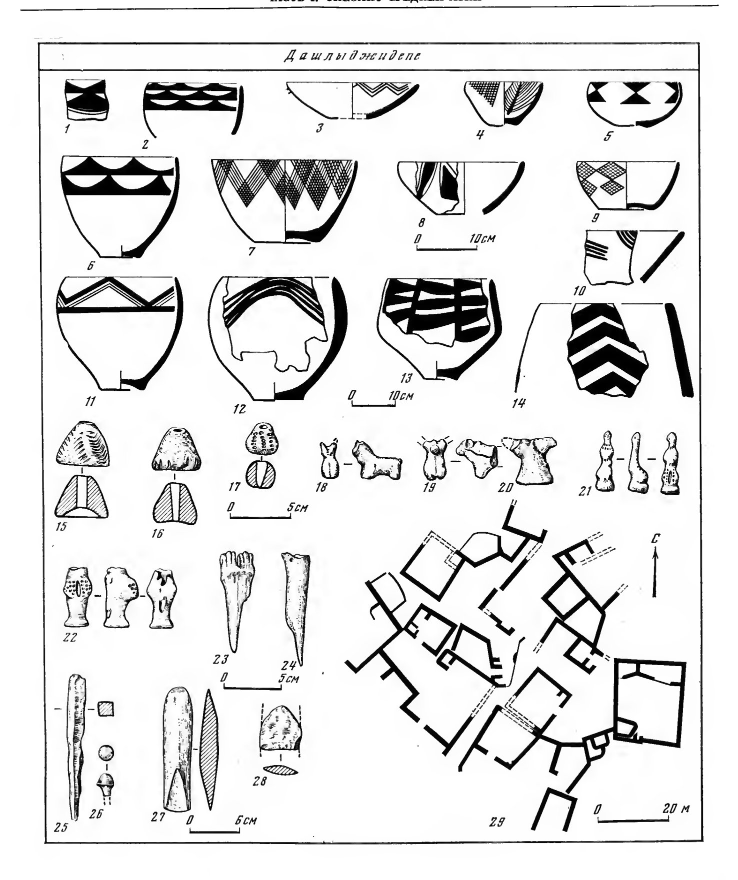

Таблица XIII. Раннеэнеолитический комплекс Дашлыджидепе

1—14 — керамика; *15—17* — терракотовые пряслица; *18—22* — глиняные необожженные и терракотовые статуэтки; *23*, *24* — костяные изделия; *25*, *26*, *28* — металлические изделия; *27* — каменное изделие; *29* — план поселения

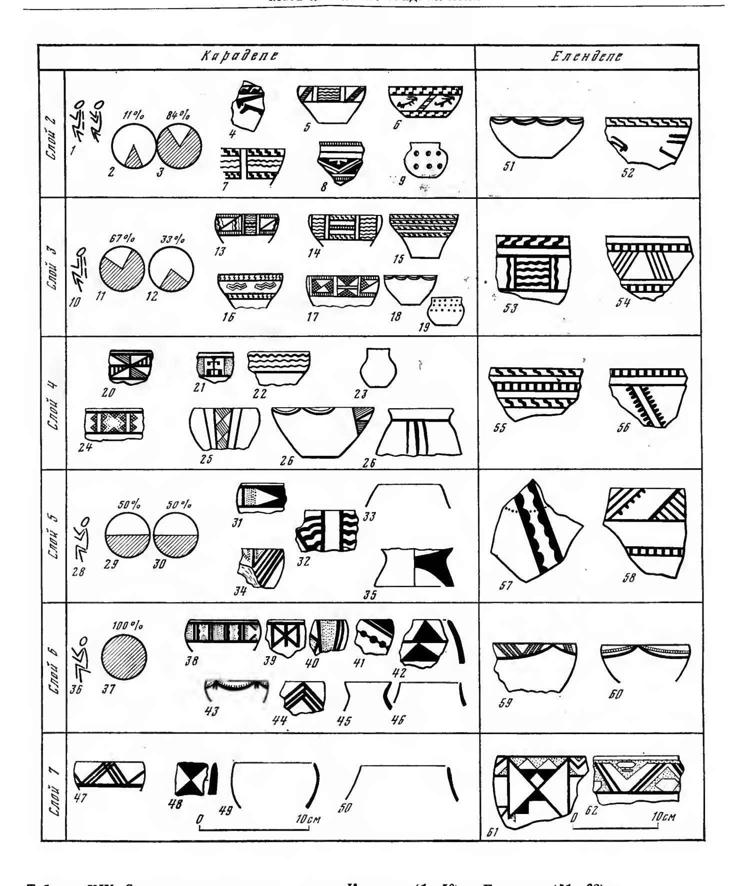

Таблица XIV. Среднеэнеолитические комплексы Карадепе (*1—50*) и Елендепе (*51—62*)

1, *10*, *28*, *36* — поза погребенных; *2*, *11*, *29*, *37* — погребения с южной ориентировкой; *3*, *12* — погребения, ориентированные на юг — юго-запад; *30* — погребения с восточной ориентировкой; *4—9*, *13—27*, *31—35*, *38—62* — керамика

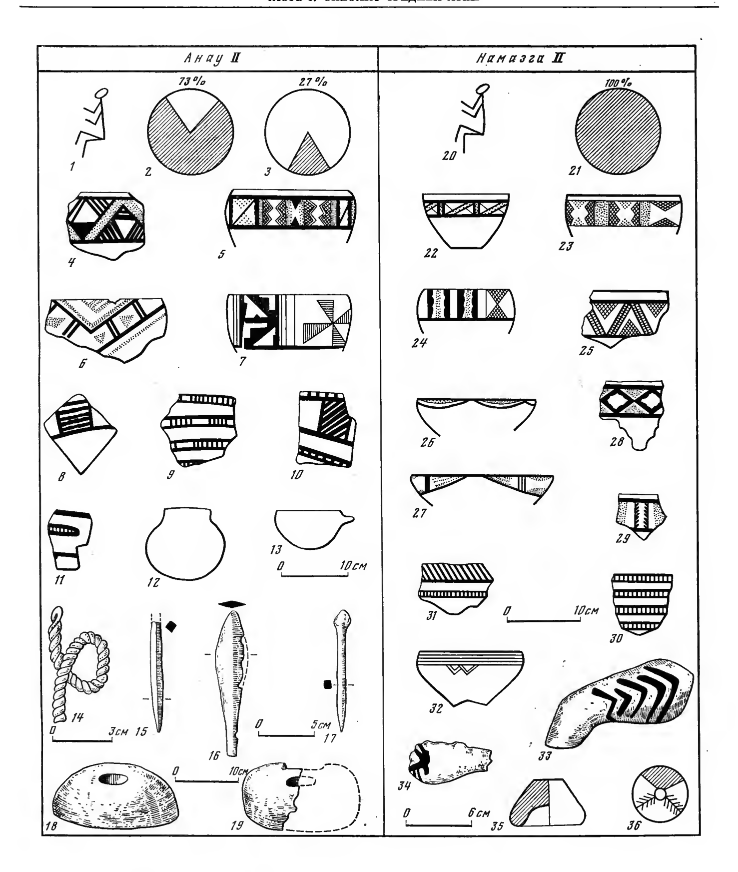

Таблица XV. Среднеэнеолитические комплексы Анау *(1—19)* и Намазгадепе *(20—36)*

1, 20 — поза погребенных; *2* — погребения с юго-западной ориентировкой; *3* — погребения с юго-восточной ориентировкой; *21* — погребения с южной ориентировкой; *4—13, 22—32* — керамика; *14—17* — металлические изделия; *18, 19* — каменные изделия; *33, 34* — терракотовые статуэтки; *35* — терракотовое пряслице; *36* — нижняя сторона пряслица с орнаментом

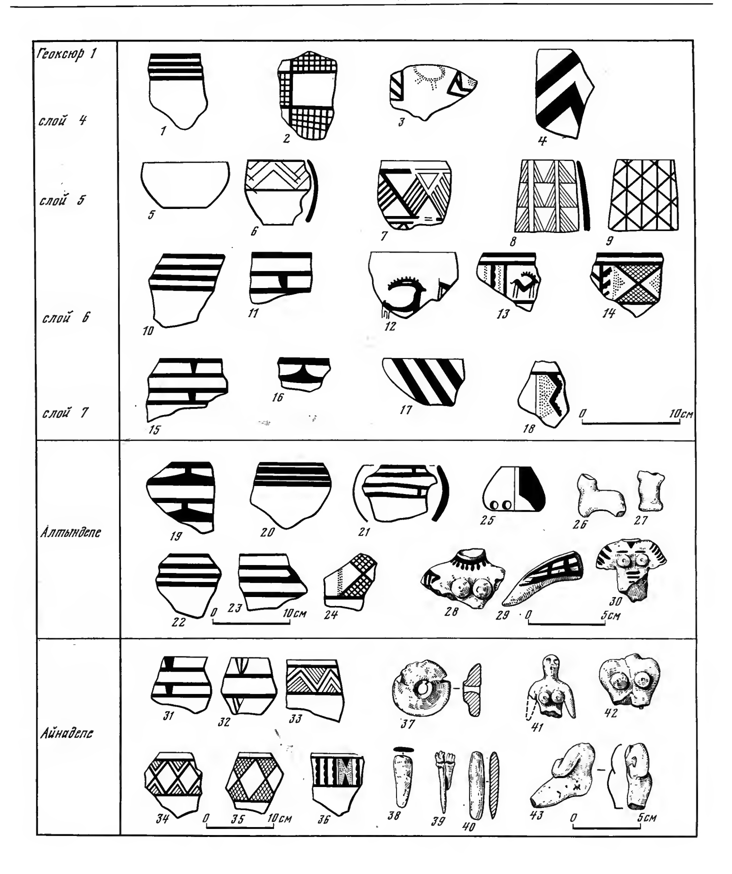

Таблица XVI. Среднеэнеолитические комплексы Геоксюра 1 (*1—18*), Алтындепе (*19—30*) и Айнадепе (*31—43*)

1—24, *31—36* — керамика; *25* — терракотовое пряслице; *26—30*, *41—43* — глиняные необожженные и терракотовые статуэтки; *37* — терракотовое колесико; *38* — металлическое изделие; *39* — костяное изделие; *40* — каменное изделие

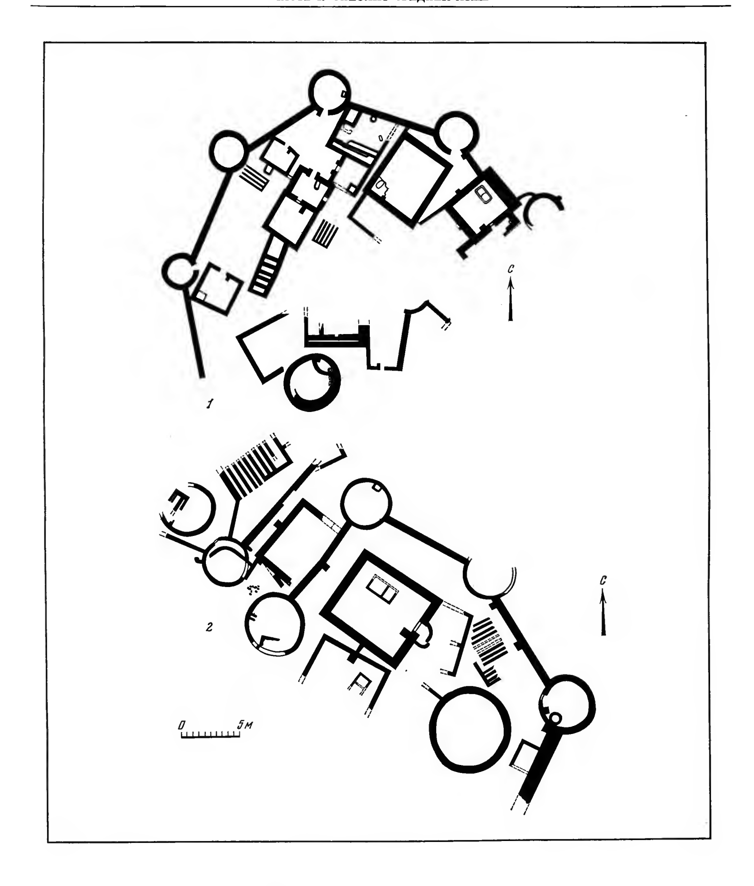

Таблица XVII. Планы поселений Муллалидепе (*1*) и Ялангачдепе (*2*)

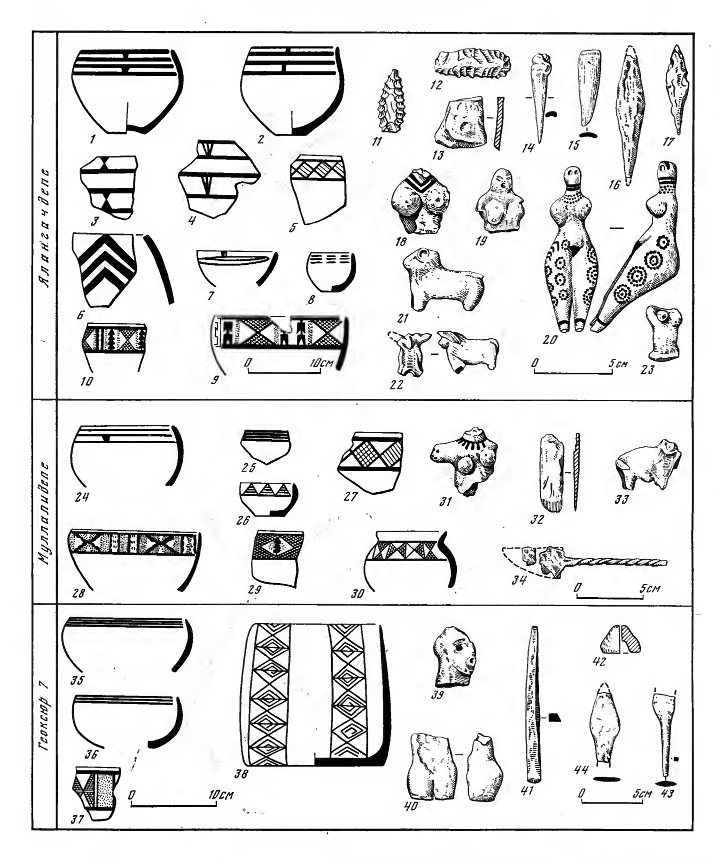

Таблица XVIII. Среднеэнеолитические комплексы Ялангачдепе (*1—23*), Муллалидепе (*24—34*) и Геоксюра 7 (*35—44*)

1—10, 24—30, 35—38 — керамика; *11, 12* — кремневые изделия; *13, 16, 17, 34, 41, 43, 44* — металлические изделия; *14, 15* — костяные изделия; *18—23, 31, 33, 39, 40* — глиняные необожженные и терракотовые статуэтки; *32* — каменное изделие; *42* — терракотовое пряслице

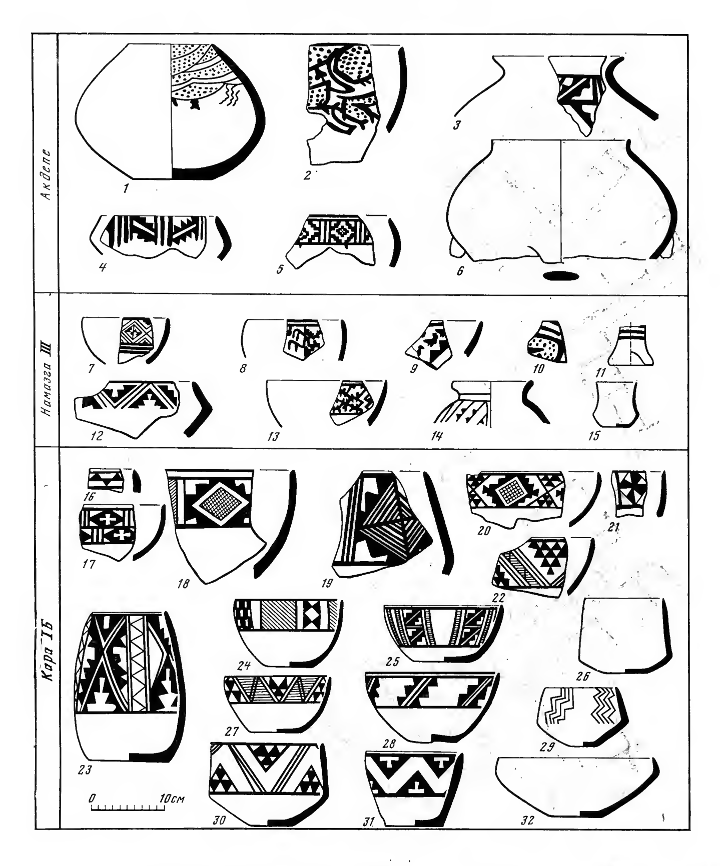

Таблица XIX. Позднеэнеолитическая керамика Акдепе (*1—6*), Намазгадепе (*7—15*) и слоя Кара 1Б поселения Карадепе (*16—32*)

1—5, *7—14*, *16—25*, *27*, *28*, *30*, *31* — расписная керамика; *6* — сосуд с примесью дресвы в тесте; *15*, *26*, *29*, *32* — серая керамика

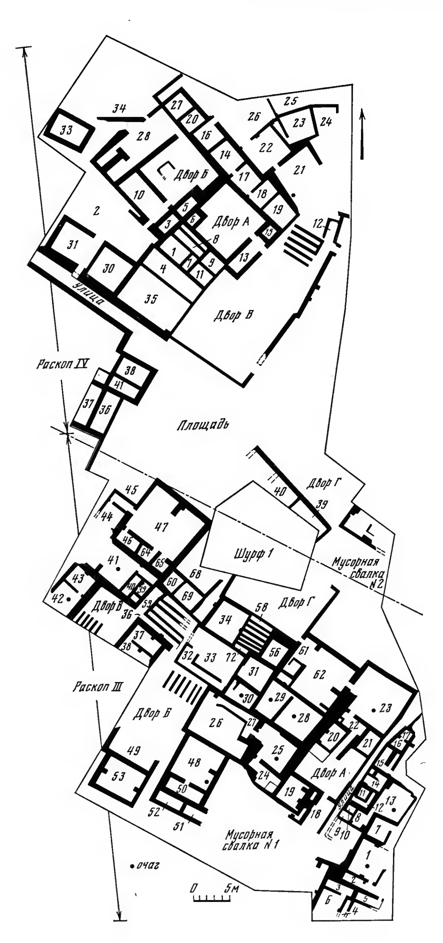

Таблица XX. План строений Карадепе периода позднего энеолита на уровне одного строительного горизонта

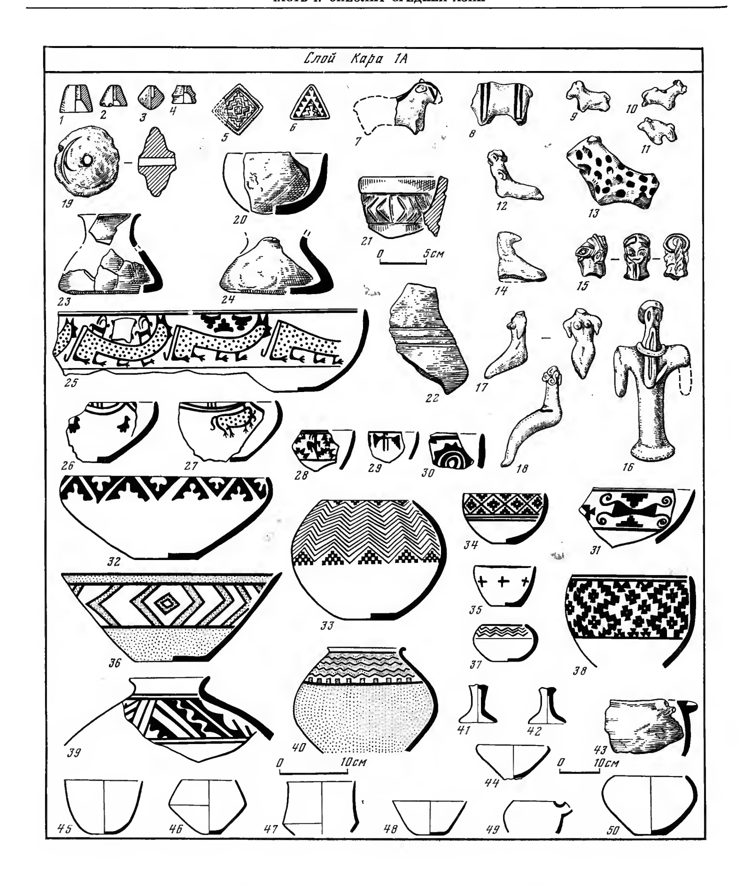

Таблица XXI. Позднеэнеолитический комплекс слоя Кара 1А поселения Карадепе

1—4 — терракотовые пряслица; *5, 6* — каменные амулеты; *7—18* — глиняные необожженные и терракотовые статуэтки; *19* — глиняное колесико; *20—24* — каменные сосуды; *25—40* — расписная керамика; *41, 42, 44—50* — серая керамика, *43* — кухонный сосуд

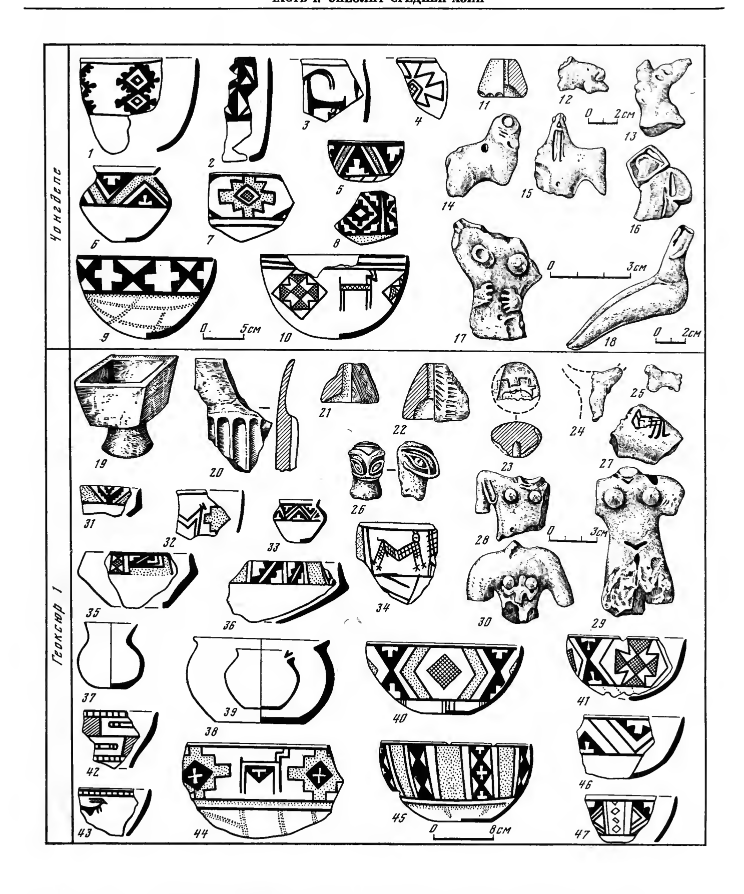

Таблица XXII. Позднеэнеолитические комплексы Чонгдепе (*1—18*) и Геоксюра 1 (*19—47*)

***1—10*, *31—47* — керамика; *11*, *21—23* — терракотовые пряслица и навершие; *12—18*, *24—30* — терракотовые статуэтки; *19—20* — каменные сосуды**

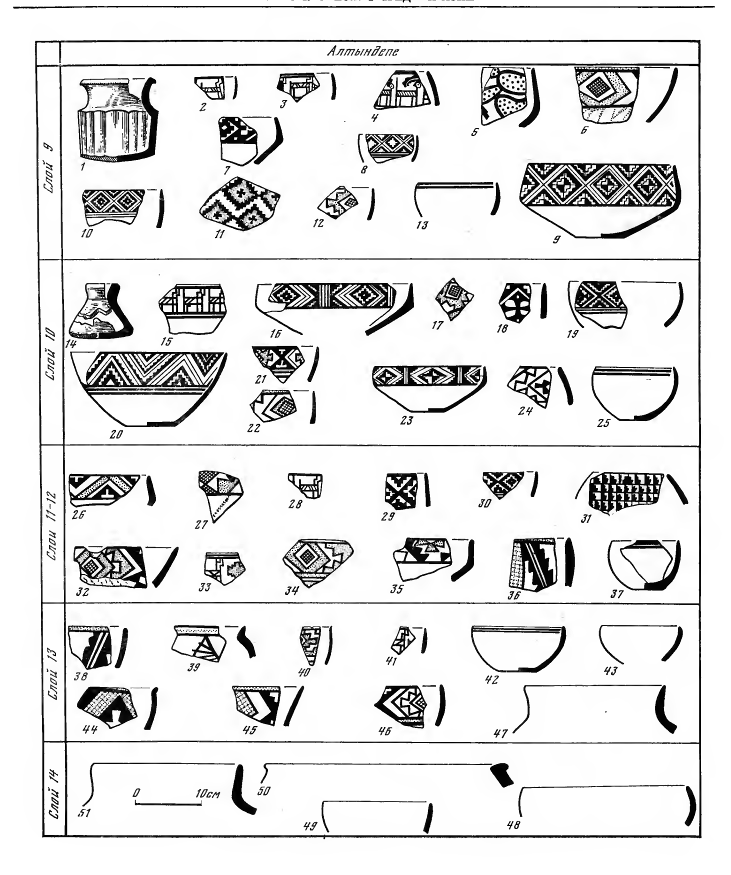

Таблица XXIII. Позднеэнеолитические комплексы Алтындепе

1, *14* — каменные сосуды; *2—13*, *15—51* — керамика

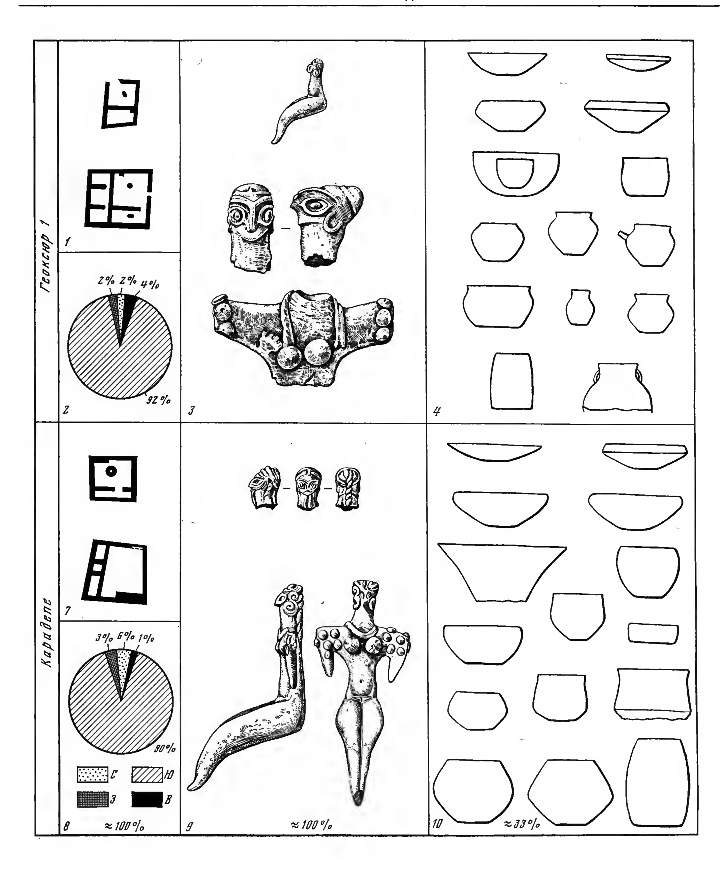

Таблица XXIV. Сопоставление карадепинского и геоксюрского комплексов

1, *7* — планы домов; *2*, *8* — ориентировка погребений; *3*, *9* — терракотовые статуэтки; *4*, *10* — формы сосудов; *5*, *11* — типы орнаментальных композиций; *6*, *12* — элементы орнамента

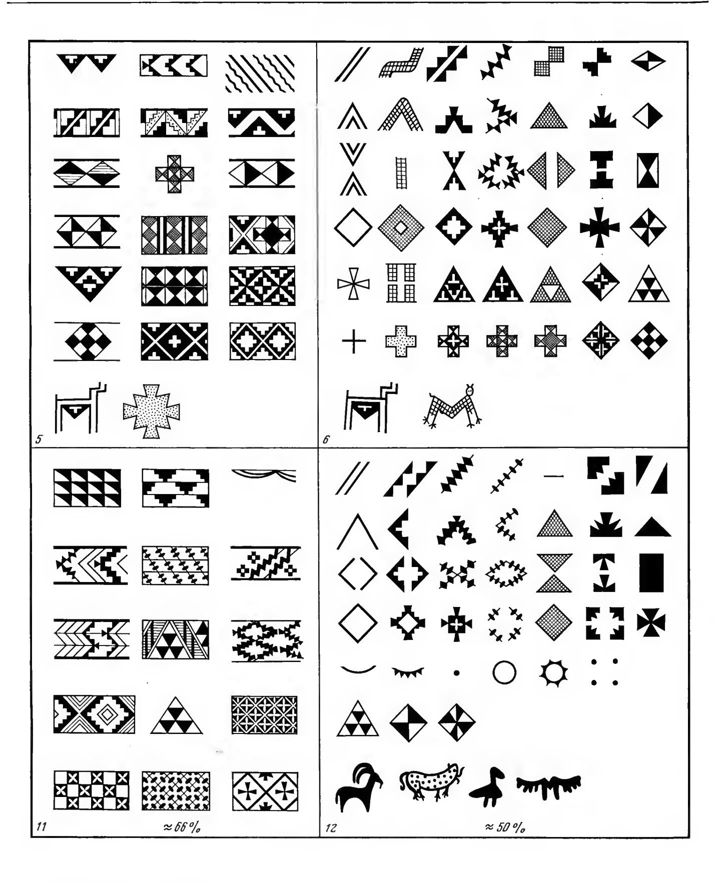

Таблица XXIV (окончание)

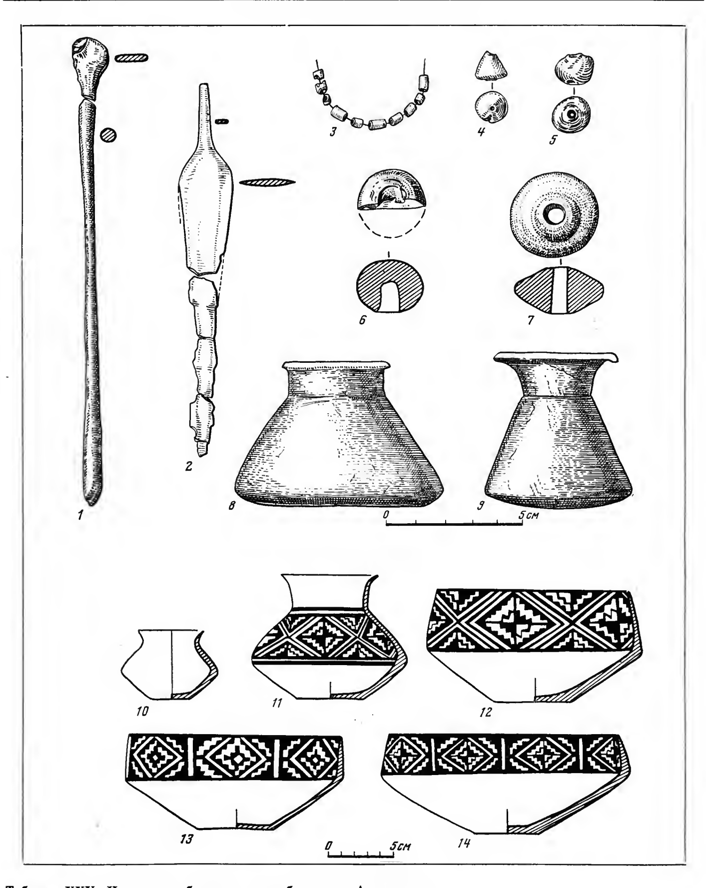

Таблица XXV. Инвентарь богатого погребения на Алтындепе

1, *2* — металлические изделия; *3* — бусы из бирюзы; *4—7* — каменные и терракотовые изделия; *8—9* — каменные сосуды; *10—14* — керамика

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Энеолит Кавказа

Глава первая
Природная среда.
История изучения

Глава вторая
Памятники культуры энеолита
Кавказа

Глава третья
Вопросы хозяйства и общественного строя
энеолитических племен Кавказа

Глава первая
Природная среда. История изучения

Кавказ, в особенности Закавказье,— один из важнейших центров развития производящего хозяйства (земледелия и скотоводства) на территории нашей страны. С точки зрения физико-географических условий Кавказ — сложный и разнообразный край. Колоссальная горная система Большого Кавказа с его величественными вершинами — Эльбрусом, Казбеком и др., идущая диагонально от Черного моря к Каспию, делит его на две большие, отличающиеся друг от друга в природном отношении области — Закавказье и Северный Кавказ, или Предкавказье. Кавказ на юге примыкает к Передней Азии, находясь в непосредственной близости от так называемой области плодородного полумесяца, в первую очередь Загроса, который считается одним из древнейших очагов возникновения и развития мирового земледелия (*Массон В. М.*, 1970). На севере предкавказские районы смыкаются со степями Северного Причерноморья, Подонья и Поволжья. Благодаря такому положению Кавказ называют мостом, который с древнейших времен связывал Переднюю Азию с причерноморскими степями и всей Юго-Восточной Европой. Горная система Большого Кавказа никогда, включая эпоху палеолита, не была непроходимой преградой для древнейшего населения края. Более того, имеются основания полагать, что именно через Кавказ еще в эпоху раннего палеолита началось заселение каспийско-черноморских степей (*Бибиков С. Н.*, 1959), а в эпоху мезолита уже возникла определенная культурная близость населения степей и Кавказа (*Формозов А. А.*, 1959). Применительно к исследуемой в настоящей работе эпохе, т. е. периоду возникновения и развития производящей экономики и ранних оседлоземледельческих культур на территории СССР, Кавказ не без основания считается одним из важнейших очагов, откуда в Северное Причерноморье и Поволжье проникла культура земледелия (*Мерперт Н. Я.*, 1968).

Кавказ отличается исключительным богатством и разнообразием природных ресурсов. Здесь, как в Закавказье, так и на Северном Кавказе, в большом количестве имеются различные породы камня, в том числе высококачественный кремень, и обсидиан, служившие в глубокой древности, в частности в эпоху энеолита, основным материалом для производства орудий труда и изготовления оружия.

Возможности для возникновения и развития земледелия и скотоводства на Кавказе, и особенно в Закавказье, были весьма благоприятны. Если с этой точки зрения провести сравнение Кавказа со Средней Азией и Северным Причерноморьем, то окажется, что первый находится в несравненно более выгодном положении. Действительно, в Закавказье встречены дикие виды пшениц, ячменя и других злаков. До наших дней в Азербайджане сохранились дикие однозернянки и двузернянки, многочисленные формы и разновидности диких видов ржи, овса и эгилопсов (*Мустафаев И. Д.*, 1964, с. 16). Дикие злаки произрастают и поныне в некоторых областях Северного Кавказа, например в Дагестане. Еще В. Л. Комаров отмечал, что ни в одном районе мира не представлено столь большое число видов пшеницы, как в Грузии и Армении (*Комаров В. Л.*, 1938). В Закавказье, как убедительно показали исследования советских ботаников Н. И. Вавилова, М. М. Якубцинера, Б. А. Менабде, И. Д. Мустафаева и др., сосредоточено все мировое разнообразие пшениц. Достаточно сказать, что только в Азербайджане зафиксировано более 80 разновидностей мягкой и твердой пшеницы (*Мустафаев И. Д.*, 1964, с. 15). Интересно отметить находки в Грузии эндемичных видов пшениц, например Маха и Зандури, которые обладают многими признаками дикорастущих популяций и эволюционно занимают промежуточное положение между дикими и культурными видами. Установлено, что по многим биологическим свойствам эти виды ближе стоят к своим диким сородичам, чем к современным культурным видам (*Менабде В. Л.*, 1964). Отсюда понятно, почему Кавказу, в особенности Закавказью, отводится ведущая роль в формировании пшеницы и почему для выяснения генезиса хлебных злаков данный регион представляет исключительное явление (*Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.*, 1977, с. 18—19). Следует обратить внимание и на то важное обстоятельство, неоднократно подчеркнутое Н. И. Вавиловым, что не Кавказ вообще, а именно Закавказье и Дагестан — один из важнейших и древнейших очагов доместикации хлебных злаков, а также зерновых, бобовых и льна и что «Закавказье, Дагестан непосредственно входят в очаги происхождения данных культур» (*Вавилов Н. И.*, 1957а, с. 87—88).

Следовательно, есть все основания считать, что на Кавказе, особенно в Закавказье, существовали необходимые палеоботанические условия для возникновения земледелия и доместикации различных видов злаковых. Именно поэтому Закавказье выделяется в самостоятельный центр происхождения культурных растений. Как установлено новейшими исследованиями, уже в рассматриваемую эпоху (VI—IV тысячелетия до н. э.) здесь культивировали пять видов пшеницы, четыре вида ячменя, а также просо, рожь, овес, горох, чечевицу и виноград (*Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.*, 1977, с. 47). Таким образом, подтвердилось заключение Н. И. Вавилова о том, что земледелие в Закавказье и Дагестане является весьма древним, что начало его уходит в глубь тысячелетий (*Вавилов Н. И.*, 1957б, с. 121).

Аналогичное заключение можно сделать и в отношении скотоводства. В фауне Кавказа, и Закавказья

в частности, представлены такие дикие виды животных, как закавказский тур, баран, коза, свинья, которые могли стать исходными формами в процессе доместикации крупного и мелкого рогатого скота и свиньи. В этой связи заслуживает внимания факт наличия в остеологическом материале Шенгавитского поселения эпохи ранней бронзы в Армении костей быков промежуточных форм, связанных рядом переходных признаков с исходной формой Bos primigenius Boj (одомашненный потомок закавказского тура) (*Межлумян С. К.*, 1972, с. 44—50). Интересно также, что черепа быков с Шенгавитского поселения раннебронзового века имеют значительно больший процент признаков, сходных с дикой формой, чем черепа быков, происходящие с памятников эпохи развитой бронзы (II тысячелетие до н. э.). Приведенные факты свидетельствуют о том, что крупный рогатый скот был доместицирован в самом Закавказье.

Таким образом, очевидно, что на Кавказе, и в особенности в Закавказье, налицо чрезвычайно благоприятная экологическая ситуация, которая могла привести к раннему возникновению производящего хозяйства, в частности земледелия и скотоводства. А если учесть при этом, что человеческое общество возникло и развивалось здесь с глубочайшей древности — с шелльско-ашельской эпохи, то возможность того, что эта область Старого Света могла стать одним из древнейших центров формирования земледелия и скотоводства, становится еще более реальной. Как будет показано ниже, в рассматриваемую эпоху, включающую завершающую фазу неолита и период энеолита и датируемую VI—IV тысячелетиями до н. э., в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе уже сформировались оседлые раннеземледельческие поселения, базировавшиеся исключительно на производящей экономике — земледелии и скотоводстве.

Если мы знаем, что по крайней мере во второй половине или в конце VI тысячелетия до н. э. на Южном Кавказе уже сложились важнейшие отрасли производящего хозяйства и началось развитие раннеземледельческих культур переднеазиатского типа, то вопрос о том, когда именно возникли здесь зачатки земледелия и скотоводства, остается еще далеко не выясненным. Другими словами, на Кавказе пока не изучены начальные этапы этого важнейшего процесса, приведшего к кардинальным сдвигам в развитии древнейшего человечества, который называют неолитической революцией. Начало ее принято определять временем первого появления культурных растений, а окончание относить ко времени, когда новые отрасли хозяйства стали господствовать в экономике (*Массон В. М.*, 1971, с. 110). Закавказские материалы позволяют проследить развитие и особенно завершение неолитической революции, а вот начало процесса культивации растений и одомашнивания животных пока здесь не установлено. Это объясняется главным образом слабой и неравномерной изученностью неолита Кавказа.

Как известно, в Центральном Закавказье и срединной части Северного Кавказа до сих пор памятники неолита исследованы мало. Подавляющее большинство выявленных и изученных в настоящее время на Кавказе неолитических стоянок и местонахождений сконцентрировано в восточной части перешейка и главным образом в районах Кавказского Причерноморья. Тем не менее известные памятники достаточно убедительно свидетельствуют о развитии на Кавказе (в Закавказье и на Северном Кавказе) неолитической культуры, связанной генетически с местными мезолитической и верхнепалеолитической культурами. Установлено, что в ранненеолитическую эпоху основой хозяйства местного населения продолжали оставаться охота и собирательство.

Большие сдвиги в культурно-историческом развитии Кавказа происходят в эпоху позднего неолита. В это время осваивается, вероятно, значительная часть территории Кавказа, причем как некоторые равнинные, так и отдельные предгорные и горные районы. Известные стоянки этого времени представляют собой открытые поселения, расположенные на берегах рек; некоторые группы населения обитали в пещерах. Повсеместно поселения носят оседлый характер. Открытие ряда погребальных комплексов в Восточном Закавказье позволяет говорить о сложившихся к тому времени обряде захоронения и погребальном культе. Дальнейшее развитие получает каменная индустрия, особенно макролитическая техника. Наряду с обычными микролитическими пластинками в поздненеолитических памятниках встречаются двусторонне обработанные геометрические орудия, многочисленные крупные ножевидные пластины и другие кремневые орудия. В комплексах позднего неолита широко распространяются каменные топоры, долота, стамески, пиковидные орудия, терочники, шлифовальники. Появляются каменные мотыги, ступки, песты, зернотерки. Большое развитие получает техника шлифования и полировки каменных орудий. О значительном прогрессе свидетельствуют также появление и распространение в эту эпоху на Кавказе керамического производства. Тщательное изучение керамики и сравнительный анализ ее, как и остальных категорий инвентаря, позволяет уже для этого времени установить определенные локальные особенности в развитии отдельных областей. Особо следует отметить факты ближайшего соседства Кавказа с областями древнейших развитых оседлоземледельческих культур Передней Азии и, что более существенно, отчетливые свидетельства археологических данных об определенных контактах Кавказа с Ближним Востоком в неолитическую эпоху.

Общий прогресс в культурно-историческом развитии Кавказа в эпоху позднего неолита, убедительно документируемый археологическими памятниками, был вызван главным образом начавшимся здесь становлением производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства и развитием оседлоземледельческой культуры. В настоящее время ряд исследованных в Закавказье поселений, основу хозяйства которых составляли земледелие и скотоводство и которые характеризуют начальные этапы выделяемой на Южном Кавказе древнейшей земледельческой культуры, не без основания относят к позднему неолиту.

Суммируя изложенное, мы можем констатировать, что исключительно благоприятные экологические условия, весь ход культурно-исторического развития Кавказа в предшествующую эпоху и, наконец, такой

важный и стимулирующий фактор, как соседство и постоянно усиливавшиеся связи с Ближним Востоком, в конечном итоге и способствовали тому, что по крайней мере к началу V тысячелетия до н. э. в Закавказье окончательно сложилось производящее хозяйство (земледелие и скотоводство) и на его основе возникла и получила развитие самобытная раннеземледельческая культура. Последняя представлена в настоящее время значительной группой памятников на территории Армении, Грузии и Азербайджана, характеризующих позднейший неолит и энеолит Закавказья. Их открытие и исследование представляют собой поистине важнейшее достижение в изучении археологии Кавказа и в целом СССР за минувшее двадцатилетие.

Остановимся кратко на истории изучения энеолита Кавказа, в частности древнейшей раннеземледельческой культуры Закавказья (подробный обзор истории изучения древнейших земледельческо-скотоводческих культур Кавказа см.: *Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 13—54). Это по существу совершенно новая тема в археологии СССР. Еще совсем недавно, менее 20 лет назад, к энеолиту Кавказа относили культуру так называемого куро-аракского энеолита (Закавказье) и майкопскую культуру (Северный Кавказ). Культура «куро-аракского энеолита» была выделена в начале 40-х годов Б. А. Куфтиным. Исследовав памятники южнокавказского двуречья III тысячелетия до н. з., Б. А. Куфтин пришел к заключению, что в Закавказье обособляется самобытная культура зольных холмов с прекрасной керамикой особого стиля, относящаяся к эпохе раннего металла (*Куфтин Б. А.*, 1941, с. 123). Он охарактеризовал эти памятники как представляющие древнейшую земледельческо-скотоводческую культуру Закавказья, резко отличную от синхронных культур Ближнего Востока с расписной керамикой. Учитывая, что в рассмотренных им комплексах металл представлен в крайне ограниченном количестве и архаическими формами, Б. А. Куфтин осмыслил данную культуру как энеолитическую (*Куфтин Б. А.*, 1944, с. 126). Назвав ее культурой «куро-аракского энеолита», поскольку все известные ему тогда памятники этой культуры концентрировались в междуречье Куры и Аракса, он установил определенную связь ее с малоазийским и всем восточносредиземноморским культурным миром, наметил хронологию «куро-аракского энеолита».

В дальнейшем исследованиями самого Б. А. Куфтина и других кавказоведов были значительно уточнены, расширены и углублены многие важные выводы, связанные с интерпретацией «куро-аракского энеолита». Они касались таких существенных вопросов, как хронология и ареал культуры, уровень экономического и социального развития ее носителей и др. Более того, новейшие исследования заставили принципиально изменить наши представления о периодизации культурно-исторического развития древнейшего Закавказья и частично Северо-Восточного Кавказа.

Начало переосмыслению уровня культурно-исторического развития и периодизации Закавказья в III тысячелетии до н. э. и в предшествующую эпоху было положено работами совместной Азербайджанской экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории Азербайджанской ССР под руководством А. А. Иессена, с одной стороны, и специальными исследованиями древнейшего металла Кавказа, предпринятыми И. Р. Селимхановым,— с другой. В частности, спектральный анализ металлических предметов с памятников «куро-аракского энеолита» показал, что они изготовлены не из чистой (самородной) меди, как предполагали, а из искусственного сплава меди и мышьяка — мышьяковистой бронзы (*Селимханов И. Р.*, 1960). Таким образом стало очевидно, что эти памятники характеризуют не время первого появления металла на Южном Кавказе, а сравнительно развитый этап металлопроизводства и что они, следовательно, относятся не к энеолиту, а к эпохе ранней бронзы.

Значительно более существенными, конечно, стали выявление и исследование в Закавказье оседлоземледельческих памятников, предшествующих культуре «куро-аракского энеолита». Начатые в 1951 г. раскопки многослойного холма Кюльтепе I близ г. Нахичевани (Азербайджанская ССР), на самом юге Закавказья, привели к знаменательному открытию. Нахичеванским отрядом Азербайджанской экспедиции под руководством О. А. Абибуллаева впервые на Южном Кавказе под слоем «куро-аракского энеолита» были выявлены мощные культурные напластования с сырцовой архитектурой и характерным для раннеземледельческих поселений инвентарем, а также отдельными металлическими изделиями. Этот факт «засверкал», когда в Закавказье одно за другим начались открытия новых памятников более ранней, чем «куро-аракский энеолит», оседлоземледельческой культуры. Поэтому можно без преувеличения сказать, что именно раскопки Нахичеванского Кюльтепе I положили начало изучению древнейшей земледельческо-скотоводческой культуры Кавказа, локализуемой на значительной территории Закавказья и Дагестана и датируемой V—IV тысячелетиями до н. э., а возможно, и несколько более ранним временем. Библиография по Нахичеванскому Кюльтепе I в настоящее время довольно обширна. Значительная часть работ, посвященных Кюльтепе, принадлежит О. А. Абибуллаеву (*Абибуллаев О. А.*, 1959а; 1959б; 1963; 1965а; 1965б).

Наряду с исследованием поселения Кюльтепе I Азербайджанская экспедиция в 50-е годы провела успешные разведочные изыскания, увенчавшиеся, в частности, открытием в Мильско-Карабахской степи ряда древнейших оседлоземледельческих памятников, предшествующих культуре «куро-аракского энеолита». Заслуга в их описании и культурно-хронологической интерпретации принадлежит А. А. Иессену. Сблизив эти памятники с древнейшим слоем Нахичеванского Кюльтепе I, А. А. Иессен пришел к выводу, что еще до развития «куро-аракского энеолита» здесь существовала оседлая раннеземледельческая культура (*Иессен А. А.*, 1963, с. 3—14; 1965, с. 10—17). Он справедливо отмечал, что «сейчас не остается никаких оснований относить куро-аракскую культуру к энеолиту» и «мы имеем все основания для отнесения к энеолиту культуры Кюльтепе I, тогда как куро-аракская культура характеризуется уже вполне развитой металлургией» (*Иессен А. А.*, 1965, с. 17). Датировав названные памятники IV тысячелетием до н. з., он показал и

связь их с Ираном (*Иессен А. А.*, 1965, с. 17). Первоначально древнейшие раннеземледельческие памятники Закавказья были выявлены только на территории Азербайджана, поэтому, формулируя заключение о развитии в Закавказье оседлой культуры раннеземледельческого типа, предшествующей культуре «куро-аракского энеолита», А. А. Иессен отмечал, что пока еще нельзя определить, как далеко в пределы Закавказья проникала данная культура, где проходили северная и северо-западная границы ее ареала (*Иессен А. А.*, 1963, с. 10; 1965, с. 15). Но уже тогда, в самом начале 60-х годов, были обнаружены и начали исследоваться памятники, свидетельствующие о развитии в Центральном и Восточном Закавказье оседлоземледельческой культуры, по времени даже более ранней, чем та, которая представлена памятниками Южного Закавказья.

Принципиально важные результаты были достигнуты в Азербайджане благодаря открытию в 60-х годах в его западных районах целой группы раннеземледельческих поселений V—IV тысячелетий до н. э. Исследование их связано прежде всего с именем И. Г. Нариманова, открывшего и в разной степени обследовавшего все известные на территории Западного Азербайджана древнейшие оседлоземледельческие поселения, в том числе Бабадервиш (холм I), Шомутепе, Тойретепе, Иланлытепе, Гаргалартепеси и др. (*Нариманов И. Г.*, 1964; 1965; 1966; 1968; 1969). Им же были сделаны и первые обобщения по этим памятникам, в частности вывод о том, что они представляют древнейшую раннеземледельческую культуру Закавказья, которую он предложил назвать шомутепинской (*Нариманов И. Г.*, 1966, с. 121). Под руководством И. Г. Нариманова обследованы раннеземледельческие памятники и в других районах Азербайджана: в Муганской и Мильско-Карабахской степях. Среди последних особого внимания заслуживает поселение Аликемектепеси в Муганской низменности (Джалилабадский р-н), исследования которого продолжаются и в настоящее время (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1972; 1974; 1975; 1976).

Важные результаты были получены и в Грузии, в ее юго-восточной части (Болнисский и Марнеульский районы), пограничной с Западным Азербайджаном. На правобережье среднего течения Куры начиная с 1964 г. открыта целая группа раннеземледельческих поселений, в культурно-историческом отношении идентичная памятникам шомутепинского типа в Азербайджане. Это поселения Шулаверисгора, Имирисгора, Храмис Дидигора, Дангреулигора, Гадачрилигора, Цопи, Арухло и др. С 1965 г. экспедициями Тбилисского государственного университета и Государственного музея истории Грузии под руководством О. М. Джапаридзе и А. И. Джавахишвили и Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР под руководством Т. Н. Чубинишвили проведены планомерные стационарные исследования некоторых из этих памятников, в частности Шулаверисгора, Имирисгора, Храмис Дидигора и Арухло I (Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции, 1975; *Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И.*, 1971; *Чубинишвили Т. Н., Кушнарева К. Х.*, 1967; *Чубинишвили Т. Н.*, 1971; *Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М., Небиеридзе Л. Д.*, 1974). Ряд энеолитических памятников обследован и в других районах Грузинской ССР. Это так называемое Делисское поселение в г. Тбилиси (*Абрамишвили Р. М.*, 1976; *Абрамишвили Р. М., Окропиридзе Н. И.* и др., 1979; Тбилиси. Археологические памятники, 1978), поселения в ущелье Арагви (*Рамишвили Р. М., Джорбенадзе В. А., Каландадзе З. А.* и др., 1979), в Кахетии (*Пицхелаури К. Н., Дедабришвили Ш. Ш.* и др., 1979; *Пицхелаури К. Н.*, 1979; *Варазашвили В. В.*, 1980) и Западной Грузии (*Пхакадзе Г. Г.*, 1979).

Наконец, группа древнейших оседлоземледельческих памятников обследована на территории Армении, в частности на Араратской равнине. Это поселения Техут, Шангавит (нижний слой), Адаблур (Кзяхблур), Цахкунк, Хатунарх и др. (*Торосян Р. М., Микаелян Г. А., Даведжян С. Г.*, 1970, с. 386; *Сардарян А. А.*, 1967, с. 278—281). Наибольшую известность получило Техутское поселение близ г. Эчмиадзина, раскопки которого проводились в 1965—1968 гг. (*Мартиросян А. А., Торосян Р. М.*, 1967, с. 52—62; *Торосян Р. М.*, 1971; 1976).

Отмеченные памятники Южного Кавказа представляют значительный культурно-хронологический пласт, предшествующий «куро-аракскому энеолиту» и характеризующий развитие в Закавказье древнейших форм земледелия и скотоводства и основанной на производящем хозяйстве оседлоземледельческой культуры. В настоящее время известно уже более 70 памятников этой культуры на территории Закавказья — от крайнего юга до его северо-восточных районов. На ряде этих памятников слои, характеризующие древнейшую раннеземледельческую культуру, перекрыты слоями «куро-аракского энеолита».

Крайне важно и знаменательно, что близкие в культурно-хронологическом отношении памятники выявлены и в северной, пограничной с Закавказьем части Кавказа. Это прежде всего поселение Гинчи в Горном Дагестане, исследованное в середине 60-х годов М. Г. Гаджиевым, где ранний слой также перекрыт слоем с материалами «куро-аракского энеолита» (*Гаджиев М. Г.*, 1966, с. 55—61; 1980а, с. 8—9). К энеолитическим памятникам, обследованным на данной территории, относятся также поселения Гапшима, Верхнее Лабкомахи и др. (*Гаджиев М. Г.*, 1975, с. 18—22; 1980 б, с. 8—27; *Давудов О. М.*, 1973, с. 123).

Такова в общих чертах краткая история открытия и полевого изучения памятников древнейших раннеземледельческих культур Закавказья и Северо-Восточного Кавказа. Открытие и первые итоги раскопок этих памятников, надо сказать, сразу же привлекли к себе серьезное внимание и вызвали широкий интерес исследователей не только в нашей стране, но и за рубежом.

Введение в научный оборот материалов отдельных раннеземледельческих поселений представляло собой не просто их публикацию; оно сопровождалось серьезными попытками культурно-исторической интерпретации данных памятников, в частности осмыслением характера представленной ими культуры (или культур), определением ее (или их) ареала. Полученные для некоторых поселений Азербайджана и Грузии радиокарбонные даты позволили поставить и решать вопросы хронологизации древнейшей оседло-

земледельческой культуры Закавказья. Наличие в ряде комплексов образцов расписной керамики и глиняной антропоморфной пластики способствовало как уточнению датировки культуры в целом и отдельных групп ее памятников в частности, так и установлению характера и путей осуществления связей раннеземледельческих общин Южного Кавказа с племенами сопредельных областей Передней Азии.

На отдельных раннеземледельческих памятниках Закавказья, в частности на поселении Арухло I в Грузии, были проведены специальные работы с целью исследования палеогеографии края, а также древнейших ирригационных сооружений (*Чубинишвили Т. Н.*, *Челидзе Л. М.* и др., 1973, с. 13—15; *Мацхонашвили К. Г.*, 1979, с. 32–34; *Колесников В. И.*, 1979, с. 35—38). Изучение палеоботанических и остеологических находок и отдельных категорий археологического материала отмеченных памятников дало основание как для общей характеристики экономики, и в первую очередь ее важнейших отраслей — земледелия и скотоводства, так и для суждения о культивировавшихся на Кавказе в эпоху энеолита злаках, видах домашних и диких животных (*Нариманов И. Г.*, 1977, с. 56—58; *Чубинишвили Т. Н.*, *Челидзе Л. М.*, 1978, с. 55—66; *Гаджиев М. Г.*, 1966, с. 55—56; *Лисицына Г. Н.*, *Прищепенко Л. В.*, 1977, с. 61—67; *Межлумян С. К.*, 1972, с. 44—50; *Бендукидзе О. Г.*, 1979а, с. 39—44; 1979б, с. 61—64).

Специальному исследованию (технико-морфологическому анализу и статистической обработке) подверглись некоторые категории инвентаря энеолитических памятников Восточного Закавказья, например такая многочисленная группа материала, как каменные орудия (*Аразова Р. Б.*, 1974; *Коробкова Г. Ф.*, *Эсакиа К. М.*, 1979), а также проблема планировки и жилой архитектуры поселений Южного Кавказа в V—III тысячелетиях до н. з. (*Джавахишвили А. И.*, 1973). Выделение стратифицированных объектов и послойное изучение содержащегося в них археологического материала позволили наметить относительную периодизацию древнейших раннеземледельческих памятников Восточного Закавказья (*Кигурадзе Т. В., 1976*). Наконец, сделаны попытки воссоздать общую картину культурно-исторического развития Кавказа, в частности Закавказья, в эпоху энеолита (*Мунчаев Р. М.*, 1975), определить этническую принадлежность населения Южного Кавказа в V—IV тысячелетиях до н. э. (*Джапаридзе О. М.*, 1976).

Суммируя изложенное, можно констатировать, что за сравнительно ограниченный период, всего за 20 лет, проделана большая и целенаправленная работа по выявлению и изучению древнейших раннеземледельческих памятников Закавказья. Их открытие и исследование относятся к наиболее крупным достижениям в изучении кавказской археологии за минувшее двадцатилетие. За это время опубликована значительная литература, посвященная раннеземледельческим памятникам Кавказа. В результате удалось археологически обосновать вывод о том, что Кавказ, в частности Закавказье, является одним из древнейших на территории СССР центров развития земледелия и скотоводства и основанной на них оседлой культуры переднеазиатского типа. Вполне закономерным поэтому следует признать включение соответствующих памятников Закавказья в общую систему раннеземледельческих культур Переднего Востока. В данной связи отметим недавно опубликованное исследование известного английского археолога Д. Мелларта, который, рассмотрев в специальной главе памятники Закавказья, сделал попытку определить место древнейшей оседлоземледельческой культуры Южного Кавказа на общем фоне развития раннеземледельческой культуры Ближнего Востока (*Mellaart J.*, 1975).

Результаты изучения энеолита Кавказа, в частности раннеземледельческих памятников Закавказья и Северо-Восточного Кавказа, бесспорны и весьма важны. Однако было бы неправильно их переоценивать и пытаться на их основании дать в настоящее время широкую и полную в культурно-историческом и локально-хронологическом отношении картину развития Кавказа в рассматриваемую эпоху. Несмотря на значимость достигнутых результатов в исследовании раннеземледельческих памятников Кавказа и представленной ими культуры, пока, к сожалению, многие общие и частные вопросы, связанные с их всесторонней научной интерпретацией, все еще остаются слабо разработанными и невыясненными. Так, не решен до сих пор важнейший вопрос о том, характеризуют ли известные раннеземледельческие памятники, предшествующие «куро-аракскому энеолиту», одну археологическую культуру Закавказья с отдельными локально-хронологическими вариантами или они представляют ряд самостоятельных культур — нахичеванско-мильско-муганскую, шулавери-шомутепинскую, техутскую и, наконец, гинчинскую (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 150). Неясно и культурно-хронологическое положение отдельных поселений, таких, как Техут, Гинчи и др., в общем ряду древнейших раннеземледельческих памятников Кавказа. Отсюда и слабая разработанность проблемы происхождения раннеземледельческой культуры Закавказья.

Выше, например, отмечалось, что уже сделана попытка наметить относительную периодизацию раннеземледельческих памятников Южного Кавказа (*Кигурадзе Т. В.*, 1976), однако, как будет показано, эту периодизацию нельзя распространять на всю древнейшую раннеземледельческую культуру Закавказья, так как даже применительно к группе памятников Квемо-Картли (Грузия) она вызывает возражения (*Чубинишвили Т. Н.*, *Челидзе Л. М.*, 1978, стр. 63). Решение этих вопросов осложняется и отсутствием сколько-нибудь достаточного количества радиокарбонных дат для установления как абсолютной хронологии энеолита Кавказа вообще и отдельных групп памятников в частности, так и четкой их последовательности. В результате мы не можем в настоящее время расчленить энеолит Кавказа, как, допустим, среднеазиатский, на ранний, средний и поздний или выделить в нем, как в трипольской культуре, ряд последовательных этапов развития — от начальных фаз до заключительных. То же самое следует сказать и в отношении выделения локальных вариантов раннеземледельческой культуры Закавказья эпохи энеолита. Это объясняется не только недостаточной изученностью древнейшей раннеземледельческой культуры и отдель-

ных групп ее памятников, но и тем, что до сих пор не подвергнуты специальному исследованию некоторые ее важнейшие атрибуты, такие, например, как керамический комплекс и обряд захоронения. Если мы располагаем уже значительной коллекцией керамики со сравнительно большого числа раннеземледельческих поселений Азербайджана, Грузии и Армении, то данных по погребальному обряду древнейших земледельцев Закавказья у нас крайне мало. Последнее обстоятельство в совокупности с ограниченностью других материалов затрудняет изучение проблем социального развития и идеологических представлений раннеземледельческих племен Южного Кавказа, а также Дагестана.

Достойно сожаления, что многие исследованные памятники энеолита Южного Кавказа все еще слабо опубликованы. Наиболее полно (с характеристикой стратиграфии и послойным описанием вскрытых комплексов и добытых материалов) до сих пор изданы лишь три памятника — Шулаверисгора, Имирисгора и Техутское поселение. Комплексы же таких широко известных уже энеолитических памятников на территории Западного Азербайджана, как, например, Шомутепе, Тойретепе и др., изданы весьма выборочно, а материалы поселения Аликемектепеси на Мугани до сих пор практически не опубликованы. Ждет издания и крупное монографическое исследование о Нахичеванском Кюльтепе I, завершенное О. А. Абибуллаевым незадолго до смерти.

К слабо разработанным вопросам древнейшей оседлоземледельческой культуры Кавказа мы обратимся вновь при рассмотрении соответствующих комплексов и некоторых общих проблем. Но прежде укажем, что памятники, о которых шла речь, представляют собой раннеземледельческие поселения переднеазиатского типа, расположенные, за исключением Гинчинского поселения, в Закавказье. Аналогичные им памятники в других областях Кавказа, в частности в районах Кавказского Причерноморья и Северного Кавказа, до сих пор не обнаружены. Возможность их открытия там не исключена.

Едва ли можно сомневаться в том, что в Кавказском Причерноморье и в центральных районах Северного Кавказа развивалась энеолитическая культура. Носителями этой культуры были, видимо, местные, знакомые уже с земледелием и скотоводством племена. Речь идет о поселении Тетрамица в Западной Грузии, разведочно обследованном в 1924—1932 гг. (*Киладзе Н. З.*, 1951), ряде памятников Кавказского Причерноморья (стоянки с тяпкообразными мотыжками в с. Гантиади, селище на горе Гуад-Иху, нижний слой поселения у с. Мачара, стоянки Ахштырь 1—5, Имеретинская, Молдовка и др. в районе Сочи — Адлера), исследованных в 50—70-е годы (*Бжания В. В.*, 1966а; 1966б; *Бжания В. В.*, *Папаскири Л. А.*, *Габелия О. Н.*, 1979; *Барамидзе М. В.*, *Пхакадзе Г. Г.*, *Орджоникидзе А. З.*, 1978; *Барамидзе М. В.*, *Пхакадзе Г. Г.* и др., 1979), и древнейшей группе погребений Нальчикского могильника в Центральном Предкавказье (*Круглов А. А.*, *Пиотровский Б. Б.*, *Подгаецкий Г. В.*, 1941). К сожалению, эти памятники изучены пока слабо. Достаточно сказать, что обследование Тетрамицы ограничилось по существу лишь сбором подъемного материала, что ни одна из гантиадских стоянок до сих пор стационарно не исследовалась. И все же имеющиеся данные позволяют уже теперь определить относительное хронологическое положение названных памятников Кавказского Причерноморья, выяснить в общих чертах характер представленной ими культуры. Устанавливается, в частности, что эти комплексы занимают хронологически промежуточное положение между памятниками неолита, с одной стороны, и майкопской культуры эпохи ранней бронзы — с другой. Далее, что в энеолите этого региона Кавказа была распространена единая в своей основе культура, восходящая к местному неолиту и даже мезолиту, со специфическими особенностями, заметно отличающими ее от раннеземледельческой культуры Закавказья.

Что же касается культуры энеолита Центрального Предкавказья, как и значительной части всего Северного Кавказа, то она по существу еще не изучена, а наши знания об этой культуре, непосредственно предшествующей культуре раннебронзового века, основываются в настоящее время главным образом на материалах Агубековского поселения (*Кричевский Е. Ю.*, *Круглов А. П.*, 1941) и древнейших комплексах Нальчикского могильника в Кабардино-Балкарии, исследованных в 1929—1933 гг. Первый из этих памятников относят к самому заключительному этапу неолита, а второй — к энеолиту (*Мунчаев Р. М.*, 1975). Кроме того, до сих пор неясно культурно-хронологическое соотношение этих памятников между собой. Нальчикский могильник, к сожалению, содержит крайне ограниченный материал, который не может быть использован для сколько-нибудь широких и убедительных обобщений.

Таково общее состояние проблемы энеолита Кавказа и древнейшей раннеземледельческой культуры Закавказья в частности.

Глава вторая
Памятники культуры энеолита Кавказа

Древнейшие раннеземледельческие памятники Закавказья и вопросы хронологии и периодизации

В настоящее время на территории Закавказья известно свыше 70 раннеземледельческих памятников. Наиболее широко они выявлены и изучены на территории Азербайджана и Грузии (карта 2). Так, в пределах Азербайджанской ССР открыто не менее 50 ранних оседлоземледельческих поселений. Ряд памятников выявлен в Армении, а также по другую сторону Кавказского хребта — в Дагестане. Хотя материалы большинства памятников опубликованы еще недостаточно полно, мы располагаем уже определенными данными, позволяющими осветить вопросы развития древнейшей раннеземледельческой культуры Закавказья.

Самым известным энеолитическим памятником Азербайджана и всего Кавказа является, несомненно, Кюльтепе I близ г. Нахичевани, точнее, нижний (или первый) слой этого многослойного поселения. Более 15 раннеземледельческих поселений зафиксировано в Мильско-Карабахской степи, причем из них раскапывалось лишь поселение Иланлытепе, а на Камильтепе был заложен разведочный шурф. В этой части Азербайджана, на юго-восточных склонах Малого Кавказа, в междуречье Гуручая и Кенделенчая, также открыто несколько поселений со слоями энеолитической эпохи (Каракепяктепе, Гюнештепе, Зергертепе, Маинатепе, Кюльтепе, Чадыртепе, Шерекялы и др.). Группа энеолитических поселений имеется и в Муганской степи (Аликемектепеси, Сулутепе, Учтепе, Мишарчай I—IV, Гурудере I—VI и др.), но широко исследовалось лишь поселение Аликемектепеси. Отмеченные памятники, таким образом, расположены в южной части Азербайджана — от Нахичевани на юго-западе до Мугани на юго-востоке.

Другая группа раннеземледельческих поселений сконцентрирована в западной части Азербайджана на правом берегу р. Куры. Здесь, главным образом в пределах Казахского района республики, раскопаны такие поселения, как Тойретепе, Шомутепе, Бабадервиш и Гаргалартепеси, и рекогносцировочно обследован ряд аналогичных памятников (Тойретепе II, Ментеж, Рустепеси и др.). Энеолитические памятники открыты также и в бассейне Таузчая и Шамхорчая.

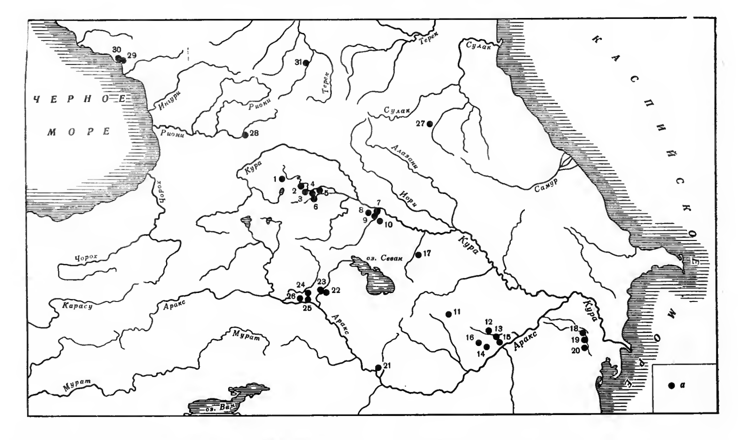
С этой группой смыкаются раннеземледельческие памятники, расположенные в Марнеульском и Болнисском районах Грузии, соседних с Западным Азербайджаном. Здесь концентрируется значительная группа энеолитических поселений. Это прежде всего поселения у станции Шулавери и селения Имири (Шулаверисгора, Дангреулигора, Храмис Дидигора и Имирисгора), у селений Арухло (поселения Арухло I—III при слиянии рек Храми и Машавера) и Цопи (бассейны Банушчая и Дебедчая). Все эти памятники обследованы в разной степени. Наиболее изучены среди них Шулаверисгора, Имирисгора и Арухло I (грузинское «гора» соответствует тюркскому «тепе—тапа—депе», армянскому «блур» и арабскому «телль»).

Отдельные энеолитические памятники выявлены и в других районах Грузии, в частности в Ахалцихском и Тетрицкаройском районах, на территории г. Тбилиси и бассейне р. Арагви, в Восточной (Кахетия) и ряде пунктов Западной Грузии. Названные памятники пока слабо изучены, и их связь в культурно-хронологическом отношении с группой раннеземледельческих поселений, расположенных в западной части Азербайджана и соседних с ней районах Грузии, не совсем ясна.

Раннеземледельческие памятники на территории Армении представляют поселения Техут и Кюльтапа в окрестностях Эчмиадзина, Мхлутапа у сел. Цахкунк, Адаблур (Кзяхблур). Видимо, к эпохе энеолита относятся и такие поселения Араратской равнины, как Маштоцблур и Шенгавит I. Все эти памятники мало исследованы и почти не опубликованы (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 151). Исключение составляет лишь Техутское поселение (*Торосян Р. М.*, 1976).

С отмеченными памятниками Закавказья в культурно-хронологическом отношении до некоторой степени, возможно, связаны несколько энеолитических поселений в Горном Дагестане (Северо-Восточный Кавказ). Единственным исследованным памятником среди них является поселение в урочище Гинчи (Советский р-н Дагестанской АССР). Аналогичные указанным памятники в других регионах Кавказа пока не открыты. Правда, там известен ряд комплексов, принадлежность которых к энеолиту очевидна. Это древнейшие погребения Нальчикского могильника на Северном Кавказе и группа памятников на Черноморском побережье Кавказа.

Энеолитическая культура Закавказья представлена исключительно бытовыми памятниками — поселениями. Большинство их представляет собой, подобно переднеазиатским теллям, небольшие искусственные холмы — тепе; другие расположены на невысоких естественных холмах. Поселения находятся в основном на речных аллювиальных равнинах и сконцентрированы в Мильско-Карабахской степи и на Мугани, в Араратской равнине (на берегах древних притоков р. Аракс) и в долинах древнего течения р. Куры и ее правых притоков — Храми, Дебеды и Акста-

Карта 2. Распространение энеолитических памятников Кавказа

1 — Арухло I—III; *2* — Дангреулигора; *3* — Шулаверисгора; *4* — Гадачрилигора; *5* — Имирисгора; *6* — Храмис Дидигора; *7* — Бабадервиш; *8* — Шомутепе; *9* — Тойретепе; *10* — Гаргалартепеси; *11* — Иланлытепе; *12—16* — поселения Мильской степи; *17* — Кечили; *18* — Аликемектепеси; *19* — Гурудере I—VI; *20* — Мишарчайские поселения; *21* — Нахичеванский Кюльтепе I; *22* — Маштоцблур; *23* — Шенгавит; *24* — Техут; *25* — Хатунарх; *26* — Адаблур; *27* — Гинчи; *28* — Тетрамица; *29* — Мачарское поселение; *30* — Гуад-Иху; *31* — Нальчикский могильник

фачая (карта 2; табл. XXVI, *1*). Помимо поселений в виде жилых искусственных холмов, расположенных в предгорных и низких межгорных долинах, ряд раннеземледельческих поселений зафиксирован в более высокой зоне — на естественных речных террасах, на мысах у слияния рек или на склонах (*Чубинишвили Т. Н.*, *Челидзе Л. М.*, 1978, с. 61). Эти поселения часто располагаются компактными группами из нескольких (три—пять) холмов близ берегов рек и русел древних протоков. Все они естественно «укреплены». В настоящее время большинство исследователей рассматривают закавказские раннеземледельческие памятники, предшествующие куро-аракской культуре раннебронзового века, как единую культуру — древнейшую раннеземледельческую культуру Закавказья — на разных этапах ее развития, а наблюдающиеся отличия в комплексах тех или иных поселений объясняют локально-хронологическим положением их в общем ряду энеолитических памятников Южного Кавказа (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 255; *Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 85; *Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 150).

Как же в настоящее время решаются вопросы, связанные с установлением хронологии древнейшей раннеземледельческой культуры Закавказья вообще и периодизации отдельных ее групп в частности? Относительное хронологическое положение данной культуры ясно: стратиграфия ряда памятников, как и другие важные данные, убедительно свидетельствуют о том, что она предшествует по времени куро-аракской культуре, датируемой концом IV—III тысячелетием до н. э. Небольшая серия радиокарбонных дат, полученных для нескольких раннеземледельческих поселений Закавказья, а также некоторые сравнительные данные позволяют уже сейчас определить общую хронологию рассматриваемой культуры. Укажем памятники, датированные по С-14:

1. Шомутепе — 5560±70 лет до н. э. (ЛЕ-631). Образец угля взят из слоя поселения на глубине 1 м (*Семенцев А. А.*, *Романова Е. И.*, 1969, с. 56).

2. Тойретепе — 4295±125 лет до н. з. (определение Бомбейской лаборатории). Образец взят из средней части четырехметрового слоя поселения (*Нариманов И. Г.*, 1966, с. 123).

3. Кюльтепе I близ г. Нахичевани — 3807±90 лет до н. з. (ЛЕ-477). Образец взят на глубине 18,2 м, т. е. в нижней половине энеолитического слоя памятника (*Артемьев А. В.*, *Бутомо С. В.*, *Дрожжин В. М.* и др., 1961, с. 11).

4. С Гаргалартепеси изучены два образца угля: из очага, открытого в материковом слое, — 4800±60 лет до н. э. (ЛЕ-1083) и из очага, раскопанного на уровне 2 м выше материкового слоя, — 4175±60 лет до н. з. (ЛЕ-1084) (*Нариманов И. Г.*, 1977, с. 57).

5. С поселения Шулаверисгора анализу подвергнуты четыре образца, взятые с разных уровней культурного слоя и исследованны в разных лабораториях. Получены даты: а) 3995±300 лет до н. э. (ТБ-15). Образец взят на уровне строительного горизонта II

поселения, на глубине 0,2 м; б) 4660±210 лет до н. э. (ТБ-16). Образец, взятый на уровне того же строительного горизонта, был разделен на части и еще дважды подвергнут определению, в том числе в той же лаборатории Тбилисского университета, а также в Институте геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР. Получены даты: 4900±55 лет до н. э. (ТБ-72) и 4260±100 лет до н. э. (СОАН-1292). (*Чубинишвили Т. Н.*, *Челидзе Л. М.*, 1978, с. 66); в) 4750±80 лет до н. э. (ЛЕ-1099). Образец взят на уровне строительных горизонтов VI—VII; г) 4360±130 лет до н. э. (ЛЕ-1100). Образец взят на глубине 4,4 м на уровне строительного горизонта IX. (*Бурчуладзе А. А.* и др., 1975, с. 90; Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции, 1975, с. 127).

6. Для Имирисгора получены две даты: 4350±120 лет до н. э. (ТБ-19) и 4540±120 лет до н. э. (ТБ-27). Образцы взяты на уровне строительных горизонтов IV—I (*Бурчуладзе А. А.* и др., 1975 с. 90).

7. Храмис Дидигора—4570±70 лет до н. э. (LJ-3270). Определение сделано в лаборатории С-14 Калифорнийского университета по образцу, взятому на уровне позднейшего строительного горизонта V (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 168; *Linick T. W.*, 1977, p. 30). Укажем, что для этого памятника получена еще одна радиокарбонная дата, близкая к вышеприведенной: 4680±50 лет до н. э. (ТБ-301). Образец взят с глубины 4,2 м (*Менабде М. В.*, *Кигурадзе Т. В.*, *Гогадзе К. М.*, 1980, с. 34).

8. Для Арухло I получены три даты, две из которых опубликованы: 4770±60 лет до н. э. (ТБ-92) и 4817±60 лет до н. э. (ТБ-277). Образцы взяты в верхних строительных горизонтах (*Чубинишвили Т. Н.*, *Челидзе Л. М.*, 1978, с. 64; *Горидзе А. Д.*, 1979, с. 425).

Количество радиокарбонных дат, как видим, довольно ограниченно. Необходимо отметить, что сотрудником Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР Г. Л. Кавтарадзе, исходя из «калибрационной кривой» Р. М. Кларка, а в тех случаях, когда дата старше 4500 лет до н. э., путем экстраполяции этой кривой, получены калиброванные даты многих названных памятников Закавказья. Все они старше приведенных выше дат на 600 лет и более (*Кавтарадзе Г. Л.*, 1981, с. 136—138). При определении хронологии мы исходим из отмеченных выше радиокарбонных дат. Таким образом, мы имеем в общей сложности около 15 таких дат (включая две дополнительные даты для одного образца из Шулаверисгора) для восьми раннеземледельческих памятников Южного Кавказа, в том числе для семи поселений, расположенных в Центральном Закавказье, и для одного памятника (Нахичеванский Кюльтепе I) в Южном Закавказье. Для поселений Шомутепе, Тойретепе и Нахичеванский Кюльтепе I получено по одной дате, для Гаргалартепеси, Имирисгора и Храмис Дидигора — по две, для Арухло I — три и для Шулаверского поселения—шесть. До сих пор, к сожалению, нет ни одной радиокарбонной даты для памятников Мильско-Карабахской и Муганской степей и Араратской долины. Для памятников других областей Кавказа, в частности Кавказского Причерноморья, мы имеем единственную пока радиокарбонную дату— 3810±90 лет до н. э. (ЛЕ-1347), полученную для энеолитического слоя Мачарского поселения в Абхазии (*Бжания В. В.*, *Папаскири Л. А.*, *Габелия О. Н.*, 1979, с. 497).

Учитывая ограниченное число радиокарбонных дат, отсутствие значительной их серии хотя бы для нескольких памятников, а также несоответствие отдельных дат сравнительной стратиграфии поселений, мы не будем рассматривать каждую из этих дат и таким образом определять хронологическую последовательность изучаемых памятников. На основании этих дат представляется возможным говорить с уверенностью лишь об абсолютной хронологии рассматриваемой культуры в целом. Большинство приведенных дат приходится на V тысячелетие до н. э., одна — на середину VI тысячелетия до н. э. и две — на начало IV тысячелетия до н. э. Видимо, развитие культуры энеолита Южного Кавказа относится в основном к V тысячелетию до н. э., ее формпрование и начальные этапы генезиса — к VI тысячелетию до н. э., а позднейшие стадии — к началу IV тысячелетия до н. э. Как будет показано ниже, в пользу такого общего заключения свидетельствуют и некоторые археологические данные.

Центральнозакавказская, или шулавери-шомутепинская, группа памятников, судя по радиокарбонным датам, старше Нахичеванского Кюльтепе I, на что указывает и сравнительный анализ' материалов данных комплексов. А поскольку почти все памятники, известные в Мильско-Карабахской и Муганской степях, по материалу ближе Нахичеванскому Кюльтепе I и Аликемектепеси, чем памятникам среднего течения р. Куры, они, следовательно, могут быть объединены с Кюльтепе I условно в одну хронологическую группу—нахичеванско-мильско-муганскую или южнозакавказскую. Причем в этой условно выделяемой группе относительно ранним является, вероятно, само Кюльтепе I близ Нахичевани, а поселение Аликемектепеси на Мугани—сравнительно поздним комплексом, представляющим, видимо, завершающий этап рассматриваемой культуры.

Таким же поздним памятником, относящимся к IV тысячелетию до н. э., является Техут — наиболее исследованное раннеземледельческое поселение на территории Армении. Следует отметить, что своеобразие Техутского комплекса, в том числе его керамики, заметно выделяет этот памятник среди остальных раннеземледельческих поселений Араратской равнины и Южного Кавказа в целом. А это в свою очередь затрудняет определение места Техута в культуре энеолита Закавказья. Хронологическое положение других энеолитических памятников Армении в настоящее время определить трудно, так как они слабо обследованы и материалы их почти не изданы. Судя по той небольшой коллекции керамики, которая известна по публикациям, ряд этих памятников в культурном и хронологическом отношениях ближе памятникам Центрального Закавказья, чем, например, Техуту.

В значительной степени аналогично им п Гинчинское поселение в Дагестане. Этот памятник, судя по инвентарю, несомненно, моложе раннеземледельческих поселений Центрального Закавказья и относится, вероятно, также к IV тысячелетию до н. э. Его

керамический комплекс, включающий небольшое число образцов расписной посуды, также весьма специфичен. Хотя в Горном Дагестане известны уже и другие аналогичные ему поселения, Гинчи — пока единственный раскопанный памятник. До сих пор неясно, характеризует ли этот памятник самостоятельную культуру энеолита Северо-Восточного Кавказа вообще либо Горного Дагестана в частности или же он представляет локально-хронологический вариант закавказского энеолита на поздней стадии развития.

Как отмечалось выше, первая попытка наметить периодизацию раннеземледельческих памятников Закавказья и представленной ими культуры уже сделана (*Кигурадзе Т. В.*, 1976). Т. В. Кигурадзе на основе изучения стратиграфии и других данных, прежде всего квемо-картлийских поселений (Шулаверисгора, Имирисгора, Гадачрилигора, Дангреулигора и Храмис Дидигора), выделяет более пяти ступеней в развитии этой культуры, которую он именует шулавери-шомутепинской. Первую, или древнейшую, ее ступень представляет в настоящее время всего один памятник — Шулаверское поселение, точнее, его строительные горизонты IX—IV. Ко второй ступени относятся горизонты III—I Шулаверисгора, горизонты VII—VI Имирисгора и Гадачрилигора, к третьей — горизонт V Имирисгора, к четвертой — горизонты IV—I Имирисгора, горизонты I—IV Храмис Дидигора, нижний слой Дангреулигора, а также Шомутепе, Тойретепе, Бабадервиш и Хатунарх, к пятой — горизонты V—VII Храмис Дидигора, а также Арухло I, Гаргалартепеси, Иланлытепе, Нахичеванский Кюльтепе I, нижние горизонты Аликемектепеси. К поздним ступеням этой культуры относятся поселение Цопи, верхние горизонты Аликемектепеси и др.

В связи с недостаточной изученностью памятников Квемо-Картли и соседних с ней районов Азербайджана, а особенно других областей Закавказья, не все звенья периодизации Т. В. Кигурадзе представляются достаточно обоснованными. Прежде всего не совсем ясно, какой единый принцип положен в ее основу. Ниже мы увидим, что характер поселений для всех ступеней одинаков, архитектура также в целом единая, представленный в них каменный и костяной инвентарь в общем единообразен. Те небольшие различия, которые наблюдаются в материале, например, памятников всех ступеней квемо-картлийской группы, заметно не меняют общего представления о комплексах каждой ступени. Исключение составляет, пожалуй, лишь керамика. Весьма малочисленная керамика, представленная в Шулаверисгора, в горизонтах VII—VI Имирисгора и Гадачрилигора, т. е. в памятниках первой—второй ступеней, как будет показано ниже, сравнительно архаична, отлична по орнаментации и, видимо, по формам от глиняной посуды памятников последующих ступеней. Однако преувеличивать значение этого факта едва ли правомерно, поскольку памятники первой—второй ступеней единичны (сейчас их известно три, и все они находятся в одном микрорайоне), а их материал, особенно керамический, крайне ограничен.

В этой связи следует отметить, что у некоторых исследователей раннеземледельческой культуры Закавказья вызывает сомнение правомерность рассмотрения Шулаверского поселения как наиболее раннего памятника изучаемой культуры. Они считают, что раннюю ступень древнейших оседлоземледельческих памятников Закавказья на основании двух названных выше радиокарбонных дат представляют Шомутепе и Храмис Дидигора и что поселение Арухло I, например, нельзя относить к столь поздней ступени развития (*Чубинишвили Т. Н.*, *Челидзе Л. М.*, 1978, с. 64—66). К сожалению, до сих пор не опубликованы данные по стратиграфии Шомутепе, Арухло I и других поселений, равно как и археологические материалы по строительным горизонтам этих памятников, что сделано уже для квемо-шулаверских поселений. Согласиться с мнением названных исследователей тем более трудно, что материалы Шомутепе и Арухло I, известные в настоящее время по публикациям, свидетельствуют об их относительно позднем возрасте.

Видимо, в настоящее время нет достаточно прочных оснований распространять предложенную Т. В. Кигурадзе периодизацию не только на раннеземледельческие памятники всего Закавказья, но даже на ту ее область, которая охватывает Южную Грузию и Западный Азербайджан. Эта периодизация может быть уверенно применима сейчас прежде всего к той группе памятников, на основе которой она создана, т. е. к квемо-картлийской группе. По мере накопления новых данных, очевидно, появится больше оснований для привязки к ней памятников других областей Южного Кавказа и создания более обоснованной периодизации раннеземледельческих памятников Закавказья вообще и отдельных региональных групп в частности.

Подводя краткий итог проведенному обзору, можно констатировать, что в настоящее время в Закавказье выделяются две крупные группы раннеземледельческих памятников эпохи энеолита, в целом датируемые VI—IV тысячелетиями до н. э. Первая из них, сосредоточенная главным образом в среднем течении Куры (в пределах Западного Азербайджана и соседних районов Грузии), сравнительно широко и полно исследована. Это — условно — центральнозакавказская, или шулавери-шомутепинская, группа, которая рассматривается отдельными исследователями и как шомутепинская или шулавери-шомутепинская культура. Вторая группа включает памятники, расположенные в Южном Закавказье, от Нахичевани на западе до Мугани на востоке. Эту группу условно можно назвать южнозакавказской, или нахичеванско-мильско-муганской. В ней широко исследованы два памятника — Нахичеванский Кюльтепе I и поселение Аликемектепеси. Сюда же мы включаем пока и Техутское поселение в Армении. Особое положение как в географическом плане, так и в других отношениях занимают памятники Горного Дагестана, в частности Гинчинское поселение. Памятники центральнозакавказской группы, как установлено, хронологически предшествуют памятникам южнокавказской группы и тем самым представляют более ранние этапы развития раннеземледельческой культуры Южного Кавказа.

Центральнозакавказская, или шулавери-шомутепинская, группа памятников

Топография и планировка поселений. Строительное дело и архитектура

Среди памятников центральнозакавказской группы наиболее полно исследованы поселения Шомутепе, Тойретепе, Гаргалартепеси, Арухло I, Шулаверисгора и особенно Имирисгора. Это небольшие поселения в виде теллей (тепе). Они расположены отдельными группами из нескольких холмов (табл. XXVI, *1*, *2*). Так, например, квемо-шулаверская группа на правобережье Храми включает Шулаверисгора, Дангреулигора, Гадачрилигора и Имирисгора, занимая площадь около 500 га. Бóльшая часть этой площади — пригодная для земледелия равнина. Расстояние между поселениями составляет от 0,5 до 1,7 км (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 8—11). В Квемо-Картли зафиксированы еще две группы памятников, состоящие из нескольких холмов каждая. Это группы Цители сопели и Качагани (табл. XXVI, *1в*, *1г*), пока еще не исследованные (*Джавахишвили А. И.*, 1973, табл. 2а).

В 8 км к западу от этих поселений, близ сел. Арухло при слиянии р. Храми с Машавера, находится другая группа из пяти близко расположенных друг от друга холмов (табл. XXVI, *1а*), из которых раскапывались три (Арухло I, II и III). Примерно в 50 км к востоку от отмеченных поселений Квемо-Картли, в долине р. Акстафы, при слиянии ее с Курой, локализуется еще одна группа раннеземледельческих поселений: Бабадервиш, Шомутепе, Тойретепе I и Гаргалартепеси. Число поселений здесь меньше, чем в Квемо-Картли. Это объясняется, возможно, тем, что дельта р. Акстафы значительно у́же, чем, например, рек Дебеды и Храми (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 83). Наконец, группа поселений (Тойретепе II, Ментеж, Рустепеси) зафиксирована в бассейнах Таузчая и Шамхорчая.

Мощность культурного слоя центральнозакавказских поселений неодинакова. Так, в Шулаверисгора она составляет около 8 м, в Имирисгора — 4,4 м, в Гадачрилигора — 4—5 м, в Арухло I — 5 м, в Шомутепе — в среднем 1 м (на отдельных участках до 2,5 м), в Тойретепе — 4 м, а в Гаргалартепеси — около 10 м. Хотя в большинстве случаев культурный слой представляет собой довольно сложные напластования остатков надстроенных друг над другом различных сырцовых и глинобитных хозяйственно-бытовых построек, в нем часто удается выделить несколько строительных горизонтов, например в Шулаверисгора — не менее девяти, в Имирисгора и Храмис Дидигора — по семь (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 151—156).

Чтобы получить более полное представление о рассматриваемых памятниках, дадим описание некоторых из них. Начнем с Шулаверисгора, поскольку ряд исследователей считают его наиболее ранним памятником центральнозакавказской группы. Шулаверское поселение располагалось на правобережной равнине р. Храми. Холм был сильно разрушен. До повреждения это было округлое тепе диаметром свыше 100 м и высотой 6 м (табл. XXVI, *5*). Площадь поселения составляла около 1 га. Остатки поселения, возможно, имеются и за пределами холма (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 14), следовательно, площадь его могла быть несколько больше. Раскоп площадью 252 кв. м был заложен приблизительно в центре холма, но на материк выведен небольшой участок раскопа (32 кв. м). Культурный слой залегал на 2 м ниже современного уровня; общая мощность его достигала 8 м. На вскрытой площади наблюдались очень сложные напластования остатков жилых и разнообразных хозяйственных сооружений (табл. XXVII). Выделено девять строительных горизонтов (IX—I), в которых раскопаны остатки 32 сооружений в виде стен жилищ и хозяйственных построек, оград двориков и ям-хранилищ (Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции, 1975, с. 203). Принципиальные отличия в планах, конструкциях, строительных приемах или материалах, указывающие на эволюцию или изменение архитектурного типа в разных горизонтах, здесь не наблюдались (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 17).

Постройки сооружены из кирпича-сырца, скрепленного глиняным раствором (толщина швов 2—4 см), и глинобита. В качестве основного строительного материала использовался кирпич плоско-выпуклой формы (так называемый плано-конвексный). Средние размеры его составляют 30×20×8; 30×15×8; 25×15×7 см. Кладка стен производилась горизонтально, из одного ряда кирпичей, на грунте или на предварительно выровненных развалинах более ранней постройки. Все постройки в плане округлые или овальные, конусовидные или цилиндрические в разрезе. По размерам постройки делятся на три группы: крупные (диаметром 2,5—5,0 м), средние (1,25—2 м) и мелкие (0,50—0,75 м). Первые служили жилищами, остальные имели хозяйственное назначение (кладовые и ямы для запасов пищи и воды).

Жилое сооружение представляло собой однокомнатный куполообразный кругло-овальный в плане дом высотой не ниже 2,5 м и площадью от 7 до 17 кв. м. Входной проем размерами 0,5×0,6 или 0,6×0,7 м находился в стене выше уровня двора и пола дома. Кроме того, видимо, имелись узкие оконные проемы в стенах. Пол был устроен из слегка утрамбованного слоя глины толщиной 5—7 см. В одном помещении на полу отмечены следы фиолетово-красной охры. В каждом жилом помещении у стены находился вмазанный или вкопанный в пол глиняный очаг яйцевидной формы размерами 0,5×0,6 м при толщине стенок 5—7 см, выступавший над уровнем пола на 10—20 см. Предполагается, что кроме того, в домах разводили небольшие костры. Четко прослежены следы ремонтов и перестроек зданий, в частности случаи повышения и обновления полов, поднятия и перемещения дверных проемов, возведенные в некоторых местах заново стены и т. д.

Исследованный участок поселения отличается чрезвычайной плотностью застройки и отсутствием какой-либо планировки как в нижних горизонтах, так и в верхних (табл. XXVII, *1*, *2*). Вероятно, также плотно были застроены и другие участки поселе-

ния. Лишь в некоторых случаях можно предполагать наличие комплексов, объединяющих жилой дом, отдельные хозяйственные сооружения в виде небольших круглоплановых построек, очаги и дворик. Обычно маленькие толосовидные постройки находятся между жилыми домами, иногда примыкают к ним или друг к другу. Между жилыми и хозяйственными постройками выявлены очажные сооружения.

Обратимся теперь к другому памятнику — поселению Имирисгора, расположенному на левом берегу р. Шулаверисгеле, на северо-западной окраине сел. Имири. Это оплывший холм, вытянутый, как и Шулаверисгора, с юго-запада на северо-восток (табл. XXVI, *3*), диаметром около 90 м и высотой в среднем 4 м (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 37). Раскоп площадью 800 кв. м был заложен в северо-восточной части поселения. Кроме того, здесь был сделан специальный стратиграфический зондаж и проведены разведочные работы на западной оконечности холма. В результате установлено, что поселение распространяется за пределы холма и его площадь составляет более 1 га, т. е. приблизительно столько же, сколько и в Шулаверисгора. Выяснено также, что на западной окраине поселения имеется канава шириной 6,50 м и глубиной 1,25 м, похожая на ров. Была ли она заполнена водой, пока остается неясным (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 40—41).

На Имирисгора выделяются не менее семи строительных горизонтов (VII—I), давших остатки 60 построек из сырцовых кирпичей плоско-выпуклой формы (50×20×10; 41×16×10; 38×16×8; 38×16××11; 32×20×7 см). Верхние горизонты Имирисгора нарушены впускными погребениями эпохи ранней и поздней бронзы и периода раннего железа. Основным типом жилой архитектуры и на Имирисгора является круглопланово-купольный или овальный дом, однако нет такой скученности сооружений, как в Шулаверисгора. Здесь наблюдается более свободная застройка площади поселения, а постройки отличаются сравнительно правильной геометрической формой и большей четкостью планировки (табл. XXVIII, *1*). Сделанные в процессе раскопок наблюдения позволили признать традиционной для Имирисгора круговую планировку поселения с центральной, свободной от застройки площадью (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 51). Установлено, что во всех горизонтах, кроме двух нижних, в средней части поселка находилась округлая площадка диаметром около 12 м, вокруг которой располагались тесно примыкавшие друг к другу жилищно-бытовые комплексы (Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции, 1975, с. 206). Следовательно, здесь мы наблюдаем принцип планировки, характерный для древнейших раннеземледельческих поселений Ближнего Востока, в частности поселений хассунской культуры (Телль Хассуна, Ярымтепе I и др.) и дохассунского времени (Умм-Дабагия и Телль Сотто) Месопотамии.

На каждом строительном уровне сохранились остатки нескольких хозяйственно-бытовых комплексов, включавших жилой дом, хозяйственные постройки и дворик. Среди вскрытых сооружений выделяется здание 8 (табл. XXVIII, *2, 3*), к основной овальной в плане купольной постройке (3,60×4,25 м) которого сделана пристройка, имевшая дверной проем и узкое вертикальное отверстие для света. На том участке дома, где постройка примыкала к основному объему и давала перегрузку, были сделаны контрфорсы в виде двух стен, подпиравших здание изнутри. В центре овального помещения имелся очаг в виде глубокой ямы. Судя по обнаруженным в этой постройке предметам (орудия для обработки камня и обсидиана, нуклеусы, отходы производства в виде отщепов), она, помимо жилища, служила и мастерской (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 57). На Имирисгора были открыты очаги в виде глиняных необожженных сосудов яйцевидной формы, служившие для поддержания огня, но они находились здесь не в помещениях, а во двориках.

Определенный интерес представляет и здание 9—10, располагавшееся на краю поселения и погибшее от пожара. Оно также состояло из двух помещений — основного, овального в плане (4,5×3,0 м), и примыкавшего к нему с западной стороны круглого диаметром 3,2 м (табл. XXVIII, *4, 5*). В центре овального помещения в полу был устроен округлый очаг диаметром 0,65 м и глубиной 0,40 м. Рядом с очагом находилась округлая яма (диаметр 30 см, глубина 25 см), в которой лежал уплощенный валун. Деревянный столб, стоявший на валуне, поддерживал плоское перекрытие дома. В центре круглого помещения зафиксирован плоский камень, укрепленный в полу. Он также, видимо, служил опорой деревянного столба, поддерживавшего кровлю. Таким образом, конструкция перекрытия отличает данный жилой комплекс от остальных как в Имирисгора, так и на других древнейших раннеземледельческих поселениях Закавказья (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 63—64). Своеобразие этого здания, по мнению А. И. Джавахишвили, заключается и в его интерьере, в частности в оформлении очага широким бордюром, под который (с ритуальной целью?) была подстелена пшеница, и в приподнятом уровне пола заднего помещения с плоским подиумом. Необычность комплекса свидетельствует, видимо, о его особом назначении (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 66). Кстати, в той же части поселения вскрыты остатки еще одного такого же здания.

Рядом с Шулаверисгора и Имирисгора находились, как отмечено выше, еще два поселения — Дангреулигора и Гадачрилигора. Первое было почти полностью уничтожено при закладке виноградника, а от второго сохранился лишь небольшой останец. Работы на этих памятниках ограничились сбором подъемного материала и небольшой шурфовкой. В результате в Дангреулигора выявлены остатки круглого в плане жилища, возможно, полуземлянки, а в Гадачрилигора — сырцовый дом с почти целым куполом (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 71, 73).

Группа древнейших селищ у сел. Арухло на правобережье р. Храми занимает площадь около 800 га и включает пять сильно оплывших холмов (табл. XXVI, *1*а). Последние, за исключением Арухло I, имеют небольшие размеры и округлую форму. Наиболее полно исследовано поселение Арухло I, вероятно, центральное в группе (*Чубинишвили Т. Н., Кушнарева К. Х.*, 1967, с. 537—541). Оно несколько вытянуто с северо-востока на юго-запад. Его размеры 150×100 м, высота 6 м. На вершине холма и

восточном его склоне были заложены раскопы общей площадью около 400 кв. м (табл. XXVI, *4*). Кроме того, с целью изучения рвов вокруг холма было пробито не менее десяти траншей длиной от 15 до 50 м, шириной 4 м и глубиной 5 м. Установлено, что верхние горизонты культурного слоя толщиной 1 м относятся к античному времени, а нижележащие — к энеолиту. Сведений об общем количестве выделенных здесь строительных горизонтов нет. На раскопе у восточного склона холма зафиксировано четыре строительных уровня. Видимо, Арухло I насчитывает не менее восьми строительных горизонтов. В энеолитических слоях открыты остатки исключительно круглых в плане однокомнатных домов диаметром от 2 до 3,2 м. Стены их толщиной 30—35 см были сложены из плоско-выпуклых сырцовых кирпичей размерами 40×13—15×8; 32×18×6 см и т. д. Полы были глинобитными. Под полом одного из домов обнаружено погребение черепа младенца. У подножья восточного склона Арухло I, на поле, вскрыты расположенные рядом друг с другом полуземлянки (*Чубинишвили Т. Н., Небиеридзе Л. Д., Пхакадзе Г. Г.* и др., 1976, с. 55—61; *Гогелия Д. Д.*, 1979, с. 13—18). Они вырыты в грунте, имели неправильную округлую в плане форму (диаметр 4,1—4,6 м) и глинобитные неровные полы. Обращает на себя внимание одна из полуземлянок (14), в которой от центра до западного края стены устроено возвышение в виде платформы высотой 35 см с небольшой ямкой, заполненной костями животных, керамикой и обсидиановыми отщепами. По существу характер планировки Арухло I не установлен. Можно думать, что четкой планировки здесь не наблюдалось ни в одном строительном горизонте. Поселение было, видимо, плотно застроено круглыми однокомнатными жилыми и хозяйственными постройками. Есть основания считать, что такими же по форме и размерам кирпичными домами и хозяйственными сооружениями были застроены и соседние поселения Арухло II и III.

Особо следует остановиться на рвах, исследованных в Арухло I. Здесь вскрыты два больших и глубоких рва, окружавших холм и вырытых в разное время. Первоначальный, наружный ров имел трапециевидную форму. Ширина его в верхней части достигала 9,5 м, у дна — 2,5 м, глубина — 2,0 м. Судя по характеру заполнения, ров был обводнен. Естественному стоку воды способствовал уклон (10°) его русла с северо-запада на юго-восток. Предполагается, что ров функционировал на начальном этапе существования поселения (*Чубинишвили Т. Н.*, 1971, с. 31), поскольку слой, перекрывающий ров, содержит энеолитические находки, а в заполнении рва вырыты некоторые отмеченные выше полуземлянки. Второй ров был сухим. Он вырыт в заполнении наружного рва и достигал в ширину 11 м при глубине 4—5 м. Рядом с ним выявлены контуры еще одного рва (*Чубинишвили Т. Н., Небиеридзе Л. Д., Пхакадзе Г. Г.* и др., 1976, с. 58). Исследователь Арухло I Т. Н. Чубинишвили предполагает наличие здесь в энеолитическую эпоху системы оросительных каналов, питавшихся водами р. Машавера. Частью такой системы был и обводненный наружный ров. Он мог выполнять одновременно и оборонительные функции. По мнению отдельных исследователей, в настоящее время нет еще достаточных оснований для суждения об искусственном происхождении и ирригационном использовании открытых в Арухло I рвов, в том числе наружного (*Колесников В. И.*, 1979, с. 35—36). До завершения раскопок поселения Арухло I и всестороннего его изучения не представляется возможным ответить на многие вопросы, в частности касающиеся рвов (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 79).

Примерно в 40 км к востоку от квемо-картлийской группы, в нижней части долины р. Акстафа, в пределах Казахского р-на Азербайджана, локализуется еще одна группа древнейших раннеземледельческих поселений Закавказья. Здесь раскопаны поселения Шомутепе, Тойретепе I и Бабадервиш (Акстафачайское поселение). Сравнительно широко исследовалось Шомутепе на окраине железнодорожной станции Акстафа.

Шомутепе — небольшой холм округлой формы диаметром, видимо, около 100 м. Мощность культурного слоя в среднем составляет около 1 м, хотя на отдельных участках достигает 2,5 м (*Нариманов И. Г.*, 1964; 1965а; 1966). Вскрыто примерно 400 кв. м площади поселения на уровне одного строительного горизонта. Круглые в плане жилые (диаметр 3 м и более) и хозяйственные (диаметр до 2 м) постройки сооружены из сырцового кирпича (50—55×22—25×8; 36×16×9 см.). Вход в помещение сделан в стене выше пола в виде небольшого проема подчетырехугольной формы (0,5×0,5 м). Печи не обнаружены, но следы костров у стен отдельных помещений имеются. Эти толосовидные постройки с купольным перекрытием либо вплотную примыкали друг к другу глухими стенами, либо между ними были стены с обычными для каждого помещения проемами. Жилые дома обычно имели в куполе отверстия для света и дыма. На поселении открыт комплекс из двух круглых жилищ и двух хозяйственных помещений той же формы. Некоторые жилища имели ямы-зернохранилища (?), а возле стен находились глиняные необожженные сосуды вытянуто-яйцевидной формы, как в Имирисгора. Любопытно, что в Шомутепе очаги обнаружены во двориках, как в Имирисгора, а не в домах, подобно Шулавери. Наконец, в Шомутепе, помимо отмеченных сырцовых кирпичных построек толосовидной формы, выявлены и остатки округлых в плане жилищ-полуземлянок.

В 3 км к востоку от Шомутепе, на правобережной равнине р. Куры, у с. Гёгчели находится Тойретепе — холм диаметром более 100 м и высотой 6 м. Здесь под слоем эпохи поздней бронзы и раннего железа залегает четырехметровая толща энеолитического слоя, в котором выделены четыре строительных горизонта (*Нариманов И. Г.*, 1966; *Нариманов И. Г., Рустамов Д. Н.*, 1960; *Рустамов Д. Н.*, 1965). В 8 км от Шомутепе расположено энеолитическое поселение Гаргалартепеси. В сохранившейся небольшой части холма культурный слой имеет толщину 10 м. Здесь исследованы остатки построек на четырех строительных уровнях (*Аразова Р. Б., Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1972). Формой жилых и хозяйственных построек, характером строительных материалов и, видимо, планировкой поселения Тойретепе и Гаргалертепеси не отличаются от Шомутепе. В Тойретепе открыты такие же полузем-

лянки, как в Шомутепе. Не исключено, что они были и в Гаргалартепеси. Несколько округлых в плане полуземлянок диаметром 3—3,8 м раскопано еще на одном энеолитическом поселении этой группы — в Бабадервиш, в 3 км к юго-западу от г. Казаха. Здесь имеются три холма, один из которых содержит энеолитические материалы в виде архаичной керамики, обсидиановых и костяных орудий, причем все они обнаружены в землянках.

Выше приведены почти все известные данные, характеризующие домостроительство и строительное дело поселений центральной части Закавказья в энеолитическую эпоху. Все рассмотренные раннеземледельческие памятники этого региона представляют один тип поселений с одинаковыми по существу застройкой и планировкой, формами жилых и хозяйственных сооружений, возведенных из плосковыпуклых, близких по формату сырцовых кирпичей. Наблюдающееся своеобразие строительных комплексов отдельных поселений, например Имирисгора, или элементов планировки не меняет этого общего заключения. Перед нами тип раннеземледельческого поселения, характерный для широкого ареала Передней Азии.

Итак, для поселений Закавказья типичны однокомнатные круглые дома с купольным перекрытием, сооруженные из сырцовых кирпичей, и отсутствие четкой планировки площади поселения (табл. XXIX, *1*, *2*). Некоторые дома, судя по реконструкции раскопанной части поселения Шомутепе, в отдельных случаях были связаны между собой стенами, образующими общий двор и отделявшими эти дома от других (*Ахундов Д. Н.*, 1973). Обращает на себя внимание наличие на ряде поселений округлых в плане жилищ-полуземлянок. Последние, видимо, не характерны для жилой архитектуры Закавказья эпохи энеолита и сохранились как пережиток древней формы местного домостроительства. Рвы-каналы, зафиксированные в Арухло I и в Имирисгора, выполняли, очевидно, оборонительные функции, а главное — использовались для орошения. Ниже приводятся и другие данные, указывающие на то, что население энеолитической эпохи некоторых районов Закавказья, во всяком случае, обитатели поселений Арухло I и Имирисгора, практиковали искусственное орошение. Поскольку материалы, касающиеся типа исследуемых поселений, характера их застройки и принципов общей планировки, форм построек и техники их сооружения и т. д., в целом идентичны, они не могут служить основой для изучения генезиса и периодизации культуры, представленной рассмотренной группой энеолитических памятников Закавказья. Они не указывают и на относительное хронологическое положение этих поселений в общем ряду рассмотренных памятников. Правда, некоторое разнообразие форм построек в Имирисгора, более четкая его планировка, наличие пилонов в сооружениях верхних горизонтов поселения и т. д. позволяют видеть в нем несколько более поздний по сравнению, например, с Шулаверисгора памятник.

Характеристика археологического материала

Рассмотрим теперь последовательно основные категории археологических материалов раннеземледельческих памятников Центрального Закавказья, прежде всего наиболее широко исследованных. Коллекции поселений Шулаверисгора, Имирисгора, Храмис Дидигора, Гадачрилигора, Дангреулигора хранятся в Государственном музее истории Грузии, материалы Арухло I — в фондах Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР (г. Тбилиси), коллекции Шомутепе, Тойретепе, Бабадервиш и других поселений Западного Азербайджана — в фондах сектора археологии Института истории АН Азербайджанской ССР (г. Баку).

Каменный инвентарь. Изделия из обсидиана, кремня и других пород камня составляют самую значительную группу находок, представленных на раннеземледельческих поселениях Квемо-Картли и в соседних районах Азербайджана. Количество их на каждом памятнике достигает нескольких тысяч. В Шулаверисгора обнаружено более 3000 обсидиановых и кремневых предметов, а в Имирисгора — 7168, причем 60—70% этих изделий на обоих памятниках функционально представляют собой орудия (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 171). Сравнение общего количества находок в Шулаверисгора и Имирисгора с соответствующими коллекциями более ранних памятников Кавказа и Ближнего Востока показывает, как это ни удивительно, что на первых двух памятниках каменных и обсидиановых изделий больше (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 171). Если мы обратимся, допустим, к синхронным памятникам Месопотамии (хассунской и халафской культур), то не обнаружим в них подобного комплекса обсидиановых и кремневых предметов. Многочисленность каменного инвентаря, следовательно, можно рассматривать как одну из особенностей шулавери-шомутепинской группы раннеземледельческих памятников Закавказья.

Каменный инвентарь этих памятников не только многочислен, но и весьма разнообразен. Он включает орудия, характерные для более раннего времени. Среди обсидиановых и кремневых предметов имеются конические и призматические нуклеусы и множество орудий на пластинах, в частности пластины со скошенным концом, с боковой выемкой, с выделенной головкой, с зазубренным краем, с ретушированным концом, а также резцы, скребки, скребла, долотовидные орудия, отдельные проколки и комбинированные орудия, микролиты и др. (табл. XXX—XXXV). Значительную группу орудий составляют вкладыши серпов в виде ножевидных пластин. Так, из 210 изученных под бинокуляром орудий из Шулаверисгора 50 оказались вкладышами серпов (*Коробкова Г. Ф.*, *Кигурадзе Т. В.*, 1972, с. 53—58). Следует подчеркнуть, что перечисленный инвентарь встречается как в нижних, так и в верхних горизонтах квемо-шулаверских поселений, т. е. представлен в комплексах всех выделяемых ступеней развития этих памятников (табл. XXX—XXXV).

Изучение каменного инвентаря поселения Арухло I также показывает наличие в его составе ряда архаических типов изделий (табл. XXXIV, 14—24).

В частности, в нем представлены многочисленные обсидиановые пластины и отщепы с ретушью, значительное число резцов, скребков, скоблящих орудий, проколок, редкие микролитические орудия (три трапеции, два сегмента и три микропластины), около десятка мелких нуклеусов призматической формы и другие изделия (*Чубинишвили Т. Н.*, *Челидзе Л. М.* 1973, с. 26; *Чубинишвили Т. Н.*, *Челидзе Л. М.*, 1978, с. 64; *Челидзе Л. М.*, 1979, с. 20—24). Всего обсидиановый инвентарь Арухло I включает 1711 изделий. Орудия сделаны на небольших заготовках, пластинах и отщепах с помощью приемов резцового скола и разнообразной ретуши — мелкой и крупной приостряющей, полукруглой и крутой (*Челидзе Л. М.*, 1979, с. 20).

Каменный инвентарь энеолитических памятников Азербайджана подвергнут специальному исследованию. Так, установлены источники сырья, изучена техника расщепления и обработки камня, дана типологическая и функциональная классификация каменных индустрий (*Аразова Р. Б.*, 1974). Анализ орудий с поселений Шомутепе, Тойретепе, Гаргалартепеси, Бабадервиш и других показал, что подавляющее их большинство изготовлено из обсидиана Параванского источника, расположенного в Грузии (*Аразова Р. Б.*, 1974, с. 8). Вероятно, квемо-картлийские поселения снабжались обсидианом из того же источника. На поселениях Казахского р-на встречается также обсидиан, происходящий из месторождения Атис в Армении. Около 17—20% орудий (главным образом вкладыши серпов и ножей, а также скребки, сверла и др.) изготовлены из таких пород камня, как кремень, туффит, аргиллит и мергель, которые в изобилии имеются в северо-восточных предгорьях Малого Кавказа. Широко использовалась и речная галька. Каменный инвентарь рассматриваемых поселений включает призматические и конусовидные нуклеусы, заготовки, многочисленные отбросы производства и сами орудия. Обработка камня и изготовление орудий производились, несомненно, на самих поселениях. Установлено, что поселения Шомутепе, Тойретепе и Гаргалартепеси характеризуются единой пластинчатой техникой, одинаковыми набором орудий и сырьем для их изготовления (*Аразова Р. Б.*, 1974). Основными заготовками для орудий служили пластины (около 84%); крупные пластины и отщепы, а также нуклеусы редки. Для набора орудий типичны пластины с ретушью на продольных краях и с выщербинами по одному или двум краям. Характерны также резцы, изделия с подтеской концов и отщепы с ретушью. Незначительный процент орудий на этих поселениях составляют острия, скребки и пластины с ретушированным концом (*Аразова Р. Б.*, 1974, с. 19).

Бинокулярным исследованием коллекции орудий (667 экз.) Шомутепе Р. Б. Аразовой определено их функциональное назначение. Среди них имеются: вкладыши серпов (161 экз.), скобели (171 экз.), разнообразные скребки (93 экз.), ножи (76 экз.), резцы (67 экз.), долотовидные орудия (44 экз.), проколки (10 экз.), сверла (17 экз.), развертка, ретушеры (10 экз.), комбинированные орудия (скобели-ножи, ножи-проколки и др.) (*Азарова Р. Б.*, 1974, с. 22—26). Таким образом, количественно преобладают скобели и вкладыши серпов.

Жатвенные наборные серпы — преимущественно кремневые, с одним зубчатым или просто ретушированным краем. Вкладыши неправильной прямоугольной и реже — сегментовидной формы вставлялись в деревянную или костяную оправу изогнутой формы. Их рабочий край от употребления заполирован. Наряду с отмеченным типом жатвенного орудия в центральнозакавказской группе энеолитических памятников присутствует и другой по характеру оформления рабочего края тип серпа. Довольно четкое представление о нем дает почти полностью сохранившийся экземпляр такого жатвенного орудия, обнаруженный на поселении Шомутепе. Это серп с деревянной, несколько изогнутой основой. В Шомутепе найдена и костяная (из нижней челюсти быка) основа такого серпа. В пазы обоймы под углом были вставлены вкладыши, образовавшие крупнозубчатый рабочий край орудия (табл. XXXV, *13*). В обойме (длина 16,8 см) сохранились три из четырех вкладышей: два кремневых отщепа и обсидиановая пластинка, сколотая с призматического нуклеуса (*Нариманов И. Г.*, 1964, с. 283). Они были укреплены в пазу с помощью битума или озокерита (горный воск, как его иногда называют) — продукта естественного выветривания нефти. Вкладыши таких серпов с характерной для них угловой заполировкой и следами битума-озокерита (табл. XXXV, *9—12*), кроме Шомутепе, найдены еще в Тойретепе I, Бабадервише, Шулаверисгора и других раннеземледельческих поселениях Центрального Закавказья (*Коробкова Г. Ф.*, *Эсакиа К. М.*, 1979, с. 59). В Шулаверисгора они собраны в верхних разрушенных слоях (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 153). Эти серпы представляют, вероятно, один из архаичных типов жатвенного орудия. Во всяком случае, это самые древние жатвенные орудия, известные в Закавказье. И. Г. Нариманов вполне обоснованно сопоставил их с пластинчато-зубчатыми наборными серпами с неолитических и энеолитических памятников Центральной и Юго-Восточной Европы (*Нариманов И. Г.*, 1964, с. 284—286).

На широкое развитие каменной индустрии указывают и найденные на поселениях Центрального Закавказья каменные утяжелители для палок-копалок (табл. XXX, *7*; XXXI, *11—13*), зернотерки (табл. XXX, *5*; XXXI, *15—16*; XXXII, *1—3*; XXXIII, *3—4*), терочники, песты, ступки (табл. XXXIII, *6*), наковальни, шлифовальные камни, а также долота и топоры. Среди последних преобладают подшлифованные клиновидные топоры (табл. XXX, *6*; XXXI, *5—9*; XXXIII, *1*, *2*), но имеются и топоры в виде молотов с желобчатым перехватом (табл. XXXIV, *13*). Ряд предметов указывает на развитие техники сверления камня. Так, в Шулавери и Арухло I найдены тесловидные орудия с двусторонним сверлением (табл. XXXI, *8*, *9*), а также навершия булав (табл. XXXIII, *5*). В Храмис Дидигора обнаружена сланцевая мотыжка, оббитая с двух сторон по краям. Она пока не опубликована.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие в рассматриваемых памятниках такого обычного для древности предмета, как наконечники стрел. Отметим друсторонне обработанный обсидиановый наконечник стрелы, происходящий из нестратифицированных слоев Имирисгора (*Кигурадзе Т. В.*,

1976, с. 155, табл. 26, *12*). Единичные экземпляры наконечников стрел треугольной формы с прямым основанием, найденные в Цопи, как и отдельные микролитические орудия этого комплекса в виде сегментов, считаются случайными типами в каменном инвентаре памятника (*Коробкова Г. Ф., Эсакиа К. М.*, 1979, с. 52). В неолитических памятниках Кавказа наконечники стрел есть, но они представлены единичными экземплярами. На раннеземледельческих поселениях Ближнего Востока наконечников стрел нет совсем или они встречаются крайне редко, но там в большом числе находят глиняные снаряды или (реже) круглые камни для пращи. Поэтому предполагается, что лук там был заменен пращой (*Чайлд Г.*, 1956, с. 345). К тому же выводу приходят исследователи применительно к Северо-Западному Кавказу неолитической эпохи (*Формозов А. А.*, 1965, с. 58). Для энеолитических памятников Закавказья также характерна праща — глиняные, а чаще каменные снаряды для пращи обнаружены на многих поселениях, особенно в Шомутепе, где только близ одного из помещений находилось скопление 155 таких снарядов (*Нариманов И. Г.*, 1965 а, с. 49).

Таков в целом характер каменного инвентаря раннеземледельческих памятников Центрального Закавказья. Если мы обратимся к соответствующим таблицам, иллюстрирующим комплексы инвентаря последовательных ступеней развития квемо-шулаверских поселений, то увидим, что между каменным инвентарем, допустим, Шулаверского поселения, характеризующего ступени I—II шулавери-шомутепинской культуры (периодизация Т. В. Кигурадзе), и позднейших слоев Имирисгора (ступени III—IV той же периодизации) нет в общем сколько-нибудь существенной разницы. Т. В. Кигурадзе, тщательно изучивший эти комплексы, находит, однако, некоторые различия в каменном инвентаре и других категориях материала в каждой из выделяемых им ступеней развития этой культуры (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 157—164). Заслуживают внимания, например, его наблюдения над тем, что вкладыши серпов с угловой заполировкой шомутепинского типа появляются на III ступени, что микролитических орудий (трапеций и сегментов) нет в памятниках ранних ступеней и что они в небольшом количестве встречаются только на поселениях IV—V ступеней. Интересны выводы Т. В. Кигурадзе о том, что на отдельных памятниках (Храмис Дидигора) многочисленны каменные полированные орудия, в основном топоры, что с развитием культуры растет процент сверл и особенно долотовидных орудий и вкладышей серпов, что на первых трех ступенях заметно преобладают пластины, а на пятой — уже отщепы и т. д. Безусловно, эти наблюдения очень интересны и важны, но обобщать их применительно ко всему материалу памятников Центрального Закавказья в настоящее время представляется несколько преждевременным. Ведь каменный инвентарь квемо-шулаверских поселений, как было отмечено выше, весьма близок (с точки зрения техники производства, набора орудий, количественного соотношения обсидианового инвентаря и т. д.) соответствующему комплексу Арухлинского поселения и энеолитических поселений на территории Западного Азербайджана. Именно на этом основании, кстати, Т. Н. Чубинишвили и Л. М. Челидзе полагают, что нельзя считать Шулаверисгора памятником более ранним, чем Арухло I (*Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М.*, 1978, с. 66).

Можно, следовательно, уверенно констатировать, что многочисленные и разнообразные изделия из обсидиана, кремня и других пород камня, представленные на раннеземледельческих поселениях Центрального Закавказья, характеризуются в общем единством. В составе этого инвентаря имеется значительная серия орудий довольно архаичных форм. При их сравнительном анализе исследователи обращаются, как правило, не к синхронным комплексам, например, Месопотамии, а к таким более ранним памятникам, как Али Кош в долине Дех Лурана (Иран), Джармо в Иракском Курдистане, Чатал-Гуюк в Южной Турции, Бейда в Иордании (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 158—160). Известно, что в комплексах хассунской и тем более халафской культур (VI—V тысячелетия до н. э.) Ближнего Востока почти нет многих названных орудий, в таком большом количестве присутствующих на раннеземледельческих поселениях Центрального Закавказья. Это обстоятельство следует признать одной из выразительных особенностей данной группы энеолитических памятников Южного Кавказа.

Костяной инвентарь. Следующую категорию инвентаря памятников Центрального Закавказья составляют изделия из кости и рога. Среди них имеются орудия труда, различные бытовые и единичные культовые предметы. Наиболее распространенными костяными орудиями здесь, как и на многих других раннеземледельческих памятниках широкого ареала, являются шилья, проколки, лощила, мотыги. Изготовление этих орудий и других костяных предметов практиковалось на каждом поселении. Установлено, что на отдельных из них, как, например, в Шомутепе и Имирисгора, была высоко развита обработка кости. Так, в Шомутепе обнаружено множество разнообразных костяных и роговых предметов, в том числе основы серпов. Кроме обычных шильев, проколок и мотыг (табл. XXXV, *18—29*), в шомутепинской коллекции представлены иголки с ушком и несколько искусно сделанных ложек (*Нариманов И. Г.*, 1965, с. 50), близких по форме и размерам соответствующим предметам с древнейших раннеземледельческих памятников Ближнего Востока, в частности из Чатал-Гуюка (*Mellaart J.*, 1967, p. 98—102). Отметим, что подобные костяные ложки найдены также на квемо-шулаверских поселениях (табл. XXX, *37*), в комплексах первых трех ступеней (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 157—158). К категории интересных находок относятся костяные антропоморфные фигурки. Одна такая фигурка, изображающая женщину с подчеркнутой талией, обнаружена в Шомутепе (табл. XXXV, *30*), а другая, тоже женская,— в верхних разрушенных горизонтах (IV—I) Имирисгора. Последняя фигурка фрагментирована и до сих пор не опубликована (Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции, 1975, с. 208).

Чтобы получить несколько более широкое представление о костяном инвентаре, обратимся к комплексам, отражающим последовательные ступени раз-

вития квемо-шулаверских поселений, и посмотрим, какой набор костяных предметов представлен в каждом из них. В горизонтах IX—IV Шулаверисгора (I ступень) костяных изделий сравнительно немного (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 157). Это обычные шилья и проколки, в том числе биконические с округлым стержнем, лощила, ложки, единичные орудия из рога оленя, в частности мотыги (табл. XXX, *38—47*). Тот же набор орудий представлен и в комплексах II ступени, в частности в горизонтах III—I Шулаверисгора и горизонтах VII—VI Имирисгора. Новыми типами изделий являются здесь лощила, изготовленные из костей крупного рогатого скота, «наконечники стрел», четырехугольная «подвеска» из кабаньего клыка с округлыми отверстиями (горизонт I Шулаверисгора) и обломок рогового топора с круглым проухом (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 159—160). Среди орудий особенно выделяются лощила. Одни из них изготовлены из ребер особей крупного рогатого скота, другие — на ребрах лопаток, третьи — из тонкопластинчатой кости. В строительном горизонте V Имирисгора (III ступень) обнаружены шилья (табл. XXXII, *35—37*), лощила (табл. XXXII, *25—27*, *33*), в том числе из тонкопластинчатой кости, орудия из рога (табл. XXXII, *28—31*), включая мотыги, подвески. Одна такая подвеска фигурная (табл. XXXII, *34*). Она не доделана. Среди новых типов изделий Т. В. Кигурадзе выделяет мотыгу, изготовленную из массивной трубчатой кости. Количество таких орудий значительно возрастает в комплексах IV—V ступеней, причем мотыги здесь имеют уже отверстия для рукояти, а большинство их изготовлено из рога оленя. Встречены «копалки», «муфта» и «навершие жезла» из того же материала (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 163).

В комплексах следующей, IV, ступени, в частности в горизонтах IV—I Имирисгора, также немало костяных орудий (табл. XXXIII, *34—43*). Это шилья, разнообразные лощила, в том числе одно тонкопластинчатое с резным зигзагообразным узором (табл. XXXIII, *37*), ножевидные предметы (табл. XXXIII, *32*, *33*, *36*), один из которых украшен с двух сторон орнаментом (табл. XXXIII, *36*), подвеска из кабаньего клыка (табл. XXXIII, *38*), крупная игла с выделенной головкой (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, табл. 33, *10*) и др. Интересны мотыга с круглым горизонтальным проухом из метаподия особи крупного рогатого скота и мотыги из лопаток тех же животных с просверленным сверху вертикальным проухом (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 163—164). Особо следует отметить два наконечника дротиков с длинным ребристым лезвием и коротким черешком, найденных в Имирисгора и неоднократно опубликованных (*Джапаридзе О. М.*, *Джавахишвили А. И.*, 1971, рис. 33 и 35; *Джавахишвили А. И.*, 1973, табл. 10; Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции, 1975, рис. 41, *11*; *Кигурадзе Т. В.*, 1976, табл. 32, *11*; 51, *1*). Первоначально эти предметы, происходящие из нестратифицированных слоев памятника и, как правильно подчеркнул А. И. Джавахишвили, весьма напоминающие ранние образцы подобного металлического оружия (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 68), были включены в комплекс материалов горизонтов IV—I Имирисгора. В дальнейшем их принадлежность к раннеземледельческому комплексу была поставлена под сомнение самим исследователем поселения Имирисгора (Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции, 1975, с. 208). Возможно, эти костяные наконечники дротиков связаны с погребениями эпохи бронзы и раннего железа, совершенными на площади поселения Имирисгора и разрушившими верхние горизонты культурного слоя памятника. Неудивительно поэтому, что Т. В. Кигурадзе не включил их в состав костяного инвентаря квемо-шулаверских раннеземледельческих поселений (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, табл. 57—59).

В горизонтах V—VII Храмис Дидигора (ступень V) представлен в основном тот же набор костяных орудий (табл. XXXVI, *12—37*). В их числе довольно много мотыг. Новыми видами являются здесь плоские дисковидные предметы с одним или несколькими отверстиями (табл. XXXVI, *27*, *28*), крупные иглы (табл. XXXVI, *14*, *16*) и наконечник (?) стрелы (табл. XXXVI, *15*), роговые молотовидные «навершия жезлов» (табл. XXXVI, *26*, *29*, *35*), и орудия (табл. XXXVI, *21*) с резным и рельефным орнаментом (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 165).

Таков костяной инвентарь квемо-шулаверских поселений. Укажем, что многие названные изделия, особенно наиболее характерные типы орудий (шилья, проколки, лощила, мотыги), представлены также в Арухло I и на поселениях территории Западного Азербайджана (*Челидзе Л. М.*, 1979, с. 26; *Коробкова Г. Ф.*, 1979, с. 97—100). Но каково соотношение их для каждого из этих памятников, каков характер костяного инвентаря отдельных слоев данных поселений, не ясно. Поэтому на основании рассмотренной категории находок определить относительное хронологическое положение каждого поселения в общей группе шомутепинско-шулаверских памятников затруднительно. Ведь если, например, судить по находкам костяных ложек, то Шомутепе следует синхронизировать с горизонтами IX—I Шулаверисгора и горизонтами VII—V Имирисгора, в то время как другая, более многочисленная, группа находок — мотыги — позволяет рассматривать данный памятник как одновременный позднейшим горизонтам (IV—I) Имирисгора.

Итак, количество изделий из кости и рога в Шулаверисгора сравнительно невелико. В комплексах же относительно поздних (III—IV ступеней) костяных предметов заметно больше, а формы их разнообразнее. Последнее касается прежде всего таких орудий, как лощила и особенно мотыги. Действительно, на материалах комплексов квемо-шулаверских поселений прослеживается тенденция в сторону увеличения количества и разнообразия типов орудий, связанных с земледельческим процессом. Если, например, в Шулаверисгора (горизонты IX—IV) роговые орудия единичны и ни одно из них не имеет отверстия для крепления рукояти, то в комплексах IV—V ступеней многочисленные мотыги, изготовленные из рога оленя и трубчатых костей особей крупного рогатого скота, имеют такие отверстия. В целом весь этот инвентарь типологически и функционально весьма близок соответствующей категории находок с раннеземледельческих памятников широкого ареала, в частности Ближнего Востока, где они представлены как в от-

носительно древних комплексах, так и в синхронных. Укажем для примера, что в памятниках хассунской и халафской культур, как и в предшествующих им комплексах Месопотамии (Телль Сотто, Умм-Дабагия и др.), представлены многие костяные орудия, которые имеются в памятниках Закавказья.

Керамика. Рассмотрим, наконец, последнюю и значительную категорию инвентаря — керамику, наиболее ярко характеризующую своеобразие культуры, представленной исследуемой группой раннеземледельческих памятников. Керамика обнаружена на всех раннеземледельческих поселениях Центрального Закавказья. Она включает глиняную посуду (табл. XXX–XXXI, XXXIV–XXXIX) и небольшое число антропоморфных фигурок (табл. XL, *3–8*).

Глиняная посуда весьма проста по формам, довольно грубой выделки. Вся она плоскодонная и лишена ручек; лишь отдельные сосуды имеют ручки в виде горизонтальных выступов. Незначительно число сосудов лучшего качества. Они слегка залощены, имеют красновато-коричневый и реже — желтовато-коричневый цвет, изготовлены из глины с растительной (солома) примесью. В Арухло I и в Цопи найдено несколько фрагментов тонкостенных сосудов с розоватой ангобированной, хорошо залощенной поверхностью, которые рассматриваются как импортные (*Чубинишвили Т. Н*., *Кушнарева К.Х.*, 1967, с. 338, 340). Основная же часть керамики — черного, буроватого и серого цветов, содержит в глине примеси песка, дресвы, шамота и редко — толченого обсидиана. Она более грубой выделки, редко залощена. На днищах отдельных сосудов имеются отпечатки плетенки. Посуда преимущественно баночной формы. Есть небольшие чаши и горшки, иногда со слегка отогнутым наружу венчиком или четко выделенным днищем, но встречаются и довольно крупные бочковидные сосуды. Орнаментирована лишь незначительная часть керамики. Преобладает орнамент в виде шишкообразных выступов — сосцов, расположенных обычно в один или несколько рядов или кучно ниже края сосуда, и вертикальных налепов. На обломках отдельных сосудов отмечены резной орнамент, в том числе елочный, украшение в виде параллельных линий, выполненных зубчатым предметом, пуговкообразный выступ и рельефный волнистый поясок. Следует подчеркнуть, что в керамическом комплексе шулавери-шомутепинской группы памятников почти нет расписной посуды. Имеются небольшое количество обломков сосудов со следами краски вишневого цвета из Гаргалартепеси (*Аразова Р. Б.*, *Махмудов Ф. Р*., *Нариманов И. Г.*, 1972, с. 479) и два расписных черепка из нестратифицированных слоев Имирисгора (*Кигурадзе Т. В*., 1976, с. 155, табл. 35, *12*, 44, *9*). Один из последних расписан широкими вертикальными полосками вишневого цвета по розовому фону, на другом красная и черная роспись покрывает ребро валика, украшавшего сосуд. Такова самая общая характеристика керамики раннеземледельческих поселений Центрального Закавказья.

Обратимся теперь к рассмотрению керамики по памятникам, а именно по стратифицированным комплексам квемо-шулаверских поселений. При ознакомлении с керамикой (горизонты IX–IV) поселения Шулаверисгора прежде всего бросается в глаза малочисленность коллекции. Во всех шести нижних горизонтах поселения обнаружено, как это ни удивительно, менее 50 фрагментов от 10–15 сосудов, причем в самом нижнем горизонте (IX) найдено всего три обломка сосуда (или сосудов), а в горизонте IV — около 20. Эта керамика весьма грубой выделки и слабого обжига, серовато-коричневого цвета, изготовленная из глины с примесью толченого базальта или дресвы, а в редких случаях — слюды (*Кигурадзе Т. В*., 1976, с. 157). Формы ее предельно просты: горшки с загнутым внутрь или слегка отогнутым наружу краем на плоском, слегка выступающем массивном поддоне (табл. XXX, *1–4*; XXXVII, *1–15*). Некоторые сосуды украшены вдоль края одним рядом налепов в виде сосцов.

В вышележащих слоях (III–I) Шулаверского поселения и соответствующих им горизонтах VII–VI Имирисгора, а также в Гадачрилигора керамики обнаружено также немного (табл. XXXI, *1–4*; XXXVII, *1–9*). Удалось реставрировать один сосуд из Шулаверисгора (табл. XXXI, *4*; XXXVII, *6*). Формы посуды на этом этапе остаются прежними, но имеются уже сосуды розоватого обжига с выровненной, а иногда с залощенной поверхностью. Встречены отдельные обломки керамики с примесью соломы в тесте, а также фрагменты лощеных тонкостенных сосудов розоватого цвета. Основным признаком, определяющим своеобразие керамического комплекса II ступени развития квемо-шулаверских поселений, считается появление в орнаментации резной техники и елочных геометрических вертикально-волнистых мотивов, нанесенных на плечико, а также насечек по венчику или по верхнему краю сосуда (*Кигурадзе Т. В*., 1976, с. 158). Следует отметить, что резной елочный и геометрический орнаменты имеют лишь отдельные сосуды в Шулаверисгора (табл. XXXI, *1*; XXXVII, *7*, *8*). Подобного орнамента на керамике Имирисгора (горизонты VII–VI), судя по публикациям, нет. Резной орнамент некоторых черепков из Гадачрилигора (табл. XXXI, *2*) несколько отличается от орнаментации шулаверской керамики, однако это очень близкий по характеру орнамент, к тому же украшавший сосуды почти одинаковой формы. Кроме того, края таких сосудов из Шулаверисгора и Гадачрилигора украшены насечками. Налепной орнамент в виде сосцов-шишечек сохраняется не только на керамике памятников II ступени, но и на всех последующих ступенях. Резная орнаментация в дальнейшем исчезает. Она характерна только для керамики поселений II ступени, конкретно — позднейших горизонтов (III–I) Шулаверисгора и Гадачрилигора. Таково одно обстоятельство, которое обращает на себя внимание при изучении энеолитической керамики Центрального Закавказья.

Другое обстоятельство заключается в том, что подобный резной елочный и геометрический орнамент, как и украшение в виде налепных шишечек, встречается на керамике отдельных неолитических памятников Западной Грузии, в частности поселений Одиши и Анасеули II (*Кигурадзе Т. В*., 1976, с. 157). Как будет показано ниже, резным елочным узором покрыты и некоторые сосуды Гинчинского.

поселения в Дагестане. Культурно-хронологическое соотношение рассматриваемых памятников Квемо-Картли и отмеченных поселений пока не ясно. Поэтому сейчас нет достаточных оснований, чтобы считать случайным наличие единой или чрезвычайно близкой по мотивам и технике исполнения орнаментации на сосудах памятников Западной Грузии, Квемо-Картлийской долины и Северо-Восточного Кавказа или наоборот. В том и другом случае возникает вопрос о происхождении подобных орнаментальных мотивов в керамике Кавказа. Известно, что резной елочный орнамент — один из характернейших атрибутов стандартной керамики хассунской культуры, а керамика так называемой архаической Хассуны украшена рельефным орнаментом, в том числе в виде конических шишечек и сосцевидных налепов. Поэтому было бы соблазнительно связывать появление соответствующих орнаментальных узоров на древнейшей кавказской керамике с влиянием культуры Хассуны. Однако такое заключение в настоящее время представляется по крайней мере преждевременным, не вытекающим из широкого сравнительного анализа комплексов Ближнего Востока и Кавказа.

В строительном горизонте V Имирисгора (ступень III) обнаружена значительная коллекция керамики (табл. XXXVIII, *1–31*). Она генетически связана с керамикой более ранних слоев данного памятника и поселения Шулаверисгора, хотя и заметно отличается от нее характером обработки поверхности и разнообразием форм. Здесь выделяются три группы: сосуды с грубой поверхностью бурого цвета; сосуды со сглаженной поверхностью и сравнительно тонкостенные двусторонне лощеные сосуды розоватого цвета (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 162). На днищах многих сосудов имеются четкие отпечатки спиралевидной плетенки. Формы сосудов III ступени несколько разнообразнее. Преобладают различные по размерам горшки баночной и яйцевидной форм с загнутым внутрь или слегка отогнутым наружу венчиком, на плоском поддоне, часто с выделенной пяткой (табл. XXXVIII, *1*). Отметим непропорционально узкое днище некоторых сосудов (табл. XXXVIII, *1*). В числе новых форм имеются бочковидные (табл. XXXVIII, *4*), характерные для стратиграфически последующих горизонтов квемо-шулаверских поселений. Вообще бочковидные сосуды нередко довольно крупных размеров, в том числе снабженные ручками в виде выступов, типичны для всей рассматриваемой группы памятников. Орнаментация керамики горизонта V Имирисгора — рельефная, причем более разнообразная, нежели на сосудах из горизонтов VII–VI Шулаверисгора (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 162). Наряду с обычными сосцевидными налепами здесь есть вертикально расположенные в один ряд вокруг края или на плечиках сосудов миндалевидные налепы, а также налепы в виде окружности, полуокружности, валика, часто в различных сочетаниях (табл. XXXVIII, *22–31*).

Керамика, представленная в комплексах IV ступени, т. е. в горизонтах IV–I Имирисгора, горизонтах I–IV Храмис Дидигора и нижнем слое Дангреулигора, включает по существу те же формы сосудов, главным образом горшки баночной и яйцевидной форм (табл. XXXIX). На днищах некоторых сосудов также имеются отпечатки плетенки (табл. XXXIX, *7*). Характер орнамента в целом такой же (табл. XXXIX, *6*, *8*, *10–15*), хотя и несколько более разнообразный (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 163). Отдельные горшки украшены теперь налепными шишечками, расположенными в три ряда и обведенными иногда рельефной полоской (табл. XXXIX, *18*), змеевидными и крестовидными налепами (табл. XXXIX, *13*, *17*), рельефными антропоморфными изображениями (табл. XXXIX, *16*). Отмеченные выше единичные расписные черепки, обнаруженные в Имирисгора, также связываются с керамикой IV ступени (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 163).

Керамика V ступени, характеризуемая Т. В. Кигурадзе материалами горизонтов V–VII Храмис Дидигора (табл. XXXVI, *1–11*) и верхних уровней Арухлинского поселения (табл. XXXIV, *1–9*), по формам, характеру и мотивам орнаментации в общем не отличается от сосудов, представленных в комплексах предшествующей ступени, в частности в горизонтах IV–I Имирисгора (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 163). Отмечается сравнительно большее число черепков с окрашенной и тщательно залощенной поверхностью. Среди посуды Храмис Дидигора выделяется овальный сосуд бочковидной формы с ручкой в виде горизонтального ушкообразного выступа (табл. XXXVI, *9*). Подобные ручки имеются и на некоторых других сосудах. Орнаментальные мотивы несколько разнообразнее: это подковообразные налепы (табл. XXXVI, *2*, *7*), рельефные геометрические изображения в виде квадратов и кругов (табл. XXXVI, *10*), пуговковидные налепы (табл. XXXVI, *11*) и различные их сочетания.

Такие мотивы орнамента особенно широко представлены на керамике поселения Арухло I (табл. XXXIV, *5–8*). Действительно, если принять это во внимание, то Арухло I следует отнести к сравнительно поздним поселениям квемо-картлийской группы. Но мы пока не знаем, какими особенностями характеризуется керамика нижних горизонтов этого поселения. Если и там имеются сосуды подобных форм с такой же орнаментацией, то этот памятник, безусловно, моложе Шулаверисгора и Храмис Дидигора. До настоящего времени, например, в Арухло I не обнаружена керамика с резным орнаментом или аналогичная посуде самых ранних горизонтов Шулаверского поселения. Вместе с тем здесь много керамики с разнообразным налепным орнаментом, характерным для Имирисгора, Храмис Дидигора и других памятников. Следует подчеркнуть и такой интересный факт: отдельные сосуды Арухлинского поселения украшены рельефными антропоморфными изображениями, близкими по форме и исполнению тем, которые имеются на отдельных горшках из Имирисгора и Храмис Дидигора. Этот мотив единичен в орнаментике раннеземледельческих поселений Закавказья и отмечен пока, насколько нам известно, лишь на сосудах двух памятников Квемо-Картли — Имирисгора и Арухло I. Наличие его на керамике Арухлинского поселения является, безусловно, одним из аргументов в пользу синхронизации определенных горизонтов данного памятника с горизонтами IV–I Имирисгора, т. е.

на Арухло I имеются слои, характеризующие не только V ступень развития шулавери-шомутепинской культуры (по Т. В. Кигурадзе), но и предшествующие, в частности IV ступень.

К тому же заключению можно прийти на основе изучения керамики энеолитических поселений, расположенных в смежном районе — на территории Западного Азербайджана. Керамика Шомутепе, Тойретепе, Гаргалартепеси и других памятников этого региона в общем одинакова (*Нариманов И. Г.*, 1965а, с. 50; *Нариманов И. Г.*, 1966, с. 123—125; *Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 97—98). Она мало отличается от керамики квемо-картлийских поселений и составляет с ней единый культурный комплекс. Так, например, керамика Шомутепе в основном грубой лепки и слабого обжига, темно-серого, бурого и желтовато-коричневатого цветов. Лишь отдельные сосуды залощены и содержат в глине только примеси соломы. Остальные сосуды изготовлены из глины с примесью и соломы, и дресвы, и (реже) толченого обсидиана. На днищах некоторых сосудов имеются отпечатки плетенки. Формы сосудов довольно простые: все они плоскодонные и, как правило, лишены ручек (табл. XXXV, *1—8*). Преобладают горшки баночной формы. Часты и бочковидные сосуды, в том числе довольно крупные. Украшено очень небольшое число сосудов. Орнамент состоит из округлых шишечек-сосцов (табл. XXXV, *5*) и овально-удлиненных вертикальных налепов, характерных для керамики квемо-картлийских поселений. Сосуды с резным орнаментом, как в Шулаверисгора, здесь не обнаружены. Заслуживает внимания и такое наблюдение: в Шулаверисгора керамика с растительной примесью присутствует лишь в верхних горизонтах культурного слоя (*Джапаридзе О. М.*, *Джавахишвили А. И.*, 1967, с. 298), в то время как в Шомутепе и Тойретепе она встречается во всех горизонтах, начиная с самого раннего (*Нариманов И. Г.*, 1966, с. 123).

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Шомутепе, Тойретепе и другие поселения в Западном Азербайджане моложе Шулаверисгора. Нам не известны какие-либо убедительные данные, которые позволяли бы считать Шомутепе более ранним памятником, чем Шулаверское поселение, и даже одновременным ему. Этот памятник, как Тойретепе и другие, следует синхронизировать, судя по керамике, с такими раннеземледельческими памятниками Квемо-Картли, как Имирисгора, Храмис Дидигора и Арухло I. Однако это вовсе не означает того, что на территории Западного Азербайджана и Восточного Закавказья в целом не может быть синхронного Шулаверскому поселению раннеземледельческого памятника, и тем более того, что исследуемая культура распространилась из квемо-шулаверской долины на смежные районы Закавказья. Не исключено, что памятники, синхронные Шулаверисгора или даже непосредственно предшествующие ему, будут открыты не только на правобережье среднего течения Куры, но и в других областях Закавказья.

Подведем итоги. Мы видим, что керамический комплекс поселений Центрального Закавказья весьма оригинален. Он резко отличен как от керамики Триполья и Анау, так и от керамики культур смежных областей Передней Азии. Так, он не обнаруживает ничего общего с керамикой халафской культуры Месопотамии, отличающейся высоким качеством выделки и обжига, многообразием форм и богатой расписной орнаментацией. Керамика же хассунской культуры с резным (так называемая стандартная) и налепным (керамика архаической Хассуны) орнаментом сопоставима с некоторыми сосудами из Шулаверисгора и других поселений шулавери-шомутепинской группы. Еще более сопоставима с закавказской по орнаментации керамика недавно открытых в Северной Месопотамии памятников предхассунского времени. Многие груболепные толстостенные сосуды этих памятников, в частности поселений Умм-Дабагия и Телль Сотто, украшены аналогичными по форме рельефными орнаментами в виде сосцевидных и пуговковидных налепов в один или два ряда, удлиненных овальных выступов и т. д. (*Бадер Н. О.*, 1975, с. 104—105, рис. 4—5; *Kirkbride D.*, 1972, pl. XI). Некоторые сосуды Умм-Дабагия (*Kirkbride D.*, 1973а, pl. XI, *a*) и Телль Сотто (*Merpert N. J.*, *Munchaev R. M.*, *Bader N. O.*, 1977, pl. XXX; 1978, pl. XXIV), что особенно удивительно, орнаментированы, подобно отдельным сосудам Имирисгора, Храмис Дидигора и Арухло I, похожими налепными антропоморфными изображениями. В остальном (по формам сосудов и т. д.) между керамическими комплексами Хассуны, Умм-Дабагия и Телль Сотто, с одной стороны, и шулавери-шомутепинских поселений — с другой, такие параллели не наблюдаются.

Чем объяснить отмеченную близость в орнаментации керамики древнейших раннеземледельческих памятников Центрального Закавказья и Северной Месопотамии, пока сказать трудно. Ведь эти группы памятников относятся к разным культурам и не являются синхронными. Было бы необоснованно утверждать сейчас, что наличие налепных украшений на закавказской керамике, особенно рельефных антропоморфных изображений, есть или результат месопотамского влияния (прямого или опосредованного) и длительного сохранения подобной орнаментальной традиции в Центральном Закавказье, или же последняя возникла здесь совершенно самостоятельно в то время, когда так уже давно не украшали посуду в Месопотамии.

Обратимся к следующей категории инвентаря энеолитических памятников Центрального Закавказья — глиняным антропоморфным фигуркам. Они известны в настоящее время на нескольких поселениях шулавери-шомутепинской группы памятников. Так, часть фигурки из верхних разрушенных слоев Шулаверисгора (Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции, 1975, с. 206) предположительно отнесена Т. В. Кигурадзе к комплексу материалов II ступени шулавери-шомутепинской культуры (*Кигурадзе Т. В.*, 1976, с. 161). Это стилизованное антропоморфное изображение с коротким конусовидным торсом и вытянутыми вперед ногами (табл. XL, *8*). Фигурка украшена резным орнаментом: на ногах нанесено по восемь горизонтальных линий, на торсе — колосообразный знак (*Глонти Л. И.*, *Джавахишвили А. И.*, *Кигурадзе Т. В.*, 1975, с. 94). Два обломка глиняных обожженных фигурок происходят из нестратифицирован-

ных слоев Имирисгора (Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции, 1975, с. 208). Судя по описанию, они представляют собой схематизированные женские скульптурки с конусовидным туловищем, вытянутыми и спаренными ногами. Головки обеих статуэток отбиты. Одна из фигурок украшена косыми насечками (*Глонти Л. И.*, *Джавахишвили А. И.*, *Кигурадзе Т. В.*, 1975, с. 94). Обломок глиняной фигурки с прочерченной спереди линией, идущей от правого плеча к левому и изображающей, как предполагают, перевязь, найден в Шомутепе (*Нариманов И. Г.*, 1966, с. 125). Почти целая антропоморфная статуэтка обнаружена в верхней половине культурного слоя Гаргалартепеси (*Аразова Р. Б.*, *Махмудов Ф. Р.*, *Нариманов И. Г.*, 1972, с. 479—480). Она украшена мелкими насечками и изображает женщину в полусидячей позе (табл. XL, *3*).

На всех отмеченных выше памятниках, как мы видим, находки глиняных антропоморфных фигурок единичны. Лишь на одном из исследованных раннеземледельческих поселений Центрального Закавказья — в Храмис Дидигора — обнаружена целая серия таких фигурок. Коллекция включает 21 фигурку (*Глонти Л. И.*, *Джавахишвили А. И.*, *Кигурадзе Т. В.*, 1975, с. 88). Из них 17 найдены в очажном сооружении одного из круглых домов верхнего строительного горизонта энеолитического слоя поселения. Вместе с ними в очаг были заложены округлые и овальные «лепешки» из сырой глины. Не обожжены и сами фигурки, вследствие чего они оказались сильно фрагментированы. Восстановлена лишь одна из них (табл. XL, *7*). После публикации рассматриваемой коллекции на поселении Храмис Дидигора Т. В. Кигурадзе обнаружено еще примерно такое же число новых глиняных фигурок, однако использовать их в настоящей работе не представляется возможным.

Фигурки из Храмис Дидигора небольшие по размерам (высотой от 2,8 до 5,6 см) и по положению ног делятся на два типа: сидящие с согнутыми ногами, приподнятыми в коленях, и сидящие с вытянутыми ногами (*Глонти Л. И.*, *Джавахишвили А. И.*, *Кигурадзе Т. В.*, 1975, с. 88). Представление о первом типе дают, в частности, три более или менее удовлетворительно сохранившиеся статуэтки (табл. XL, *4*, *6*, *7*). Они изображают женщин. Среди них имеется одна целая фигурка с четко выделенными бедрами, грудью и головой (табл. XL, *7*), со спаренными и согнутыми ногами. Руки, как и на остальных статуэтках, не вылеплены. Шея не выделена. Лицо намечено защипом. Предполагается, что глубокие круглые глазницы были инкрустированы (*Глонти Л. И.*, *Джавахишвили А. И.*; *Кигурадзе Т. В.*, 1975, с. 91). Довольно выразительны и две другие статуэтки, вылепленные в аналогичной манере (табл. XL, *4*, *6*). Головки обеих отбиты. Торс одной из них резко отогнут назад и расширяется в плечах (табл. XL, *4*). На груди вылеплены два параллельных горизонтальных жгута. На них по бокам ложатся спускающиеся от плеч такие же налепные жгуты, причем жгут от левого плеча переходит на бедро и достигает колена, а от правого — заворачивает у бедра и ложится на живот. Создается впечатление, что жгуты изображают руки. Эти элементы затрудняют определение пола изображенного (*Глонти Л. И.*, *Джавахишвили А. И.*, *Кигурадзе Т. В.*, 1975, с. 92—93). Среди фрагментарного материала есть четыре головки фигурок первого типа. Одна из них тщательно моделирована (табл. XL, *5*). Четко отмечена шея, детально проработано лицо, окрашенное белой краской. Выделены круглые глубокие глазницы и брови, рот и небольшой плоский лоб. Головка завершается асимметричным конусом, изображающим прическу или головной убор (*Глонти Л. И.*, *Джавахишвили А. И.*, *Кигурадзе Т. В.*, 1975, с. 93). Вдоль левой глазницы и на шее сохранились следы росписи в виде нескольких крупных черных точек.

Второй тип статуэток Храмис Дидигора, представленный лишь обломками нижних частей фигурок, а также торсов и ног (*Глонти Л. И.*, *Джавахишвили А. И.*, *Кигурадзе Т. В.*, 1975, с. 93), отличается упрощенностью и схематизмом изображения. Эти фигурки имеют конусовидный торс с приплюснутой с двух сторон верхней частью (головкой?), широкие бедра, вытянутые и в большинстве случаев спаренные ноги. К этому типу, кстати, относятся и упомянутые фигурки из Шулаверисгора, Имирисгора и Гаргалартепеси.

Описанными находками исчерпывается коллекция антропоморфной скульптуры раннеземледельческих памятников не только Центрального Закавказья, но и всего Южного Кавказа. Правда, на поселении Арухло I найдены две обработанные и окрашенные красной охрой маленькие гальки, изображающие человеческие головки (табл. XL, *1*, *2*) с ясно проработанными деталями лиц. Одно из этих изображений выполнено с помощью процарапанных линий, в которые затерта красная краска (табл. XL, *2*), черты другого (табл. XL, *1*) оформлены углублениями и штриховыми линиями (*Кушнарева К. Х.*, *Чубинишвили Т. Н.*, 1970, с. 25—26). Эти находки уникальны.

Как известно, антропоморфная скульптура — один из существенных атрибутов культур обширной раннеземледельческой ойкумены. Неудивительно, что она представлена и в энеолитических памятниках Закавказья, хотя и в крайне ограниченном количестве по сравнению с раннеземледельческими памятниками Передней и Средней Азии (*Антонова Е. В.*, 1977). Малочисленность антропоморфной скульптуры рассматриваемых памятников, по нашему мнению, можно рассматривать как одну из особенностей культуры энеолита Закавказья и Кавказа в целом. Характеризуя описанные фигурки, следует подчеркнуть их определенную типологическую близость некоторым группам антропоморфной скульптуры отдельных раннеземледельческих культур Старого Света. Действительно, в раннеземледельческих памятниках Ближнего Востока и Средней Азии представлены антропоморфные статуэтки, как схематизированные, так и вылепленные в натуралистической манере, в сидячей позе и с вытянутыми ногами, нередко украшенные росписью, различными налепами, резным или вдавленным орнаментом. Предполагается, что в развитии антропоморфной скульптуры во всей раннеземледельческой ойкумене, исключая Анатолию, наблюдается тенденция от натурализации изображения в неолите к схематизации его в энео-

лите (*Антонова Е. В.*, 1977, с. 43). На отдельных статуэтках, подобно фигурке из Шомутепе, имеется перевязь (*Антонова Е. В.*, 1977, табл. LXIII, *1—2*; LXVIII, *7*; LXX, *7*). Кстати, перевязь отмечена и на статуэтках с памятников Кавказа III—II тысячелетий до н. э. (*Формозов А. А.*, 1965, с. 129—130). Однако при более конкретном рассмотрении закавказских фигурок мы видим, что они все-таки отличаются от антропоморфной скульптуры раннеземледельческих культур других областей, в частности от антропоморфной пластики культур Анау и Триполья (см. соответствующие таблицы в настоящем издании), как и от скульптуры памятников неолита и энеолита Ирана и Анатолии (*Антонова Е. В.*, 1977, табл. VI—XXXII, LVI—LIX).

Выше отмечалась определенная близость в орнаментации керамики квемо-картлийских поселений и памятников предхассунского времени Северной Месопотамии. Особенно удивительно то, что отдельные сосуды из Имирисгора и Арухло I, с одной стороны, и Умм-Дабагия и Телль Сотто — с другой, украшены почти одинаковыми налепными рельефными антропоморфными изображениями. В этой связи небезынтересно сравнить антропоморфную пластику памятников Месопотамии с закавказской. В Умм-Дабагия и Телль Сотто обнаружены одна-две почти целые и обломки примерно десяти других глиняных фигурок, вылепленных в натуралистической манере и в большинстве относящихся к типу сидящих фигурок со спаренными и вытянутыми ногами (*Kirkbride D.*, 1973б, pl. VII, *1—3*, VIII, *Merpert N. J.*, *Munchaev R. M.*, *Bader N. O.*, 1977, pl. XXVIII—XXIX). Эти фигурки, исключая некоторые образцы из Телль Сотто (*Merpert N. J.*, *Munchaev R. M.*, *Bader N. O.*, 1977, pl. XXVIII), типологически близки закавказским, в частности из Храмис Дидигора, но различия в моделировке отдельных частей фигурок из комплексов Закавказья и Месопотамии имеются, и довольно заметные. Антропоморфные статуэтки хассунской культуры (*Мерперт Н. Я.*, *Мунчаев Р. М.*, 1971, рис. 6) резко отличаются от женских фигурок как закавказских памятников, так и Умм-Дабагия и Телль Сотто. Однако безусловная типологическая связь прослеживается между определенной частью статуэток из памятников халафской культуры Северной Месопотамии (*Антонова Е. В.*, 1977, табл. XLIV—XLVI, *1*, *3*, *5—7*, *11*) и описанными фигурками из Храмис Дидигора. Они близки позой и характером моделировки некоторых частей (торса и особенно массивных ног с приподнятыми коленями). Статуэтки Храмис Дидигора из всей месопотамской коллекции антропоморфной пластики более всего, пожалуй, схожи с халафскими. Правда, большинство халафских статуэток имеют руки и расписаны; их головки иначе моделированы (*Глонти Л. И.*, *Джавахишвили А. И.*, *Кигурадзе Т. В.*, 1975, с. 97).

Таким образом, небольшая коллекция мелкой антропоморфной скульптуры раннеземледельческих памятников Центрального Закавказья, несмотря на определенную схожесть с отдельными типами переднеазиатской терракотовой пластики эпохи неолита и энеолита, отличается самобытными чертами, да и керамика этих памятников в целом выступает как самостоятельный, можно сказать, сугубо местный комплекс, придающий оригинальность представленной ими культуре.

Таковы основные категории производственно-бытового инвентаря шулавери-шомутепинской группы раннеземледельческих поселений Закавказья. До настоящего времени в Центральном Закавказье не исследованы погребальные комплексы рассматриваемой эпохи. Исключение составляет одно погребение, открытое на поселении Бабадервиш. Оно было совершено в скорченном положении на боку в сопровождении кремневого скребка и двух крупных обработанных речных камней (*Нариманов И. Г.*, 1966, с. 122). Видимо, можно предполагать, что энеолитическому населению Центрального Закавказья (или некоторым его группам) не был чужд широко распространенный во всем ареале раннеземледельческих племен обычай захоронения на площади поселения.

Южнозакавказская, или нахичеванско-мильско-муганская, группа памятников

Наибольшую известность среди памятников этой группы, как, впрочем, и энеолита всего Кавказа, получило в литературе поселение Кюльтепе I, располагавшееся в одноименном селении в 8 км к северу — северо-востоку от г. Нахичевани. Холм длиной с севера на юг около 150 м, а с запада на восток 100 м, вероятно, имел овальную в плане форму. Высота его над окружающей местностью достигала 14 м (*Абибуллаев О. А.*, 1959б, с. 431). Сохранившийся останец тепе был полностью раскопан (табл. XXVI, *6*). Выявлены четыре разновременных культурных слоя общей мощностью около 22 м (*Абибуллаев О. А.*, 1959а, с. 11—13; 1959б, с. 431; 1963, с. 157). Нижний (или первый) слой мощностью 8,5—9,0 м относился к энеолиту. Он был перекрыт таким же мощным (8,5—9,5 м) слоем куро-аракской культуры. Между этими слоями прослежена стерильная прослойка толщиной от 15—20 до 30—40 см (*Абибуллаев О. А.*, 1963, с. 157). Верхние (третий и четвертый) слои содержали материалы эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Нижний слой поселения Кюльтепе I исследован на площади примерно 300 кв. м. По всей его толще материалы однородны. Кроме того, в нижнем слое, между жилыми постройками и под ними, открыты 73 погребения (*Абибуллаев О. А.*, 1965б), совершенные в скорченном положении на боку и на спине с различной ориентировкой, 25 из которых содержали инвентарь (сосуды, различные бусы, обсидиановые изделия). В двух погребениях обнаружены скелеты собак (*Абибуллаев О. А.*, 1963, с. 158; 1965б, с. 65—73). В верхних горизонтах слоя открыты остатки 13 помещений. Жилища сохранились плохо. Они круглые и прямоугольные в плане, сооружены из камня и сырца, обычно с земляными полами. Круглые постройки достигают в диаметре 6,0—7,7 м, размеры прямоугольных жилищ 4×3 м. Сте-

ны толщиной 35—55 см сохранились на высоту до 25 см (*Абибуллаев О. А.*, 1963, с. 157). Судить о характере планировки поселения не представляется возможным. По-видимому, дома располагались поблизости друг от друга. На разных уровнях нижнего слоя расчищены остатки очагов овальной формы (1,25×0,72 м) со стенками толщиной 4—5 см и более, а также ямы диаметром 0,7—0,9 м и глубиной 0,5—1,0 м, заполненные золой, землей, иногда костями животных, обломками сосудов и т. д. (*Абибуллаев О. А.*, 1959б, с. 445—446).

В нижнем слое Кюльтепе I обнаружены обсидиановые и каменные орудия, изделия из кости и рога, медные предметы, собрана значительная коллекция керамики. Основным материалом для производства орудий служил, как установлено, обсидиан месторождений Атис и Сисиан в Армении (*Аразова Р. Б.*, 1974, с. 8). В коллекции древнейшего слоя Кюльтепе I представлены обсидиановые нуклеусы, пластины и отщепы (табл. XLI). Многочисленны нуклеусы одноплощадочные призматические и конусовидные (табл. XLI, *17*, *18*). Среди них имеются довольно крупные экземпляры.

Основной формой заготовок служили правильные призматические пластины, четырехгранные в сечении (*Аразова Р. Б.*, 1974, с. 10—11). Отщепы использовались редко, только в качестве заготовок. Почти все пластины ножевидной формы, длиной иногда 10—15 см, частично обработаны по краям ретушью, имеют следы сработанности (табл. XLI, *12—16*, *19*, *20*). Несомненно, часть их являются вкладышами для серпов. Характерно, что такие орудия, как резцы, изделия с подтеской, выемчатые пластины, присутствуют в комплексе в ничтожном количестве, а кремневых вкладышей серпов, острий и скребков вообще нет (*Аразова Р. Б.*, 1974, с. 20). Найдены каменные зернотерки (табл. XLII, *1—3*), ступки (табл. XLII, *4*, *5*), терочники и песты (табл. XLII, *6*, *7*), мотыги овальной формы (длиной до 15 см) со сквозным сверленым отверстием поперек лезвия (табл. XLII, *8*). Среди каменных орудий имеются также клиновидные топоры-тесла (табл. XLII, *9*, *10*) и молоты (длиной от 9,7 до 19,7 см) с желобчатым перехватом (*Абибуллаев О. А.*, 1959а, табл. 9, *3*, *4*). Обнаружены и каменные навершия булав шаровидной и грушевидной форм (табл. XLII, *12*, *13*), иногда с недосверленным отверстием. Одна гематитовая булава найдена в погребении (*Абибуллаев О. А.*, 1963, с. 161).

Каменный инвентарь Кюльтепе I в общем типичен для раннеземледельческих поселений широкого ареала. В частности, он близок соответствующим категориям орудий центральнозакавказских поселений, но далеко не идентичен им. Самое существенное различие этих комплексов заключается, несомненно, в том, что нахичеванский комплекс не содержит тех многочисленных и разнообразных орудий архаического типа, которыми изобилуют поселения шулавери-шомутепинской группы. Он типологически ближе, конечно, соответствующим комплексам раннеземледельческих культур других областей, например Месопотамии (культуры Хассуны и Халафа).

Орудия из рога и кости, обнаруженные в Кюльтепе I, также представляют собой обычный для раннеземледельческих поселений набор изделий. Среди них преобладают проколки и шилья (табл. XLII, *14—18*). Обнаружены круглые в сечении тонкие длинные иглы с зашлифованной поверхностью (*Абибуллаев О. А.*, 1959б, с. 448), скребки и лощила, изготовленные из оленьего рога и трубчатых костей особей крупного рогатого скота. На некоторых лощилах сделаны поперечные нарезки. Имеются орудия из коронной части рога и трубчатых костей со сквозными отверстиями, служившие мотыгами. Отметим также находки обработанных клыков кабана (*Абибуллаев О. А.*, 1959б, с. 448). Указанные изделия из кости и рога, как известно, широко представлены в энеолитических памятниках Центрального Закавказья, однако на поселениях шулавери-шомутепинской группы они более разнообразны.

Значительный интерес представляет небольшая коллекция металлических изделий из нижнего слоя Кюльтепе I. Она состоит из семи медных предметов (*Абибуллаев О. А.*, 1963, с. 161; 1965а). Это плоский ромбовидный предмет (табл. XLII, *19*), четырехгранная проколка со стержнем (табл. XLII, *22*), две бусинки (табл. XLII, *20*) и три обломка неопределенных предметов (табл. XLII, *21*). Спектральный анализ показал, что ромбовидный предмет и проколка содержат в своем составе соответственно 1,1 и 1,15% мышьяка, а проколка — еще и 1,6% никеля (*Селимханов И. Р.*, *Марешаль Ж. Р.*, 1966, с. 146—147, табл. 3).

В Центральном Закавказье металл встречен до сих пор на трех энеолитических памятниках. В Гаргалартепеси у стенки постройки 17, относящейся к нижнему горизонту поселения, найдена свернутая из медной пластинки цилиндрическая бусинка (*Аразова Р. Б.*, *Махмудов Ф. Р.*, *Нариманов И. Г.*, 1972, с. 435), аналогичная по форме обнаруженной на поселении хассунской культуры Ярымтепе I (*Мерперт Н. Я.*, *Мунчаев Р. М.*, 1977, с. 157, рис. 1, *4*). Еще две находки — медные (?) стержень и игла — сделаны на Делисском поселении в г. Тбилиси (*Абрамишвили Р. М.*, *Окропиридзе Н. И.*, *Небиеридзе Л. Д.* и др., 1978, с. 471; *Абрамишвили Р. М.*, *Окропиридзе Н. И.*, *Григолиа Г. К.* и др., 1979, с. 493). Наконец, полукруглый медный предмет происходит с поселения Храмис Дидигора (*Менабде М. В.*, *Кигурадзе Т. В.*, *Гогадзе К. М.*, 1980, с. 34). Таким образом, перед нами комплекс довольно архаичных по форме металлических изделий, нередко встречаемых в раннеземледельческих памятниках. Вместе с отдельными медными предметами с других памятников энеолита Южного Кавказа, которые будут отмечены ниже, они составляют коллекцию древнейшего металла Закавказья.

Обратимся к керамике Нахичеванского Кюльтепе I. Основную часть ее составляет посуда грубой выделки и слабого обжига, сделанная из глины с примесями соломы и в редких случаях песка. Она преимущественно светлых тонов, красного цвета; есть также сосуды бурого и серого цветов. Поверхность сосудов неровная, сглаженная или слегка залощенная. Вся посуда плоскодонная, редкие экземпляры имеют ручки. Выделяется несколько форм сосудов (*Абибуллаев О. А.*, 1959б, с. 448—450; 1963, с. 162—163). Наиболее многочисленны миски или глубокие чаши (табл. XLIII, *1—6*). Некоторые из

них имели вместо ручек выступы, расположенные у верхнего края сосуда. Есть кувшины с округлым туловом и невысокой цилиндрической горловиной (табл. XLIII, *15—18*). Немало баночных, бочковидных и цилиндрических сосудов (табл. XLIII, *7—14*, *19—22*), в том числе крупных и с ручками-выступами. Все отмеченные формы сосудов лишены орнамента.

Наряду с ними обнаружено небольшое количество расписной керамики. Она представлена 20 обломками и одним целым сосудиком. Ее можно расчленить на две группы. В первую входят целый горшочек и обломки сосудов (табл. XLIV, *1*, *2*, *4*), отличавшихся хорошим обжигом, сравнительно высоким качеством выделки и тщательно залощенной поверхностью. Они были украшены сложными геометрическими узорами, выполненными черной, коричневой и красной красками (*Абибуллаев О. А.*, 1963, с. 163). Ко второй группе относятся обломки сосудов, изготовленных из глины с примесью соломы или травы, но лучшего, чем массовая керамика с растительными примесями в тесте, качества. Они орнаментированы довольно простыми геометрическими узорами, выполненными черной, желтой и красной красками (табл. XLIV, *3*). Учитывая, что расписная керамика первой группы по тесту, обжигу, качеству лепки и относительной сложности орнаментальных узоров резко отличается от остальных расписных черепков и от основной массы керамики нижнего слоя Нахичеванского Кюльтепе I, исследователь памятника О. А. Абибуллаев предположил, что она привозная. Расписная керамика второй группы, аналогичная по технологическим признакам массовой керамике слоя, по его мнению, изготовлена на месте в подражание импортным образцам (*Абибуллаев О. А.*, 1963, с. 163). Импортная посуда представлена упомянутым целым экземпляром (табл. XLIV, 1), находящимся в экспозиции Музея истории Азербайджана (г. Баку). Это миниатюрный горшочек (высотой около 8—9 см) с округло-уплощенным дном, несколько вздутым туловом и сравнительно высокой (более 2 см) шейкой. Он красновато-розового цвета, залощен и украшен коричневой росписью. По тулову двумя горизонтальными линиями образован широкий пояс, заштрихованный почти вертикальными полосками. Коричневой краской расписан и самый край венчика с внутренней стороны, ниже которого той же краской выполнена волнистая линия (возможно, изображение змеи). Этот горшочек по форме, цвету, качеству и характеру росписи аналогичен соответствующим образцам халафской керамики (*Dabbagh T.*, 1966, p. 23—24).

В керамическом комплексе энеолитического слоя Нахичеванского Кюльтепе I отсутствуют антропоморфные и зооморфные статуэтки, но есть несколько глиняных пряслиц. В раннеземледельческих памятниках других регионов, например Месопотамии, пряслица (глиняные и каменные) встречаются часто.

В этой связи вызывает некоторое удивление отсутствие их на энеолитических поселениях Центрального Закавказья.

Сравнение комплексов керамики Нахичеванского Кюльтепе I и шулавери-шомутепинской группы памятников показывает между ними определенную близость. В частности, их сближают технологические особенности: грубая выделка, слабый обжиг, наличие в глине растительных примесей, характер обработки и цвет поверхности. В обоих случаях все сосуды плоскодонные, лишь отдельные из них имеют ручки, причем почти одинакового типа — в виде выступов. Близки и некоторые формы посуды — баночные и бочковидные. Различие проявляется прежде всего в формах сосудов. Так, в Нахичеванском Кюльтепе I они сравнительно разнообразны и лишены орнамента, хотя имеются отдельные образцы расписной керамики, в том числе импортной.

Посуде Нахичеванского Кюльтепе I, включая расписные сосуды, более близка керамика ряда поселений, зафиксированных в Мильской степи (*Иессен А. А.*, 1965, с. 13—15, рис. 2), таких, как Шахтепе, Безымянное тепе в 5 км к северо-востоку от Шахтепе, Кямильтепе и некоторые другие. Они приурочены к пересохшим или пересыхающим водостокам древней гидрографической сети (*Иессен А. А.*, 1965, с. 15). Ни один из этих памятников раскопкам не подвергался, поэтому наши представления о них основываются исключительно на подъемном материале, главным образом керамике. Основная часть ее, как и в Кюльтепе, представлена грубыми толстостенными сосудами, изготовленными из глины с растительными примесями. Все сосуды плоскодонные, как правило, без ручек; иногда они имеют псевдоручки в виде горизонтальных выступов. Отдельные черепки в два-три слоя свидетельствуют о том, что некоторые сосуды формовали в несколько приемов (*Нариманов И. С.*, 1965б, с. 37). В коллекции керамики из Мильской степи представлено около 20 расписных черепков. Роспись, выполненная коричневато-бурой, черной и (реже) красной красками по светлому ангобу, состоит из косых полос и углов-шевронов, вписанных один в другой (табл. XLIV, *5—13*). Расписаны в основном чаши, причем как с внешней, так и с внутренней стороны. Среди фрагментов расписной керамики выделяются плотные, лишенные растительных примесей черепки и плохо обожженные фрагменты, содержащие в тесте примеси соломы или травы (*Иессен А. А.*, 1965, с. 15).

Расписная керамика найдена и на энеолитических поселениях в Карабахской степи и особенно на Мугани. Здесь в районе Астраханбазара, по берегам Мишарчая и Гурудере, выявлено около десяти энеолитических поселений — Мишарчай II, IV—VI и Гурудере 1—6, на которых собран подъемный материал (*Нариманов И. Г.*, *Махмудов Ф. Р.*, 1967, с. 88—96). Найденная здесь простая керамика имеет многие черты, присущие основной массе керамики из Кюльтепе I и Мильской степи (*Нариманов И. Г.*, *Махмудов Ф. Р.*, 1967, с. 89—95). На муганских поселениях представлены такие же сосуды с плоским днищем и без ручек, а иногда с ручкой-выступом, в том числе залощенные по светлому ангобу. Цвет сосудов преимущественно красно-коричневый. Они изготовлены из глины с растительной примесью; иногда в качестве примеси добавлялся песок. Обнаружены хорошо обожженные фрагменты без примесей в тесте. Трехслойные черепки единичны. Интересны обломки сосудов со следами красной краски на поверхности с поселения

Гурудере 4 (*Нариманов И. Г., Махмудов Ф. Р.*, 1967, с. 94).

Среди муганских памятников значительную коллекцию расписной керамики содержит поселение Аликемектепеси — единственный исследованный пока энеолитический памятник в юго-восточной части Закавказья. Его материалы позволяют судить о характере и особенностях культуры эпохи энеолита данного региона. К сожалению, они до сих пор почти не опубликованы. Имеется лишь ряд информационных сообщений, на основании которых представляется возможным дать общую характеристику этого интересного памятника (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1972; 1974а; 1974б; 1975а; 1975б; 1976; *Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г., Аразова Р. Б.* и др., 1977).

Поселение Аликемектепеси находится на северо-восточной окраине сел. Учтепе Джалилабадского р-на Азербайджанской ССР, на правом берегу Инчечая. Это холм высотой не менее 4 м и площадью около 1 га (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1972, с. 480). Раскопки его, начатые в 1971 г., продолжаются в настоящее время. Приносим глубокую благодарность И. Г. Нариманову и Ф. Р. Махмудову, подробно ознакомившим нас с материалами Аликемектепеси и разрешившим использовать в настоящей работе некоторые находки с этого памятника.

Мощность культурного слоя поселения достигает 5 м, в том числе толщина энеолитического слоя — 4 м. Верхний слой содержит смешанный материал — энеолита, эпохи средней бронзы и главным образом античного времени. Культурные отложения на глубину 1,2 м разрушены мусульманскими погребениями и хозяйственными ямами эпохи бронзы (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1975а, с. 472; 1975б, с. 11—12). Общая раскопанная площадь поселения составляет около 400 кв. м; на материк выведен раскоп в 140 кв. м.

Энеолитический слой расчленяется на шесть строительных горизонтов, включая горизонт 0 — самый поздний и сильно потревоженный (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1975б, с. 13; 1976, с. 503). Остатки жилых и хозяйственных сооружений выявлены во всех горизонтах. Все они сложены из сырцовых кирпичей размерами 50×20×12; 48××18×12—15; 42×20×10; 36×18×10—15; 40×20××8; 35×18×9 см (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1972, с. 481). В горизонте 0 расчищены остатки стены одного помещения, ямы, неподвижно установленные крупные хозяйственные сосуды и остатки керамической обжигательной печи (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1975б, с. 13; 1976, с. 503). В горизонте 1 дома прямоугольные. Выявлен участок, где к дугообразной кирпичной стене длиной более 7 м пристроены с обеих сторон небольшие (площадью 2—2,5 кв. м) хозяйственные постройки, вокруг которых находились жилые помещения. В углах или у стен жилых комнат расчищены подпорные столбики, а в середине или у стен — очаги открытого типа (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1976, с. 503). В том же горизонте вскрыты остатки трех гончарных печей с топкой вытянуто-овальной формы. В горизонте 2, исследованном наиболее широко, наряду с прямоугольными имеются овальные в плане сооружения (табл. XLV, *21*). Среди последних обращает на себя внимание двухкамерная постройка 8. Вход в нее находился в большой камере, видимо, жилой и сообщавшейся с меньшей камерой, служившей кладовой. В жилой части постройки близ одной из стен обнаружен очаг, у других стен — десять глиняных сосудов и скопление глиняных необожженных ядер для пращи. В кладовой найдены такие же ядра и каменные топоры, зернотерки, песты, ступка, костяная мотыга, кремневые и обсидиановые орудия (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1974а, с. 454; 1974б, с. 12—13). Группа построек этого горизонта была обведена кирпичной стеной (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г., Аразова Р. Б.* и др., 1977, с. 494). Кроме того, в горизонте 2 расчищены остатки гончарной двухъярусной печи. В горизонте 3 вскрыты одна прямоугольная и несколько круглых наземных построек, а также остатки округлой в плане землянки. Глиняная обмазка стен землянки была побелена известью, а затем расписана красной охрой (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1974а, с. 454). В древнейших горизонтах 4—5 открыты круглые сооружения диаметром в среднем 3,5 м с пристроенными к ним маленькими четырехугольными хозяйственными помещениями и остатки двухъярусных гончарных печей (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1974б, с. 13).

Следует отметить, что во всех домах, раскопанных на Аликемектепеси, находились очаги открытого типа. Иногда их было по два-три в каждом помещении, у стен и в центре. В пол некоторых жилых построек были вкопаны крупные (высотой до 1 м) глиняные толстостенные сосуды чашеобразной, бочковидной и цилиндрической форм. Планировку ни одного строительного горизонта поселения установить не удалось. На всех уровнях наблюдалась плотная застройка поселка.

Архитектура нижних горизонтов (3—5) Аликемектепеси, как видим, довольно близка по форме и технике постройкам Нахичеванского Кюльтепе I и поселений Центрального Закавказья. Наиболее сопоставимы с ней, пожалуй, кирпичные постройки круглой, полукруглой и четырехугольной форм со следами окраски полов и стен, открытые на поселении Иланлытепе в Карабахской степи (*Нариманов И. Г.*, 1969, с. 396). Отметим, что на Иланлытепе расчищены остатки корытообразной керамической печи (*Нариманов И. Г.*, 1969, с. 396), аналогичной гончарным обжигательным печам, в значительном количестве вскрытым на Аликемектепеси. К сожалению, Иланлытепе обследован рекогносцировочно, и судить о генезисе его архитектуры пока не представляется возможным. На Аликемектепеси в отличие от всех остальных энеолитических памятников Южного Кавказа наблюдается заметное изменение форм домостроительства на протяжении жизни поселения. Возможно, открытые в горизонте 2 овальные постройки являются промежуточной формой между ранними круглыми и поздними прямоугольными жилыми сооружениями. Чем было вызвано такое резкое изменение форм домостроительства на этом поселении, сейчас ответить трудно.

В верхних горизонтах энеолитического слоя поселения Аликемектепеси открыто 10 погребений: одно

в горизонте 0 и девять в горизонтах 1—3 (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1974а, с. 455; 1976, с. 503). Они находились между жилищами, в слое, под полами построек. Погребения были совершены в сильно скорченном положении на правом или левом боку, головой в разные стороны. Костяки окрашены красной охрой. Перед лицом каждого погребенного находился глиняный сосуд (чаши).

Материал поселения включает каменные и обсидиановые орудия, изделия из кости, значительную коллекцию керамики и другие находки. Аликемектепеси отличается от Кюльтепе I и поселений шулавери-шомутепинской группы материалом, техникой обработки и набором орудий. Основным сырьем для производства орудий здесь служил кремень (78,3%); обсидиан (21,7%) использовался значительно меньше (*Аразова Р. Б.*, 1974, с. 21). Последний доставлялся сюда из Кельдбаджарского источника, расположенного менее чем в 300 км от Аликемектепеси (*Аразова Р. Б.*, 1974, с. 8). В одинаковой степени использовались пластины и отщепы. Среди орудий преобладают кремневые вкладыши серпов. Укажем для примера, что от общего числа орудий, обнаруженных здесь за первые три сезона раскопок, они составляют 32%. Большинство вкладышей имеют крупные размеры и полированный до блеска рабочий край; лишь некоторые отличаются угловой заполировкой. На многих вкладышах сохранились следы битума, с помощью которого они были укреплены в костяной или деревянной основе серпа.

В числе кремневых и обсидиановых орудий небольшую серию образуют скребки и скобели. Редки отбойники, ножи из обсидиана для разделки туш животных (табл. XLV, *18*, *19*), обсидиановые строгальные ножи, резцы и сверла (*Аразова Р. Б.*, 1974, с. 21, 26—27). Представлены каменные ладьевидные и с плоской рабочей поверхностью зернотерки, ступки, пестики и терочники; около 20 обычных тесловидных топоров, изготовленных из речных галек (табл. XLV, *11*). Есть каменное клиновидное орудие, видимо, нож для обработки дерева (табл. XLV, *17*).

Костяной инвентарь поселения представляет набор типичных для раннеземледельческих памятников орудий. Он включает значительное число шильев и проколок (более 100), подобные шулавери-шомутепинским лощила, мотыги и другие изделия из рога оленя, пластинчатые орудия с двумя заостренными концами (табл. XLV, *20*), сделанные из ребер крупных животных и использовавшиеся, как полагают, для плетения рыболовных сетей (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1975б, с. 13).

В разных горизонтах Аликемектепеси обнаружены украшения в виде бус и подвесок, главным образом плоские дисковидные бусины из морских раковин (табл. XLV, *14—16*). В одной из ям, вырытых в горизонте I, найдено свыше 150 таких бусин (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1974б, с. 12). В коллекции много подвесок из клыков хищных животных и грызунов, есть медная, две бирюзовые и круглая сердоликовая с двусторонним сверлением бусинки и крупная бусина из черного камня (табл. XLV, *13*). Весь этот набор украшений может быть признан характерным и для смежных с юга и юго-запада раннеземледельческих памятников Передней Азии. Так, бусы из меди, бирюзы и сердолика и подвески из клыков встречаются в комплексах Месопотамии халафского, хассунского и предхассунского времени.

Наиболее значительную и интересную категорию материала поселения Аликемектепеси составляет керамика. Во всех горизонтах нижнего слоя она одинакова по формам, орнаментации и технологическим признакам. Правда, в самых верхних горизонтах (0—1) представлена керамика, поверхность которой покрыта косо-горизонтальными линиями, нанесенными гребенчатым предметом (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1974б, с. 14). Ниже отмеченных горизонтов такой керамики нет. Расписные сосуды и сосуды с окрашенной поверхностью обнаружены во всех горизонтах Аликемектепеси. Керамика в целом хорошего качества, изготовлена из тщательно отмученной глины, содержащей, как правило, растительные примеси, ровно обожжена. Большинство сосудов ангобировано и залощено, светлых тонов (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1972, с. 481; 1974б, с. 14).

Выделяются несколько форм сосудов. Наиболее распространенными были чаши и глубокие миски с широкими плоскими днищами (табл. XLV, *1*, *8—10*). Ниже края многих таких сосудов имеются по две пары удлиненных налепов-выступов, заменяющих ручки. Наиболее крупные чаши и миски достигают в диаметре 50 см (по краю венчика). Отдельную группу составляют горшки (табл. XLV, *3*, *4*), в том числе с ручками-выступами. Довольно распространенной формой являются бочонковидные и котловидные сосуды. Почти все котловидные сосуды снабжены ручками в виде массивных горизонтальных выступов (табл. XLV, *2*). Размеры их в среднем (в см): высота 23—25, диаметр по венчику 20—22, диаметр днища 34—35. Некоторые экземпляры бочонковидных сосудов, обнаруженных в полах построек, довольно массивны и достигают в высоту 1 м. Значительной серией на Аликемектепеси представлены кувшины с одной массивной круглой в сечении ручкой (табл. XLV, *5*, *6*). Наиболее крупные из них имеют высоту до 40 см. Орнаментированы лишь отдельные сосуды. Налепной орнамент в виде зигзагообразной полоски и шишечек-сосцов образует иногда ряд по бортику и плечикам. В горизонте 1 найден обломок кувшина, украшенного налепной полоской с пальцевыми защипами. Часть сосудов, кроме того, расписаны, но преобладает посуда с целиком окрашенной поверхностью (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1974б, с. 15).

Коллекция расписной керамики Аликемектепеси включает около 200 обломков. По технологическим признакам расписная посуда делится на две основные группы: грубоватую из глины с растительными примесями и более качественную, из глины без каких-либо примесей. В числе последних имеются обломки отдельных сосудов очень высокого качества, возможно импортных. Расписаны в основном сосуды малых форм — чаши (табл. XLV, *8—10*) и небольшие горшочки (табл. XLV, *7*). Преобладает роспись черной, коричневой и красной красками разных тонов по ангобу кремового, коричневатого и коричневато-розового цветов (*Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1974а, с. 454). Часто роспись покрывает

и внутреннюю поверхность сосуда. Мотивы росписи носят исключительно геометрический характер: треугольники (иногда вписаны друг в друга); ромбы; ряды волнистых и зигзагообразных линий, опоясывающих сосуд; простые горизонтальные линии по краю или вдоль венчика; прямоугольники, составляющие шахматный узор; опускающиеся от края горшка вертикальные и косые пересекающиеся полоски, образующие сетку, и т. д. (табл. XLVI).

На Аликемектепеси, как и в Нахичеванском Кюльтепе I, нет глиняных антропоморфных и зооморфных фигурок, но найдены пряслица обычного типа, а также обломки крышек (?) сосудов и фрагменты толстостенных «сковородок» с невысоким бортиком, близких по форме обнаруженным в памятниках Кавказа эпохи ранней бронзы (*Мунчаев Р. М.*, 1961, с. 121, рис. 41). К числу же наиболее распространенных глиняных предметов относятся пращевые пули яйцевидной формы. Их находят здесь скоплениями по 70—130 штук, иногда у очагов. Эта категория находок наиболее характерна именно для данного памятника, хотя подобные предметы встречены и на других раннеземледельческих поселениях Южного Кавказа, например в Иланлытепе (*Нариманов И. Г.*, 1969, с. 397). Массовыми сериями такие глиняные яйцевидные пули для пращи представлены, как известно, в раннеземледельческих памятниках Северной Месопотамии, в частности в комплексах Телль Сотто и Умм-Дабагия (*Kirkbride D.* 1973b, pl. LXXX, *b*; *Merpert N. J.*, *Munchaev R. M.*, *Bader N. O.*, 1976, pl. XXXIX, *10—11*) Хассуны (*Munchaev R. M.*, *Merpert N. J.*, 1969, p. 128), Халафа, (*Munchaev R. M.*, *Merpert N. J.*, 1973, pl. X, *2*) и Убейда (*Tobler A. J.*, 1950, pl. LXXXVII, *b*).

Таким образом, поселение Аликемектепеси — довольно выразительный комплекс, особенности которого проявляются в известной степени в архитектуре, но в основном, в массовом материале — керамике. Так, здесь выделяется несколько групп керамики. Первая представлена только в двух верхних горизонтах и отличается специфической обработкой поверхности с помощью гребенчатого предмета. Прямые аналогии ей известны в настоящее время только на двух энеолитических памятниках Закавказья — поселениях Кечили III и Сиони. Кечили III расположено в Шамхорском р-не Азербайджанской ССР, к юго-востоку от шулавери-шомутепинской группы памятников (*Кесаманлы Г. П.*, *Гусейнова М. А.*, *Джафаров И. Ф.* и др., 1976, с. 502). Это небольшое поселение с сильно разрушенным культурным слоем толщиной около 1,4 м, где открыты остатки полов и стен построек, видимо, округлой формы. Основной материал — керамика с растительными примесями в глине. Наиболее распространенная форма сосудов — чаши. Есть и горшки с округленным корпусом и невысокой трубчатой горловиной, как в Аликемектепеси. Некоторые сосуды украшены пояском из сквозных круглых отверстий ниже края венчика, другие — налепным сосцевидным орнаментом. В одном случае отмечен рельефный поясок. На обломках нескольких чаш имеется роспись черного цвета, как правило, в виде полосы по краю венчика с внутренней и внешней сторон. Поселение Сиони находится в Марнеульском р-не Грузинской ССР. Его исследование начато в 1978 г., но результаты раскопок пока не опубликованы. Пользуясь случаем, благодарим Т. В. Кигурадзе и Г. П. Кесаманлы, ознакомивших нас с материалами названных памятников. Итак, керамика с обработанной гребенчатым предметом поверхностью может указывать на относительное хронологическое положение того памятника, в котором она присутствует. На этом основании, в частности, можно считать, что горизонты 0 и 1 Аликемектепеси и Кечили III, где такая посуда встречается по всей толще культурного слоя, относятся к позднейшей группе энеолитических памятников Южного Кавказа. Наличие ее в Кечили III и Сиони доказывает, кроме того, что памятники с такой керамикой были распространены не только на Мугани, т. е. в Юго-Восточном Закавказье, но и в центральной части Закавказья.

Вторую и основную группу керамики Аликемектепеси составляет светлоангобированная посуда, представленная во всех горизонтах. Отдельные формы ее встречаются и на других энеолитических памятниках Закавказья, особенно в Нахичеванском Кюльтепе I, но отличительной ее особенностью, как, впрочем, и всего керамического комплекса Аликемектепеси, является наличие ручек на многих сосудах — как в виде выступов, так и кругло-проемных.

К третьей группе керамики относится расписная посуда, причем количество ее на Аликемектепеси во много раз превосходит расписную посуду всех остальных энеолитических памятников Закавказья, вместе взятых, что также является одной из особенностей памятника. Среди расписной керамики Аликемектепеси встречаются образцы, аналогичные обломкам расписных сосудов из Нахичеванского Кюльтепе I и поселений Мильской степи. В числе последних имеются фрагменты сосудов грубой лепки из глины с примесями самана и обломки чаш и горшков высокого качества выделки. То же самое наблюдается и в Аликемектепеси. Сосуды более высокого качества, изготовленные из глины без каких-либо заметных примесей, являются, возможно, привозными, в подражание им вылеплены и расписаны на месте остальные сосуды.

Выше отмечалось уже, что единственный целый расписной горшочек, найденный в Нахичеванском Кюльтепе I, имеет северомесопотамское происхождение и по технологическим особенностям, форме и мотивам росписи, выполненной коричневатой краской, полностью соответствует аналогичным сосудам собственно халафской культуры (*Mallowan M. Rose J. C.*, 1935, fig. 59, *4*, *6*; 64, *3*, *9*; 65, *3*). Близкими к халафской керамике являются, видимо, еще несколько обломков расписных сосудов из Нахичеванского Кюльтепе I (*Иессен А. А.*, 1963, с. 12). Что же касается расписных черепков с поселений Мильской степи, то среди них нет ни одного, который можно было бы уверенно считать халафским, хотя в общей массе они и расписная керамика Нахичеванского Кюльтепе I составляют если не единый, то достаточно близкие комплексы, более тяготеющие к керамике некоторых памятников смежной с юга территории Северного Ирана, датируемых концом V — началом IV тысячелетия до н. э. (*Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 120—130). Но образцов распис-

ной посуды на поселениях Мильской степи крайне мало, и среди них нет ни одной целой формы, что затрудняет ее сравнительную характеристику. Другое дело — расписная керамика Аликемектепеси, составляющая относительно большой и выразительный комплекс. Ее геометрические мотивы орнамента почти все до единого имеются и на керамике халафской культуры в Месопотамии. Многие халафские сосуды украшены красной, коричневой и реже — черной росписью преимущественно по светло-коричневому фону различными геометрическими узорами. Это треугольники, часто вписанные друг в друга, заштрихованные ромбы, квадраты, составляющие шахматный рисунок, косые, вертикальные и горизонтальные полосы, образующие сетки, волнистые и зигзагообразные линии, сложные фигуры, а также изображения животных, птиц и т. д. На керамике Аликемектепеси нет такого разнообразия мотивов росписи. Нет здесь и изображений животных и птиц, какие встречаются на отдельных халафских сосудах. Формы халафской посуды также значительно разнообразнее. В керамике Южного Закавказья, в частности на поселении Аликемектепеси, наличествует, можно сказать, лишь одна из характерных для Халафа форм посуды — чаши, украшенные наиболее простыми и наиболее распространенными в халафских комплексах мотивами росписи. Но, подчеркиваем, в отличие от расписного горшочка из Нахичеванского Кюльтепе I это не собственно халафская керамика, а только форма посуды халафского типа с отдельными характерными для Халафа мотивами росписи.

Такие же мотивы росписи представлены па подобных чашах ряда памятников Северного Ирана, в частности в соответствующих слоях Яниктепе на восточном побережье Урмии и особенно Долматепе на Солдузской равнине (*Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 125—128). Сопоставление керамики отдельных энеолитических памятников Южного Закавказья и долматепинского комплекса обнаруживает определенные совпадения, которые едва ли могут быть признаны случайными. Так, некоторые сосуды с поселений в Карабахской степи (Иланлытепе, Кюллитепе) и других районов (*Нариманов И. Г.*, 1968, с. 317; 1970, с. 374), как и группа керамики из Долматепе, окрашены с внутренней и внешней сторон краской вишневого оттенка (*Young T. C.*, 1962; 1963). Подобно сосудам Долматепе, отдельные горшки из Иланлытепе орнаментированы штрихами, оттиснутыми треугольниками и кругло-овальными ямками (*Нариманов И. Г.*, 1969, с. 396). На поселении Геойтепе, в той же Карабахской степи, найдены обломки сосудов, нижняя часть которых, как и у долматепинских, покрыта глиняной обмазкой, а верхняя залощена (*Нариманов И. Г.*, 1970, с. 374—375). В этой связи обратим внимание и на отмечавшуюся выше находку в Аликемектепеси фрагмента сосуда, украшенного ногтевыми вдавлениями. Такой же почти орнамент встречается на керамике Долматепе. Укажем также, что среди керамики других муганских памятников (мишарчайские поселения, Гурудере) имеются образцы, сопоставимые с долматепинскими (*Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 128). Керамика грубой лепки и плохого обжига с отпечатками ткани или рогожи происходит в основном из древнейшего слоя Долматепе (*Young T. C.*, 1963; *Dyson R. H.*, 1960; *Hamlin C.*, 1975). В вышележащем слое представлена расписная посуда, изготовленная из глины с примесью соломы (*Young T. C.*, 1963; *Hamlin C.*, 1975). По залощенной иногда поверхности светлого тона черной, коричневой и вишневой красками нанесена роспись геометрического стиля (треугольники, ромбы, вписанные друг в друга, зигзагообразные линии и т. д.).

В энеолитическом слое Яниктепе среди основной массы керамики, характеризующейся грубой выделкой и растительными примесями в глине, выделяется небольшая группа сосудов высокого качества с хорошо залощенной поверхностью, украшенной иногда черной и коричневой росписью по светло-коричневому ангобу. Мотивы орнаментации — простые шевроны, треугольники и другие геометрические узоры (*Burney C. A.*, 1962, p. 135, fig. *8—10*), совпадающие с элементами росписи долматепинской керамики и посуды Нахичеванского Кюльтепе I, поселений Мильской степи и Мугани. Расписная керамика, следовательно, не характерна для Яниктепе, как и для закавказских памятников. Наличие ее и в Яниктепе, и в энеолитических поселениях Закавказья объясняется, несомненно, связями обитателей этих поселений между собой и с соседними племенами, широко пользовавшимися расписной посудой. Приведенные выше факты, в частности, указывают на их связи с носителями культуры, представленной поселением Долматепе. Подчеркнем, что и расписная керамика закавказских поселений, особенно Аликемектепеси, больше все-таки тяготеет к расписной керамике Долматепе, чем Халафа. Она ближе долматепинской технологически. Основная форма расписной посуды здесь, как и в Долматепе,— глубокая чаша. Совпадают и элементы орнаментации, хотя отмечалось уже, что керамика Аликемектепеси содержит некоторые типичные мотивы росписи халафской посуды.

К сожалению, памятники типа Долматепе выявлены и изучены крайне недостаточно. Поэтому многие вопросы, касающиеся культурно-исторического развития Северо-Западного Ирана в эпоху неолита и энеолита вообще и всесторонней интерпретации долматепинского комплекса в частности, пока не ясны, что, естественно, затрудняет установление подлинного характера и путей направления культурных и прочих связей между раннеземледельческими общинами Закавказья и смежной областью Ирана. В последнее время, кстати, советской экспедицией в Месопотамии получены некоторые данные, указывающие на связи племен халафской культуры и с населением Северо-Западного Ирана. Кроме того, установлено, что границы халафской культуры на востоке и юго-востоке почти вплотную подходили к Северо-Западному Ирану. Через его территорию, следовательно, халафские влияния также могли проникать на северо-восток, в районы Закавказья.

В этой связи, разумеется, встают важные вопросы, связанные с хронологизацией Халафа и Долматепе и установлением на ее основе датировки рассматриваемых энеолитических памятников Закавказья. Слой Долматепе с расписной керамикой сопоставляется с поздним Халафом. Он датирован по С-14 4036±87 и 4216±90 лет до н. э. (*Wat-*

son P. J., 1965, p. 88). Тем же почти временем — 4210±130 лет до н. э. — датирован соответствующий ему слой халафского поселения Ярымтепе II в Северной Месопотамии (ЛЕ 1015). Исходя из этих дат, представляется возможным также ориентировочно датировать Нахичеванский Кюльтепе I (видимо, большую часть слоя), поселения Мильской степи и Аликемектепеси последней четвертью V — началом IV тысячелетия до н. э. Некоторые названные памятники Карабахской степи и Мугани, керамика которых, как отмечалось, находит параллели в соответствующем материале древнейшего слоя Долматепе, являются относительно более древними.

Сравнительный анализ соответствующих комплексов шулавери-шомутепинской и нахичеванско-мильско-муганской групп раннеземледельческих поселений Закавказья, а также известная в настоящее время небольшая серия радиокарбонных дат убедительно показывают, что центральнозакавказские памятники старше южнозакавказских. Хронологически промежуточными между ними являются, вероятно, древнейшие горизонты Нахичеванского Кюльтепе I, Иланлытепе и ряд поселений в Карабахской степи и на Мугани. Наиболее поздними следует считать Аликемектепеси (горизонты 0—1) и Кечили III, а также Сиони. В круг последних можно условно включить и Техутское поселение — единственное пока раннеземледельческое поселение, сравнительно широко исследованное на Араратской равнине. Здесь известны и другие энеолитические памятники.

Из них целенаправленные разведочные работы были осуществлены, пожалуй, только на Кзяхблуре (Адаблуре), где в культурном слое мощностью 3 м выделены четыре строительных горизонта. В керамическом комплексе обращают на себя внимание крупные груболепные сосуды и несколько обломков расписной керамики (*Арешян Г. Е.*, 1972, с. 221—222). Что касается древнейшего слоя Шенгавитского поселения (Шенгавит I), то степень его изученности и характер представленного в нем материала определить должным образом не удается (*Сардарян С. А.*, 1967, с. 133—149). Собранный на поселениях Шенгавит I, Маштоцблур, Кзяхблур (Адаблур), Тертеридзор материал, прежде всего керамический (табл. XLVII, *1—10*), по технологическим особенностям, форме и орнаментации обнаруживает близость не с комплексом Техута, а с рассмотренными памятниками сопредельных областей Закавказья. Но эти поселения, как и ряд энеолитических поселений (Звартноц, Хатунарх и др.) близ Эчмиадзина (*Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.*, 1970, с. 40—44), еще не исследованы.

Техутское поселение

Это небольшое однослойное поселение, расположенное на одном из безымянных холмов в 3 км к югу от г. Эчмиадзина. Холм овальной формы с плоской вершиной, площадь его около 2,5 га (*Мартиросян А. А., Торосян Р. М.*, 1967, с. 52—62; *Торосян Р. М.*, 1976, рис. 1). Толщина культурного слоя поселения составляет 1,6 м.

В Техуте открыты остатки сырцовых построек толосовидной формы диаметром 2,6—3 м с глиняным полом и очагом. Стены некоторых жилищ были сложены из плоско-выпуклых кирпичей (30×40×10 см), подобных тем, из которых сооружены дома на многих других энеолитических поселениях Закавказья. На стенах отдельных жилищ отмечены следы краски. Здесь нет такой плотной застройки, которая наблюдается, например, на поселениях шулавери-шомутепинской группы. Жилища располагались отдельными группами вокруг площадок в некотором отдалении друг от друга (*Торосян Р. М.*, 1976, с. 127). К ним примыкали круглые хозяйственные постройки диаметром до 1,5 м. Рядом находились хозяйственные ямы. Техут, таким образом, представляет характерный для энеолита Закавказья тип поселения с сырцовой архитектурой в виде небольших однокомнатных круглых домов с пристроенными к ним хозяйственными помещениями.

На поселении обнаружен разнообразный материал (хранится в краеведческом музее г. Эчмиадзина), также в общем типичный для энеолитических памятников Закавказья, особенно Южного Закавказья. Подавляющую часть изделий из обсидиана и кремня составляют пластинчатые орудия — ножевидные пластины, вкладыши серпов и ножей с краевой ретушью (табл. XLVIII, *1—4*), а также скребки. В отличие от шулавери-шомутепинских поселений в Техуте, как и в ряде южнозакавказских памятников, почти нет орудий архаических типов (микролитических орудий, резцов, скобелей и др.), но обнаружена значительная коллекция каменных зернотерок, ступок, терочников, грузил (табл. XLVIII, *5*) и других предметов (*Торосян Р. М.*, 1976, табл. II). Многочисленны изделия из кости. Среди них представлены такие обычные орудия, как мотыги, иглы, лощила и особенно проколки и шилья (табл. XLVIII, *6—10*). К числу редких находок относится прямая основа для жатвенного ножа (длиной 18 см), сделанная из бедренной кости особи крупного рогатого скота. Следует особо отметить, что здесь, как и в нижнем слое Нахичеванского Кюльтепе I, обнаружены металлические предметы. Это плоский ножичек вытянуто-овальной формы (табл. XLVIII, *11*) и два обломка четырехгранного шила (*Торосян Р. М.*, 1976, с. 62). Спектральный анализ показал, что они изготовлены из медно-мышьякового сплава: обломок шила содержит 3,6% мышьяка и 0,1% никеля, а нож — 5,4% мышьяка (*Селимханов И. Р., Марешаль Ж. Р.*, 1966, с. 145—146, табл. 3). Это наиболее древние металлические изделия, обнаруженные на территории Армении. Они, как и медные изделия других энеолитических памятников Закавказья, относятся к архаическим типам металлических предметов, которые получают дальнейшее развитие в культурах раннебронзового века. Происхождение древнейшего металла Кавказа, представленного небольшим комплексом медных (и медно-мышьяковых) предметов из ряда энеолитических памятников Закавказья (почти исключительно Южного Закавказья), остается пока не ясным, но важен сам факт, что древнейшие земледельческо-скотоводческие племена Южного Кавказа были уже знакомы с металлом и использовали его.

Рассмотрим наиболее массовый материал памят-

ника керамику. Последняя представлена значительным числом обломков разнообразных сосудов, в том числе расписных. Кроме того, здесь обнаружены многочисленные обломки глиняных передвижных мангалов — жаровен в виде круглых чаш с высоким (до 10 см) бортиком, край которого иногда загнут внутрь (табл. XLVIII, *25*, *26*). Они достигают в диаметре 25—30 см. Некоторые из них снабжены большими налепными ручками. Почти все мангалы ниже края опоясаны одним рядом небрежных сквозных отверстий. Они грубо обработаны, хотя отдельные (обычно небольшого размера) залощены изнутри. На донной части некоторых мангалов отмечены остатки золы. Техутское поселение — единственный пока известный нам энеолитический памятник Закавказья, где обнаружены передвижные глиняные мангалы.

Отличительной особенностью всего керамического комплекса памятника, включая и мангалы, является наличие в глиняной массе значительных примесей одновременно соломы и песка. Часто сосуды покрыты с двух сторон тонким слоем глины другого цвета, главным образом желтоватого. Такая многослойность стенок, как мы видели, характерна для некоторых сосудов из нижнего слоя Нахичеванского Кюльтепе I и древнейших раннеземледельческих поселений в Мильско-Карабахской степи и на Мугани. Укажем также, что на обломках многих сосудов с внутренней стороны заметны отпечатки ткани (*Торосян Р. М.*, 1976, с. 95, рис. 17). Несомненно, следовательно, что ткань как основа широко использовалась здесь при производстве глиняной посуды.

Посуда Техутского поселения делится по характеру выделки на две группы. Первая из них включает основную часть керамики. Она довольно груба, имеет шероховатую, плохо обработанную поверхность, на которой отчетливо выступают примеси песка и соломы. Небольшую группу составляет керамика сравнительно высокого качества, иногда лощеная до блеска. Формы сосудов здесь несколько разнообразнее, чем в Нахичеванском Кюльтепе I и Аликемектепеси. Это крупные сосуды с шаровидным туловом и шейкой разной высоты, горшки яйцевидной и баночной формы, в том числе с вогнутым днищем, кувшины, миски и чаши (табл. XLVIII, *12—19*, *27*). Среди керамики высокого качества преобладают обломки посуды малых форм — чаш и мисок. Они обычно желтоватого цвета, имеют плотный черепок, часто лишенный каких-либо примесей. Особого внимания заслуживает небольшая серия обломков расписных сосудов. Роспись выполнена черной или красной красками по розовато-красноватому и преимущественно желтоватому фону (*Мартиросян А. А., Торосян Р. М.*, 1967, с. 62; *Торосян Р. М.*, 1976, табл. X). Элементы росписи — горизонтальные и волнистые линии (струйчатая роспись), зигзаги, ромбы, в том числе вписанные друг в друга и др. (табл. XLVIII, *21—24*). Среди расписной керамики имеются также образцы сосудов высокого качества, которые считаются импортными. Возможно, в подражание им расписаны сосуды основной части комплекса, характеризующиеся грубой выделкой.

Как видим, керамика Техута по ряду признаков, главным образом технологического порядка, обнаруживает близость посуде отдельных памятников Южного Закавказья. Как и посуда, например, Нахичеванского Кюльтепе I, она не имеет ручек и лишена орнаментации, за исключением небольшого числа расписных сосудов. В целом же керамика Техута отлична от соответствующих комплексов других энеолитических поселений Закавказья, прежде всего нахичеванско-мильско-муганской группы. В частности, большинство форм техутской посуды имеет мало общего с сосудами других энеолитических комплексов Южного Закавказья. Они несколько разнообразнее, и можно уверенно сказать,— более совершенны. Специфична и расписная керамика памятника, отличающаяся и по формам, и по мотивам от расписных сосудов Нахичеванского Кюльтепе I и Аликемектепеси.

Отдельные образцы керамики Техута аналогичны соответствующим формам посуды халафской культуры (*Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 120—121), но элементы и мотивы росписи на сосудах из Техута и Халафа не совпадают. Для техутской керамики типична преимущественно струйчатая роспись в виде вертикальных линий, спускающихся прямо от края венчика. Такая роспись для халафской керамики не характерна, но близкая ей по типу роспись имеется на посуде культуры Северного Убейда (*Tobler A. J.*, 1950, pl. LXVIII, *a*, *11*, *16*; LXIX b, *18*, LXX b, *9*, a. o.; *Mallowan M., Rose J. C.*, 1935, fig. 33, *10*; *Dabbagh T.*, 1966, pl. XIV, 230—232). Вообще же струйчатая роспись появляется значительно раньше, на что указывает наличие керамики с подобной орнаментацией на памятниках джейтунской культуры Средней Азии и в некоторых комплексах Передней Азии. В Нахичеванском Кюльтепе I и Аликемектепеси такого вида роспись отсутствует. Возможность сопоставления и тем самым синхронизации Техута с комплексом Северного Убейда подкрепляется и наличием на Техутском поселении типичных для халафской посуды форм. Дело в том, что культура Северного Убейда представляет собой симбиоз халафских элементов и южномесопотамских культурных традиций (*Массон В. М.*, 1964, с. 411—414). Такие сопоставления дают основание связывать Техут именно с Северным Убейдом, а не с предшествующей ему халафской культурой, тем более что мотивы росписи техутских сосудов находят параллели в орнаментации сосудов верхнего (III), постхалафского, слоя Тилкитепе в районе озера Ван (*Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 122).

Известно, что сфера влияний убейдской культуры по своим масштабам значительно превосходила области, испытавшие воздействия халафской культуры (*Массон В. М.*, 1962; 1964, с. 408). Североубейдские влияния прослеживаются не только в памятниках Сирии, но и значительно восточнее Северной Месопотамии, вплоть до Средней Азии. В частности, заметны североубейдские влияния на смежной с Закавказьем территории Северо-Западного Ирана. В этой связи необходимо отметить прежде всего поселение Пижделитепе, находящееся к югу от озера Урмия на Солдузской равнине. Материалы этого памятника свидетельствуют о его близости к комплексу Северного Убейда (*Dyson R. H.*, *Young T. C.*, 1960, p. 19—28; *Массон В. М.*, 1964, с. 417—422) и настолько перекликаются, что исследователи Пижделитепе готовы считать его чуть ли не памятником

убейдской культуры. Несомненно, влияние Северного Убейда на данную территорию было сильным, поэтому-то некоторые исследователи и находят возможным видеть здесь локальный вариант Северного Убейда (*Массон В. М.*, 1964, с. 217). По-видимому, проникновение в смежные с Закавказьем области Ирана убейдских культурных элементов имело место в первой половине IV тысячелетия до н. э., ближе к его середине.

Укажем радиокарбонные даты, полученные для памятников Северного Убейда. В частности, раннеубейдские слои (XVII—XVIII) Тепе Гавра датированы 3446±325 лет до н. э. (*Массон В. М.*, 1964, с. 413) и 3450±800 лет до н. э. (*Watson P. J.*, 1965, p. 88). Четыре даты получены и для Пиждели-тепе: 3587±88, 3688±85, 3674±164 и 3510±160 лет до н. э. (*Watson P. J.*, 1965, p. 89). Очевидно, тем же временем датируется и Техутское поселение. Соответствующий анализ материалов этого памятника, на наш взгляд, с достаточной убедительностью свидетельствует о том, что он сравнительно моложе Нахичеванского Кюльтепе I и, возможно, Аликемектепеси. Таким образом, Техутское поселение и, вероятно, верхние горизонты (0—1) Аликемектепеси можно рассматривать в настоящее время как памятники, характеризующие заключительную фазу энеолита Закавказья.

Отмеченные особенности техутского комплекса, в частности керамики, доказывают, что перед нами памятник, представляющий один из локально-хронологических вариантов энеолитической культуры Закавказья на позднем этапе ее развития. Другой подобный вариант, который локализуется в Юго-Восточном Закавказье и который можно условно назвать муганским, характеризуется таким памятником, как Аликемектепеси. Составят ли отдельные варианты культуры энеолита Южного Кавказа памятники, расположенные между Араратской равниной и Муганью, покажут, будущие исследования.

Итак, мы рассмотрели с возможной полнотой памятники двух основных раннеземледельческих групп Закавказья. Первая из них располагается на ограниченной территории Центрального Закавказья, включающей западную часть Азербайджана и Южную Грузию. Ей свойственно почти полное единообразие форм архитектуры и техники домостроительства, производственного инвентаря и керамики. Типологическое изучение материалов и их сравнительный анализ, а также серия радиокарбонных дат свидетельствуют, что памятники этой группы, выделяемые отдельными исследователями в самостоятельную культуру (шомутепинскую или шулаверишомутепинскую), относительно старше памятников второй группы. Шулавери-шомутепинская группа раннеземледельческих памятников Закавказья датируется концом VI—V тысячелетием до н. э. Исходя из современного уровня знаний, базирующегося на рассмотренных материалах, мы можем считать, что эти памятники позднего неолита и энеолита характеризуют начальные (но не самые ранние) этапы развития раннеземледельческой культуры Кавказа вообще и Закавказья в частности. Вторую группу составляют памятники, расположенные в южной части Закавказья. В нахичеванско-мильско-муганскую группу раннеземледельческих поселений условно включено и Техутское поселение в Араратской долине. Эти памятники датируются, видимо, концом V — первой половиной IV тысячелетия до н. э. При некоторых общих чертах и параллелях в отдельных категориях инвентаря они не обнаруживают между собой того единства, которое характерно для шулавери-шомутепинской группы памятников. Действительно, мы видим, что и Нахичеванский Кюльтепе I, и Аликемектепеси и, наконец, Техут представляют по существу совершенно самостоятельные комплексы. Они включают более развитые формы каменных и обсидиановых орудий и керамики, а также содержат металл и образцы расписной посуды. Их относительно поздний возраст по сравнению с шулавери-шомутепинской группой не вызывает сомнений. И на Араратской равнине, и в Карабахской степи, и в других районах Южного Кавказа имеются энеолитические поселения, которые, вероятно, занимают промежуточное положение и являются связывающими звеньями между рассмотренными центральнозакавказскими и южнозакавказскими памятниками. Но пока с уверенностью о такой промежуточной группе, равно как и непрерывном генезисе развития местной культуры в рассматриваемую эпоху, говорить не приходится.

Мы можем, таким образом, констатировать сейчас с достаточной определенностью, что рассмотренные группы памятников характеризуют древнейшую раннеземледельческую культуру Закавказья. Все относительно ранние памятники этой культуры сконцентрированы в одном из регионов Центрального Закавказья, но здесь ли началось ее формирование, сказать трудно. Тем более нет пока достаточных оснований считать, что именно отсюда она распространилась на смежные области, в частности в южные районы Закавказья, где в результате дальнейшего ее развития, с одной стороны, и связей с населением сопредельных районов Передней Азии — с другой, сложились такие локально-хронологические комплексы, как Нахичеванский Кюльтепе I, Аликемектепеси и Техут. В настоящее время очевидно, что раннеземледельческая культура закавказского и в целом переднеазиатского типа была распространена не только на Южном Кавказе, но и по северную сторону Кавказского хребта — в Дагестане. На это указывает ряд известных там энеолитических памятников, прежде всего Гинчинское поселение.

К вопросу об энеолитических комплексах Дагестана. Гинчинское поселение

Гинчинское поселение находится в урочище Гинчи Советского р-на Дагестанской АССР, в Гидатлинской долине, на высоте 1600 м над уровнем моря, на берегу р. Гидерилор. Располагаясь у подножия южного склона хребта, на одной из верхних речных террас, оно было естественно защищено с двух сторон, а с открытой стороны ограждено каменной

стеной. Площадь поселения составляла около 1,5 тыс. кв. м, а мощность культурного слоя 1,2 м (*Гаджиев М. Г.*, 1966, с. 55—56; 1980б, с. 8). В нижних горизонтах представлены материалы IV тысячелетия до н. э., а верхние содержат комплекс, близкий куро-аракской культуре III тысячелетия до н. э.

В исследованной части поселения (320 кв. м) на протяжении 15 м расчищена каменная оборонительная стена толщиной до 2 м и высотой до 1,15 м (*Гаджиев М. Г.*, 1966, с. 55; 1980б, с. 10). Общая длина этой стены и время ее сооружения пока не установлены. Вполне вероятно, что стена связана с древнейшим слоем поселения, так как она сложена тем же способом, что и раскопанное в нижнем горизонте большое однокамерное помещение прямоугольной формы. Открыты остатки и других жилищ, в том числе округлых в плане диаметром до 4 м (*Гаджиев М. Г.*, 1980б, с. 11—12). Их стены толщиной до 1,5 м сложены насухо из крупных необработанных камней. Такими домами с массивными каменными стенами была плотно застроена, видимо, большая часть поселения. Здесь раскопана также и полуземлянка диаметром 2,5 м (*Гаджиев М. Г.*, 1980б, с. 12). Кроме того, обнаружены простые очаги округло-овальной формы диаметром 0,60—1,90 м и девять круглых в плане хозяйственных ям диаметром 0,60—1,05 м и глубиной 0,25—0,60 м. Таким образом, Гинчи предстает перед нами как прочно оседлое поселение, расположенное в отличие от рассмотренных выше памятников Закавказья в горной зоне. Особенностью его является и каменная жилая архитектура, представленная в основном домами прямоугольной формы, а не круглыми, как в Закавказье.

Инвентарь Гинчинского поселения типичен для ранних оседлоземледельческих поселений. Он включает каменные орудия труда, изделия из кости и рога, керамику и другие предметы. Имеются данные, указывающие на то, что обитателям поселения был знаком металл (*Гаджиев М. Г.*, 1978а, с. 27). Среди орудий из камня обращают на себя внимание крупные зернотерки (длиной 51 см и шириной 30 см) с сильно сработанной рабочей поверхностью (*Гаджиев М. Г.*, 1978б, рис. 4, *21*). Они, как и терочники, изготовлены из речных камней продолговатой формы. Подавляющее большинство орудий сделаны из кремня (98,74%), изделия из обсидиана (1,26%) единичны. Кремень, меловой, качественный, светлосерого и дымчатого цветов, происходит из соседних районов горного Дагестана, в частности Акушинского (*Гаджиев М. Г.*, 1978б, с. 9—12). Месторождений обсидиана в Дагестане нет вообще; редкие образцы его, встреченные в Гинчи и на других памятниках, происходят из Закавказья или с Центрального Кавказа.

Для кремневой индустрии Гинчи характерна пластинчатая техника. Основными формами заготовок являются правильные призматические пластины преимущественно четырехгранного сечения длиной 5—7,5 см и шириной 1,5—2 см (*Гаджиев М. Г.*, 1978б, с. 12). Кремневые изделия представлены скребками (ведущий тип орудий), скобелями, вкладышами серпов, ножами для разделки туш животных, орудиями полифункционального назначения. Единичны сверла, резцы, ретушеры, призматические или конусовидные нуклеусы и их обломки (*Гаджиев М. Г.*, 1978б, с. 12—17, рис. 2—3). Для жатвы использовались серпы двух типов. Это прежде всего серп изогнутой формы, лезвие которого состояло из одной крупной ретушированной по краям пластины длиной 8—9,5 см. Практиковались и серпы, составленные из нескольких пластин с зубчатым рабочим краем, как в Закавказье. Пластинчатая техника и набор орудий сближают кремневый инвентарь Гинчи с кремневыми и обсидиановыми изделиями рассмотренных комплексов Закавказья, особенно Южного Закавказья. Здесь, как и в Нахичеванском Кюльтепе I, Аликемектепеси и Техуте, каменный инвентарь не столь разнообразен и не содержит такого количества архаических типов изделий, как в памятниках шулавери-шомутепинской группы Центрального Закавказья. Вместе с тем комплекс кремневых изделий Гинчи, как и других памятников Дагестана, имеет свои технико-морфологические и типологические особенности, позволяющие выделить на Кавказе наряду с шулавери-шомутепинским и западнокавказским еще один — северо-восточнокавказский очаг каменной индустрии (*Гаджиев М. Г.*, 1978б, с. 18, 37).

Орудий из кости и рога в Гинчи мало — менее десяти. Это обычные предметы — шилья, проколки и лощила, широко представленные в раннеземледельческих памятниках.

Интересна керамика Гинчинского поселения. Она, пожалуй, дает наиболее полное представление об особенностях как самого памятника, так и самобытности характеризуемой им культуры. Из нижнего слоя Гинчи происходит значительная коллекция керамики. Она в основном толстостенная, грубой лепки; глина содержит много примесей песка и дресвы (*Гаджиев М. Г.*, 1966, с. 57). Сосуды преимущественно красного и коричневого цветов. Поверхность их часто ангобирована и залощена, иногда до блеска. Встречены обломки сосудов, внешняя поверхность которых обмазана слоем жидкой глины. На внешней поверхности многих обломков грубых горшков имеются отпечатки рогожи. Некоторые черепки, как и закавказские (особенно из Техута), имеют в изломе четко выраженную трехслойность. Посуда Гинчинского поселения отличается значительным разнообразием форм (*Гаджиев М. Г.*, 1980б, с. 14—15): миски, крупные шаровидные плоскодонные сосуды, горшки с выпуклым или яйцевидным туловом, сосуды с высокой цилиндрической шейкой (табл. XLIX, *17*), чашки, кружки и др. (*Гаджиев М. Г.*, 1966, с. 57). Особо следует выделить чаши или глубокие миски (табл. XLIX, *16*), опоясанные ниже края рядом круглых сквозных отверстий, подобно мангалам-жаровням из Техута. Судя по наличию на закраине сосуда ряда круглых сквозных отверстий, эти чаши (или миски) могут быть связаны, вероятно, с отдельными образцами неолитической керамики Дагестана. Кроме того, в керамическом комплексе поселения имеются части глиняных предметов грубой выделки, стенки которых (высотой до 18 см) от основания и почти до края беспорядочно продырявлены сквозными отверстиями (табл. XLIX, *15*).

Это не сосуды, так как у них нет днища. В закавказских комплексах подобные предметы не известны, но в памятниках других областей они встречаются (*Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 111—113). Предполагают, что это цедилки или жаровни, а чаще всего курильницы. Некоторые сосуды имеют ручки — вертикальные с круглым отверстием (табл. XLIX, *12*) и реже — в виде горизонтального выступа с вертикальным отверстием. Отдельные сосуды украшены орнаментом двух типов — резным елочным (табл. XLIX, *13, 14, 17*) и рельефным, в виде налепной полосы с защипами (табл. XLIX, *9*). Последний тип орнамента на закавказской керамике совершенно не представлен.

В Гинчинском комплексе присутствует небольшая группа керамики, резко выделяющаяся из общей массы высоким качеством обжига, звонкостью черепка, чистотой теста, почти лишенного примесей. Она преимущественно красного и красно-коричневого цветов, залощена иногда до блеска и с двух сторон. О формах ее судить трудно. Бóльшая часть обломков принадлежит миниатюрным тонкостенным сосудам, видимо, с плоским, иногда слегка углубленным днищем, изредка с налепной ручкой, имеющей вертикальное отверстие (табл. XLIX, *6*), но есть и фрагменты высокогорлых сосудов с округлым туловом. Эта группа керамики справедливо рассматривается как импортная (*Гаджиев М. Г.*, 1966, с. 59).

Значительный интерес представляет расписная керамика Гинчи. Найдено всего 12 черепков с росписью (табл. XLIX, *1—5, 7, 8, 10, 11*). Шесть из них отличаются довольно высоким качеством выделки: они изготовлены из хорошо отмученной глины, почти лишенной примесей, имеют хороший ровный обжиг, желтовато-коричневый цвет, обе поверхности их залощены. Они принадлежат миниатюрным сосудам — мисочкам и горшочкам, расписанным обычно с двух сторон. Остальные черепки — от толстостенных сосудов грубой выделки, серого или розовато-коричневого цвета, с примесью песка в глиняном тесте. Роспись выполнена красно-коричневой краской в виде прямых полос, точек, округлых и овальных пятен, горизонтального ряда ломаных зигзагов и скрещивающихся линий, образующих сетку из треугольников и ромбов. Безусловно, черепки расписных сосудов высокого качества принадлежат группе импортной керамики, представленной в Гинчи и образцами нерасписной посуды, имеющей южное происхождение (*Гаджиев М. Г.*, 1966, с. 59—60). Что же касается нескольких грубых толстостенных черепков с росписью, то они принадлежат сосудам, по технологическим и прочим признакам аналогичным массовой керамике поселения, но в подражание привозным образцам расписанным на месте. Таким образом, в Гинчи наблюдается то же самое явление, что и на некоторых раннеземледельческих памятниках Закавказья.

К сожалению, расписная керамика Гинчи весьма малочисленна и представлена довольно мелкими обломками, что затрудняет ее сопоставление с соответствующими южными комплексами, как закавказскими, так и североиранскими. Она не похожа на расписную посуду Нахичеванского Кюльтепе I, поселений Мильской степи и Техута. По технологическим признакам и отдельным мотивам росписи ее можно сравнить с некоторыми образцами расписной керамики Аликемектепеси, с одной стороны, и Долматепе — с другой. Иными словами, нам представляется, что небольшое число обломков сосудов с росписью и отдельные образцы нерасписной керамики высокого качества с Гинчинского поселения связаны своим происхождением скорее всего с памятниками Южного Закавказья и Северо-Западного Ирана. Несомненно, что эта посуда попала в Дагестан из Закавказья, где близкая ей керамика, как показано выше, представлена на ряде памятников, датированных предварительно концом V — первой половиной IV тысячелетия до н. з. К тому же отрезку времени, видимо, следует отнести и нижний слой Гинчинского поселения.

Гинчи — не единственное раннеземледельческое поселение, известное в Дагестане. В настоящее время в равнинных и предгорных районах Дагестана выявлен ряд памятников с материалами (керамика), характерными для Гинчинского поселения и сопоставимыми с закавказскими, в том числе с отдельными образцами керамики поселений шулаверипомутепинской группы. Очевидно, в Дагестане был самостоятельный очаг раннеземледельческой культуры, отличавшийся самобытными чертами, связанный с Закавказьем и сложившийся, вероятно, на местной, неолитической основе.

Мы лишены, по понятным причинам, возможности дать более полную характеристику культуры, представленной Гинчинским поселением и другими энеолитическими памятниками Дагестана, и определить степень ее самостоятельности. Но уже очевидно, что эта культура, как и культура раннеземледельческих памятников Закавказья, в какой-то степени связана с общим процессом становления и развития производящего хозяйства, охватившим в VII—IV тысячелетиях до н. э. значительные области Старого Света. Любопытно и вместе с тем довольно важно, что в эпоху энеолита, когда в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе развивалась уже ранняя земледельческо-скотоводческая культура, здесь довольно четко прослеживаются определенные южные влияния. Последние могут, вероятно, свидетельствовать о том, что развитие производящей экономики на Кавказе, в особенности в Закавказье, если и было в значительной степени самостоятельным, то протекало не изолированно и, видимо, не без определенного влияния с юга, прежде всего из смежных областей Передней Азии.

К вопросу о культуре энеолита Кавказского Причерноморья и Центрального Предкавказья

Мы рассмотрели значительную серию раннеземледельческих памятников Закавказья и Дагестана. Аналогичные им памятники до сих пор не открыты в других областях Кавказа, в частности в районах Кавказского Причерноморья и Северного Кавказа.

Возможность их открытия не должна совершенно исключаться. Едва ли можно сомневаться, что в Кавказском Причерноморье и в центральных районах Северного Кавказа развивалась энеолитическая культура. О том, что носителями этой культуры были местные земледельческо-скотоводческие племена, свидетельствует небольшая группа открытых здесь памятников. Речь идет о поселении Тетрамица в Западной Грузии, ряде памятников на территории Абхазии и к северу от нее, древнейшей группе погребений Нальчикского могильника в Кабардино-Балкарии. Чтобы составить представление об этих памятниках и таким образом проследить особенности культурно-исторического развития населения данных областей Кавказа в эпоху энеолита, кратко остановимся на них.

Памятники Кавказского Причерноморья

Поселение Тетрамица находилось на правом берегу р. Риони в г. Кутаиси на вершине небольшого холма (*Киладзе Н. З.*, 1951). К сожалению, обследование памятника ограничилось сборами подъемного материала. Вероятно, это однослойный памятник, хотя его коллекция при первом ознакомлении не производит впечатления единого комплекса. В ней есть, например, обломок значительно более позднего по возрасту глиняного предмета (*Киладзе Н. З.*, 1951, с. 263). Судя по находкам кусков обмазки стен жилищ, можно предполагать, что это были легкие постройки из жердей, обмазанных глиной.

На Тетрамице обнаружены разнообразные орудия из обсидиана, кремня, песчаника, базальта и других пород камня. Большой архаичностью отличается кремневый инвентарь, правда, в его составе нет микролитических орудий геометрических форм. Он аналогичен соответствующему инвентарю неолитических комплексов Западной Грузии. В нем преобладают скребки, есть резцы, проколки и различные комбинированные орудия. Найдены также кремневые нуклеусы, пластины, отщепы (*Киладзе Н. З.*, 1951, с. 263—264). В каменном инвентаре памятника представлены крупные мотыгообразные орудия, в том числе мотыжки «сочи-адлерского» типа, и макролитические орудия типа «пик» (*Киладзе Н. З.*, 1951, табл. VII, *1—2*), зернотерки (до 30 обломков), песты, ступки. Есть кремневые вкладыши серпов (табл. L, *11, 12*) с одним зубчатым краем (*Киладзе Н. З.*, 1951, табл. III, *1*; VI, *1, 3*; VII), много наконечников стрел и дротиков (табл. L, *1—8*), среди них доминируют черешковые. Но более всего на Тетрамице каменных клиновидных орудий, имеющих вид плоских шлифованных топоров, стамесок и долот (табл. L, *9, 10*). Еще одну группу находок составляют обломки браслетов из мергеля (табл. L, *13, 14*), в основном в виде плоских колец, узких или широких (*Киладзе Н. З.*, 1951, табл. XII). Керамика найдена здесь в небольшом количестве, причем в мелких обломках, что не дает возможности судить о ее формах. Ясно только, что сосуды толстостенные, грубой выделки, бурого цвета, содержат в тесте примеси кварцевого песка (*Киладзе Н. З.*, 1951, с. 263). Указанные особенности сближают керамику Тетрамицы с местной керамикой предшествующей и последующей эпох. Инвентарь поселения включает также обломок глиняной сильной стилизованной антропоморфной статуэтки (*Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В.*, 1941, с. 114). Ни в одном случае не дано описание этой статуэтки, не опубликован и рисунок сохранившейся ее части. Отмеченными категориями инвентаря исчерпывается коллекция Тетрамицы. Недалеко от нее находилось поселение Сатаплиа, где собран подобный материал (*Пиотровский Б. Б.*, 1949, с. 28).

Культура, представленная комплексом Тетрамица, генетически связана с неолитом. Таким образом, здесь наблюдается преемственность в развитии местной культуры. Она, как мы видим, отличается от энеолитической культуры Центрального и Южного Закавказья. Развитие земледельческо-скотоводческой культуры в данной области Кавказа, как и во всем Кавказском Причерноморье, шло своим, особым путем. О том же свидетельствуют энеолитические памятники, открытые на территории Абхазии. К числу последних относятся стоянки с тяпкообразными мотыжками в с. Гантиади, селище на горе Гуад-Иху, нижний слой поселения у с. Мачара (*Бжания В. В.*, 1966а, б) и поселение в с. Атара Армянская (*Барамидзе М. В., Пхакадзе Г. Г.*, и др., 1979).

До сих пор ни одна из гантиадских стоянок не исследована стационарно. Материал стоянок однороден. Все эти памятники представляют собой открытые поселения. Нигде не выявлены остатки жилищ. Правда, предполагается, что на одном из участков Мачарского поселения было огороженное жилище в виде полуземлянки (*Бжания В. В.*, 1966а, с. 114). Она имела овальную в плане форму и достигала в поперечнике 3,4 м. В центре прослежена каменная выкладка со скоплением углей и керамики — очевидно, очаг (*Бжания В. В.*, 1966а, с. 115). Производственный инвентарь памятников состоит из обломков зернотерок, терочников, пестов и значительного количества грубых каменных мотыжек, изготовленных техникой скола, причем на Мачарском поселении найдены только дисковидные мотыжки, которые называют иногда «мотыжками сухумского типа» (*Бжания В. В.*, 1966а, с. 115), а на остальных — тяпкообразные, или «сочи-адлерского типа» (табл. L, *15—20*). Последние встречаются значительными сериями на многих памятниках от г. Гагры до Сочи, доказывая тем самым наличие на данной территории земледелия.

Тетрамица — самый крайний юго-восточный пункт находок мотыжек «сочи-адлерского типа». К югу от Гагры такие мотыжки известны на Очамчирском поселении эпохи ранней бронзы в Абхазии (*Соловьев Л. Н.*, 1939). Для памятников Центрального и Южного Закавказья этот тип орудий не характерен. Поселение Храмис Дидигора в настоящее время — единственное на этой территории, где обнаружены каменные мотыжки. Они близки по форме аналогичным предметам из некоторых комплексов Ближнего Востока, главным образом из Северной Месопотамии IV тысячелетия до н. э. (Джемдет-

Наср и особенно североубейдские памятники, например Тепе Гавра). Хассуна — единственный памятник Северной Месопотамии VI тысячелетия до н. э., где найдены такие орудия. В памятниках халафской культуры (V тысячелетие до н. э.) они до сих пор не известны. Считается, что их появление на Кавказе есть все-таки результат переднеазиатского влияния (*Формозов А. А.*, 1965, с. 61) — через Восточную Анатолию и бассейн Чороха (*Федоров Я. А.*, 1973, с. 53).

Остановимся и на некоторых других категориях инвентаря, представленного в памятниках Абхазии. В материалах Мачарского поселения обращает на себя внимание значительное количество примитивных каменных проколок и других орудий, изготовленных из галечных отщепов техникой скола, без шлифовки (*Бжания В. В.*, 1966а, с. 115), в то время как на других поселениях встречены подшлифованные орудия — долота и тесловидные топоры (табл. L, *21—26*). Характерны для абхазских памятников и каменные грузила для рыболовных сетей. Они представляют собой небольшие округлые или овальные плоские гальки, у которых с двух противоположных краев путем скола сделаны выемки (табл. L, *27—29*). Кремня мало. Например, на Мачарском поселении обнаружено всего 12 кремневых отщепов. Несколько кремневых наконечников стрел найдены на гантиадском селище Барановка (*Бжания В. В.*, 1966а, с. 116). Среди них имеются как черешковые, так и с плоским основанием, аналогичные некоторым типам наконечников стрел из Тетрамицы и вместе с последними указывающие на то, что данный вид оружия получает здесь широкое распространение в энеолите. О том же свидетельствуют находки совместно с мотыжками «сочи-адлерского типа» двусторонне обработанных наконечников стрел асимметричной формы на стоянке Бочаров ручей близ Сочи (*Формозов А. А.*, 1957, с. 141). Наряду с луком и стрелой здесь в эпоху энеолита использовали и пращу (*Бжания В. В.*, 1966а, с. 116—117, рис. 3, *4, 6*).

Представление о керамике памятников Кавказского Причерноморья дают находки обломков глиняной посуды на Мачарском поселении. Она грубой выделки, изготовлена из глины с примесью крупных зерен гранитной дресвы, а иногда частиц морского гравия или кальцитового песка, отличается слабым обжигом. Цвет ее темно-красный, буровато-красный и коричневый. На поверхности сосудов заметны следы заглаживания гребенкой или пучком травы. В отдельных случаях применялся ангоб. Все сосуды плоскодонные с массивными поддонами. Преобладают сосуды чашевидной формы с узкими днищами и невысокими венчиками, слегка отогнутыми наружу (табл. L, *32—34*). Сосуды лишены ручек, хотя на других памятниках имеются образцы с петельчатыми ручками (*Бжания В. В.*, 1966б, с. 8). Посуды с орнаментом здесь нет. На днищах некоторых сосудов хорошо заметны отпечатки листьев (табл. L, *31*), а в двух случаях (табл. L, *30*) — оттиски циновки (*Бжания В. В.*, 1966а, с. 116, рис. 2, *5, 6*). Те же особенности присущи керамике поселения в с. Атара Армянская Очамчирского р-на (*Барамидзе М. В., Пхакадзе Г. Г.* и др., 1979, с. 78). Описанная керамика близка местной неолитической посуде, но в общем более совершенна и разнообразна. По ряду признаков близка она и посуде памятников бронзового века, что в совокупности с другими фактами свидетельствует о преемственности в развитии местной культуры. Последняя, как и культура, представленная поселением Тетрамица, весьма своеобразна, что выражается в керамике и наличии специфических типов орудий, например мотыжек «сочи-адлерского типа». На одном из памятников региона (на селище Гуад-Иху) найден металл — два небольших слитка свинца (*Бжания В. В.*, 1966б, с. 8). Вероятно, знакомство с металлом населения Кавказского Причерноморья произошло именно в эпоху энеолита.

О том, что культурно-историческое развитие Западного Кавказа шло несколько изолированно от остальных областей Кавказа, свидетельствует и ряд памятников, открытых к северу от Абхазии, в районе Сочи—Адлера. Это стоянки Ахштырь 1—5, Имеретинская бухта, Молдовка и др. (*Формозов А. А.*, 1962, с. 126—128). К сожалению, большинство их не раскапывалось. Они содержат разновременный материал, но основная часть его довольно однотипна и по существу не отличается от инвентаря энеолитических памятников Абхазии. Там найдены аналогичные тяпкообразные мотыжки, обломки зернотерок, песты, терочники, плоские полированные топоры, грузила для сетей и грубые кремневые пластинки, фрагменты плоскодонной неорнаментированной керамики (*Формозов А. А.*, 1962, с. 126—129). Таким образом, на значительной территории Кавказского Причерноморья в рассматриваемую эпоху, как и в неолите, была распространена единая в своей основе культура со специфическими особенностями, заметно отличающими ее от раннеземледельческой культуры Закавказья. Установлено относительное хронологическое положение комплексов данной культуры (*Формозов А. А.*, 1957; 1962; *Бжания В. В.*, 1966а; 1966б). Они занимают промежуточное положение между памятниками типа Одиши, Кистрик и Нижняя Шиловка, характеризующими культуру местного неолита, и Очамчирским поселением, Воронцовской пещерой (ранние стоянки) и другими, относящимися к эпохе ранней бронзы. Предложенная их датировка IV — началом III тысячелетия до н. э. может быть принята. Она подтверждается в определенной степени и приведенной выше радиокарбонной датой — 3810±90 лет до н. э., полученной для энеолитического слоя Мачарского поселения.

Памятники Центрального Предкавказья

Древнейшая культура Северного Кавказа изучена крайне слабо. Как отмечалось, наши знания о позднем неолите и энеолите Центрального Предкавказья по существу продолжают до сих пор базироваться на материалах Агубековского поселения и Нальчикского могильника (ранняя группа погребений), исследованных в Кабардино-Балкарии на ру-

беже и в начале 30-х годов. Агубековское поселение по традиции все еще рассматривается как неолитический памятник. Однако его материалы имеют сравнительно поздний облик, что позволяет датировать поселение и эпохой энеолита. Несмотря на отсутствие ясности культурно-хронологического положения данного памятника и учитывая, что он не рассматривается в соответствующем выпуске «Археологии СССР», посвященном неолиту, мы считаем целесообразным дать здесь краткую характеристику Агубековского поселения. Это, несомненно, поможет несколько расширить представление о культуре Северного Кавказа, предшествующей бронзовому веку.

Агубековское поселение располагалось в районе г. Нальчика, на правом берегу протока, на холмообразной возвышенности, ограниченной оврагом (*Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.*, 1941, с. 51). Культурный слой его достигал 0,4—0,6 м и был насыщен керамикой, каменными и обсидиановыми орудиями, кусками стен легких плетеных хижин и др. Планировка поселка и особенности хозяйственно-бытовых построек (форма, размеры и т. д.) не установлены.

Комплекс каменных орудий поселения включает терки, крупные экземпляры которых (22—25×10—14 см) служили, вероятно, зернотерками, терочники, песты, округлые в сечении и почти цилиндрической формы полированные топоры, долотца, точильные камни и дисковидные орудия с округлым отверстием в центре (*Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.*, 1941, рис. 6—7, табл. II—III). Большинство орудий сделано из кремня и обсидиана местного происхождения. Это прежде всего разнообразные скребки, обработанные сколами или мягкой ретушью, с округлым рабочим краем, дисковидной формы (*Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.*, 1941, с. 55). Имеются проколки и острия из кремневых пластинок. Выделяется группа орудий из кремневых и обсидиановых отщепов и пластин с небольшими выемками по краю (*Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.*, 1941, с. 58, рис. 5, *14, 15*). Найдено немало ножевидных пластин, обработанных по краю ретушью; некоторые из них использовались, возможно, как вкладыши серпов (*Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.*, 1941, с. 51—59, рис. 5, *16, 17* и др.). Обнаружены также кремневый наконечник стрелы вытянутой треугольной формы с выемкой в основании и обломки каменной булавы (*Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.*, 1941, с. 56, рис. 4, *13*, с. 60, табл. II, *1*).

Итак, орудия Агубековского поселения не отличаются в общем от соответствующего инвентаря закавказских памятников. Кремневые и обсидиановые изделия Агубекова в технико-морфологическом отношении ближе инвентарю древнейших памятников Дагестана, особенно Гинчинского поселения (*Гаджиев М. Г.*, 1978б, с. 27—29), что, по мнению отдельных исследователей, позволяет говорить о связи Агубекова с древнейшими оседлыми поселениями Северо-Восточного Кавказа (*Гаджиев М. Г.*, 1978б, с. 29). Следует подчеркнуть здесь и типологическую близость кремневых и обсидиановых изделий Агубековского поселения орудиям, представленным на поселениях раннебронзового века Северного Кавказа — майкопской культуры.

На Агубековском поселении найдено более 1000 обломков глиняных сосудов. Посуда довольно однообразна. Она изготовлена из глины низкого качества с примесями чешуек слюды и зерен кварца, отличается грубой лепкой и слабым обжигом. Цвет сосудов преимущественно желтоватый с красноватым или сероватым оттенком (*Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.*, 1941, с. 53). Целых форм нет. Установлено, что почти все сосуды были плоскодонными. Найден лишь один фрагмент миниатюрной круглодонной чашечки (*Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.*, 1941, с. 53, рис. 3, *2*). Выделяются горшки с несколько расширяющимся краем и сосуды с резко отогнутым наружу венчиком (*Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.*, 1941, с. 54). Некоторые горшочки имели ручки в виде просверленных ушек (*Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.*, 1941, с. 55, рис. 3, *5, 6*). Орнамент на керамике отсутствует. Исключение составляет один черепок, украшенный горизонтально расположенным выступом (*Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.*, 1941, с. 55, рис. 3, *4*). Мы видим, что керамика Агубековского поселения отличается от глиняной посуды энеолитических памятников Закавказья, Северо-Восточного Кавказа и Кавказского Причерноморья. Это свидетельствует о том, что культура позднего неолита и энеолита Центрального Предкавказья имела локальные особенности. В какой-то степени доказательством тому служит и обломок найденной в Агубекове глиняной антропоморфной статуэтки, довольно стилизованной. Сохранившаяся ее часть изображает плоскую овальную головку, моделированную одним защипом, на высокой шее, с девятью дырочками по краям (*Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.*, 1941, с. 55, рис. 3, *1*). Эта фигурка не похожа на глиняную антропоморфную скульптуру раннеземледельческих поселений Закавказья, описанную выше. Таким образом, Агубековское поселение доказывает существование в Центральном Предкавказье в эпоху позднего неолита и энеолита локальной оседлой культуры, базировавшейся, вероятно, на земледелии и скотоводстве.

Нальчикский могильник также дает некоторое представление о характере культуры, в частности погребального обряда, населения данной области Кавказа в изучаемую эпоху. Могильник площадью около 300 кв. м находился на территории г. Нальчика, имел плоскую и низкую (до 0,67 м) насыпь и содержал 147 погребений. Они располагались в супесчанистом слое, а некоторые — в подстилающих его галечных отложениях (*Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В.*, 1941, с. 69). В центре могильника открыты скопления костяков, а на периферии костяки распределялись относительно равномерно, будучи отделены друг от друга. Количество костяков в отдельных группах колебалось от пяти до восьми. По-видимому, каждая семейная или семейно-родовая ячейка имела здесь свой участок для погребения сородичей. Часть погребений находилась под каменной кладкой.

Погребения совершены, как правило, в скорченном положении на правом (30) или левом (27) боку и ориентированы по осям восток — запад, север — юг или юго-запад — северо-восток. В 12 случаях погребения произведены на спине с подогнутыми ногами, в пяти — на груди, также с подогнутыми ногами

(*Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В.*, 1941, с. 104). Большинство женских захоронений совершено на левом боку, а мужских — на правом. Из 27 детских погребений четыре сопутствовали захоронениям взрослых. Отмечены случаи парных и коллективных захоронений. Большинство костяков имело следы окрашенности красной краской. Наиболее сильно окрашенными оказались погребения, ориентированные по оси восток — запад. Такая ориентировка присуща большинству погребений, причем, как выяснилось, древнейшим в могильнике. Почти все погребения, ориентированные с севера на юг, относятся к позднему времени. Ранним погребениям в отличие от поздних свойственна сравнительно слабая скорченность. Таким образом, погребальные комплексы памятника образуют две разновременные группы. Первую и основную группу составляют древнейшие погребения могильника, относящиеся к энеолиту, а вторую — захоронения, датирующиеся временем около середины II тысячелетия до н. э.

Остановимся на инвентаре древнейших захоронений могильника. Подавляющее их большинство не имело инвентаря. Одним из немногих захоронений с инвентарем является женское погребение 86. Здесь найдены разнообразные предметы: большое количество мелких белых бус цилиндрической формы (табл. LI, *13—17*); обломок венчика глиняного сосуда; медное, согнутое из тонкой проволоки колечко (лежало у черепа, на костях правой кисти); два каменных браслета (по одному на каждой руке); 30 целых и 17 обломков просверленных клыков оленя и резцов быка — подвесок (табл. LI, *5—11, 18—23*); цилиндрическая пронизь (табл. LI, *4*); две подвески из обломков каменных браслетов; черная каменная (возможно, из гишера) бочонкообразная уплощенная бусина; обломок кремневой пластины. Из чего были сделаны мелкие цилиндрические бусины — стекловидной пасты, глины или камня — неясно (*Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В.*, 1941, с. 120). Такие же предметы встречены и в других погребениях, содержавших инвентарь. Исключение составляет погребение 92, где найдено кремневое орудие в виде ножевидной пластины с ретушью по краям и на конце (*Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В.*, 1941, с. 102, рис. 56). Отметим для примера, что в погребении 41 обнаружены 33 каменные бусины (бочонковидные, круглые и цилиндрические). Большинство их — мраморные, есть также бусы из змеевика и одна из гишера (*Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В.*, 1941, с. 81). Погребение 8 сопровождали подвески из зубов козы (или овцы), оленя, лисы и кошки, костяные кольца, круглые плоские каменные бусины и просверленные раковины (*Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В.*, 1941, с. 70, 74, рис. 8). В погребениях 46 и 83 и близ погребений 54 и 55 найдены каменные браслеты.

Итак, погребальный инвентарь Нальчикского могильника ограничивается предметами украшения и не содержит глиняной посуды, производственных и бытовых предметов. Лишь в одном из вскрытых до начала стационарных исследований памятника погребений найдена антропоморфная статуэтка. Документация для этого погребения отсутствует. Известно, что она находилась близ костяка, рядом с которым обнаружена шаровидная булава. Статуэтка сделана из мергеля и изображает женщину. Фигурка плоская, слегка изогнутая, в нижнем конце имеет круглое отверстие; талия подчеркнута, ноги не расчленены (*Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаевский Г. В.*, 1941, с. 120, табл. VII, *1*).

Именно крайней ограниченностью материалов объясняется продолжающийся до сих пор спор о культурно-хронологическом положении Нальчикского могильника. Этот памятник рассматривался и как неолитический, и как энеолитический, и, наконец, как синхронный памятникам раннебронзового века Северного Кавказа (*Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 141). Представленные в инвентаре ранних погребений Нальчикского могильника типы украшений, включая медное колечко, в целом довольно архаичны. Среди них выделяются, пожалуй, каменные браслеты (табл. LI, *24—29*). Известно, что подобные украшения появляются довольно рано. Они присутствуют в таких ранних памятниках, например Месопотамии, как Джармо, Телль Магзалия, Телль Сотто и др. На Кавказе же в отличие от Передней Азии они сохраняются, судя по находкам в Тетрамице, Нальчикском могильнике и в двух майкопских памятниках (*Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 144), вплоть до эпохи энеолита и ранней бронзы. Анализ каменных браслетов и других типов украшений из Нальчикского могильника, как и обряда захоронений в нем, убеждает нас в том, что данный памятник хронологически предшествует майкопской культуре и относится именно к энеолиту. Нальчикский могильник следует датировать второй половиной IV тысячелетия до н. э. Видимо, тем же временем датируется и Агубековское поселение.

Культура, представленная Нальчикским могильником, была распространена, вероятно, и в других областях Северного Кавказа, в частности на территории Чечено-Ингушетии. Здесь известны два погребения, которые по ряду признаков связываются с ранней группой захоронений Нальчикского могильника. Это, во-первых, погребение в кургане 6 у сел. Бамут (*Мунчаев Р. М.*, 1961, с. 139—140), совершенное в сильно скорченном положении на спине, головой на юг — юго-запад. Погребение было густо посыпано красной краской. У правого предплечья умершего найдена кремневая пластинка (табл. LI, *1*) с ретушью по краям и на конце, аналогичная пластинке из погребения 92 могильника в Нальчике. По всей могиле был разбросан мелкий пастовый бисер. Это захоронение до мельчайших деталей повторяет ранние погребения Нальчикского могильника. Любопытно, что в обоих могильниках пластинки находились у плечевых костей, и в том и в другом был найден бисер. Второй памятник на территории Чечено-Ингушетии — это остатки скорченного погребения в г. Грозном. Оно тоже было густо посыпано красной краской (*Милорадович О. В.*, 1956, с. 132). В нем найдены кремневая ножевидная пластинка с ретушью по краям (табл. LI, *2*) и круглая подвеска из мергеля (табл. LI, *3*). У верхнего края подвески просверле-

ны два отверстия для прикрепления ее к одежде. Это украшение сопоставляется с аналогичной шлифованной подвеской из порфирита, обнаруженной в Мариупольском могильнике (*Милорадович О. В.*, 1956, с. 132—133), и с круглыми просверленными раковинами из погребений 3 и 8 Нальчикского могильника.

На основании материалов погребальных памятников довольно определенно можно сделать вывод: в эпоху энеолита на Северном Кавказе существовал уже обычай погребения под курганной насыпью, получивший здесь широкое распространение в бронзовом веке. Можно предполагать наличие связей между племенами отдельных областей Предкавказья. Однако ясно, что ни этих материалов, ни данных, полученных при раскопках Агубековского поселения и Нальчикского могильника, недостаточно для всестороннего изучения и понимания культуры Северного Кавказа эпохи первого появления металла. Несмотря на неполноту и отрывочность данных, все же имеются основания утверждать, что как Причерноморье, так и Северный Кавказ в рассматриваемую эпоху до некоторой степени отставали от Закавказья. Это свидетельствует об определенной неравномерности в культурно-историческом развитии отдельных областей Кавказа на заре эпохи металла. Несомненно, основными причинами, ускорившими эволюцию энеолитической культуры Закавказья и Дагестана, явились факторы социально-экономического характера. Именно усиленное развитие производящих форм хозяйства — земледелия и скотоводства, сопровождавшееся расширением и активизацией связей местных племен между собой и с населением сопредельных (с юга) районов Передней Азии, привело к сложению и расцвету здесь самобытной раннеземледельческой культуры.

Глава третья
Вопросы хозяйства и общественного строя энеолитических племен Кавказа

Все закавказские памятники эпохи энеолита представляют собой поселения с мощным культурным слоем, свидетельствующим об их прочно оседлом характере. Относительно ранняя группа этих поселений сконцентрирована на правобережье среднего течения Куры, в межгорных и предгорных долинах, у притоков Куры или поблизости от реки, т. е. в местах, исключительно удобных для развития земледелия и скотоводства. Сравнительно поздние поселения находятся в Мильской, Карабахской и Муганской степях и на Араратской равнине и почти все привязаны к древней гидрографической сети. Обитатели этих поселений также имели благоприятные условия для ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства, о чем свидетельствует значительный и разнообразный материал, включая палеоботанический и остеологический, полученный в результате раскопок. Материалы энеолитических поселений Дагестана, расположенных в нагорной полосе, в узких плодородных долинах, в частности Гинчинского, не оставляют сомнений в том, что и здесь ведущими отраслями хозяйства были земледелие и скотоводство. Чрезвычайно благоприятная экологическая ситуация и другие вышеприведенные факторы позволяют рассматривать Закавказье и Дагестан как один из древнейших центров возникновения земледелия. Однако отсутствие в настоящее время сколько-нибудь достаточного количества выявленных и исследованных мезолитических и особенно неолитических памятников затрудняет определение времени, места и начальных этапов процесса сложения земледелия на Кавказе, пути распространения его из одной области в другие и т. д.

Хотя на отдельных раннеземледельческих поселениях Центрального Закавказья наряду с остатками культурных растений встречены дикий ячмень (Hord. spontaneum), семена дикой вики (Vica Villosa), а также семена диких злаков, напоминающих эгилопс (*Нариманов И. Г.*, 1971, с. 4—5), нельзя говорить о том, что мы сталкиваемся здесь с началом культивации злаков и становления земледелия. Во всех случаях перед нами уже сложившееся земледельческое хозяйство, практикующее посевы определенных видов хлебных злаков и использование в земледельческом процессе и обработке продуктов земледелия набора определенных каменных и обсидиановых орудий.

Каковы были природная среда и климат Южного Кавказа в рассматриваемую эпоху? Установлено, например, что на равнинах Южной Грузии господствовал открытый ландшафт с характерными для него лугово-кустарниковыми растениями (*Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М.*, 1978, с. 58; *Гогичайшвили Л. К.*, 1979, с. 65—67). На сухой климат указывают, в частности, находки полыни, растений из семейства губоцветных и некоторых злаков. Такими же природно-климатическими условиями отличались, вероятно, и другие долины Центрального Закавказья (*Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М.*, 1978, с. 58). На юге Закавказья климат был несколько более засушливым. Таким образом, природная среда Закавказья эпохи энеолита была близка современной (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 8; *Doluchanov P. M.*, 1980, p. 56—58). Здесь, в частности в Южной Грузии, природно-климатические условия (количество осадков — около 500 мм в год) допускали возможность выращивания урожаев на неполивных землях (*Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.*, 1977, с. 47). Но для более эффективного земледелия при таком климате необходимо было проведение дополнительного искусственного полива земельных участков. В настоящее время благодаря целенаправленным работам, проведенным в Квемо-Картли, представляется возможным ставить вопрос о наличии примитивного искусственного орошения в Закавказье уже в эпоху энеолита.

К сожалению, до сих пор не ясны многие вопросы, связанные с детальной характеристикой и обоснованной интерпретацией рвов, открытых в Арухло I и Имирисгора. Так, в Имирисгора не установлены конфигурация и размеры рва, был ли он связан с рекой и для какой цели предназначался (резервуар для сохранения питьевой воды или оросительный канал?). Более четкая картина наблюдается в Арухло I, у подножия которого раскопаны два рва — «сухой» и «мокрый», а также выявлены контуры третьего рва. «Мокрый» ров, вырытый ранее «сухого», наполнялся водой из р. Машавера. Вода до и после поступления в ров могла определенное время орошать близлежащие участки полей (*Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М.*, 1978, с. 59—80). Изучение профиля рва у северного подножия холма Арухло I показало искусственное происхождение этого сооружения, по размерам соответствующего стандартам древних оросительных каналов. Предполагается, что орошение полей здесь производилось одноактно и что этого было достаточно для сохранения урожая (*Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М.*, 1978, с. 60).

Таким образом, можно говорить о наличии в Арухло I простейшего ирригационного сооружения. Возможно, такие же каналы-рвы, использовавшиеся по необходимости для орошения полей, были сооружены и обитателями других поселений, в частности Имирисгора. Напомним, что ров имеется и у поселения Шахтепе в Мильской степи (*Иессен А. А.*, 1965, с. 37). Примитивное орошение в IV тысячеле-

тии до н. э. практиковалось, возможно, и на Араратской равнине в Армении (*Торосян Р. М.*, 1976, с. 128). Следовательно, уже сейчас есть основания предполагать возможность применения искусственного орошения полей в Закавказье в эпоху энеолита. Оно было нерегулярным и осуществлялось, видимо, только в определенные периоды вегетационного цикла (*Лисицына Г. Н.*, *Прищепенко Л. В.*, 1977, с. 47).

Какие же злаки выращивали в Закавказье в рассматриваемое время? Палеоботанические находки собраны здесь на каждом исследованном поселении. Обильный материал получен в процессе раскопок (карбонизированные зерна злаковых и бобовых и семена) и в результате отмывки сырцовых кирпичей. Исследование палеоэтноботанических остатков квемо-картлийских поселений (Арухло I, Имирисгора и др.) показывает необычайно богатый для столь раннего времени набор культивировавшихся растений, среди которых имеется пять видов пшеницы — мягкая (Tr. aestivum L.), однозернянка (Tr. Monococcum L.), двузернянка (Tr. Dicoccum Schrank), карликовая (Tr. compactum Host.) и спельта (Tr. spelta L.), ячмени — двурядные и многорядные, пленчатые и голозерные, просо (Panicum millaceum L.), горох (Pisum Sativum L.), чечевица (Lens esculenta L.) и виноград (*Лисицына Г. Н.*, *Прищепенко Л. В.*, 1977, с. 47). Комплекс пшениц (мягкой, карликовой и спельты) с многорядными ячменями, а также находки косточек винограда являются показателями достаточно благоприятных условий для их культивации, что позволяет, учитывая аридность рассматриваемой территории, предполагать наличие здесь искусственного орошения (*Лисицына Г. Н.*, *Прищепенко Л. В.*, 1977, с. 47). Вместе с ними обнаружены остатки сорных и дикорастущих растений (*Лисицына Г. Н.*, *Прищепенко Л. В.*, 1977, с. 61, 62, 64). Большая коллекция образцов зерен происходит с поселений Шомутепе, Тойретепе, Рустепеси, Иланлытепе и других в Азербайджане. Наряду с отмеченными видами пшеницы и ячменя здесь встречены твердая пшеница (Tr. durum Dest), пшеница тургидиум, или английская (Tr. turgidium L.), семена дикой вики (Vica Villosa) и различные сорняки (*Нариманов И. Г.*, 1971, с. 4—5). В Шомутепе, кроме того, обнаружены косточки винограда (*Нариманов И. Г.*, 1971, с. 5). Несмотря на то что палеоботанические находки с поселений Южного Закавказья и Дагестана не составляют такую значительную коллекцию и результаты их предварительного определения еще не полностью опубликованы, есть основания полагать, что и там в изучаемую эпоху культивировали многие из отмеченных видов пшеницы и ячменя.

Рассмотрим некоторые другие звенья земледельческого процесса, документированные многочисленными археологическими материалами. Значительную категорию составляют костяные и роговые орудия для обработки почвы. Экспериментально-трасологический анализ названной группы орудий с поселения Арухло I показал наличие среди них землекопных лопаточек, мотыг, землекопалок, муфт, выполняющих определенные функции (*Коробкова Г. Ф.*, 1979, с. 97—100; *Челидзе Л. М.*, 1979, с. 26). Они представлены в инвентаре почти всех энеолитических памятников Закавказья, особенно центральнозакавказских. Среди них есть довольно крупные экземпляры, изготовленные из лопаточной кости и достигающие длины 25 см. По способу крепления рукояти мотыги делятся на две разновидности. Первую составляют мотыги из рога, трубчатых и лопаточных костей со сквозным отверстием, служившим для крепления деревянной рукояти с загнутым концом, вторую — мотыги, рукоять которых вставлялась в отверстие, выдолбленное на обушной части орудия. Рабочая часть мотыги косо срезана и заострена. Чтобы более эффективно разрыхлять почву костяными мотыгами, специально увеличивали их тяжесть, надевая на деревянную рукоять массивную роговую муфту (*Нариманов И. Г.*, 1971, с. 9) или каменный утяжелитель. По-видимому, для обработки почвы использовались и каменные орудия. Ими, например, могли служить отмеченные выше орудия тесловидной формы со сквозным поперечным отверстием, обнаруженные в Нахичеванском Кюльтепе I.

В связи с рассмотрением вопроса о землеобрабатывающих орудиях следует особо отметить одну любопытную находку на поселении Арухло I. Речь идет о довольно крупном (длиной почти 70 см) орудии из оленьего рога (*Чубинишвили Т. Н.*, 1973, с. 11; *Чубинишвили Т. Н.*, *Челидзе Л. М.*, 1978, с. 57, табл. I, *5*, *6*; *Челидзе Л. М.*, 1979, с. 26). Рабочий конец его сильно сработан в результате использования. По мнению отдельных исследователей, это орудие представляет собой соху, которой «с помощью тягловой силы производилось легкое вспахивание более или менее значительных участков земли скорее всего лишь после обработки почвы разнотипными роговыми и костяными мотыгами» (*Чубинишвили Т. Н.*, *Челидзе Л. М.*, 1978, с. 57—58). В качестве тягловой силы мог служить крупный рогатый скот. Можно ли на основании этого единичного по существу факта утверждать, что рассматриваемую эпоху в Закавказье уже пользовались сохой, а иначе говоря, начали уже переходить от мотыжного земледелия к пашенному? Конечно, нет. Но, учитывая общий уровень развития земледелия (использование искусственного полива посевных участков, широкий ассортимент возделывавшихся злаков, находка орудия типа сохи), такая возможность не исключена.

Жатва пшеницы и ячменя производилась костяными и деревянными серпами, остатки которых в значительном количестве обнаружены на многих рассмотренных памятниках Закавказья и Дагестана. На ряде поселений вкладыши серпов из обсидиана, реже — кремня и других пород камня составляют 30—50% от общего числа найденных там орудий Почти целые экземпляры костяного и нескольких деревянных серпов обнаружены на поселениях, расположенных на территории Западного Азербайджана, особенно в Шомутепе (*Нариманов И. Г.*, 1971, с. 10—11). Жатвенные орудия раннеземледельческих поселений Закавказья разнотипны. Наряду с серпами изогнутой формы, сделанными из дерева, рога и челюстей крупных животных и снабженными преимущественно обсидиановыми вкладышами, здесь представлены единично и примитивные жатвенные

ножи (*Коробкова Г. Ф.*, 1978, с. 38). Как отмечалось, часть серпов, главным образом с поселений Центрального Закавказья, имела крупнозубчатый рабочий край (*Нариманов И. Г.*, 1971, рис. 5—6; *Коробкова Г. Ф.*, 1978, рис. 1, *5, 7*). Вкладыши (от трех до пяти) были установлены в пазу так, что на рабочей части орудия выступал один угол каждой пластины. Отсюда понятно, почему многие вкладыши серпов, найденные в Шомутепе, Тойретепе и на других поселениях, имеют угловую заполировку, а на остальной части — следы битума. На ряде поселений Закавказья (Аликемектепеси и др.) обнаружены серпы аналогичной формы, но лезвия их состоят из плотно подогнанных друг к другу кремневых, реже — обсидиановых пластин, обработанных изредка пунктирной зубчатой ретушью (*Коробкова Г. Ф.*, 1978, с. 39). Иной конструкции серпы представлены в Нахичеванском Кюльтепе I, Хатунархе и Гинчи. Они также слегка изогнуты, но лезвие их образует всего одна крупная обсидиановая пластина с зазубренным ретушью краем (*Коробкова Г. Ф.*, 1978, с. 39). Итак, для большинства раннеземледельческих поселений Закавказья, а также Дагестана характерны серпы изогнутой формы. Такие же серпы использовались раннеземледельческими племенами Передней Азии и Европы, в том числе носителями трипольской культуры. Проведенные Г. Ф. Коробковой специальные экспериментальные работы показали достаточно высокую производительность древнейших жатвенных орудий Закавказья. В частности, установлено, что серпы с обсидиановым лезвием и орудия, составленные из плотно подогнанных кремневых вкладышей, уступают современным лишь в 1,7 раза. Несколько выше производительность позднетрипольского серпа, уступающего современному в 1,5 раза (*Коробкова Г. Ф.*, 1978, с. 48).

К сожалению, мы не можем говорить сейчас более или менее точно о размерах посевных участков каждого раннеземледельческого поселения, о том, сколько пшеницы и ячменя собирали с этих участков, и т. п. Видимо, обработке подвергалась пригодная для посева площадь близ каждого поселения — не менее 20—30 га. Собранный урожай хранился в зернохранилищах, каковыми служили ямы, специальные хозяйственные постройки округлой формы, пристроенные к жилым сооружениям или находившиеся рядом с ними, и, наконец, крупные (высотой до 1 м) глиняные сосуды, вкопанные в полы некоторых помещений.

На всех раннеземледельческих поселениях Закавказья и Дагестана обнаружено большое число разнообразных каменных орудий, использовавшихся для обработки продуктов земледелия: ступки, зернотерки, песты и терочники. Зернотерки округлой и овальной форм сильно сработаны. Нередко они использованы с двух сторон, в результате чего многие из них уплощены. Зернотерок ладьевидной формы с приподнятыми краями здесь почти нет. Надо сказать, что на хассунских и даже халафских поселениях такие зернотерки сравнительно редки. В Месопотамии они широко распространяются лишь в убейдское время, а в Закавказье — в эпоху ранней бронзы.

Имеющиеся данные, таким образом, показывают сравнительно высокий уровень земледельческого хозяйства Закавказья в эпоху энеолита. О том же говорят находки на нескольких поселениях шулавери-шомутепинской группы (Шомутепе, Шулаверисгора и Дангреулигора) косточек культурного винограда.

Наряду с земледелием важное значение в хозяйстве энеолитических племен Закавказья и Дагестана имело скотоводство. Установлено, что к рассматриваемому периоду в Закавказье были доместицированы все основные виды домашних животных. Обитатели раннеземледельческих поселений Южного Кавказа имели в своих стадах быков, коров, овец, коз и свиней. Знали они и собаку. Специальные исследования показывают, что в Закавказье крупный рогатый скот (Bos Taurus primigenius) появился уже в самом начале неолита (*Межлумян С. К.*, 1972, с. 49). Судя по обнаруженным на раннеземледельческих поселениях остеологическим материалам, здесь в рассматриваемую эпоху разводили довольно крупных быков (*Межлумян С. К.*, 1972, с. 48; *Цицишвили А. Л.*, 1966, с. 13).

К настоящему времени изучены остеологические коллекции многих раннеземледельческих памятников Закавказья и Дагестана, но, к сожалению, результаты исследований еще не полностью введены в научный оборот. Приведем некоторые опубликованные данные. Так, кости мелкого рогатого скота в Шомутепе составляют 57%, крупного — 25, свиней — 5,5, собак — около 3%. Таково же примерно соотношение костей домашних животных в Тойретепе (соответственно 52,5; 25,5; 14,3 и 0,5%), Гаргалартепеси (49,3; 23,4; 15,8 и 9,8%) и Бабадервиш (49, 36,5 и 5%). Остальная небольшая часть (до 9,5% максимально) костей принадлежит диким животным (*Нариманов И. Г.*, 1977, с. 57). Близки показатели определения видового состава животных из квемо-картлийских поселений и поселений Техут, Хатунарх и Цахкунк в Армении (*Межлумян С. К.*, 1972, с. 166, прил. 2). Исключение составляет, видимо, поселение Шулаверисгора, где крупного рогатого скота было несколько больше (*Цицишвили А. Л.*, 1966, с. 12—13; *Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 36). Приведенные данные показывают, что в стадах отмеченных поселений преобладал мелкий рогатый скот, а на втором месте был крупный рогатый скот. Повсеместно, как видим, разводили свиней и содержали собак. Роль охоты была невелика. Охотились, судя по костным находкам, на оленя, безоарового козла, косулю, лисицу, медведя, кабана, джейрана, дикого барана, мелких грызунов, бобра (*Межлумян С. К.*, 1972, с. 166, прил. 2; *Бендукидзе О. Г.*, 1979а, с. 40—44, табл. I; *Бендукидзе О. Г.*, 1979б, с. 61—63, табл. I). На некоторых поселениях обнаружено небольшое количество костей рыб и птиц. В числе последних — фазан, кавказский тетерев, дрофа, стрепет и др. (*Бендукидзе О. Г.*, 1979а, табл. I; *Бендукидзе О. Г.*, 1979б, табл. I). В Южном Закавказье, судя по материалам Аликемектепеси (данные по другим памятникам отсутствуют), соотношение в стаде мелкого и крупного рогатого скота было совсем иным. Здесь преобладал крупный рогатый скот. В Аликемектепеси кости быков составляют 43%, мелкого рогатого скота — 36,2, лошадей —

7,5, свиней – 6,1, собак – 2,6, диких животных – менее 5% (*Нариманов И. Г.*, 1977, с. 58).

Исключительно важен в данном случае факт присутствия в Аликемектепеси костей лошади, да еще в таком значительном количестве. На раннеземледельческих поселениях Закавказья костей лошади нет, за исключением поселения Арухло I, где найдены четыре кости от двух особей, и стоянки Цопи, где обнаружен зуб. Последние принадлежат, как предполагают, диким лошадям (*Бендукидзе О. Г.*, 1979а, табл. I; *Бендукидзе О. Г.*, 1979б, с. 63–64). В Аликемектепеси лошадь была уже, вероятно, одомашнена. Более того, здесь представлены, видимо, две породы лошади (*Нариманов И. Г.*, 1977, с. 58). Таким образом, поселение Аликемектепеси дает древнейшее свидетельство наличия лошади во всем кавказско-переднеазиатском регионе. Становится очевидным, что не позднее IV тысячелетия до н. з. на Южном Кавказе была уже доместицирована лошадь и что Юго-Восточное Закавказье (Муганская равнина) является одним из древнейших очагов разведения этого животного. Как известно, проблема доместикации лошади привлекает сейчас большое внимание палеозоологов и многих других исследователей древнейшей истории Евразии. В этой связи, конечно, соответствующие данные по Аликемектепеси представляют значительный интерес.

Остеологические материалы Гинчинского поселения свидетельствуют, что там разводили преимущественно овец и коз и значительно меньше – крупный рогатый скот и свиней. Соотношение крупного и мелкого рогатого скота составляет в Гинчи 1 : 9. Несмотря на развитое скотоводство, охотничий промысел играл еще большую роль в хозяйстве обитателей поселения, причем главными объектами охоты были олени и дикие козы (*Гаджиев М. Г.*, 1975, с. 55–56).

Таким образом, приведенные данные со всей очевидностью свидетельствуют о том, что основу хозяйства населения Закавказья и Дагестана рассматриваемой эпохи составляли земледелие и скотоводство. По-видимому, важнейшее значение имели они и в экономике племен Кавказского Причерноморья и Центрального Предкавказья этого периода. Надо признать, что мы до сих пор не располагаем материалами, позволяющими более конкретно изучить основы хозяйства данных регионов Кавказа. В частности, мы не знаем пока, какие злаки там выращивали и каков был состав стада обитателей энеолитических поселений. Представляется, что общий уровень развития земледелия и скотоводства в Закавказье и Дагестане был сравнительно выше, чем в остальных областях Кавказа. Мы наблюдаем здесь уже вполне сложившееся земледельческо-скотоводческое хозяйство примерно того же уровня развития, как, например, в Месопотамии VI–V тысячелетий до н. э. Земледелие было мотыжным, хотя, судя по находке крупного землеобрабатывающего орудия в Арухло I, не исключено, что обитатели некоторых поселений уже тогда начали переходить к вспашке посевных участков орудиями, используемыми с помощью тягловой силы. Что касается скотоводства, то применительно к Центральному Закавказью и Дагестану, где ведущую роль играло овцеводство, можно предполагать, что оно, видимо, уже в этот период постепенно становится полукочевым. Другими словами, отгонная или так называемая яйлажная форма скотоводства, которая получает на Кавказе и, в частности, в Закавказье и Дагестане широкое развитие в последующие эпохи, начинает складываться в рассматриваемый период. В Юго-Восточном Закавказье, судя по остеологическим материалам Аликемектепеси, в скотоводческом хозяйстве важнейшее значение имело разведение крупного рогатого скота, что не исключено и для Мильской степи того времени. Отметим, что и в эпоху ранней бронзы в Закавказье в целом больше разводили овец и коз, и лишь в отдельных районах в составе стада преобладал крупный рогатый скот (*Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 383).

Наряду с земледелием и скотоводством, являвшимися ведущими отраслями экономики и определявшими характер культуры, особенности быта, общий уровень социального развития и идеологических представлений населения Закавказья и Дагестана в эпоху энеолита, немаловажную роль в хозяйстве играли различные производства, прежде всего изготовление производственного инвентаря и гончарство. Вероятно, можно говорить о существовании в этот период домашних ремесел, производственной специализации членов общины каждого поселения. Большое место занимало производство орудий, связанных с земледельческим процессом, с обработкой шкур животных и выделкой кож, а также орудий по обработке дерева, кости и рога (*Коробкова Г. Ф.*, *Эсакиа К. М.*, 1979, с. 60 и др.). Для изготовления многих орудий использовали обсидиан, кремень и другие породы камня. Как известно, наибольший процент изделий на закавказских поселениях составляют орудия из обсидиана, причем месторождения его довольно часто находятся далеко от поселений, иногда на расстоянии до 300 км. Отсутствие или крайняя малочисленность отбросов производства обсидиановых орудий на отдельных поселениях может служить доказательством, что туда доставлялись преимущественно готовые изделия. Несомненно, «обсидиановые пути» были хорошо налажены, а торговля обсидианом и изделиями из него носила регулярный характер и имела важное значение в жизни населения Закавказья изучаемого периода (*Аразова Р. Б.*, 1974, и др.). Вполне вероятно, что доставкой обсидиана с месторождений на поселения занимались специальные торговцы. Возможно также, что на отдельных поселениях орудия из обсидиана изготовлялись не только для своих производственных нужд, но и для обмена и сбыта их соседям и в более отдаленные поселки. Среди обсидиановых изделий, как отмечалось, преобладали ножевидные пластины, служившие лезвиями жатвенных орудий. Такие орудия, как зернотерки, ступки, песты, терочники, топоры, изготовляли на каждом поселении из твердых пород камня, представленного на Кавказе в значительном количестве и разнообразии повсеместно.

Гончарное дело также занимало важное место в жизни и хозяйстве раннеземледельческих общин. Изготовлением глиняной посуды занимались на каждом поселении. Открытие гончарных печей на

некоторых из них убедительно документирует важнейшее звено керамического производства — обжиг сосудов. В Шомутепе, в частности, выявлены остатки печей простой конструкции в виде корытообразных углублений в грунте с сильно прокаленными стенками. Сравнительно сложнее по конструкции гончарные печи на поселении Аликемектепеси. Здесь на разных уровнях открыты остатки около десяти обжигательных печей. Все они двухъярусные, вытянуто-овальной в плане формы. Нижняя камера служила топкой, а в верхней производился обжиг сосудов. Камеры были разделены массивной глиняной рамой с продухами, через которые горячий воздух поступал из топки в обжигательную камеру. Двухъярусные печи зафиксированы на хассунских и халафских поселениях Месопотамии, но там они округлой в плане формы, а в ряде случаев, судя по остаткам горнов на поселении V тысячелетия до н. э. Ярымтепе II, и более сложной конструкции.

Следует отметить, что в результате связей с сопредельными областями в Южное Закавказье, видимо, спорадически попадало довольно ограниченное количество расписной керамики, а из Закавказья (или через Закавказье) редкие образцы ее попали даже на Северо-Восточный Кавказ — в Горный Дагестан. В подражание им на месте делались попытки расписывать отдельные образцы собственной гончарной продукции. Особенно активно это практиковалось, как мы знаем, на поселении Аликемектепеси. Однако традиция расписывать сосуды в Закавказье так и не сложилась, и поэтому чуждая местной культуре расписная керамика не получила здесь сколько-нибудь широкого распространения.

Рассматриваемая эпоха — это время, когда на Кавказе начинает развиваться металлообработка. Находок металла здесь пока довольно мало. Собственно, в шулавери-шомутепинской группе поселений металлических изделий не обнаружено, за одним исключением. Металл представлен в сравнительно поздних комплексах (Нахичеванский Кюльтепе I, Техутское поселение и др.) Южного Закавказья. Это набор весьма архаичных типов изделий — бус, шильев, ножей, изготовленных из металла, выплавленного из местных медно-мышьяковистых руд. Мы не имеем сейчас возможности восстановить даже в общих чертах весь металлургический процесс — от добычи руды и выплавки ее до изготовления готовых изделий. Мы не знаем, возникла ли металлообработка в Закавказье самостоятельно или в результате влияний с юга. Нет доказательств и тому, что обнаруженные, например, в Нахичеванском Кюльтепе I и Техуте медные предметы изготовлены именно здесь, а не доставлены из других мест. Независимо от этого имеющиеся данные свидетельствуют о начале постепенного внедрения металла в быт местного населения, хотя он и не играл еще какой-либо заметной роли в хозяйстве изучаемой эпохи.

У нас мало данных и о развитии текстильного производства племен Кавказа в эпоху энеолита. На центральнозакавказских поселениях не известны такие частые на раннеземледельческих памятниках других областей находки, как пряслица. В памятниках Южного Закавказья они найдены, но в небольшом количестве. То, что ткачество здесь развивалось и являлось одной из отраслей домашнего ремесла, бесспорно. Так, мы знаем, что при изготовлении некоторых сосудов использовалась текстильная основа. В Имирисгора, Шомутепе, Тойретепе и на других поселениях днища отдельных сосудов имеют четкие отпечатки плетенки спиралевидной формы. Не исключено, что это отпечатки грубоплетеных нитей. Вероятно, ткани изготовляли из шерсти и растительного волокна.

Характеристику социального развития энеолитических племен Кавказа приходится давать весьма в общей форме, так как у нас нет надежных данных, позволяющих изучить эту проблему более детально. Полностью не только не раскопано ни одно из раннеземледельческих поселений Закавказья, но даже не вскрыт целиком хотя бы один строительный горизонт какого-либо из этих поселений. На Южном Кавказе и в Дагестане до сих пор совершенно не исследованы могильники, не считая погребений, вскрытых на площади нескольких поселений.

Почти все известные раннеземледельческие памятники Закавказья и Дагестана представляют собой небольшие поселки площадью, как правило, 1—2 га. Они часто расположены группами, включающими несколько (четыре-пять) холмов-поселений, одно из которых было, возможно, основным. Так, в арухлинской группе основным поселением, вокруг которого группировались остальные, считается Арухло I — наиболее крупное в группе (*Джавахишвили А. И.*, 1973, с. 81). Не исключено, что от него «отпочковались» другие поселения. Такие группы поселений составляли, видимо, небольшое родо-племенное объединение. Почти на всех раннеземледельческих поселениях Закавказья мы наблюдаем по существу единый тип жилого сооружения — однокомнатный, круглый в плане дом обычно небольших размеров. В нем проживала одна маленькая семья, составлявшая основу социальной структуры каждого поселка и всего общества энеолитической эпохи Закавказья и, возможно, Кавказа в целом. Трудно определить точно общее число семей, обитавших на каждом поселении. Учитывая плотную застройку большинства из них, можно предполагать, что на поселениях было в среднем не менее 30—40 домов. Возможно, в каждом доме проживало до четырех человек. Таким образом, весьма ориентировочно общее население поселка достигало 120—150 человек.

Судя по хозяйственно-бытовым комплексам, в общинах ранних земледельцев Закавказья не было социальной дифференциации. На поселениях не отмечены какие-либо жилые сооружения, которые резко отличались бы от остальных и могли принадлежать богатым семьям. Специфика построек 8 и 9—10 в Имирисгора, возможно, вызвана особым их назначением как производственных или культовых сооружений.

К сожалению, крайне ограниченны данные и для характеристики идеологических представлений энеолитических племен Кавказа. Применительно к Закавказью и Дагестану, где исследовано наибольшее число памятников, мы имеем, не считая Аликемектепеси и Нахичеванского Кюльтепе I, несколько единичных погребений на площади поселений, весьма небольшую коллекцию антропоморфных фигурок и

разрозненные факты, проливающие свет на религиозные воззрения земледельцев и скотоводов края. Помимо Аликемектепеси и Нахичеванского Кюльтепе I, погребения открыты в Бабадервише и Гинчи. В большинстве случаев они безынвентарны, совершены под полами домов и между постройками, принадлежали детям. Как известно, обычай погребения сородичей на площади поселения был широко распространен во всем ареале раннеземледельческих племен. Неудивительно, что этот обычай практиковался в рассматриваемую эпоху и на Кавказе, особенно в Закавказье. Он был связан с культом предков и всей системой идеологических представлений ранних земледельцев Старого Света. Данный обычай, как полагают, отражает культ, связанный с идеей обратимости, возрождения, в конечном счете вполне созвучный идее плодородия, увеличения семьи, рода, его благополучия (*Бибиков С. Н.*, 1953, с. 197—198). Тот же культ характеризуют антропоморфные, в частности женские, глиняные статуэтки. В кавказских комплексах они довольно редки. На раннеземледельческих памятниках других областей, в том числе в Средней Азии и трипольских комплексах, они представлены значительными сериями.

Напомним, что на поселениях Центрального Закавказья, внутри построек и вне их, зафиксированы глиняные сосуды, в которых, как считается, поддерживался постоянный огонь. Следовательно, можно говорить о распространении культа огня среди племен отдельных областей Кавказа в эпоху энеолита. В этой же связи отметим «ритуальные» очаги, открытые в Храмис Дидигора. В них находились различные жертвенные приношения — бараньи кости, орудия, округло-овальные «лепешки» из сырой глины, глиняные антропоморфные фигурки (*Глонги Л. И.*, *Джавахишвили А. И.*, *Кигурадзе Т. Б.*, 1975). Вероятно, вокруг таких очагов происходили разнообразные культовые церемонии.

Несомненно, мир идеологических представлений раннеземледельческих племен Кавказа был сложен и разнообразен. Результаты дальнейших исследований, надо надеяться, позволят глубже проникнуть в него и изучить должным образом.

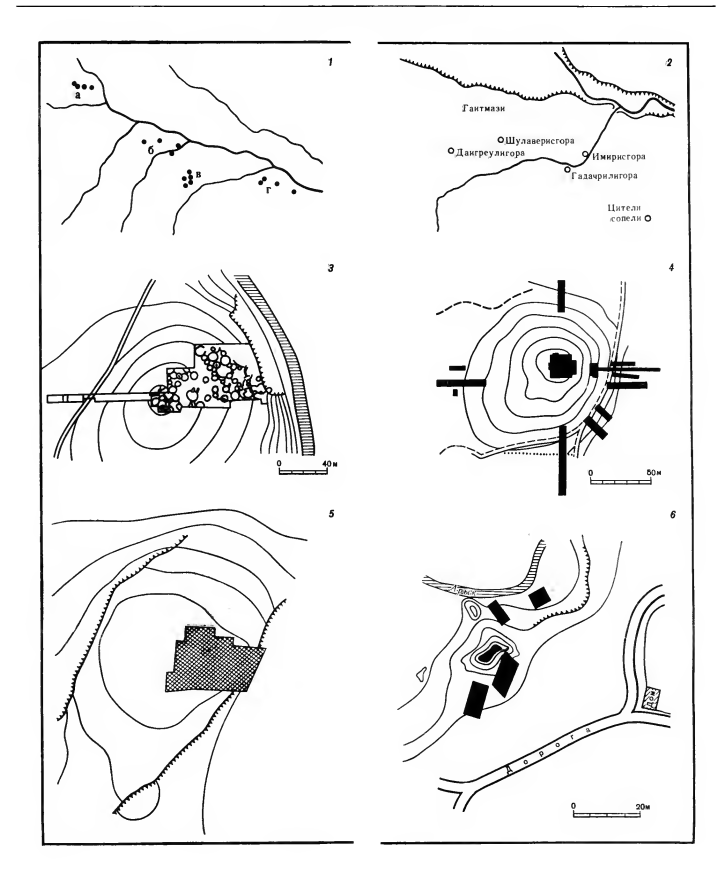

Таблица XXVI. Группы раннеземледельческих поселений и их планы

1 — расположение раннеземледельческих поселений в Квемо-Картлийской долине по А. И. Джавахишвили (*а* — группа Арухло; *б* — шулаверская группа; *в* — группа Цители сопели; *г* — группа Качагани); *2* — расположение поселений в шулаверской группе; *3* — план Имирисгора; *4* — план Арухло I; *5* — план Шулаверисгора; *6* — план Нахичеванского Кюльтепе I

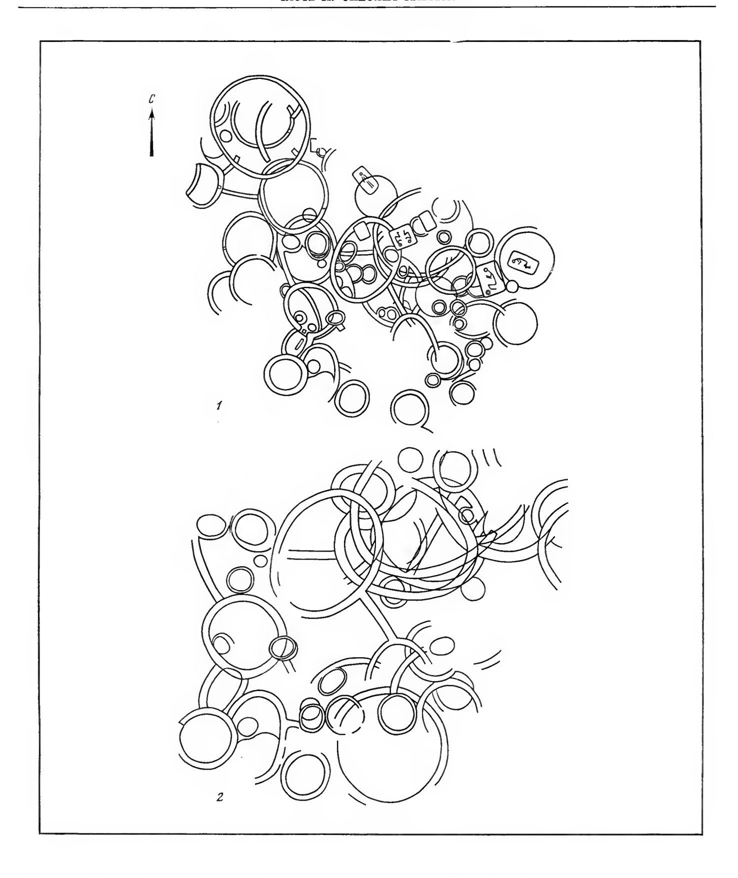

Таблица XXVII. Планы раскопов на Шулаверисгора (по А. И. Джавахишвили)

1 — общий план раскопа; *2* — план юго-восточной части раскопа (нижние горизонты)

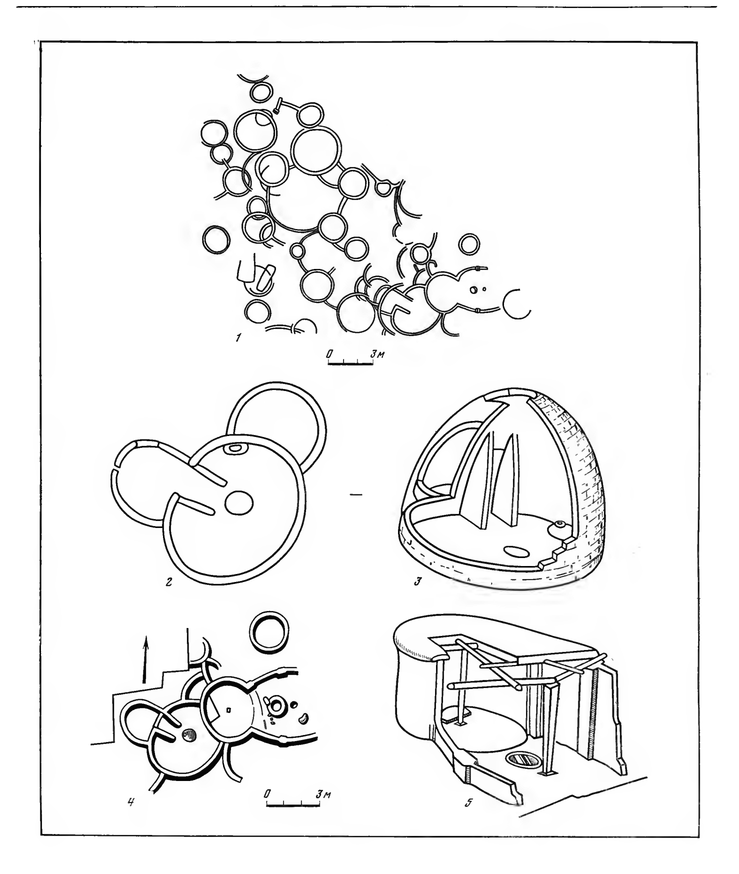

Таблица XXVIII. Имирисгора. Планы восточной части раскопа (*1*) и построек 8 (*2*) и 9—10 (*4*). Схемы реконструкций построек 8 (*3*) и 9—10 (*5*) по А. И. Джавахишвили

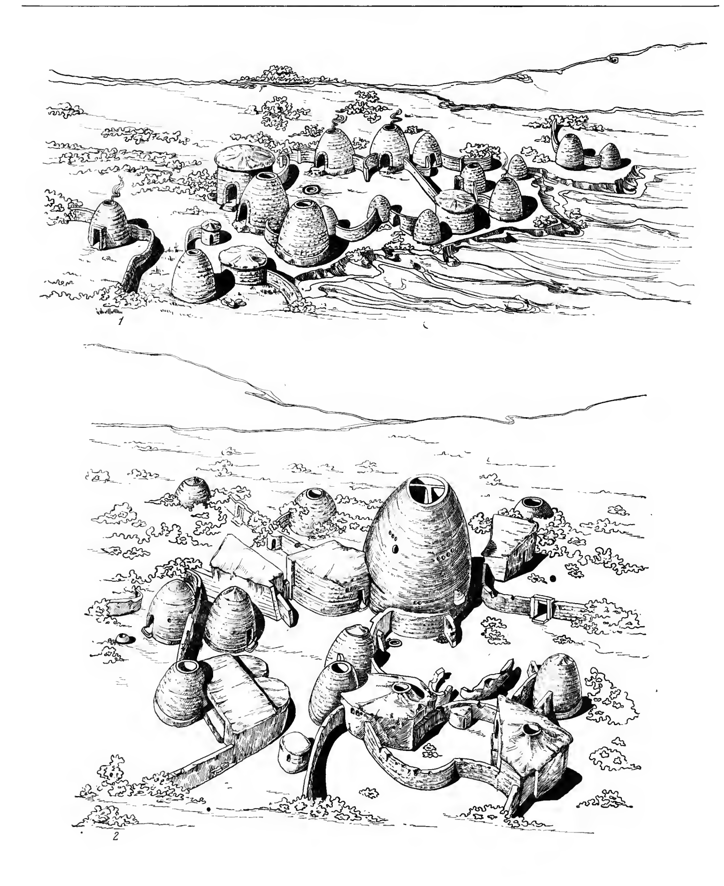

Таблица XXIX. Реконструкция раскопанных участков поселений Шомутепе (*1*) и Иланлытепе (*2*) по Д. Н. Ахундову

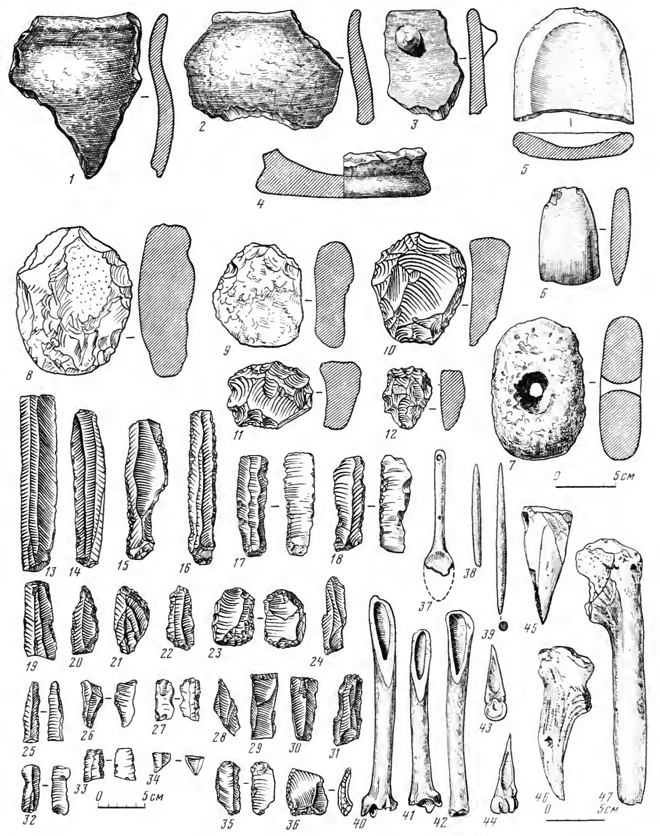

Таблица XXX. Шулаверисгора. Горизонты IX—IV. Инвентарь квемо-шулаверских поселений I ступени

1—4 — керамика; *5—7* — каменные изделия; *8—36* — кремневые и обсидиановые изделия; *37—47* — костяные и роговые предметы

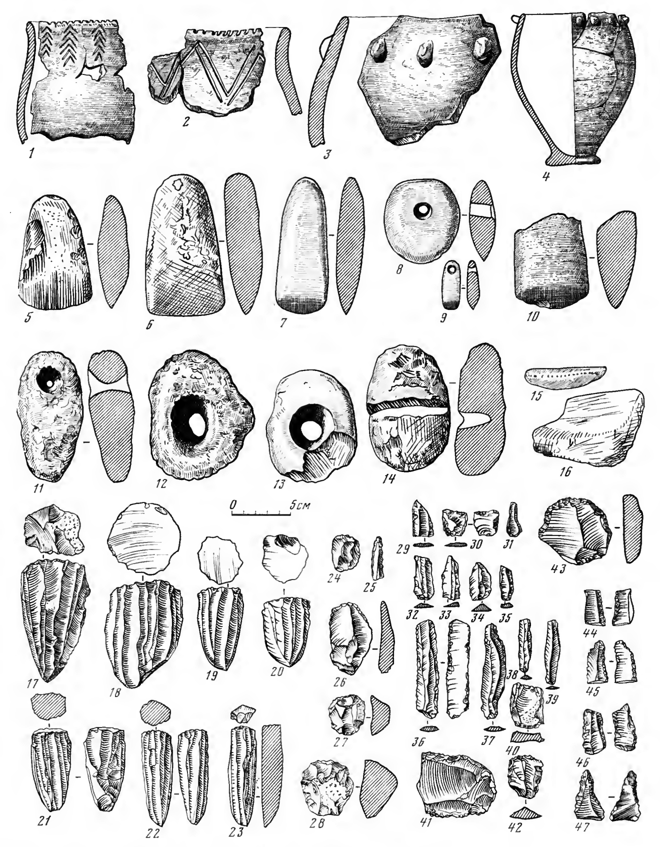

Таблица XXXI. Инвентарь квемо-шулаверских поселений II ступени

1, 4, 7—9, 17, 31—45 — горизонты III—I Шулаверисгора; *2, 10, 45—47* — Гадачрилигора; *3, 5, 6, 11—16, 18—30* — горизонты VII—VI Имирисгора

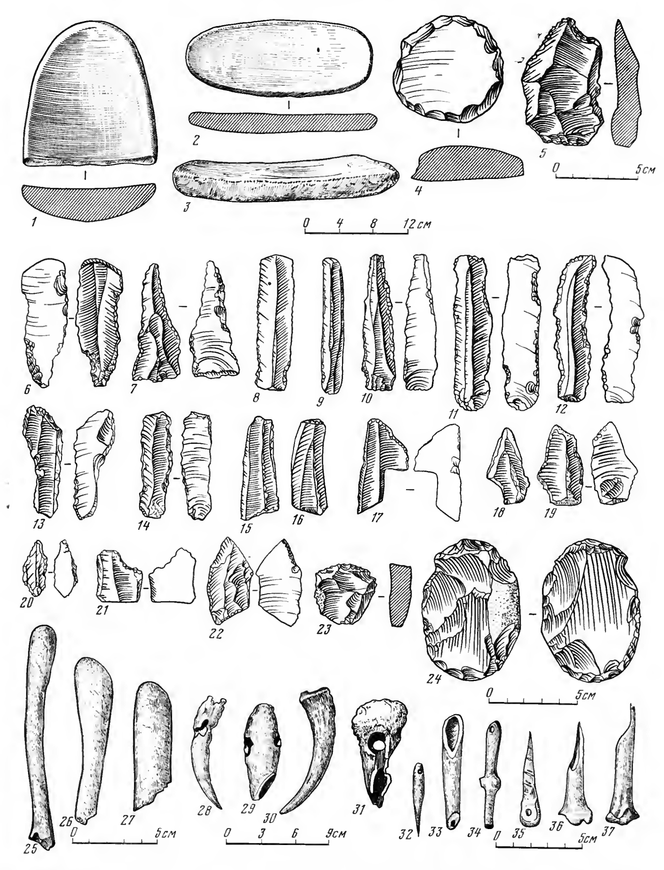

Таблица XXXII. Имирисгора. Горизонт V. Инвентарь квемо-шулаверских поселений III ступени

1—3 — каменные изделия; *4—24* — изделия из кремня и обсидиана; *25—37* — изделия из кости и рога

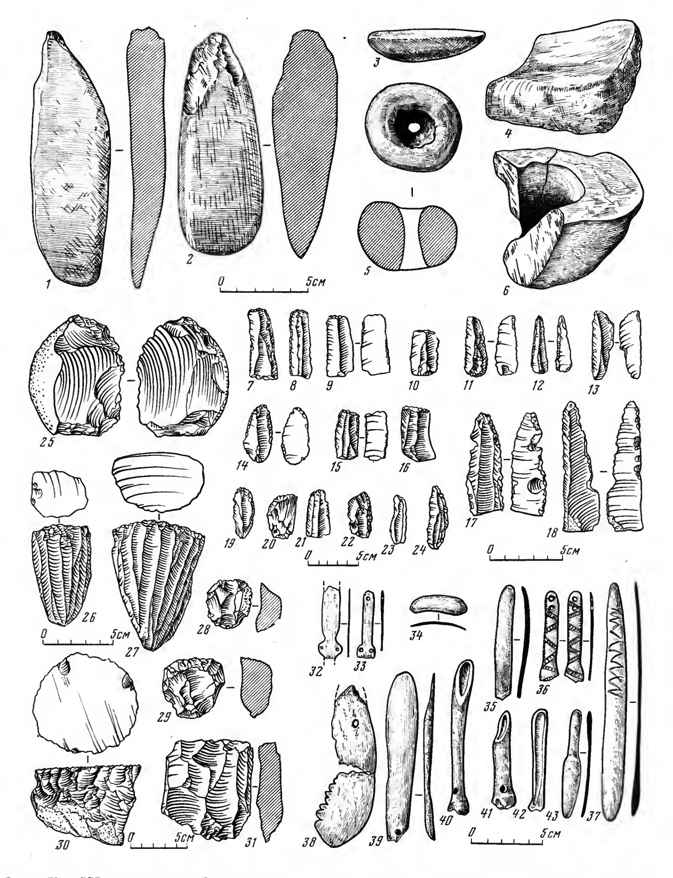

Таблица XXXIII. Имирисгора. Горизонты IV—I. Инвентарь квемо-шулаверских поселений IV ступени

1—6 — каменные орудия; *7—31* — кремневые и обсидиановые изделия; *32—43* — костяные изделия

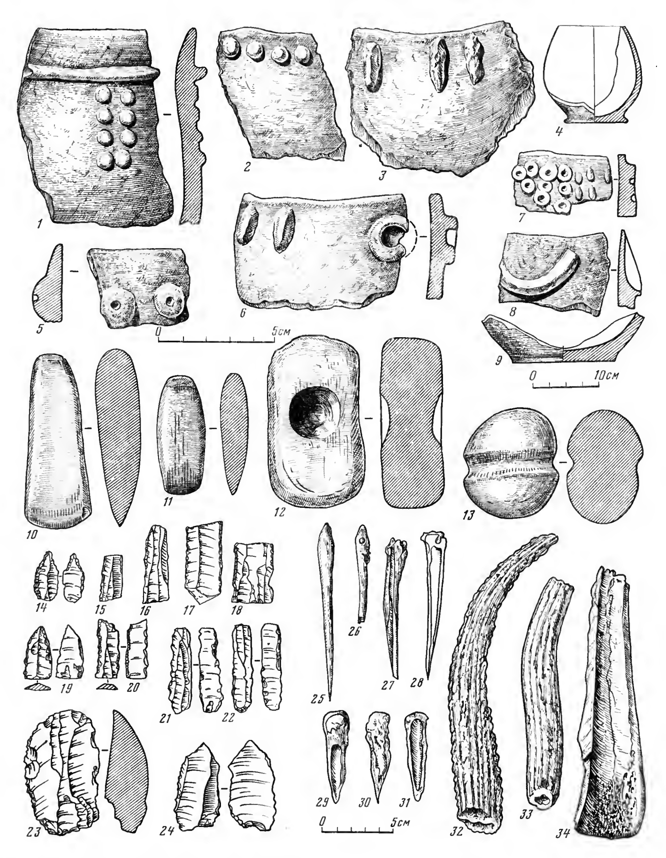

Таблица XXXIV. Инвентарь поселения Арухло I

1—9 — керамика; *10—13* — каменные изделия; *14—24* — обсидиановые изделия; *25—31* — костяные изделия; *32—34* — изделия из рога

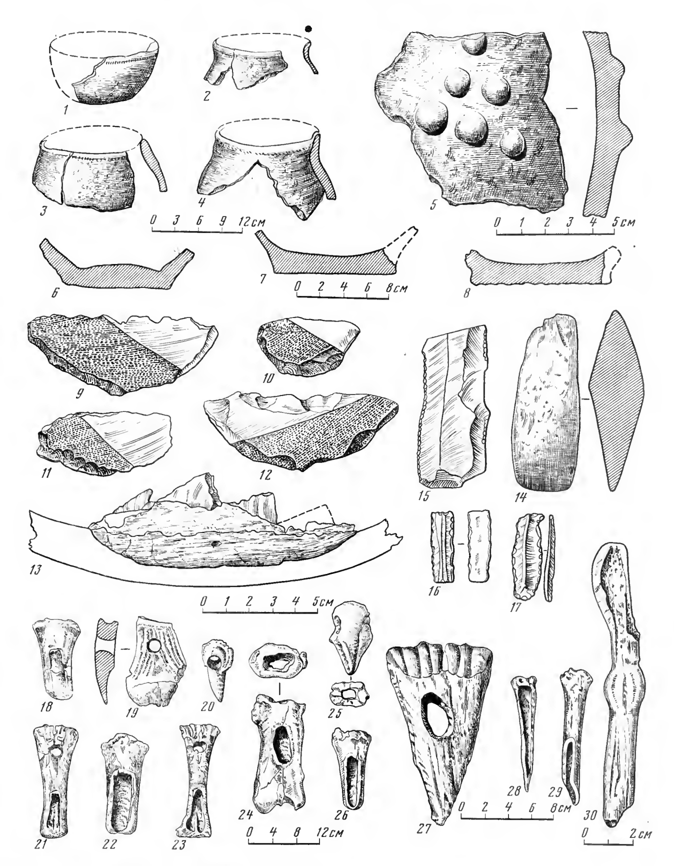

Таблица XXXV. Инвентарь поселения Шомутепе

1—8 — керамика; *9—12* — вкладыши серпов; *13* — остатки серпа; *14* — каменный топор; *15—17* — обсидиановые изделия; *18—30* — костяные и роговые изделия

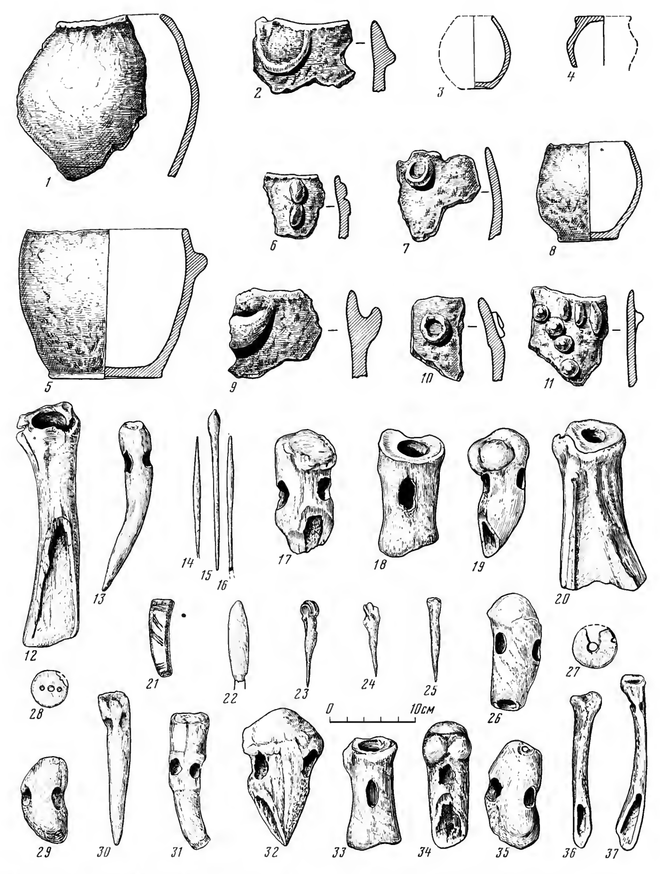

Таблица XXXVI. Храмис Дидигора. Горизонты V—VII. Инвентарь квемо-шулаверских поселений V ступени

1—11 — керамика; *12—37* — изделия из кости и рога

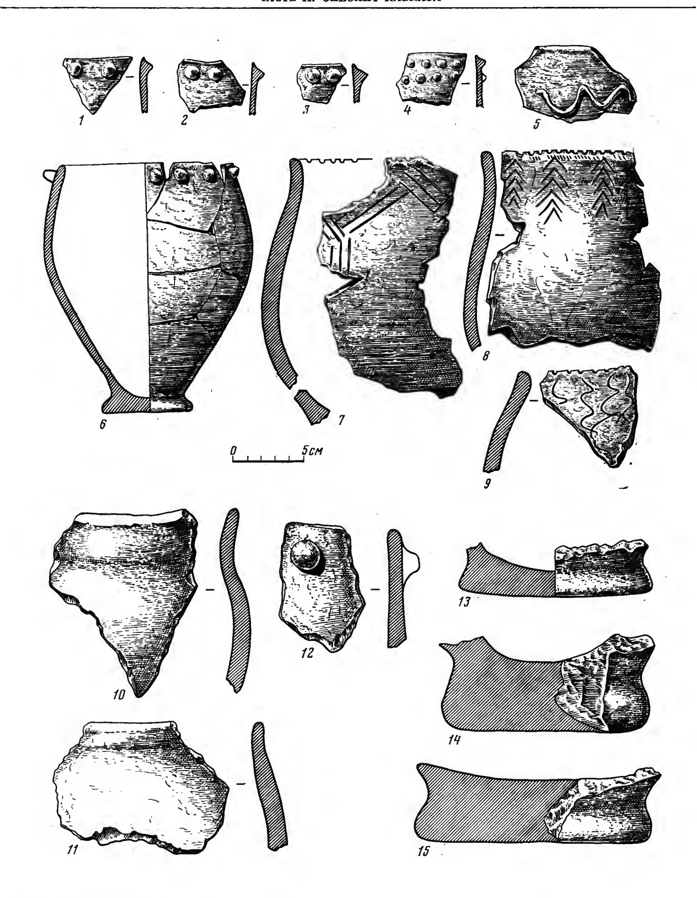

Таблица XXXVII. Керамика поселения Шулаверисгора

1—5 — подъемный материал; *6—9* — горизонт II; *10—11* — горизонт VIII; *12—13* — горизонт VI; *14—15* — горизонт IX

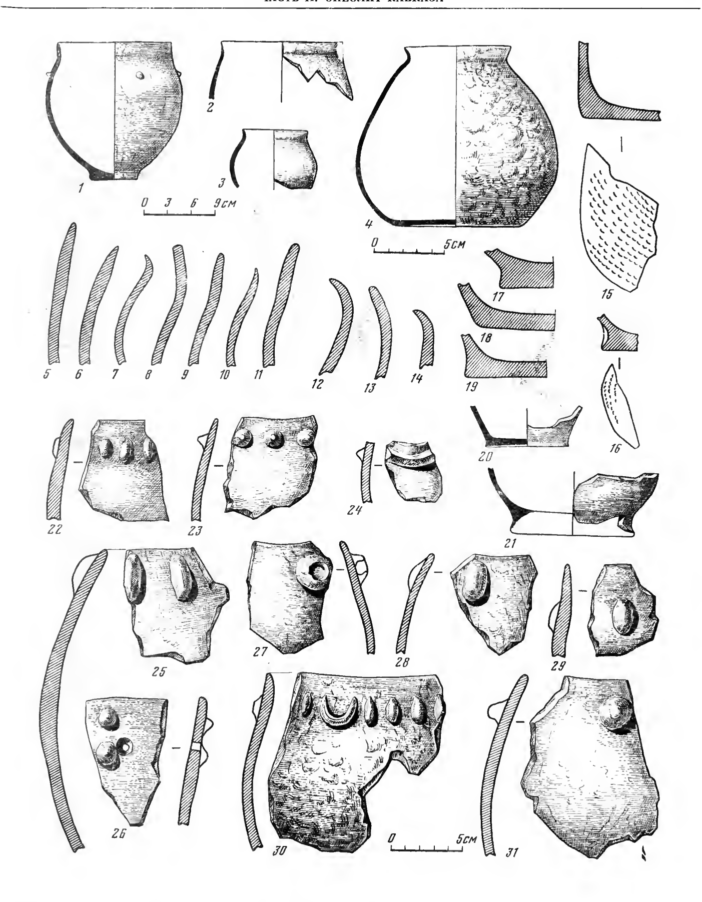

Таблица XXXVIII. Керамика горизонта V Имирисгора (*1—31*)

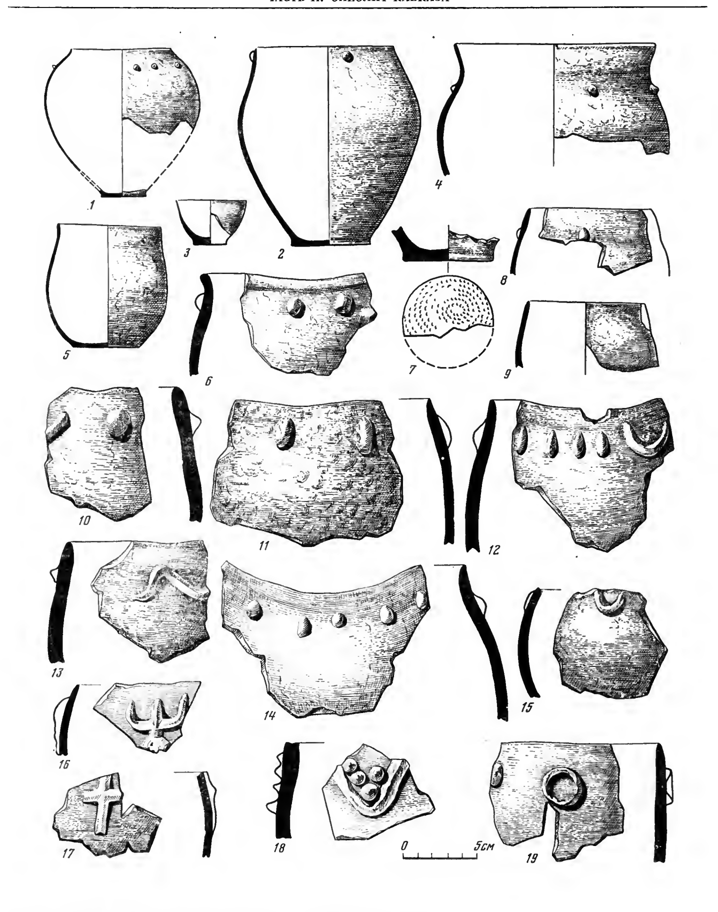

Таблица XXXIX. Керамика горизонтов IV—I Имирисгора (*1—19*)

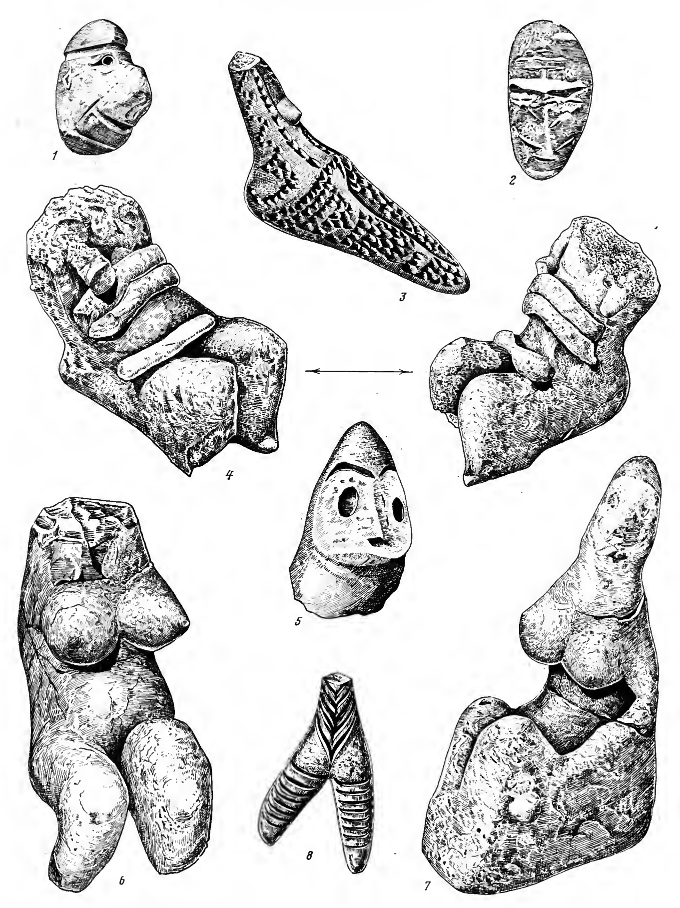

Таблица XL. Антропоморфные фигурки

1, 2 — Арухло I; *3* — Гаргалартепеси; *4—7* — Храмис Дидигора; *8* — Шулаверисгора

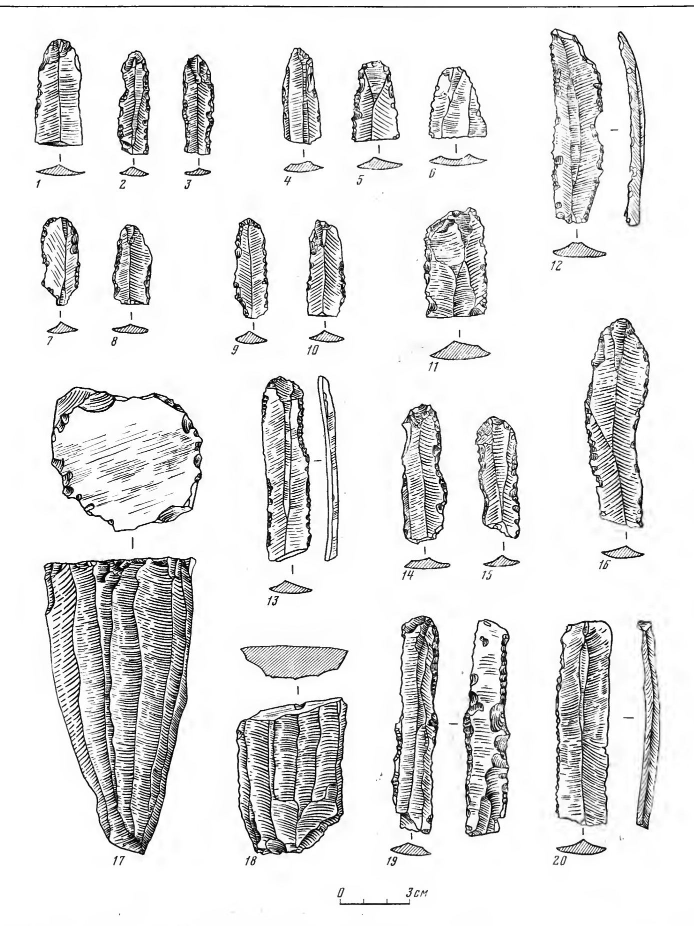

Таблица XLI. Нахичеванский Кюльтепе I. Орудия из обсидиана (*1—20*)

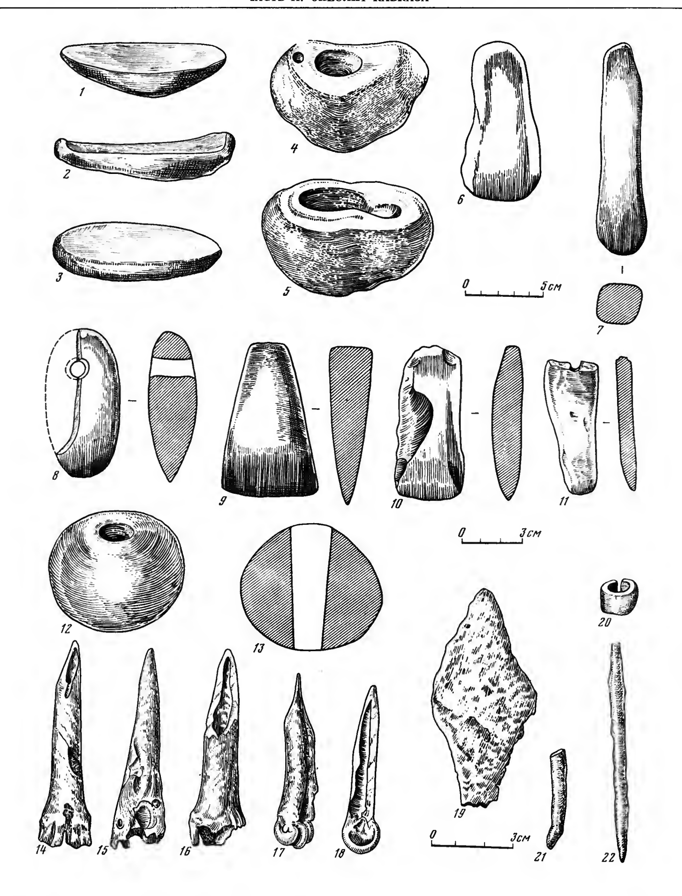

Таблица XLII. Нахичеванский Кюльтепе I. Изделия из камня *(1—13)*, кости (*14—18*) и металла (*19—22*)

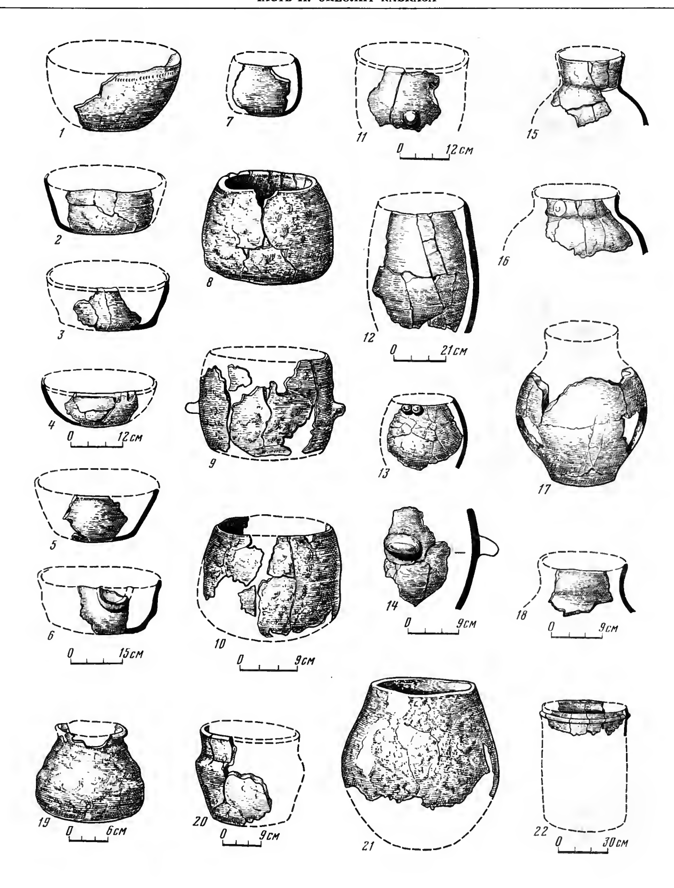

Таблица XLIII. Нахичеванский Кюльтепе I. Керамика (*1—22*)

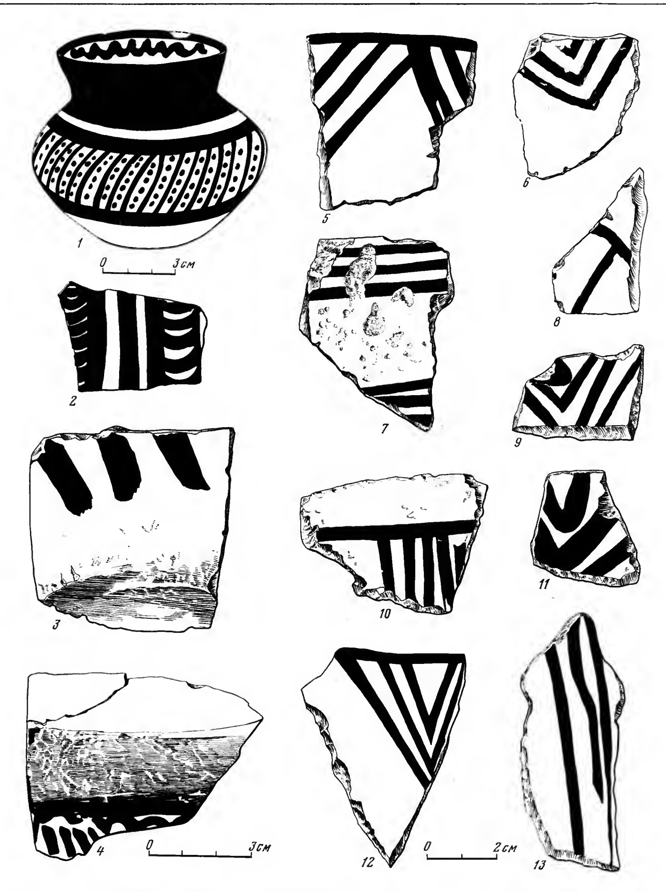

Таблица XLIV. Расписная керамика Нахичеванского Кюльтепе I (*1—4*) и поселений Мильской степи (*5—13*)

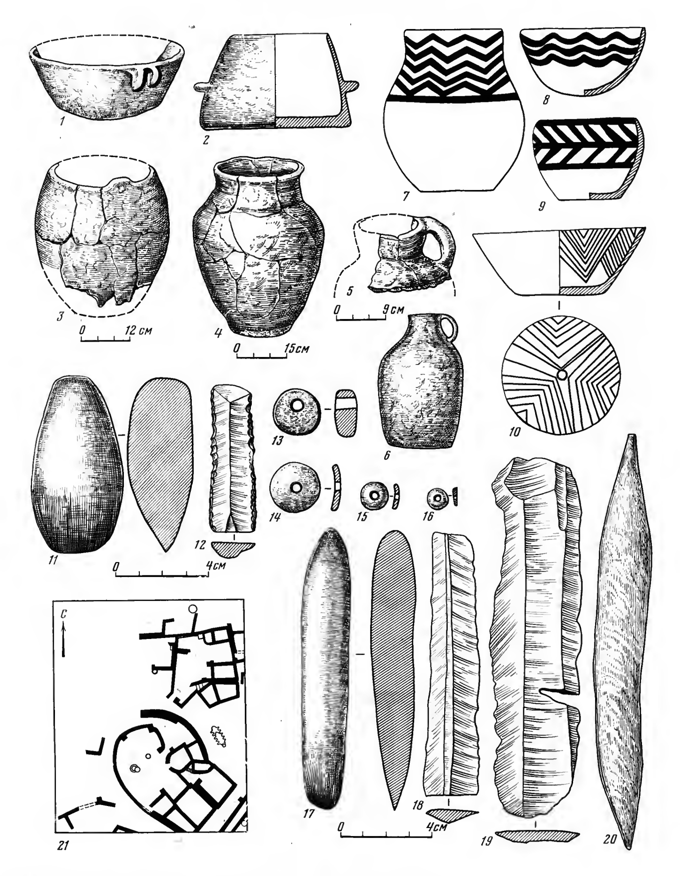

Таблица XLV. Аликемектепеси. Инвентарь поселения и план раскопа

1—10 — керамика; *11* — каменный топор; *12* — кремневый вкладыш серпа; *13* — каменная бусина; *14—16* — раковинные украшения; *17* — каменный нож; *18*, *19* — обсидиановые ножи; *20* — костяное орудие; *21* — план раскопа на уровне строительного горизонта 2

Таблица XLVI. Аликемектепеси. Расписная керамика (*1—14*)

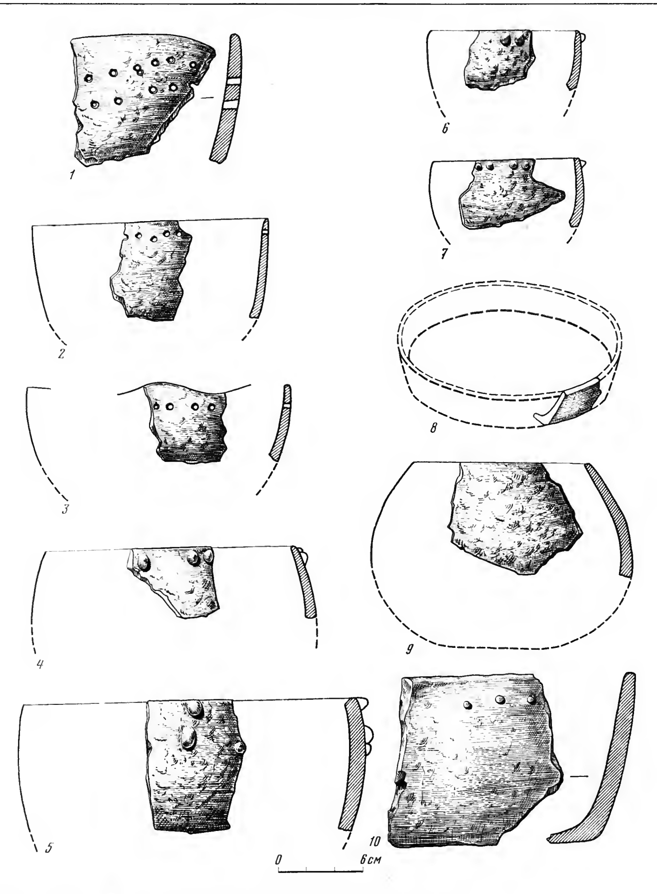

Таблица XLVII. Керамика энеолитических памятников Армении (*1—10*)

1, 3, 8, 10 — Маштоцблур; *2* — Тертеридзор; *4, 5, 9* — Кзяхблур (Адаблур); *6, 7* — Шенгавит I

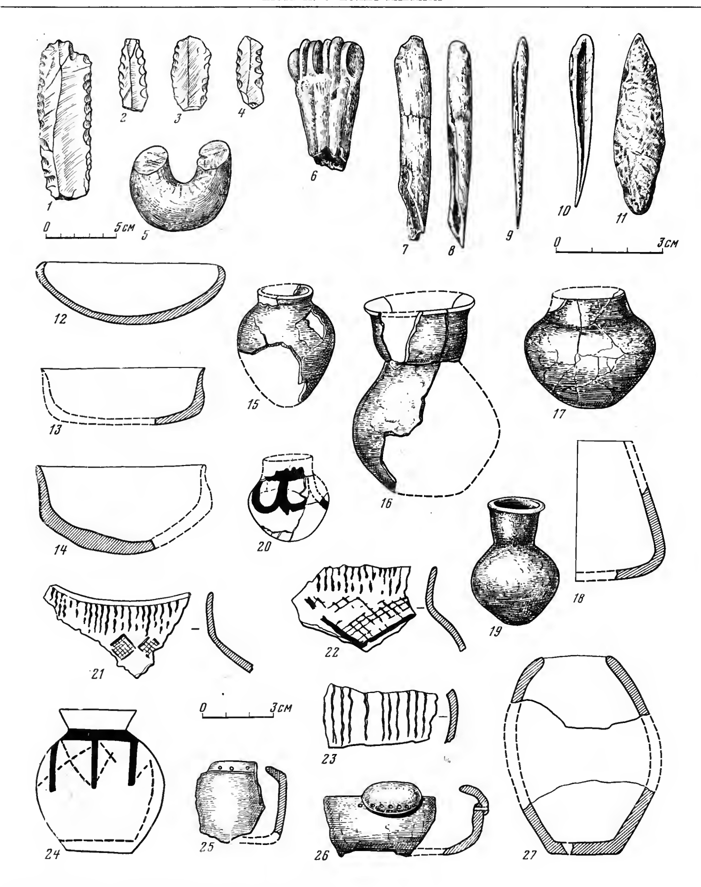

Таблица XLVIII. Инвентарь Техутского поселения

1—4 — кремневые и обсидиановые изделия; *5* — обломок каменного грузила; *6—10* — изделия из кости; *11* — металлический нож; *12—27* — керамика

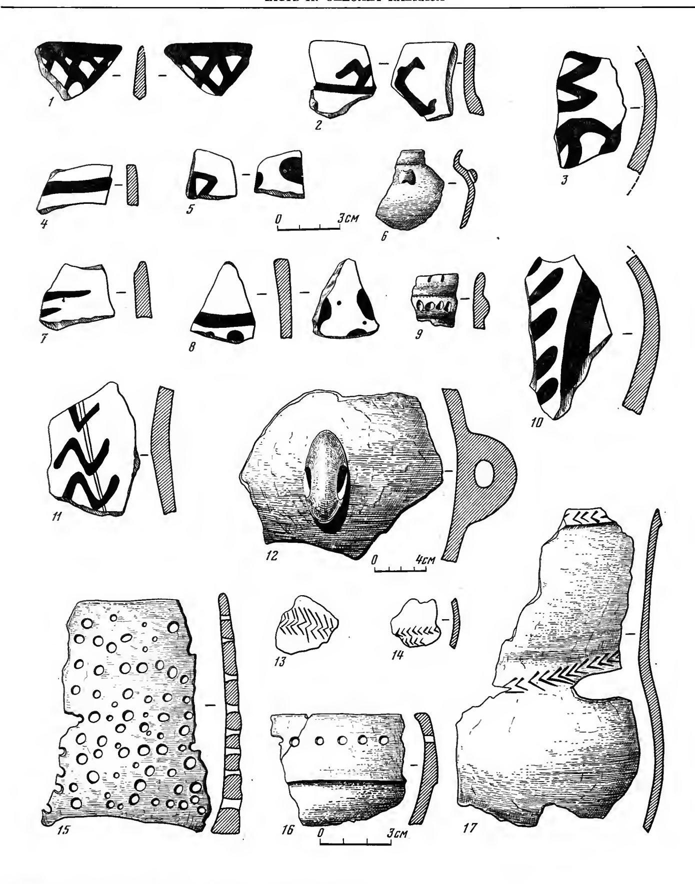

Таблица XLIX. Керамика Гинчинского поселения (*1—17*)

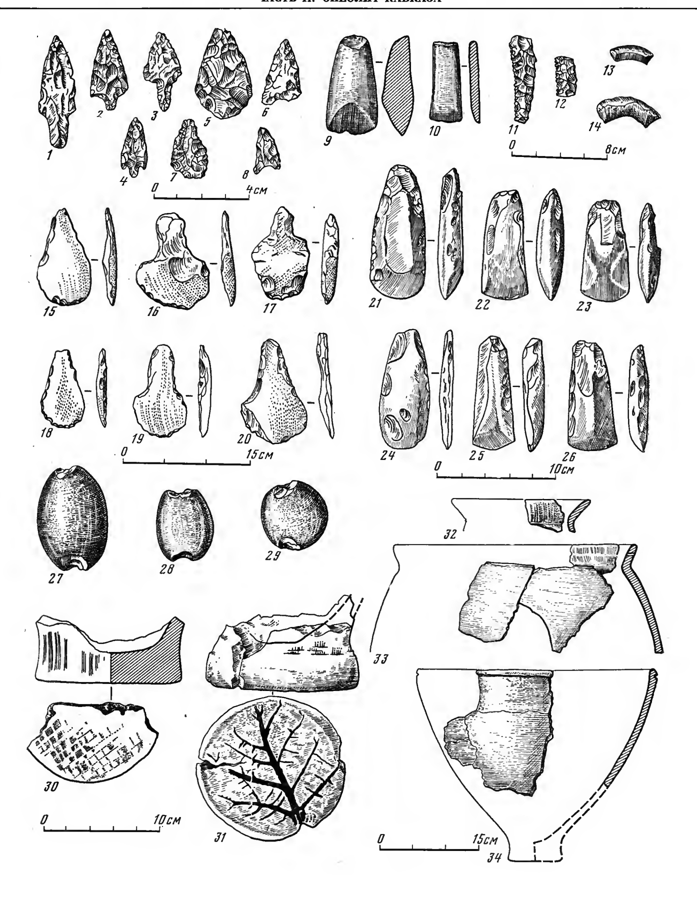
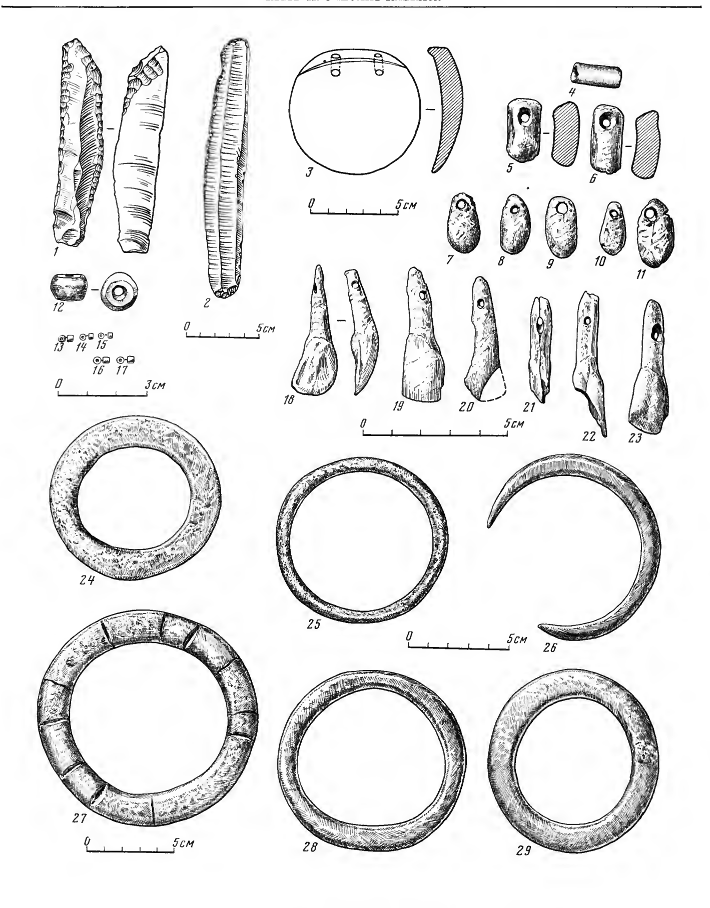

Таблица L. Инвентарь поселения Тетрамица (*1—14*) и памятников Кавказского Причерноморья (*15—34*)

аблица LI—I. Инвентарь Нальчикского могильника (*1,4—29*) **и кургана в г. Грозном** (*2,3*)

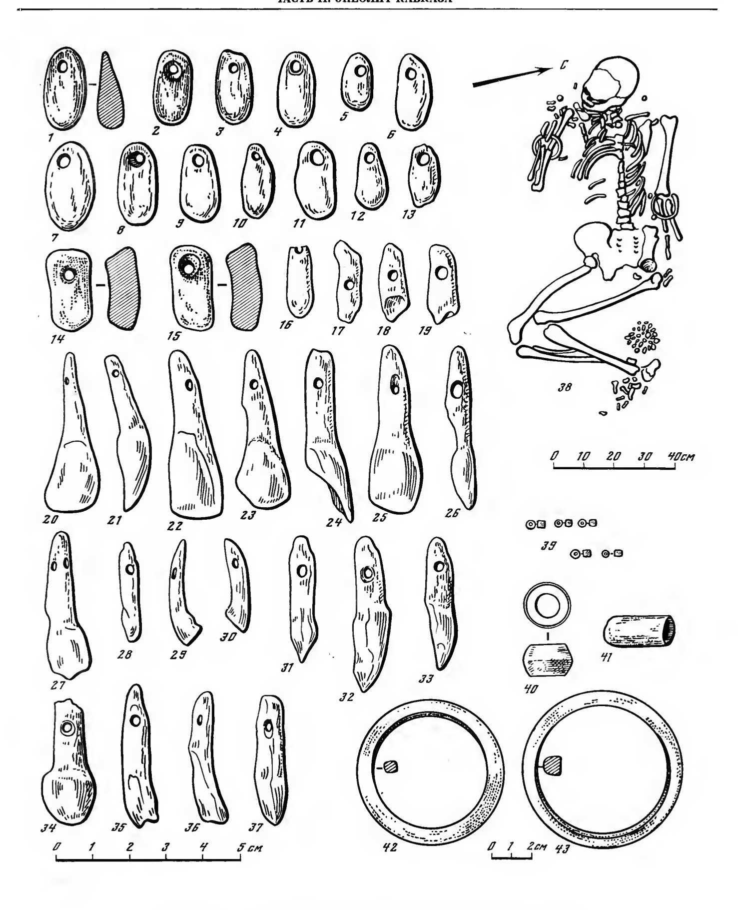

Таблица LI—II. Погребение 86 Нальчикского могильника (1—43)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Энеолит Правобережной Украины и Молдавии

Глава первая
Природная среда, история изучения, периодизация и хронология памятников

Энеолитические памятники Юго-Запада СССР, сосредоточенные на территории Молдавии и Правобережной Украины, принадлежат, как и энеолитические памятники Средней Азии и Кавказа, земледельческо-скотоводческим обществам, прошедшим долгий и сложный путь развития. Многие из них связаны с памятниками Румынии и Болгарии, образуя крайний северо-восточный форпост высокоразвитых земледельческо-скотоводческих культур Балкано-Дунайского региона. Из их числа наиболее известны памятники трипольской культуры, менее известны памятники культур Болград, Зимно-Злота, Гоща-Вербковица, воронковидных сосудов, шаровидных амфор, ареал которых лишь незначительно затрагивает территорию СССР.

На протяжении IV тысячелетия до н. э. энеолитические земледельческо-скотоводческие племена заселяли в основном Молдавскую, Волыно-Подольскую и Приднепровскую возвышенности, а в III тысячелетии до н. э. — еще и Причерноморскую низменность. Развитию производящих форм хозяйства способствовали широко распространенные там лессовые почвы и мягкий климат среднего голоцена, когда средние годовые температуры достигали максимальных значений (*Долуханов П. М., Пашкевич Г. А.*, 1977). Плодородная лессовая почва была (благодаря большому содержанию солей) доступна обработке примитивными орудиями ранних земледельцев. Именно этим и объясняется распространение земледельческого населения в район лессовых почв (*Кларк Дж. Г. Д.*, 1953, с. 98). Вместе с тем есть бесспорные данные и о поселениях, основанных на суглинистых почвах. В каждом случае выбор места поселения был обусловлен наличием пригодного для застройки уплощенного участка рельефа поблизости от реки или ручья в сочетании с удобными для обработки участками плодородной почвы (*Иванова И. К.*, 1961). Тяжелые глинистые почвы, связанные с лиственными лесами, также не являлись препятствием для распространения примитивного земледелия (*Кларк Дж. Г. Д.*, 1953, с. 30).

В рассматриваемое время растительные зоны были выражены резко. Лесостепь в ее современном виде не существовала, а если и была выражена, то очень слабо (*Бибикова В. И.*, 1963). По данным палеозоологов, на территории Правобережной Украины южная граница распространения лесных форм животных (лося, медведя, лесной куницы, белки, рыси, росомахи) и птиц (тетерева, глухаря), а значит, и лесов проходила примерно между 48 и 49° северной широты. В Поднестровье она опускалась несколько ниже 48° северной широты. Такие типично степные формы животных, как кулан, сайгак, корсак, байбак, а из птиц — дрофа и красная утка, обнаружены только на памятниках юга Украины и Молдавии. Граница, которую можно провести между лесным и степным фаунистическими комплексами, совпадает с границей почв лесной и степной зон Украины. К северу от этой границы вырисовывается сплошной массив леса. К югу от 48° северной широты не обнаружено ни одной находки остатков лесных животных среднеголоценового возраста — там была степь.

Распространение лесных и степных животных соответствует, таким образом, распределению лесной и степной растительности того времени. Анализ пыльцы растений показал, что в среднем голоцене Полесье было занято смешанными лесами. В значительной степени леса покрывали и площадь современной лесостепи. Далее к югу вся территория представляла собой степь с типичной для нее растительностью. Исследованием остеологического материала установлено, что дикие животные обитали в лиственных высокоствольных лесах с множеством полян — излюбленных мест оленей, косуль и других копытных животных (*Бибикова В. И.*, 1953, с. 457). Этому заключению не противоречат и данные о видовом составе лесов (*Маркевич В. И.*, 1974а, с. 145; *Пассек Т. С.*, 1961а, с. 138). В холмисто-равнинной местности рассматриваемого региона произрастали дуб, ясень, граб, вяз, клен, тополь, берест, бук и сопутствующие им яблоня, груша, кизил, боярышник, лещина, клекачка, калина, гордовина. На свободных от леса участках росли дикие злаки: мятлик (Poa pratensis), овсяница луговая (Festuca pratensis Hag.), полевица белая (Agrostis alba), райграс (Lolium sp.), канареечник (Dygraphis giganteum L.), костер безостый (Bromus inermis L.), пырей (Agropyrum repens), бескильница (Puccinella distans), эгилопс (Aegylops cilindrica L.), сетария (Setaria) и сорняки, сопутствующие культурным злакам (*Янушевич З. В., Маркевич В. И.*, 1970; *Янушевич З. В.*, 1976; *Маркевич В. И.*, 1974а, с. 145, 153). Все это свидетельствует о том, что природные условия благоприятствовали произрастанию и различных видов культурных растений.

Неудивительно, что земледельческо-скотоводческие племена быстро освоили эту лесистую зону, позволявшую успешно выращивать хлебные злаки, умножать стада домашнего скота, удачно охотиться на крупных копытных животных и увеличивать запасы пищи за счет лесных плодов, ягод, грибов, орехов. Между Днепром и Прутом известны сейчас сотни поселений трипольской культуры. Аналогичные им поселения, расположенные между Прутом и Восточными Карпатами, относятся к культуре Кукутени. Названные культуры составляют единую культурную общность, обозначаемую в последнее время термином Триполье-Кукутени.

Как определенный археологический комплекс па-

мятники трипольского типа впервые были осмыслены В. В. Хвойко, с 1893 г. предпринявшим целенаправленное изучение трипольских поселений. Поселение у с. Триполье близ Киева и дало название всей культуре. Свои наблюдения В. В. Хвойко обобщил в докладе на XI Археологическом съезде в Киеве в 1899 г. (*Хвойко В. В.*, 1901). Как наиболее яркую черту выявленной культуры исследователь отметил расписную или, как тогда было принято говорить, крашеную керамику. После упомянутого съезда некоторые видные археологи занялись раскопками трипольских поселений. В их числе А. А. Спицын, Н. Ф. Беляшевский, Д. И. Щербаковский, С. С. Гамченко, Э. Р. Штерн. Это был начальный период в исследовании трипольских поселений, когда создавалась методика их изучения, накапливался вещевой материал, впервые интерпретировались различные стороны трипольской культуры.

Изучение памятников трипольско-кукутенской культурной общности проходило сложным путем. Сначала это в какой-то мере зависело от расположения их на территории нескольких смежных государств — России, Румынии и Австро-Венгрии. На территории современных Ивано-Франковской и Тернопольской областей УССР первые трипольско-кукутенские памятники были открыты в 70-х годах прошлого века. Их поиски и раскопки активно вели польские ученые А. Киркор, И. Коперницкий, В. Пшыбыславский (*Kirkor A. H.*, 1878; *Kopernicki J.*, 1878). В 90-е годы XIX в. значительные исследования произведены Г. Оссовским, а в первые десятилетия нашего века — К. Гадачеком и О. Кандыбой, обследовавшими в основном территорию Верхнего Поднестровья.

Наибольшее значение имели раскопки пещеры Вертеба и поселений у с. Бильче Золотое, в процессе которых удалось установить три фазы развития культуры: залещицкую, бильчанскую и кошиловецкую. Особенности каждой фазы нашли отражение в первую очередь в стиле росписи посуды и пластике. На керамике залещицкого типа орнамент выполнялся черной или красной краской по белому фону, на керамике бильчанского типа — черной краской по оранжевому фону, на кошиловецкой — черной и белой красками по красному фону или черной и красной красками по белому фону. В парке с. Бильче Золотое более древний слой с залещицкой керамикой перекрывался стерильной прослойкой, отделявшей его от верхнего слоя с бильчанской керамикой (*Ossowski G.*, 1893), а в пещере Вертеба над слоем с бильчанской керамикой залегал слой с керамикой кошиловецкого типа (*Кандиба О.*, 1937). В чистом виде керамика кошиловецкого типа была получена при раскопках К. Гадачеком позднетрипольского поселения в урочище Обоз у с. Кошиловцы (*Hadaczek K.*, 1914).

В 1889 г. Г. Буцуряну у с. Кукутени близ г. Яссы было открыто поселение, впоследствии давшее наименование варианту культуры, распространенному на территории Румынии (*Buţureano Gr.*, 1891). Широкую известность это многослойное поселение получило после раскопок Г. Шмидта в 1909—1910 гг. (*Schmidt H.*, 1932), выявивших руины жилищ двух разновременных поселений, укрепленных глубокими рвами. Для более древнего характерна керамика с трехцветной росписью (стиль Кукутени А), для более позднего — керамика с черной росписью по оранжевому фону (стиль Кукутени В). Классификация керамики, разработанная Г. Шмидтом, легла в основу периодизации кукутенских поселений.

Из методических вопросов наибольшие разногласия долгое время вызывала интерпретация глиняных площадок. Первоначально большинство исследователей считало их погребальными сооружениями. Даже видный польский ученый Л. Козловский, достаточно верно интерпретировавший остатки глинобитных построек и создавший первую графическую реконструкцию трипольского дома, допускал вероятность сожжения глинобитных жилищ вместе со всем инвентарем и останками умершего хозяина (*Kozłowski L.*, 1930; 1939). Русские исследователи В. В. Хвойко и Э. Р. Штерн полагали, что жилищами были землянки, а глинобитные площадки представляли собой места трупосожжений и жертвоприношений (*Хвойко В. В.*, 1904; *Штерн Э. Р.*, 1906). И хотя В. А. Городцов и А. А. Спицын пытались доказать, что площадки являются остатками жилищ (*Городцов В. А.*, 1899; *Спицын А. А.*, 1904а), взгляд В. В. Хвойко на площадки как на дома мертвых нашел самое широкое распространение.

Одновременно разрабатывались и вопросы исторической интерпретации памятников трипольского типа. В этом отношении большое значение имел XIII Археологический съезд, состоявшийся в 1905 г. В докладе на этом съезде первооткрывателем культуры В. В. Хвойко была поставлена важнейшая проблема: сочетание в трипольской культуре местного пласта и культурных элементов, заимствованных от балканских земледельцев (*Хвойко В. В.*, 1906а). На том же съезде в докладе о связях и хронологии Триполья Э. Р. Штерн произвел сравнение керамики исследовавшегося им трипольского поселения у с. Петрены в Молдавии с неолитической керамикой Балкан и Фессалии. Так как там расписная керамика со спиральным орнаментом залегала ниже микенской, Э. Р. Штерн счел возможным петренскую расписную керамику отнести к домикенскому времени и датировать ее III тысячелетием до н. э. (*Штерн Э. Р.*, 1906, с. 47). На том же съезде впервые была произведена попытка классификации глиняных антропоморфных фигурок, характерных для трипольских комплексов (*Скрыленко А. А.*, 1905).

На 20—30-е годы нашего столетия приходится второй большой период в изучении поселений трипольско-кукутенской культурной общности. На первое место выдвигаются насущные задачи археологической систематики — выработка классификации и периодизации памятников культуры Триполье-Кукутени. Уже в середине 20-х годов, несмотря на большие трудности, члены созданного тогда Археологического комитета Украинской Академии наук (ВУАК УАН) с необычайной энергией и энтузиазмом принялись за осуществление мероприятий, направленных на консолидацию всех научных сил республики и охрану памятников старины (*Рудинський М. Я.* 1926; 1927а; 1927б). Разработанный Археологическим комитетом план работ на многие годы определил направление исследований в области трипольской культуры. В 1925 г. по решению комитета усилия экспедиций были сосредоточены в основном на изу-

чении памятников трипольской культуры. Раскопки велись одновременно на пяти поселениях, ранее исследовавшихся В. В. Хвойко, с целью проверки и дополнения данных, полученных им около четверти века назад. Во главе экспедиций стояли академик Н. Ф. Беляшевский, Н. Е. Макаренко и другие сотрудники АН УССР, а также С. С. Гамченко (Житомирский музей) и М. К. Якимович (Уманский музей). С 1926 г. памятники трипольской культуры стали исследоваться в совершенно новых, более южных районах. Особенно значительными оказались результаты экспедиций М. Я. Рудынского в Поднестровье и М. Ф. Болтенко в с. Усатово под Одессой (*Болтенко М. Ф.*, 1925; *Рудинський М. Я.*, 1927б; 1930). Раскопки, продолжавшиеся на памятниках Приднепровья, также дали хорошие результаты. Активно участвовали археологи и в обследовании зон затопления крупных гидростанций. Так, в 1930—1932 гг. в среднем течении Южного Буга было обследовано свыше 30 трипольских поселений (АДТБ, 1933).

Большое значение для изучения рассматриваемых памятников имели работы, организованные в 1934 г. Трипольской экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР и Института археологии АН УССР. Поставив своей главной задачей именно трипольские поселения, эта экспедиция в 30-е годы планомерно и целенаправленно вела работы, в ходе которых были изучены памятники Коломийщина I и II и Владимировка, ставшие впоследствии эталонными; получала определенное решение и проблема трипольских площадок. Успех работ в значительной степени зависел от того, что исследователи с самого начала отказались от старого способа раскопок траншеями, разработав более совершенную полевую методику. Т. С. Пассек, подводя итоги исследованиям памятников трипольской культуры в УССР за 20 лет, писала в 1938 г.: «Постепенное вскрытие большими площадями позволило выявить границы поселения, установить план расположения на нем по определенной системе, по кругу, отдельных глинобитных построек, выяснить их функциональное назначение как жилищ, установить размеры, конструктивные особенности постройки, охарактеризовать культурный слой на поселении и выяснить стратиграфию памятников» (*Пассек Т. С.*, 1938а). Таким образом, вопрос о площадках был бесповоротно решен — жилища. С этого времени, собственно, и началось подлинное изучение трипольских родовых поселков. По окончании раскопок в урочище Коломийщина I у с. Халепье под Киевом работы экспедиции были перенесены в соседнее урочище Коломийщина II, а затем и в Побужье, в с. Владимировка. Тщательная фиксация строительных остатков и различных предметов, содержавшихся в культурном слое поселений, а также находки глиняных моделей жилищ, вылепленных самими трипольцами, позволили, наконец, создать несколько реконструкций жилищ поселений Коломийщина I и Владимировка, а также макет поселения Коломийщина I, насчитывавшего 39 построек (*Пассек Т. С., Кричевский Е. Ю.*, 1946). Это был уже значительный шаг вперед в исследовании трипольской культуры.

Особое внимание исследователей привлекли тогда вопросы классификации объектов материальной культуры и периодизации трипольских памятников. Так, необходимо отметить значение вышедшей в свет в 1935 г. работы Т. С. Пассек, специально посвященной керамике (*Passek T.*, 1935). В разных музеях автором было учтено свыше 2 тыс. целых и около 20 тыс. фрагментов трипольских сосудов и в результате тщательного их анализа предложена классификация трипольской керамики, включающая 21 тип, выделенный на основе орнаментальных признаков. По устойчивому сочетанию типов было установлено пять последовательных этапов развития керамики. С учетом данных раскопок предвоенных лет Т. С. Пассек уже тогда была создана новая периодизация трипольских поселений (*Пассек Т. С.*, 1949а).

Для обозначения разных периодов трипольской культуры Т. С. Пассек, подобно многим исследователям того времени, использовала начальные буквы латинского и греческого алфавитов. Этап А был выделен для раннего периода трипольской культуры, этапы BI и BII — для среднего, этапы CI и CII — для позднего периода в северных районах, а этапы γI и γII — для позднего периода в южных районах ее распространения. Периодизация поселений трипольской культуры, разработанная Т. С. Пассек, получила широкое признание среди исследователей. Аналогии с рядом хорошо датированных предметов из Подунавья и Средиземноморья позволили Т. С. Пассек предложить и датировку выделенных этапов (*Пассек Т. С.*, 1949а):

Позднее Триполье	этап CII – γII	2000—1700	лет до н. э.
	CI – γI	2100—2000	» »
Среднее Триполье	этап BII	2300—2100	» »
	BI	2700—2300	» »
Раннее Триполье	этап А	3000—2700	» »

Проблемы периодизации и хронологии памятников Триполье-Кукутени разрабатывались также польскими и румынскими археологами. Выделению одной из самых ранних стадий культуры, называемой в Румынии Докукутени, способствовали предпринятые в 1936 г. Р. Вулпе и неоднократно возобновлявшиеся впоследствии раскопки многослойного поселения у с. Извоаре близ г. Пятра-Нямц в Молдавском Прикарпатье (*Vulpe R.*, 1957). Много было сделано и для периодизации памятников Верхнего Приднестровья (*Kozłowski L.*, 1924; 1939). Наиболее древние поселения с полихромной керамикой типа Городница-Городище и Незвиско были отнесены Л. Козловским к выделяемому им третьему периоду неолита (3000—2500 лет до н. э.), а поселения следующих двух фаз с бихромной и монохромной керамикой типа Бильче Золотое и Кошиловцы — к четвертому периоду неолита (2500—2000 лет до н. э.).

Из года в год росло число открытий, множились коллекции. Новые материалы не умещались в тесные рамки периодизации, предложенной Л. Козловским. Требовала пересмотра и типология керамики. К середине 30-х годов О. Кандыба создал новую периодизацию, основанную на сопоставлении различных орнаментальных стилей, профилировки и пропорций сосудов, степени сложности орнаментальных мотивов (*Kandyba O.*, 1937). Первая, незвиская, фаза, выделенная еще Л. Козловским, соответствовала фазе Кукутени А. Введенная О. Кандыбой вторая фаза —

залещицкая — была сопоставлена им с фазой Кукутени А—В. Третья, городницкая, фаза занимала, по его мнению, промежуточное положение между поселениями раннего и позднего периодов. Бильчанская (четвертая) и кошиловецкая (пятая) фазы синхронизировались с фазой Кукутени В. Периодизация, созданная О. Кандыбой, очень точно отражает линию эволюции трипольской культуры в Верхнем Приднестровье и на Верхнем Пруте. Периодизация трипольских памятников рассматриваемого района, предложенная К. Маевским (*Majewsky K.*, 1947), не внесла в схему О. Кандыбы значительных уточнений.

Третий период изучения трипольских памятников приходится на 40-е и 50-е годы. Он характеризуется дальнейшими исследованиями по уточнению периодизации, выявлением новых территориальных групп памятников со специфическими признаками, сплошными раскопками отдельных поселений, ставшими исходной источниковедческой базой для культурологических и социологических реконструкций. В книге Т. С. Пассек «Периодизация трипольских поселений», получившей высокую оценку, были подведены итоги довоенным изысканиям (*Пассек Т. С.*, 1949а). В 50-е годы возглавляемая Т. С. Пассек экспедиция начала новый цикл исследований. Так, в Среднем Поднестровье был выявлен и раскопан ряд интереснейших памятников, в том числе многослойные поселения Флорешты, Солончены II, Поливанов Яр и позднетрипольский Выхватинский могильник. Была выявлена последовательность залегания слоев, относящихся к трем основным периодам созданной Т. С. Пассек периодизации, получены совершенно новые данные о некоторых этапах развития трипольской культуры (*Пассек Т. С.*, 1955б; 1957; 1958; 1961а; 1961б; 1965а).

В более северных районах Поднестровья были осуществлены раскопки раннетрипольских поселений у с. Лука-Врублевецкая (*Бибиков С. Н.*, 1953), Ленковцы (*Черниш К. К.*, 1959б) и многослойного поселения Незвиско (*Черныш Е. К.*, 1962). По ряду признаков были выявлены различия между раннетрипольскими памятниками трех больших регионов — Восточного Прикарпатья, Поднестровья и Среднего Побужья (*Черныш Е. К.*, 1956), чему способствовало изучение группы раннетрипольских поселений в бассейне Южного Буга (*Макаревич М. Л.*, 1952б; 1954). Исследования в Поднепровье позволили выделить весьма своеобразные памятники софиевского типа, относящиеся к позднему этапу трипольской культуры (*Захарук Ю. Н.*, 1952). В 50-е годы были сделаны также первые попытки произвести хронологическое членение позднетрипольских памятников (*Захарук Ю. М.*, 1953а; *Кравец В. П.*, 1955; *Лагодовская Е. Ф.*, 1953; 1956; *Пассек Т. С.*, 1955а).

В те годы археологи все отчетливее начали осознавать культурную близость трипольских и кукутенских памятников. С наибольшей определенностью она проявилась при сопоставлении памятников раннего периода (*Пассек Т. С.*, 1958; 1960; 1961б). В связи с этим особо следует отметить, что в итоге полного вскрытия небольшого поселения Лука-Врублевецкая на Днестре С. Н. Бибиковым был сформулирован ряд новых идей: о происхождении трипольской культуры, о хозяйстве раннетрипольских племен, об их идеологических представлениях. Вызвав дискуссию, эти идеи в целом способствовали оживлению атмосферы творческого поиска по узловым проблемам триполеведения (*Бибиков С. Н.*, 1953).

50—60-е годы также отмечены дискуссией о корнях культуры Триполье-Кукутени, разгоревшейся после раскопок Г. Думитреску в Траян-Дялул Вией в Молдавском Прикарпатье (*Dumitrescu V.*, 1957; 1967; *Думитреску Г.*, 1960; *Zaharia E.*, 1967). Г. Думитреску была выделена в самостоятельную группа поселений наиболее древней фазы — Докукутени I. По мнению исследовательницы, на территорию Молдовы эта культура, представляющая собой параллельную ветвь нижнедунайской культуры Боян (на фазе Джулешти), пришла из Трансильвании, так как она характеризуется переплетением элементов культуры Боян с элементами культуры линейно-ленточной керамики. На сходство докукутенских и боянских памятников типа Джулешти впервые указал Е. Комша, первоначально склонявшийся к тому, чтобы относить поселение Траян-Дялул Вией к культуре Боян (*Comşa E.*, 1957). На основании результатов, полученных при раскопках во Флорештах одного из древнейших трипольских (докукутенских) поселений, к разработке проблемы формирования трипольской культуры обратилась и Т. С. Пассек (*Пассек Т. С.*, 1958; *Passek T.*, 1964).

Новому подходу к решению проблемы происхождения трипольской культуры содействовало начавшееся в 50-е годы изучение памятников культуры линейно-ленточной керамики на территории Украины и Молдавии, а также исследования, проводившиеся румынскими учеными (*Свешников И. К.*, 1954; *Черныш Е. К.*, 1962; *Маркевич В. И.*, 1973б; 1974а; *Dumitrescu V.*, 1967). Итоги исследований этой культуры на территории СССР были подведены в начале 60-х годов (*Пассек Т. С., Черныш Е. К.*, 1963). К тому времени отпало мнение о существовании генетической связи трипольской культуры с культурой линейно-ленточной керамики. Слабые следы ее влияния отдельные исследователи усматривали лишь в археологических материалах древнейших поселений докукутенского типа. Третий период отмечен также важными работами в области культуры воронковидных сосудов и культуры шаровидных амфор, позволившими более обоснованно, чем это делалось до тех пор, подойти к решению вопроса о взаимоотношении их с трипольской культурой (*Захарук Ю. Н.*, 1959; *Свєшніков І. К.*, 1957; 1958; 1971).

Наконец, четвертый период в изучении трипольских памятников, приходящийся на 60—70-е годы, характеризуется не только количественными изменениями, но и качественно новым уровнем разработки соответствующей проблематики. Резко возросло число известных памятников трипольской культуры. Только в выпуске археологической карты Молдавской ССР их учтено 329 (*Маркевич В. И.*, 1973б). В этот период были произведены сплошные раскопки позднетрипольских поселений Брынзены III (Брынзены-Цыганка) и Костешты II на левобережье Прута (*Маркевич В. И.*, 1981), а также раннетрипольского поселения Бернашовка на левобережье Днестра (*Збенович В. Г.*, 1980в). Важные результаты были получены при широких раскопках поселений Клищев (*Заец И. И.*, 1973; 1975а; 1975б),

Цвикловцы (*Мовша Т. Г.*, 1964а; 1965б; 1970а), Жванец (*Мовша Т. Г.*, 1970б), Шкаровка (*Цвек Е. В.*, 1976), Усатовского некрополя (*Патокова Э. Ф.*, 1967; 1975; 1979) и других памятников.

В начале 60-х годов на юге Днестровско-Прутского междуречья были открыты поселения, давшие своеобразный комплекс вещей, отчасти напоминающий материал памятников нижнедунайской культуры Гумельница (*Пассек Т. С.*, *Черныш Е. К.*, 1965). Позднее выяснилось, что эти поселения относятся к слабо выраженному варианту небольшой культурной группы Алдени II, выделенной Е. Комша (*Comşa E.*, 1963). Вариант, выявленный на левобережье Прута и в системе нижнедунайских озер Кагул, Ялпух и Катлабух, уже в значительной мере исследован (*Субботин Л. В.*, 1975а; *Бейлекчи В. С.*, 1978). В последнее время он все чаще именуется культурой Болград, что предложено в свое время С. Н. Бибиковым, так как первые раскопки памятников этого типа на территории СССР проводились на окраине г. Болград (*Бибиков С. Н.*, 1966б). Открытие новой культуры явилось важной вехой в исследовании раннеземледельческих культур Юго-Запада СССР. Установлено, что именно болградские общины осуществляли связь раннетрипольского населения с северобалканским и сами благотворно влияли на развитие трипольской и докукутенской культур.

В 60-е и 70-е годы появился ряд монографий, в которых исследователи подводили итоги многолетних работ по изучению отдельных археологических культур — буго-днестровской (*Даниленко В. Н.*, 1969; *Маркевич В. И.*, 1974а), днепро-донецкой, среднестоговской (*Телегін Д. Я.*, 1968; 1973), михайловской (*Лагодовська О. Ф.*, *Шапошникова О. Г.*, *Макаревич М. Л.*, 1962), болградской (*Бейлекчи В. С.*, 1978) и разных вариантов трипольской культуры (*Збенович В. Г.*, 1974; *Круц В. А.*, 1977; *Дергачев В. А.*, 1978; 1980; *Патокова Э. Ф.*, 1979; *Маркевич В. И.*, 1981). К этому времени относятся монографические исследования, касающиеся классификации и интерпретации трипольской пластики (*Погожева А. П.*, 1971; *Мовша Т. Г.*, 1975б). Исключительно важное значение для изучения идеологических представлений трипольцев имеют исследования в этой области Б. А. Рыбакова, отличающиеся широким привлечением сравнительно-исторического материала (*Рыбаков Б. А.*, 1965; 1966; 1976; 1981).

Обилие накопившихся данных по различным археологическим культурам потребовало применения в работе новых методов, отчасти заимствованных из других наук. С помощью аэрофотосъемки и геофизической разведки была выявлена планировка многих поселений, в том числе площадью в сотни гектар (*Шишкин К. В.*, 1973; *Шмаглий Н. М.*, *Дудкин В. П.*, *Зиньковский К. В.*, 1973). Весьма обстоятельно была изучена трипольская металлургия меди (*Рындина Н. В.*, 1961; 1962; 1970; 1971; *Черных Е. Н.*, 1970; 1976а), тщательно исследованы и интерпретированы остеологические и палеоботанические коллекции (*Бибикова В. И.*, 1963; *Цалкин В. И.*, 1970; *Янушевич З. В.*, 1976; 1980; *Пашкевич Г. А.*, 1980). Методы петрографии позволили установить достоверные факты внутриплеменного и межплеменного обмена изделиями из различных пород камня (*Петрунь В. Ф.*, 1967). Важное значение имело широкое применение при изучении трипольских комплексов трассологического метода, а затем и комплексные экспериментально-трассологические исследования, давшие конкретную основу для оценки производительности трипольских орудий (*Коробкова Г. Ф.*, 1970; 1974а; 1975б; 1977; 1978). Полученные данные привели Г. Ф. Коробкову к заключению о существовании локальных различий в хозяйстве древних племен (*Коробкова Г. Ф.*, 1972). В настоящее время ею исследуется характер функционирования экономической системы в целом, что в какой-то степени перекликается с палеоэкономическими разработками С. Н. Бибикова (*Бибиков С. Н.*, 1965). Вопросы палеодемографии трипольских памятников также нашли освещение в литературе (*Массон В. М.*, *Маркевич В. И.*, 1975; *Массон В. М.*, 1980б).

Исключительно важными представляются открытие гончарной мастерской из нескольких двухъярусных обжигательных печей за пределами позднетрипольского поселения Жванец (*Мовша Т. Г.*, 1971в) и выявление керамического производственного комплекса на трипольском поселении более раннего времени у с. Веселый Кут (*Цвек Е. В.*, 1978; 1980а). Наряду с обнаружением кремнеобрабатывающих мастерских на ряде поселений (*Пассек Т. С.*, 1961а; *Бибиков С. Н.*, 1966а; *Черныш Е. К.*, 1966; 1967; *Попова Т. А.*, 1980а; 1980б; *Попова Т. А.*, *Черныш Е. К.*, 1967) эти факты свидетельствуют об обособлении двух важных отраслей общинного ремесла в средний период трипольской культуры и одновременно указывают на происходившее усложнение общественных отношений.

Из числа методических проблем вновь возбудили особый интерес вопросы трипольского домостроительства. Мнение большинства первых исследователей трипольской культуры, а также создателей реконструкций жилищ о специальном обжиге домов в пламени огромных костров стало вызывать сомнения. Некоторые специалисты были убеждены, что глиняная обмазка прокаливалась и ошлаковывалась в результате пожара. Еще более сомнительным выглядело утверждение о сооружении полов домов путем покрытия мощным слоем глины плах и горбылей, положенных непосредственно на землю. Невозможно было представить, как без доступа кислорода снизу пласт глиняной обмазки мог прокаляться докрасна. Не находили объяснений и факты обнаружения под глиняной обмазкой части инвентаря. Сомнения такого рода заставили не только внимательнее отнестись к изучению строительных остатков, но и поставить ряд экспериментов (*Зиньковский К. В.*, 1976). Все это способствовало распространению взгляда о существовании на трипольских поселениях наряду с одноэтажными двух- и трехэтажных построек (*Зиньковский К. В.*, 1973; 1975; 1976; *Черныш Е. К.*, 1973).

Мысль о наземных жилищах, возведенных на столбах, поддерживавших платформу, на которую ставилась хата, была высказана Л. Козловским после раскопок в Незвиско и Бучаче. Л. Козловский различал дома трех типов: наземный дом на опорных столбах, наземный дом типа мегарона и дом, частично углубленный в землю (*Kozłowski L.*, 1930; 1939). В советской литературе тезис о многоэтаж-

ных трипольских жилищах впервые выдвинул В. И. Маркевич в результате исследования площадок поселения Варваровка VIII в Центральной Молдавии (*Маркевич В. И.*, 1964). Новыми раскопками поселений в Молдавии и Верхнем Поднестровье было установлено, что трипольские площадки названной территории отличаются чрезвычайно мощными глинобитными настилами. Под пластами прокаленной глиняной обмазки находилось огромное количество раздавленной посуды, а на земляном полу и в хозяйственных ямах был сосредоточен различный инвентарь. Вывод о двухэтажности построек напрашивался сам собой (*Черныш Е. К.*, 1973). Об умении трипольцев возводить двухэтажные постройки свидетельствует и глиняная модель жилища, найденная Е. В. Цвек в с. Рассоховатка Черкасской обл. (Арх. УРСР, т. I, 1971).

Параллельно с накоплением новых материалов шло изучение локальных особенностей трипольской культуры. Удалось связать некоторые хорошо известные позднетрипольские варианты с вновь выделенными ранними (*Tchernysch E. K.*, 1970). Детальный анализ раннетрипольской керамики позволил уточнить время зарождения локальных вариантов и по-новому взглянуть на процесс их образования и дальнейшего развития (*Черныш Е. К.*, 1975а; 1976; 1977). Ближе других подошла к решению вопроса о генетической связи отдельных вариантов трипольской культуры среднего и позднего периодов Т. Г. Мовша (1955; 1972). Н. М. Виноградова надежно обосновала выделение на среднем этапе четырех вариантов культуры (*Виноградова Н. М.*, 1972; 1973). В Среднем Поднепровье генетическая связь между позднетрипольскими памятниками типа Коломийщина, Чапаевка, Лукаши и Софиевка была установлена В. А. Круц (1977). Использовав статистический метод, В. А. Дергачев выделил пять локальных вариантов для позднего Триполья (*Дергачев В. А.*, 1978; 1980).

В рассматриваемый период продолжалась разработка двух основных направлений археологической систематики — периодизации и хронологии. В основу периодизации были положены многочисленные наблюдения над последовательностью залегания слоев на многослойных поселениях и результаты типологического анализа инвентаря. Исследователи трипольской культуры не имели возможности отдать предпочтение какому-либо из этих методов, так как многослойные поселения довольно редки, а к востоку от Днестра почти и не известны. Поэтому археологам, изучавшим трипольские поселения, расположенные между Днестром и Днепром, пришлось обратить особое внимание на разработку типологии вещей с целью использования полученных данных для хронологических построений.

Особое внимание было обращено на керамику, поскольку ее формы и орнаментация подвержены частым и хорошо ощутимым изменениям. Наиболее разностороннюю характеристику керамика культуры Триполье-Кукутени получила в трудах Т. С. Пассек (*Passek T.*, 1935), В. Думитреску (*Dumitrescu V.*, 1959; 1963а; 1968в; 1974а; 1979), Г. Думитреску (*Думитреску Г.*, 1960), И. Нестора (*Nestor I.*, 1960), Р. Вулпе (*Vulpe R.*, 1957), М. Петреску-Дымбовица (*Petrescu-Dîmbovița M.*, 1965). В зависимости от способа изготовления, манеры нанесения узора и орнаментации авторы этих работ различали в керамике большое число вариантов. Постоянное сочетание определенных вариантов посуды позволило надежно обосновать выделение периодов и ступеней развития трипольской культуры. Метод, разработанный этими учеными, значительно эффективнее метода деления посуды на два типа — столовую и кухонную, широко практикующегося в настоящее время. Попутно с изучением керамических комплексов шла разработка типологии антропоморфной и зооморфной пластики, орудий труда, оружия, украшений. Обращалось внимание на топографию поселений, их размеры и планировку, типы жилищ. Все это принималось во внимание при создании характеристики каждого из этапов трипольской культуры.

Благодаря наблюдениям над последовательностью залегания слоев стало бесспорным деление трипольской культуры на три крупных периода (ранний, средний, поздний) или на пять этапов (А, BI, BII, CI—γI, CII—γII). Однако до сих пор существует разнобой в определении места некоторых поселений в пределах названных этапов, а также в определении числа ступеней, особенно когда дело касается раннего или позднего периода. В последнем случае метод стратиграфии малоэффективен, так как поселения со слоями близких ступеней развития чрезвычайно редки и приходится обращаться к типологии расписной кукутенской керамики, разработанной румынскими учеными, различающими более 20 орнаментальных стилей (*Schmidt H.*, 1932; *Nestor I.*, 1928; 1938; 1960; *Nestor I.*, *Zaharia E.*, 1968; *Dumitrescu V.*, 1959; 1960; 1963а; *Petrescu-Dîmbovița M.*, 1965). В настоящее время периодизация кукутенской культуры выглядит следующим образом: Докукутени I—III, Кукутени A_{1-4}, Кукутени $A—B_{1-2}$, Кукутени B_{1-3} и, наконец, Городиштя-Фолтешти, где каждый период имеет несколько этапов, обозначаемых арабскими цифрами. Сопоставление кукутенских памятников с трипольскими позволяет довольно четко синхронизировать памятники Румынии, Украины и Молдавии, что нашло отражение в картах, составленных с учетом трех основных периодов Триполья, выделенных Т. С. Пассек (карты 3, 5, 6).

Таблица 8. Варианты периодизации культуры Триполье-Кукутени

Верхнее Поднестровье (О. Кандыба)	Прикарпатье и междуречье Сирета и Днестра (Г. Шмидт, В. Думитреску и др.)	Междуречье Днестра и Днепра (Т. С. Пассек)
Период Б фаза Кошиловцы	Городиштя-Фолтешти	Поздний период этап CII — γII
фаза Бильче Золотое фаза Городница	Кукутени B_{1-2}	этап CI — γI
Период А фаза Залещики		Средний период
группа Залещики группа Шипенцы А	Кукутени $A—B_{1-2}$	этап BII
фаза Незвиско	Кукутени A_{1-4}	этап BI
	Докукутени I—III	Ранний период этап А

Таблица 9. Синхронизация памятников культуры Триполье-Кукутени с учетом локальных различий

Период	Ступень	1	2	3	4	5	6	7	8	9
		Северная Молдавия (междуречье Прута и Днестра)	Нижнее Поднестровье и Причерноморье	Среднее Поднестровье (между реками Жванчик и Немия)	Верхнее Поднестровье и Верхнее Попрутье	Среднее Поднестровье (между реками Жванчик и Мурафа), Побужье, р. Соб и Киевское Поднепровье	Побужье (между реками Соб и Синюха) и Каневское Поднепровье	Волынь	Долина Жижии и правобережье Прута	Молдавское Прикарпатье (район слияния с Сиретом Бистрицы и Молдовы)
Поздний	11	Гординешты II Мерешовка I	Данку I–II Усатово II Маяки	Дарабаны III Поливанов Яр I_2	Кошиловцы-Товдры Черновцы	–	Ермолаевка	Городск	Фолтешти I Хэбэшешти II	Извоаре III Тырпешти V
	10	Костешты IX? Косауцы II?	Усатово I Выхватинцы II	–	–	Софиевка	–	Троянов Паволочь	Кукутени-Четэцуя V?	–
	9	Солончены II_3 Брынзены III Мерешовка II Костешты IV	Выхватинцы I Голерканы	–	Бильче Золотое-Вертеба	–	–	–	–	–
	8	Корпач V?	–	–	Кошиловцы-Обоз		–	Колодяжное	–	–
	7	Старые Бадражи	–	Дарабаны II?	–	Евминка I? Подгорцы II?	–	–	Кукутени-Четэцуя IV?	Тыргу Окна-Подей Сэрата-Монтеору
	6	Костешты X Варваровка XV	–	–	–		–	–	Трушешти II Валя-Лупулуй	–
	5	Варваровка VIII Сороки-Озеро	–	Крутобородинцы II	–	Чапаевка Казаровичи	–	–	–	Фрумушика III
	4	–	–	–	Сухостав ? Магала ?	Коломийщина I?	Великий Буврин Пекари	–	–	–
	3	Петрены Главан	–	–	–	–	Томашовка Сушковка	–	–	–
	2	–	–	–	Бильче Золотое-Сад II Шипенцы Б	Коломийщина II?	Попудня Майданецкое	–	–	–
	1	Брынзены IV	–	Поливанов Яр I_1?	Незвиско-Красная Гора ?	–	–	–	–	–

Средний	7	Брынзэны VIII Раковец	–	Кудринцы	Незвиско III	Мирополье	Владимировка Криничкн	–	Кукутени-Четэ-цуя III	–
	6	Яблона I	–	Крутобородин-цы I Поливанов Яр II	Бучач Бильче Золотое-Сад I	Клищев Веселый Кут	–	–	Хуши Кукутени-Четэ-цуя II	Фрумушика II Траян-Дялул Фынтынилор III
	5	–	–	Бабино	Залещики Выгнанка		–	–	Корлэтени Кукутени-Дым-бул Морий	–
	4	Солончены II_2 Новые Дуруиторы	–	–	Шипенцы А Фридривцы Незвиско II	Памятники борисовского типа	–	–	Дрэгушени	–
	3	Старые Куко-нешты	–	–	–		–	–	Трушешти I	
	2	–	–	Поливапов Яр III Дарабаны I	–	Краспостав-ка ?	Сабатиновка I Березовское	–	Хэбэшешти I Кукутени-Четэ-цуя I	Извоаре II_2
	1	–	–	–	Городница-Горо-дище	–	–	–	–	Извоаре II_1 Фрумушика I Тырпешти IV
Ранний	6	Солончены I Солончены II_1	–	Берново-Лука	–	Лука-Врубле-вецкая	Греновка	–	Андриешени	Тырпешти III
	5	Голерканы ?	–	Ленковцы	Черновцы I	Сокол	Сабатинов-ка II_2	–	Поприкани	Извоаре I_2 Траян-Дялул Фынтынилор II
	4	Путинешты I Александровка I	–	–	Витиловка	Брага Лука-Устин-ская	Сабатинов-ка II_1 Гайворон	–	Бэдени ?	–
	3	–	–	–	–	Окопы	–	–	–	Мындришка Вэлени
	2	Флорешты II Рогожаны	–	–	–	Бернашовка	–	–	Ларга-Жижия	Извоаре I_1 Тырпешти II
	1	–	–	–	–	–	–	–	–	Траян-Дялул Вией
Культура линейно-ленточной керамики		Флорешты I	–	–	Незвиско I	–	–	–	–	Тырпешти I Траян-Дялул Фынтынилор I

Для территории СССР наблюдения, сделанные в 50-е и 60-е годы, не оставляли сомнений относительно верности периодизации Т. С. Пассек основных этапов развития трипольской культуры, но на очереди уже стоял вопрос о создании более дробной периодизации, необходимой для определения в пределах соответствующего этапа возраста многих вновь открытых поселений. Над уточнением периодизации работали С. Н. Бибиков (1955а; 1966б), Н. М. Виноградова (1972; 1974), В. Н. Даниленко (1969; 1974), Ю. Н. Захарук (1955; 1962; 1964), И. И. Заец (1975б), В. Г. Збенович (1972; 1974; 1976а; 1976б), В. П. Кравец (1955), В. А. Круц (1977), В. И. Маркевич (1973а; 1981), Т. Г. Мовша (1971а; 1971б; 1972), Т. С. Пассек (1961а; 1964; 1965а); Е. В. Цвек (1975), Е. К. Черныш (1975а; 1976), Н. М. Шмаглий (1961; 1966). Таким образом, для памятников трипольско-кукутенской культурной общности было создано несколько схем периодизации. Каждая из них возникла в результате исследования памятников определенного региона, и вместе с тем каждая отразила основную линию эволюции культуры Триполье-Кукутени в целом, бесспорным свидетельством чего является полное совпадение основных этапов при сравнении всех трех схем периодизации (табл. 8).

Однако ни для одного локального варианта культуры Триполье-Кукутени мы не имеем пока четко разработанной периодизации, учитывающей все известные к настоящему времени ступени развития названной культуры в пределах каждого периода. Вместе с тем отдельные работы в этой области указывают на возможность решения данной проблемы (*Мовша Т. Г.*, 1971а; *Збенович В. Г.*, 1976б; *Черныш Е. К.*, 1976; *Цвек Е. В.*, 1980б; *Маркевич В. И.*, 1981). В настоящей работе автором делается первая попытка создания схемы развития памятников трипольско-кукутенской культурной общности (табл. 9). На основе сопоставления керамических комплексов, отражающих временную и локальную специфику, выделены шесть ступеней для раннего периода, семь — для среднего и 11 — для позднего. Представлены и территориальные группы памятников, соответствующие районам обитания отдельных групп трипольско-кукутенских племен. С разной степенью точности прослеживаются некоторые специфические черты в культуре этих групп населения. Очевидно, здесь мы имеем дело с локальными вариантами трипольско-кукутенской культуры, хотя обоснование существования некоторых таких вариантов как устойчивых сочетаний типов археологических объектов еще требует дополнительной аргументации. Предлагаемая карта 4 показывает ареалы отдельных групп населения в их развитии. Тем самым графическое выражение получает процесс формирования трипольско-кукутенской общности в целом.

В то же время схема развития памятников трипольско-кукутенской культуры (табл. 9), как и иллюстрирующие ее карты (карты 3—6), учитывают лишь примерное соотношение трипольских и кукутенских памятников в наиболее обследованных районах. Поскольку степень исследованности отдельных поселений и регионов в целом не одинакова, в качестве эталонов из числа сотен известных памятников каждого периода могут быть использованы очень немногие. При разработке дробной периодизации выявляются пробелы в наших знаниях, затрудняющие изучение отдельных локальных вариантов в процессе развития, начиная с момента их возникновения. Вместе с тем особенности инвентаря позволяют сопоставить памятники отдаленных территорий и выявить общие закономерности процесса их формирования.

Разработка метода радиоуглеродного датирования, естественно, отразилась на решении вопросов абсолютной хронологии памятников культуры Триполье-Кукутени (*Ehrich R. W.*, 1965; *Титов В. С.*, 1965; *Долуханов П. М.*, *Тимофеев В. И.*, 1972). Одной из первых среди исследователей, оценивших большие возможности нового метода, была Т. С. Пассек, предложившая в 1962 г. на VI Международном конгрессе доисторических и протоисторических наук новую систему хронологии неолитических и энеолитических культур Юго-Запада СССР и Подунавья (*Passek T.*, 1964). Удревняя неолитические и энеолитические памятники, Т. С. Пассек опиралась не только на данные стратиграфии, но и на радиокарбонные даты, полученные для культур линейно-ленточной керамики, Винча и Кукутени. В результате раннее Триполье было отнесено ею к первой половине IV тысячелетия до н. э., среднее — ко второй половине IV — началу III тысячелетия до н. э., а позднее — к середине III тысячелетия до н. э.

В связи с датировкой культуры Триполье-Кукутени представляет интерес статья В. Думитреску по абсолютной хронологии энеолита Румынии, где приводятся пять радиоуглеродных дат для памятников культуры Кукутени и большое число абсолютных дат для памятников синхронных ей культур (*Dumitrescu V.*, 1974b). С одной стороны, радиокарбонные даты свидетельствуют о необходимости еще большего удревнения культуры Триполье-Кукутени, чем это было сделано Т. С. Пассек, с другой,— помещенные в один ряд с абсолютными датами различных культур Юго-Восточной Европы V—III тысячелетий до н. э., они помогают синхронизировать отдельные фазы развития культуры Кукутени с определенными фазами культур Боян, Хаманджия, Винча, Гумельница, Сэлкуца и т. д. Новейшие дендрохронологические измерения возраста сосны остистой (*Pinus aristata*) удревнили используемые археологами унифицированные радиокарбонные даты середины III тысячелетия до н. э. примерно на 500 лет, а IV и V тысячелетий до н. э.— на 800 лет, что необходимо учитывать при оценке реального возраста исследуемого объекта или отдельной культуры (*Колчин Б. А.*, *Битвинскас Т. Т.*, 1972; *Квита Х.*, *Кол Г.*, 1975).

О контактах трипольско-кукутенских племен с окружающим населением свидетельствуют привозные вещи — изделия из металла, украшения, керамика. Постоянная меновая торговля фиксируется между трипольскими и кукутенскими общинами и общинами нижнедунайских культур Болград- Алдени (*Маркевич В. И.*, 1970а), Гумельница (*Dumitrescu V.*, 1968а) и Чернавода I (*Збенович В. Г.*, 1974; 1976б; *Tudor E.*, 1965; *Nestor I.*, *Zaharia E.*, 1968; *Morintz S.*, *Roman P.*, 1968; 1969; *Berciu D.*, *Morintz S.*, *Roman P.*, 1973), с одной стороны, и общинами культур Карпато-Дунайского бассейна Тисаполгар, Бодрогкерестур (*Титов В. С.*, *Марке-*

Таблица 10. Схема соотношения энеолитических культур Юго-Запада СССР, Румынии и Болгарии

Дата по C_{14}	Дата калиброванная	Юго-Запад СССР (Украина и Молдавия)		Румыния (Молдова)	Румыния и Болгария (Карпато-Дунайский бассейн)	Болгария (Причерноморье)	Болгария (Фракия)
2250	2750	Культура шаровидных амфор Культура воронковидных кубков	Ступени	Городиштя Фолтешти I	Культура шаровидных амфор Чернавода III Чернавода I	Езерово Чернавода III	Эзеро (Караново VII)
2500	3250	Триполье CII – γII	7–11				
2750	3375				Бодрогкерестур	Дуранкулак	–
					Гумельница B_2 Сэлкуца IV		
3000	3750	Триполье CI – γI	1–6	Кукутени B_{1-3}			
		Триполье BII	5–7	Кукутени $A–B_{1-2}$	Коджадермен	Варна	Караново VI
3250	4250						
		Триполье BI	4	Кукутени A_4	Гумельница B_1		
		Триполье BI	2–3	Кукутени A_3	Сэлкуца III Петрешти Тисаполгар		
3500	4370	Триполье BI	1	Кукутени A_{1-2}	Сэлкуца II Гумельница A_2		
3750	4500	Триполье AII	4–6	Докукутени III	Гумельница A_1 Сэлкуца I	Сава IV	Марица IV (Караново V)
		Триполье AI	2–3	Докукутени II	Хаманджия IV Боян-Спанцов Винча C Вэдастра	Сава III	Марица III
4000	4750						
		–	1	Докукутени I	Хаманджия III Боян-Видра Тиса Винча B_2	Сава II Сава I	Марица II Марица I
4250	5250	Неолитическая культура линейно-ленточной керамики			Боян-Джулешти Хаманджия II		

вич В. И., 1974; *Dumitrescu V.*, 1968a) и центральноевропейской культуры воронковидных кубков (*Захарук Ю. Н.*, 1955; 1957; 1959; 1962) — с другой. Отмечены культурные связи трипольцев и с восточными степными соседями — племенами днепро-донецкой, среднестоговской и древнеямной культур (*Мовша Т. Г.*, 1961; 1979; *Телегін Д. Я.*, 1968; 1973; *Телегин Д. Я.*, *Смагин Л. Л.*, 1975; *Лагодовская Е. Ф.*, 1955; *Лагодовська О. Ф.*, *Шапошникова О. Г.*, *Макаревич М. Л.*, 1962). На непрерывность контактов трипольского населения с балканским, от которого к ним поступал металл, и на существование контактов с населением, связанным с кавказским металлургическим очагом, указывает в своих работах Е. Н. Черных (*Черных Е. Н.*, 1976а; 1976б). О связях с этой зоной упоминает и Т. Г. Мовша (*Мовша Т. Г.*, 1979).

Благодаря разнообразному импорту и необычайно длительному (около 1500 лет) периоду существования культура Триполье-Кукутени заняла центральное положение в системе периодизации энеолитических культур Юго-Восточной Европы, что наглядно демонстрирует таблица 10 (табл. 10), составленная на основе разработок В. Думитреску и Г. Тодоровой (*Dumitrescu V.*, 1968a; 1974b; *Тодорова Х.*, 1979). Истоки этой культуры пока еще не достаточно ясны. В ее ранних памятниках исследователи усматривают пережитки поздненеолитических культур Карпато-Дунайского бассейна и находят черты, сближающие ее с нижнедунайскими и восточнотрансильванскими культурами (Боян, Турдаш, Хаманджия). Однако вопрос о происхождении культуры Триполье-Кукутени с территории Нижнего Подунавья или Трансильвании остается пока дискуссионным. Единая по-

своему происхождению рассматриваемая культура в процессе развития обрела множество самостоятельных вариантов, закончивших существование приблизительно одновременно, когда на смену им пришли скотоводческие культуры раннебронзового века.

Неразбериха, царящая в специальной литературе в связи с вопросами синхронизации трипольских поселений отдельных районов и построения локальных хронологических колонок, объясняется в первую очередь неудовлетворительным состоянием разработки типологии керамики и различных категорий инвентаря. Серьезным препятствием здесь являются видимые отличия комплексов вещей, происходящих с поселений разных локальных вариантов. К сожалению, типологические схемы керамики до сих пор не созданы ни для одного из локальных вариантов трипольской культуры. Обычно исследователи ограничиваются разработкой типологии керамики и других категорий инвентаря лишь одного из периодов трипольской культуры. Очевидно, трудоемкая работа по созданию единой типологической схемы для культуры в целом может быть выполнена коллективом ученых после того, как предварительно будет создана типология вещей каждого из локальных вариантов, полностью отражающая их эволюцию от ранней ступени до наиболее поздней. В настоящей работе приводятся формы сосудов наиболее распространенных типов и исключительно для того, чтобы иметь возможность на их примере продемонстрировать эволюцию керамики во времени.

В части III настоящего тома основное внимание уделяется памятникам культуры Триполье-Кукутени, результаты изучения которых столь значительны, что позволяют выйти за пределы сугубо археологического исследования и обратиться к проблемам историческим. Среди последних узловой является проблема формирования раннеземледельческими племенами исключительно устойчивой культурной общности. Посильное освещение этой проблемы и обусловило определенную сгруппированность данных, содержащихся в каждой из глав, посвященных, согласно периодизации Т. С. Пассек, раннему, среднему и позднему периодам культуры Триполье-Кукутени. Изложение ведется с учетом кратковременных ступеней развития культуры, что позволяет более точно синхронизировать памятники разных локальных вариантов. Приводится характеристика типов жилищ, планировки поселений, комплексов орудий труда, керамики, пластики, ритуальных предметов и украшений. На основании сходства различных категорий инвентаря устанавливаются приблизительные ареалы отдельных локальных вариантов культуры Триполье-Кукутени. Подобным образом построено изложение и в главе, посвященной памятникам других энеолитических культур Юго-Запада СССР. Вопросы хозяйства, социального строя и идеологии раннеземледельческих племен рассматриваемого региона освещаются в отдельных главах.

Глава вторая
Памятники раннего периода культуры Триполье-Кукутени и формирование локальных различий

Согласно любой из периодизаций культуры Триполье-Кукутени, к раннему периоду относятся поселения, в керамическом комплексе которых отсутствует расписная посуда. Этот формальный признак, выбранный из ряда других, позволил выделить уже около 150 таких поселений (карта 3; 4, I, II). Румынские ученые ранний период делят на три этапа: Докукутени I, II, III (*Dumitrescu V.*, 1959; *Marinescu-Bîlcu S.*, 1974c). Советские исследователи пока не пришли к единому мнению относительно раннетрипольских поселений, широкое изучение которых начато сравнительно недавно. В периодизации Т.С. Пассек ранний период вследствие незначительности материалов, на которых базировалось его выделение, не расчленен (*Passek T.*, 1935; *Пасек Т. С.*, 1949а). Лишь в начале 60-х годов после открытия древнейших трипольских поселений, место которых тогда не было еще определено, Т. С. Пассек отнесла их ко времени, предшествующему раннему Триполью, и рассматривала в рамках культуры Боян (*Passek T.*, 1964). С. Н. Бибиков склонен был делить ранний период на два этапа (AI и AII), В. И. Маркевич — на три (A_1, A_2, A_3), В. Н. Даниленко — на четыре (*Бибиков С. Н.*, 1966б; 1971а; *Маркевич В. И.*, 1974б; *Даниленко В. Н.*, 1969, с. 224). Вместе с тем есть все основания для выделения в его рамках шести ступеней (*Черныш Е. К.*, 1976).

Особенности инвентаря раннетрипольских и докукутенских поселений позволяют разделить их на два этапа и шесть ступеней (табл. LII). Из них три ступени (1—3) относятся к первой половине раннего периода (Докукутени I, II) и три (4—6) — ко второй (этап А — по периодизации Т. С. Пассек, Докукутени III — по периодизации румынских археологов). Поселений второй половины раннего периода известно втрое больше (карта 3, *в*), чем поселений первой половины. Однако на территории от Восточных Карпат до Южного Буга обнаружены только два стратифицированных памятника со слоями и первой, и второй половины раннего периода — Извоаре и Тырпешти. Вместе с соседними поселениями Фрумушика, Калу, Траян-Дялул Вией и Траян-Дялул Фынтынилор они образуют на Бистрице компактную группу многослойных поселений, позволяющих создать надежную хронологическую колонку кукутенских и докукутенских памятников Молдавского Прикарпатья (табл. 9). В Извоаре и Тырпешти слои относятся к фазам Докукутени II, Докукутени III, Кукутени A_1—A_2 и к последней фазе позднего периода, называемой Городиштя (*Vulpe R.*, 1957; *Marinescu-Bîlcu S.*, 1974c). Соотношение нижних слоев Извоаре и Тырпешти свидетельствует о том, что памятники с керамикой, сплошь покрытой защипами или резным узором, являются наиболее древними среди докукутенско-трипольских поселений, т. е. относятся к первой половине раннего периода (Докукутени I, II — Триполье AI), а памятники с керамикой, имеющей проглаженный орнамент,— ко второй половине того же периода (Докукутени III — Триполье AII).

Членение раннего периода на ступени стратиграфией пока не подкреплено. Оно базируется исключительно на анализе керамики и пластики, чем и объясняется неоднозначность решения этого вопроса разными исследователями (*Даниленко В. Н.*, 1969, с. 224; 1974, с. 13—15; *Погожева А. П.*, 1971; *Черныш Е. К.*, 1975б; 1976; *Збенович В. Г.*, 1980 г.). Соотношение памятников трех первых ступеней определяется без особого труда, так как в материалах 1-й ступени наблюдаются признаки более древних неолитических культур, а в материалах 3-й ступени отсутствует керамика с резным (выемчатым) орнаментом, наиболее характерная для 1-й и 2-й ступеней. С памятниками второй половины раннего периода разобраться сложнее. Попытки отдельных исследователей получить количественную оценку степени близости сравниваемых памятников к желаемому результату не привели. Так, несмотря на расчет хронологической близости памятников, произведенный по специальной математической формуле, А. П. Погожевой не удалось расчленить раннетрипольские поселения по ступеням и отделить от них более поздние памятники борисовского типа (*Погожева А. П.*, 1971, с. 19, табл. 4). Причину этой неудачи В. Г. Збенович усматривает в ограничении исследования такой консервативной категорией вещей, как антропоморфная пластика, и делает попытку использовать процентное соотношение керамических групп (*Збенович В. Г.*, 1980г). Это также не помогает выявить закономерности изменения керамического комплекса на протяжении раннего периода, а, напротив, отображает пеструю картину соотношения керамических групп и в Приднестровье, и в Побужье. Так, например, по подсчету обломков посуды, сделанному В. Г. Збеновичем, кухонная керамика в Бернашовке (2-я ступень) составляет 54%, в Окопах (3-я ступень) —35, в Гайвороне (4-я ступень) — 28, в Сабатиновке II_1 (4-я ступень) в разных жилищах — от 45 до 53, в Сабатиновке II_2 (5-я ступень) — 30, в Греновке (6-я ступень) — 45% (*Збенович В. Г.*, 1980г). По количеству сосудов подсчет произведен только по материалам поселения Ленковцы (5-я ступень), где на долю кухонной керамики приходится 42% (*Черниш К. К.*, 1959б, с. 106, табл. 4). Даже один этот пример показывает, как мало дает статистический метод в том виде, в котором он применен к изучению раннетрипольской керамики, поэтому при расчленении памятников раннего периода на ступени наше внимание в первую очередь было обращено на перемены в формах и

орнаментации сосудов, а также на сочетание керамических типов в рассматриваемых комплексах.

Стратиграфическое положение слоев раннего периода культуры Триполье-Кукутени зафиксировано в нескольких пунктах по отношению к подстилающему слою культуры линейно-ленточной керамики (Траян-Дялул Фынтынилор, Флорешты, Тырпешти, Новые Русешты) и перекрывающему слою среднего периода культуры Триполье-Кукутени (Новые Русешты, Солончены II, Извоаре II, Тырпешти IV), что подробно рассмотрено в работах Т. С. Пассек, В. С. Титова и С. Маринеску-Былку (*Пассек Т. С.*, 1960; 1961а; 1961б; 1965а; *Passek T.*, 1964; *Titov V. S.*, 1971; *Marinescu-Bîlcu S.*, 1974c).

Даты, полученные радиокарбонным методом, позволяют довольно точно определить время существования памятников раннего периода. Нижняя их граница устанавливается по возрасту поселения культуры линейно-ленточной керамики в Тырпешти — 4220±100 (Bln-800) и 4295±100 (Bln-801) лет до н. э.— и подкрепляется большой серией дат для других памятников этой культуры (*Долуханов П. М., Тимофеев В. И.*, 1972; *Marinescu-Bîlcu S.*, 1971; 1974c). Ориентиром для верхней границы служат даты, полученные для слоя конца раннего периода в Тырпешти,— 3580±85 лет до н. э. (CrN) — и Новых Русештах — 3620±100 лет до н. з. (Bln-590), чему не противоречат даты поселений среднего периода в Мэрджинени (Кукутени A_2) — 3660±±55 (Bln-1534), 3535±60 (Bln-1535), 3675±50 (Bln-1536) лет до н. з., Хэбэшешти — 3360±80 (CrN-1985) и Лека Унгурени — 3395±100 (Bln-795) лет до н. э., относящихся к фазе Кукутени A_3 (*Dumitrescu V.*, 1968a; *Долуханов П. М., Тимофеев В. И.*, 1972; *Monah D.*, 1978).

Для раннего периода трипольско-кукутенской культуры в целом (табл. LII) типичны преобладание небольших по площади (1—1,5 га) поселений, глинобитных домов небольших (15—30 кв. м) и средних (30—50 кв. м) размеров, широкое использование землянок и полуземлянок под жилье и хозяйственные помещения, устройство семейных жертвенников близ очагов. Каменная индустрия этого периода характеризуется применением в качестве заготовок кремневых отщепов и пластин средних размеров, широким использованием пластин без ретуши, небрежным оформлением рабочей части орудий нерегулярной ретушью, использованием мягких пород камня (сланца, опоки) для изготовления шлифованных деревообрабатывающих инструментов (топоров, тесел, долот). Отличительными чертами керамического комплекса памятников раннего периода являются постепенная смена ребристых форм посуды мягкоочерченными, обилие посуды с углубленными и каннелированными узорами в сочетании с грубой посудой, покрытой ямками, защипами, значительные примеси в глиняном тесте шамота, сплошное покрытие поверхности сосудов спиральным орнаментом с окрашиванием после обжига сырой красной охрой и заполнением углублений белой пастой. Комплексам этого времени присущи схематично выполненные статуэтки, изображающие сидящих женщин с подчеркнутой стеатопигией, слабо выраженными плечами и головой в виде конуса или столбика. Именно в этот период появляется металлургия меди. К особенностям раннего периода можно отнести также быстрое расширение ареала культуры и тесный контакт ее носителей с нижнедунайскими племенами культуры Болград-Алдени.

Памятники первой половины раннего периода

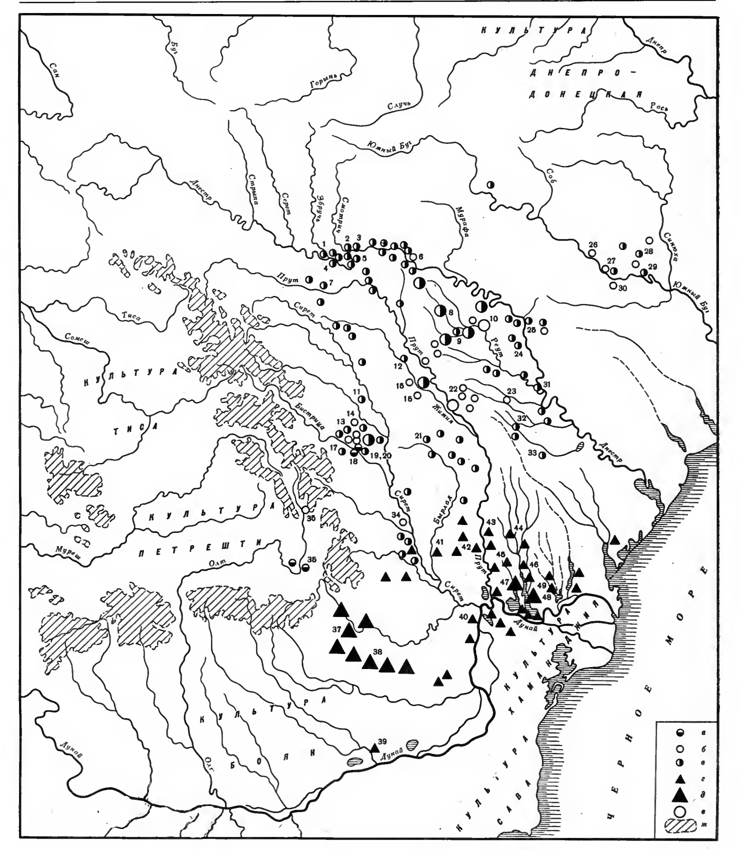
Основанием для выделения памятников 1-й ступени раннего периода (Докукутени I) послужили материалы семилетних раскопок, проводившихся под руководством Г. Думитреску у с. Траян в урочище Дялул Вией в Молдавском Прикарпатье (*Dumitrescu H.*, 1954a; 1959; *Dumitrescu V., Dumitrescu H.*, 1962; 1970; *Думитреску Г.*, 1960). Поселение площадью 1300 кв. м располагалось на средней террасе р. Бистрица (карта 3, *а*, № 19). Здесь раскопаны наземные жилые постройки площадью от 15 до 50 кв. м и хозяйственные ямы, выявлен ров, ограничивающий поселение с напольной стороны и протянувшийся на 300 м. Данные о конструкции жилищ и планировке поселения пока не опубликованы. Очевидно, подобно домам других поселений этого времени, стены жилищ сооружались из глины на плетневом каркасе, а для перекрытия использовались горбыли, обмазанные глиной, причем толщина обмазки достигала 8—10 см.

По мнению авторов раскопок, в жилищах и возле них обнаружены развалы очажных сооружений, возведенных на поверхности земли или на подсыпке из гравия. Близ многих построек на площади 6—20 кв. м зафиксированы кучи камней средних размеров, возможно, предназначавшихся для обороны (*Marinescu-Bîlcu S.*, 1974c).

На поселении найдено большое количество орудий труда: каменные топоры и тесла прямоугольных и трапециевидных очертаний, долота в форме башмачной колодки, топоры-молоты, отбойники, зернотерки, куранты. Много изделий из черного и темно-коричневого кремня. Кремневая индустрия отличается микролитоидностью (*Păunescu A.*, 1970). По данным А. Пэунеску, около половины всех кремневых орудий составляют скребки, причем 32 из них сделаны из пластин, а 21 — из отщепов размерами от 1,7 до 2,3 см, редко — крупнее. Пластин со слабой ретушью найдено втрое меньше, чем скребков, но неретушированных обломанных пластин много. Последние могли использоваться в качестве ножей. Имеются вкладыши серпов (на сечениях пластин без ретуши), пилки, проколки с длинным узким острием, геомет-

Карта 3. Памятники раннего периода культуры Триполье-Кукутени (*1—36*) и культуры Болград-Алдени (*37—49*)

1 — Брага; *2* — Сокол; *3* — Лука-Врублевецкая; *4* — Берново-Лука; *5* — Ленковцы; *6* — Бернашовка; *7* — Витиловка; *8* — Путинешты I; *9* — Александровка I; *10* — Флорешты I-II. Рогожаны I; *11* — Тырпешти I—III; *12* — Андриешени; *13* — Извоаре I; *14* — Трудешти (Гигоешти); *15* — Влэдени; *16* — Ларга-Жижия; *17* — Калу; *18* — Борлешти; *19* — Траян-Дялул Вией; *20* — Траян-Дялул Фынтынилор II; *21* — Тыргу Негрешти; *22* — Кетриш I; *23* — Реча V; *24* — Солончены I; *25* — Солончены II_1; *26* — Гайворон; *27* — Сабатиновка II; *28* — Могильное III; *29* — Греновка; *30* — Саврань; *31* — Голерканы; 32 — Новые Русешты $I_{1б}$; *33* — Карбуна; *34* — Мындришка;

35 — Банку; *36* — Эрестегин; *37* — Алдени; *38* — Джулешти; *39* — Спанцов; *40* — Брэилица; *41* — Дрэгэнешти (Текуч); *42* — Стойкани; *43* — Кокора; *44* — Лопацика; *45* — Вулканешты; *46* — Болград; *47* — Нагорное; *48* — Озерное; *49* — Утконосовка

а — 1-я ступень раннего периода культуры Триполье-Кукутени (Докукутени I); *б* — 2-я и 3-я ступени раннего периода культуры Триполье-Кукутени (Докукутени II); *в* — 4—6-я ступени раннего периода культуры Триполье-Кукутени (Докукутени III); *г* — памятники культуры Болград-Алдени; *д* — группа памятников культуры Болград-Алдени; *е* — группа памятников культуры Триполье-Кукутени; *ж* — Карпаты

рические вкладыши в виде трапеций и параллелограммов с симметричными и асимметричными сторонами. Среди немногочисленных нуклеусов различаются призматические, пирамидальные и неправильной формы. Найдены также шилья, долота и мелкие поделки из рога и кости.

Основную массу находок на поселении составляет керамика. По составу глиняной массы, характеру обработки поверхности, технике исполнения орнамента и формам посуда делится на три группы: кухонную; с резным орнаментом; с каннелюрами или заменяющими их наколами и насечками. Для группы кухонных сосудов характерны обильная примесь в тесте довольно крупного шамота и незначительная примесь половы. Наружная поверхность таких сосудов покрыта неровным толстым слоем жидкой глины — барботином. По форме это горшки и чаши, большинство которых по всей поверхности имеет часто расположенные ямки и бугорки.

Для группы посуды с резным орнаментом также характерно тесто с примесью шамота. Покрытые плотным слоем ангоба, сосуды этой группы прекрасно залощены снаружи и изнутри. Формы их разнообразны: массивный сосуд с цилиндрическим горлом, очень высокими, резко профилированными плечиками, прямыми стенками, слегка сужающимися к широкому дну (табл. LIII, *71*); широкая миска на высокой цилиндрической подставке с прямыми или несколько вогнутыми стенками — так называемая ваза для фруктов (табл. LIII, *72*); биконическая чаша (кубок) с острым или волнообразно утолщенным ребром (табл. LIII, *75*); миска с острым ребром и отогнутым наружу краем (табл. LIII, *76*, *79*); широкогорлый сосуд с сильно раздутыми плечиками, с резко сужающимися ко дну прямыми стенками, условно передающей женскую фигуру — антропоморфный сосуд (табл. LIII, *70*). Сосуды имели крышки. Наиболее типична крышка, нижняя часть которой в виде широкого низкого цилиндра отделена от конусообразной верхней части острым ребром. Крышку венчает массивная полая цилиндрическая ручка с конической головкой (табл. LIII, *68*). Встречаются крышки и с ручкой, напоминающей перевернутую чашу; на такой ручке крышка могла стоять как на поддоне (табл. LIII, *69*; LIV, *10*).

Сосуды и крышки этой группы украшены по всей наружной поверхности; нередко орнаментированы и днища. Орнамент теснейшим образом связан с формой изделия (табл. LIV, *18*). Особенно примечательно, что на антропоморфных сосудах каждую условно изображенную грудь обвивает пара змей, переданных двумя тонкими углубленными линиями, иногда заполненными штрихами или наколами. Заходящие друг за друга головки змей оканчиваются высунутым языком. В одних случаях змеи изображаются целиком, в других — часть туловища змеи исчезает за пределами орнаментального пояса, охватывающего раздутые бока сосуда, и его почти не видно, как это бывает у плывущей по воде змеи. Ритм узора создает иллюзию движения нескольких пар переплетающихся змей. Это впечатление усиливают каннелюры, образующие волнообразную поверхность (табл. LV, 19). Антропоморфные черты и змеиный мотив в орнаменте можно обнаружить у огромного большинства сосудов (табл. LV, *34*, *35*). Например, в чашах с ребром, имеющим четыре выступа в виде сосков женской груди, нашли воплощение две условно переданные женские фигуры, обращенные спиной друг к другу. Таким образом, с одной стороны, сосуд как бы заключен между ними, с другой — сам является частью этих мифических существ. В орнаментике того времени, помимо позитивных и негативных изображений змеи, широко применялись символы в виде ромбов, крестов и овалов.

В следующую небольшую группу объединяются сосуды, покрытые каннелюрами или заменяющими их наколами и насечками (табл. LIII, *77*, *78*). По форме это ребристые чаши (кубки).

Керамика 1-й ступени отличается установившимися формами и приемами орнаментации, канонизированным использованием определенных элементов орнамента. Основные орнаментальные мотивы (змеевидные), представленные на керамике 1-й ступени, сохраняются на протяжении всего существования культуры Триполье-Кукутени.

Особую категорию керамических изделий составляют мужские и женские статуэтки, причем последние явно преобладают. Статуэтки поселения Траян-Дялул Вией делятся на стоящие и сидящие, со слитыми в столбик или раздельно моделированными ногами. Есть статуэтки, верхняя часть туловища которых напоминает так называемые скрипкообразные фигурки. Часть статуэток имеет покатые плечи без обозначения рук, часть — руки в виде коротких выступов, направленных в стороны; у одних фигурок живот плоский, у других — выпуклый. По-разному моделированы и головки. Так, головки некоторых статуэток в виде столбика являются продолжением шеи, при этом нос и глаза едва обозначены. У части фигурок головка округлая, четко изображены овал лица, глаза, нос и рот (табл. LVI, *1*). У одних статуэток признаки пола выражены слабо, у других, напротив, нарочито подчеркнуты. Два представленных в Траян-Дялул Вией типа статуэток, претерпев некоторую трансформацию, стали ведущими на следующей ступени. Это сидящие женские фигурки с соединенными, а реже — с раздельно моделированными ногами.

Среди поселений 1-й ступени — Траян-Дялул Вией единственное, исследованное на большой площади. Около десятка поселений этого времени известно в узких долинах карпатских рек Олт, Негру и Бистрица (*Marinescu-Bîlcu S.*, 1974c). Происхождение их не выяснено. По мнению Гортензии и Владимира Думитреску, древнейшие докукутенские памятники свидетельствуют о синтезе культур линейно-ленточной керамики, Боян-Джулешти, Хаманджия и, возможно, буго-днестровской (*Dumitrescu V.*, 1963a). Что касается последней, то ее носители — охотники и рыболовы — жили в такой дали от Карпат, что вряд ли могли вступать в контакт с земледельческо-скотоводческими докукутенскими общинами. Сомнительны, на наш взгляд, для этого времени и контакты с причерноморской культурой Хаманджия. Вклад же в формирование докукутенской культуры со стороны некогда живших в том регионе носителей культуры линейно-ленточной керамики действительно проявляется, преимущественно в отдельных элементах углубленного орнамента (*Думитреску Г.*, 1960; *Marinescu-Bîlcu S.*, 1971). В еще большей степени

ощущается воздействие со стороны культуры Боян. Техника углубленного узора, отдельные наиболее излюбленные элементы резного орнамента и формы некоторых сосудов фазы Докукутени I находят ближайшие аналогии в керамике культуры Боян. Особенно большое сходство ощущается при сопоставлении острореберных чаш на высоком поддоне с ровными стенками, сосудов подпрямоугольной формы, крышек с высоким полым навершием (*Dumitrescu V*., 1974a, p. 46—48). Сходство этих изделий (табл. LIII, *68*, *71*, *72*) с боянской керамикой фазы Джулешти значительно большее, чем с подобными изделиями других культур Карпато-Дунайского бассейна. Е. Комша, ознакомившись с материалами поселения Траян-Дялул Вией, высказал мнение, что докукутенская культура появилась в результате смешения элементов двух культур — Боян-Джулешти и поздней линейно-ленточной (*Comşa E*., 1974c, p. 244). Дальнейшая эволюция культур Боян и Докукутени представляется ему параллельной. Но, если исходить из того, что стиль керамических изделий этих культур совершенно различен, такое объяснение возникновения докукутенской культуры кажется слишком схематичным. Для решения вопроса явно недостает сведений о некоторых неолитических культурах Карпатского бассейна. О контактах докукутенских общин с населением Трансильвании красноречиво свидетельствуют обломки докукутенской посуды с резным орнаментом, найденные на эпонимном поселении культуры Турдаш. Когда и в результате чего наладилась связь этих культур — неясно.

Первые докукутенские поселенцы Верхнего Олта и Молдавского Прикарпатья, от которых ведут свое происхождение все трипольско-кукутенские общины, в свете данных о раскопках ранних поселений выступают перед нами как общество со сложившейся традицией и в сооружении поселков, и в производстве домашнего инвентаря, и в способе ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства. Выработанный ими способ ведения сельского и домашнего хозяйства был, видимо, настолько рационален в тех условиях, что просуществовал потом веками без особых перемен.

Поселения 2-й ступени раннего периода более изучены. Всего их зафиксировано около 30 (карта 3, *б*). Раскопки проводились в Прикарпатье (Извоаре, Банку, Трудешти-Гигоешти), в бассейне среднего течения р. Прут (Ларга-Жижия, Влэдэни), на притоке Днестра р. Реут (Флорешты, Рогожаны) и на левобережье Днестра (Бернашовка). Наиболее крупные раскопки осуществлены под руководством Т. С. Пассек во Флорештах (*Пассек Т. С*. 1957; 1961а) и В. Г. Збеновича в Бернашовке (*Збенович В. Г*., 1980а; 1980б; 1980в; 1980г). По своим масштабам они значительно превзошли работы на таких широко известных поселениях, как Извоаре (*Vulpe R*.,1957) и Ларга-Жижия (*Александреску А. Д*., 1961), материалы которых послужили основой для характеристики докукутенской фазы (*Dumitrescu V*., 1960). Поселения Бернашовка и Флорешты небольшие, неукрепленные. Площадь поселения Флорешты составляет 120×100 м, площадь поселения Бернашовка — 130×100 м. Первое расположено на краю 20-метровой террасы, второе — на холме первой террасы, возвышающейся над уровнем воды на 9 м.

Во Флорештах скопления кусков обмазки не позволяли четко разграничить площадь отдельных жилищ. Участки, связанные с некоторыми домами, как отмечает Т. С. Пассек, порой имели вид крупных пятен, образованных скоплением всевозможных предметов, костей животных и кусков обмазки. Толщина культурного слоя достигала 0,4—0,5 м, а местами 1 м. На поселении выявлены землянки и хозяйственные ямы. В свете накопившегося опыта раскопок трипольских домов представляется, что расположенные вплотную друг к другу ямы 10, 11 и 12 вполне могли находиться под крышей одного жилища, длина которого достигала 10 м, ширина 6 м (*Пассек Т. С*., 1961а, с. 195—197). Судя по обожженным кускам глиняной обмазки, упавшим в ямы, толщина ее составляла 5—8 см. В некоторых домах на земляной подсыпке посреди земляного пола устроены обмазанные глиной небольшие возвышения, которые могли служить местом как помола зерна, так и домашнего алтаря. Такие глинобитные возвышения просуществовали в трипольском домостроительстве до самого позднего времени. Ямы, похожие на флорештские, были вскрыты В. И. Маркевичем в Рогожанах I (*Маркевич В. И*., 1974б). Сходство наблюдается и в размерах ям, и в характере их заполнения. Наиболее крупное углубление достигало в длину 7,8 м, в ширину — 7,0 и в глубину — 1,4 м. Очажная яма размерами 1,3×0,9 м имела глубину 1,65 м. В верхней части заполнения ямы исследователь отмечает наличие кусков глиняной обмазки, не связанных с конструкциями внутри нее — видимо, они происходят от наземной части жилища.

В отношении определения размеров жилищ и планировки всего поселения более удачны раскопки В. Г. Збеновича в Бернашовке, где вскрыты шесть стоящих по кругу домов площадью от 30 до 60 кв. м. В центре находилось самое большое жилище площадью 150 кв. м. Таким образом, для 2-й ступени раннего периода культуры Триполье-Кукутени выявляется довольно однообразная застройка поселений, при которой жилища и хозяйственные сооружения располагались небольшими группами, но в одном случае по кругу (Бернашовка), а в другом (Флорешты) — более хаотично.

Кремневая индустрия памятников 2-й ступени имеет неолитический облик (табл. LVII). Обработавший несколько коллекций раннего периода А. Пэунеску отмечает поразительное сходство кремневых изделий первых ступеней раннего периода, особенно из Траян-Дялул Вией, с кремневыми орудиями культуры линейно-ленточной керамики (*Păunescu A*., 1970, p. 45). В. И. Маркевич в раннетрипольских коллекциях, происходящих с территории Молдавии, выделяет орудия, известные на поселениях буго-днестровского неолита (*Маркевич В. И*., 1974а, с. 32). Особое внимание оба исследователя обращают на геометрические микролиты из сечений пластин (табл. LVII, *13—15*), в большинстве использовавшиеся как наконечники стрел.

Для кремневой индустрии рассматриваемого времени характерны конические и призматические нуклеусы с аккуратной огранкой, образовавшейся при отделении тонких, ровных пластин. Обычно с одной стороны нуклеуса сохраняется желвачная корка или

делается специальное ребро для закрепления ядрища в деревянной щемилке с целью придания им неподвижности (табл. LVII, *24*), поэтому даже нуклеусы аморфных очертаний имеют ребро, оформленное противолежащими сколами. Часть призматических нуклеусов, сработанных до предела, использовалась в качестве ретушеров (табл. LVII, *23*), часть превращалась в отбойники. Заготовками орудий служили отщепы (длиной 2—3 см, шириной 1,5—2,5 см) и ровные тонкие пластины (длиной 4—5 см, шириной 1—1,2 см). Лезвия режущих инструментов (ножей, серпов) обычно не ретушировались. Притупившиеся пластины выбрасывали, поэтому на территории поселений их находят в большом количестве (например, в Бернашовке — более 700 экз.).

Преобладают в кремневом инвентаре памятников 2-й ступени скребки — они составляют примерно половину всех орудий. Из пластин делали единичные орудия; основная их масса изготовлялась из отщепов. В Бернашовке обнаружено 2215 скребков из отщепов и только 79 из пластин (*Збенович В. Г.*, 1980а; 1980б; 1980в). Ретушью формировался полукруглый (табл. LVII, *21*), круглый (табл. LVII, *19*) или прямой (табл. LVII, *20*) край. Группа скребков из пластин или пластинчатых отщепов со скошенным краем получает распространение несколько позднее (табл. LVII, *18*). Из отщепов и пластин делали скобели (табл. LVII, *3*), иногда проколки (табл. LVII, *4*); исключительно из пластин изготовляли сверла (табл. LVII, *5—9*). Перечисленные типы кремневых орудий обычны для всех ранних поселений. Резцы и резчики особенно обильно представлены на поселениях Поднестровья. В дальнейшем наличие резцов стало особенностью инвентаря поселений Верхнего Поднестровья.

Помимо кремневых орудий и оружия в виде наконечников стрел и копий (табл. LVII, *16*, *17*), для памятников 2-й ступени типичны сланцевые клиновидные топоры (табл. LVII, *29*), тесла (табл. LVII, *27*, *28*), долота (табл. LVII, *26*), мотыги, а также тесла, топоры-молоты и боевые топоры из других пород камня. Довольно многочисленны изделия из кости и рога: шилья, иглы, кочедыги, керамические лощила, мотыги, муфты и рукояти для каменных орудий, рыболовные крючки. Более редкими находками являются костяные штампы и лопаточки для нанесения орнамента на керамику, орудия для разминания шкур, сделанные из лопаток и ребер особей крупного рогатого скота,— струги. Небольшим количеством представлены ножи и шилья из продольно расколотых клыков кабана. Из песчаника делали зернотерки; речные гальки использовались в качестве лощил при изготовлении керамики. На этой ступени выходит из употребления каменное долото в форме башмачной колодки. Устойчивые формы орудий определенных размеров свидетельствуют о значительной степени развитости в первую очередь таких производств, как изготовление орудий труда, переработка продуктов охоты и животноводства, земледелие, деревообрабатывающее и керамическое.

Культурный слой поселений 2-й ступени раннего периода изобилует обломками глиняной посуды. По сравнению с керамикой 1-й ступени особенно видны перемены в формах сосудов (табл. LIII, *52—67*). Очертания их становятся более плавными, число форм с острым ребром значительно уменьшается. Плечики сосудов делаются выше, выделяется придонная часть. У мисок на высокой подставке меняется форма и основного объема, и подставки. Наряду с ребристыми формами распространяются миски полусферических очертаний на высоких подставках с ровными или слегка выпуклыми стенками. Антропоморфные сосуды, служившие для хранения зерна, утрачивают высокую шейку, в связи с чем изменяется форма крышек, предназначенных именно для этих сосудов. Форма их приближается к полусферической, полая ручка (головка) в центре становится ниже. Появляются и крышки с массивной ручкой-головкой.

Орнамент посуды этого времени довольно разнообразен (табл. LIV, *11—17*, *19*; рис. 10). Даже на кухонной посуде возникает больше вариаций защипов, налепов, ямок, валиков с насечками (рис. 10, *2—4*, *6*). Богаче становится узор и на сосудах с углубленным орнаментом, особенно с проглаженным. Орнамент выполнен тонкими аккуратными желобками, изображающими змею или дракона с отчетливо обозначенными деталями головы (рис. 10, *5*). Распространяется способ заполнения всего свободного орнаментального фона оттисками гребенчатого штампа. На большинстве сосудов резной орнамент (рис. 10, *1*, *8*) заменяется проглаженным узором (рис. 10, *5*). Имеются узоры, выполненные тонкими мелкими желобками (рис. 10, *9*); широкие каннелюры сочетаются с оттисками зубчатого штампа и проглаженным орнаментом (табл. LIV, *13*). Углубления инкрустируются белой пастой, а фон орнамента закрашивается красной охрой после обжига. На 2-й ступени увеличивается количество гладкостенных сосудов, которые по форме и характеру обработки поверхности близки чашам, украшенным рядом мелких ямок или парой тонких прочерченных линий. Небрежным становится исполнение выемчатого узора в виде «волчьих зубов» или «шахматной доски» — аккуратные прямоугольные вырезы заменяются вырезами трапециевидной формы, исчезают некоторые элементы более раннего орнамента («усики», небольшие продолговатые ямки в изгибах орнаментальных лент и т. д.). Растительная примесь не добавляется теперь к глиняному тесту. О соотношении разных керамических групп можно судить по данным коллекции из Бернашовки. Кухонная посуда составляет там 54,2%, посуда с выемчатым орнаментом — 16,8, тонкостенная посуда с проглаженным орнаментом, каннелюрами и оттисками штампа — 20%; на прочую керамику приходится 9% (*Збенович В. Г.*, 1980в, с. 106, 112, 117).

Антропоморфная пластика памятников 2-й ступени довольно однообразна. Большинство статуэток представляет собой схематичную женскую фигуру в сидячей позе с разделенными или слепленными ногами (табл. LII). Углубленными линиями внизу живота обозначен треугольник, а на ногах — пальцы. Стеатопигия более выражена даже по сравнению со статуэтками предшествующего времени. Верхняя часть туловища сильно укорочена. Есть фигурки, у которых плечи и грудь не выделены. Реже встречаются фигурки с обозначенными плечами. Головки очень схематичны (рис. 10, *11*). Известны статуэтки

Рис. 10. Керамика и пластика поселений раннего периода культуры Триполье-Кукутени

1—9, 11, 13 — Флорешты II; *10, 14* — Берново-Лука; *12* — Ленковцы

с подпирающими голову рельефно моделированными руками. Они представляют собой раннюю форму скульптурок этого типа. Сидения делаются еще без ножек.

Антропоморфная форма придавалась и погремушкам. Судя по обломку погремушки из Флорешты, ручкой ей служили соединенные ноги женской пустотелой фигурки, в которую были помещены шарики из глины. Антропоморфные черты приданы также глиняным ковшикам, костяным и глиняным амулетам (табл. LVIII, *17*, *18*, *30*). Кроме того, известны глиняные амулеты в форме ромба, звезды, треугольника, зуба оленя. Зубы животных тоже служили амулетами. В инвентаре поселений этой ступени имеются довольно крупные столики-алтари на высоких столбчатых ножках. В целом вещевой комплекс памятников 2-й ступени демонстрирует эволюцию предметов, существовавших в памятниках типа Траян-Дялул Вией.

3-я ступень в развитии памятников раннего периода очень короткая. Поселений этого времени обнаружено мало, целенаправленные раскопки их не производились. Судя по публикациям, к 3-й ступени бесспорно могут быть отнесены лишь два поселения — Мындришка и Окопы и с меньшей уверенностью — поселения у сел Брага, Бабшин, Берново-Малинки, Вороновица и Лука-Устинская (*Bichir Gh.*, 1970; *Збенович В. Г.*, 1980б; 1980г).

На 3-й ступени почти выходят из употребления сосуды с резным инкрустированным орнаментом. Их вытесняют сосуды с проглаженным и штамповым узором (табл. LIII, *47—51*). То же явление наблюдается и в группе кухонной посуды. Уменьшается число горшков и мисок, украшенных по всей поверхности защипами и наколами. На следующей ступени они уже не встречаются. Их место занимают сосуды с довольно тонким ангобом и бедным орнаментом в виде ряда ямок у основания шейки. В керамическом комплексе 3-й ступени отразился процесс замещения одних типов сосудов другими — менее трудоемкими в изготовлении, типичными уже для второй половины раннего периода.

Первая половина периода имела огромное значение для всей последующей истории трипольско-кукутенских племен. Именно в это время с Восточных Карпат (карта 4, I, *2*) часть населения, оставившего памятники типа Траян-Дялул Вией, спустилась в долины рек, протекающих по территории Молдовы. На протяжении 2-й и 3-й ступеней эти племена значительно расширили район своего обитания, заняв территорию между Молдавским Прикарпатьем и Средним Поднестровьем, где и проходило их дальнейшее развитие (карта 4, I, *1*). Наиболее выгодным оказалось географическое положение населения, обосновавшегося в бассейне р. Реут, в районе, связанном многочисленными водными путями с Прутом и Днестром, что обусловило его главенствующую роль среди остальных трипольско-докукутенских племен и быстрое развитие социально-экономических отношений. Последнее проявилось в концентрации населения в пунктах Рогожаны I (более 8 га) и Гура-Каменка (более 30 га) (*Маркевич В. И.*, 1973а; 1973б). Именно из этого района в дальнейшем и произошло расселение трипольских племен в Верхнее и Среднее Поднестровье.

Памятники второй половины раннего периода

Памятники второй половины раннего периода (карта 3, *в*; 4, II) исследованы более полно, чем памятники первой половины. Среди раскапывавшихся памятников 4-й ступени наиболее известны поселения Сабатиновка II_1 и Гайворон на Южном Буге (*Макаревич М. Л.*, 1952б; *Даниленко В. Н.*, 1974; *Збенович В. Г.*, 1980г), Лука-Устинская (*Белановская Т. Д.*, 1961) и Брага (*Борисковский П. И.*, 1950) на Среднем Днестре, Витиловка и Черновцы-Рогатка I на р. Прут (*Тимощук Б. О.*, 1956; 1978), Александровка I и Путинешты I в Северной Молдавии (*Маркевич В. И.*, 1973а). В отличие от Пруто-Днестровского междуречья, истоки трипольских поселений в Побужье недостаточно ясны. Наиболее ранние трипольские памятники этой территории типа Сабатиновка II_1 относятся к 4-й ступени.

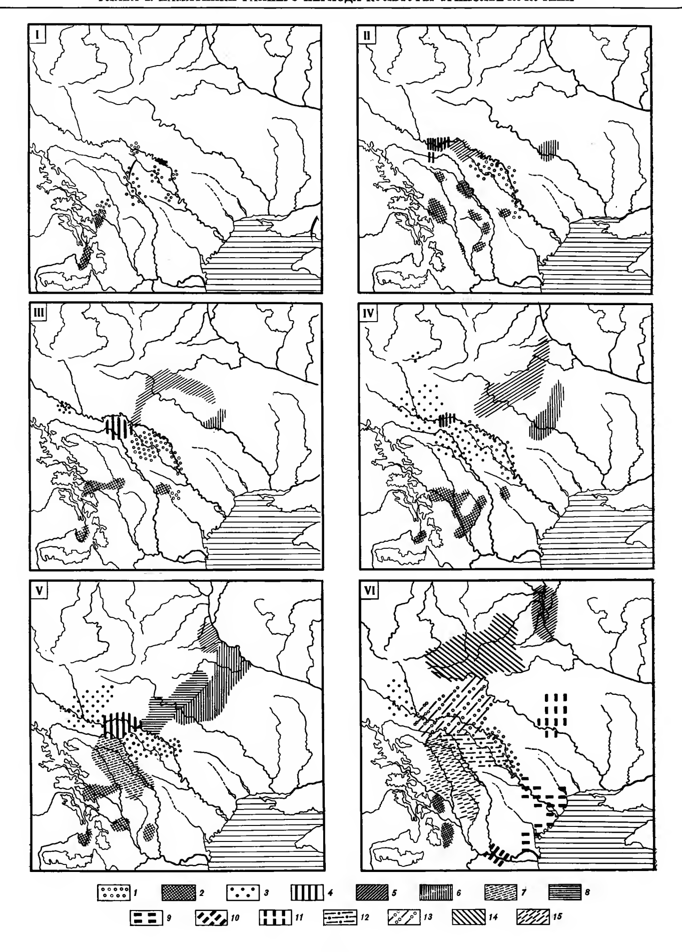
Поскольку ни одно из этих поселений не было вскрыто полностью, судить об их площади и планировке пока не представляется возможным. На поселениях Александровка I, Путинешты I, Витиловка и Сабатиновка II_1 расчищены наземные и полуземляночные постройки жилого и хозяйственного назначения. Так, на поселении Путинешты I наземный дом подпрямоугольной в плане формы (6×4 м) имел пол, сооруженный на уровне древней дневной поверхности и обмазанный глиной с примесью половы, а также печное сооружение. На том же памятнике вскрыты две округлые в плане полуземлянки диаметром 5,0—6,6 м и глубиной до 1 м с ямами в полу, заполненными золой. Постройки, подобные описанным, характерны для всех известных поселений 4-й ступени.

Кремневый, каменный и костяной инвентарь памятников 4-й ступени по соотношению разных типов орудий и технике изготовления в целом не отличается от набора орудий предшествующего времени.

Отличие рассматриваемых памятников проявляется прежде всего в керамике. В комплексах 4-й ступени посуда с резным (выемчатым) узором уже не встречается. Ее полностью заменяют сосуды с проглаженным орнаментом, хотя сами узоры остаются традиционными. Изменения заметны и в формах (табл. LIII, *34—46*): у мисок на высокой подставке теперь делаются отверстия в подставках; наряду с полусферическими крышками, имеющими в центре низкую ручку, появляются высокие, но уплощенные крышки с широким отогнутым краем и без ручки. Существенные изменения наблюдаются и в группе кухонной посуды. Преобладавшие ранее сосуды, сплошь покрытые ямками, бугорками, валиками или защипами, начинают выходить из употребления. Их

Карта 4. Схема ареалов территориальных групп культуры Триполье-Кукутени

I — первая половина раннего периода (1—3-я ступени); II — вторая половина раннего периода (4—6-я ступени); III — первая половина среднего периода (1—4-я ступени); IV — вторая половина среднего периода (5—7-я ступени); V — первая половина позднего периода (1—6-я ступени); VI — вторая половина позднего периода (7—11-я ступени)
1—15 — территориальные группы

I
II
III
IV
V
VI
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

вытесняют горшки и миски с шероховатыми стенками, орнаментированные лишь рядом ямок у основания шейки. Формы горшков становятся более закрытыми.

Заметны изменения и в пластике комплексов 4-й ступени. Так, статуэтки из Александровки I указывают на развитие крайне схематичного типа сидящих женских фигурок. Шея, сливающаяся с верхней частью туловища, вылеплена в виде узкого или расширяющегося вверху для обозначения головы столбика. Меняется стиль лепки не только статуэток, но и антропоморфных детских погремушек. Погремушка с поселения Александровка I имеет столбчатую ножку и геометрические очертания, что сильно отличает ее от более ранней погремушки из Флорешты, исполненной в натуралистической манере.

Бо́льшая часть известных нам раннетрипольских поселений относится к 5-й ступени. В их числе Голерканы, Сокол (*Пассек Т. С.*, 1961а) и Ленковцы (*Черниш К. К.*, 1959б) в Поднестровье, Сабатиновка II_2 (*Даниленко В. М.*, *Макаревич М. Л.*, 1956б) в Побужье, Извоаре I_2 (*Vulpe R.*, 1957) и Траян-Дялул Фынтынилор II (*Dumitrescu H.*, 1959; *Marinescu-Bîlcu S.*, 1974c) на р. Бистрица. Все это поселения небольшой площади, видимо, с гнездообразно расположенными постройками. Жилища — наземные и полуземляночные. Преобладают постройки малых (до 20 кв. м) и средних (до 50 кв. м) размеров; крупные жилища (100—150 кв. м) единичны. Например, на поселении Ленковцы из пяти раскопанных наземных жилищ одно, частично разрушенное, имело площадь 14 кв. м (7×2 м), два — 40 кв. м (8×5 м), одно — 50 кв. м (10×5 м) и одно — 144 кв. м (18×8 м).

Сохранность строительных остатков на поселении Ленковцы позволяет пересмотреть представление о типах жилищ, сложившееся во время раскопок 50-х годов. Полуземлянки с очажными ямами внутри, частично перекрытые глинобитными площадками, по традиции воспринимались тогда как землянки более древнего строительного горизонта (*Черниш К. К.*, 1959б). В действительности же они (табл. LII) были частью конструкции домов, что неоднократно наблюдалось впоследствии при исследовании приднестровских поселений на территории Молдавии (*Черныш Е. К.*, 1973; *Зиньковский К. В.*, 1973; *Маркевич В. И.*, 1973а). Жилища имели прямоугольные очертания и высоту около 2,5 м. Стены их делались из плетня и глины. Потолочное перекрытие состояло из горбылей, уложенных плоской стороной вниз и обмазанных сверху в несколько слоев глиной с растительной примесью. Толщина одного слоя глины составляла около 4 см. В крупных жилищах местами наблюдалась обмазка в три-четыре слоя. Наряду с такими домами были и постройки хозяйственного значения, на месте которых глиняной обмазки вовсе не обнаружено. Различные по размеру и конструкции постройки одинаково имели земляные полы, на которых найдены камни зернотерок, раздавленные сосуды и другой инвентарь (*Черниш К. К.*, 1959б, с. 16, рис. 12). Почти с каждым из жилищ связана хозяйственная яма. В северо-западном углу одного из крупных жилищ располагалась яма размерами 4,0×3,5 м, а в центре — небольшая ямка, где стоял антропоморфный сосуд (рис. 10, *12*). В другом жилище (50 кв. м) хозяйственная яма меньших размеров (2,2×2,1 м) использовалась для приготовления пищи. В ней находился очаг, функционировавший длительное время. Погребом здесь служила яма, выкопанная в углу дома. Ее диаметр достигал 1,3 м, а глубина 0,7 м. В домах имелись возвышения, сооруженные из земли и обмазанные глиной, смешанной с песком. Конструкцию печей установить не удалось. В графической реконструкции крупного ленковецкого дома (табл. LIX, *2*) использованы данные о трипольских печах памятников Днестровско-Прутского региона. В остальном эта реконструкция основывается на промерах, сделанных по отпечаткам древесины на глиняной обмазке.

Наряду с наземными домами на поселении Ленковцы вскрыта полуземлянка округлой формы размерами 6,8×5,0 м и глубиной около 1 м, служившая хозяйственным помещением одного из домов. Как и в более раннее время, площадь вокруг очага была здесь местом приготовления пищи и производства орудий. Возле очага помещали рога жертвенных быков, женские статуэтки, камни зернотерок. Обычно рядом с очагом в таких сооружениях находят большие скопления кухонных отбросов (кучи раковин моллюсков, кости животных) и отходов производства кремневых и костяных орудий. Пол в них неровный, изрытый ямками, имеет перепад глубин на отдельных участках 0,3—0,5 м и более. Большинство подобных сооружений, ошибочно считавшихся ранее самостоятельными жилищами, в действительности являются хозяйственными пристройками наземных домов.

Наземные постройки площадью 84 и 119 кв. м, вскрытые на поселении Сабатиновка II_2, отличаются от жилищ других районов наличием каменных вымосток перед входом. Здесь обнаружена также постройка, специально предназначенная для выпечки хлеба. В ней находились хлебная печь, множество камней зернотерок и жертвенное место — обмазанное глиной земляное возвышение со стоявшими на нем статуэтками.

В кремневом инвентаре поселений, начиная с 5-й ступени, увеличивается число орудий из пластин и большее распространение получают широкие пластины для скребков. Зарождается техника изготовления тесел и долот из кремня. В ленковецких жилищах найдено пять заготовок таких орудий из местного серого кремня, оказавшихся недоделанными, видимо, из-за дефекта в материале (*Черниш К. К.*, 1959б, с. 47, рис. 11, *19—21*). По-прежнему много костяных орудий для обработки и сшивания шкур, плетения, вязания (шилья, лощила, кочедыги, спицы), а также мотыг из рога благородного оленя.

Медные изделия впервые появляются на памятниках 5-й ступени. На поселении Ленковцы найден небольшой пластинчатый браслет, на поселении Кельменцы — маленькое долото, на поселении Извоаре I_2 — три небольших медных предмета (табл. LX). В настоящей работе используется сводная таблица, составленная Н. В. Рындиной и включающая основные типы медных изделий культуры Триполье-Кукутени (*Рындина Н. В.*, 1971, рис. 31).

В керамических комплексах рассматриваемого времени (табл. LIII, *17—33*) увеличивается число форм как в группе кухонных сосудов, так и в груп-

пах посуды с углубленным (проглаженным) и каннелированным орнаментом. Группа кухонных сосудов (табл. LIII, *27—33*) включает конические и широкогорлые с отогнутым наружу краем миски, полусферические горшки, округлобокие с цилиндрическим горлом и широкогорлые с отогнутым наружу краем горшки, плоские крышки, дуршлаги и миниатюрные сосуды с носиком-сливом. Тесто сосудов этой группы содержит примеси шамота (часто очень крупного), обжиг их неровный. Наружная поверхность сосудов шероховатая, внутренняя — гладкая. Обычно у основания шейки они орнаментированы рядом ямок и налепных бугорков. На стенках и ручках некоторых сосудов помещены рельефные изображения женских фигур, как бы обхватывающих сосуд (табл. LXI, *4*, *5*), или обозначены только их руки (табл. LXI, *2*), как это практиковалось еще на первых ступенях раннего периода (табл. LXI, *1*, *3*).

Группа сосудов с проглаженным орнаментом (табл. LIII, *17—21*, *23—26*) включает антропоморфные сосуды с полусферическими крышками, большие и высокие крышки с отогнутым наружу краем, предназначенные для хранения под ними продуктов и различных предметов, крынкообразные сосуды с ручками у края, широкогорлые горшки и миски с отогнутым краем, ритуальные сосуды без дна с отверстиями в стенках, ковши, в том числе с ручками, имеющими отверстия. Вся эта посуда сделана из хорошо отмученной глины с примесью мелкого шамота, слабо обожжена, пориста. Поверхность сосудов сплошь орнаментирована лентами из двух параллельных линий, заполненными или перемежающимися круглыми ямками. В негативно-позитивном узоре преобладают спиралевидные мотивы (табл. LIV, *1*, *2*, *4—6*, *8*; рис. 10, *12*). Как правило, орнамент оттеняется красной охрой, нанесенной после обжига.

Небольшая группа каннелированных сосудов состоит из округлобоких горшков с отогнутым краем, крынкообразных сосудов с налепами и ковшей с длинными ручками. Они вылеплены из хорошо отмученного теста, тщательно залощены, слабо обожжены. Каннелюры, использовавшиеся одновременно с оттисками мелкозубчатого штампа, образуют овалы, круги и другие геометрические фигуры, а иногда употребляются в сочетании с налепами.

Впервые в комплексах 5-й ступени появляется группа гладкостенных сосудов, сплошь окрашенных красной охрой после обжига (табл. LIV, *3*). О соотношении керамических групп в комплексах 5-й ступени можно судить по материалам поселения Ленковцы, где кухонные сосуды составляют 42%, сосуды с проглаженным орнаментом — 46, каннелированные сосуды — 8,5, гладкостенные — 3,5% (*Черниш К. К.*, 1959б).

Наиболее существенные изменения в пластике поселений 5-й ступени заключаются в распространении фигурок, целиком покрытых углубленным узором, с подчеркнуто расширяющимися плечами и широкой тазовой частью, с головками, как и прежде имеющими вид столбика (обычно без изображения лица). Помимо вышеописанных статуэток, на поселении Сабатиновка II_2 найдены скульптурные изображения женщин и сидений, покрытые белой мажущейся краской после обжига и расписанные красной охрой.

Поселения последней, 6-й, ступени раннего периода известны по раскопкам в Поднестровье у сел Лука-Врублевецкая (*Бибиков С. Н.*, 1953) и Берново-Лука (*Пассек Т. С.*, 1961а), на р. Ботна у с. Новые Русешты близ г. Кишинева (*Маркевич В. И.*, 1970а), в нижней части Среднего Поднестровья у с. Солончены (*Пассек Т. С.*, 1961а; *Мовша Т. Г.*, 1955; 1960а; 1965а) и в урочище Александровка у с. Кирилловка Кодымского р-на Одесской обл. (*Есипенко А. Л.*, 1957; *Зиньковский К. В.*, *Зиньковская Н. Б.*, 1974), в Побужье в с. Греновка (*Макаревич М. Л.*, 1952б), на р. Бырланд в с. Негрешти, на р. Жижия в с. Андриешени, в Прикарпатье у с. Тырпешти (*Marinescu-Bîlcu S.*, 1974с). Отметим, что полностью раскопаны поселения, расположенные в крайних точках ареала трипольско-кукутенских общин: Лука-Врублевецкая на левобережье Днестра — на северо-востоке, Тырпешти в Прикарпатье — на западе.

Поселение Лука-Врублевецкая состояло исключительно из землянок, располагавшихся в ряд вдоль берега Днестра на протяжении 200 м. Одна из них выделялась размерами: 43×2,5—3,5 м. Землянки меньших размеров группировались по две-три вместе. Во всех них были очаги-кострища. В одной из землянок на западной окраине поселения центральное место занимали очаги с глиняной обмазкой, под одним из которых было совершено захоронение ребенка (скорченное на боку), а под другим — черепа быка (*Бибиков С. Н.*, 1953). Скорее всего это помещение не было жилым. Очевидно, здесь совершались обряды, связанные с магией плодородия. Остальные землянки этого поселения больше похожи на жилища, хотя полная их реконструкция весьма затруднительна. Хорошо укрытое крутым склоном высокого берега Днестра, поселение не было искусственно укреплено.

Поселение Тырпешти первоначально имело размеры 70×35 м, располагалось на краю мыса, было ограничено рвом шириной около 2 м и состояло из семи наземных построек площадью от 12 до 77 кв. м. Некоторое время спустя ров был засыпан, в 20 м от него выкопан новый ров, а на свободном участке построено еще три дома. Жилища сгруппированы здесь по два и по три.

На поселении Александровка (Одесская обл.) дома располагались тремя рядами вдоль реки, причем зафиксированы пристройки одних домов к другим (*Зиньковский К. В.*, *Зиньковская Н. Б.*, 1974; 1975а; 1975б). Центральная часть одного из домов имела второй этаж, служивший жильем, и несколько углубленный в землю нижний этаж с пристроенными к нему боковыми хозяйственными помещениями. Землянки поселения Новые Русешты близки жилищам Луки-Врублевецкой. Бóльшая из них имела размеры 13×8 м, меньшая — 5,2×3,8 м. Между ними находилась хозяйственная яма диаметром 2 м. В жилищах были устроены глинобитные возвышения с бортиком площадью 0,8 и 1,1 кв. м. На поселении Солончены I в Молдавии вскрыты подобные полуземлянки с обильным инвентарем.

Таким образом, раскопки названных поселений свидетельствуют о сгруппированности жилищ в за-

висимости от родственных и хозяйственных связей их обитателей. Этот принцип планировки сохраняется и в последующее время с той лишь разницей, что меняется площадь поселений и размеры домов.

Могильники раннего и среднего периодов культуры Триполье-Кукутени до сих пор не обнаружены. Представление о погребальном обряде, практиковавшемся ее носителями, складывается исключительно на основании данных о захоронениях, совершенных на площади поселений. Наиболее древние из них относятся к самому концу раннего периода. Это разрушенное безынвентарное погребение ребенка в Луке-Врублевецкой (*Бибиков С. Н.*, 1953) и погребение мужчины 18—19 лет в нижнем горизонте многослойного поселения Солончены II, расчищенное ниже уровня пола жилища среднего периода трипольской культуры (*Мовша Т. Г.*, 1960а; 1965а), где умерший был положен на левый бок, головой на юго-восток, с сильно согнутыми ногами, с согнутой левой рукой, кисть которой находилась под головой. Близ него лежали обломки посуды — кухонного горшка, украшенного рядом ногтевых вдавлений, дуршлага и двух тонкостенных лощеных сосудов с проглаженным и каннелированным орнаментом, типичным для таких трипольских поселений, как Александровка (Одесская обл.), Солончены I, Голерканы (*Есипенко А. Л.*, 1957; *Пассек Т. С.*, 1961а). Положение погребенного полностью соответствует обрядам, по которым совершалось захоронение у огромного большинства земледельческих племен Балканского полуострова начиная с раннего неолита (*Comşa E.*, 1974b). По мнению ряда исследователей, погребения, расчищенные на площади поселений, являются жертвенными захоронениями, совершенными с целью увеличения плодородия земли (*Мовша Т. Г.*, 1960а, с. 66).

Кремневые и каменные орудия труда комплексов 6-й ступени раннего периода (табл. LII) изучены довольно хорошо в первую очередь благодаря раскопкам поднестровских поселений (*Бибиков С. Н.*, 1953; *Пассек Т. С.*, 1961а; *Скакун Н. Н.*, 1978). Они значительно отличаются от орудий первой половины раннего периода. Кремневые изделия в районах, богатых сырьем, изготовлены в основном из ровных, аккуратно отретушированных пластин средней величины (5—7×1,5—2,5 см), которые в Луке-Врублевецкой составляют, например, 85%. В районах, население которых получало высококачественный кремень путем обмена, изделий из пластин намного меньше. Так, в Александровке (Одесской обл.) на них приходится всего 35,6% (*Бибиков С. Н.*, 1953; *Скакун Н. Н.*, 1978). Ножи, вкладыши серпов, скребки, сверла, развертки, резцы сделаны из пластин правильной формы с боковыми гранями одинаковой длины. Из отщепов изготовлены в основном скребки и скребла. Шлифованные топоры и тесла подпрямоугольной и трапециевидной форм из мягких пород камня имеют более правильные геометрические очертания. Размеры их варьируют от 4×3,5 и до 13×8 см. Наряду с обычными сверлеными топорами-молотами получают распространение шестигранные боевые топоры, видимо, служившие одновременно и символами власти (*Бибиков С. Н.*, 1953, табл. 20; *Черниш К. К.*, 1959б, табл. IV; *Marinescu-Bîlcu S.*, 1974с, fig. 22). Среди зернотерок ладьевидной, овальной и подчетырехугольной форм преобладают экземпляры с выпуклой нижней стороной, изготовленные из продольно рассеченного валуна плотного песчаника. Наиболее распространенные размеры рабочей поверхности — 21×14, 21×16, 23×10, 35×27 см. Более крупные зернотерки редки. Куранты изготовлены из песчаника и твердых пород камня (*Бибиков С. Н.*, 1953; *Скакун Н. Н.*, 1978).

Орудия из кости и рога поселений 6-й ступени практически не отличаются от более ранних. Это роговые мотыги с тесловидным, конусовидным и диагонально расположенным рабочим лезвием, землекопалки из рога косули, костяные лощила для керамики (чаще всего из пяточной кости быка), керамические штампы из створок раковины Unio, костяные инструменты для разминания шкур, шилья, проколки, лощила для разглаживания швов, обломки охотничьего оружия (гарпуна, остроги).

К 6-й ступени раннего периода относится уникальная находка антропоморфного сосуда, содержащего редкие и ценные для того времени изделия из меди, мрамора и раковин, в яме среди жилищ трипольского поселения у с. Карбуна в Центральной Молдавии (*Сергеев Г. П.*, 1963). По сравнению с единичными медными предметами (шильями, рыболовными крючками, мелкими украшениями), происходящими с поселений Новые Русешты, Солончены I, Лука-Врублевецкая, Берново-Лука, Кельменцы и Извоаре II_2 (табл. LX), находка сосуда, наполненного металлическими вещами (табл. LXII, *1—56*), вызвала сенсацию и стала известна как Карбунский клад. Из составляющих его 852 предметов 444 медные. Это спиральные браслеты, цилиндрические бусы, пронизки, пластинчатые антропоморфные амулеты, нашивные бляшки, массивный проушной топор с полукруглым, слегка расширенным лезвием, массивный клиновидный топор с полукруглым лезвием и две медные полосы-заготовки. Металлографический анализ этих изделий позволил установить, что приемы обработки металла не выходят за рамки использования различных кузнечных операций и что подавляющее большинство изделий изготовлено методом горячей ковки металла (*Рындина Н. В.*, 1971). Спектральный анализ показал, что сырьем для них служила металлургическая медь, привезенная из Балкано-Карпатской металлургической провинции (*Черных Е. Н.*, 1970; 1976а). Данные структурного анализа свидетельствуют: большинство медных изделий, найденных на раннетрипольских поселениях, происходит из местных мастерских (*Рындина Н. В.*, 1961; 1962; 1971). Косвенным доказательством существования последних является выделение с помощью трассологического метода инструментов для обработки металлической руды и изготовления орудий из металла (*Скакун Н. Н.*, 1978).

Керамика комплексов 6-й ступени (табл. LIII, *1—16*) раннего периода несколько отличается от посуды поселений 5-й ступени. В группе кухонной керамики (табл. LIII, *13—16*) формы становятся более закрытыми и вытянутыми, появляются крупные округлобокие горшки с высокой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Пальцевые расчесы, направленные в разные стороны, покрывают поверхность сосудов и дополняются разнообразными налепами (табл. LXI, *10*, *11*, *13*, *14*). В группе сосудов с про-

глаженным орнаментом (табл. LIII, *5*, *6*; LXII, *47*) антропоморфность выражена отчетливее, чем в формах предыдущей ступени. Особенно показательны черпаки, емкость которых соответствует форме чаш (кубков), а ручка вылеплена в виде стилизованной женской фигурки. Крупные овальные отверстия в таких ручках характерны только для черпаков с памятников 6-й ступени (табл. LIII, *7*; LXIII, *15*, *33*, *51*). В группе керамики с каннелированным орнаментом (табл. LIII, *12*; LXII, *46*; LXIII, *24*, *41*) получают развитие сосуды с широкими, неглубокими каннелюрами, а также с каннелюрами, обрамленными ямками с оттисками круглого зубчатого штампа. Появляются сосуды, орнаментированные исключительно рядами оттисков гребенчатого штампа (табл. LXIII, *25*). В группе гладкостенных сосудов на 6-й ступени впервые встречаются экземпляры с окрашенной до обжига поверхностью, причем обычно использовалась одна краска — белая или красная. Обломки такой посуды найдены на поселениях Берново-Лука (табл. LXIII, *52*) и Карбуна.

Определенные различия в формах сосудов и способах их орнаментации обнаруживаются при сравнении поселений 6-й ступени таких крупных районов, как Побужье, Поднестровье и Прикарпатье. Однако говорить о переменах в керамике последней ступени сложно, поскольку предшествующее развитие культуры на поселениях разных районов привело к выработке сходных, но неодинаковых форм (табл. LXIII). Общины, обитавшие в Поднестровье и Побужье, создали своеобразные антропоморфные сосуды с крышками, служившие преимущественно для хранения зерна (табл. LXIII, *36*, *53*). В тех же районах получили большое распространение крышки шлемовидной формы (табл. LXIII, *32*, *50*). В Поднестровье создан тип сосудов с раздутыми боками, невыраженной шейкой и без поддона (табл. LXIII, *54*), что в основном и отличает его от антропоморфных сосудов упомянутого выше типа. Глубокие миски с высокими плечиками имеют здесь плавные очертания; грудь мифического существа обозначена двумя налепными бугорками (табл. LXIII, *43*). На чашах налепы отсутствуют. «Сосудам» без дна, использовавшимся с ритуальными целями, придано несколько форм (табл. LXIII, *30*), причем наиболее простая из них могла стать исходной при создании так называемых биноклевидных сосудов. Одной из древнейших находок биноклевидного сосуда является его фрагмент (перемычка), происходящий из Луки-Врублевецкой.

В западном регионе вместо антропоморфных сосудов на высоком основании используются горшки или глубокие чаши на высоком поддоне с антропоморфными налепами на стенках (табл. LXIII, *10*). Тот же прием практикуется и при лепке небольших глубоких чаш (табл. LXIII, *3*). Для этого района характерны чаши и миски с ребром — в этом проявляется сохранение местной традиции (табл. LXIII, *5*, *8*). Техника выполнения углубленного узора повсеместно меняется в сторону нанесения широкого, мелкого, небрежно прочерченного желобка (табл. LIV, *7*). Утратив глубину и резкость очертаний, желобки становятся непригодными для заполнения белой массой и их окрашивают краской. В дальнейшем это позволило перевести углубленные узоры в рисованные. На 6-й ступени в некоторых южных районах распространяется манера покрытия всей поверхности сосуда жидким слоем белой краски. Такие сосуды найдены, например, на поселениях Негрешти и Солончены I.

На приднестровских поселениях 6-й ступени увеличивается число статуэток с углубленным узором (табл. LVI, *2*, *3*, *5–7*, *10*, *11*; LXIV; *2*; LXV; *35*; рис. 10, *10*, *14*) в то время как в южных и западных районах по-прежнему превалируют статуэтки с гладкой поверхностью (табл. LXV, *17*, *21*). Пользуясь классификацией А. П. Погожевой (*Погожева А. П.*, 1971), Н. В. Зиньковская выделяет в группе женских статуэток поселения Александровка (Одесская обл.) несколько типов (*Зиньковская Н. Б.*, 1976). Преобладающим (70%) является тип неорнаментированных женских фигурок с укороченным туловищем в полусидячей позе. Фигурки с углубленным орнаментом, передающие стоящую позу, составляют всего 8,4%, а частично орнаментированные фигурки, в том числе с моделированными руками,— 3,7%. Среди мужских фигурок имеется лишь одна статуэтка с моделированными руками. В целом пластика 6-й ступени схематична, хотя и не лишена некоторых черт натурализма. По мнению Т. Г. Мовша, именно в это время начинают распространяться фигурки реалистического стиля (*Мовша Т. Г.*, 1953). Такие фигурки найдены в Александровке (Одесская обл.). Среди статуэток реалистического стиля конца раннего периода следует выделить так называемый тип мыслителя. Прекрасный экземпляр последнего представлен на поселении Тырпешти (*Marinescu-Bîlcu S.*, 1974c, fig. 88, *10*). Это фигурка человека, подпирающего голову руками с двух сторон и локтями упирающегося в колени. Она напоминает статуэтку культуры Болград, происходящую с поселения Вулканешты. В целом же для поздних поселений характерны два основных типа женских сидящих статуэток: с гладкой поверхностью (рис. 10, *10*) и со сплошной орнаментацией углубленными линиями и ямками (рис. 10, *14*). Последний тип в дальнейшем стал преобладающим даже на территории, где в ранний период превалировали фигурки с гладкой поверхностью. На 6-й ступени появляются также статуэтки животных, декорированные углубленными линиями и ямками.

На финальной ступени различия проявляются не только в материальной культуре, но и в хозяйстве общин, обитавших в разных географических условиях. Так, в Среднем Поднестровье в сильно облесенной местности более половины мясной пищи общины получали за счет охоты, к тому же половину стада домашних животных здесь (Лука-Врублевецкая) составляли свиньи (*Бибиков С. Н.*, 1953). В то же время на юге лесной зоны выделились общины (Карбуна), которые на 80% обеспечивали себя мясной пищей за счет домашних животных (*Цалкин В. И.*, 1970). У северо-восточных общин большое развитие получили добыча и обработка кремня, а также обработка рога и кости, у южных — благодаря прочным связям с населением Нижнего Подунавья осваивалась металлообработка (*Рындина Н. В.*, 1971). От общин культуры Болград-Алдени к трипольцам поступали металл, изделия из мрамора и морских раковин, желтый добруджский кремень, видимо,

красная охра, а заодно с ними — и отдельные расписные сосуды и статуэтки (*Маркевич В. И.*, 1970а; 1973б; *Пассек Т. С.*, *Черныш Е. К.*, 1965; *Зиньковская Н. Б.*, 1976). Это не могло не отразиться на облике культуры южнотрипольских общин. Таким образом, в силу определенных условий, в которых находились в ранний период общины культуры Триполье-Кукутени, сложились некоторые отличия, позволяющие выделить группы памятников со сходными чертами на разных территориях. Процесс развития культуры этих групп населения послужил основой для дальнейшего формирования локальных вариантов трипольской культуры в целом.

По ряду признаков поселения конца раннего периода можно объединить в группы, соответствующие локальным вариантам культуры Триполье-Кукутени. Наиболее древняя группа памятников, включающая поселения 1-й ступени, известна в Трансильвании на р. Олт (карта 4, I, *2*) и в Молдавском Прикарпатье (карта 4, II, *2*). Развитие памятников этой группы отражают материалы поселений Траян-Дялул Вией, Извоаре I_1, Извоаре I_2, Тырпешти III (см. табл. 9, *9*; карта 3). Четыре группы памятников ведут свое начало со 2-й ступени раннего периода. Две из них изучены очень слабо. Это поселения в долине р. Прут и его притока р. Жижия, а также памятники на Бырладском плато (карта 4, II, *2*; табл. 9, *8*), с которыми связаны единичные поселения Центральной Молдавии. Две другие группы исследованы лучше. Одна из них, известная по раскопкам поселений Флорешты, Александровка I, Путинешты I, Голерканы и Солончены I (табл. 9, *1*; карта 3), занимает территорию вдоль Реута и Днестра примерно до места впадения в последний р. Мурафы (карта 4, II, *1*). Северо-восточнее находится еще одна группа памятников. Она занимает левобережье Днестра между его притоками Жван и Жванчик (карта 4, II, *5*). Это поселения Бернашовка, Окопы, Лука-Устинская, Лука-Врублевецкая (см. табл. 9, *5*; карта 3). С 4-й ступени начинают свое развитие памятники Побужья. На небольшом отрезке Южного Буга в месте слияния с ним рек Дахны и Саврапки сосредоточен целый ряд поселений, из которых наиболее исследованы Гайворон, Сабатиновка II, Греновка (карта 4, II, *6*; см. табл. 9, *6*; карта 3). На протяжении 4-й и 5-й ступеней заселялись отдельные районы междуречья Верхнего Прута и Днестра (карта 4, II, *4*). Часть памятников этой территории тяготеет к Днестру (см. табл. 9, *3*; карта 3), часть — к Пруту (см. табл. 9, *4*; карта 3). Группировка памятников со сходными признаками по указанным районам позволяет в настоящее время наметить ряд локальных вариантов культуры Триполье-Кукутени раннего периода, из них четыре варианта имеют достаточно хорошо выраженные линии развития (см. табл. 9, *1*, *5*, *6*, *9*).

Все сказанное выше можно резюмировать следующим образом. Культура Триполье-Кукутени складывалась на рубеже V и IV тысячелетий до н. э., впитывая элементы культур Боян, линейно-ленточной керамики, Хаманджия (табл. 10). Памятники раннего периода существовали на протяжении всей первой половины IV тысячелетия до н. э. Их формирование происходило на территории Юго-Восточной Трансильвании и Восточного Прикарпатья. Именно здесь сосредоточены памятники 1-й ступени раннего периода (Докукутени I), содержащие основные компоненты рассматриваемой культуры. На 2-й ступени (Докукутени II) почти все общины ушли из Трансильвании и заселили плодородные земли лесостепной зоны от Сирета до Днестра. Рассредоточие памятников на этой территории свидетельствует о том, что не избыток населения заставлял людей перемещаться на большие расстояния, а экстенсивный способ ведения земледелия и животноводства, при котором была необходима периодическая смена земельных угодий. Расселение общин положило начало образованию локальных особенностей культуры. Со 2-й ступени в ее развитии намечаются четыре параллельные линии, а с 5-й — восемь.

Небольшие размеры поселений и определенная сгруппированность жилищ указывают на существование большесемейных общин с первых же ступеней раннего периода культуры Триполье-Кукутени. Увеличение числа поселений к концу раннего периода явилось следствием отпочкования небольших коллективов от старых общин. Находки символов власти в виде сверленых топоров особой формы, а также мужские и женские парадные украшения свидетельствуют о начале процесса социальной дифференциации в среде общинников. Место обитания, выбранное в ранний период, определило направление развития хозяйства и культуры различных общин. Расстояние, разделяющее отдельные группы общин, влияло на прочность внутриплеменных торговых (меновых) и культурных контактов, что привело в конце раннего периода к обособлению северо-восточных общин, заселивших левобережье Среднего Днестра. С этого момента начинается самостоятельный путь развития их культуры, базирующейся на знаниях, достигнутых к концу раннего периода. Юго-западные общины, напротив, постоянно контактировали с населением Нижнего Подунавья и Трансильвании, черпая у них новые знания в различных областях культуры.

Глава третья
Памятники среднего периода культуры Триполье-Кукутени и основания выделения локальных вариантов

В формировании трипольско-кукутенской культурной общности средний период развития имеет очень важное значение. В это время наблюдается заметный прогресс в различных отраслях хозяйства, усиливаются контакты со степным населением и межплеменной обмен, расширяется ареал культуры, четче оформляются ее локальные особенности (карта 5; 4, III—IV).

Согласно принятой периодизации поселений трипольской культуры, средний период включает два этапа, из которых ранний (BI) синхронен фазе Кукутени A, подразделяемой на четыре ступени, а поздний (BII) — фазе Кукутени A—B, подразделяемой на две ступени (*Пассек Т. С.*, 1949а; *Dumitrescu V.*, 1979). Нерасчлененность этапов BI и BII создает неудобства при сопоставлении материалов, характеризующих поселения разных локальных групп, поэтому в последнее десятилетие неоднократно ставился вопрос о необходимости деления каждого из них на несколько ступеней (*Цыбесков В. П.*, 1971; *Мовша Т. Г.*, 1972; *Попова Т. А.*, 1972; 1979; 1980а; *Виноградова Н. М.*, 1974; *Заец И. И.*, 1975б; *Цвек Е. В.*, 1980б). Однако периодизация трипольских памятников среднего периода все еще находится в стадии разработки. Завершение этой работы тормозится отсутствием полных хронологических колонок для отдельных районов распространения трипольских поселений.

В настоящее время, используя предложенную румынскими археологами периодизацию кукутенских памятников (*Dumitrescu V.*, 1959; 1974а; 1979), представляется возможным разделить трипольские поселения этапа BI на четыре (ступени 1—4), а поселения этапа BII на три (ступени 5—7) хронологические группы в том случае, если в их материале присутствует расписная керамика. В отдельных районах, где расписной керамики нет, комплексы до сих пор остаются хронологически нерасчлененными. В частности, это касается памятников борисовского типа в междуречье Южного Буга и Днепра (табл. 9, *5*).

Многослойные поселения, позволяющие уточнить последовательность существования разных археологических комплексов, известны в основном к востоку от Днестра. Среди них наибольшим числом горизонтов отличаются приднестровские поселения Поливанов Яр (*Пассек Т. С.*, 1961а; *Попова Т. А.*, 1979) и Мерешовка (*Маркевич В. И.*, 1981), а также поселения Извоаре (*Vulpe R.*, 1957), Фрумушика (*Matasă C.*, 1946), Кукутени-Четэцуя (*Schmidt H.*, 1932; *Petrescu-Dîmbovița M.*, 1965) и Тырпешти (*Marinescu-Bilcu S.*, 1974с; 1968) в бассейне Сирета. Слои с двухцветной керамикой ариушдского типа зафиксированы над слоями докукутенского времени в Извоаре II_1 и Тырпешти IV, а слой с трехцветной керамикой — над раннетрипольским слоем (6-я ступень) в Новых Русештах I_{1a} близ г. Кишинева (*Маркевич В. И.*, 1970а). Соотношение разновременных слоев среднего периода прослежено на приднестровских поселениях Поливанов Яр II—III (*Пассек Т. С.*, 1961а), Незвиско II—III (*Черныш Е. К.*, 1962), Бильче Золотое-Сад I и пещера Вертеба (*Кандиба О.*, 1937) и кукутенских поселениях Тырпешти IV, Фрумушика I—II, Кукутени-Четэцуя I—III. Залегание слоев среднего периода ниже слоев позднего периода наблюдается на поселениях Поливанов Яр II—III, Бильче Золотое (Вертеба), Солончены II_2 (*Мовша Т. Г.*, 1965а), Шипенцы А (*Childe V. Gordon*, 1923; *Kandyba O.*, 1937), Кукутени-Четэцуя I—III, Фрумушика, Калу (*Vulpe R.*, 1941). Как видим, стратиграфия поселений дала в руки исследователей ключ к верному пониманию основной линии развития культуры Триполье-Кукутени. Что же касается недолговременных ступеней в пределах одного этапа, то они стратиграфически не выделяются.

Памятники среднего периода культуры Триполье-Кукутени надежно датированы радиоуглеродным методом. Большинство радиокарбонных дат получено для поселений первой половины среднего периода (*Dumitrescu V.*, 1968а; 1972; 1974b; *Долуханов П. М.*, *Тимофеев В. И.*, 1972; *Monah D.*, 1978; *Попова Т. А.*, 1979):

Мэрджинени (Кукутени A_2)	3675±50	лет до	н. э.	(Bln-1536)
	3660±55	»	»	(Bln-1534)
	3535±60	»	»	(Bln-1535)
Поливанов Яр III (Триполье BI)	3490±70	»	»	(CrN-5134)
Лека-Унгурени (Кукутени A_3)	3395±100	»	»	(Bln-795)
Хэбэшешти I (Кукутени A_3)	3360±80	»	»	(CrN-1985)
Дрэгушени-Остров (Кукутени A_4)	3405±100	»	»	(Bln-1060)
Новые Русешты $1_{1б}$ (Триполье А)	3620±100	»	»	(Bln-590)
Тырпешти III (Докукутени III)	3580±85	»	»	(CrN)

(две последние даты — для поселений финального этапа раннего периода (*Долуханов П. М., Тимофеев В. И.*, 1972; *Marinescu-Bilcu S.*, 1974с).

Сопоставление дат поселений конца раннего периода и памятников первой половины среднего периода позволяет считать 3600 г. до н. э. ориентировочной датой начала среднего периода, а 3400 г. до н. э. — окончанием его первой половины. Таким образом, на каждую из четырех ступеней, выделяемых для

первой половины среднего периода, приходится в среднем по 50 лет. Если продолжительность каждой из трех ступеней второй половины этого периода также составляет 50 лет, то приблизительной датой конца среднего периода можно считать 3250 г. до н. э. Этому предположению не противоречит единственная дата, полученная для поселений второй половины среднего периода: 3150±50 лет до н. э. (ЛЕ-1060). Так датировано поселение Клищев, относящееся к предпоследней, 6-й, ступени рассматриваемого периода (*Заец И. И.*, 1975б).

Радиокарбонные даты редко находятся в таком соответствии с периодизацией поселений, какое мы только что наблюдали. Например, 14 абсолютных дат (*Долуханов П. М.*, *Тимофеев В. И.*, 1972), полученных для поселений фазы A_2 культуры Гумельница, охватывают непомерно большой отрезок времени: от 3915±150 (Bln-332) до 3410±70 лет до н. э. (GrN-1986). Вместе с тем, судя по находкам импортной кукутенской керамики на гумельницких поселениях, фаза A_2 соответствует концу раннего и началу (ступени 1—3) среднего периодов культуры Триполье-Кукутени (см. табл. 10). Отсюда следует, что лишь помещенные между 3600 и 3450 гг. до н. э. даты являются наиболее приемлемыми и сопоставимыми с датами трипольских и кукутенских поселений первой половины среднего периода.

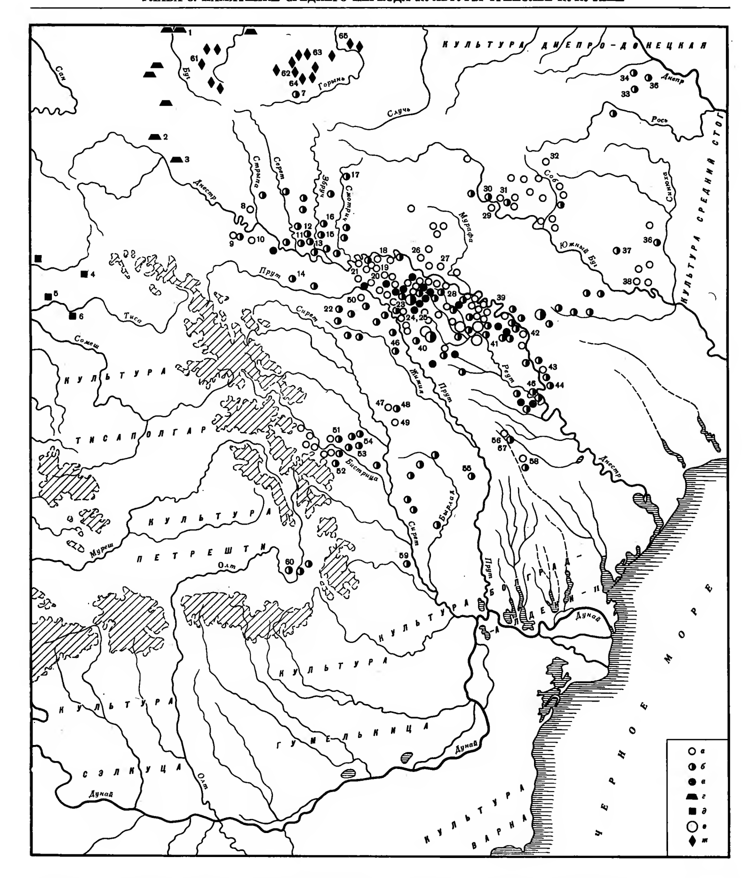
Средний период в целом характеризуется исчезновением поселений площадью менее 1 га, увеличением площади малых поселений до 3—4 га, распространением крупных поселений от 10 до 40 га, окончательным оформлением планировки поселений концентрическими кругами, распространением монументальных жилых построек с мощными межэтажными перекрытиями, длительностью обитания общин на одном месте. В рассматриваемое время наблюдается прогресс в различных областях хозяйственной деятельности. Так, в Поднестровье возникают и развиваются кремнедобывающие и кремнеобрабатывающие мастерские. С их появлением в употребление входят топоры и тесла из кремнистого сланца и кремнистого мергеля, а позднее — из кремня. Совершенствуется техника ретуши кремневых пластинчатых орудий. Повсеместно используются ножевидные пластины средних размеров с приостряющей лезвие ретушью, вкладыши жатвенных орудий из пластин средней величины шириной до 2—2,5 см, концевые скребки из длинных и специально укороченных пластин, сверла на концах массивных пластин, а в отдельных районах широко применяются резцы, резчики, скобели. На протяжении всего среднего периода почти без изменений остаются треугольные кремневые наконечники стрел, дротиков и копий с прямым основанием. Комплекс орудий включает также шлифованные сланцевые топоры, тесла, долота, сверленые топоры-молоты из разных пород камня. Среди шлифованных каменных изделий появляются два новых типа: навершия булав и скипетров в виде головы лошади.

Большое количество орудий изготовлено из кости, рога оленя, клыков кабана и створок речных моллюсков. Это шилья, лощила, кочедыги, отжимники, штампы для орнаментации керамики, долота, ножи, орудия для разминания шкур, землекопалки, крупные навершия мотыг из оленьего рога. Значительно разнообразнее по сравнению с ранним периодом и ассортимент медных изделий. Кроме сохраняющих прежнюю форму четырехгранных шильев, рыболовных крючков, бус, пронизок, амулетов и браслетов, он включает височные кольца, булавки, перстни, круглопроволочные колечки, клиновидные топоры и привозные топоры-молоты типа Видра. Кузнечные приемы формовки вещей получают дальнейшее развитие. Наряду с ними начинает применяться литье в простейшие открытые формы. Сырьем служили привезенные с Балкано-Карпатских месторождений металлургическая медь и серебро (*Рындина Н. В.* 1961; 1971; *Черных Е. Н.*, 1970).

Средний период культуры Триполье-Кукутени характеризуется резким подъемом керамического производства, связанным с распространением гончарных горнов и овладением навыками выделки посуды, ярко расписанной перед обжигом. Технология изготовления этой нарядной посуды в корне отличается от традиционного способа производства крашеной керамики, покрытой после обжига красной мажущейся охрой. Однако, несмотря на высокое качество расписной посуды, керамика ранее выработанных типов еще долгое время не выходит из употребления, поэтому, говоря о характерных чертах культуры Триполье-Кукутени среднего периода, следует отметить сложный состав постепенно меняющегося керамического комплекса этого времени. Он включает старые группы — кухонную барботинную посуду, сосуды с углубленным орнаментом и сосуды с каннелированной поверхностью, а также большую новую группу, представленную расписной керамикой, появившейся под влиянием юго-западных соседей. Несколько позднее расписной в употребление входит кухонная посуда из теста с примесью дробленой раковины, заимствованная у юго-восточных, степных, соседей. В числе керамических изделий комплексов среднего периода имеются также хорошо обожженные пряслица и грузики для ткацкого стана, мелкие ритуальные предметы, образцы антропоморфной и зооморфной пластики. Антропоморфные статуэтки представлены фигурками с гладкой окрашенной поверхностью и фигурками, пышно орнаментированными углубленным узором. Стоящие женские статуэтки преобладают.

Карта 5. Памятники культур Зимно-Злота (*1—3*), Тисаполгар (*4—6*), средиего периода культуры Триполье-Кукутени (*7—60*) и культуры Гоща-Вербковица (*61—65*)

1 — Зимно; *2* — Звенигород; *3* — Колоколин; *4* — Мукачево-Малая гора; *5* — Дедово; *6* — Дьяково; *7* — Бодаки; *8* — Бучач, нижний горизонт; *9* — Неэвиско II; *10* — Городница II; *11* — Бильче Золотое-Сад I; *12* — Кудринцы; *13* — Залещики; *14* — Шипенцы А; *15* — Капустинцы; *16* — Выгнанка; *17* — Крутобородинцы I; *18* — Бабино; *19* — Поливанов Яр II—III; *20* — Липканы; *21* — Дарабаны I; *22* — Корлэтени; *23* — Брынэены VIII; *24* — Старые Куконешты; *25* — Новые Дуруиторы; *26* — Олчедаев; *27* — Озаринцы; *28* — Мерешовка III; *29* — Печора I; *30* — Беликовцы; *31* — Клищев; *32* — Борисовка; *33* — Щербаневка; *34* — Триполье; *35* — Веремье; *36* — Владимировка; *37* — Пенежково; *38* — Сабатиновка I; *39* — Раковец; *40* — Яблона I—XIII; *41* — Флорешты-Заготзерно; *42* — Солончены II_2; *43* — Журы; *44* — Гармацкое; *45* — Требужены (Старый Орхей); *46* — Трушешти I; *47* — Кукутени-Четэцуя I—III; *48* — Кукутени-Бэйчени; *49* — Хэбэшешти I; *50* — Дрэгушени; *51* — Фрумушика I—II; *52* — Калу; *53* — Иэвоаре II; *54* — Траян-Дялул Фынтынилор III; *55* — Хуши; *56* — Город-

ка I; *57* — Городка II; *58* — Новые Русешты I_{1a}; *59* — Слободзея; *60* — Ариушд; *61* — Каменка Бужская; *62* — Костянец; *63* — Мирогоща; *64* — Листвин; *65* — Могиляны

а — 1—4-я ступени среднего периода культуры Триполье-Кукутени (Кукутени А); *б* — 5—7-я ступени среднего периода культуры Триполье-Кукутени (Кукутени А — В); *в* — памятники культуры Триполье-Кукутени (ступень не уточнена); *г* — памятники культуры Зимно-Злота; *д* — памятники культуры Тисаполгар; *е* — группа памятников культуры Триполье-Кукутени; *ж* — памятники культуры Гоща-Вербковица

Памятники первой половины среднего периода

Попытка выявить наиболее древние памятники среднего периода культуры Триполье-Кукутени, непосредственно продолжающие развитие раннетрипольских и докукутенских, пока не привела к положительному результату. Вопрос о формировании памятников среднего периода рассматривается обычно на материалах поселений Юго-Восточной Трансильвании и Молдавского Прикарпатья (карта 5; 4, III, *2*). Долгое время считалось, что отличительным признаком поселений 1-й ступени (Кукутени A_1) является наличие бихромной, расписанной белой краской по серому или коричневому лощеному фону керамики (*Vulpe R.*, 1957). Позднее выяснилось, что она постоянно встречается в сочетании с полихромной, расписанной в три краски посудой (*Marinescu-Bîlcu S.*, 1968, p. 413; 1977, p. 127), характерной для поселений следующей ступени (Кукутени A_2). Правомочность выделения фазы Кукутени A_1 на имеющихся материалах оказалась под сомнением, что заставило В. Думитреску ввести новый термин — Кукутени A_1—A_2 для обозначения начальной ступени среднего периода (*Dumitrescu V.*, 1974 с). К этой ступени на территории Поднестровья и Побужья, по мнению Е. В. Цвек (*Цвек Е. В.*, 1980б), относится часть поселений борисовского типа. Однако согласиться с таким заключением трудно, так как датирующая эти поселения керамика настолько развита, что может быть сопоставлена только с посудой, типичной для 2-й и 3-й ступеней среднего периода. Особенно показательны в этом отношении биноклевидные сосуды хорошо развитой формы (*Черныш Е. К.*, 1975а). В настоящее время, видимо, только днестровские поселения типа Городница-Городище можно отнести к концу 1-й ступени среднего периода.

Из числа памятников 1-й ступени среднего периода (табл. 9; карта 5, *а*) наиболее полно раскопаны поселения Городница-Городище (*Śmiszko M.*, 1939; *Кравець В. П.*, 1954а), Ариушд (*László F.*, 1914; *Székely Z.*, 1965), Калу (*Vulpe R.*, 1941), Фрумушика I (*Matasă C.*, 1946), Извоаре II_1 (*Vulpe R.*, 1957) и Тырпешти IV (*Marinescu-Bîlcu S.*, 1968). Они расположены на мысах (Городница-Городище, Тырпешти IV), естественно укрепленных останцах надпойменных террас (Фрумушика I) и на возвышенных участках высокой поймы (Извоаре II_1). Площадь их не превышает 1 га. Произведенные в первой половине XX в. раскопки методически настолько слабы, что не дают возможности судить о планировке поселений и конструкциях жилищ. Раскопки поселения Городница-Городище велись шурфами и траншеями, поэтому ни одно наземное жилище не было полностью вскрыто. Некоторое представление о типе поселений 1-й ступени среднего периода дают исследования С. Маринеску-Былку в Тырпешти (*Marinescu-Bîlcu S.*, 1968).

Поселение Тырпешти IV расположено на мысу размерами 100×60 м, там же, где в конце раннего периода находилось Тырпешти III. Некогда ограждавший его ров основатели нового поселения расширили и углубили, а дома построили в стороне от руин, ближе к обрыву. Один ряд строений тянулся параллельно юго-восточному краю мыса, другой — параллельно юго-западному краю, в чем отчетливо проявилось первоначальное деление поселка на две части. Позднее при расширении поселка ров был засыпан, а северо-западная часть мыса застроена. В результате перепланировки все 15 жилищ поселения оказались расположенными вокруг большой центральной площади (*Marinescu-Bîlcu S.*, 1968. fig. 1). Там, видимо, находились загоны для скота, иначе вряд ли бы потребовалось засыпать ров ради сооружения пяти домов, которые вполне могли быть построены на территории укрепленного поселка. Приведенный пример свидетельствует о сохранении традиционной для раннего периода круговой планировки поселений с концентрацией построек отдельными группами. Сохранение традиции раннего периода наблюдается и в типах жилищ. Дома имели прямоугольную форму и, судя по отпечаткам на глиняной обмазке деревянных плах и горбылей межэтажных перекрытий, в большинстве своем были двухэтажными. На первом этаже некоторых из них находились хлебная печь (или очаг) и погреб в виде круглой ямы в углу дома. Новым типом строений являются дома так называемой Г-образной планировки, получившие широкое распространение к концу среднего периода (*Цвек Е. В.*, 1976; 1980б). Большинство домов на поселении Тырпешти IV имело небольшие (20—30 кв. м) и средние (40—60 кв. м) размеры, и только площадь двух достигала 90 и 120 кв. м.

В Поднестровье существовала своя традиция домостроительства. Для этого региона характерно сочетание наземных построек с различными хозяйственными ямами и полуземлянками. На поселении Городница-Городище полуземлянки неправильно овальной в плане формы имели размеры от 3,5×2,5 до 8,5×7,0 м и глубину от 0,5 до 1 м. На дне некоторых полуземлянок помещался открытый очаг диаметром до 1,2 м. Полуземлянки частично были перекрыты глиняной обмазкой обрушившихся наземных частей жилищ (*Кравець В. П.*, 1954а).

На поселении Фрумушика I, помимо домов, выявлена разрушенная гончарная печь размерами 2,5×2,2 м, от которой сохранились отдельные детали конструкции, включая обломки глиняных решеток с мелкими неровными отверстиями (*Matasă C.*, 1946, p. 25, 26). Появление двухъярусных гончарных печей, специально приспособленных для обжига звонкой расписной высококачественной посуды, является одним из признаков нового (среднего) периода в развитии культуры Триполье-Кукутени.

Могильники среднего периода культуры Триполье-Кукутени пока не обнаружены, но отдельные захоронения людей на площади поселений известны. В жилищах Фрумушика I найдены обломки трех женских черепов (*Matasă C.*, 1946, p. 43).

Комплекс орудий труда из мягких пород камня, кремня, рога, кости и меди памятников начальной ступени среднего периода остается почти таким же, каким он был в конце раннего периода. Довольно много тесел и топоров, имеющих прямоугольное поперечное сеченпе, и крупных сверленых топоров с

утолщенным овальным обухом, причем длина отдельных экземпляров приближается к 20 см (*Кравець В. П.*, 1954а). Кремневые орудия изготовлены из пластин средней величины, отретушированы слабо или совсем лишены ретуши (ножи, вкладыши серпов). В Поднестровье продолжают использоваться резцы-скребки (*Кравець В. П.*, 1954а, с. 61, 62; *Черныш Е. К.*, 1955). На 1-й ступени среднего периода выходят из употребления лощила из костей конечностей животных, но по-прежнему много костяных шильев и роговых мотыг разных форм. Медные изделия этого времени имеют небольшие размеры. Из орудий найдены только шилья, остальные предметы являются украшениями: височные кольца, перстни, булавки (табл. LX).

Для поселений 1-й ступени среднего периода характерны четыре группы керамики: 1 — толстостенная кухонная посуда из глины с примесью крупного шамота; 2 — посуда с углубленным орнаментом из глины с примесью более мелкого шамота; 3 — каннелированная посуда из очищенной глины; 4 — посуда из очищенной глины, расписанная до обжига. Сосуды трех первых групп преобладают в инвентаре днестровских поселений, сосуды четвертой группы — на прикарпатских поселениях. Некоторые сосуды по форме близки раннетрипольским и докукутенским. Это небольшие чаши (кубки) (табл. LXVI, *86*), широкогорлые округлобокие сосуды (табл. LXVI, *98—100*), антропоморфные сосуды с сильно раздутыми боками, шлемовидные крышки (табл. LXVI, *80*). Толстостенная кухонная керамика имеет шероховатую или барботинную поверхность, украшена рядом ямок вокруг горла, а иногда и рельефными человеческими фигурками (табл. LXI, *6*). Керамика с углубленным орнаментом сохраняет узоры, присущие раннетрипольской посуде. Спиралевидный орнамент составлен из одиночных, реже — из двойных линий, часто заполненных группами ямок (*Черныш Е. К.*, 1975а). Каннелированная керамика отличается геометрическим построением узора, иногда сопровождающегося оттисками гребенчатого штампа (*Кравець В. П.*, 1954а; *Черныш Е. К.*, 1975а). На сосудах перечисленных трех групп, как и в ранний период, орнамент подкрашивается после обжига красной сырой охрой.

Керамика, расписанная до обжига, делится на два типа. Наиболее ранней является бихромная керамика древнего типа, ареал которой ограничен территорией Молдавского Прикарпатья (западнее р. Сирет) и Юго-Восточной Трансильвании (*Matasă C.*, 1946, p. 90; *Marinescu-Bîlcu S.*, 1977, p. 127). В основном она присуща памятникам ариушдского локального варианта культуры Триполье-Кукутени (*Dumitrescu V.*, 1960, p. 65). Серая или красноватая поверхность такой керамики прекрасно залощена. Двухцветность узора создается сочетанием блестящего фона сосуда с белой росписью (табл. LXVII, *4*, *5*). Орнамент бывает как позитивным, так и негативным, причем в последнем случае он проявляется благодаря сплошной окраске в белый цвет больших участков поверхности сосуда. Нередко роспись сочетается с легким углубленным узором и каннелюрами (табл. LV, *14—17*, *27—30*). Основные черты, характеризующие раннюю расписную керамику, присущую исключительно прикарпатским памятникам 1-й ступени среднего периода культуры Триполье-Кукутени, а именно легкость рисунка, геометрическое построение узора, роспись тонкими белыми линиями по зеркально блестящей поверхности в сочетании с углубленным орнаментом, в равной степени типичны и для керамики соседней нижнедунайской культуры Болград-Алдени. Еще на первых этапах исследования последней Е. Комша высказал мнение о сильном ее влиянии на формирование культуры Кукутени A_1 (Протокукутени) (*Комша Е.*, 1961). Видимо, в трипольско-кукутенскую среду именно от этих ближайших соседей пришло умение изготовлять высокосортную расписную посуду, позднее совершенствовавшееся под воздействием нижнедунайской культуры Гумельница и трансильванской культуры Петрешти, на что неоднократно указывали румынские археологи (*Comşa E.*, 1973; 1978b; *Dumitrescu V.*, 1974a).

Новыми формами в этой группе керамики являются крынкообразные сосуды с плоским дном или на невысоком кольцевом поддоне (табл. LXVI, *84—85*), миски с ребром и петельчатым ушком (табл. LXVI, *93—96*), чаши (кубки) с ребром и сильно отогнутым венчиком (табл. LXVI, *87—89*), полусферические кубки (табл. LXVI, *90*, *91*), шлемовидные крышки с плоским лепешкообразным навершием (табл. LXVI, *78*, *79*), полусферические черпаки с широкой фигурной (антропоморфной или зооморфной) ручкой (табл. LXV, *32*, *33*, *37*), миски на высоких, сильно расширяющихся вверху и внизу подставках (табл. LXVI *82*, *83*), усеченно-конические «подставки» с сильно отогнутыми краями (табл. LXVI, *81*).

В отличие от древней бихромной посуды, распространенной локально, керамика, расписанная до обжига белой, красной и черной красками, известна и на кукутенских, и на трипольских поселениях от Юго-Восточной Тансильвании до Среднего Поднестровья. Такую керамику сплошь покрывает спиральный или геометрический узор, элементы которого немногочисленны: круг, овал, ромб, меандр, прямая или зигзагообразно изогнутая лента, змеевидная горизонтальная, слегка изогнутая спираль. Концы парных спиралей либо соприкасаются, либо заходят друг за друга. Преобладает негативный орнамент белого цвета, оконтуренный черной тонкой линией (табл. LXVIII, *6*). Фон окрашен красной краской, нанесенной сплошным слоем или штрихами. При повторении штрихами основных элементов орнамента обычно образуется негативно-позитивный узор (табл. LV, *7*, *13*). Позитивный орнамент очень редок. Он выполнен по белому фону красной краской с черным обрамлением (табл. LV, *26;* LXVII, *3*). Наряду с полихромной в небольшом количестве изготовляется и бихромная посуда, вся поверхность которой покрыта белой краской, а роспись нанесена красной краской (*Dumitrescu V.*, 1974a, p. 100, fig. 98).

Образцов пластики на поселениях 1-й ступени среднего периода мало. Преобладают женские фигурки с углубленным орнаментом, очень похожие на статуэтки раннего периода. Известны фигурки животных — быка и свиньи (*Кравець В. П.*, 1954а, с. 60—61). Обращают на себя внимание фигурные ручки черпаков, оканчивающиеся схематичным изображением головы быка, птицы (табл. LXV,

32), человека (табл. LXV, *33*, *37*). Особенно примечательна антропоморфная ручка расписного черпака с поселения Фрумушика I (табл. LXIV, *10*). С того же памятника происходит и одна из наиболее художественно выполненных «подставок» для сосудов. Она изображает хоровод женщин (табл. LXV, *10*). Их фигуры переданы в условной манере и покрыты белой росписью. Все перечисленные предметы безусловно имели ритуальное назначение. К числу последних относятся, видимо, и конусовидные изделия, назначение которых окончательно не установлено (табл. LVIII, *31*, *43—50*).

Поселения 2-й ступени (Кукутени A_3) среднего периода известны в большем количестве, однако из них достаточно полно раскопаны лишь Березовское (*Цыбесков В. П.*, 1964, 1967; 1971; 1975; 1976) и Сабатиновка I (АДТБ, 1933; *Пассек Т. С.*, 1949а; *Добровольський А. В.*, 1952) в Побужье, Поливанов Яр III (*Пассек Т. С.*, 1961а; *Попова Т. А.*, 1972; 1980а; 1980б) и Новые Русешты I_{1a} (*Маркевич В. И.*, 1970а) в Поднестровье, Кукутени-Четэцуя I (*Schmidt H.*, 1932) и Хэбэшешти I (*Dumitrescu V.*, *Dumitrescu H.*, *Petrescu-Dîmboviţa M.*, *Gostar N.*, 1954) в Молдавском Прикарпатье (карта 5; табл. 9). В Буго-Днестровском междуречье небольшие раскопки проводились на поселениях борисовского типа (карта 4, III, *5*). Исследовались поселения Борисовка (*Біляшівський М.*, 1926; *Пассек Т. С.*, 1961а), Озаринцы (*Рудинський М. Я.* 1930), Красноставка (*Белановская Т. Д.*, 1957), Печоры (*Черныш Е. К.*, 1959а) и Зарубинцы (*Цвек Е. В.*, 1980б). Поселения обнаружены вблизи рек в различных топографических условиях: на естественно укрепленных мысах (Поливанов Яр III, Кукутени-Четэцуя I), на холмах (Хэбэшешти I), по берегам рек (Березовское, Сабатиновка I), в высокой пойме (Новые Русешты I_{1a}). Площадь их невелика — от 1,2 (Березовское) до 2,5 га (Поливанов Яр III).

Некоторые поселения с напольной стороны были укреплены оборонительными рвом и валом. Валы редко сохраняются даже в оплывшем состоянии. Рвы, как правило, имеют клиновидный профиль. Ширина их у дна составляет не более 0,3—0,5 м. Поселение Поливанов Яр III укреплялось дважды. Первый ров протяженностью около 75 м при ширине (в верхней части) и глубине 2 м был засыпан, когда возникла необходимость расширить площадь поселения, а на расстоянии 16 м от него выкопан новый ров. Близкие размеры имел ров и на поселении Кукутени-Четэцуя I. Длина его достигала около 100 м, ширина в верхней части 2,5 м, глубина 2 м. Поселение Хэбэшешти I, возможно, изначально было ограждено двумя рвами, располагавшимися в 20 м друг от друга. Их протяженность составляла примерно 120 м, ширина 3,5—7,0 м. Внутренний ров имел глубину 1,50—2,75 м, внешний —2,25—3,55 м. По размерам эти рвы значительно крупнее докукутенских, глубина которых варьирует в пределах 1,4—1,9 м (*Marinescu-Bîlcu S.*, 1974с).

Хэбэшешти I — единственное вскрытое полностью поселение 2-й ступени среднего периода (*Dumitrescu V.*, *Dumitrescu H.*, *Petrescu-Dîmboviţa M.*, *Gostar N.*, 1954). Исследователям удалось создать его графическую реконструкцию (табл. LXIX, *2*). Оно было устроено на мысу площадью в 1,5 га и состояло из 44 наземных жилых домов, нескольких хозяйственных построек и множества ям. На склоне мыса находились гончарные печи, от которых сохранились лишь обломки глиняных решеток. Поселение планировалось с учетом будущего строительства. Первоначально жилища для новых семей сооружались рядом с родительским домом, позднее — на свободной территории близ оборонительных рвов. Основавшая поселение община застроила сначала два участка: один в средней, другой — в восточной части мыса. На каждом из этих участков жилища средних размеров (40—80 кв. м) располагались по кругу, в центре которого на небольшой площади стоял большой (136 и 150 кв. м) дом. Застроенный позднее участок в западной части мыса, поблизости от оборонительных рвов, четкой планировки не имел. Там, как и на остальной площади поселения, наблюдалась концентрация жилищ в обособленные группы, насчитывавшие от двух до пяти построек. Печей в домах не было. Очаги устраивались в полуземлянках и ямах, вырытых в полу жилищ.

Сочетание наземных жилищ с полуземлянками прослеживается и на Березовском поселении, где вскрыта площадь около 1500 кв. м. Правда, автор раскопок считает наземные дома и полуземлянки разновременными (*Цыбесков В. П.*, 1971), но опубликованный материал из жилищ не дает для этого достаточных оснований. На поселении выявлены 12 домов средних размеров (30—40 кв. м), 14 полуземлянок глубиной до 1,3 м и 11 хозяйственных ям. Вскрытые сооружения были сосредоточены небольшими группами вдоль берега Южного Буга. Их расположение позволяет предполагать планировку поселения двумя концентрическими кругами (*Цыбесков В. П.*, 1971, с. 188, рис. 1). О продуманной планировке свидетельствуют также размещение жилищ вокруг центральной площади и одинаковая ориентация почти всех домов фасадом на юго-восток. Данные о планировке других поселений 2-й ступени среднего периода отсутствуют.

Сведения о типах жилищ в большинстве случаев неполны. Судя по публикациям, на территории западнее Днестра были распространены двухэтажные постройки, имевшие мощные межэтажные перекрытия и хозяйственные ямы в полу первого этажа, и полуземлянки с очагами, сооруженные у стен наземного жилища (Поливанов Яр III, Хэбэшешти I). На территории восточнее Днестра постройки проще и легче (Борисовка, Зарубинцы), но и здесь углубленная в землю часть сочеталась с наземной глинобитной конструкцией (*Цвек Е. В.*, 1980б). Размеры этих жилищ небольшие: 6×4 м (Зарубинцы), 8,0×4,5 м (Красноставка). Глиняная обмазка домов тонкая и рыхлая.

Единственное известное для среднего периода культуры Триполье-Кукутени курганное захоронение случайно открыто при строительных работах у железнодорожной станции Кайнары близ Кишинева в пойме р. Ботны (*Мовша Т. Г., Чеботаренко Г. Ф.*, 1969). При снятии бульдозером насыпи кургана были обнаружены кости взрослого человека, сосуд, орудия и украшения, густо окрашенные красной охрой. Позднее место находки обследовал Г. Ф. Чеботаренко. По его заключению, скелет находился на уровне древнего горизонта под насыпью малого кур-

гана, прослеженной в западной поле большого кургана, насыпанного сверху в эпоху бронзы. Датирует инвентарь фрагмент небольшого округлобокого сосуда с отогнутым венчиком и слегка вдавленным дном, орнаментированного лентами из двойных каннелюр, обрамленных оттисками гребенчатого штампа. Орнамент, техника его нанесения и форма сосуда имеют аналогии в керамике поселений Новые Русешты I_{1a} (*Маркевич В. И.*, 1973б, с. 135) и Хэбэшешти I (*Dumitrescu V.*, *Dumitrescu H.*, *Petrescu-Dîmbovița M.*, *Gostar N.*, 1954, p. 281). Привозными из Добруджи являются нуклеус и две пластины (длиной 9,2×2,0 и 14,6×2,0 см) из светло-коричневого кремня. Украшения из медной проволоки представляют собой формы, неизвестные на других трипольско-кукутенских памятниках. Браслет в один оборот (6,5×5,4 см) унизан шестью круглыми подвесками, выточенными из раковины. Гривна с сужающимися и заходящими друг за друга концами сломана. Длина ее окружности составляет 40,5 см, толщина прямоугольно-овальной в сечении проволоки — 0,3—0,6 см. Судя по украшениям, в кургане была захоронена женщина. Обряд погребения мог быть заимствован у древнеямных племен.

С поселений 2-й ступени среднего периода происходит большое количество орудий труда. Особенно много их в Поднестровье, богатом выходами кремня. Кремневая индустрия пластинчатая: заготовками служили пластины разной величины (длиной 3—4, 6—7 и 8—15 см) и массивные пластинчатые отщепы. Рабочие части орудий оформлены нерегулярной ретушью. Известно процентное соотношение орудий, происходящих с полностью вскрытого поселения Хэбэшешти I (*Păunescu A.*, 1970), а также из крупного (20×10 м) жилого комплекса 1 поселения Поливанов Яр III (*Попова Т. А.*, 1972; 1980б). На поселении Поливанов Яр III в изобилии встречался местный серый кремень, выходы которого находятся поблизости. Поэтому орудия из кремня составляли там 78% от общего числа орудий, изготовленных из разных материалов. Для обработки кремневых желваков имелось специальное место — невысокая глинобитная площадка. В жилищах комплекса 1 собраны 2127 отщепов, 606 осколков, 470 пластин и 280 орудий. На поселении Хэбэшешти I найдены 194 пластины и 250 законченных изделий. На обоих памятниках преобладали инструменты, связанные с обработкой шкур животных,— скребки и ножи. На первые в Поливановом Яру III приходится 40%, а в Хэбэшешти I — 35,2%, на вторые — соответственно 20 и 20,4% всех кремневых изделий. Значительный процент составляют вкладыши серпов: 12% в Поливановом Яру III и 22,4% в Хэбэшешти I. На такие орудия, как пилки, скобели, резчики, резцы, сверла, приходится от 1 до 4%. Довольно много наконечников стрел и дротиков: 5% в Поливановом Яру III и 6% в Хэбэшешти I.

Каменные шлифованные изделия (топоры, тесла, долота, молоты) с памятников 2-й ступени среднего периода отличаются законченностью форм и тщательностью отделки. Даже зернотерки, длина которых варьирует в пределах 24 — 48 см, зачастую приобретают правильную овальную или ладьевидную форму. В это время появляются антропоморфные навершия скипетров и круглые навершия булав. Орудия из рога, кости и клыков кабана в основном сохраняют формы, выработанные в ранний период. Наряду с ними получают распространение очень крупные роговые наконечники мотыг. Новыми категориями находок на памятниках 2-й ступени раннего периода являются довольно массивные глиняные пряслица биконической, конической и эллипсоидной форм, а также конические и округлые глиняные грузы ткацкого стана. Эти находки свидетельствуют о развитии прядения и ткачества.

Несколько разнообразнее, чем в предшествующее время, становится и ассортимент орудий и украшений из меди (табл. LX, *3*). Как отмечает Н. В. Рындина (*Рындина Н. В.*, 1971), в употребление входят плоские клиновидные топоры, булавки, височные кольца, перстни, колечки из круглой проволоки. Прежние формы сохраняют рыболовные крючки, четырехгранные шилья, пронизки, бусы, амулеты, браслеты в один или несколько оборотов. Распространяются привезенные из Нижнего Подунавья топоры-молоты типа Видра из чистой плавленой меди, отлитые в разъемных формах по сложной восковой модели. Местные мастера такой технологией еще не владели. Судя по отходам металлообрабатывающего производства, мастерские существовали в это время на поселениях Поливанов Яр III, Новые Русешты I_{1a}, Ариушд, Хэбэшешти I, но работали они на привозном сырье (*Рындина Н. В.*, 1961; 1971). Ко 2-й ступени среднего периода относится небольшой клад, найденный на поселении Хэбэшешти I (*Dumitrescu V.*, *Dumitrescu H.*, *Petrescu-Dîmbovița M.*, *Gostar N.*, 1954; *Dumitrescu V.*, 1957). В его составе были два медных браслета в несколько оборотов, медные антропоморфный амулет и пронизки, подвески из зубов благородного оленя и известняковые бусы (табл. LXII, *57—62*).

Керамика 2-й ступени среднего периода делится на те же четыре группы, что и посуда памятников 1-й ступени, но в каждой группе прослеживаются новые черты, отражающие более высокий уровень производства. Расписная керамика составляет основную группу на поселениях, расположенных в бассейнах Сирета и Прута. По направлению к Днестру количество ее резко уменьшается и сводится к единичным экземплярам на отдельных поселениях Побужья. Некоторое представление о соотношении разных групп керамики на поселениях Пруто-Днестровского междуречья дает подсчет фрагментов посуды, происходящей из жилого комплекса 1 Поливанова Яра III (*Пассек Т. С.*, 1961а, с. 110). На сосуды с углубленным спирально-ленточным орнаментом приходится 60%, на каннелированные сосуды — 15, на кухонную посуду — 15, а на расписную — только 10%. В более позднем жилище 13 того же поселения (на месте засыпанного рва) количество расписных сосудов заметно увеличивается (*Попова Т. А.*, 1972). В Побужье также преобладает посуда с углубленным орнаментом. На поселении Красноставка ее более 50%, почти 40% составляет кухонная посуда, около 8% — каннелированная, немногим более 2% — расписная (*Цвек Е. В.*, 1980б).

В группе кухонной керамики по тесту, форме, характеру обработки поверхности и орнаменту различаются три типа. Сохраняется барботинная керамика

с примесью шамота в тесте. Поверхность ее покрыта шишечками, нередко украшена рельефными человеческими фигурками или изображениями рук, как бы обхватывающих сосуд (табл. LXI, *12*). По форме это чаще всего широкогорлые полусферические сосуды, иногда имеющие высокий поддон (табл. LXIV, *6*). На памятниках Побужья развивается тип посуды из глины с примесью песка. Поверхность широкогорлых горшков этого типа орнаментирована ямками или группами наколов, сочетающимися с углубленными линиями и налепами (табл. LXX, *42*, *50*). Только в сабатиновской группе памятников Побужья выявлены широкогорлые кухонные горшки с выпуклыми плечиками и довольно высокой, ровной шейкой, вылепленные из глины с примесью дробленой раковины. Раковинная примесь в глиняном тесте характерна для керамики соседнего степного населения — носителей среднестоговской культуры. Основная масса таких сосудов имеет небольшое плоское дно, что обычно для трипольцев, орнаментирована овальными углублениями вдоль края, оттиснутыми пальцем ямками у основания шейки, одиночными или парными бугорками, а иногда вертикальными налепными валиками с насечками. Эта посуда очень скоро от прибугских племен попала к ближайшему населению Поднестровья, а затем и к общинам более отдаленных территорий, успешно внедрившись в повседневный быт трипольских и даже некоторых кукутенских общин. Остродонные сосуды с раковинной примесью в тесте, покрытые по венчику и плечикам скорописно-накольчатым орнаментом, сочетающимся с углубленными линиями, привезена в Побужье из области распространения памятников раннего этапа среднестоговской культуры, видимо, из Поднепровья. Там в свою очередь обнаружены обломки трипольской керамики этапа BI по периодизации Т. С. Пассек. Найдены они в среднем слое поселения Стрильча Скеля (*Мовша Т. Г.*, 1961; *Телегін Д. Я.*, 1973, с. 124—130; *Даниленко В. Н.*, 1974, с. 50, 70—71).

Керамика с углубленным орнаментом памятников 2-й ступени среднего периода характеризуется несколько небрежным исполнением узора (табл. LXX, *34—39*, *43*, *45*, *48*). Желобки и ямки, прочерченные по сырой глине, широкие, мелкие, часто неровные; ленты орнамента состоят из двух-трех параллельных линий; большие пространства заштриховываются. Орнамент негативный. Иногда для большего эффекта поверхность сосудов окрашивается красной охрой после обжига, желобки и ямки заполняются белой пастой, а остальная поверхность подвергается лощению (табл. LXX, *44*).

Каннелированная керамика отличается широкими мелкими каннелюрами, окаймленными рядами отпечатков зубчатого штампа. В южной зоне трипольско-кукутенского ареала каннелюры чаще образуют спиральные построения орнамента (табл. LV, *9*, *11*, *12*), реже — геометрические (табл. LV, *31*), в северо-восточной зоне — наоборот. Некоторые сосуды этой группы украшены исключительно отпечатками штампа, повторяющими направление и интервал отсутствующих каннелюр (табл. LXX, *47*), или только каннелюрами без оттисков штампа (табл. LXX, *46*).

В группе расписной керамики преобладает полихромная; бихромная единична. Во всех регионах культуры Триполье-Кукутени посуда в это время приобретает мягкие, плавные очертания (табл. LXVI, *54—77*). Ребристую форму сохраняют лишь немногочисленные расписные миски (табл. LXVI, *74*) и кубки (табл. LXVI, *64*, *73*). Несколько меняется прежняя форма большинства сосудов, распространяются изделия новых форм. Так, наряду со шлемовидными крышками (табл. LXVI, *55*; LXX, *36*) и полусферическими крышками, имеющими два ушка и высокое навершие (табл. LXVI, *56*; LXX, *34*, *35*), появляются крышки сложного профиля, напоминающие перевернутые миски на высоком поддоне (табл. LXVI, *54*, *57*). Новыми формами являются также полусферические ковши (табл. LXVI, *61*, *62*) и чаши (кубки) с высокими плечиками (табл. LXVI, *72*). Вместе с тем продолжают бытовать округлобокие чаши (кубки) с оттогнутым наружу венчиком (табл. LXX, *37*, *46*, *47*). У крупных широкогорлых округлобоких сосудов намечается тенденция к более высокому расположению плечиков (табл. LXVI, *76*). Антропоморфные сосуды этого времени имеют сильно раздутые бока, слабо загнутый внутрь венчик (табл. LXVI, *59*; LXX, *43*, *44*) или высокую цилиндрическую шейку (табл. LXVI, *69*). На боках помещены сосцевидные выступы. Реже встречаются сосуды более сложной формы, в которых мастер стремился воплотить слившиеся воедино две женские фигуры (табл. LXV, *34*; LXVI, *71*). Известны сосуды, по форме напоминающие женскую фигуру (табл. LXV, *29*, *30*; LXVI, *58*). Изменения практически не коснулись сосудов на высоких подставках (табл. LXVI, *63*, *66*), полых «подставок» (табл. LXVI, *65*), биконических крынкообразных сосудов с плоским дном и на поддоне (табл. LXVI, *67*, *68*). Посуда сплошь покрыта спиральным или меандровым узором белого цвета с черной обводкой, а фон окрашен красной краской или заштрихован (табл. LXIV, *12*; LXVIII, *7*; LXXI, *1—3*).

Представление о пластике комплексов 2-й ступени дает коллекция поселения Хэбэшешти I (*Dumitrescu V.*, *Dumitrescu H.*, *Petrescu-Dîmboviţa M.*, *Gostar N.*, 1954, p. 403—433). Самую большую группу (175 экз.) составляют статуэтки, воспроизводящие слегка наклоненную стоящую женскую фигуру. Головка — столбикообразная или округло-уплощенная, нос обозначен защипом, верхняя часть туловища уплощена. Иногда налепами переданы груди, пупок, амулеты, перевязь через плечо. Плечи, как правило, завершаются небольшими выступами, направленными вверх или в стороны и передающими положение рук. Стеатопигия выражена слабо, хотя по традиции ягодицы вылеплены посредством дополнительных пластов глины. Талия широкая, соединенные вместе ноги сходятся вниз конусообразно. Единичные фигурки имеют раздельно моделированные ноги со ступнями. Есть фигурки на цилиндрической ножке с плоским основанием. Часть статуэток украшена по всей поверхности прочерченным орнаментом в виде наклонно сходящихся неглубоких и тонких линий.

Такие фигурки известны также в Новых Русештах I_{1a} (табл. LVI, *8*), Сабатиновке I и Кукутени-Четэцуя I (табл. LVI, *4*). Много статуэток с гладкой поверхностью, которая ранее была расписана. Особую группу образуют плоские антропоморф-

ные амулеты (табл. LVIII, *4–6*, *10–12*, *14*, *15*) и слегка выпуклые дисковидные амулеты, подобные медным (табл. LVIII, *26–39*). Коллекция включает небольшое число глиняных миниатюрных моделей стульев со спинкой, оформленной в виде антропоморфной фигурки, расписанных белой, красной и черной красками (табл. LXV, *36*). Серией представлены и предельно стилизованные фигурки конусовидных очертаний с обозначенным защипом носом и плоским круглым основанием, видимо, являющиеся женским символом. Имеются и фаллические изображения. Кроме того, из Хэбэшешти I происходят 420 статуэток домашних животных, большинство которых сломано. Это преимущественно схематичные изображения крупного рогатого скота (с короткими и длинными рогами). Обычно фигурки гладкие, редко наколами обозначена шкура и другие детали (табл. LXIV, *5*). Отметим, что скульптурные головки бычков имеются и на сосудах. Фигурки птиц очень редки. К ритуальным вещам относятся еще глиняные модели боевых (?) сверленых топоров длиной 3–8 см. В числе глиняных изделий упомянем также цилиндрические, круглые и боченкообразные бусины и подвески, имитирующие, видимо, подвески из зубов оленя.

Следующая, 3-я, ступень среднего периода (Кукутени A_3) выделяется по материалам двух памятников, расположенных в бассейне Прута – Трушешти I и Старые Куконешты (карта 5; табл. 9). Поселение Трушешти I площадью 4 га раскопано полностью (*Petrescu-Dîmbovița M.*, 1963), исследование поселения Старые Куконешты начато не так давно (*Маркевич В. И.*, 1978). Оба поселения располагались на мысах и были укреплены.

Поселение Трушешти I, которое долгое время считали предшествующим Хэбэшешти I (*Dumitrescu V.*, 1974а; 1979), было ограждено с напольной стороны рвом и валом. Вал расплылся, и его размеры не были установлены. Ширина рва в верхней части составляла 2,5–4,0 м, глубина – 1,5–2,0 м (*Florescu A.*, 1966). Крайние дома поселения находились в 15–22 м от рва. Поселок насчитывал 93 наземных дома, 50 вспомогательных построек и 400 хозяйственных ям. Вытянутая форма мыса определила планировку поселения. В наиболее широкой его части дома располагались по кругу, разорванному со стороны рва, вокруг площади. В глубине мыса зафиксированы еще несколько рядов жилищ, а в узкой части мыса – гнездообразно (по четыре-пять) расположенные постройки. В нескольких центральных домах помещались общинные алтари, не имеющие аналогий на других поселениях (табл. LXV, *1*, *27*). На окраине, видимо, находились керамические печи – там найдены обломки глиняных решеток.

В Старых Куконештах две пары валов и рвов зафиксированы пока только на поверхности. Кроме того, там вскрыты три наземных дома, землянка и полуземлянка. Дома двух- и трехэтажные, с печами, глиняными возвышениями хозяйственного назначения и местами для помола зерна. В землянке и полуземлянке находились открытые очаги.

Судя по предварительным публикациям, комплекс орудий рассматриваемых памятников включает шлифованные топоры и тесла, многочисленные кремневые изделия (ножи, скребки, сверла, наконечники стрел и дротиков), орудия из рога и кости.

Основанием для выделения 3-й ступени среднего периода стали прежде всего керамические комплексы названных памятников, расположенных в зоне преобладания расписной посуды. К сожалению, до сих пор опубликована (*Petrescu-Dîmbovița M.*, 1963, p. 179–180) лишь керамика поселения Трушешти I (табл. LXVI, *38–53*). В это время появляются крупные антропоморфные сосуды-зерновики (табл. LXVI, *40*), биконические сосуды с отогнутым наружу венчиком и слегка направленными вверх ручками, расширяющимися на концах (табл. LXVI, *43*), и биноклевидные сосуды, имеющие цилиндрическую среднюю часть, конусовидные воронки по бокам и одну-две перемычки, помимо массивной центральной (табл. LXVI, *42*). С этого времени биноклевидные сосуды становятся обязательной принадлежностью инвентаря поселений культуры Триполье-Кукутени. Сосуды на «подставках» выходят из употребления, но сохраняются сами «подставки». Теперь они имеют близкую по форме к цилиндру среднюю часть, сильно отогнутые наружу края и небольшое круглое отверстие в стенке (табл. LXVI, *41*). Судя по предварительным публикациям, на 3-й ступени исчезает и группа небольших каннелированных сосудов. Остальных форм посуды изменения практически не коснулись. Изменяется стиль исполнения углубленного орнамента, желобки и ямки приобретают более резкие очертания и становятся намного крупнее. Благодаря применению темно-коричневой, почти черной краски одновременно с красной охрой, нанесенной как на поверхность узора, так и в широкие мелкие желобки, орнамент делается более красочным. Распространяются сосуды с различным узором в верхней и нижней частях. В одних случаях – это углубленный узор разных стилей в других – углубленный и расписной орнаменты. В большинстве случаев ленты крашеного орнамента широкие, кремового цвета, обведены черным, даны на сплошном красном фоне; исключительно редко фон заштрихован косой сеткой.

Отличаются от статуэток предшествующей ступени и глиняные женские фигурки с поселений Трушешти I и Старые Куконешты. Они крупнее, более реалистичны, углубленный орнамент на них четче. На отдельных экземплярах рельефно выделены ожерелья, передана нарядная прическа. Статуэтки с гладкой поверхностью, происходящие с этих памятников, подобно полихромной посуде, окрашены белой, красной и черной красками.

Памятники 4-й ступени среднего периода (Кукутени A_4) исследовались в нескольких районах распространения культуры Триполье-Кукутени (карта 5; табл. 9). Это поселения Солончены II_2 (*Мовша Т. Г.*, 1960б; 1965а; 1971б), Журы (*Бибиков С. Н.*, 1954), Незвиско II (*Черныш Е. К.*, 1962), Новые Дуруиторы (*Черныш Е. К.*, *Попова Т. А.*, 1975; *Маркевич В. И.*, *Черныш Е. К.*, 1976), Шипенцы А (*Kandiba O.*, 1937), Дрэгушени (*Crîşmaru A.*, 1977). Поселения расположены как на высоких мысах (Солончены II_2), так и в высокой пойме (Журы, Незвиско II). Относительно планировки поселений можно лишь сказать, что в пойме дома стояли рядами вдоль берега (Незвиско II), а на мысах, видимо,

располагались гнездообразно (Новые Дуруиторы). Одно-и двухэтажные жилища имели массивные межэтажные перекрытия и ямы-хранилища в земляном полу. На приведенном ниже плане жилища из Новых Дуруитор видны ямы, развалившаяся деревянная основа перекрытия, реконструированная по отпечаткам на глиняной обмазке (табл. LXXII, *2*), и пласт глиняной обмазки, покрывавшей горбыли (табл. LXXII, *1*). Печи в домах не обнаружены. Близ наземных домов (50—90 кв. м и более) находились ямы и полуземлянки с открытыми очагами. Размеры полуземлянок варьируют: 6×2, 6×4, 4,5×3,5 м. Более крупные полуземлянки, состоящие из нескольких ям, реконструировать пока не удается (*Черныш Е. К.*, 1962).

На правобережье Прута близ г. Ботошани, в с. Дрэгушени на острове и в урочище «Ла лутэрие», также выявлены культурные слои фазы Кукутени $А_4$ (*Crîşmaru A.*, 1977). Жилища не обнаружены, но раскопаны ямы и собрана прекрасная коллекция керамики, пластики и орудий. Предполагается, что здесь была сезонная стоянка. Среди орудий имеется медный топор-молот, относящийся к группе «крестообразных» (*Crîşmaru A.*, 1971; *Vulpe A.*, 1973). Керамика этого памятника близка посуде поселения Солончены II_2. Специфически местными являются, видимо, только сферические сосуды на поддоне, высокие усеченно-конические кубки на поддоне, полусферические крышки с зооморфной фигуркой, заменяющей ручку, моноклевидные сосуды с прорезями в стенках, сосуды в виде стилизованной женской фигуры, изображенной от плеч до коленей. Бихромная и монохромная роспись по стилю исполнения аналогична росписи посуды, происходящей с приднестровских поселений.

Для 4-й ступени среднего периода известно одно захоронение (*Виноградова Н. М.*, *Бейлекчи В. С.*, *Бырня П. П.*, 1974). Оно обнаружено в жилище на поселении Старый Орхей-Пештере, входящем в группу памятников солонченского типа (карта 5). Судя по описанию, жилище состояло из наземной постройки (5,2×4,2 м) и полуземлянки (12,2××6,7 м), углубленной в грунт на 0,8 м. В юго-западной части полуземлянки на дне расчищен скорченный скелет мальчика 8—9 лет, положенного на правый бок головой на восток. Кисти согнутых рук находились перед лицом. У коленей сильно согнутых ног была поставлена небольшая чаша (кубок) с росписью по всей поверхности. Узор из горизонтально расположенных восьмеркообразных фигур выполнен по красному фону белой краской с черной обводкой.

Культурные слои днестровских поселений попрежнему изобилуют кремневыми орудиями. Заготовками для них служили правильные, хорошо ограненные пластины. Ножи и вкладыши серпов оформлены ровной струйчатой ретушью. Набор орудий обычен. Орудия изготовлялись в жилищах, в специально отведенных местах, где найдено множество отходов производства, нуклеусы, отбойники, ретушеры. Деревообрабатывающие инструменты сделаны уже не только из мягких пород камня, но также из кремнистого сланца. Среди костяных изделий преобладают шилья, есть наконечники мотыг из рога. Медных предметов мало. Примечательна находка кусочка меди в одной из полуземлянок поселения Незвиско II, который определяется как выплеск из тигля, что свидетельствует о местной металлообработке (*Рындина Н. В.*, 1962).

Керамика памятников 4-й ступени среднего периода представлена кухонной посудой — толстостенной из глины с примесью шамота и грубообработанной с примесью дробленой раковины в тесте, посудой с углубленным орнаментом и расписной. Последняя преобладает в районах, расположенных западнее Среднего Днестра. В настоящее время характеристика керамических комплексов названной ступени может быть дана лишь на основе материалов, происходящих из Поднестровья и Попрутья.

Большинство кухонных сосудов изготовлено из плохо промешанной глины с примесью шамота, небрежно сформовано. Небрежность наблюдается и в обработке наружной поверхности. Среди них преобладают экземпляры с широким дном, толстыми стенками и ровно срезанным краем горла. По формам различаются округлобокие широкогорлые сосуды (табл. LXVI, *34*, *35*), биконические сосуды с округленными плечиками и наклоненным внутрь краем (*Бибиков С. Н.*, 1954, с. 108), шлемовидные и полусферические крышки с небольшими ушками (табл. LXVI, *3*), глубокие и мелкие усеченно-конические миски, иногда с ушками у края (табл. LXVI, *31—33*, *37*), округлотелые чаши (кубки) обычно с небольшим, слегка отогнутым наружу венчиком, часто с ушками у основания горла или у венчика (табл. LXVI, *16*, *17*), округлобокие кружки с одной ленточной ручкой, биконические сосуды с высоким воронковидным горлом и направленными вверх ручками на плечиках (табл. LXVI, *29*). Нарядно выглядят лишь зерновики, покрытые барботином и украшенные налепами, оттянутыми валиками, рядами ямок. Внутренняя поверхность сосудов гладкая, иногда окрашена краской, чаще всего коричневой.

Небольшое количество сосудов вылеплено из глины с примесью дробленой раковины. Это широкогорлые горшки с уплощенными или плоскими днищами, высокими округлыми плечиками, прямым или отогнутым наружу венчиком (табл. LXVI, *36*), конические миски (табл. LXVI, *32*), шлемовидные крышки (табл. LXVI, *1*). Наружная поверхность их хорошо заглажена и лишь изредка имеет следы полосчатого сглаживания. Орнамент, покрывающий венчики и плечики горшков и верхнюю часть крышек, состоит из рядов оттисков штампа-«гусенички». Среди орнаментальных мотивов преобладают косо и вертикально расположенные узкие бороздки, овалы и треугольники, часто заштрихованные косой сеткой (*Мовша Т. Г.*, 1965а, с. 96—98).

Керамика с углубленным орнаментом более разнообразна по формам: антропоморфные сосуды, известные в литературе как грушевидные, с высокими раздутыми плечиками и ровно срезанным краем (табл. LXVI, 14), усеченно-конические миски с ровно срезанным или с оттогнутым наружу краем (табл. LXVI, 32), миски на высоком поддоне (табл. LXVI, 28), биконические сосуды с цилиндрическим горлом и направленными вверх ручками на скругленных плечиках (табл. LXVI, *30*), усеченно-конические крышки (табл. LXVI, *4*, *10*) и полусферические крышки с ровно срезанным или отогнутым наружу краем (табл. LXVI, *3*), часто с одним уш-

ком, округлобокие чаши (кубки) с ушками (табл. LXVI, *16—19*), моноклевидные сосуды (табл. LXVI, *23*, *25*), биноклевидные сосуды с центральной широкой перемычкой подтреугольной формы (табл. LXVI, *26*), черпаки с фигурными ручками, ложки (табл. XLVI, *15*) Эта группа керамики по тесту близка кухонным сосудам. В одних случаях глина содержит примесь шамота (Незвиско II), в других — песка (Солончены II_2). Внутренняя поверхность изделий гладкая, наружная сглажена плохо, целиком покрыта спиральным орнаментом. По технике исполнения узора сосуды распадаются на две подгруппы. В одной желобки прочерчены глубоко и небрежно, фон рисунка закрашен сырой красной охрой, а ленты орнамента или не окрашены, или покрыты черной краской. В другой совершенно новой подгруппе желобки широкие и мелкие, приближающиеся к каннелюрам. С их помощью выполнен позитивно-негативный орнамент, причем углубления окрашены белой краской, а остальная поверхность — красной (табл. LXV, *6*, *8*; LXVIII, *4*). Углубленный орнамент часто соседствует с расписным. Наружная поверхность покрыта углублениями, внутренняя — росписью (табл. LXVIII, *1*).

Расписная посуда варьирует основные формы, характерные для группы керамики с углубленным орнаментом. Одной из древних форм является антропоморфный сосуд с низким цилиндрическим горлом, нижняя часть которого сделана в виде подставки, а верхняя — сферическая (табл. LXVI, *13*). Верхняя часть такого сосуда стала, очевидно, исходной при создании двух новых форм (табл. LXVI, *11, 12*; рис. 11, *7*). Среди разнообразных чаш (кубков) (табл. LXVI, *17—22*; рис. 11, *8*) появляются полусферические чаши на высоком поддоне (табл. LXVI, *27*). Большое разнообразие наблюдается и среди крышек (табл. LXVI, *2—10*). В употребление входят полусферические крышки с двумя ушками-рожками (табл. LXVI, *8*) и сфероконические с двумя ушками и округлым навершием-головкой (табл. LXVI, *9*). Расписная посуда изготовлена из хорошо отмученной глины. Примесь мелкого шамота отмечена в тесте крупных сосудов. Поверхность хорошо сглажена изнутри и снаружи, красочный фон облицовки залощен. Роспись полихромная, бихромная и монохромная. В это время цветовая гамма рисунка достигает наибольшего разнообразия. Роспись нанесена красной и черной красками по белому фону, белой и черной красками по оранжевому фону, красной и белой красками по оранжево-красному фону, коричневато-черной краской по оранжевому или красноватому фону. На одних сосудах роспись свободно расположена по всей поверхности, на других — ограничена горизонтальными поясами. Обычно в нижних поясах роспись выполнена в старом стиле, а в верхних — в новом. Для последнего характерны ленты геометризированного орнамента, составленные из тонких параллельных линий, пространство между которыми заполнено сеткой из черных или красных тонких штрихов. Элементами орнамента нового стиля являются круги, овалы, полуовалы, треугольники, ромбы, зигзаги, восьмеркообразная горизонтальная спираль (табл. LV, *6*), однако смысловая их нагрузка остается прежней. Т. Г. Мовша (1965а, с. 96) отмечает сложную стилизованную композицию, воспроизводящую женскую фигуру и рогатую голову быка (табл. LXIV, *11*). На стенках отдельных расписных сосудов имеются лепные стилизованные головки большерогих быков.

Пластика поселений 4-й ступени среднего периода представлена женскими и единичными мужскими стоячими статуэтками (*Мовша Т. Г.*, 1955; 1969; *Crîşmaru A.*, 1977). Их характеризуют столбикообразная головка, сильно выступающие плечи, плоский торс, слитые прямые или полусогнутые ноги, часто завершающиеся одной плоской ступней. Известны фигурки с двумя соединенными ниже колен тумбообразными ногами (рис. 12, *7*). Преобладают статуэтки с углубленным орнаментом, охватывающим всю поверхность фигурки (табл. LXIV, *9*). Вторую по численности группу составляют экземпляры, на которых углубленный орнамент сочетается с росписью на гладкой верхней или нижней части. Небольшое число статуэток имеет гладкую поверхность, украшенную, как на предыдущей ступени, широкими полосами красной и белой красок, а также рельефными изображениями пояса, перевязи через плечо или висящего на шее амулета, исполненными в манере, присущей мастерам первой половины среднего периода (табл. LVIII, *34*). Зооморфная пластика очень схематична. Изображаются преимущественно быки (с длинными и короткими рогами), реже — мелкий рогатый скот и свиньи (*Бибиков С. Н.*, 1954; *Crîşmaru A.*, 1977). Гладкая поверхность фигурок была, видимо, окрашена.

Памятники раннего этапа среднего периода не только образуют ряд хронологических подразделений, лучше всего изученных в Восточном Прикарпатье и в междуречье Сирета и Прута, но и группируются по признакам территориальной и культурной близости. Вопрос о локальных различиях для западной территории поставлен В. Думитреску. Исследователь относит памятники, расположенные к западу от р. Сирет, к одной группе, видимо, смыкающейся с ариушдской; памятники, находящиеся на Молдавской возвышенности восточнее р. Сирет,— к другой, а памятники Северо-Восточной Молдовы — к третьей (*Dumitrescu V.*, 1974c). Территориальные и культурные различия между среднетрипольскими памятниками раннего этапа могут быть установлены и для территории Советского Союза. Это прежде всего южная группа памятников (карта 4, III, *2*), сосредоточенная близ г. Кишинева на р. Ботне (*Маркевич В. И.*, 1970а; 1973б). Она образует один локальный вариант с памятниками типа Хэбэшешти I, на что прежде всего указывает сопоставление керамики поселений Хэбэшешти I и Новые Русешты I_{1a}. В обоих комплексах совпадают, помимо форм сосудов, приемы орнаментации и элементы орнамента (белые меандры с черным обрамлением на красном заштрихованном фоне; геометрические узоры из лент, образованных параллельными каннелюрами в сочетании с оттисками гребенчатого штампа). К этой же группе следует, очевидно, относить погребение у железнодорожной станции Кайнары (*Мовша Т. Г.*, *Чеботаренко Г. Ф.*, 1969), где обнаружен фрагмент сосуда, подобного, как мы видели, изделиям с упомянутых поселений. Трипольские общины бассейна Ботны поддерживали достаточно тесные связи с нижнедунайскими племенами, что документируется

Рис. 11. Керамика памятников среднего периода культуры Триполье-Кукутени

1—4 — Залещики; *5* — Подолия (случайная находка); *6* — Поливанов Яр II; *7—8* — Новые Дуруиторы

Рис. 12. Пластика культуры Триполье-Кукутени

1, 4 — Владимировка; *2* — Русяны; *3, 10, 16* — Кошиловцы-Обоз; *5, 6, 15* — Сушковка; *7* — Рэдоая; *8* — Сороки-Озеро; *9, 13* — Выхватинцы; *11* — Новые Бельцы; *12* — Воротец; *14* — Сухостав

находками трипольской и кукутенской керамики на поселениях культуры Гумельница (*Roman P.*, 1963; *Dumitrescu V.*, 1968а) и болградско-алденской керамики на поселении Новые Русешты $I_{1а}$ (*Маркевич В. И.*, 1970а). Следствием обмена с этими соседями явилось распространение у трипольских племен рассматриваемой группы орудий из непрозрачного желтовато-коричневого кремня, выходы которого имеются в бассейне Прута в Добрудже (*Comşa E.*, 1971; *Маркевич В. И.*, 1973б), а также медных изделий (*Рындина Н. В.*, 1970).

В Пруто-Днестровском междуречье локализуются памятники центральной группы (карта 4, III, *1*), небольшие различия между которыми улавливаются лишь в отдельных формах керамики и деталях пластики. Видимо, перед нами один из локальных вариантов трипольской культуры на определенном этапе ее развития. В пределах зоны распространения этих памятников, охватывающей всю территорию Северной Молдавии (табл. 9, *1*), выделяются три района наибольшей концентрации древних поселений: солонченский, флорештский и дуруиторский. В каждом из них наряду с поселениями небольших и средних размеров имеются два-три крупных памятника, занимающих площадь 9—10 га и более (*Маркевич В. И.*, 1973б). Так, в солонченском районе такими крупными центрами являются поселения Глинжены I (10 га), Екимауцы I (10 га) и Стохная I (12 га), во флорештском — Радуляны I (9 га), Путинешты III (9 га) и Флорешты-Заготзерно (15 га), в дуруиторском — Старые Бадражи IX (10 га), Корпач I (10 га) и, видимо, Русяны I (16 га). Таким образом, эта густонаселенная область была, очевидно, одним из важных центров всей трипольской культурной общности на раннем этапе среднего периода.

Третью группу образуют памятники сабатиновского типа в Южном Побужье (карта 4, III, *6*), культура которых в значительной степени продолжает линию развития небольшой группы трипольских поселений, сложившейся здесь в конце раннего периода. Наряду с традиционными связями с трипольскими общинами Пруто-Днестровского междуречья, откуда обитатели Побужья получили медные изделия, отмечаются их тесные контакты со степным населением Северного Причерноморья. Культура последнего резко отлична от трипольской, поэтому обнаружение на трипольских памятниках Побужья специфических типов керамических изделий сразу же обратило внимание исследователей и позволило говорить о существовании связей с культурой Средний Стог II (*Мовша Т. Г.*, 1961; *Comşa E.*, 1974а; 1978а). Это сосуды, изготовленные из глины с примесью дробленой раковины, нередко остродонные, украшенные орнаментом, аналогичным среднестоговскому. В отдельных случаях они явно привозные, в других — местные подражания иноземным образцам. Со степными влияниями связывается и распространение на трипольских памятниках каменных наверший булав и скипетров в виде стилизованной головы коня, обычно трактуемых как символ власти. Они обнаружены как на памятниках Побужья (Березовское), так и далеко на западе (Хэбэшешти I). По мнению отдельных исследователей, скипетры воспроизводят голову коня с примитивной уздой типа намордника, что может отражать распространение в среде трипольцев под влиянием степных племен коневодства (*Даниленко В. Н.*, 1974). Наряду с курганным обрядом погребения, отмеченным в Кайнарах, эти предметы ярко свидетельствуют об определенной инфильтрации в трипольскую среду степного населения (*Dumitrescu V.*, 1955; 1963b; 1974а; *Даниленко В. Н.*, *Шмаглий Н. М.*, 1972). Таким образом, сабатиновская группа представляется нам связующим звеном между различными трипольскими племенами и степным населением, что во многом определяло характер и направление древних культурных связей.

В меньшей мере может быть охарактеризована культурная специфика таких окраинных групп трипольских памятников, как памятники Верхнего Поднестровья (карта 4, III, *3*), Попрутья и зоны Среднего Поднестровья между реками Жванчик и Немия. Для комплексов Верхнего Поднестровья и Попрутья, представленных материалами нижнего горизонта Незвиско и поселения Шипенцы А, отмечается большая связь с памятниками Пруто-Днестровского междуречья (карта 4, III, *4*). Здесь много расписной керамики и посуды с углубленным орнаментом. Однако по сравнению с более южными районами набор форм сосудов беднее. Отмечается и своеобразная местная трактовка отдельных форм, а в полихромной керамике — роспись стиля Извоаре II_2.

Особую группу памятников образуют поселения, возникшие на начальном этапе среднего Триполья по рекам Немия, Мурафа, Ров, Соб и Гнилой Тикич (карта 4, III, *5*; 5). Эти общины, переселившиеся из района Днестровского левобережья генетически тесно связаны с памятниками типа Лука-Врублевецкая (*Черныш Е. К.*, 1975а). Свое продвижение на восток они начали в пору, когда еще не распространилось производство расписной керамики. Последнюю, видимо, первоначально они получали лишь в порядке межплеменного обмена из Поднестровья, на месте производя посуду с углубленным орнаментом и каннелированным узором, сопровождающимся оттисками зубчатого штампа. Это памятники борисовского типа, пока не получившие четкого и убедительного хронологического членения. Для 3-й и 4-й ступеней среднего периода здесь, как и в Южном Побужье, фиксируются контакты с культурами степной зоны — среднестоговской и днепро-донецкой. Взаимодействие было двусторонним: обломки сосудов борисовского типа обнаружены на ряде степных памятников севернее Киева (Грини, Пилява), Днепропетровска (Пищики, Дереивка) и в районе днепровских порогов (Стрильча Скеля, Никольский могильник). Южнее по Днепру известны находки керамики сабатиновского типа (*Телегін Д. Я.*, 1968, с. 192—194; 1973, с. 124, 125; *Даниленко В. Н.*, 1974, с. 70—71).

Таким образом, на раннем этапе среднего Триполья продолжается расселение земледельческо-скотоводческих общин в восточном направлении, где они вступают в тесные контакты с инокультурным населением. Формируются новые территориальные группы, перерастающие по мере усиления культурной специфики в локальные варианты. Все эти явления нашли дальнейшее развитие на втором этапе среднего периода.

Памятники второй половины среднего периода

Памятники второй половины среднего периода (ступени 5—7) известны на территории, значительно превосходящей ареал трипольско-кукутенских общин предшествующего времени (карта 5). Особенно увеличилось пространство, занимаемое северными группами памятников (карта 4, IV, *3*, *5*). При исследовании локальных различий еще ощущаются многие пробелы в наших знаниях, что сказывается на разработке периодизации поселений рассматриваемого времени.

Создавая в 40-х годах периодизацию трипольских поселений, Т. С. Пассек отнесла ко второй половине среднего периода (к этапу BII) группу памятников, объединенных рядом общих признаков (*Пассек Т. С.*, 1949а, с. 108). Это прежде всего мощность глинобитных настилов наземных домов; керамика с монохромной росписью в сочетании с посудой, покрытой углубленным орнаментом, и кухонной посудой с примесью дробленой ракушки в тесте; антропоморфные стоячие статуэтки, расписанные, как и посуда, темно-коричневой или черной краской по красновато-оранжевому фону. Позднее выяснилось, что эти признаки распространяются и на памятники начала позднего периода. Поэтому к числу позднетрипольских отнесены теперь памятники типа Шипенцы Б и Петрены (*Dumitrescu V.*, 1963а; *Маркевич В. И.*, 1981), ошибочно датированные Т. С. Пассек этапом BII (*Пассек Т. С.*, 1949а, с. 106, 107). На позднее время этих поселений указывают ребристые формы сосудов, включение в орнаментальные композиции изображений животных, намечающееся «распадение» спирали на некоторых расписных сосудах. Для поселений самого конца среднего периода, напротив, характерны преобладание сосудов с мягким, округлым профилем и еще не выровненным (скругленным) венчиком, широкое использование в орнаменте негативных спиральных композиций. По орнаментальному стилю и форме сосудов выделяются три ступени в развитии поселений второй половины среднего периода. Последовательность их установлена на материалах нескольких локальных групп путем сравнительного анализа керамики.

Ранее других исследовался верхнеднестровский локальный вариант, для которого с самого начала выделены две ступени (5 и 6) — залещицкая и городницкая (*Kandyba O.*, 1937). Позднее подобная линия развития наметилась и для памятников Румынии (*Dumitrescu V.*, 1959; 1974а), где те же ступени обозначены как корлэтенская (фаза Кукутени $A-B_1$) и траянская (фаза Кукутени $A-B_2$). В начале 70-х годов Н. М. Виноградова (1972; 1974), ориентируясь на разработанную румынскими учеными схему развития стилей росписи, разделила трипольские поселения Пруто-Днестровского междуречья среднего периода на три хронологические группы — залещицкую, городницкую и типа Крутобородинцы I, отличающуюся от предшествующей более поздним стилем росписи керамики, но сохраняющую те же формы сосудов. С одной стороны, керамика свидетельствует о временной близости памятников этих двух групп, с другой — о постепенном изменении ее комплекса, в первую очередь за счет вытеснения одного стиля росписи другим. Однако выделять в самостоятельную ступень памятники крутобородинского типа пока преждевременно. О них можно говорить лишь как о наиболее поздних среди поселений второй хронологической группы.

На наш взгляд, к третьей хронологической группе, т. е. к заключительной (7-й) ступени среднего периода, логичнее относить, как это делала Т. С. Пассек, поселения с керамикой, претерпевшей более серьезные перемены, например Владмировку, Незвиско III, Раковец (табл. 9). Все еще нет достоверной систематизации памятников междуречья Южного Буга и Днепра. В этом районе к этапу BII Т. С. Пассек отнесены поселения типа Пенежково и Веремье (*Пассек Т. С.*, 1949а, с. 78, 79). Датировка их уточнена Н. М. Виноградовой, сопоставившей эти памятники с румынскими поселениями фазы Кукутени $A-B_2$ (***Виноградова Н. М.***, 1973). Однако недавно поселения типа Пенежково (Шкаровка, Лещиновка и подобные им) были удревнены на две ступени и датированы временем Кукутени A_4 и Кукутени $A-B_1$ (*Цвек Е. В.*, 1980б, с. 175). Материалы, послужившие основанием для этого, в статье не опубликованы, как и типологические схемы, отражающие развитие керамики. Видимо, вопрос о датировке поселений Буго-Днепровского междуречья нуждается в дополнительной разработке. Единственные комплексы, отнесение которых к двум последним ступеням среднего периода не вызывает сомнения, происходят с поселений Веселый Кут (6-я ступень) и Миррополье (7-я ступень). Расписной сосуд из первого пункта (*Цвек Е. В.*, 1980б, рис. *6*, *7*) находит аналогии в керамике поселений Веремье, Клищев, Поливанов Яр II, а из второго (*Цвек Е. В.* 1980б, рис. 7, *3*) — в материалах поселения Раковец. Место этих поселений в ряду памятников среднего периода определено достаточно точно.

Начало второй половины среднего периода характеризуется памятниками 5-й ступени (Кукутени $A-B_1$). Они выявлены в Верхнем и Среднем Поднестровье, в бассейнах Сирета и Прута в Румынии (карта 5,*б*; табл. 9). В Поднестровье исследования носили разведочный характер (*Majewski K.*, 1947; *Пассек Т. С.*, 1961а). Исключение составляют раскопки поселения Залещики, давшего хорошую коллекцию керамики (*Кандиба О.*, 1937; *Виноградова Н. М.*, 1972). В Молдавском Прикарпатье планомерные раскопки производились только на поселении Кукутени-Дымбул Морий (*Petrescu-Dîmbovița M.*, 1965), в верховьях р. Жижии — на поселении Корлэтени (*Nestor I.*, 1959). Поселения 5-й ступени среднего периода расположены на мысах (Бабин-Яма) и на возвышенных участках в долинах рек (Кукутени-Дымбул Морий), иногда укреплены рвами. Так, например, поселение Кукутени-Дымбул Морий (200×40—80 м) имело ров шириной 4 м и глубиной немногим более 2 м. Данные о размерах других поселков отсутствуют. Обследование днестровских поселений показало, что на них наземные дома (на деревянной основе, обмазанной глиной) сочетались с полуземлянками хозяйственного назначения, как и на предшествующей ступени. Площадь домов составляла 60—130 кв. м (Кукутени-

Дымбул Морий). Отдельные захоронения или могильники этого времени не обнаружены.

Инвентарь рассматриваемых памятников обычен (табл. LII). Это кремневые ножи с подретушированным лезвием, вкладыши серпов, скребки, сверла, проколки из пластин разной формы, скребки из отщепов, кремневые шлифованные тесла, топоры и долота, тесла из мягких пород камня, сверленые топоры, роговые наконечники мотыг, костяные шилья. Из обожженной глины изготовлены пряслица и округлые грузила для вертикального ткацкого стана. Начиная с 5-й ступени, шире входят в употребление кремневые топоры прямоугольной и трапециевидной форм, толстообушные, с плохо пришлифованными боковыми гранями (*Флореску А.*, 1959). Медные изделия этого времени пока не известны.

Керамический комплекс памятников 5-й ступени среднего периода, еще тесно связанный с посудой предыдущей ступени, характеризуется преобладанием группы расписной керамики. Так, например, в Залещиках на расписную посуду приходится 97%, на керамику с углубленным орнаментом — 0,4, а на кухонную из глины с примесью дробленых раковин — 2,6% (*Виноградова Н. М.*, 1972). И все же изменения заметны как в формах, так и в росписи. Сохраняются конические крышки с уплощенным навершием (табл. LXXIII, 91), из употребления выходят сосуды на подставках и поддонах. Распространяются узкогорлые (табл. LXXIII, *58*) и широкогорлые (табл. LXXIII, *62—64*) кубки с отогнутым венчиком, биконические миски (табл. LXXIII, *10*), кратеровидные сосуды, антропоморфные сфероконические зерновики (табл. LXXIII, *113*), шлемовидные крышки с двумя ушками (табл. LXXIII, *102*), биноклевидные сосуды удлиненных пропорций с широкой ромбической центральной перемычкой. Свободный стиль росписи уступает место спиральному узору в горизонтальных поясах, часто располагавшемуся лишь в верхней части сосуда (рис. 11, *1*, *3*). Появляются новые элементы орнамента — гирлянды, волюты, соединенные круги. В большинстве случаев роспись выполнена красной или черной краской по белому покрытию. При росписи черной краской по белому фону светлые ленты негативного орнамента оттеняются тонкими параллельными красными линиями, а по красноватому фону — белыми.

Статуэтки на исследованных памятниках 5-й ступени среднего периода редки. Антропоморфные фигурки украшены углубленным орнаментом или росписью в виде тонких, сходящихся под углом линий. Как антропоморфные, так и зооморфные статуэтки выполнены весьма схематично (*Majewski K.*, 1938).

Поселения 6-й ступени среднего периода (Кукутени A—B_2) открыты во всех районах распространения культуры Триполье-Кукутени (карта 5, *6*; табл. 9). Многие из них исследовались на протяжении нескольких лет. Особенно результативными оказались раскопки поселений Поливанов Яр II (*Пассек Т. С.*, 1961а; *Попова Т. А.*, 1972) в Поднестровье, Клищев (*Заец И. И.*, 1973; 1975а; 1975б; 1975в) в Побужье, Пенежково (*Himner M.*, 1933), Шкаровка и Веселый Кут (*Цвек Е. В.*, 1976; 1980а; 1980б; *Цвек Е. В.*, *Телегин Д. Я.*, *Шиянова А. В.*, 1979; *Цвек Е. В.*, *Шиянова А. В.*, 1976; 1977) в Буго-Днепровском междуречье, Веремье (*Хвойко В. В.*, 1901) в Среднем Поднепровье, Траян-Дялул Фынтынилор III (*Dumitrescu H.*, 1954а; 1954в; 1957; 1958; 1959; *Dumitrescu V.*, 1941—1944; *Dumitrescu H.*, *Dumitrescu V.*, 1962; 1970) в Молдавском Прикарпатье. Стратиграфия поселений Кукутени-Четэцуя II (*Schmidt H.*, 1932) и Фрумушика II (*Matasă C.*, 1946) в Румынии, а также Бильче Золотое-Сад I в Поднестровье (*Ossowsci G.*, 1893) позволила уточнить хронологическое место поселений 6-й ступени среднего периода. Огромное значение имели и раскопки В. В. Хвойко, проведенные в начале века в Поднепровье (*Хвойко В. В.*, 1901; 1904; 1906а; 1906б; 1909; 1913).

Поселения рассматриваемой ступени основаны на мысах и отдельных возвышенностях вблизи рек (Поливанов Яр II; Фрумушика II), на краю надпойменной террасы или в высокой пойме (Клищев, Шкаровка, Веселый Кут). Площадь их варьирует: 1—3 га (Поливанов Яр II), 4—7 га (Шкаровка, Клищев), 20—40 га (Веремье, Пенежково) и даже более 150 га (Веселый Кут). Именно с 6-й ступенью следует, видимо, связывать развитие поселений-гигантов в юго-восточных районах распространения трипольских общин. Для небольших и средних поселений характерна гнездообразная планировка, при которой в одну группу объединяются три-шесть и даже 11 наземных домов и несколько хозяйственных сооружений. Расстояние между группами построек при наличии свободной площади составляет 30—40 м (Клищев, Шкаровка), а при недостатке площади сводится к минимуму (Траян-Дялул Фынтынилор III). Некоторые поселения ограждены рвами внушительных размеров. Так, например, в Траян-Дялул Фынтынилор III максимальная ширина рва в верхней части достигала 7 м, а глубина 4 м (*Florescu A.*, 1966). На склонах плато и широких мысах, полого спускающихся к реке, использовалась иная планировка. На территории крупных поселений постройки размещались концентрическими кругами вокруг центральной площади (Веремье, Щербаневка, Веселый Кут). Такая застройка сама по себе служит укреплением, не требуя дополнительных оборонительных сооружений.

Поселки застроены наземными и полуземляночными сооружениями. Последние представляют собой подсобные помещения, в которых размалывали зерно и готовили пищу на открытых очагах. Они состоят из одной или нескольких ям неправильно овальной формы. Известны и полуземлянки бо́льших размеров — 6×6 и 14×6 м (Поливанов Яр II), глубиной обычно менее 1 м (*Пассек Т. С.*, 1961а, с. 120). Распространены они в основном на поселениях Поднестровья, где в домах, как правило, не было печей. Отсутствие печей и глинобитных возвышений, обычных в домах восточного региона, составляет одну из особенностей жилищ Поднестровья. Другой их особенностью является наличие массивного межэтажного перекрытия, зафиксированного в виде хорошо обожженной глиняной площадки, насквозь прокалившейся в огне пожара. Наряду с двухэтажными домами в западных регионах трипольско-кукутенского ареала существовали и постройки более легкой конструкции, например в Тра-

ян-Дялул Фынтынилор III (*Dumitrescu H.*, 1959). В Побужье и Поднепровье отчетливо выражено деление домов на камеры, хорошо прослеживаются конструкции печей и глинобитных возвышений возле них. Примером может служить жилище 10 поселения Клищев на Южном Буге (*Заец И. И.*, 1975б). Длина его составляла 15 м, ширина 7 м. Постройка включала три камеры (26, 28 и 30 кв. м) с печами и одну камеру (21 кв. м) без печи. Размеры печных фундаментов — 1,4×1,3; 1,9×1,6 и 2,0×1,8 м при высоте около 0,2 м. Своды печей имели корытообразную форму. Перед устьем печи был сооружен припечек шириной 0,2—0,3 м. В нескольких жилищах на земляном полу, покрытом тонким слоем глиняной обмазки, близ печи находилось специальное место для помола зерна, огражденное невысоким глиняным бортиком. Подобная картина наблюдалась и при раскопках поселения Шкаровка на Киевщине, откуда происходит такая редкая находка, как часть закопченной трубы дымохода (*Цвек Е. В.*, 1976).

Конструкция трипольских домов, имевших деревянную основу, покрытую глиняной обмазкой с примесью половы, до сих пор достоверно не установлена. Большой интерес поэтому представляет информация Е. В. Цвек о том, что на поселении Веселый Кут в Побужье по периметру одной из каркасных построек зафиксированы столбовые ямы (*Цвек Е. В.*, 1980б). Преобладают дома прямоугольной формы, но есть и жилища Г-образной планировки (дома с пристройкой). Основная масса построек — средних размеров (40—60 кв. м); дома площадью около 100 кв. м единичны.

На окраине поселения Веселый Кут открыта гончарная мастерская (*Цвек Е. В.*, *Шиянова А. В.*, 1977; *Цвек Е. В.*, 1980а). Двухъярусная гончарная печь подковообразной формы имела топочную камеру, разделенную глинобитным «козлом» на две половины и отделенную от обжигательной камеры глиняным перекрытием с округлыми продухами диаметром до 3 см. Рядом с ней находилась еще одна печь для обжига керамики.

На поселениях 6-й ступени среднего периода обнаружено несколько захоронений людей и отдельных костей человеческих скелетов (*Мовша Т. Г.*, 1960а). Большинство их выявлено В. В. Хвойко в процессе изучения трипольских поселений Среднего Поднепровья (*Хвойко В. В.*, 1909; 1913). Захоронения разрозненных человеческих костей и черепов сопровождались вещами. Так, возле одного из жилищ на поселении Веремье совершено захоронение черепа с кремневым ножом, кремневым и медным плоским топорами и тремя глиняными орнаментированными сосудами. Захоронения фрагментов черепов обнаружены на поселении Триполье. В Щербаневке и Веремье расчищены погребения, произведенные в вытянутом и скорченном положении. Скорченное погребение на поселении Веремье совершено в яме размерами 1,6×1,1×0,75 м, на подстилке из березовой коры. Погребенный положен на правый бок с сильно согнутыми ногами, головой на юго-запад. Кости скелета обожжены. Погребения по обряду кремации известны и в Среднем Поднепровье, и в Поднестровье (Крутобородинцы I). На поселении Траян-Дялул Фынтынилор III в Молдавском Прикарпатье обнаружено несколько захоронений в глубоких ямах, сопровождавшихся большим количеством расписной посуды (*Dumitrescu H.*, 1954a; 1954b; 1957; 1958; 1959). Погребение 1 было устроено в яме размерами 2,4×2,0 м и глубиной 2,6 м, вырытой под полом жилища. Юноша 20 лет был положен на правый бок, головой на восток.

На 6-й ступени среднего периода несколько меняются как набор орудий, так и техника их изготовления. Заметим, однако, что на всей трипольской территории набор орудий достаточно однороден. Заготовками служат крупные призматические пластины правильных и неправильных очертаний. Отщепы идут главным образом на изготовление скребков. Большого совершенства достигает к рассматриваемому времени струйчатая ретушь, покрывающая лезвия некоторых орудий. В инвентаре прочное место занимают кремневые топоры. Процентное соотношение орудий известно для нескольких поселений. Приведем данные поселения Поливанов Яр II (*Попова Т. А.*, 1972). Из числа кремневых инструментов на долю скребков там приходится 29%, ножей — 18%, скобелей для обработки дерева — 9%, вкладышей серпов нового типа с зубчатым лезвием (более производительных в работе) — 4%. Остальные типы орудий составляют небольшой процент. Среди орудий из кости наряду с многочисленными шильями имеются рыболовные крючки, кочедыги, гребень для расчесывания шерсти, крючок для вязания. На территории поднестровских поселений в это время возникают кремнеобрабатывающие мастерские. В частности, одна из них открыта на поселении Поливанов Яр II (*Попова Т. А.*, 1980б). На их месте находят многочисленные отщепы и обломки кремня, испорченные заготовки, отбойники. Судя по заготовкам, в это время начинается широкое производство кремневых топоров на обмен (табл. LXXXIV). Наряду с кремневыми орудиями продолжают употребляться рубящие орудия из мягких пород камня.

На памятниках рассматриваемого времени увеличивается число металлических изделий. Большинство их представлено украшениями и мелкими инструментами из меди (табл. LX). На поселениях Веремье и Браду найдены привозные топор-клевец и топор-тесло. Они отлиты в двусторонних формах с вставным стержнем. Этого трипольские мастера еще не умели делать. Судя по составу металла, топор-клевец с поселения Веремье происходит с Кавказа, что свидетельствует о расширении связей трипольцев в конце среднего периода (*Рындина Н. В.*, 1971). Топоры-тесла (табл. LX) попадали на трипольскую территорию путем обмена с общинами нижнедунайской культуры Гумельница. Пока не установлено, каким путем местные мастера знакомились с новыми приемами металлообработки, как пришло к ним умение плавить чистую балканскую руду, которую теперь они получали вместо готовой меди. На этапе BII трипольские мастера только начинают переходить к литью в двусторонние формы. Одновременно ими приобретаются навыки упрочения рабочих окончаний орудий с помощью дополнительной их проковки (*Рындина Н. В.*, 1970; 1971). Помимо медных изделий, на поселении Траян-Дялул Фынтынилор III (*Dumitrescu H.*, 1961) обнаружена небольшая золотая подвеска (табл. LVIII, 7).

На 6-й ступени среднего периода в западных регионах культуры Триполье-Кукутени распространена в основном расписная керамика, в восточных — посуда с углубленным орнаментом. Так, на поселении Поливанов Яр II расписная керамика составляет 85%, кухонная посуда с примесью дробленой раковины в тесте — 14%, а керамика с углубленным орнаментом — около 1% (*Попова Т. А.*, 1972). В северо-восточных районах, где традиционно преобладает керамика с углубленным орнаментом, ее доля на отдельных поселениях достигает 40%. На кухонную посуду из глины с примесью раковины приходится до 30%; большой процент падает и на кухонную посуду с примесью шамота в тесте (*Виноградова Н. М.*, 1973; *Заец И. И.*, 1975а; 1975б; *Цвек Е. В.*, 1980б). В Клищеве, расположенном в зоне устойчивых контактов населения Побужья и Поднестровья, процент расписной керамики достигает 33,3, а в Шкаровке, в бассейне Среднего Днепра,— около 1. В Буго-Днепровском междуречье расписная посуда не превышает 5% (*Цвек Е. В.*, 1975). Все эти подсчеты весьма приблизительны, поскольку учитывались не целые сосуды, а их фрагменты. Тем не менее региональные отличия эти цифры отражают в полной мере.

Керамический комплекс памятников 6-й ступени среднего периода включает: округлобокие кубки с цилиндрическим горлом или отогнутым венчиком (табл. LXX, *19*); биконические сосуды с низкими плечиками, сильно отогнутым венчиком и двумя ручками посередине тулова (табл. LXX, *31*); антропоморфные зерновики с высоким цилиндрическим горлом (табл. LXXIII, *112*) и зерновики со слабо выделенным венчиком, высоко расположенными плечиками (табл. LXX, *30*), иногда с четырьмя выпуклостями, имитирующими груди (табл. LXXIII, *136*, *137*); миски полусферические, конические с ровными стенками или с отогнутым наружу краем (табл. LXXIII, *6*) и биконические (табл. LXXIII, *10*); крышки шлемовидные с уплощенным верхом (табл. LXX, *18*), конические с шаровидным навершием и двумя ушками (табл. LXX, *24*) или с плоским верхом (ступкообразные) и отогнутым нижним краем (табл. LXXIII, *92*); биноклевидные сосуды укороченных пропорций с фигурными перемычками (табл. LXX, *21*); округлобокие горшки с отогнутым венчиком и ушками у основания горла (табл. LXX, *23*, *33*).

В группе расписной керамики изменения по сравнению с предыдущей ступенью заметны не столько в формах изделий, сколько в стиле росписи. Орнамент (спираль, концентрические круги, овалы) заключен в пояса, расположенные в верхней части сосудов. Нижняя часть сосудов часто совсем не украшалась (табл. LXVII, *2*, *6*, *8*). Доминирует роспись по естественному фону и по красной или коричневой облицовке, выполненная черной, реже — красной или белой краской. Особенно наряден негативный орнамент, в основе которого лежат белые ленты. В районах Молдавского Прикарпатья в роспись включены иногда геометризированные изображения человека (табл. LXVII, *1*; LXXIV, *16—19*). В Среднем Поднестровье на сосудах с углубленным орнаментом встречаются рельефные антропоморфные личины (табл. LXI, *16, 17*; LXX, *26, 27*).

В группе кухонной керамики с примесью дробленой раковины в тесте появляются новые элементы украшения — предельно схематизированные человеческие головки на стенках сосудов. Глаза их иногда оттеняются белой краской. Для керамики Буго-Днепровского района отмечены незначительные перемены по сравнению с предшествующей ступенью (*Цвек Е. В.*, 1980б).

Пластика этого времени весьма многочисленна. Преобладают стоячие женские фигурки с уплощенной головкой, переданным защипом носом и глазами-проколами. В широких выступающих плечах и бедрах сделаны отверстия, ножки соединены на конус. Вся поверхность статуэток расписана наклонными параллельными линиями. В восточной зоне продолжают бытовать фигурки с углубленным орнаментом. Мужские статуэтки редки. Среди зооморфных статуэток превалируют фигурки бычков. Отметим, что в это время пластическое воплощение, как обычно, находят исключительно домашние животные.

Финальная, 7-я, ступень среднего периода (Кукутени B_{1a}) характеризуется материалами поселений Владимировка (*Пассек Т. С.*, 1949а), Мирополье (*Цвек Е. В.*, 1980б), Незвиско III (*Черныш Е. К.*, 1962), Раковец (*Черныш Е. К.*, 1973), Брынзены VIII (*Маркевич В. И.*, 1981), а также, видимо, памятников типа Кукутени-Четэцуя III (фаза Кукутени B_1) и Миоркани (*Schmidt H.*, 1932; *Niţu A.*, 1969). В этих комплексах еще сохраняется керамика с углубленным и полихромным орнаментом (карта 5*б*; табл. 9).

Памятники располагаются в тех же топографических условиях, что и раньше. Дальнейшее развитие получает круговая планировка поселений, классическим образцом которой стала Владимировка (900×800 м). Известны и поселения-гиганты площадью более 200 га (Мирополье), продолжающие линию развития памятников типа Веселый Кут (*Цвек Е. В.*, 1980б). Крупные поселения этого времени зафиксированы и в Поднестровье (*Маркевич В. И.*, 1973б). Поселения и жилища сохраняют типы, выработанные в каждой из локальных групп на предшествующей ступени. Ниже приводится графическая реконструкция жилища (табл. LIX, *1*) раскопанного на поселении Раковец близ г. Сороки (*Черныш Е. К.*, 1973). При создании этой реконструкции использованы модель трипольского двухэтажного жилища, найденная Е. В. Цвек в с. Рассоховатка Черкасской обл. (рис. 13, *2*), и опубликованная Т. Г. Мовшей модель из жилища 3 поселения Владимировка (*Мовша Т. Г.*, 1964б, с. 96, рис. 3, *1*).

На территории поселения Незвиско III обнаружено (*Черныш Е. К.*, 1962) захоронение мужчины лет 60, совершенное в овальной могильной яме (2,1×1,2×1,4 м) на спине, головой на северо-восток, с вытянутыми вдоль тела руками и слегка приподнятыми в коленях ногами. Кисти рук находились в области таза. У ног погребенного стоял небольшой сосуд с росписью, типичной для посуды этапа BII. Положение погребенного, по мнению Т. Г. Мовша, аналогично позе погребенных в грунтовых могильниках среднестоговской культуры (*Мовша Т. Г.*, 1960а, с. 64). Череп погребенного резко отличен от

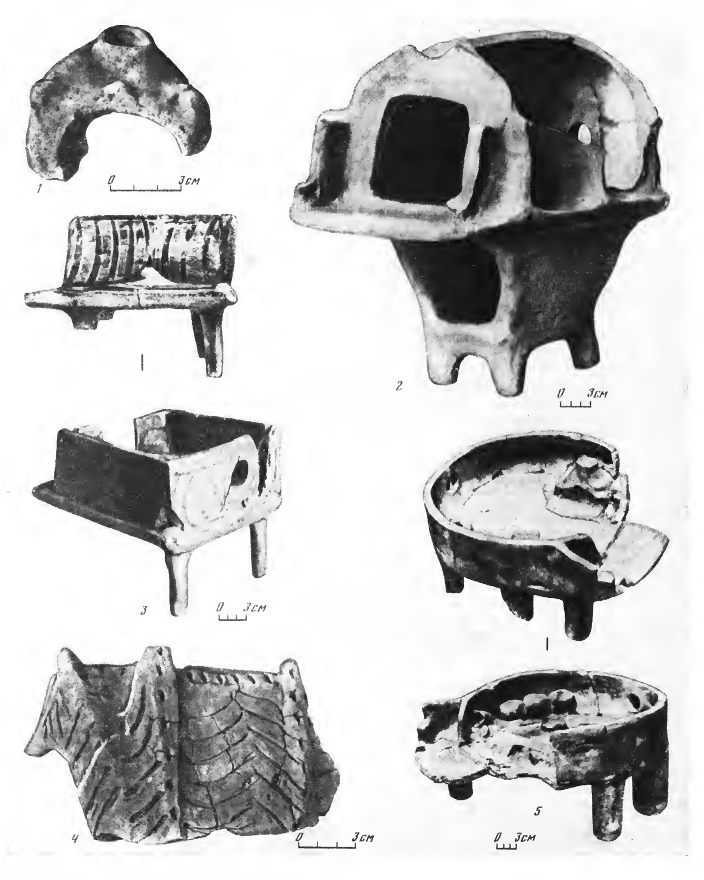

Рис. 13. Глиняные модели трипольских жилищ среднего и позднего периодов

1 — Уманщина (случайная находка); *2* — Рассоховатка; *3* — Владимировка; *4* — Коломийщина II; *5* — Попудня

обычных трипольских, для которых характерен средиземноморский антропологический тип (*Дебец Г. Ф.*, 1960). Лобная часть черепа и зубы верхней челюсти повреждены ударами (тремя), нанесенными каменным топором в бою, когда человеку было лет 50. Он выжил, но умер спустя 10—15 лет (*Герасимов М. М.*, 1960). По мнению М. М. Герасимова, расовый тип погребенного на поселении Незвиско III можно сближать с переднеазиатским европеоидным (рис. 14).

Орудия памятников 7-й ступени среднего периода (табл. LXXV) отличаются более правильными формами и тщательной отделкой. Струйчатая ретушь применяется при изготовлении большинства кремневых изделий. Набор орудий остается прежним. Увеличивается число кремневых топоров. На поселении Незвиско III небольшая мастерская по обработке кремня функционировала в каждом жилище, но одновременно существовала и коллективная мастерская, расположенная между домами, где было сосредоточено большое количество отходов производства и заготовок крупных орудий (*Черныш Е. К.*, 1962; 1966). На поселениях этого времени известны роговые наконечники мотыг, костяные шилья и кочедыги, лощила в виде длинной плоской лопаточки. На поселениях Поднестровья часты находки рукоятей из кости и рога для каменных орудий.

На финальной ступени среднего периода металлические предметы, представленные в основном орудиями и украшениями из меди, пополняются литыми изделиями из сплава меди с серебром. Из такого сплава сделано колечко, найденное на поселении Незвиско III. В числе привозных изделий по-прежнему имеются топоры-тесла «крестообразного» типа. Один из них происходит с поселения Городница II (табл. LXII, *64*). Возможно, он привезен из Подунавья, как и аналогичные ему топоры с поселений 6-й ступени среднего периода (*Рындина Н. В.*, 1970; 1971).

Керамика 7-й ступени среднего периода очень близка монохромной посуде позднего периода (табл. LXXVI). Переход на этой ступени к росписи одной краской по естественному фону сосуда привел к тому, что монохромная керамика практически вытеснила остальные группы посуды. Так, почти полностью вышла из употребления посуда с углубленным орнаментом. В небольшом количестве сохранялась еще кухонная керамика из глины с примесью раковины, представленная всего тремя формами — горшком, миской и шлемовидной крышкой. По шейке горшки орнаментированы расчесами, под венчиком — рядом «жемчужин», по плечикам — полосой из оттисков гребенчатого штампа. На территории каждой локальной группы изделия гончаров попрежнему отличаются специфическими чертами, проявляющимися как в форме, так и в орнаментации сосудов. Это свидетельствует о нарастании различий между памятниками отдельных районов. В частности, в Буго-Днепровском междуречье сохраняется керамика с углубленным орнаментом, а в Верхнем Поднестровье — полихромная посуда (табл. LII). Последняя очень своеобразна: штрихи темно-вишневого цвета нанесены на облицовку сосуда, имеющую вид красновато-коричневых полос на белом фоне. Кроме того, в Верхнем Поднестровье практикуется покрытие некоторых кухонных сосудов красной и черной красками.

На последней ступени среднего периода среди антропоморфных статуэток (рис. 12, *1*, *4*) появляются фигурки, изображающие сидящих женщин. Ноги этих фигурок, как и стоячих, соединены в столбик. Сохраняются и небрежно вылепленные стоячие фигурки на толстой столбикообразной ножке. Подставками для статуэток служили миниатюрные глиняные модели сидений, расписанные со всех сторон. Наряду с перечисленными изделиями и фигурками домашних животных с ритуальными целями изготовляли миниатюрную посуду — миски и черпаки с зооморфными ручками. С магическим ритуалом связаны, видимо, и глиняные модели жилищ. Две такие модели с росписью обнаружены на поселении Владимировка. Одна изображает внутренний вид дома (рис. 13, *3*), другая (сломана) — внешний (*Пассек Т. С.*, 1949а; *Мовша Т. Г.*, 1964б). Роспись моделей, очевидно, имитирует окраску штукатурки домов. Обломки последней со следами росписи иногда встречаются при раскопках (*Цвек Е. В.*, 1980б).

Таким образом, для второй половины среднего периода выделены три ступени (5—7). Памятники всех трех ступеней пока известны не во всех районах распространения культуры Триполье-Кукутени, что весьма затрудняет изучение локальных различий в культуре. Наиболее полно локальные особенности отражены в материалах поселений Верхнего Поднестровья, Буго-Днепровского междуречья, долины р. Бахлуй (поселения у с. Кукутени) и Молдавского Прикарпатья (табл. 9).

Материалы поселений Траян-Дялул Фынтынилор III, Фрумушика II, Калу и Гелэешти позволяют наметить для Молдавского Прикарпатья следующие характерные особенности: искусственные укрепления поселений, расположенных на мысах; погребения людей по обряду трупоположения в глубоких круглых ямах и захоронения отдельных костей человека на площади поселений; положение погребального инвентаря над усопшим и вокруг него; употребление в быту преимущественно расписной керамики; использование в орнаментации посуды геометрического орнамента в сочетании с символами плодородия и изображениями женской фигуры. Роспись керамики из районов Молдавского Прикарпатья аналогична росписи сосудов, происходящих с памятников левобережья Сирета и долины р. Бырлад (*Petrescu-Dîmbovița M.*, *Dinu M.*, *Bold E.*, 1958). В частности, изображению рогов быка на посуде из этих районов соответствуют рисунки на посуде поселения Фрумушика II (табл. LXIV, *14*), что можно расценивать как показатель культурного единства населения левобережья и правобережья Сирета. В других районах, например в Побужье, тот же сюжет исполнен в иной манере (табл. LXIV, *13*).

Еще одна группа памятников, культурно близкая памятникам Молдавского Прикарпатья, сосредоточена в бассейне р. Бахлуй. Это поселения Кукутени-Дымбул Морий, Кукутени-Четэцуя II и III, Хуши (табл. 9). Здесь также существовали искусственно укрепленные поселения мысового типа, а в керамическом комплексе преобладала расписная посуда. К местным особенностям можно отнести при-

менение камня для обкладки рвов, использование каменных вымосток в конструкциях глинобитных возвышений на полах жилищ, сочетание расписного геометрического орнамента на посуде с изображениями змей, использование в орнаменте наряду с древним вариантом рисунка рогов быка в виде двух соединенных под углом овалов (табл. LXIV, *12*; LXVII, *8*) новых его вариаций (*Schmidt H.*, 1932, fig. 17). Ариушдский вариант, развивавшийся параллельно с кукутенским в Юго-Восточной Трансильвании (*Szēkely Z.*, 1965), в целом также близок группе памятников Молдавского Прикарпатья. Более скудные сведения имеются о поселениях, расположенных на р. Ботне в Центральной Молдавии, таких, как Городка I и II (*Маркевич В. И.*, 1973б). Общее для всех перечисленных выше групп памятников— отсутствие в их материалах биноклевидных сосудов, что, по мнению В. Думитреску, является локальным признаком (*Dumitrescu V.*, 1974c) и позволяет объединить указанные памятники (табл. 9, *8*, *9*) в одну группу (карта 4, IV, *2*). Находка биноклевидных сосудов на поселении Траян-Дялул Фынтынилор III (*Dumitrescu V.*, 1941—1944) может рассматриваться как исключение, особенно учитывая близость этих изделий аналогичным предметам из соседнего района Верхнего Прута (*Kandyba O.*, 1937).

На территории СССР компактную группу памятников, отличающуюся значительным культурным единством, как и ранее, образуют поселения северной части Пруто-Днестровского междуречья, хотя изучены они очень неравномерно, да и не все материалы опубликованы. Уверенно говорить о локальной специфике можно лишь для района Среднего Поднестровья на участке между реками Жванчик и Немия (карта 4, IV, *4*). Здесь исследованы поселения Бабино, Поливанов Яр II, Крутобородинцы I и Кудринцы (табл. 9, *3*). Для памятников этой группы показательны наличие оборонительных сооружений на поселениях мысового типа, сочетание на поселениях наземных домов с полуземлянками, существование коллективных кремнеобрабатывающих мастерских на территории поселков, присутствие в инвентаре кремневых топоров и тесел, преобладание в керамическом комплексе расписной посуды и наличие в нем биноклевидных сосудов, наличие женских статуэток с изображением длинного передника, отороченного бахромой.

На более южной территории того же Пруто-Днестровского междуречья памятники второй половины среднего периода (карта 4, IV, *1*) известны в основном по данным разведок (*Маркевич В. И.*, 1973б). Как и ранее, здесь представлены крупные центры, например Раковец, площадь которого составляет около 30 га. Керамика этого района (табл. LXXVI, *63—95*) по стилю росписи близка посуде поселения Владимировка в Побужье (табл. LXXVI, *27—62*). Кроме того, в этом регионе много биноклевидных сосудов.

Южнобугская группа памятников (карта 4, IV, *6*), включающая поселения Владимировка, Данилова Балка, Кринички, Колодистое, в культурном отношении близка поселениям Андреевка и Гарбузин, расположенным в Поднепровье на Каневщине (*Пассек Т. С.*, 1949а; *Мовша Т. Г.*, 1971б). Эта группа

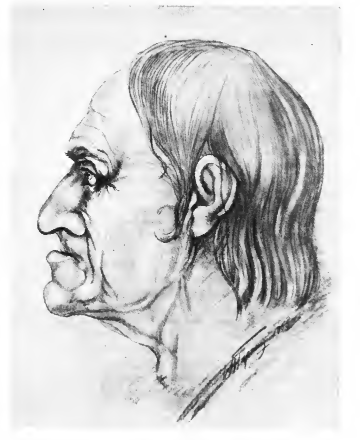

Рис. 14. Графическая реконструкция внешнего облика человека по черепу из погребения на территории поселения Незвиско III (по М. М. Герасимову)

характеризуется крупными неукрепленными поселениями, планировкой последних концентрическими кругами или овалами, наличием в домах глинобитных крестообразных жертвенников, лавок, столообразных возвышений, находками моделей жилищ, господством расписной керамики с широкими орнаментальными поясами (иногда с метопами), преобладанием негативного спиралевидного орнамента (табл. LXXVI, *53—55*, *61*, *62*). Для южнобугской группы памятников, расположенной на крайнем юго-востоке трипольской территории, на позднем этапе среднего периода отмечаются тесные связи с культурой степных племен. Так, в одном из жилищ на поселении Владимировка обнаружены два глиняных шаблона, употреблявшихся для изготовления небольших остродонных сосудов, типичных для раннего этапа второго периода среднестоговской культуры (*Телегін Д. Я.*, 1973). Близкие среднестоговским сосуды с примесью в тесте измельченной раковины и песка, с небольшими ручками-ушками и волнистой процарапанной линией у шейки найдены в ряде жилищ этой группы памятников. Такой тип керамики настолько специфичен, что вполне обоснованным можно считать предположение Т. Г. Мовша об инфильтрации в среду трипольского населения Владимировки какой-то степной группы, в известной мере сохраняющей свои культурные традиции (*Мовша Т. Г.*, 1961).

Группа памятников Верхнего Поднестровья (карта 4, IV, *3*) выделена по материалам раскопок по-

селений Залещики, Бучач, Бильче Золотое-Сад I, Незвиско III и ряда других (табл. 9, *4*). Эта группа характеризуется неукрепленными поселениями, сочетающими наземные дома с полуземлянками, использованием каменных вымосток в конструкциях глинобитных столообразных возвышений на полу жилищ, наличием коллективных кремнеобрабатывающих мастерских на территории поселков и мастерских в отдельных жилищах, преобладанием в керамическом комплексе расписной посуды и присутствием в нем биноклевидных расписных сосудов, близких по форме аналогичным изделиям с поселений Траян-Дялул Фынтынилор III и Шипенцы А. В этом регионе до последней ступени сохраняется полихромная посуда, часть которой покрыта своеобразной росписью — штрихами темно-вишневого цвета по облицовке в виде красновато-коричневых полос на белом фоне, применяется окраска некоторых кухонных сосудов красной и черной красками. Для описываемой группы памятников типичны захоронения по обряду трупоположения в глубоких подпрямоугольных ямах с бедным инвентарем на площади поселений, присутствие в инвентаре поселений кремневых топоров и тесел, множества резцов, изделий из рога и кости. Показательно, что даже в этот сравнительно глубинный район трипольской территории проникли степные влияния. Свидетельством тому является поза погребенного на территории поселения Незвиско III, который был захоронен на спине с вытянутыми вдоль тела руками и слегка согнутыми в коленях ногами, что типично для грунтовых могильников среднестоговской культуры (*Мовша Т. Г.*, 1960а, с. 64). Погребение сопровождала обычная для трипольцев расписная чаша.

Наконец, обособленную группу составляют поселения, расположенные в междуречье Южного Буга и Среднего Днепра (карта 4, IV, *5*). Здесь, как и на южнобугских памятниках, отсутствуют земляные укрепления, сравнительно рано (на 6—7-й ступенях среднего периода) появляются поселения-гиганты. Жилища представлены одноэтажными и, видимо, двухэтажными сооружениями, как прямоугольными в плане, так и Г-образными. На поселениях типа Мирополье сохраняется до 40% посуды с углубленным орнаментом, около 30% неорнаментированной посуды, небольшое количество керамики, украшенной и углубленным, и каннелированным орнаментом. Расписная посуда составляет всего около 10%.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что средний период культуры Триполье-Кукутени приходится на IV тысячелетие до н. э. и оканчивается в его последней четверти. В этот период наблюдаются контакты (табл. 10) носителей культуры Триполье-Кукутени с общинами Гумельница, Петрешти (*Dumitrescu V.*, 1960; 1968а), Средний Стог II и культурой керамики с белой росписью группы Злота (NP, p. 76—143). Значительно расширяется ареал трипольско-кукутенской культуры в связи с перемещением части пруто-днестровских общин в Верхнее Поднестровье и части общин Побужья в Среднее Поднепровье. Совершенствуется технология металлообработки, высокого уровня достигают гончарство и выделка кремневых изделий. Создаются крупные мастерские по изготовлению кремневых шлифованных топоров, и налаживается широкий внутриплеменной обмен этими изделиями. Намечается социальная дифференциация населения, косвенным указанием чего служат находки символов власти (каменных булав и скипетров) и обнаружение кладов, представляющих собой ценности, скопившиеся в руках отдельных лиц. С какими-то социальными переменами, видимо, надо связывать и возникновение в этот период крупных населенных пунктов площадью в десятки и сотни гектаров.

Глава четвертая
Памятники позднего периода культуры Триполье-Кукутени

В настоящее время известно около 300 памятников позднего периода культуры Триполье-Кукутени. Их ареал значительно шире территории распространения памятников среднего периода — от Волыни до Черного моря и от Молдавского Прикарпатья до Среднего Поднепровья (карта 6, *13—61*). Большинство исследователей до сих пор рассматривают разновременные и разнотипные памятники этого времени в рамках двух этапов (CI и CII для северной и γI—γII для южной частей ареала), выделенных Т. С. Пассек (*Пассек Т. С.*, 1949а). Однако со времени создания данной схемы периодизации трипольских поселений накопился большой и разнообразный материал, требующий более дробной периодизации. Из схем, предложенных ныне Т. Г. Мовша (1972), В. Г. Збеновичем (1972; 1976б) и В. И. Маркевичем (1981), ни одна не является, на наш взгляд, исчерпывающей. Наиболее полная схема В. И. Маркевича для позднетрипольских поселений Молдавии, предполагающая выделение четырех ступеней для первой половины и пяти ступеней для второй половины позднего периода. Но и она не отражает всех этапов развития памятников названного периода, поскольку на территории Молдавии пока не известны поселения, соответствующие поселениям типа Шипенцы Б и Кошиловцы-Обоз на Украине. Вместе с тем хронологическая колонка позднетрипольских памятников Молдавии уже теперь позволяет точнее определить последовательность развития позднетрипольских поселений на соседней территории. Наибольшую трудность представляет синхронизация поселений, в материалах которых отсутствует расписная керамика, служащая основой периодизации. Используя стилистические особенности росписи посуды для хронологических построений, румынские исследователи делят кукутенские памятники на три этапа — B_1, B_2, B_3 (*Dumitrescu V.*, 1960; *Nițu A.*, 1977). При этом В. Думитреску термином Кукутени B_3 обозначает памятники, соответствующие поселениям конца первой половины позднего периода, а А. Ницу — более поздние памятники городско-усатовского типа.

В настоящей работе в качестве опорной использована хронологическая колонка позднетрипольских памятников, разработанная В. И. Маркевичем (1981), но при этом учтены недостающие ступени, а общее их число доведено до 11 (табл. 9). Из 11 ступеней развития, выделяемых для позднего периода культуры Триполье-Кукутени, шесть (1—6) отнесены нами к его первой половине и пять (7—11) — ко второй. На большинстве памятников между слоями среднего и позднего периодов, а часто и в пределах каждого из них наблюдается значительный хронологический разрыв. Это затрудняет использование стратиграфических данных при хронологическом членении памятников позднего периода. Оно базируется в основном на типологическом анализе расписной керамики и пластики, причем более надежна периодизация памятников трех последних (9—11) ступеней (*Дергачев В. А.*, 1980). Памятники с неизданным или специфическим материалом включены нами в синхронистическую таблицу (см. табл. 9) со знаком вопроса.

Для поселений позднего периода культуры Триполье-Кукутени имеется несколько радиокарбонных дат (*Долуханов П. М.*, *Тимофеев В. И.*, 1972):

Валя-Лупулуй (Кукутени B_1)	3000±60	лет до н. э.		(CrN-1982)
Чапаевка (Триполье CI)	2920±100	»	»	(Bln-631)
Евминка I (Триполье CI)	2840±100	»	»	(UCLA)
Маяки (Триполье γII)	2450±100	»	»	(Bln-609)
	2390±65	»	»	(ЛЕ-645)
	2425±60	»	»	(UCLA-1642 B)
	2425±60	»	»	(UCLA-1642 C)
Усатово (Триполье γII)	2380±60	»	»	(UCLA-1642 A)
Данку II (Триполье γII)	2650±60	»	»	(ЛЕ-1054)

Этот список может быть продолжен за счет дат, полученных для культур, находившихся в контакте с культурой Триполье-Кукутени (*Долуханов П. М.*, *Тимофеев В. И.*, 1972):

Цмелюв (культура воронковидных кубков)	2725±110	лет до н. э.		(H-566/592)
	2665±40	»	»	(CrN-5088)
Клементовице Д (культура шаровидных амфор)	2490±160	»	»	(KN-225)
	2240±40	»	»	(CrN-5046в)
	2195±69	»	»	(CrN-5046а)
Михайловка, нижний слой (ямная культура)	2380±100	»	»	(Bln-630)
	2100±150	»	»	(ЛЕ-335)
Чернавода I (культура Чернавода I)	2555±100	»	»	(Bln-61а)
	2435±100	»	»	(Bln-61)
	2310±100	»	»	(Bln-62)

Согласуются с ними и даты фракийской культуры Караново (*Долуханов П. М.*, *Тимофеев В. И.*, 1972):

Эзеро I-6 (культура Караново VII)	2385±80	лет до н. э.		(Bln-421)
	2360±80	»	»	(Bln-524)

Совокупность приведенных выше абсолютных дат позволяет заключить, что поздний период культуры Триполье-Кукутени приходится в основном на первую половину III тысячелетия до н. э., а конец — на третью четверть того же тысячелетия.

Памятники позднего периода культуры Триполье-Кукутени чрезвычайно разнообразны. Различия фиксируются как между территориальными вариантами, так и внутри каждого из них. В этот период одновременно существуют небольшие поселения с нерегулярной застройкой и поселения-гиганты (до 300—400 га) со строгой планировкой (кольцами и радиусами), укрепленные и неукрепленные поселки, одноэтажные и двухэтажные дома средних (40—80 кв. м) и крупных (100—150 кв. м) размеров, курганные и бескурганные могильники, обычные погребения и захоронения отдельных частей человеческих скелетов на площади поселений. Известны кремнеобрабатывающие и гончарные мастерские этого времени. Кремневые изделия увеличиваются в размерах, поскольку наиболее распространенной формой заготовок становятся крупные пластины. Орудия, как правило, обрабатываются струйчатой ретушью. Распространяются кремневые топоры нескольких типов — узкообушные, толстообушные, прямоугольных очертаний, трапециевидные. В металлообработке практикуется литье в двусторонние формы. Керамический комплекс зоны расписной керамики (табл. LXXVII) включает две группы сосудов: из плохо отмученной глины с различными примесями и грубообработанной поверхностью и из мелкоструктурной глины, лощеные, с росписью и без росписи. В отдельных районах керамический комплекс по-прежнему содержит сосуды с углубленным орнаментом. Различается по районам и пластика: в восточных районах она схематична, в западных — более реалистична. Для позднего периода значительно ярче выражено и различие между территориальными группами памятников.

Памятники первой половины позднего периода

В настоящее время к 1-й ступени позднего периода (табл. 9; карта 6а) культуры Триполье-Кукутени бесспорно могут быть отнесены лишь два памятника — поселения Брынзены IV и Стольничены на левобережье Прута (*Маркевич В. И.*, 1981). Не исключено, что к этой же ступени относится и поселение Поливанов Яр I_1 (*Пассек Т. С.*, 1952; 1961а). Отдельные формы керамики (биноклевидный сосуд и кубок) последнего близки аналогичным изделиям среднетрипольских поселений типа Раковец, но материалы его пока не опубликованы.

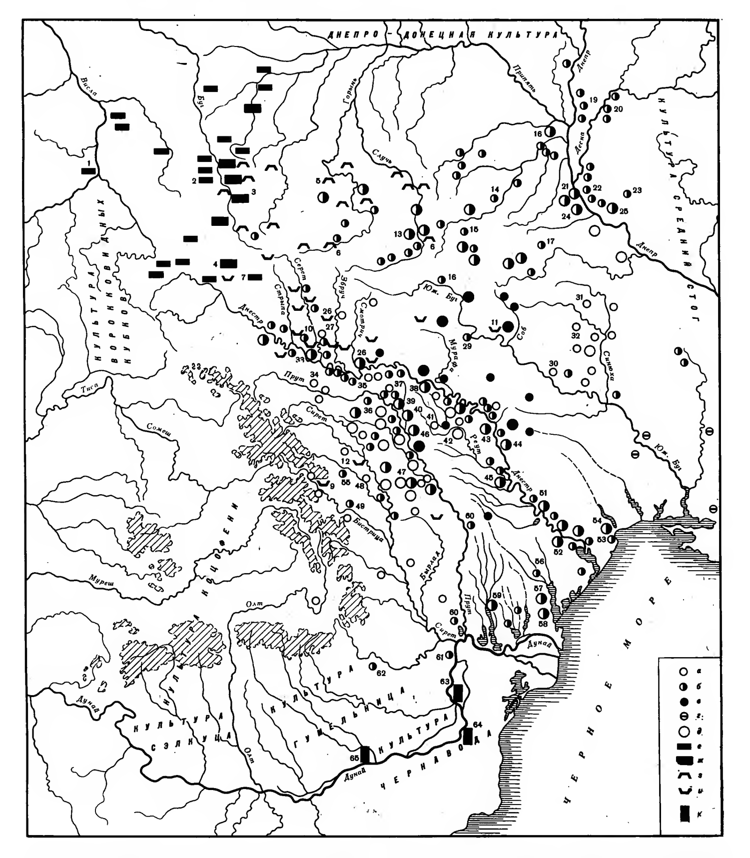
Поселение Брынзены IV, как и многие среднетрипольские, расположено на мысу и ограничено с трех сторон крутыми склонами. Здесь вскрыты два жилища. Одно из них имело размеры 14×5 м и было двухкамерным. Стены его сооружены на плетневом каркасе и обмазаны глиной. В каждой камере находилась печь (1,2×1,2 м), вылепленная ленточным способом. Земляной пол был подмазан глиной с песком. Межэтажное перекрытие этого двухэтажного дома представляло собой настил из плах шириной 12—24 см, покрытых глиняной обмазкой толщиной 1 см. На полах обоих этажей находились глинобитные возвышения, возле которых найдены сосуды. Таким образом, это жилище аналогично домам среднетрипольских поселений Пруто-Днестровского междуречья.

Инвентарь поселения включал изделия из двух сортов кремня — местного и привозного. Это наконечники стрел и копий, ножи, серпы, скребки, сверла. Заготовками служили пластины с ровными параллельными сторонами. Лезвия режущих орудий оформлялись струйчатой ретушью. Формы орудий не претерпели серьезных изменений по сравнению с памятниками среднего периода. Даже наконечники стрел и копий по-прежнему имели треугольную форму и ровное основание. Комплекс поселения содержал также шлифованные тесла из кремнистого сланца и проушной топор-молот, типичные для позднего периода удлиненные лощила в виде плоских лопаточек, глиняные рыболовные грузила и пряслица обычных форм. Медные изделия на поселении не обнаружены.

Керамика поселений 1-й ступени позднего периода представлена кухонными и столовыми расписными сосудами, что вообще характерно для памятников зоны распространения расписной посуды. Первые весьма малочисленны. Это приземистые сосуды с округлым туловом из плохо отмученной глины с примесью дробленой раковины, орнаментированные фестонами, нанесенными гребенчатым штампом, наколами и «жемчужинами», с глухими, реже — с проколотыми ушками. Расписная керамика вылеплена из хорошо отмученной глины, равномерно обожжена. Она представлена биконическими сосудами с ровным, отогнутым наружу венчиком и ручками на плечиках, антропоморфными сосудами с широко раздутыми плечиками, несколько приостренными снизу, биконическими сосудами с сильно отогнутым венчиком и ушками у основания края, биконическими чашами (кубками), биконическими округлобокими горшками, коническими, полусферическими и полусферическими с уплощенным верхом крышками, коническими и с загнутым внутрь краем мисками (табл. LXXVIII, 118—132). Зональный орнамент в виде спиралевидных лент и овалов нанесен черно-коричневой краской часто в сочетании с красной краской, заключен в метопы, расположен, как правило, в верхней части сосудов (табл. LXXVIII, *175—188*). Нижняя часть их часто не орнаментиро-

Карта 6. Памятники культур воронковидных кубков (*1—4*), шаровидных амфор (*5—12*) позднего периода культуры Триполье-Кукутени (*13—61*) и Чернавода (*62—65*)

1 — Цмелюв; *2* — Грудек Надбужный; *3* — Зимно; *4* — Малые Грибовичи; *5* — Городок; *6* — Лепесовка; *7* — Звенигород; *8* — Колодяжное; *9* — Пятра Нямц; *10* — Кошиловцы; *11* — Степашки; *12* — Долгешти Мари; *13* — Новая Черторыя; Колодяжин; *14* — Городск; *15* — Троянов; *16* — Сандраки I—II; *17* — Паволочь; *18* — Казаровичи I—III; *19* — Чернин; *20* — Евминка I—II; *21* — Киев; *22* — Красный Хутор; *23* — Лукаши; *24* — Чапаевка; *25* — Софиевка I—II; *26* — Сухостав; *27* — Бильче Золотое-Сад II и Вертеба; *28* — Цвикловцы; *29* — Печора II; *30* — Попудня; *31* — Старая Буда; *32* — Майданецкое; *33* — Кошиловцы-Обоз, Товдры; *34* — Шипенцы Б; *35* — Поливанов Яр I; *36* — Городиштя; *37* — Гординешты II; *38* — Мерешовка I—II; *39* — Брынзены III, Старые Бадражи; *40* — Костешты IX—X; *41* — Петрены; *42* — Варваровка VIII, XV; *43* — Солончены II_3; *44* — Выхватинцы I—II; *45* — Голерканы; *46* — Кубань; *47* — Валя-Лупулуй; *48* — Кукутени-Четэцуя IV—V; *49* — Извоаре III; *50* — Данку I—II; *51* — Красногорка; *52* — Тудорово; *53* — Маяки; *54* — Усатово I—II; *55* —

Тыргу Окна-Подей; *56* — Сарата; *57* — Баштановка, Борисово, Глубокое; *58* — Нерушай; *59* — Болград, Огородное, Суворово; *60* — Фолтешти I; *61* — Брэилица; *62* — Сэрата Монтеору; *63* — Крушево; *64* — Чернавода; *65* — Кэсчиоареле

а — 1—6-я ступени позднего периода культуры Триполье-Кукутени; *б* — 7—11-я ступени позднего периода культуры Триполье-Кукутени; *в* — памятники культуры Триполье-Кукутени (ступень не уточнена); *г* — отдельные трипольские находки; *д* — группа памятников культуры Триполье-Кукутени; *е* — памятники культуры воронковидных кубков; *ж* — группа памятников культуры воронковидных кубков; *з* — волынский вариант культуры шаровидных амфор; *и* — подольский вариант культуры шаровидных амфор; *к* — группа памятников культуры Чернавода

вана. На отдельных экземплярах роспись сопровождается изображением птиц.

На протяжении первой половины позднего периода распространены преимущественно женские стоячие статуэтки удлиненных пропорций с выделенной талией и надбедренными выступами со сквозными отверстиями. Головка фигурок уплощенная, большой нос передан защипом, глаза — двумя отверстиями. Ноги сведены на конус, завершенный одной небольшой ступней. Есть и сидячие статуэтки с раздельно моделированными ногами. Некоторые из них местами сохранили роспись. Среди ритуальных предметов имеются также глиняные шарики, возможно, модели хлеба и фишки, очевидно, игральные (*Маркевич В. И.*, 1981).

Ко 2-й ступени позднего периода относятся поселения, керамический комплекс которых занимает промежуточное положение между комплексами первой ступени типа Брынзены IV и комплексами 3-й ступени типа Петрены. Таковы не синхронные, но близкие по времени поселения типа Бильче Золотое-Сад II в Верхнем Поднестровье (*Ossowski G.*, 1893), поселение Шипенцы Б в Попрутье (*Kandyba O.*, 1937), очевидно, Коломийщина II в Поднепровье (*Пассек Т. С.*, 1949а), поселения типа Попудня (*Himner M.*, 1933) и Майданецкое (*Шмаглий Н. М.*, 1980) в бассейне р. Синюхи (карта 6,*а*; табл. 9). Большинство их имело средние (8—15 га) размеры, кольцевую планировку и не было укреплено (Коломийщина II, Попудня). Только в Буго-Днепровском междуречье продолжали существовать поселения-гиганты. Примером может служить поселение Майданецкое (табл. LXXIX, *2*), первоначально насчитывавшее более 700 жилищ (*Шмаглий Н. М.*, 1980). Жизнь на поселении продолжалась, очевидно, и на 3-й ступени. К тому времени оно состояло уже из 1500 жилищ, располагавшихся четырьмя концентрическими кругами, и занимало площадь около 300 га. Видимо, крупные поселения существовали более длительное время, чем средние. Поселки были застроены наземными домами обычной для трипольцев конструкции, в том числе и двухэтажными, средних (30—50 кв. м) и крупных (100, 200, 300 кв. м) размеров. Могильники и отдельные захоронения 1—4-й ступеней позднего периода пока не обнаружены.

Каменный и костяной инвентарь рассматриваемых памятников все еще аналогичен инвентарю комплексов конца среднего периода. Медные изделия этого времени не известны.

Расписная керамика, послужившая основанием для выделения памятников 2-й ступени позднего периода, отчетливо проявляет территориальные особенности. Керамические комплексы Верхнего Поднестровья (табл. LXXVII) и Верхнего Попрутья, а также бассейна р. Синюхи продолжают линию развития расписной керамики предшествующего времени, а комплексы поселений Среднего Поднепровья, находившихся вне зоны распространения расписной посуды,— местную линию развития керамики с углубленным орнаментом. Кухонная керамика с примесью дробленой раковины в тесте однотипна во всех районах культуры Триполье-Кукутени (табл. LXXVII, *56*, *57*; LXXVIII, *117*). Это плоскодонные горшки иногда на четырех ножках, традиционно украшенные гребенчатыми расчесами. Отдельные экземпляры имеют небольшую ленточную ручку. Для Среднего Поднепровья характерна посуда с углубленным орнаментом из глины с примесью песка, украшенная узорами из спирально изогнутых лент, фестонов и полуовалов. Часть форм этой группы посуды совпадает с формами привозной расписной керамики, в частности происходящей с территории Побужья и Поднестровья. Процент привозной керамики с росписью в комплексах Среднего Поднепровья типа Коломийщина II незначителен. Местными формами являются в этом регионе кратеровидные и антропоморфные с широкими боками и уплощенным горлом сосуды, а также усеченно-конические крышки с плоским верхом. В Верхнем Поднепровье среди расписных форм распространяются экземпляры с мягкими очертаниями (табл. LXXVII, *41*, *43—45*), но сохраняются и острореберные, присущие комплексам первых ступеней позднего периода (табл. LXXVII, *46*, *48*). Роспись выполнена черной или черно-коричневой краской по светлой красочной облицовке (желтовато-коричневатые тона). Основными орнаментальными мотивами являются эсовидная спираль и своеобразно трактованные ее детали, заключенные в горизонтальные пояса (табл. LV, *5*, *23*; LXXVII, *58—61*, *63*). В орнаменты впервые включаются силуэтные, реже — контурные изображения домашних животных (табл. LXXVII, *69—71*), иногда сочетающиеся с растительным узором (табл. LXXX, *3*, *4*).

Наряду с обычными для позднего периода статуэтками (табл. LXXVII, *67*, *68*) отметим найденные на поселении Коломийщина II фигурку одноглазого сидящего мужчины и глиняную фрагментированную модель жилища (*Пассек Т. С.*, 1938б; 1949а, с. 75—76, рис. 31, *1*; 32).

3-я ступень позднего периода (карта 6,*а*; табл. 9) представлена поселениями Петрены и Главан в Молдавии, Кирилловка, Черкасов Сад и Стена (нижний горизонт) на левобережье Среднего Днестра (*Маркевич В. И.*, 1981), поселениями Томашовка и Сушковка в Побужье (*Passek T.*, 1935; *Пассек Т. С.*, 1949а). Представление о планировке и характере жилищ памятников этого времени дает поселение Петрены, расположенные на плато в междуречье Прута и Днестра и известное еще по раскопкам начала века (*Штерн Э. Р.*, 1906; *Пассек Т. С.*, 1949а; 1949б). Согласно новейшим исследованиям (*Маркевич В. И.*, 1981), поселение площадью 30 га не было укреплено, имело круговую планировку и, очевидно, застраивалось строго по плану от центра к внешнему краю (табл. LXXIX, *3*). Дома размерами в среднем 8×5 м стояли вдоль радиальных и кольцевых улиц плотными рядами, и только у внешнего края поселения располагалось несколько крупных (14—16×6—7 м) построек. Судя по наличию кусков глиняной обмазки от потолочного перекрытия, дома были двухэтажными. По приблизительным подсчетам, в период своего расцвета поселение насчитывало около 500 жилищ, в которых могли проживать 4 тыс. человек.

Сведения о раскопках большинства названных памятников 3-й ступени позднего периода чрезвычайно скудны, материалы их практически не изданы. Судя по имеющимся публикациям, инвентарь посе-

лений этого времени заметно не отличается от инвентаря предшествующих памятников. Среди изделий отметим лишь ножевидные пластины с крутой ретушью и круглые глиняные грузила для ткацкого стана.

Керамические комплексы 3-й ступени зоны распространения расписной керамики содержат сосуды двух групп — кухонные и расписные. Процент первых незначителен. Вторая группа сосудов, за редким исключением, представлена остроребериыми формами (табл. LXXVIII, *109*). В их числе — биконические и сфероконические горшки с резко отогнутым наружу краем, грушевидные горшки, миски усеченно-конической, полусферической и усеченной-сфероконической форм, кубки с ручкой (табл. LXXVIII, *99—108, 114, 115*). Имеются также крышки: шлемовидные с уплощенным верхом и двумя ушками, полусферические с двумя ушками-рожками и уплощенные с грибовидной ручкой в центре (табл. LXXVIII, *111, 112, 113*). Оригинальны зооморфный сосуд на четырех соединенных ножках (табл. LXXVIII, *116*) и так называемые лицевые урны. Отмечен и «бинокль». Роспись нанесена на залощенную поверхность коричневатых тонов темно-коричневой краской, иногда с добавлением ярко-красной краски, что делает узор очень нарядным. Рисунок легче, чем на предыдущей ступени, так как пространство между эсовидными спиралями не закрашивается полностью (табл. LXXVIII, *166—174*). Спирали постепенно распадаются на отдельные элементы (например, на два круга, соединенных широкой лентой или узкой полоской), что на 4-й ступени приводит к дальнейшей геометризации этого вида орнамента. Орнаментальные композиции включают силуэтные изображения бегущих животных, преимущественно собак. Сосуд из Петрен (цветная вклейка) украшен геометризированными человеческими фигурками. Изменения в орнаменте и большое число остроребериых сосудов (табл. LXXX, *1, 2*) на поселениях типа Томашовка позволяют считать их промежуточными между поселениями типа Бильче Золотое-Сад II и Варваровка VIII. По этим признакам к 3-й ступени позднего периода отнесено большинство жилищ поселения Майданецкое, возникшего на 2-й ступени позднего периода.

Находки ритуальных предметов этого времени довольно редки. Большинство их обнаружено в Побужье. Это глиняные модели жилищ, воспроизводящие внутренний вид помещений с печью у входа, а также схематичные антропоморфные статуэтки. Последние имеют уплощенную головку с носом-защипом и сквозными отверстиями на месте глаз, небольшие плечевые выступы вместо рук, заостренную или тумбообразную ножку, отверстия в плечах и бедрах (рис. 12, *15*). Отметим статуэтку с поселения Сушковка (рис. 12, *5*), изображающую сидящую женщину с ребенком на руках (*Himner M.*, 1933). Кроме того, в Сушковке найдены фигурки домашних животных и в их числе — головка лошади (рис. 12, *6*).

Следующая (4-я) ступень развития памятников позднего периода проявляется пока очень слабо. С наибольшей достоверностью к этой ступени можно отнести полностью раскопанное поселение Коломийщина I в Киевском Поднепровье (*Пассек Т. С.*, 1949а), поселения типа Великий Букрин и Пекари в Каневском течении Днепра (*Мовша Т. Г.*, 1971б), поселения Магала на Пруте (*Винокур И. С.*, 1966) и Сухостав (*Кравец В. П.*, 1955) в Верхнем Поднестровье. На последнем памятнике также велись раскопки, однако материалы его пока не изданы. На территории Молдавии памятники 4-й ступени позднего периода не обнаружены.

Коломийщина I — мысовое поселение диаметром 170 м с кольцевой планировкой (табл. LXIX, *1*): 30 домов средних (43—91 кв. м) и крупных (105—136 кв. м) размеров располагались по внешнему кругу, внутри которого находилось еще шесть небольших (до 40 кв. м) построек. Два дома (80 и 113 кв. м) стояли на площади в центре поселка. Особенностью поднепровских и поднестровских жилищ этого времени является наличие так называемой плитчатой обмазки. Она изготовлялась из глины с небольшой примесью песка или без заметных примесей. Мощные настилы такой обмазки представляют собой остатки прокалившегося в огне пожара и рухнувшего на земляной пол межэтажного перекрытия (*Кричевский Е. Ю.*, 1940а).

Керамика поселения Коломийщина I делится на три группы. Преобладает лощеная посуда с углубленным орнаментом, довольно много кухонных сосудов из глины с примесью песка и дробленой раковины и, наконец, меньшая доля приходится на расписную монохромную (с черной росписью) керамику. Этот керамический комплекс (табл. LXX, *1—5, 7—17*) настолько близок посуде поселения Чапаевка, относящегося к 5-й ступени позднего периода, что позволяет считать памятники типа Коломийщина I непосредственно предшествующими поселениям чапаевского типа (*Круц В. А.*, 1977).

Значительно лучше представлены памятники 5-й ступени позднего периода (табл. 9, карта 6, *а*). Это прежде всего поселение Варваровка VIII (*Маркевич В. И.*, 1981) и аналогичные ему памятники близ г. Сороки (*Черныш Е. К.*, 1970) в Северной Молдавии, поселения Крутобородинцы II (*Хвойко В. В.*, 1909), Чапаевка и Казаровичи I (*Круц В. А.*, 1977) в Среднем Поднепровье и Фрумушика III в Молдавском Прикарпатье (*Matasă C.*, 1946). В Киевском Поднепровье днестровским поселениям 5-й ступени позднего периода соответствуют памятники чапаевского типа (*Круц В. А.* 1977).

Данные о планировке поселков и жилищах имеются для Варваровки VIII и поднепровских памятников. Поселение Варваровка VIII площадью около 40 га расположено на высоком коренном берегу р. Реут, имеет круговую планировку и насчитывает не менее 200 наземных жилищ. Раскопаны шесть домов: пять прямоугольных и одно Г-образное в плане с выступом размерами 4.6×2.0 м. Размеры домов в среднем составляют 12×5—16×6 м. Пять жилищ были двухкамерными, одно — трехкамерным. Постройки отапливались печами, вылепленными ленточным способом. Поднепровские поселения состоят всего из 10—12 жилищ, расположенных по кругу или овалу. Там вскрыты двухкамерные углубленные жилища площадью 12—40 кв. м, хозяйственные ямы и очаги.

На юго-западной окраине поселения Чапаевка обнаружен могильник, где расчищено 31 погребение.

Могилы размещались четырьмя рядами по линии север — юг. Четыре погребения были парными. Захоронения совершены в вытянутом положении на спине, головой на запад, с вытянутыми вдоль корпуса руками. Все они принадлежали взрослым людям. 11 могил сопровождались инвентарем, включавшим сосуды, кремневые скребки, ножи и дротики, глиняную статуэтку (*Круц В. А.*, 1977).

Инвентарь поднепровских поселений указывает на связи этих общин с населением Волыни, от которого они получали кремень. Специфически местными изделиями региона являются роговые боевые топоры, клевцы, тесла, мотыги, проколки, костяные шилья и рыболовные крюки (*Круц В. А.*, 1977). Из медных изделий найдено только одно шило. Инвентарь памятников других регионов пока не опубликован.

Керамика поселения Варваровка VIII представлена в основном расписной посудой, хотя имеются и кухонные широкогорлые приземистые горшки с примесью дробленой раковины в тесте, орнаментированные гребенчатыми расчесами по горлу и «жемчужинами» по плечикам (табл. LXXVIII, *79—96*, *97*, *98*). Расписная керамика изготовлена из тонко отмученной глины. Это биконические и сфероконические формы с резко отогнутым наружу венчиком, иногда с парными ручками, имеющими сквозные горизонтальные отверстия. Почти все горшки острореберные, а миски — усеченно-конические. В числе новых форм имеются конические крышки, похожие на миски (табл. LXXVIII, *92*), крышки с ребром, также подобные мискам (табл. LXXVIII, *91*), усеченно-конические крышки (табл. LXXVIII, *88*), биконические сосуды с ровно срезанным краем (табл. LXXVIII, *86*). Орнамент характеризуется почти полным распадением спирали на отдельные элементы. Последние заключены в широкие пояса, выше которых изображаются бегущие животные (залиты красной краской), сцены охоты, астральные знаки. Роспись выполнена черной или темно-коричневой краской иногда в сочетании с красной. Отмечается большое сходство сосудов с зооморфными сюжетами из Варваровки VIII с подобными изделиями поселений Крутобородинцы II и Фрумушика III, где изображения животных выполнены черной или красной краской (табл. LXXVIII, *159—165*; LXXXI, *2*; LXXXII, *9*, *10*).

Керамика памятников чапаевского типа делится на те же группы, что и посуда поселения Коломийщина I: лощеную с углубленным орнаментом, изготовленную из глины с примесью песка и зерен кровавика; кухонную из глины с примесью толченых раковин и расписную (табл. LXX, *84—95*). Последняя является привозной и составляет в поднепровских комплексах от 1 до 10% (*Круц В. А.*, 1977). Присутствие в орнаментах изображений животных позволяет сближать эту посуду с поднестровской.

На памятниках 5-й ступени позднего периода найдено довольно большое число образцов пластики. Как обычно, доминируют женские статуэтки, но имеются и мужские. Женские статуэтки стоячие (рис. 12, *8*) и полусидячие, мужские — все стоячие. Зооморфная пластика представлена фигурками быка, коровы, овцы, барана (*Маркевич В. И.*, 1981).

Следующая, 6-я, ступень позднего периода документируется материалами раскопок на поселениях Варваровка XV и Костешты X в Северной Молдавии (*Маркевич В. И.*, 1970б; 1981), Трушешти II и Валя-Лупулуй на Пруте (*Petrescu-Dîmbovița M.*, 1963; *Dinu M.*, 1957). На поселении Варваровка XV, расположенном на правом, коренном берегу Реута, вскрыто всего одно жилище размерами 25×7 м. Поражают не только размеры этой постройки, но и совершенство конструкции, и обилие великолепной расписной посуды. Постройка отапливалась четырьмя печами, пол ее был обмазан глиной в несколько слоев, а глиняная штукатурка частично окрашена красной краской. В юго-восточном углу располагался ткацкий стан, на месте которого найдены 50 целых и восемь сломанных грузил, семь глиняных дисков с отверстием в центре и биконическое пряслице. Кроме того, в жилище обнаружены зернотерка и семь обломков таких же орудий, пять ножей и скребков на пластинах, изготовленных из импортного кремня. В целом поселения 6-й ступени исследованы крайне слабо. Тем более интересно открытие остатков двухъярусных гончарных печей на поселении Валя-Лупулуй в Румынии (*Comşa E.*, 1976), что документирует высокий уровень гончарного производства в первой половине позднего периода.

На рассматриваемых памятниках кухонной керамики с примесью толченой раковины в тесте мало (4%). Формы ее не претерпели заметных перемен. Формы же расписной посуды несколько меняются: сокращается число острореберных сосудов, профиль большинства их становится мягче. Полностью исчезают «лицевые урны». Появляются горшки с сильно раздутым туловом и высокой сужающейся шейкой, завершающейся резко отогнутым наружу краем (табл. LXXVIII, *62*), сосуды со сферическим туловом, высоким горлом и ручками у основания горла (табл. LXXVIII, *63*), цилиндрические сосуды с отогнутыми краями (табл. LXXVIII, *68*), миски с резко отогнутым наружу краем (табл. LXXVIII, *72*), шлемовидные миски с ребром и отогнутым наружу краем (табл. LXXVIII, *75*), полусферические миски (табл. LXXVIII, *76*). В росписи используются темно-коричневая и красная краски. Сосуды пышно орнаментируются по всей поверхности или только в верхней половине. Продолжается процесс распадения спирали на отдельные элементы (табл. LXXVIII, *154—156*). Более нарядными становятся миски, расписанные с двух сторон (табл. LXXVIII, *157—158*). В композицию по-прежнему включаются изображения животных, выполненные красной и оконтуренные черной красками (табл. LXXXI, *1*, *7*, *8*). Нередко фигурки животных сочетаются с символическими знаками, среди которых наиболее часты ромбы (табл. LXXXIII, *14*).

Антропоморфная пластика памятников 6-й ступени позднего периода представлена немногочисленными обломками статуэток, моделированных в условно-реалистическом стиле и напоминающих фигурки предшествующего времени.

По ряду признаков исследователи объединяют поселения первой половины позднего периода в территориальные группы, учитывая их генетические связи с памятниками среднего периода. Наиболее полно процесс развития культуры Триполье-Кукутени рассматриваемого времени прослежен в Северной Молдавии по материалам поселений Брынзени IV,

Петрены, Варваровка VIII и XV, Сороки-Озеро (карта 4, V, *1*; табл. 9, *1*). Территориальные группы памятников первой половины позднего периода выделены в Среднем Поднестровье между реками Жванчик и Немия (карта 4, V, *4*; табл. 9, *3*), где они представлены комплексами типа Поливанов Яр I₁, Крутобородинцы II и Дарабаны II, а также в Киевском Поднепровье (карта 4, V, *5*; табл. 9, *5*) по материалам поселений Коломийщина I и II, Казаровичи I, Чапаевка. В Верхнем Поднестровье и Верхнем Попрутье (карта 4, V, *3*: табл. 9, *3*) сосредоточена еще одна группа памятников, включающая поселения Шипенцы Б, Бильче Золотое-Сад II, Сухостав и Магала. В Буго-Днепровском междуречье памятники первой половины позднего периода выявлены преимущественно в бассейне р. Синюхи (карта 4, V, *6*; табл. 9, *6*), где они представлены поселениями Майданецкое, Попудня, Сушковка, Томашовка, Старая Буда, Касеновка, а также более поздними поселениями типа Пекари и Великий Букрин в Каневском течении Днепра (карта 4, V, *6*; табл. 9, *6*). В Нижнем Поднестровье и на Волыни памятники рассматриваемого времени пока не обнаружены (табл. 9, *2*, *7*), а в Побужье выше р. Соб открыты (карта 4, V, *8*), но не исследованы (*Заец И. И.*, 1975в; 1978). Еще две группы памятников локализованы на правобережье Прута (карта 4, V, *7*; табл. 9, *8*) и в Прикарпатье (карта 4, V, *2*; табл. 9, *9*). Это поселения Валя-Лупулуй, Трушешти II и Фрумушика III.

Сравнительный анализ инвентаря позволил исследователям прийти к заключению, что памятники Северной Молдавии (табл. 9, *1*) развивались на базе поселений среднего периода типа Каларашовка, Брынзены VIII (*Маркевич В. И.*, 1981), памятники Верхнего Поднестровья (табл. 9, *4*) — на базе поселений типа Незвиско III, Городница II (*Majewski K.*, 1947), памятники Киевщины (табл. 9, *5*) — на базе поселений типа Пенежково, Клищев, Мирополье (*Мовша Т. Г.*, 1971б; *Цвек Е. В.*, 1980б), памятники Каневщины (табл. 9, *6*) — на базе поселений Андреевка, Гарбузин, а памятники бассейна р. Синюхи типа Сушковка (табл. 9, *6*) — на базе поселений типа Владимировка (*Мовша Т. Г.*, 1971б; 1972). На правобережье Прута (табл. 9, *8*) и в Прикарпатье (табл. 9, *9*) также наблюдается генетическая связь между памятниками позднего и среднего периодов культуры Триполье-Кукутени (*Dumitrescu V.*, 1963а). Эта схема развития памятников учитывала разновременность поселений, однако лишь теперь, когда в Северной Молдавии выделены памятники-эталоны четырех ступеней (1, 3, 5 и 6-й) позднего периода, в ней стали видны отсутствующие звенья. Вот почему при группировке памятников со сходными признаками о четко выраженной линии последовательного развития можно говорить только для трех территориальных групп (табл. 9, *1, 5, 6*).

Таким образом, первая половина позднего периода культуры Триполье-Кукутени приходится на первую четверть III тысячелетия до н. э. Это время знаменуется расширением территории трипольско-кукутенских племен за счет чужих земель в Среднем Поднепровье, Верхнем Попрутье и Верхнем Поднестровье (карта 4, V; *6*). Население юго-восточной окраины трипольско-кукутенского ареала переходит к сооружению поселений площадью в сотни гектаров, что свидетельствует о каких-то серьезных экономических и социальных переменах в жизни общества. Крупные поселения возникают и в Пруто-Днестровском междуречье. Высокого уровня достигает животноводство. Расширяется внутриплеменной обмен, в котором большая роль отводится изделиям из высокосортного кремня. Возникают крупные межобщинные мастерские, готовая продукция которых доставляется и на днепровские берега (*Мовша Т. Г.*, 1958). Возможно, увеличивается и товарообмен с соседними племенами. У племен, обитающих в разных географических условиях, резко выявляются складывавшиеся веками особенности экономики. В Поднестровье это выражается в специализации населения по изготовлению кремневых орудий, в Буго-Днепровском междуречье — видимо, в подъеме животноводства, в Киевском Поднепровье — в развитии охотничьего хозяйства. Различные хозяйственные интересы приводят к обособлению племен, продолжающих развивать те отрасли экономики, которые дают наибольшую выгоду в данном районе.

Памятники второй половины позднего периода

Впервые памятники второй половины позднего периода были выделены еще в 30-е годы (*Passek T.*, 1935). В конце 40-х годов Т. С. Пассек к финальному этапу Триполья (CII—γII) были отнесены памятники типа Городск в Киевско-Волынском Полесье (карта 4, VI, *14*), типа Евминка в Среднем Поднепровье (карта 4, VI, *5*), типа Усатово в Северном Причерноморье и Нижнем Поднестровье (карта 4, VI, *9*), а также типа Колодистое в Побужье (карта 4, VI, *11*). По наименованию наиболее исследованных памятников финальный этап был условно назван ею городско-усатовским (*Пассек Т. С.*, 1949а). Этот термин настолько прижился, что используется до сих пор наряду с термином Городиштя-Фолтешти, обозначающим аналогичные памятники (карта 4, VI, *7*, *10*) северо-восточных и юго-восточных районов Румынии (*Dumitrescu V., 1960; Niţu A.*, 1977). Активные полевые работы, приведшие к открытию памятников новых локальных групп, в 50-е и начале 60-х годов вызвали дискуссию относительно их культурной принадлежности. Если в 40-х годах Е. Ю. Кричевский в своеобразии памятников городско-усатовского этапа усматривал результат процесса отмирания основных черт трипольской культуры (*Кричевский Е. Ю.*, 1941), то в 50-е годы такое своеобразие расценивалось рядом ученых как свидетельство самостоятельного развития культур, генетически не связанных с Трипольем (*Sulimirski T.*, 1950; *Брюсов А. Я.*, 1952; *Gimbutas M.*, 1956; *Dumitrescu V.*, 1963а). С течением времени ошибочность этого вывода стала совершенно очевидной (*Дергачев В. А.*, 1980).

В 70-е годы поздний период было предложено разделить на шесть (*Мовша Т. Г.*, 1972), семь (*Niţu A.*, 1977) и даже на девять (*Маркевич В. И.*, 1981) ступеней, однако и такое членение не отражало всего разнообразия трипольско-кукутенских посе-

лений этого времени. На наш взгляд, как уже отмечалось, число ступеней позднего периода может быть доведено до 11 (табл. 9), при этом начало второй его половины приходится на 7-ю ступень. Согласно схемам периодизации памятников культуры Триполье-Кукутени, предложенным В. Г. Збеновичем и В. А. Дергачевым, к позднему периоду относятся только памятники этапа CII—γII, а предшествующие им рассматриваются в тесной связи с памятниками среднего периода (*Збенович В. Г.*, 1972; 1976б; *Дергачев В. А.*, 1980). Румынские исследователи такой резкой грани между поселениями первой и второй половины позднего периода не проводят (*Niţu A.*, 1977). Поскольку периодизация В. И. Маркевича наиболее полно учитывает комплексы, характеризующие разные ступени развития культуры Триполье-Кукутени позднего периода (*Маркевич В. И.*, 1981), в нашем изложении она принята за исходную.

Материалы поселений Старые Бадражи в Северной Молдавии (*Маркевич В. И.*, 1981), Дарабаны II в Среднем Поднестровье (*Passek T.*, 1935; *Пассек Т. С.*, 1950), памятников лукашовского типа в Среднем Поднепровье (*Круц В. А.*, 1977), а также поселений Кукутени-Четэцуя IV (*Schmidt H.*, 1932), Тыргу Окна-Подей (*Matasă C.*, 1964) и Сэрата-Монтеору в Румынии (*Nestor I.*, *Zaharia E.*, 1955) позволили выделить 7-ю ступень позднего периода.

За исключением Старых Бадражей площадью 50 га, все известные поселения этого времени невелики. Их площадь составляет 1—2 га. Планировка поселений различна. Так, в Старых Бадражах отмечено расположение жилищ группами на большом расстоянии друг от друга, а на поселениях Поднепровья зафиксирована круговая планировка. Например, поселение Лукаши насчитывало девять домов, располагавшихся по овалу (180×120 м), а поселение Подгорцы II — 12 жилищ, размещенных по кругу диаметром 150 м. Мысовые поселения (Кукутени-Четэцуя IV и, возможно, Дарабаны II) укреплялись рвами. В Старых Бадражах вскрыты два наземных прямоугольных в плане дома размерами 10×6 и 20×8 м. В полу меньшего из них расчищена округлая яма диаметром 1,6 м и глубиной 2,0 м. Второе, большое, жилище было двухэтажным. На первом его этаже находились четыре печи. У торцевой стенки дома найдены 82 пирамидальных глиняных грузила для ткацкого стана, а у противоположной стены — округлая известняковая плита и семь глиняных фигурок бычков рядом с ней, а также креслице с «рогатой» спинкой, обломки женской статуэтки и глиняного фаллоса. Кроме того, в доме обнаружены три кремневых отщепа и орудие из рога оленя (*Маркевич В. А.*, 1981). Жилища поднепровских поселений имели небольшие размеры и довольно тонкую глиняную обмазку. Так, максимальные размеры наземных построек на поселении Лукаши достигали всего 4.5×3,0 м, а на поселении Сергеевка II — 10×3 м. В полах некоторых домов находились ямы. На поселениях Евминка II и Казаровичи выявлены углубленные в землю на 0,6—1,0 м жилища, от которых сохранились ямы овальных очертаний размерами от 4,4×2.2 до 9×7 м. В них обнаружены открытые очаги (*Круц В. А.*, 1977).

В Поднестровье, помимо поселений, открыты мастерские по добыче и первичной обработке кремня (*Черныш Е. К.*, 1967), на месте которых обнаружены скопления желваков и обломков, бракованных заготовок тесел, топоров, сверл, наконечников дротиков и копий (табл. LXXXIV). Орудия изготовлялись не только для нужд местного населения, но и на обмен, широко распространяясь по трипольской территории вплоть до Поднепровья (*Мовша Т. Г.*, 1958). Эти крупные межобщинные мастерские функционировали длительное время и поэтому не могут быть отнесены к какой-либо определенной ступени позднего периода. Не претерпевая заметных изменений, кремневые ножи, скребки, сверла и наконечники стрел, а также костяные шилья и роговые мотыги существовали на протяжении нескольких ступеней (табл. LXXXV, *1–12*, *17–28*). Наряду с широкими треугольными наконечниками стрел с ровным основанием, изготовленными из отщепов, все чаще выделывались наконечники удлиненной формы с выемкой в основании. В Поднепровье, бедном кремнем, развитие получило производство роговых и костяных инструментов: наконечников мотыг с продольными и поперечными лезвиями, тесел, долот, клевцов (табл. LII). Повсеместно обильны на поселениях 7-й ступени позднего периода глиняные пирамидальные грузила для ткацкого стана. Конические и биконические глиняные пряслица, в том числе украшенные насечками и наколами и характерные для позднетрипольских поселений последних ступеней позднего периода, более редки.

Металлические изделия происходят с двух памятников рассматриваемого времени — Кукутени Четэцуя IV и Тыргу Окна-Подей (*Matasă C.*, 1964). Наряду с медными шильями и кинжалами там найдены целые и сломанные топоры-тесла и топор-молот типов, известных на памятниках среднего периода культуры Триполье-Кукутени (табл. LX, *1*).

Керамика поселений 7-й ступени позднего периода, расположенных к западу от Днестра, делится на две группы. До 80% составляет расписная посуда из мелкоструктурной глины. Роспись нанесена темно-коричневой или черной краской, иногда с добавлением красной краски по желтовато-оранжевому фону. Около 20% приходится на посуду с примесью дробленой раковины в тесте. В юго-западных областях (Сэрата-Монтеору, Тыргу Окна-Подей) по обработке поверхности выделяется еще одна группа посуды — вариант Монтеору (*Dumitrescu V.*, 1960). Эта посуда прекрасно залощена по черной или темно-коричневой поверхности, изредка расписана белой краской. Керамику поднепровских поселений исследователи делят на столовую (две подгруппы) и кухонную из глины с примесью дробленой раковины. Керамика первой подгруппы столовой посуды, вылепленная из глины с примесью мелкого песка, составляет до 50—80%. Ко второй подгруппе относят привозную расписную посуду, процент которой колеблется на разных поселениях от 4,6 до 22.5. Основные формы сосудов представлены в коллекции Старых Бадражей (табл. LXXVIII, *48–58*). Сфероконические сосуды с высоким, слегка расширяющимся горлом (табл. LXXVIII, *48*, *49*) повсеместно приобретают острое ребро, как и некоторые другие формы (кружки, кувшины, миски на поддоне, биконические чаши), причем даже в Поднепровье

(табл. LXX, *70—72*, *79*), где лощеные сосуды по-прежнему украшены углубленным узором из линий, насечек и наколов. Сохраняется и растительный мотив. В зоне расписной керамики орнамент большинства форм заключен в один—три пояса (табл. LXXVIII, *149—151*), а миски украшены по всей поверхности с обеих сторон (табл. LXXVIII, *152—153*). Характерны такие элементы орнамента, как группы ромбов с крючками, знаки в виде буквы М. Изображения животных редки по сравнению с предшествующим временем. Чаще встречаются изображения змей в виде широкой, короткой, дважды изогнутой ленты. В орнамент включены также символические изображения — женские символы в виде линзообразного овала, символы быка, древа жизни и т. д. (табл. LXVII, *2*).

Антропоморфная и зооморфная пластика этого времени малочисленна. Статуэтки вылеплены небрежно, особенно в Поднепровье. По-прежнему в основном это женские фигурки, уплощенные, с плоской головкой, носом-защипом и глазами-проколами. Кроме того, по бокам на голове имеются два-три прокола. Они представлены стоячими фигурками с тумбообразной ножкой или со слившимися в конусообразный столбик двумя ножками (стоять не могут), а также сидячими статуэтками с прямыми, вытянутыми вперед и соединенными погами.

Памятники 8-й ступени позднего периода на территории Северной Молдавии представлены, возможно, материалами поселения Корпач V, но они до сих пор не опубликованы (*Маркевич В. И.*, 1981). Единственным памятником Верхнего Поднестровья, комплекс которого позволяет говорить о существовании этой ступени, является пока поселение Кошиловцы-Обоз, раскопанное в начале века К. Гадачеком (*Hadaczek K.*, 1914; *Захарук Ю. М.*, 1971а). Методически раскопки для того времени проведены неплохо. Вскрыта широкая площадь, прослежены отдельные глинобитные вымостки, в том числе сопровождавшиеся пережженными костями человека, но отсутствуют планы жилищ и профили раскопов. Среди орудий труда с этого поселения обращают на себя внимание изделия из крупных, удлиненных, хорошо отретушированных пластин, шлифованные кремневые и сланцевые топоры и тесла, крупные длинные лощила из кости.

Основную ценность составляет кошиловецкая коллекция керамики, демонстрирующая своеобразие развития трипольской культуры в Верхнем Поднестровье (табл. LXXXVI; LXXXVII, *1—18*). Она включает две группы — расписную и кухонную из глины с примесью дробленой раковины. Число форм посуды довольно ограниченно. Много сосудов со сферическим туловом и высоким, воронковидно расширяющимся или цилиндрическим горлом (табл. LXXXVI, *13, 14, 17, 18, 22*), биконических острореберных кубков (табл. LXXXVI, *5*). Имеются также острореберные биконические кружки (табл. LXXXVI, *8, 12*), округлобокие амфоровидные сосуды с цилиндрическим горлом и двумя ушками на широких боках (табл. LXXXVI, *11, 15*), биконические крынкообразные (табл. LXXXVI, *16*) и кратеровидные сосуды (табл. LXXXVI, *3*), конические миски (табл. LXXXVI, *4*), усеченно-конические (табл. LXXXVI, *1*) и полусферические с двумя ушками-рожками крышки (табл. LXXXVI, *2*). Кухонные горшки имеют плоское дно или четыре ножки (табл. LXXXVI, *24*). На расписных сосудах орнамент выполнен темно-коричневой, белой и красной красками в различных сочетаниях. Красному и белому цветам в росписи отводится значительное место. В орнаменте наряду с распавшимся на отдельные элементы спиральным узором (табл. LXXXVI, *18*) сохраняется узор в виде широкой белой изогнутой ленты (табл. LXXXVI, *22*). На многих сосудах орнамент геометрический — в виде сходящихся или пересекающихся лент, наклонных параллельных полос или сетки (табл. LXXVII, *19—27*). Изредка сосуды украшены лепными головками животных (табл. LXXXVI, *19, 20*) или рисованными изображениями человека и животных (табл. LXXVII, *37—39*; LXXXVII, *1*).

Своеобразна пластика верхнеднестровских поселений, в частности кошиловецкого. Статуэтки, в большинстве своем передающие женскую фигуру, а реже мужскую, имеют две ноги, устойчивы, не лишены натуралистических черт (рис. 12, *10*; табл. LXXVII, *30—32*). Отдельные детали тела подкрашены красной или белой краской. Рисуются или прочерчиваются по сырой глине амулеты, висящие на шее на широкой ленте, детали одежды. Расписаны краской и фигурки животных, среди которых преобладают изображения быков (табл. LXXVII, *33*; LXXXVII, *10, 11*). Уникален сосуд в виде быка с двумя шеями и двумя головами, закрывающийся небольшой круглой крышкой (табл. LXXXVII, *4*).

К 9-й ступени позднего периода относятся довольно хорошо исследованные памятники нескольких территориальных групп, входивших в зону распространения расписной керамики. В их числе — полностью раскопанные поселения Брынзены III и Костешты IV (*Маркевич В. И.*, 1971; 1981), а также частично изученные поселения Кубань (*Кетрару Н. А.*, 1964) и Кетрошика (*Маркевич В. И.*, 1981) в Попрутье, Жванец-Щовб (*Мовша Т. Г.*, 1970б), Мерешовка II (*Пассек Т. С.*, 1955а; *Маркевич В. И.*, 1981), Солончены II_3 (*Мовша Т. Г.*, 1965а), Волчинец и Шолданешты (*Пассек Т. С.*, 1955а) в Среднем Поднестровье, Бильче Золотое-Вертеба (*Кандиба О.*, 1937) в Верхнем Поднестровье, Бэлтени (*Zaharia N.*, 1964) в междуречье Прута и Жижии, могильники Колодистое (*Мовша Т. Г.*, 1972) в Побужье, Голерканы и Выхватинцы I (*Пассек Т. С.*, 1961а) в Среднем Поднестровье. К этой ступени, по мнению Э. Ф. Патоковой и В. А. Дергачева, следует относить отдельные захоронения грунтовых и курганных могильников, расположенных на территории с. Усатово под Одессой (*Патокова Э. Ф.*, 1979, с. 156; *Дергачев В. А.*, 1980, с. 118).

Поселения 9-й ступени обнаружены в различных топографических условиях: на естественно укрепленных мысах и останцах (Брынзены III, Костешты IV, Жванец-Щовб), на склонах плато близ небольших рек (Шолданешты), на высоком берегу Днестра (Солончены II_3) и в высокой пойме (Волчинец). Исследованные поселения невелики по размерам (1—1,5 га). Планировка их может быть определена как гнездовая, в некоторых случаях сложившаяся в

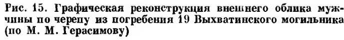

Рис. 15. Графическая реконструкция внешнего облика мужчины по черепу из погребения 19 Выхватинского могильника (по М. М. Герасимову)

Рис. 16. Графическая реконструкция внешнего облика женщины по черепу из погребения 35 Выхватинского могильника (по М. М. Герасимову)

результате разрастания поселка, первоначально имевшего кольцевую застройку (Брынзены III). Количество домов в отдельных группах колеблется от двух до семи. Всего на Брынзенском III поселении расчищено 37 жилищ, а на Костештском IV — 25 (табл. LXXIX, *4, 5*). Поселения, располагавшиеся на высоких, труднодоступных мысах укреплялись с напольной стороны рвами и валами, имевшими иногда каменную облицовку (Жванец-Щовб, Костешты IV). Одним из наиболее укрепленных выглядит поселение Костешты IV, где выявлен тройной заслон из рвов и валов, длина которых достигает 100 м (табл. LXXIX, *4*). Ширина валов, сохранившихся на высоту 1,6 м, составляет 6 м, ширина рвов в верхней части — более 5 м, их глубина — 2,4 м, расстояние от дна рва до вершины вала — около 4 м. Если учесть, что вал был выше, а на гребне его, вероятно, стояла деревянная ограда, то можно представить, насколько мощным было такое оборонительное сооружение. Не без основания исследователи высказывают предположение, что в таких укрепленных пунктах, как Жванец-Щовб или Костешты IV, в случае опасности могли найти убежище жители окрестных неукрепленных селений (*Дергачев В. А.*, 1980, с. 112).

Жилищами служили одно- и двухэтажные дома, сочетавшиеся на поселениях Среднего Поднестровья с полуземлянками. Большинство построек имело средние размеры (25—60 кв. м.). Наблюдения за строительными остатками при раскопках в Брынзенах III позволили В. И. Маркевичу создать новую реконструкцию трипольского наземного жилища (*Маркевич В. И.*, 1981, с. 37, рис. 46). И в Брынзенах III, и в Костештах IV на первом этаже жилищ располагались хозяйственные помещения с печами, глинобитными столообразными возвышениями, местами для помола зерна, глинобитными низкими лавками. Там же находились вертикальные ткацкие станы, на месте которых сохранились глиняные грузила. Бо́льшая часть инвентаря связана с первыми этажами. Полы первого этажа были земляными или каменными, обмазанными раствором глины с песком. Полы второго этажа образованы двумя пластами глиняной обмазки, покрывавшей горбыли или плахи, концы которых опирались на продольные стены домов. В прокалившейся во время пожара обмазке межэтажного перекрытия реконструированного дома отчетливо обозначались просветы, оставшиеся на месте лазов (табл. LII), которыми пользовались с помощью приставных лестниц. На полах второго этажа иногда сооружали круглые возвышения (алтари?) диаметром около 1 м. Печи, вылепленные ленточным способом, имели куполообразный свод, квадратный под (0,9×1,0—1,3×1,3 м) и небольшое углубление для хранения огня слева от устья, что является новшеством конструкции. В Поднестровье по традиции продолжали строить полуземлянки с открытыми очагами на дне. Так, на поселении

Жванец-Щовб в полуземлянке неправильно овальной в плане формы площадью 30 кв. м находились три очага, сложенные из камней. Наземные жилища этого поселения имели полы, настланные сланцевыми плитами в один-два, а местами и в три слоя. Подобный пол одного из домов перекрывал остатки полуземлянки.

Во второй половине позднего периода развитие керамического производства привело к созданию особых гончарных кварталов. Так, на поселении Жванец-Щовб обнаружены семь крупных двухъярусных печей для обжига керамики с признаками длительного использования (*Мовша Т. Г.*, 1971в). Обжигательную и топочную камеры разделяла глиняная перегородка с жаропродухами, опиравшаяся на глиняные конусы, прикрепленные к стенам топочной камеры.

Бескурганные (Выхватинцы I, отдельные могилы Усатово I) и курганные (Колодистое, отдельные курганы Усатово I) могильники (табл. LXXXVIII, LXXXIX) этого времени открыты пока только в южных районах распространения культуры Триполье-Кукутени, где практиковался обряд трупоположения (*Авилова Л. И.*, 1978). Умершего клали в могильную яму в скорченном положении, преимущественно на левый бок, головой на север — северо-восток; кисти согнутых рук помещали перед лицом. В Выхватинском могильнике в этом направлении ориентированы все женские захоронения, около 60% мужских и более 80% детских (*Дергачев В. А.*, 1978, с. 41) Могильные ямы неправильно овальных или подпрямоугольных очертаний перекрывались деревянным настилом и засыпались землей. Место захоронения обозначалось камнем известняка, каменной закладкой или кольцом камней — кромлехом. Диаметр кромлехов в Выхватинцах составлял 2—4 м. В могилах зафиксированы подсыпка из белой глины и охра. Погребальный инвентарь составляли наполненные пищей сосуды, число которых варьировало от одного — пяти до 10. Кроме них, в детские погребения клали антропоморфные статуэтки, погремушки, веретена с глиняным пряслицем, а в мужские — различные орудия (серпы, мотыги с роговым или костяным наконечником, шилья, лощила). Примером может служить захоронение мужчины лет 40—45, сопровождавшееся шестью сосудами, костяной антропоморфной статуэткой, кремневыми отщепом и крупной пластиной — вкладышем серпа, каменным топором-молотом, вложенным в руки умершего, видимо, как символ власти.

Хорошая сохранность некоторых черепов из Выхватинского могильника позволила установить, что антропологический тип трипольцев сходен со средиземноморским типом, распространенным в то время на Балканах и в Подунавье. Вместе с тем в краниологическом материале содержатся признаки влияния со стороны племен степной полосы Восточной Европы. М. С. Великановой выявлены и различия антропологических типов женских и мужских черепов, что может свидетельствовать о механическом смешении разноэтничных групп населения (*Великанова М. С.*, 1961). Представление о внешности трипольцев дают графические реконструкции М. М. Герасимова, выполненные по черепам из Выхватинского могильника (*Пассек Т. С.*, 1961а, рис. 48, 49). На одной из реконструкций мы видим резко профилированное лицо волевого человека с низким лбом, сильно выступающим носом, массивной нижней челюстью (рис. 15). Лица женщин узкие и невысокие, хорошо профилированные, весьма изящные (рис. 16, 17).

Рис. 17. Графическая реконструкция внешнего облика девочки по черепу из погребения 5 Выхватинского могильника (по М. М. Герасимову)

Ранние захоронения в усатовских могильниках соответствуют выхватинским. Их выделяют из числа захоронений по наличию большого числа расписных сосудов. В. А. Дергачев один из амфоровидных расписных сосудов в погребении 12 кургана 1 считает привезенным в Причерноморье с территории Пруто-Днестровского междуречья, на основании чего синхронизирует это захоронение с памятниками брынзенского типа (*Дергачев В. А.*, 1980, с. 191, рис. 25, *7*).

Из многочисленных орудий, происходящих с поселений (табл. LXXXV) и из погребений, отметим характерные для 9-й ступени позднего периода каменные проушные топоры с грибовидным обухом, прямолезвийные серпы с одним (длиной до 20 см) или несколькими (длиной в 5—7 см) пластинчатыми вкладышами (табл. LXXXV, *2*, *9*), костяные кинжалы с орнаментированной рукоятью (табл. LXXXV, *13*, *14*), роговые вислообушные топоры, глиняные пряслица разнообразных форм (дисковидные, полусферические, усеченно-конические, биконические), иногда украшенные углубленным орнаментом в виде прямых лучей, расходящихся от центра

(табл. LXXXIII, *4*). Комплекс орудий отличается обилием грузил для ткацких станов (пирамидальные, конические и грушевидные) и большим числом изделий из рога и кости (наконечники мотыг, землекопалки, шилья, развертки, лощила, стамески, отжимники). В пещере Вертеба у с. Бильче Золотое найдены характерные для поселений 9-й ступени позднего периода костяные кинжалы и керамика (*Hadaczek K.*, 1914). Сосуд с включенным в орнамент изображением быка (табл. LXXXVII, *6*) ближайшие аналогии находит в керамике поселений Брынзены III и Костешты IV.

Изделий из меди мало. На поселении Брынзены III обнаружены литой плоский топор и пробойник, на поселении Костешты IV — две проколки, в Выхватинском могильнике — небольшое четырехгранное шило (табл. LX). Возможно, к рассматриваемой ступени относится и медный кинжал из пещеры Вертеба в с. Бильче Золотое (*Дергачев В. А.*, 1980, с. 116).

Керамика памятников 9-й ступени позднего периода делится на две группы: расписную из мелкоструктурной глины и кухонную из массы с примесью дробленой раковины, реже — шамота. На разных памятниках первая составляет 50—70%, вторая — 30—50%. Из общей массы посуды В. А. Дергачев выделяет пять форм, характерных для памятников разных районов трех последних (9—11) ступеней позднего периода культуры Триполье-Кукутени (*Дергачев В. А.*, 1980, с. 143): полусферические миски (табл. LXXVIII, *42*), шаровидные амфоры с двумя ручками на плечиках и полусферическими рогатыми крышками (табл. LXXVIII, *37*, *45*), округлобокие амфоры с двумя ручками на тулове (табл. LXXVIII, *34*), сосуды с высокой горловиной и налепами на боках (табл. LXXVIII, *39*), широкогорлые округлобокие сосуды с тремя-четырьмя бугорками у основания горла (табл. LXXVIII, *46*). Первые четыре формы связаны с группой расписной керамики, последняя — с группой кухонной. В комплексах 9-й ступени посуда перечисленных форм составляет до 70—80% всей керамики. Кухонная посуда орнаментирована наколами, резными линиями, отпечатками шнура, а в памятниках выхватинского типа, кроме того, еще и защипами, насечками, «жемчужинами». Керамика из мелкоструктурной глины почти всегда расписана темно-коричневой краской иногда в сочетании с красной по розоватой или желтоватой поверхности (табл. LXXVIII, *139—148*). Орнамент заключен в пояса, на многих сосудах разделенные метопами, роспись между которыми состоит из полуовалов, сходящихся под углом лент, косой сетки (табл. XC). На керамике поселений типа Брынзены III в расписной орнамент включены зооморфные и антропоморфные мотивы (табл. LXXVIII, *143*, *144*; LXXIV, *1—7*, *9—10*, *14*). Узоры сочетаются с различными символическими знаками, среди которых наиболее часто встречается символ быка в виде схематического изображения рогов (табл. XC, *6*, *12*).

Антропоморфная пластика рассматриваемых памятников выполнена в условно-реалистическом (рис. 12, *9*) и реалистическом (рис. 12, *2*) стилях. Среди статуэток мужские, как обычно, единичны. Преобладают женские стоячие фигурки с раздельно вылепленными, но затем соединенными ногами, с сильно развитыми плечевыми выступами, с уплощенной головкой, на которой защипом обозначен нос, а сквозными отверстиями — глаза и прическа. Образцы зооморфной пластики не обнаружены.

Число памятников 10-й ступени намного превосходит число поселений и могильников любой из предшествующих ступеней позднего периода. Они распространены на территории, включающей крупные регионы, впервые освоенные трипольскими племенами,— Нижнее Поднестровье, Северное Причерноморье и Волынь (карта 4, VI, *9*, *14*). Именно там, а также в Среднем Поднепровье велись активные раскопки различных археологических объектов. Широкую известность получили поселения Костешты IX и Косауцы II (*Маркевич В. И.*, 1981) в Попрутье, Усатово I (*Болтенко М. Ф.*, 1925; *Патокова Э. Ф.*, 1979) в Причерноморье, Софиевка, Казаровичи III, Подгорцы II, Лукаши, Евминка I и II (*Круц В. А.*, 1977) в Киевском Поднепровье, Троянов (*Белановская Т. Д.*, *Шмаглий Н. М.*, 1959; *Шмаглий Н. М.*, 1966; 1971), Паволочь (*Макаревич М. Л.*, 1952а), Войцеховка (*Лагодовская Е. Ф.*, 1954), Райки (*Пассек Т. С.*, 1949а), Лозы (*Пелещишин М. А.*, 1974б) на Волыни, могильники Выхватинцы II (*Пассек Т. С.*, 1961а; *Мовша Т. Г.*, 1971г; *Дергачев В. А.*, 1978) в Среднем Поднестровье, Усатово I (*Лагодовская Е. Ф.*, 1940; 1943; 1946; 1947; 1953; *Пассек Т. С.*, 1949а; *Збенович В. Г.*, 1974; *Патокова Э. Ф.*, 1979; *Дергачев В. А.*, 1980), Парканы, Терновка, Суклея (*Пассек Т. С.*, 1949а; *Дергачев В. А.*, 1974), Тудорово (*Мелюкова А. И.*, 1962), Огородное (*Субботин Л. В.*, *Загинайло А. Г.*, *Шмаглий Н. М.*, 1970) и многие другие курганные захоронения в Северном Причерноморье (*Фабрициус И. В.*, 1951), Ольшанка, Серезлиевка (*Пассек Т. С.*, 1949а) в Побужье, Софиевка (*Захарук Ю. М.* 1952; 1953б; 1971в), Красный Хутор (*Даниленко В. М.*, *Макаревич М. Л.*, 1956а) и Чернин (*Канівець В. І.*, 1956) в Среднем Поднепровье.

Преобладающее число поселений этого времени обнаружено на плато (Усатово I) или естественно укрепленных мысах высоких террас (Троянов, Паволочь, Сырец I и II) и лишь немногие — на низком берегу (Казаровичи III, Сырец III) или в высокой пойме (Косауцы). Это преимущественно поселения площадью 1—4 га. Даже площадь долговременного поселка Усатово I не превышала 6 га. Данные о планировке имеются только для двух памятников 10-й ступени позднего периода — Троянов и Казаровичи III (*Шмаглий Н. М.*, 1959; *Круц В. А.*, 1977). В Троянове 35 жилищ образовывали два концентрических овала, меньший из которых имел размеры 40×25 м. В Казаровичах III жилища располагались вдоль берега Днепра на площади предшествующих поселений Казаровичи I и II. Поселение размерами 1400×100 м состояло из двух частей — неукрепленной и укрепленной. Укрепление округлой формы диаметром 60 м было возведено на самом высоком участке террасы. От него сохранился клиновидный в профиле кольцевой ров глубиной 1,5—1,6 м, шириной в верхней его части 2,5—3,0 м, сужавшийся ко дну до 0,2—0,3 м и имевший два прохода шириной 3 м. Один из проходов был дополнительно укреплен вторым дуговидным рвом, находившимся в 4 м от

Керамика раннего и среднего Триполья

Расписной сосуд. Журы
Сосуд с углубленным орнаментом. Новые Русешты I_1
Сосуд с резным узором. Рогожаны II

Сосуд с углубленным орнаментом. Журы
Расписной сосуд. Солончены II
Кухонный сосуд. Рогожаны II

Расписная керамика и пластика позднетрипольских памятников

Женская глиняная статуэтка.
Брынзены III
Женская глиняная статуэтка.
Выхватинцы
Расписной сосуд. Старые Бадражи

Женская глиняная статуэтка.
Брынзены III
Расписной сосуд. Брынзены VIII
Расписной сосуд. Варваровка VIII

первого. Валы не сохранились, но совершенно очевидно, что один из них располагался в пределах территории, огражденной кольцевым рвом, а другой — между рвами у прохода с напольной стороны. На раскопанном участке укрепления расчищены две полуземлянки и 24 хозяйственные ямы.

В Поднепровье и на Волыни жилищами служили прямоугольные (3—8×2—4 м) наземные дома обычной конструкции (Троянов), слегка углубленные в грунт овальные в плане (4—10×3 м) постройки (Казаровичи III) и землянки, состоявшие из одной или нескольких округлых ям размерами 6—9×2—4 м и глубиной до 1,2 м (Троянов). Наземные дома обогревались печами, углубленные в землю жилища — открытыми очагами. Данные о жилых постройках остальной трипольско-кукутенской территории либо вовсе отсутствуют, либо до сих пор не получили убедительной интерпретации. Речь идет, в частности, об уникальных сооружениях из камня, открытых в Усатове (*Болтенко М. Ф.*, 1925; *Кричевский Е. Ю.*, 1940б; *Збенович В. Г.*, 1974; *Патокова Э. Ф.*, 1979).

На окраине поселения Костешты IX, в пологом берегу старицы Прута раскопана двухъярусная гончарная печь, первоначальная высота которой составляла около 2 м (*Маркевич В. И.*, 1981). Обжигательная куполообразная камера, вырытая в земле, вверху имела отверстие для загрузки керамики, которую устанавливали на толстый (20—22 см) под, пронизанный продухами. Под диаметром 1,75 м был смонтирован на глиняных конусах и опирался на земляной «козел», деливший круглую в плане топочную камеру на две половины. Высота последнего — 0,5 м, длина — 1,4 м. «Козел» не достигал задней стенки топочной камеры и сильно выступал перед топкой, что способствовало хорошей тяге воздуха в печи. Обломки и целые сосуды, найденные в ней, обожжены при температуре свыше 800° С. По конструкции эта печь близка открытым в Жванце и на позднекукутенском поселении Глэвэнешти Веки (*Comşa E.*, 1976).

К 10-й ступени позднего периода относится большинство могильников и отдельных трипольских захоронений. В Нижнем Поднестровье и Причерноморье обряд захоронения по ряду признаков сходен с обрядом, зафиксированным на предыдущей ступени в Выхватинском могильнике (*Дергачев В. А.*, 1980, с. 105). Погребения совершены в основном в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток, в сопровождении инвентаря. Погребения на спине единичны (Тудорово). Также редки захоронения на древней дневной поверхности под каменной закладкой (Усатово, курганный могильник II). Для могильников усатовского типа характерны культовые ямы, остатки кострищ, кости животных, использование охры, обилие металлических изделий. Наиболее разнообразен обряд погребения, отмеченный в двух курганных и двух грунтовых могильниках, расположенных близ поселения Усатово (табл. LXXXVIII, *1*). Подавляющая часть совершенных здесь захоронений относится к 10-й ступени позднего периода (*Патокова Э. Ф.*, 1979; *Дергачев В. А.*, 1980). Грунтовые погребения бедны инвентарем по сравнению с захоронениями в курганах. Курганные могильники отличаются и сложностью погребального обряда, проявляющейся в устройстве грандиозных кромлехов (диаметром до 18 м), в перекрытии могил мощными каменными закладами (табл. LXXXVIII, *2*), в возведении над могилами каменных куполообразных сооружений, в наличии каменных плит с изображениями людей (табл. LXXIV, *20*) и животных, в богатстве центральных погребений. Заметим, что изделия из металла найдены преимущественно в центральных мужских погребениях; в женских могилах лишь изредка попадались медные височные кольца и шилья. Керамика обнаружена как в «бедных», так и в «богатых» захоронениях. В курганах посуда из глины с примесью мелкотолченой раковины и песка составляет 70%, а расписная посуда из тонкоструктурной глины — 30%, тогда как в грунтовом могильнике II на нее приходится всего 8% (пять сосудов). Изредка в могилы и культовые ямы помещали антропоморфные статуэтки.

Население Поднепровья практиковало обряд трупосожжения, иногда вместе с погребальным инвентарем (*Захарук Ю. М.*, 1952; 1953а; 1953б; *Даниленко В. М.*, *Макаревич М. Л.*, 1956а; *Круц В. А.*, 1977; *Дергачев В. А.*, 1980). Прах умершего помещали в сосуды или заворачивали в ткань, следы которой иногда сохраняются на медных изделиях. Около 25—35% захоронений сопровождалось инвентарем, положенным рядом или вперемешку с сожженными костями человека, причем фрагменты черепа находились сверху. Инвентарь включал, как правило, глиняную посуду, орудия из кремня, оружие, реже — антропоморфные статуэтки и металлические предметы. В некоторых погребениях найдены обожженные кости животных.

Набор орудий, представленных на памятниках 10-й ступени позднего периода, обычен для позднего периода в целом: сланцевые клиновидные топоры и тесла, проушные топоры из твердых пород камня, в том числе специфической формы боевые топоры с выделенным зауженным обушком и продольным ребром, кремневые ножи и вкладыши серпов из крупных и средних пластин (длиной до 20 см), наконечники стрел с сильно вогнутым основанием (табл. XCI, *1—3*, *5*, *7—12*, *14—17*), крупные роговые наконечники мотыг, рубящие орудия из рога и кости (табл. LII). Медные и отлитые из мышьяковистой бронзы изделия позднего периода происходят в основном из курганных захоронений Причерноморья. Это клиновидные топоры-тесла, прямоугольные и круглые в сечении долота, шилья из толстой четырехгранной проволоки, небольшие кинжалы и листовидные черешковые ножи (табл. LX). Судя по технологическим признакам, все они сделаны трипольскими мастерами. Импортными являются только крупные кинжалы, обработанные таким образом, что обогащенный мышьяком сплав придавал их поверхности светлый оттенок. Металлографический анализ опроверг ошибочное представление о том, что эти кинжалы были посеребренными (*Конькова Л. В.*, 1979). Л. В. Конькова ближайшими их аналогами считает кинжалы из Анатолии, также имевшие трапециевидное завершение черешка, два близко расположенных отверстия для крепления рукояти и специальный скос в виде прокованной полосы по краю лезвия. Кроме того, сходны составы

сплавов и техника изготовления этих изделий (*Конькова Л. В.*, 1979). Из украшений на памятниках 10-й ступени позднего периода чаще всего находят спиралевидные височные кольца, преимущественно в полтора оборота, изготовленные из круглой в сечении медной или серебряной проволоки, реже — кольца с несомкнутыми концами и небольшие пронизки, свернутые из листочков меди. В числе других изделий отметим в изобилии встречающиеся на поселениях Поднепровья и Волыни глиняные пряслица, часто орнаментированные геометрическим узором или украшенные изображениями растений и животных (табл. LXXXIII, *1—10*, *12*).

Керамические комплексы рассматриваемого времени включают кухонную посуду с примесью дробленой раковины и песка в тесте и тонкоструктурную расписную посуду без видимых примесей. Первая делится в зависимости от величины зерен примеси на две подгруппы. Посуда с грубой примесью в погребениях не обнаружена. В Поднепровье для захоронения умершего выделывалась специальная керамика, в тесто которой, помимо мелкодробленой раковины, добавляли какую-то выгорающую примесь и охру. Поверхность сосудов с примесью раковины в тесте сглажена и подлощена, а иногда предварительно покрыта коричневым или красным ангобом. Расписная посуда из мелкоструктурной глины желтого или белого цвета также покрывалась ангобом светло-коричневого цвета. Роспись большинства сосудов монохромная, выполнена, как правило, темно-коричневой краской. Красная краска использовалась редко. Как в Причерноморье (табл. LXXVIII, *21*, *22*, *30*), так и в Поднепровье (табл. LXX, *57*, *61*, *65*, *67*) по форме сосуды близки керамике предшествующей ступени. Вместе с тем отмечается своеобразие эволюции форм посуды на южных и северных поселениях. Так, в Поднепровье в употребление входят округлотелые горшки (табл. LXX, *56*), крынки (табл. LXX, *59*, *60*), кувшины с крупной ручкой, соединяющей тело сосуда с венчиком (табл. LXX, *65*). Заметим, что из числа форм, выделенных В. А. Дергачевым для трех финальных ступеней позднего периода, в этом регионе представлены лишь округлотелые амфоры с ручками по бокам (табл. LXX, *58*, *64*), а также горшки удлиненных пропорций (табл. LXX, *68*). В Причерноморье и Поднестровье в это время распространяются своеобразные резкопрофилированные горшки и миски (табл. LXXVIII, *27*, *28*). На 10-й ступени позднего периода все чаще используется шнуровой орнамент, сочетающийся с оттисками штампов, наколами, насечками, пальцевыми вдавлениями. На поселениях южного региона орнамент богаче, чем в Поднепровье. Специфически местным является орнаментальный мотив в виде серпа, оттиснутого шнуром (табл. LII; табл. LXXXVII, *5*). На расписных амфорах и горшках узор заключен в широкий пояс, на мисках орнамент покрывает всю поверхность с обеих сторон. Наиболее распространены элементы орнамента в виде отрезков прямых и изогнутых лент, сходящихся под углом, овалов, полукругов, фестонов, треугольников. Часто узор сочетается со знаком, напоминающим букву М (табл. XCII, *11*).

В пластике памятников 10-й ступени позднего периода по-прежнему преобладают женские статуэтки. Фигурки весьма схематичны, имеют пирамидальную или близкую к кубу нижнюю часть, длинную, наклоненную вперед шею, завершающуюся полукруглым выступом — лицом. Головки некоторых статуэток моделированы несколько иначе, причем глаза и нос обозначены штрихами. Статуэтки украшены углубленным узором, включающим знак в виде буквы М (табл. LXXXVII, *8*). С ритуальными целями использовались, видимо, и так называемые кубики. Они напоминают нижнюю часть женских фигурок, подобно им орнаментированы с двух сторон, близки им по размерам. «Кубики» сделаны из хорошо промешанной глины без видимых примесей, хорошо обожжены, заглажены. Тесто статуэток представляет собой глину с примесью мелкодробленой раковины.

Памятники 11-й ступени позднего периода выявлены во всех территориальных группах, но исследованы очень неравномерно. Раскопки проводились на поселениях Гординешты II (*Дергачев В. А.*, 1973), Мерешовка I (*Пассек Т. С.*, 1955а; *Маркевич В. И.*, 1981), Поливанов Яр I_2 (*Пассек Т. С.*, 1961а; *Попова Т. А.*, 1972; 1979), Дарабаны III (*Пассек Т. С.*, 1950), Черновцы (*Тимощук Б. О.*, 1978) в Пруто-Днестровском междуречье, Цвикловцы (*Мовша Т. Г.*, 1964а; 1970а; 1971а) в Среднем Поднепровье, Касперовцы, Звенячин (*Захарук Ю. М.*, 1971б), Кошиловцы-Товдры (*Кравец В. П.*, 1955) в Верхнем Поднестровье, Маяки (*Збенович В. Г.*, 1974; *Патокова Э. Ф.*, 1979) в Нижнем Поднестровье, Костянец, Листвин, Голышев (*Пелещишин Н. А.*, 1968; 1971а; 1974а; 1974б) и Городск (*Кричевский Е. Ю.*, 1940в) на Волыни, Сандраки (*Лагодовська О. Ф.*, 1956) и Печоры (*Черныш Е. К.*, 1959а) в верхнем течении Южного Буга, Городиштя (*Dumitrescu H.*, 1945), Стойкани (*Petrescu-Dîmboviţa M.*, 1953), Фолтешти I (*Petrescu-Dîmboviţa M.*, *Casan I.*, *Mateescu C.*, 1951), Хэбэшешти II (*Dumitrescu V.*, *Dumitrescu H.*, *Petrescu-Dîmboviţa M.*, *Gostar N.*, 1954) в междуречье Прута и Сирета, Тырпешти V (*Marinescu-Bîlcu S.*, 1968), Извоаре III (*Vulpe R.*, 1957) в Молдавском Прикарпатье. Исследовались также грунтовые могильники Усатово II, Маяки (*Збенович В. Г.*, 1971; 1974; *Патокова Э. Ф.*, 1979), Данку I и II (*Дергачев В. А.*, 1980) и курганные могильники Усатово II, Нерушай, Борисовка, Глубокое (*Шмаглий Н. М.*, *Черняков И. Т.*, 1970), Болград (*Субботин Л. В.*, *Шмаглий Н. М.*, 1970а; 1970б), Брэилица (*Harţuchi N.*, *Dragomir I.*, 1957) в Причерноморье, Ермолаевка (*Збенович В. Г.*, 1976а; 1976б) в Побужье.

Поселения этого времени располагались, как правило, в труднодоступных местах, причем мысовые поселения были дополнительно укреплены валами и рвами (Гординешты II, Городиштя, Маяки). В Маяках ров глубиной 3,2—3,4 м и шириной в верхней части от 4—5 до 8 м прослежен на протяжении 70 м. Он был засыпан в трипольское время. В 13 м от него находился второй ров глубиной до 3,8 м и шириной в верхней части 4 м. Рвы выкопаны со стороны, обращенной к обрыву, к реке. Поскольку следов жилищ не обнаружено, исследователь памятника предполагает, что они уничтожены оползнем берега (*Збенович В. Г.*, 1974). Площадь большинства поселков составляет 2—3 га (*Дергачев В. А.*, 1980). Планировка их слабо изучена. Жилищами служили

наземные дома площадью около 25 кв. м, землянки и полуземлянки разных размеров. Так, в Цвикловцах, помимо остатков наземного жилища и нескольких ям, вскрыты две неправильно овальные в плане землянки размерами соответственно 5,4×2,0×0,65 м и 11,9×1,6—3,9×1,0 м (*Мовша Т. Г.*, 1970а). В одной из ям с печным развалом обнаружено жертвенное захоронение. Пережженные кости человека сопровождали 18 разбитых сосудов (*Мовша Т. Г.*, 1970а). Землянки зафиксированы и на придунайском поселении Стойкани. Одна из них имела размеры 5×3×1,35 м (*Petrescu-Dîmbovița M.*, 1953). На поселении Фолтешти I открыты легкие наземные постройки (*Petrescu-Dîmbovița M.*, *Casan I.*, *Mateescu C.*, 1951).

Большинство поселений 11-й ступени позднего периода относится к памятникам типа Гординешты II, Городск, Касперовцы (*Захарук Ю. М.*, 1971б). Расположенные в местах выходов кремня, они сохраняют следы производства орудий в виде отщепов, обломков и желваков, по отношению к которым число законченных кремневых изделий очень невелико. Например, в Гординештах II оно составляет всего 12,5% (*Дергачев В. А.*, 1973). Изделия из кремня представлены скребками, скребками-ножами, ножами, вкладышами серпов из крупных пластин, топорами с пришлифованным лезвием (табл. XCI, *27—30*). В числе изделий из рога и кости имеются шилья, лощила, клевцы, клиновидные долота. Отметим находку на поселении Цвикловцы расписного сосуда с набором украшений (*Мовша Т. Г.*, 1965б). В него входили 122 подвески из зубов благородного оленя, 275 раковинных и 357 известняковых бусин, 31 цилиндрическая пронизка, 35 бусин и два пластинчатых браслета из меди (табл. LX).

11-й ступенью позднего периода датируются отдельные захоронения Усатовского грунтового могильника II, возможно, погребение 15 Усатовского курганного могильника I (*Патокова Э. Ф.*, 1979, с. 156), некоторые курганные погребения могильников Болград и Нерушай (табл. LXXXIX, *1—6*), а также небольшие грунтовые могильники Данку I и II. Как показали раскопки последних лет, курганы усатовского типа имели максимальный диаметр 30—35 м при высоте до 2,5 м и содержали одно центральное или несколько впускных захоронений, совершенных в разных частях насыпи, но обязательно в пределах кромлеха (*Шмаглий Н. М.*, *Черняков И. Т.*, 1970; *Субботин Л. В.*, *Шмаглий Н. М.*, 1970а; *Субботин Л. В.*, *Черняков И. Т.*, *Ядвичук В. И.*, 1976; *Дергачев В. А.*, 1980). В остальном обряд погребения аналогичен обряду, зафиксированному в выхватинской группе.

Керамические комплексы рассматриваемых памятников свидетельствуют о близости их посуде двух предшествующих ступеней (*Дергачев В. А.*, 1980, с. 121). Ведущей группой (70%) комплекса является посуда, вылепленная из глины с примесями дробленой раковины, шамота, реже — песка или слюды. В числе новых форм этой группы отметим широко открытые миски с ровным уплощенным краем, украшенным шнуровым орнаментом (табл. LXXIII, *18—20*; LXXVIII, 136). Они составляют до 50% всей кухонной керамики этого времени или 35—40% с учетом всех групп посуды (*Дергачев В. А.*, 1980, с. 122). Для группы изделий из тонкоструктурной глины, расписанных темно-коричневой краской, наиболее характерны полусферические крышки с грибовидной ручкой (табл. LXXVIII, *4*). Из особенностей росписи этого времени следует указать на полное распадение спирали (табл. LXXVIII, *133*). Пластика памятников 11-й ступени позднего периода крайне схематична. Женские статуэтки представляют собой трапециевидные пластины со слегка оттянутым вперед верхним краем и двумя налепами-грудями чуть ниже него.

Для позднего периода культуры Триполье-Кукутени исследователи выделяют несколько территориальных групп, что нашло отражение в обобщающих работах по периодизации памятников этого времени (*Мовша Т. Г.*, 1971а; 1972; *Збенович В. Г.*, 1972; 1974; *Дергачев В. А.*, 1978; 1980; *Маркевич В. И.*, 1981; *Nițu A.*, 1977). Таковы генетически связанные и последовательно сменяющие друг друга поселения Пруто-Днестровского междуречья Брынзены IV, Петрены, Варваровка VIII и XV (карта 4, V, *1*), Старые Бадражи, Корпач (?), Брынзены III (карта 4, VI, *12*). Они характеризуются следующими чертами: использованием камня для укрепления рвов и валов; устройством полов жилищ непосредственно на материковом известняке; изготовлением костяных кинжалов с рукоятями антропоморфных очертаний; обилием расписной керамики (85—97%) с хорошо разработанными орнаментами, включающими изображения растений, птиц, животных и людей; передачей в росписи и скульптуре облика человека с маской, увенчанной изображением солнечного (?) диска; преобладанием статуэток условно-реалистического стиля (с плоской головой, хорошо выраженными плечевыми выступами, сомкнутыми ногами). Эволюция трипольских поселений Пруто-Днестровского междуречья приводит к формированию памятников типа Гординешты II, которые занимают более северную территорию вплоть до верхнего течения Южного Буга (карта 4, VI, *13*). Их отличают: высокий (70—90%) процент кухонной посуды; большое количество мисок с профилированным краем; специфической формы миски с уплощенным венчиком, орнаментированным оттисками шнура; расписные полусферические крышки с грибовидным навершием; угловые построения расписного орнамента в виде отрезков лент, образованных тремя-четырьмя параллельными линиями; схематичные женские статуэтки с уплощенной сверху головкой.

Еще одну группу составляют памятники типа Выхватинцы, распространившиеся на 9-й и 10-й ступенях позднего периода по обоим берегам Среднего Днестра (карта 4, VI, *1*). Генетически они восходят к поселениям типа Варваровка XV (*Дергачев В. А.*, 1980). Для выхватинской группы характерны: грунтовые могильники; сооружение кромлехов; скорченное на левом боку и ориентированное на север — северо-восток трупоположение (75%) с инвентарем; высокий процент (50—70%) расписной посуды; использование в расписном орнаменте крупных полей, заштрихованных прямой или косой сеткой, овалов, полуовалов, сходящихся под углом отрезков лент; антропоморфные статуэтки условно-реалистического стиля; антропоморфные погремушки.

Достаточно обособлена группа памятников типа Усатово, которая локализуется в Нижнем Поднестровье и степной зоне Черноморского побережья (карта 4, VI, *9*). Она родственна группе памятников выхватинского типа и параллельно с ней на 9-й ступени позднего периода начала свое продвижение к югу с территории Среднего Поднестровья. Памятникам этой группы присущи: постройки с применением известняковых плит; грунтовые и курганные могильники; одиночные курганы; кромлехи; каменные закладки могильных ям; надмогильные стелы с антропоморфными и зооморфными изображениями; культовые ямы, кострища и кости животных, связанные с обрядом захоронения; обряд скорченного (100%) трупоположения, преимущественно на левом боку, головой на северо-восток (70%); единичные захоронения на спине; захоронения на древней дневной поверхности без ямы; богатство погребального инвентаря, включающего серебряные височные кольца, медные и бронзовые изделия, в том числе крупные импортные кинжалы с нервюрой; преобладание кухонной посуды, украшенной насечками, оттисками штампа и шнура, образующими серповидные отпечатки; небольшой (не более 11%) процент посуды с заполированной поверхностью; низкий (менее 30%) процент расписной посуды, формы и орнаментация которой близки выхватинской; сочетание статуэток условно-реалистического стиля со схематичными статуэтками, имеющими основание в форме куба, покатые плечи, длинную шею и плоскую головку; орнаментированные глиняные «кубики».

Теснейшим образом с усатовской связана небольшая группа памятников, открытых в низовьях Дуная (карта 4, VI, *10*). Это поселения Фолтешти I и Стойкани, курганные погребения в Брэилице, близ г. Болград (*Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.*, 1970) и близ г. Яссы в с. Вишан (*Zaharia N.*, 1964).

К особенностям этой группы, видимо, можно отнести легкие наземные постройки; расписные приземистые амфоры с высокими коническими крышками; заполнение косой сеткой основных элементов узора; геометрический орнамент из пересекающихся отрезков широких лент, составленных из параллельных линий; пышный шнуровой орнамент; рельефные узоры из гладких и рассеченных низких валиков; схематичные женские статуэтки на плоском основании с небрежно моделированным туловищем и наклоненной вперед головой.

Некоторое своеобразие памятников Побужья позволяет рассматривать их как еще одну самостоятельную группу, культурно близкую выхватинской и усатовской (карта 4, VI, *11*). Она документируется материалами курганов у сел Ольшанка, Серезлиевка, Владимировка, Ермолаевка (*Пассек Т. С.*, 1949а; *Збенович В. Г.*, 1974). Местные особенности проявляются только в формах и стиле росписи некоторых сосудов (Владимировка, курган 6), а также в пластике. Антропоморфные статуэтки настолько стилизованы, что верхняя и нижняя их части, разделенные выступающими в стороны бедрами, имеют почти одинаковые форму и величину. В этом районе есть фигурки с расширенным уплощенным основанием. Все они украшены наколами и резными линиями. Близкие им по стилю статуэтки обнаружены при раскопках кургана 6 в с. Новоалексеевка Херсонской обл. (*Збенович В. Г.*, 1976а).

Данные о памятниках позднего периода междуречья Прута и Сирета отрывочны. Здесь известны поселения типов Валя-Лупулуй, Кукутени-Четэцуя IV, Бэлтени (карта 4, V, *7*) и, наконец, типа Кукутени-Четэцуя V (*Schmidt H.*, 1932, Taf. 22) и Хэбэшешти II (карта 4, VI, *15*). Особенности этой группы проявляются в расписной керамике, которая включает так называемые этажные сосуды и сосуды с валикообразным оформлением перегиба стенок, а также в оригинальном построении спиралевидных узоров (*Nițu A.*, 1972). На последней ступени позднего периода, когда расписная керамика выходит из употребления, для украшения посуды наряду со шнуровым орнаментом широко используются различные ямки, насечки, небольшие налепы, разного вида невысокие валики, что и составляет специфику керамики западного региона.

Чрезвычайно скудны сведения и о памятниках позднего периода в районах Молдавского Прикарпатья и Юго-Восточной Трансильвании. Установлено, что памятники типа Фрумушика III (*Matasă C.*, 1946; *Cucoş S.*, 1973а) близки памятникам типа Варваровка VIII, а памятники типа Извоаре III — поселениям Хэбэшешти II и Городиштя. Своеобразный вариант керамики в Прикарпатье отмечен для памятников типа Сэрата-Монтеору и Тыргу Окна-Подей (*Nestor I.*, *Zaharia E.*, 1955; *Matasă C.*, 1964). Среди обычной керамики поздней фазы Кукутени В содержится небольшое количество сосудов варианта Монтеору (табл. LXXXVII, *7*). Это темнолощеная керамика, иногда украшенная белой росписью. Наиболее часто всречаются кратеровидные острореберные сосуды с резко отогнутым наружу краем, усеченно-сфероконические миски, сфероконические зерновики. Памятники румынской территории на схемах позднего периода обозначены одной цифрой (карта 4, V и VI, *2*).

Отдельные памятники позднего периода, известные в Пруто-Днестровском междуречье и на Левобережье Днестра, типов Поливанов Яр I_1 и Крутобородинцы II (карта 4, V, *4*), свидетельствуют о существовании в этом районе группы, близкой к территориальному варианту Пруто-Днестровского междуречья в пределах Молдавской ССР. Так же мало известно о развитии культуры Триполье-Кукутени в Верхнем Поднестровье. Частично опубликованы лишь материалы поселений Бильче Золотое-Сад II, Шипенцы Б (карта 4, V, *3*), Кошиловцы-Обоз, Бильче Золотое-Вертеба (карта 4, VI, *3*). На последней ступени позднего периода часть этой территории занимают памятники гординештского типа. До сих пор не ясно, как протекало развитие памятников в первой половине позднего периода в бассейне р. Соб, в зоне нерасписного Триполья. Судя по материалам разведок, в этом районе существовали поселения типа Ворошиловка и Цвижин (карта 4, V, *8*), однако для характеристики группы в целом данных слишком мало. О некотором своеобразии группы населения, обитавшего в Буго-Днепровском междуречье, свидетельствуют материалы поселений типа Майданецкое, Сушковка, Великий Букрин и т. д. (карта 4, V, *6*). Для нее характерны: поселения-гиганты; модели жилищ разных ти-

пов; обилие расписной керамики; подчеркнуто остро-реберные формы сосудов, специфическое построение орнамента, включающего растительные мотивы; редкость изображений животных и людей; разнообразная пластика, воспроизводящая человека и все виды домашних животных и сохраняющая основные черты, выработанные в том районе на предшествующем этапе развития (*Мовша Т. Г.*, 1973).

В Среднем Поднепровье выделяется группа памятников типов Коломийщина I, Чапаевка (карта 4, V, *5*), Подгорцы II, Софиевка (карта 4, VI, *5*). К особенностям этой группы можно отнести: сооружение жилищ с углубленными в грунт полами и настоящих землянок; могильники без явных признаков на поверхности; обряд трупосожжения с последующим помещением праха в сосуды или в ткань; бедность погребального инвентаря; преобладание нерасписной посуды; крашеную керамику, покрытую крапинками или полосами темно-красного цвета; использование кровавика при изготовлении посуды; большое число орудий из кости и рога, вплоть до рубящих; примитивные, небрежно вылепленные антропоморфные статуэтки, почти лишенные орнамента (на отдельных экземплярах рельефом передана прическа).

Особая группа памятников распространена на Волыни, заселенной только во второй половине позднего периода. Это поселения типа Колодяжное, Троянов и Городск (карта 4, VI, *14*). Многие из них расположены на естественно укрепленных мысах и состоят из наземных и землянoчных жилищ. Их отличают: обилие кремневых изделий, в том числе клиновидных топоров; наличие каменных боевых топоров с зауженным обушком и продольным ребром; незначительный (5—11%) процент расписной посуды и включение разнообразных примесей (дробленая раковина, кварц, песок, слюда, графит) в глиняное тесто кухонной (около 90%) керамики.

Чрезвычайно важна проблема культурных, экономических и этнических связей позднетрипольского населения с соседними племенами. Они отражают, а в известной мере и обуславливают заметные этнокультурные изменения, охватившие значительную территорию Восточной Европы в конце IV — первой половине III тысячелетия до н. з.

Прежде всего это касается западных и юго-западных связей трипольцев. Выше уже отмечалось, что для среднего периода культуры Триполье-Кукутени определяющими были контакты с классическими культурами балкано-дунайского энеолита, в частности с культурой Гумельница. В рассматриваемый период эти культуры прекратили существование, а вся область их распространения подверглась резкой культурной трансформации. И позднетрипольские племена устанавливают контакты уже с создателями новых культур Нижнего Подунавья и севера Балканского полуострова, т. е. культур, явившихся результатом указанной трансформации. Из них территориально ближайшей к Триполью были культуры Чернавода I, а затем и Чернавода III, входящие в один круг с такими культурами, как Коцофени в Подунавье и Эзеро в Южной Болгарии. Специфично появление общих для этих культур элементов в позднетрипольских памятниках. Так, характерные для них лощеные одноручные кубки найдены под одними курганными насыпями с усатовскими погребениями Северо-Западного Причерноморья (*Dragomir I. T.*, 1959), а фрагменты не менее типичных сосудов, в том числе и горшков с «трубчатыми ручками», — на Усатовском поселении близ Одессы и на поселении Маяки в низовьях Днестра (*Збенович В. Г.*, 1974; 1976б). Связи с новой системой балкано-дунайских, а возможно, и западноанатолийских культур обусловили появление у позднетрипольских племен и ряда специфических бронзовых изделий, в том числе знаменитых усатовских кинжалов (*Збенович В. Г.*, 1966; *Рындина Н. В.*, 1971; *Конькова Л. В.*, 1979). Весьма показательны в этом отношении и результаты анализа мышьяковистых усатовских бронз, документирующие связи не только с Кавказом, но и с Балканами, конкретно — с очагом «типа Эзеро» (*Черных Е. Н.*, 1978б, с. 170, 171). Вместе с тем типичные позднетрипольские, прежде всего усатовские, изделия и целые комплексы появляются в Балкано-Дунайском регионе. Отметим погребение 20 у Брзилицы в Нижнем Подунавье, сопровождавшееся своеобразной усатовской «амфорой» (*Harţuchi N.*, *Dragomir I.*, 1957, p. 139—144; *Мерперт Н. Я.*, 1965, с. 17).

В верховьях Днестра и на Западной Волыни фиксируются активные контакты позднетрипольского населения с поздними племенами культуры воронковидных кубков. Восточная периферия последней, где ныне известно несколько десятков поселений, непосредственно смыкается с позднетрипольской территорией, откуда керамический экспорт широко распространился на памятники культуры воронковидных кубков вплоть до левобережья Вислы. Там позднетрипольская керамика известна, в частности, в Камне Лукавском (*Збенович В. Г.*, 1976б, с. 44). Документированы и обратные влияния: керамика культуры воронковидных кубков найдена на трипольских поселениях Костянец и Лоза (*Дергачев В. А.*, 1980, с. 152). Отмеченные контакты прерываются во второй половине III тысячелетия до н. э. в результате продвижения на восток племен культуры шаровидных амфор, которые в свою очередь устанавливают связи с позднейшими группами трипольцев, частью вытесненных пришельцами (*Збенович В. Г.*, 1976б, с. 46), а частью продолжавших существовать и позже них. О контактах трипольцев с тисополгарской культурой свидетельствуют находки сосудов последней на поселениях Брынзены III, Костешты IV, Жванец (*Титов В. С., Маркевич В. И.*, 1974; *Мовша Т. Г.*, 1975в).

Весьма дискуссионен вопрос о связях позднетрипольских групп с племенами культур шнуровой керамики и об участии их в генезисе этих культур, прежде всего среднеднепровской. Предпринимались попытки как обосновать такие связи (*Пассек Т. С.*, 1947; *Мовша Т. Г.*, 1971а; 1972; *Berezanskaja S. S.*, 1975), так и поставить их под сомнение (*Збенович В. Г.*, 1976б, с. 54). В целом представляется справедливым вывод В. Г. Збеновича о том, что «...даже если потомки позднетрипольских обитателей Киевщины и вошли в состав племен среднеднепровской культуры, не они определили ее суть и археологический облик, ее специфику как одного из

отрядов культур шнуровой керамики» (*Збенович В. Г.*, 1976б, с. 55).

На востоке в поздний период еще более активизировались контакты трипольских общин со степным населением. Это касается целого ряда специфических степных групп: памятников типа нижнего слоя Михайловки, где найдены позднетрипольские импорты, подкурганных погребений с вытянутыми костяками и более всего — древнеямных памятников. Тесным взаимодействием с древнеямными племенами и влиянием традиций последних исследователи объясняют появление курганного обряда у позднетрипольских племен, распространение в их среде ряда специфических форм инвентаря и шнуровой орнаментации посуды, само формирование сложной и многокомпонентной усатовской группы (*Мовша Т. Г.*, 1960а; 1961). Сложение усатовской группы для данной территории явилось завершением длительного процесса инфильтрации степных скотоводческих групп в среду энеолитических земледельцев. Эти же подвижные, широко расселившиеся по степной полосе группы стали основной передаточной средой, обусловившей контакты позднетрипольских общин с населением Северного Кавказа. Такие контакты документированы распространением в Северо-Западном Причерноморье как каменных погребальных сооружений, так и медных орудий кавказских типов и изделий, выполненных из кавказского металла — стержневидных долот и т. д. (*Збенович В. Г.*, 1974, с. 78; 1976б, с. 42).

Число свидетельств обратных влияний позднетрипольских племен на степные группы пока ограниченно. И все же влияния эти несомненны. В степной и лесостепной зоне Буго-Днепровского междуречья выявлено 13 местонахождений трипольских импортов, прежде всего сосудов и антропоморфных статуэток, на памятниках степных культур (*Збенович В. Г.*, 1976а). Таковы статуэтки из курганов у сел Широкое и Баратовка, сосуд из кургана близ Кривого Рога на Ингульце, сосуды и статуэтки из Любимовки, Новоалексеевки, Животиловки и других на левобережье Днепра вплоть до Крыма, где трипольский сосуд найден у с. Рисовое (*Збенович В. Г.*, 1976а). В отдельных случаях (Новоалексеевка) найдены комплексы трипольских изделий, что позволяет говорить не только о единичных импортах, но и о спорадических проникновениях отдельных небольших трипольских коллективов в сравнительно отдаленные степные районы. Но, конечно, по масштабу и темпу эти проникновения стабильных земледельческих групп резко уступали постоянным перемещениям крупных скотоводческих групп, захватывавших обширные территории, включавшие и определенные районы трипольской ойкумены.

Все изложенное выше можно резюмировать следующим образом. Развитие культуры Триполье-Кукутени проходило в постоянном контакте с различными северобалканскими культурами IV—III тысячелетий до н. э., но в отличие от них она просуществовала около двух тысячелетий. В ее развитии насчитывается множество ступеней, что позволяет по-новому осветить ряд вопросов, связанных с образованием большой трипольско-кукутенской общности. Исследование трипольских и кукутенских поселений позволяет выявить локальные различия уже среди памятников конца раннего периода. Этим открывается возможность изучения генетических линий отдельных территориальных групп, известных для среднего и позднего периодов рассматриваемой культуры. Установлено, что поселения начальной ступени (Докукутени I) развития культуры локализовались на очень небольшой территории Юго-Восточной Трансильвании и Восточного Прикарпатья, а поселения следующей ступени (Докукутени II) занимали обширное пространство от Восточного Прикарпатья до Среднего Поднестровья. Судя по размещению памятников конца раннего периода (Докукутени III), ареал культуры увеличился к этому времени примерно вдвое, что является указанием на довольно быстрый процесс расселения трипольско-кукутенских общин из Восточного Прикарпатья по направлению к Днестру, а затем и к Южному Бугу. Выбор направления, по которому шло заселение новых районов, во многом определил дальнейшую судьбу различных трипольско-кукутенских общин.

Наиболее древняя группа прикарпатских общин с раннего до позднего периодов обитала на довольно замкнутой территории. Это привело к значительному увеличению здесь плотности населения, ставшему причиной неоднократного заселения одних и тех же участков земли. Развитие рассматриваемой культуры в Прикарпатье и на правобережье Прута началось с памятников типа Траян-Дялул Вией, Извоаре I_1, Тырпешти II и Ларга-Жижия, а закончилось формированием местного позднего варианта, характеризующегося памятниками типа Кукутени-Четэцуя IV, Валя-Лупулуй и Тыргу Окна-Подей. Позднее на этой территории их сменили памятники типа Извоаре III и Фолтешти I. Заметим, что в Пруто-Днестровском междуречье представлены поселения почти всех ступеней развития культуры Триполье-Кукутени: от ранних типа Флорешты II до позднейших типа Гординешты II. Иным путем образовался верхнеднестровский вариант. В Верхнее Поднестровье (выше места впадения р. Збруч) трипольские общины пришли в начале среднего периода (памятники типа Городница-Городище), к концу своего существования создав очень своеобразный вариант культуры — памятники кошиловецкого типа.

Еще сложнее выглядит сложение днестровско-днепровского варианта, возникшего в Среднем Поднестровье (в пределах Каменец-Подольской области) и закончившего свое существование в Поднепровье (на Киевщине). Среднее Поднестровье было заселено трипольскими общинами в самом начале раннего периода, к концу которого в этом районе относятся памятники типа Луки-Врублевецкой. В начале среднего периода, видимо, под воздействием притока нового населения среднеднестровские общины были вынуждены переселяться вдоль левых притоков Днестра в сторону Южного Буга, а, достигнув его, продолжать переселение далее на северо-восток. В результате в поздний период они создали в Поднепровье чрезвычайно своеобразный вариант трипольской культуры (памятники типа Коломийщина I, Чапаевка, Лукаши, Софиевка). Общины этой группы, все более удаляясь на северо-восток, вступали в тесные

взаимоотношения с местным населением и постепенно теряли прежние связи с трипольскими общинами. Они надолго сохранили бытовавшие в культуре раннего периода приемы изготовления различного инвентаря, способы сооружения жилищ, систему фортификации. В раннем отрыве их от общей линии развития и выработке собственного направления кроется причина разделения культуры Триполье-Кукутени на две зоны: юго-западную с расписной керамикой и северо-восточную с керамикой, по древней традиции украшенной углубленным узором (*Мовша Т. Г.*, 1975а).

Ближайшими соседями северо-восточных общин были племена, переселившиеся на Южный Буг из Среднего Поднестровья, вероятнее всего, продвигавшиеся вдоль рек Каменка, Окна, Савранка, Дохны и др. Наиболее древние их поселения типа Сабатиновка II_1 обнаружены при слиянии р. Савранки с Южным Бугом. Переселенцы прочно обосновались на новом месте, но не прекращали связей с общинами Поднестровья. На протяжении среднего периода была заселена территория между реками Синица и Синюха, а в начале позднего периода — даже Среднее Поднепровье (в районе Канева). Расписная керамика, в изобилии встречающаяся на поселениях, свидетельствует о близости линии развития трипольской культуры в Побужье и южных районах Поднестровья. Сходны и типы поселений сравниваемых районов, в том числе и поселений-гигантов (Майданецкое, Доброводы, Петрены и др.). Волынь, причерноморские степи и низовья Дуная были заселены трипольско-кукутенскими общинами в последнюю очередь (памятники типа Городск, Усатово II, Фолтешти I). Многие вопросы, связанные с процессом освоения этих районов, находятся еще в стадии разработки.

Основными причинами, вынуждавшими людей покидать обжитые места и осваивать новые районы, были постоянный рост населения и практикующаяся ими система земледелия. Образование локальных групп явилось следствием расселения древнеземледельческих общин по столь обширной территории, что первоначально существовавшие между ними контакты оказались утраченными. В результате этого культура, достаточно монолитная в ранний период, в средний период стала проявлять местные особенности, вырабатываемые различными группами населения отчасти под воздействием соседних чужеродных племен. В поздний период процесс этот продолжался с нарастающей быстротой, что в конечном итоге привело к сложению трипольско-кукутенской культурной общности.

Глава пятая
Хозяйство и общественный строй трипольских племен

Постановка и разработка вопросов, касающихся хозяйственной деятельности и общественных отношений у населения, оставившего памятники трипольского типа,— важная заслуга советской археологии. Уже в 30-е годы были сформулированы первые выводы по этой проблематике, базировавшиеся на результатах сплошных раскопок трипольских поселений и детальном изучении древних жилищ, для чего, как отмечалось выше, была выработана специальная методика. Опираясь на конкретные археологические материалы, советские исследователи вместе с тем основывали свои заключения на марксистско-ленинской теории первобытнообщинной формации, что подняло на новую ступень уровень интерпретации трипольских памятников. В наличии на трипольских поселениях крупных многокамерных домов с несколькими очагами и небольших строений с одним очагом исследователи видели отражение процесса разрастания родового домохозяйства, деления родового коллектива на парные семьи (*Кричевский Е. Ю.*, 1940д, с. 589). Одновременно подчеркивалось, что наличие крупных домов свидетельствует о домохозяйстве как о едином хозяйственном организме. Основная форма хозяйства трипольских племен характеризовалась в первую очередь как примитивное мотыжное земледелие (*Пассек Т. С.*, 1949а, с. 18), которое, согласно господствовавшим тогда социологическим схемам, жестко связывалось с материнским счетом родства и матриархальными правопорядками. Отсюда следовал вывод, что «трипольская форма домостроительства являлась результатом и выражением расцвета материнско-родового строя и первобытного коммунизма» (*Кричевский Е. Ю.*, 1940д., с. 589). Наряду с этим устанавливалась и определенная динамика развития трипольского общества. Отмечалось, что на позднем этапе формировались скотоводческие племена, усатовские на юге и гóродские на севере, и в соответствии с этими хозяйственными изменениями происходили накопление богатств, имущественная дифференциация, наблюдаемая в Усатовском могильнике, и переход от материнско-родового строя к патриархально-родовым отношениям (*Пассек Т. С.*, 1949а, с. 17—20). Эта концепция соответствовала имевшимся археологическим материалам, исходила из существовавших в то время в советской науке разработок по теории первобытного общества и, безусловно, имела прогрессивное значение, поскольку прямо и определенно ставила вопросы социально-экономической характеристики энеолитических племен Северного Причерноморья. Вместе с тем в предлагаемых решениях ощущалось стремление построить схему прямолинейного эволюционного развития, что было общим недостатком многих работ данного этапа развития советской археологической науки.

С накоплением нового материала и дальнейшим развитием теоретических разработок проблем первобытнообщинного строя эти недостатки постепенно устранялись. В изучении трипольских памятников важную роль сыграла монография С. Н. Бибикова, построенная в первую очередь на материалах полностью вскрытого им раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая (*Бибиков С. Н.*, 1953). Трипольское земледелие С. Н. Бибиков первоначально характеризовал как экстенсивное, полевое, мотыжное, возможно, с частичным использованием в работе на полях тягловой силы животных (*Бибиков С. Н.*, 1953, с. 282), а позднее счел его пашенным (*Бибиков С. Н.*, 1965, с. 52). Вместе с тем, отводя скотоводству существенное место в хозяйстве трипольских общин, С. Н. Бибиков полагал, что это не могло не сказаться на внутрисемейных и родовых взаимоотношениях, и пришел к выводу о существовании патриархальных отношений в трипольском обществе уже раннего периода. Исследователь обосновывал это заключение ролью скотоводства в хозяйстве трипольских общин, существованием больших полей на земле, расчищенной в лесу, что было под силу только мужчинам, и наличием родовых богатств в виде скота и запасов зерна, нуждавшихся в охране от враждебных посягательств (*Бибиков С. Н.*, 1953, с. 285). Гипотеза С. Н. Бибикова имела ряд уязвимых мест и вызвала довольно резкую критику со стороны Т. С. Пассек (*Пассек Т. С.*, 1954; *Бибиков С. Н.*, 1955б). Однако в дальнейшем новые материалы все полнее характеризовали трипольское общество как достаточно развитое в целом ряде отношений. Отсутствие для ранних этапов Триполья могильников, позволявших дать конкретный анализ половозрастной структуры общества, не стимулировало дальнейшую разработку вопроса о патриархальных отношениях, который мог решаться лишь в общем плане.

Вместе с тем новые массовые материалы способствовали конкретно-историческому подходу к изучению прошлого трипольских племен, выявлению их локальной и временнóй специфики, освещению сложного характера исторического процесса с учетом внутренней динамики отдельных территориальных и временны́х подразделений. Так, встал вопрос о сложности развития хозяйства в рамках единой трипольской культурной общности. В. И. Цалкин, опираясь на статистический обзор остеологических материалов, отмечал наличие в трипольском животноводстве локальных особенностей, находившихся в зависимости от различных природных условий (*Цалкин В. И.*, 1970, с. 238—239). Изучение коллекций орудий трипольских памятников показало, что их состав также далеко не одинаков и отражает разную роль тех или иных хозяйственных отраслей. Это позволило Г. Ф. Коробковой выделить для Триполья по

крайней мере пять вариантов хозяйства с доминантой одной или двух отраслей (*Коробкова Г. Ф.*, 1972). Оказалось, что на ряде поселений число земледельческих орудий невелико. Это позволяло сделать заключение о незначительной роли земледелия в хозяйственной системе в целом. Интересные результаты дал и детальный анализ общественной структуры по материалам позднетрипольских могильников Поднепровья (*Круц В. А.*, 1977) и Поднестровья (*Дергачев В. А.*, 1978). Открытие огромных поселений на Уманщине (*Шишкин К. В.*, 1973), а затем и в других районах привело к предположению о существовании у трипольцев своего рода протогородов (*Шмаглий Н. М.*, *Дудкин В. П.*, *Зиньковский К. В.*, 1973; *Шмаглий Н. М.*, 1978). С. Н. Бибиков поставил вопрос о наличии у трипольцев развитого ремесленного производства, и считал, что трипольское общество может быть сопоставлено «с крупными энеолитическими объединениями южной половины Старого Света», в первую очередь Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока (*Бибиков С. Н.*, 1970, с. 4—6).

Обратимся к краткому обзору данных, характеризующих хозяйство и общественный строй трипольских племен на разных этапах их развития. Комплекс орудий раннего Триполья весьма типичен для энеолитических памятников. Его основу составляют кремневые, каменные, костяные и роговые орудия. Широкому распространению кремневых и сланцевых орудий на памятниках Поднестровья во многом способствовала богатая сырьевая база (*Пассек Т. С.*, 1961а, с. 41). На ряде поселений отмечены рабочие площадки, где производилась обработка сланца, кости и рога (*Пассек Т. С.*, 1961а, с. 68). Так, в Ленковцах почти в каждом жилище найдено много нуклеусов, отбойников и ретушеров.

Основная масса орудий изготовлялась из кремня. В зависимости от сорта кремня нуклеусы имели небольшие или средние размеры. Нуклеусы небольших размеров (высотой 3—6 см) делали из валунного кремня. В Поднестровье нуклеусы средних размеров сделаны из плитчатого серого кремня. Их высота колеблется в пределах 5—10 см, соответственно сколотые с них пластины, служившие заготовками различных инструментов, имеют разную длину: от 2—3 до 12 см. На ранних памятниках пластины короткие, на памятниках второй половины раннего периода уже довольно много средних пластин (длиной 5—6 см). Крупные пластины и орудия из них для раннего периода не характерны и встречаются только на памятниках, расположенных в местах выхода кремня, например в Луке-Врублевецкой. Показательны в этом отношении подсчеты количества нуклеусов разных размеров, произведенные для Луки-Врублевецкой (*Бибиков С. Н.*, 1953, с. 81). Крупные нуклеусы (до 10 см высотой) составляли там 45,6% от общего количества ядрищ, мелкие из темного галечникового кремня — 21,1, обломки нуклеусов — 148%; 5,7% приходится на отжимники и 13,1% — на отбойники шаровидной формы, сделанные из сработанных нуклеусов.

Орудия изготовлялись также из рога оленя или косули, реже — из костей и клыков кабана и рога лося. По функциональному назначению это главным образом наконечники мотыг разных типов, проколки

Рис. 18. Рало из рога лося с поселения Новые Русешты I$_а$

и шилья. Известны, кроме того, костяные рыболовные крючки и гарпуны. Количество медных изделий крайне невелико. Так, на полностью вскрытом поселении Лука-Врублевецкая найдено всего 12 небольших медных предметов — шилья, рыболовные крючки и пронизка (*Бибиков С. Н.*, 1953, с. 119—124). Вместе с тем в составе Карбунского клада известны медные проушные топоры (*Сергеев Г. П.*, 1963, с. 135). Сырье для медных изделий привозилось из Балкано-Карпатского меднорудного бассейна в виде слитков и полос чистой металлургической меди. Из технических приемов трипольцы освоили холодную и горячую ковку и сварку (*Рындина Н. В.*, 1971), но в целом металлообработка у них весьма архаична (*Черных Е. Н.*, 1978а, с. 59).

На основе этого комплекса орудий в пору раннего Триполья интенсивно функционировали различные хозяйственные отрасли. Палеоботанические исследования З. В. Янушевич убедительно показали, что уже на раннем этапе Триполья земледелие представляло собой устойчивое, давно сложившееся явление и располагало надежным семенным фондом. В то время возделывались пшеницы — однозернянка, двузернянка и спельта, ячмени — пленчатый и голозерный, а также просо и бобовые (*Янушевич З. В.*, 1976). На поселении Новые Рушеты I$_{б}$ найдены также косточки абрикоса (*Янушевич З. В.*, 1976, с. 183). Двузернянка — очень выносливое растение, отличающееся большей зимостойкостью и меньшей требовательностью к почве, чем другие виды пшеницы. Спельта также вынослива и неприхотлива: она устойчива к низким температурам и избытку влаги весной, повреждению насекомыми и птицами, затенению. Наиболее распространенной культурой была двузернянка: следы ее встречаются очень часто и зафиксированы почти на всех поселениях. Это позволяет считать двузернянку основным растением, употреблявшимся в пищу. По заключению палеоботаников, отпечатки зерен двузернянки свиде-

тельствуют о весьма благоприятных для ее выращивания условиях.

Экспериментальным изучением наиболее массового землекопного орудия трипольцев — мотыг — установлено, что это были весьма эффективные орудия, пригодные для вскапывания и рыхления значительных участков. Так, три человека с помощью мотыг могли обработать за час участок площадью 150—200 кв. м (*Коробкова Г. Ф.*, 1980). Множество мотыг, находимых на трипольских памятниках, свидетельствует, что они, как и предполагали первые исследователи, были основным орудием для обработки мягких почв (*Коробкова Г. Ф.*, 1975а). Роговое орудие с поселения Новые Русешты I_{1a} (рис. 18), предположительно истолкованное как примитивное рало (*Бибиков С. Н.*, 1965, с. 52), могло использоваться для рыхления почвы и проведения борозд на участках, предварительно обработанных мотыгами (*Коробкова Г. Ф.*, 1975а, с. 38). Видимо, наиболее справедлива характеристика трипольского земледелия в первую очередь как мотыжного, с частичным употреблением бороздопроводящих орудий.

Для уборки урожая служили составные серпы с кремневыми вкладышами, вставленными под углом в изогнутую основу. В пору раннего Триполья лезвия кремневых вкладышей, как правило, были лишены дополнительной обработки. Экспериментально установлено, что раннетрипольский серп был достаточно производительным орудием, лишь вдвое уступавшим современному железному зубчатому серпу и практически не уступавшим серпам, изготовленным из меди (*Коробкова Г. Ф.*, 1978). Важным орудием древних земледельцев была зернотерка. Зернотерки овальной и прямоугольной форм обычно делали из песчаника, а иногда из гранита или других пород камня. Их редко находят целыми, поэтому материал для сравнения крайне ограничен. Одна из крупных зернотерок, найденная в Ленковцах, имела размеры 35×27×11 см, но в большинстве случаев на поселениях раннего и среднего периодов длина зернотерок едва превышала 20 см, а ширина 15 см. На раннетрипольском поселении Берново-Лука зернотерки имели размеры 18×12×8; 20×12×6 и 20×15×10 см. В Луке-Врублевецкой минимальные размеры зернотерки составляли 17×14×7 см, а максимальные — 21×16×5 см. В конце раннего периода на некоторых поселениях появляются огромные нижние камни зернотерок. Так, Н. Н. Скакун отмечает наряду с обычными по размеру камнями наличие на поселении Александровка зернотерки размерами 60×45 см (*Скакун Н. Н.*, 1978).

Судя по ряду данных, роль земледелия в раннетрипольской экономике отнюдь не была ведущей. На таких поселениях, как Лука-Врублевецкая и Сабатиновка II_{1-2}, процент земледельческих орудий колеблется от 10 до 13. Их хозяйство Г. Ф. Коробкова относит к скотоводческо-земледельческому типу с доминантой животноводства (*Коробкова Г. Ф.*, 1972, с. 20). На тех же памятниках орудия для разделки туш животных и обработки шкур составляют 50—62%. Остеологические материалы, детально изученные В. И. Бибиковой и В. И. Цалкиным, позволяют определить, какая часть животных была добыта на охоте, а какая принадлежала домашним особям. На ряде раннетрипольских памятников кости диких животных преобладают. Такая картина наблюдается в Луке-Врублевецкой, Голерканах, Берново-Луке (*Бибикова В. И.*, 1953; *Цалкин В. И.*, 1970, с. 213), а также в Бернашовке (*Збенович В. Г.*, 1980в). При этом до 75% охотничьей добычи составляют копытные животные (благородный олень, косуля и кабан), на которых охотились с целью получения мяса. В составе стада домашних животных отмечаются колебания, видимо, отражающие порайонную хозяйственную специфику. Так, в Берново-Луке на крупный рогатый скот приходится около половины всех домашних животных, тогда как в Луке-Врублевецкой и Солонченах I доминирует свинья (*Пассек Т. С.*, 1961а). Во всех случаях количество костей мелкого рогатого скота невелико, следовательно, раннетрипольское скотоводство было основано на разведении крупного рогатого скота и свиней.

Значительная роль охоты в получении мясных продуктов указывает и на стремление трипольцев максимально использовать местные природные ресурсы. С этим направлением хозяйственной деятельности тесно связаны собирательство и рыболовство. В лесах и рощах, окружавших раннетрипольские поселки, собирали кизил, дикую грушу, яблоки и вишню (*Янушевич З. В.*, 1976, с. 187—188). В речных протоках и главным образом в Днестре ловили сома и вырезуба, причем отдельные особи сома, попадавшие на стол трипольцев, достигали длины 1,6—1,8 м (*Пассек Т. С.*, 1961а, с. 59). Из домашних производств, помимо изготовления орудий, получили развитие домостроительство и керамическое производство.

Об общественном устройстве раннетрипольского населения можно судить на основании раскопок жилищ и поселений. Как отмечала Т. С. Пассек, поселки были в основном небольшими, площадью около 250×200 м, и состояли из землянок и наземных домов (*Пассек Т. С.*, 1961а, с. 93). Судя по данным разведок, проведенных в Днестровско-Прутском междуречье, в то время существовали и более крупные поселения, занимавшие площадь в несколько гектаров. Имеются данные и о кольцевом расположении жилищ, по крайней мере на некоторых из ранних поселений. Так, поселение Бернашовка на Днестре состояло из семи домов. Размеры наименьшего жилища составляли 30 кв. м, наибольшего — 150 кв. м. По подсчетам В. Г. Збеновича, на поселении могло проживать примерно 50—60 человек (*Збенович В. Г.*, 1980 в). Поселение Лука-Врублевецкая включало семь землянок, причем большинство их соответствовало домам средней величины (примерно 65 кв. м) и только площадь одной землянки сильно вытянутой в плане формы превышала 130 кв. м. На поселении Тырпешти III площадь построек колебалась в пределах 12—77 кв. м. Наиболее крупные жилища можно рассматривать как место обитания нескольких малых семей. Например, в самой большой землянке Луки-Врублевецкой, имеющей длину 40 м, отмечено деление на три камеры, возможно, служившие жилищами отдельным семьям.

Весьма показательна и тенденция подчеркнуть хозяйственное и идеологическое единство общин,

оставивших эти небольшие поселки. На ряде памятников зафиксированы своего рода культовые центры, которые нередко помещались в строении, одновременно выполнявшем и функции обычного жилого дома. Возможно, такие дома принадлежали семьям старейшин, бывших также хранителями культовых объектов и отправлявших культовые обряды и церемонии.

Примечательно, что уже на раннем этапе отмечается кустовое расположение трипольских поселений, когда более мелкие памятники группируются близ весьма значительного по площади центра. В таком густонаселенном районе Северной Молдавии, как бассейн Реута, крупным раннетрипольским поселением является Гура-Каменка IX (*Массон В. М.*, 1980б). Возможно, перед нами тип расселения, характеризующий наличие такой племенной группировки, в состав которой входило несколько общин и во главе которой стояли уже племенные вожди. Во всяком случае находка Карбунского клада, насчитывающего 852 предмета, в том числе 444 медных, показывает, что уже на этом этапе развития происходит известное накопление богатств. Наличие в кладе наряду с проушными топорами явно культовых предметов, в частности антропоморфных подвесок, позволило Г. П. Сергееву сделать заключение о принадлежности клада крупному родовому или родо-племенному вождю, выполнявшему одновременно и «жреческие» функции (*Сергеев Г. П.*, 1963, с. 151). До открытия раннетрипольских могильников или установления разного уровня благосостояния по предметам, найденным в жилищах одного поселения, этот вывод бесспорно сугубо предварителен. Но думается, что уровень общественной организации раннетрипольского населения, целенаправленно ведшего освоение новых территорий, нельзя излишне занижать. Не исключено, что здесь имелось и несколько племенных групп, своеобразие культуры которых нашло отражение в локальных вариантах.

Как можно было видеть, в средний период происходит дальнейшее увеличение территории, занятой трипольскими племенами. Расселяющиеся общины достигают районов Поднепровья, традиционные области обитания густо обживаются, население увеличивается, ведущими типами поселений становятся крупные и средние поселки. Судя по всему, завершается пора экстенсивного освоения новых территорий, пригодных для земледелия и скотоводства, и делаются попытки интенсификации традиционных видов производств, одним из проявлений чего становится усиление локальной специфики.

При этом комплекс орудий остается в основных чертах прежним. Как и ранее, господствуют орудия из кремня, камня, кости и рога. Медные орудия редки и изготовляются преимущественно с помощью ковки; литье еще не получает сколько-нибудь широкого распространения. Основными орудиями земледельцев по-прежнему являются серпы и мотыги. Последние делаются из рога лося или оленя, а также из сланцев и гнейса. Серпы имеют изогнутую основу, в которую под углом вставляются кремневые вкладыши, но сами вкладыши, как правило, ретушируются, что повышает их производительность. В средний период трипольской культуры размеры пластин, используемых для серпов, остаются теми же, что и в ранний период. Нанесенная на них ретушь, сначала довольно мелкая и нерегулярная, затем становится ровной, струйчатой. В конце среднего периода появляются прекрасно оформленные ретушью, небольшие (в среднем 3×2 см), прямоугольных очертаний вкладыши с ровным рабочим краем. В это время на Волыни, в местах добычи высокосортного кремня, появляются массивные (9×3 см) вкладыши серпов, продолжающие линию развития однолезвийных, а не составных серпов с прямым рабочим краем. Постепенно серпы с лезвием в виде удлиненных отретушированных пластин — сначала длиной до 10 см, а позднее до 20 см — в ряде мест вытесняют прежний тип серпа с зубчатым расположением вкладышей.

Состав возделываемых растений в пору среднего Триполья в основном сохраняется прежним — преобладает пшеница-двузернянка. Особый интерес представляет обнаружение в среднетрипольских слоях поселения Новые Русешты I_{1a} косточек винограда. По определению палеоботаников, они принадлежат культурному сорту, имевшему, однако, небольшую ягоду (*Янушевич З. В.*, 1976, с. 190). Виноградарство, для которого природные условия Днестровско-Прутского междуречья были достаточно благоприятны, стало новой отраслью сельскохозяйственного производства трипольского общества.

Интересна тенденция увеличения объема крупных глиняных сосудов, явно предназначавшихся для хранения зерновых запасов и потому именуемых зерновиками. И в ранний период, и на начальных ступенях среднего периода они имеют высоту 30—35 см. Наряду с ними уже в начале среднего периода появляются сосуды высотой 70, 80 и 100 см. Такие огромные сосуды-зернохранилища продолжают существовать на протяжении всего позднего периода. Миски, служившие для приготовления пищи, увеличиваются в размерах одновременно с ними. Диаметр мисок достигает зачастую 80—110 см. Трипольцы придавали большое значение сохранности зерна от порчи, часто помещая его в сосуды антропоморфных очертаний с традиционным змеевидным узором. Сосуды плотно накрывались специальными крышками, привязывавшимися к ручкам, и таким образом зерно становилось недоступным для грызунов и насекомых. Тенденция увеличения объема сосудов, скорее всего, отражает как общее увеличение объема зерновой продукции, так и упорядочение коллективных форм ее хранения и потребления.

Анализ остеологических коллекций, происходящих со среднетрипольских памятников, указывает на значительные локальные различия. Так, на приднепровских поселениях Коломийщина II и Владимировка процент костей диких животных невелик — 15—19, тогда как на Березовском поселении количество костей диких особей превышает 50% (*Цалкин В. И.*, 1970, с. 213). Объектами охоты продолжают оставаться в первую очередь крупные копытные — олень и кабан, реже — косуля, но добывается также, особенно в Поднепровье, лось (*Цалкин В. И.*, 1970, с. 216). В. И. Цалкин отмечает местные особенности и в составе стада домашних животных. Так, в Поливановом Яру (II—III) преобладают кости свиньи, а на кости крупного рогатого скота приходится около 20%. Кости свиньи

резко преобладают и в Клищеве (*Заец И. И.*, 1975б). Во Владимировке и Коломийщине II, наоборот, костей свиньи сравнительно мало (8—11%), а кости крупного рогатого скота составляют 37—44% (*Цалкин В. И.*, 1970, с. 234—238).

Массовое трассологическое изучение коллекций орудий позволило наряду с привлечением остеологических данных более четко представить хозяйственную специализацию поселений (*Коробкова Г. Ф.*, 1972). Так, процент земледельческих орудий в комплексе нижних слоев поселения Поливанов Яр высокий — 32,1, т. е. такой же, какой наблюдается у оседлоземледельческих общин Средней Азии и Закавказья. Г. Ф. Коробкова характеризует этот тип хозяйства как земледельческо-скотоводческий. Наоборот, в средних слоях поселения Поливанов Яр число земледельческих орудий резко падает, составляя всего 6,5%, что позволило Г. Ф. Коробковой определять такой тип хозяйства как скотоводческо-земледельческий. Преимущественно скотоводческим было и хозяйство обитателей поселения Сороки-Озеро, где земледельческие орудия составляют всего 3,4%. Для этого поселения показателен очень высокий (до 52) процент орудий, предназначенных для обработки дерева, что, надо полагать, отражает местную специализацию в сфере производств, не связанных с получением продуктов питания. Весьма низок процент земледельческих орудий и на Березовском поселении (3—3,7), где орудия для обработки шкур и выделки кожи составляют 50—60%, а орудия для обработки дерева — 19—20%. Поскольку, согласно палеозоологическим определениям, здесь резко преобладают кости диких животных, Г. Ф. Коробкова характеризует данный тип хозяйства в первую очередь как скотоводческо-охотничий (*Коробкова Г. Ф.*, 1972, с. 20). В целом для сферы хозяйства, связанной с получением продуктов питания, наблюдается тенденция к доминанте именно скотоводческо-земледельческого типа. Так, например, на поселении Клищев на земледельческие орудия приходится всего 13,6% (*Заец И. И.*, 1975б).

В пору среднего Триполья, по имеющимся данным, намечается и определенная специализация в сфере домашних производств. Правда, основные производства, судя по материалам поселений Поливанов Яр II и III, были децентрализованы и представлены практически в каждом хозяйственно-жилом комплексе (*Попова Т. А.*, 1972, с. 18). Однако в последнее время стали появляться материалы, свидетельствующие о начале профессиональной специализации. В частности, большое значение имеет открытие на поселении Веселый Кут в Поднепровье гончарной мастерской с двухъярусным горном (*Цвек Е. В.*, 1978). Эта весьма развитая конструкция обжигательной печи не только позволяла получать высокие температуры, но и добиваться стабильного режима обжига (*Сайко Э. В.*, 1977). Мастерская состояла из двух помещений: одно служило сушильной камерой, а во втором располагался горн. Поблизости находилась яма, заполненная шлаком. В топочной камере оказались наиболее ценные сосуды. Рядом обнаружены остатки другой мастерской, обжигательная печь которой была разрушена. Видимо, она функционировала в более раннее время. Значение этого открытия нельзя приуменьшать. Перед нами явные следы технологического прогресса. Вполне возможно, что работавшие здесь из поколения в поколение гончары принадлежали к числу ремесленников, узко специализировавшихся в рамках своей общины, которая и обеспечивала их продуктами питания.

Основным источником для суждений об общественном устройстве в период среднего Триполья, как и более раннего времени, являются жилища и поселения. По-прежнему весьма характерна циркульная планировка поселений, при которой дома располагались одним или несколькими кругами, а центр зачастую не застраивался. Во всяком случае в Поднепровье, крайней восточной области расселения трипольцев, это прослеживается достаточно четко. Так, круговая планировка отмечена на поселении Веселый Кут (*Цвек Е. В.*, *Шиянова А. В.*, 1977). На поселении Гарбузин жилища образуют два концентрических круга (*Цвек Е. В.*, 1974а; 1974б, с. 355; 1976), а на таком большом памятнике, как Владимировка,— целых пять кругов (*Пассек Т. С.*, 1949а, с. 148). Безусловно, данная планировка связана с функцией обороны. Возможно, для этой же цели служили рвы и валы, сохранившиеся далеко не везде, но хорошо представленные на поселениях Поливанов Яр II и III, Старые Куконешты и Сороки-Озеро.

Поселки состоят главным образом из наземных домов разной величины, причем крупные дома, разделенные перегородками, можно рассматривать как места обитания большесемейной общины, объединявшей несколько малых семей. На Коломийщине II большой дом (27×6—7 м) четырьмя поперечными перегородками делился на пять отсеков. В двух отсеках располагались печи, а в одном — крестовидный жертвенник. Интересна отмечаемая на ряде памятников группировка домов по три. Е. В. Цвек, установившая эту особенность поселения Шкаровка, полагала, что здесь речь может идти о существовании патронимических групп (*Цвек Е. В.*, 1974б; 1976). Во всяком случае такая обособленная группа домов может отражать хозяйственное и родственное единства обитавших здесь малых семей, аналогичное объединению нескольких малых семей в одном большом многокамерном доме. Имеются данные и о наличии на поселениях культовых центров (*Цвек Е. В.*, 1976, с. 56), но этот вопрос еще недостаточно изучен. В других поселках, как, например, в Клищеве, где общая планировка надежно установлена геофизической разведкой, а часть жилищ полностью раскопана (*Заец И. И.*, 1973; 1975б), кольцевое расположение домов отсутствует. Всего в Клищеве отмечено 48 жилищ. Среди раскопанных было четыре малых дома (менее 30 кв. м), пять средних (до 80 кв. м) и один большой (более 100 кв. м), разделенный на четыре камеры (по 26—28 кв. м), три из которых имели печи. Это позволяет считать камеры местом проживания отдельных семей. Видимо, в Клищеве обитала община, состоявшая из нескольких большесемейных групп, обладавших как общими жилищами, так и отдельными односемейными домами.

При изучении трипольских памятников Северной Молдавии была предложена их группировка по площади и выделены малые (до 4 га), средние (от 4 до 8 га) и крупные (свыше 10 га) поселения

(*Массон В. М.*, *Маркевич В. И.*, 1975). При этом отмечалось, что в средний период наибольшее распространение получают именно средние и крупные поселения. Возможно, сходная картина наблюдается и в некоторых других областях распространения трипольских памятников. Во всяком случае площадь ряда поселений Поднепровья весьма значительна: Владимировка занимает около 60 га, Миропольє — 25, Гарбузин — 35 га. Не исключено, что уже в конце среднего периода начинается формирование по крайней мере некоторых из гигантских центров, открытых при дешифровке аэрофотоснимков сначала на Уманщине, а затем и в Северной Молдавии. В последнем регионе таким центром оказалось поселение Петрены, раскапывавшееся еще в начале XX в. и давшее яркий материал начала позднего периода (*Маркевич В. М.*, 1973б, с. 93).

Наличие иерархической системы поселений, особенно их гнездовое расположение группами из средних и мелких поселков, близ одного или двух, возможно, неодновременных крупных центров, безусловно, является отражением сложной общественной структуры. Не исключено, что мы имеем дело с рядом племенных групп, объединявших несколько общинных поселков и имевших свой племенной центр. Центры типа Петрен могли быть столицами племенных союзов, но их характеристика и интерпретация требуют дальнейших исследований. В пору среднего Триполья отмечается высокая плотность населения, во всяком случае в Днестровско-Прутском междуречье, что также является одним из показателей подъема общества, оставившего памятники трипольского типа и, судя по всему, достигшего едва ли не поры наивысшего расцвета.

В поздний период территория, занятая трипольскими племенами, еще более расширилась. В частности, на юге была освоена засушливая степная зона, что, естественно, привело к увеличению разнообразия хозяйственных систем. Вместе с тем наблюдается дальнейший прогресс целого ряда производств, технология которых совершенствуется, способствуя их превращению в ремесла. Одновременное сокращение числа поселений, постепенная утрата трипольскими племенами отдельных районов и другие явления свидетельствуют о нарастании известного рода кризисной ситуации в развитии трипольского общества. Оно занимает теперь огромную территорию от Среднего Поднепровья на севере до района Одессы на юге, равную по площади территории харапской цивилизации. Локальные особенности, наблюдаемые в сфере хозяйства, в какой-то мере соответствуют культурным различиям, устанавливаемым археологами в пределах ареала памятников позднетрипольского типа. В древности эти явления, возможно, были взаимозависимы.

Основой трипольской экономики позднего периода оставались земледелие и скотоводство, хотя последнее в отдельных районах уступало пальму первенства охоте, в чем отразилась сложность конкретно-исторического процесса. Помимо ранее возделывавшихся видов пшеницы и ячменя, возрастает, по крайней мере на некоторых памятниках, удельный вес проса и бобовых (*Янушевич З. В.*, 1976, с. 198). На поселении Варваровка XV найдены косточки примитивной сливы, которую специалисты рассматривают как гибрид от спонтанных скрещиваний принесенной из Малой Азии алычи с диким абрикосом, а на поселении Варваровка VIII — зерна крупноягодного винограда столового сорта (*Янушевич З.В.*, 1976, с. 185—186, 190). Локальное своеобразие частично проявилось и в типах земледельческих орудий. Так, в пору позднего Триполья распространяются серпы из одной крупной пластины, оформленной пильчатой или струйчатой ретушью. Наряду с этой новой формой жатвенного орудия в Днестровско-Прутском междуречье сохраняется традиционный тип серпа с крупнозубчатым лезвием (*Коробкова Г. Ф.*, 1978, с. 40).

Как и в пору среднего Триполья, имелись поселения, где среди занятий жителей едва ли не первое место занимало земледелие. Так, в Усатове 20,2% орудий связаны с земледельческим трудом, тогда как с обработкой шкур домашних и диких животных — всего 14,3% (*Коробкова Г. Ф.*, 1972, с. 20). Это тем более интересно, что, согласно прежним представлениям, усатовские племена были в первую очередь скотоводческими. В самом Усатове роль охоты действительно была невелика — кости диких особей составляют там около 9% остеологической коллекции (*Цалкин В. И.*, 1970, с. 212). Показательно наличие здесь костей таких степных животных, как сайга и кулан, что полностью соответствует природным условиям зоны, а также костей льва, на которого, видимо, охотились в то время (*Бибикова В. И.*, 1963). Среди костей домашних животных почти 50% приходится на мелкий рогатый скот, что предполагает степной характер животноводства (*Цалкин В. И.*, 1970, с. 239). На поселении Маяки стадо почти на 70% состоит из мелкого рогатого скота, а свинья, крайне редкая и в Усатове, отсутствует (*Збенович В. Г.*, 1974, с. 112). Примечательно большое количество костей овец на этих памятниках, что, возможно, указывает на отгонный характер скотоводства. Во всяком случае усатовское скотоводство резко отлично от форм, практиковавшихся трипольцами, обитавшими в более раннее время и в пору позднего Триполья в лесостепной зоне. Новые исследования, проведенные в этой зоне, свидетельствуют о том, что эволюция форм хозяйства трипольцев не была прямолинейной. Так, если одно время бытовало мнение о постепенном падении роли охоты от раннего Триполья к позднему (*Пассек Т. С.*, 1961а, с. 145), то теперь известны позднетрипольские поселения, где основой получения мясной пищи была охота. На поселении Сандраки II, например, доля костей диких животных составляла 52,6% (*Цалкин В. И.*, , 1970, с. 214), а на поселении Жванец — более 60% (*Мовша Т. Г.*, 1970б, с. 90—91). Основной добычей трипольских охотников, как и прежде, были крупные мясные животные.

Интересна динамика развития хозяйства самой северной группы трипольских племен, обитавшей в Среднем Поднепровье (*Круц В. А.*, 1977). На первом этапе, когда только происходило освоение этого района, роль охоты была исключительно велика, а в составе стада отсутствовала свинья. Позднее удельный вес домашних животных возрос. Первопоселенцы, передвигаясь с небольшими стадами, в составе которых почти не была представлена малоподвижная свинья, поддерживали баланс мясного

рациона главным образом за счет охоты (*Круц В. А.*, 1977, с. 145). В данном случае высокий процент (70—83%) костей диких животных является не признаком архаизма, а отражением конкретной ситуации.

Среди позднетрипольских орудий, как и ранее, много изделий из кремня, камня, кости и рога, в том числе таких важнейших орудий земледельцев, как серпы и мотыги. Месторождения кремня усиленно разрабатывались на Волыни, откуда сырье широко распространялось далее, в первую очередь на поселения Поднестровья и Попрутья. Заселение Волыни трипольскими общинами началось, очевидно, в конце среднего периода, так как в начале позднего периода эта территория была уже довольно хорошо ими освоена. Обобщая данные позднетрипольских поселений Волыни, Н. М. Шмаглий заключает, что там изделия из кремня на памятниках горо́дского типа найдены в большом количестве (*Шмаглий Н. М.*, 1971). Они изготовлены из кремня двух сортов, преимущественно из высокосортного местного — так называемого волынского кремня. Первичная обработка кремня производилась в местах его выходов, поэтому на поселениях почти нет нуклеусов и отщепов с участками корки. Размеры нуклеусов и пластин в длину достигают 10—15 см. Районы Среднего Поднепровья также снабжались волынским кремнем (*Круц В. А.*, 1977).

Наряду с традиционными каменными и костяными изделиями в поздний период все большую роль начинают играть, особенно в южных областях, металлические орудия и оружие. С позднего этапа среднего Триполья получает распространение литье, используются мышьяковистые руды и медно-серебряные сплавы (*Рындина Н. В.*, 1961; 1971). Известны и находки самих литейных форм. Переход к литью, требовавшему высокой степени профессионализма, был важной технологической предпосылкой развития ремесел. Особого подъема достиг южный, усатовский, очаг металлообработки, работавший на кавказском сырье, но, судя по типам ряда орудий, тесно связанный с эгейским миром (*Черных Е. Н.*, 1978а, с. 64). Предполагается также существование менее мощного северного, софиевского, очага металлообработки, использовавшего традиционное для Триполья балкано-карпатское сырье (*Черных Е. Н.*, 1970, с. 25—26). Несмотря на высказывавшиеся сомнения относительно существования в Среднем Поднепровье этого самостоятельного очага (*Круц В. А.*, 1977, с. 135), мнение Н. В. Рындиной и Е. Н. Черныха (*Рындина Н. В.*, 1971; *Черных Е. Н.*, 1978а) по данному вопросу кажется нам наиболее убедительным.

Другой сферой технологического прогресса, ведущего к обособлению ремесел, было гончарное дело. На поселении Жванец открыт гончарный центр, располагавшийся за его пределами и включавший по меньшей мере шесть двухъярусных гончарных горнов. Под обжигательной камеры этих горнов был снабжен отверстиями и опирался на столбы (*Мовша Т. Г.*, 1971в). Двухъярусная гончарная печь обнаружена и на поселении Костешты-Село. Под ее обжигательной камеры держался на глиняных конусах, радиально прикрепленных к стенкам (*Маркевич В. И.*, 1975, с. 44). Такая конструкция позволяла наиболее полно использовать термические возможности топочной камеры, не загроможденной опорными столбами. Т. Г. Мовша ставит вопрос о существовании в период позднего Триполья художественно-гончарных центров, где трудились мастера-профессионалы (*Мовша Т. Г.*, 1971в). На поселении Жванец открыта также производственная площадка с шестью рабочими местами для обработки зерна (*Мовша Т. Г.*, 1978), что, впрочем, отмечено и на некоторых раннетрипольских памятниках, а в Цвикловцах обнаружены рабочие места по обработке камня (*Мовша Т. Г.*, 1970а). Во всяком случае в сфере металлообработки и гончарном деле налицо технологический прогресс — важнейшая предпосылка выделения ремесел в отличную от земледелия сферу производственной деятельности. Но не вполне ясно, в какой мере этот процесс завершился отделением ремесла от земледелия уже в рамках трипольского общества, на чем настаивают некоторые наиболее оптимистически настроенные исследователи. Пока нет оснований считать, что перед нами нечто большее, чем общинное ремесло, т. е. мастера-профессионалы, работающие в рамках общины и поставляющие ее членам продукцию не посредством обмена, а именно в силу своей принадлежности к данной общине (*Массон В. М.*, 1976, с. 63—66).

Позднетрипольские поселения, становившиеся постепенно местом сосредоточения специализированных производств, ярко демонстрируют и другую характерную особенность — усиление фортификационной функции. Поселки все чаще располагаются в естественно укрепленных пунктах — на высоких мысах и возвышенностях — и дополнительно обводятся валами и рвами. На поселении Жванец-Щовб зафиксированы неоднократные перестройки валов и рвов, забрасывание старых и возведение новых, при этом один из валов был облицован каменными плитами (*Мовша Т. Г.*, 1974; 1975в). Несколькими валами и рвами, возможно, также неодновременными, было укреплено и поселение Костешты II. Как показали экспериментальные исследования, для устройства одного из рвов этого поселения (ширина 6 м, глубина 2,5—3,0 м) с помощью роговых мотыг, найденных здесь в изобилии, было необходимо около 200 человеко-дней, т. е. усилия значительной части взрослого населения поселка (*Коробкова Г. Ф.*, 1979). Наиболее высокая часть поселения Казаровичи была обведена двойным рвом, правда, называть ее детинцем, видимо, преждевременно (*Круц В. А.*, 1977, с. 111). Вероятно, этот укрепленный участок представлял собой убежище для всего населения при чрезвычайных обстоятельствах.

Внутренняя структура позднетрипольского поселения весьма полно изучена Т. С. Пассек в результате сплошных раскопок памятника Коломийщина I, сохраняющего в этом отношении эталонное значение (*Пассек Т. С.*, 1949а, с. 149—153). По внешнему кругу здесь располагалось 31 жилище и 8 жилищ находились в центре. Среди этих строений 6 относятся к числу малых (от 8 до 28 кв. м) домов с одной печью, 12 — к числу средних (от 43 до 98 кв. м) с двумя или четырьмя очагами и 10 — к числу больших домов (от 106 до 136 кв. м) в основном с четырьмя-пятью печами, хотя в одном доме было две

печи, а в трех домах — по три. Общий вывод исследователей о принадлежности больших домов крупным коллективам, скорее всего большесемейным, а малых — выделившимся парным или, лучше сказать, малым семьям, вполне убедителен (*Кричевский Е. Ю.*, 1940д; *Пассек Т. С.*, 1949а). Опираясь на эти работы, С. Н. Бибиков полагал, что число 30—40 домов для небольшого поселения является постоянной величиной и что исходя из расчета шесть-семь человек на семью в целом число его жителей составляло около 500 человек (*Бибиков С. Н.*, 1965, с. 52). Обычно демографы определяют число членов семьи в пять-шесть человек, что подтверждается и материалами древнего Шумера. В таком случае число жителей подобных поселений следует определять в 400—480 человек, но, разумеется, это лишь вероятная оценка, так как в реальной действительности численность населения существенно колебалась.

На поселении Брынзены-Цыганка, полностью раскопанном В. И. Маркевичем, на площади 1,5 га зафиксированы остатки 50 жилищ. На поселении среднего периода Хэбэшешти I на той же площади находилось 44 дома. Работами в Среднем Поднепровье установлено, что в начале позднего периода в небольших поселках (Чапаевка) на площади около 5 тыс. кв. м располагались по кругу 11 углубленных жилищ, каждое из которых имело свой очаг, и культовые объекты. Судя по размерам жилищ (10—12 кв. м.), здесь, видимо, обитала исходная хозяйственная и идеологическая ячейка общества — малая семья. Кроме того, на поселении Чапаевка обнаружено жилище удлиненной формы площадью почти 100 кв. м (*Круц В. А.*, 1977, с. 15—27). Наличие крупных многосемейных жилищ, как и наблюдаемая в некоторых случаях территориальная близость отдельных групп небольших домов, указывает на существование, помимо малой семьи, живущей в небольшом наземном или углубленном доме, и общины, занимающей поселок в целом, еще одной общественной ячейки. Скорее всего это была, как и в более ранние периоды Триполья, большесемейная община, но па этот раз, согласно данным могильников, уже бесспорно патриархальная.

Исследованные могильники содержат материалы, указывающие на наличие объединений типа большесемейных общин. Так, на могильнике поселения Чапаевка, где были погребены взрослые общинники, могилы располагались тремя рядами, насчитывающими до 14 захоронений каждый. Видимо, в таких рядах совершены захоронения членов одной ячейки, которой и была большесемейная община. Могильник небольшого рядового и, видимо, довольно бедного поселения был изучен Т. С. Пассек у с. Выхватинцы (*Пассек Т. С.*, 1961а). Недавно материалы его были повторно проанализированы В. А. Дергачевым (*Дергачев В. А.*, 1978), выделившим в одной из частей могильника три неодновременные группы могил, каждая из которых включала одно женское, одно-два мужских и одно-пять детских захоронений. Рассматривая эти группы как могильники малых семей, возможно, поочередно занимавших первенствующее положение в данном коллективе, В. А. Дергачев подчеркивает, что в каждой из них составом инвентаря выделяются мужские погребения. Так, одна мужская могила содержала 11 сосудов и статуэтку, другая — уникальный топор-молот, третья, помимо прочих находок,— медное шило — единственный металлический предмет во всем могильнике. На особое общественное положение мужчин, погребенных с наиболее «богатым» инвентарем, обращала внимание еще Т. С. Пассек (*Пассек Т. С.*, 1961а, с. 166). Состав инвентаря явно указывает на главенствующее положение мужчин в системе общественных отношений. Кроме того, отмечает В. А. Дергачев, наличие орудий, в том числе серпов, и оружия исключительно у мужчин в возрасте от 15 до 50 лет показывает, что они были основной производительной группой населения. Вместе с тем материалы Выхватинского могильника в целом свидетельствуют о слабой имущественной дифференциации общества, во всяком случае в той мере, в какой это явление нашло отражение в погребальных обрядах.

Последнее характерно и для некоторых могильников Среднего Поднепровья (*Круц В. А.*, 1977). Правда, позднее в этом районе в могильниках с трупосожжением софиевского типа, наличием медных изделий, в первую очередь орудий и оружия, выделяются погребения особого типа, которые рассматриваются как захоронения глав родов и племен (*Круц В. А.*, 1977, с. 121). Эта социальная группа, безусловно, существовала и на более ранних этапах, однако теперь она подчеркивает свое особое положение в обществе, возможно, не только социальное, но и имущественное, специфическим набором погребального инвентаря. Судя по так называемым кладам украшений, найденным в Цвикловцах и Кетрошике, накопление богатств все же имело место в весьма ограниченных масштабах.

Более наглядно особое положение племенной верхушки выступает по материалам Усатовского могильника, где эта социальная группа погребалась в курганах со сложными каменными конструкциями, с различного рода медными предметами, в том числе с оружием. Расположенный рядом грунтовой могильник, видимо, принадлежал рядовым общинникам (*Патокова Э. Ф.*, 1979). Таким образом, погребения знати выделяются по крайней мере по двум признакам: сложностью погребального сооружения, приобретающего черты монументализма, и специфическим («богатым») погребальным инвентарем. В одном из курганов на древнем горизонте рядом с основной могилой обнаружены два мужских безынвентарных захоронения, которые Е. Ф. Лагодовская считала могилами рабов (*Лагодовска О. Ф.*, 1943, с. 60). Во всяком случае вполне вероятно, что перед нами еще одна особенность захоронений лиц привилегированного положения на раннем этапе — человеческие жертвоприношения. Возможно, представители племенной аристократии воспроизведены в мужских статуэтках с перевязью через плечо.

Особый интерес представляет открытие крупных поселений трипольской культуры, существовавших в начале позднего периода. Первым обратил на них внимание К. В. Шишкин, тщательно проанализировавший материалы аэрофотосъемки и отметивший наличие на Уманщине огромных поселений, где жилища располагались несколькими концентрическими кругами (*Шишкин К. В.*, 1973). Таковы посе-

ления Майданецкое (270 га), Доброводы (250 га) и Тальянки (400 га). В Доброводах, помимо кольцевой планировки, наблюдается еще и квартальная застройка. Эти данные, первоначально вызвавшие недоумение, были полностью подтверждены при детальном изучении одного из таких суперцентров — Майданецкого поселения (*Шмаглий Н. М.*, *Дудкин В. П.*, *Зиньковский К. В.*, 1973; *Шмаглий Н. М.*, 1978; 1980). Результаты сплошной геофизической разведки и проведенных по данным этой разведки раскопок свидетельствуют о том, что оно занимало площадь 300 га и состояло из 1500 жилищ, располагавшихся четырьмя эллипсами. Число жителей таких поселков, по данным К. В. Шишкина, достигало 10—15 тыс., а по данным Н. М. Шмаглия,— даже 20—24 тыс. Эти памятники были объявлены протогородами энеолита Европы (*Шмаглий Н. М.*, *Дудкин В. П.*, *Зиньковский К. В.*, 1975, с. 108). Позднее Н. М. Шмаглий характеризовал Майданецкое поселение как «земледельческо-скотоводческую предстанцию восточноевропейского города, аграрного в основе» (*Шмаглий Н. М.*, 1978, с. 42).

Не приходится отрицать, что открытые памятники действительно представляют собой огромные поселения, но их внутренняя структура, как и микрохронология, все еще не вполне изучены. Так, не доказано одновременное существование всех «колец жилищ», а в последней работе Н. М. Шмаглий определяет время существования одного «жилого кольца» сроком жизни одного поколения (*Шмаглий Н. М.*, 1978, с. 42). Но в таком случае и предложенная им цифра числа жителей Майданецкого поселения должна быть сокращена по крайней мере вчетверо. Огромные размеры уманских центров не должны удивлять, если мы вспомним о сохранении ими традиционной кольцевой планировки со свободной застройкой и огромным пустым участком в центре. Коэффициент застройки, определяемый соотношением общей площади поселения к площади жилых домов, составляет в Майданецком 30, а на древневосточных теллях и среднеазиатских тепе — 1—1,5 (*Массон В. М.*, 1975, с. 14). С учетом этого коэффициента Майданецкое поселение соответствует древневосточному поселению площадью 10 га. Правда, и такое поселение по размерам приближается к древневосточному городу. Однако на огромных трипольских памятниках пока не установлены достоверно те качественно новые структурные изменения, которые отличают поселение городского типа от разросшегося села. Не известны здесь (во всяком случае пока) ни ремесленные кварталы, ни монументальные культовые комплексы. Возможно, трипольским обществом был сделан лишь первый шаг к становлению городских центров — произошла концентрация населения. Однако это не привело к сложению поселений нового типа, что, вероятно, было обусловлено экономической слабостью трипольского общества: огромной ролью скотоводства (*Коробкова Г. Ф.*, 1975а), относительно слабым развитием ремесла, архаическим орудийным комплексом. Огромные центры не получили дальнейшего развития и пришли в упадок еще до конца существования всего трипольского общества в целом.

Если рассматривать трипольское общество в политическом плане как своего рода конфедерацию племенных союзов, то в уманских гигантах можно было бы видеть руины общетрипольских столиц, последовательно сменявших друг друга. Но этот вопрос нуждается в дальнейшей разработке и прежде всего — в продолжении комплексных раскопок суперцентров с детальным изучением их производственной базы. Но как бы то ни было, их открытие показывает, что трипольское общество (о чем свидетельствуют и материалы последних лет) было отнюдь не примитивным, хотя, подобно многим раннеземледельческим обществам Европы, остановилось перед городской цивилизацией как перед рубежом.

Керамика и пластика периода позднего Триполья. Петрены

Позднетрипольские расписные сосуды. Старые Бадражи

Глава шестая
Идеологические представления и памятники искусства трипольских племен

Среди северопричерноморских комплексов энеолитического времени памятники культуры Триполье-Кукутени дают наиболее полные наборы изделий, позволяющие рассматривать сложные вопросы, связанные с идеологическими представлениями древних племен. Этой проблеме посвящено значительное число работ как русских, так и зарубежных исследователей. Большинство авторов ограничивалось публикацией отдельных категорий инвентаря, отражающих идеологические представления трипольско-кукутенских племен, что в лучшем случае сопровождалось попытками их классификации (*Хвойко В. В.*, 1901; *Hadaczek K.*, 1914; *Makarenko N.*, 1927; *Cehak H.*, 1933; *Himner M.*, 1933; *Majewski K.*, 1938; 1948; *Маевский К.*, 1959; *Пассек Т. С.*, 1949а; 1961а; *Макаревич М. Л.*, 1954; *Мовша Т. Г.*, 1953; 1969; 1973; 1975б; *Berlescu N.*, 1964; *Кусургашева А. П.*, 1970; *Попова Т. А.*, 1970). Вместе с тем предпринимались попытки реконструировать сами идеологические представления, в той или иной мере нашедшие отражение в объектах материальной культуры (*Пассек Т. С.*, 1947; *Селинов В. И.*, *Лагодовская Е. Ф.*, 1940; *Патокова Э. Ф.*, 1957; *Макаревич М. Л.*, 1960; *Гембарович М. Т.*, 1956; *Даниленко В. Н.*, 1974; *Збенович В. Г.*, 1974; *Dumitrescu V.*, 1968b; 1974a; *Niţu A.*, 1967; *Marinescu-Bîlcu S.*, 1974a; 1974b). Неоднократно предметом специальных исследований становилась трипольская пластика, привлекшая внимание ученых еще в начале XX в. (*Скрыленко А. А.*, 1905). Пытаясь дать обобщенную картину идеологии и религиозных верований трипольских племен, С. Н. Бибиков интерпретировал их пластику с привлечением широких археологических и этнографических параллелей в материалах Балкан, Эгеи и Ближнего Востока (*Бибиков С. Н.*, 1953). В 70-е годы специалисты разрабатывали типологию трипольской антропоморфной скульптуры, изучали сложный процесс ее эволюции с учетом локальной специфики, анализировали семантику (*Погожева А. П.*, 1971; *Мовша Т. Г.*, 1975б). Используя в качестве исходного материала орнаментированную керамику и пластику Триполья, Б. А. Рыбаков поставил вопрос об изучении мифологии энеолитических земледельцев Северного Причерноморья (*Рыбаков Б. А.*, 1965; 1976; 1981).

Для рассматриваемой темы первостепенное значение имеют объекты материальной культуры, связанные с древними культами и обрядами, предназначенные для отправления ритуалов сооружения, материалы погребений в той мере, в какой они отражают определенные каноны и идеологию, а также результаты семантического анализа форм и орнаментации керамических изделий.

К числу первых относятся амулеты из глины, кости и металла, достаточно широко распространенные на трипольских памятниках разных периодов. Способ ношения амулетов, прикрепленных к ремешку или тесьме, документируется глиняными статуэтками (табл. LVIII, *34*, рис. 12, *10*). Прежде всего это группа подвесок из зубов оленя, клыков кабана, волка или собаки, традиция ношения которых восходит к доземледельческой эпохе. Ожерелья из зубов и клыков этих животных, особо почитавшихся в древности, известны, например, в составе наборов украшений, обнаруженных на поселениях Хэбэшешти I, Цвикловцы и Карбуна (табл. LXII, *27*, *60*). Скорее всего они служили оберегами.

Наиболее интересны антропоморфные подвески-амулеты, самые древние из которых представлены в коллекции поселения Флорешты II. Они изготовлены из глины и кости, причем среди костяных имеются как заготовки, так и законченные изделия (табл. LVIII, *17*, *18*). Голова, плечи и бедра условно переданы небольшими выступами почти равной величины. Предельным лаконизмом отличается и костяной амулет с раннетрипольского поселения Сабатиновка II, в котором очертания человеческого тела едва улавливаются (табл. LVIII, *8*). В поздний период распространяются крупные костяные статуэтки-амулеты с отверстием для подвешивания, с круглой головкой, отделенной от удлиненной нижней части небольшими выступами или неглубокими вырезами, как правило, орнаментированные. Они напоминают рукояти медных кинжалов, составленные из костяных пластинок антропоморфных очертаний. Кинжал с такой рукоятью найден, в частности, в погребении 82 кургана 9 могильника Нерушай (табл. LXXXIX, *5*). Подобный амулет с поселения Бильче Золотое-Вертеба украшен резным орнаментом, а на статуэтке-амулете из Выхватинского могильника маленькими круглыми ямками переданы ожерелье и, видимо, пояс (*Hadaczek K.*, 1914, табл. V, 27*а*; *Пассек Т. С.*, 1961а, рис. 44, *2*).

В повседневной жизни чаще использовались простые глиняные амулеты — круглые, овальные, треугольные, ромбовидные, звездчатые и скрипкообразные пластины с одним, двумя (на месте глаз) или несколькими отверстиями. Крупная коллекция глиняных амулетов происходит с поселения Хэбэшешти I (табл. LVIII, *4–6*, *10–12*). Она включает диски с гладкой поверхностью, с ямками вдоль края, с отверстиями и без них, с выпуклостью в центре. Отдельные из них имитируют металлические амулеты (табл. LVIII, *38*, *39*).

Последние крайне немногочисленны и столь же условно передают очертания человеческой фигуры. Нижняя часть тела изображается в виде ромба или овала, что, возможно, символизирует плодоносящую силу женского божества. Верхняя часть таких амулетов сплющена или, напротив, сильно вытянута,

а иногда декорирована рядом выступов. Серия медных амулетов (29 экз.) известна в Карбунском кладе (*Сергеев Г. П.*, 1963), дисковидный медный амулет диаметром около 10 см — в составе набора украшений, найденного в Хэбэшешти I (*Dumitrescu V.*, *Dumitrescu H.*, *Petrescu-Dîmbovița M.*, *Gostar N.*, 1954). Один из медных карбунских амулетов выполнен в виде овальной, несколько выпуклой пластины с рядом шишечек вдоль края, оттиснутых с оборотной стороны, и двумя отверстиями для крепления (табл. LVIII, *33*). На другом — дисковидном амулете из Карбуны крохотная головка обозначена двумя неглубокими вырезами, глаза-отверстия пробиты на самом краю пластины, а в центре сделано отверстие побольше (табл. LVIII, *32*). Узор из двойных углов, сходящихся у центрального отверстия, образован небольшими ямками и, видимо, символизирует женское начало. Аналогичные женские символы имеются и на глиняных амулетах (табл. LVIII, *30*). Соединенные вершинами треугольники встречаются и на расписных трипольских сосудах (табл. LXVII, *8*). Следует отметить также золотой амулет с поселения Траян-Дялул Фынтынилор III. Это круг с большим отверстием в центре, увенчанный расширяющейся кверху головкой с двумя глазами-отверстиями (табл. LVIII, *7*). Подобные ему амулеты известны на северобалканских энеолитических поселениях (*Dumitrescu H.*, 1961).

Сходство узоров, украшающих дисковидные металлические и глиняные амулеты, а также глиняные статуэтки, свидетельствует, очевидно, о смысловом единстве, лежащем в их основе. Так, в нижней части живота статуэток обычно размещен ромб, зачастую разделенный штриховкой на четыре малых ромба (рис. 10, *10*, *14*). Вероятно, соединенные вершинами ромбы изображены на металлическом амулете из Карбуны (табл. LVIII, *32*), глиняном амулете из Трудешти-Гигоешти (табл. LVIII, *30*) и пинтадере из Фрумушики I (табл. LVIII, *31*), но малые размеры этих предметов, очевидно, вынудили мастеров оборвать рисунок по краям, сохранив его центральную часть, несущую основную смысловую нагрузку. Таким образом, ромбовидные фигуры, выпуклости в центре дисковидных глиняных амулетов и налепы на животе статуэток — явления одного порядка. Они символизируют идею женского плодородия (*Рыбаков Б. А.*, 1965; 1981).

Особую группу составляют амулеты, связанные с культом солнечного быка. Примером может служить амулет с поселения Бильче Золотое-Вертеба (табл. LXXIV, *15*), вырезанный из прямоугольной костяной пластины и имитирующий голову быка с мощными рогами. Небольшие отверстия по углам обозначают глаза и ноздри, широкий лоб и рога подчеркивает линия, образованная мелкими ямками. Такими же ямками обозначены контуры женской фигуры, занимающей почти всю поверхность пластины. Ее голова помещена в центре бычьего лба, приподнятые руки почти касаются глаз быка, а два треугольника, вписанных один в другой (тело), упираются в нижний край пластины. Подобные трактовки женских фигур отмечены на расписных сосудах Верхнего Днестра (табл. LXXIV, *13*). Костяной амулет из Бильче Золотого облегчает понимание рисунков, имеющихся на груди отдельных трипольских статуэток. Так, на ручке ковша с поселения Фрумушика I, выполненной в виде женской фигурки, видны два изображения «рогатых» амулетов с отверстиями в центре — большого составного на груди и поменьше на шее (табл. LXIV, *10*). В обоих случаях женская фигура помещена между бычьими рогами. Такой же составной амулет нарисован на статуэтке, происходящей с поселения Дрэгушени (табл. LXIV, *9*). Соединение образов женского божества и быка нашло воплощение и в глиняном «рогатом» амулете с несколькими налепными грудями (табл. LXIV, *8*), найденном на позднетрипольском поселении Кошиловцы-Обоз (*Захарук Ю. Н.*, 1960).

Разнообразные по форме и орнаментации амулеты, безусловно, имели разное назначение. Глиняные детские погремушки-обереги предназначались, очевидно, для защиты от болезней, порчи и всяческого зла. Большинство их имело яйцевидную форму и было заполнено мелкими глиняными шариками, издававшими звук при встряхивании (*Бибиков С. Н.*, 1953, табл. 73, *в*). Отдельные экземпляры выполнялись в виде полых фигурок человека или птицы, также заполненных глиняными шариками и снабженных отверстиями для подвешивания (*Пассек Т. С.*, 1961а, рис. 45, *5*). Статуарные погремушки расписывались краской; их головки имели множество отверстий.

Большой интерес с точки зрения реконструкции идеологических воззрений и обрядовых действий трипольско-кукутенских племен представляет пластика. Она весьма многообразна: это антропоморфные и зооморфные статуэтки, модели жилищ и утвари, чаши со скульптурными поддонами, сосуды с пластическими элементами, алтари и т. д.

Среди антропоморфных статуэток численно преобладают женские, в то время как мужские довольно редки. Женские статуэтки претерпевают изменения во времени, варьируют территориально, отражая черты локальной специфики трипольско-кукутенского населения, однако их семантика остается практически неизменной — сам скульптурный тип подчеркивает именно женское начало (*Погожева А. П.*, 1971; *Мовша Т. Г.*, 1969; 1975б). В раннюю пору изображаются преимущественно сидящие, даже полулежащие, зрелые женщины с неестественно увеличенными бедрами, причем акцентируется моделировка нижней части фигуры, тогда как торс и голова трактуются весьма условно. Из знаков, встречающихся на женских фигурах, особенно примечателен упоминавшийся выше ромб с точками, символизирующий прежде всего идею женского плодородия, но одновременно являющийся и символом засеянного поля (*Рыбаков Б. А.*, 1965; 1981). Чаще всего он помещен в нижней части живота, реже — на чреслах и спине. На отдельных фигурках этот знак многократно повторен, что, видимо, должно было усиливать его действие (*Маркевич В. И.*, 1970а, с. 64). Среди других знаков, имеющихся на статуэтках, отметим солярные круги и лучистые звезды, связанные с космической символикой (*Бибиков С. Н.*, 1953, с. 253). В спиралевидном орнаменте, украшающем женские статуэтки, в ряде случаев отчетливо прослеживаются изображения змей. Б. А. Рыбаков, специально рассматривавший вопрос о роли и зна-

чении этого образа в трипольском искусстве, справедливо подчеркивал его положительное значение, считая, что змею помещали на женских фигурках как символ охраны плода (*Рыбаков Б. А.*, 1965, с. 35, 36). Как на раннетрипольских памятниках, например в Луке-Врублевецкой, так и в позднетрипольских комплексах типа Кошиловцы-Обоз имеются статуэтки с изображением колоса или какого-то иного растения, произрастающего из нижней части живота (табл. LVI, *10*; LXXX, *7*). Таким образом, перед нами налицо стремление древних коропластов подчеркнуть именно материнское, плодоносящее начало женского персонажа, связанного с космическими символами и оберегаемого змеями-охранительницами. Варианты женских терракот с акцентированными признаками беременности или поддерживающими груди руками («поза Венеры») только подтверждают эту основную направленность. При всех различиях в трактовке отдельных деталей женские статуэтки отражают канонизированный, многокомпонентный образ. Приемы их лепки стабильны и в определенный хронологический период выдерживаются с поразительной последовательностью.

Еще один аспект получения возможной информации о семантике трипольских терракот связан с технологией их изготовления. На наш взгляд, объяснение приема лепки статуэток из двух половинок слиянием двух начал (*Кусургашева А. П.*, 1970) несколько проблематично, поскольку сами они все же воссоздают женский образ. Зато другая технологическая особенность — замешивание теста фигурок на муке и преднамеренное помещение в полость некоторых из них зерен злаковых растений — вполне объяснима. Она указывает на прямую связь воспроизводимого в терракоте персонажа с идеей плодородия полей, с повседневными запросами и нуждами землепашцев. Так, в Луке-Врублевецкой найдено девять фигурок с отпечатками зерен (*Бибиков С. Н.*, 1953, с. 256), а в Новых Русештах I обнаружены женские фигурки, в брюшную полость которых были положены глиняные желваки, символизирующие «зерно жизни» (*Кусургашева А. П.*, 1970, с. 74; *Маркевич В. И.*, 1970а, с. 64).

С точки зрения семантики антропоморфных статуэток, интересны и условия их находки. Большинство статуэток происходит из культурного слоя поселений, однако зафиксированы и особые случаи их обнаружения. В частности, в одном из жилищ поселения Сабатиновка II найдена женская статуэтка, упавшая с черепа быка, куда она была поставлена в древности (*Даниленко В. М.*, *Макаревич М. Л.*, 1956б). В постройке 3 на том же поселении пять женских фигурок располагались близ пяти зернотерок, а 16 — на специальном возвышении, очевидно, алтаре (*Макаревич М. Л.*, 1960). Эти факты свидетельствуют об использовании женских статуэток при совершении сложных магических обрядов в полном соответствии с их семантической нагрузкой. В этом плане большой интерес представляет находка женских статуэток в одном из центральных жилищ поселения Гелэешти, относящегося к концу среднего периода культуры Триполье-Кукутени (*Cucoş Ş.*, 1973б). Четыре глиняных статуэтки находились в большом расписном антропоморфном сосуде, вкопанном в пол в юго-восточном углу помещения и окруженном шестью расписными сосудами, установленными рядом с ним на полу. Центральный сосуд в верхней части украшен тремя белыми спиралями с черным контуром, выполненными по красному фону с тонкими черными штрихами. Нижняя часть сосуда выкрашена яркой красной краской. На шейке помещены два знака в виде рогов барана. Ручки имитируют соски женской груди. Статуэтки стояли на дне сосуда, опираясь на стенки. Две из них были расписаны и установлены одна против другой, как и две другие неорнаментированные фигурки. Все статуэтки имеют разную высоту. По-разному моделированы и животы: почти плоский и слегка выпуклый у фигурок, лишенных орнамента, и нескольких увеличенный и сильно выдающийся вперед — у расписных. У статуэтки с плоским животом и без орнамента специально отломана головка. Роспись одной из фигурок выполнена по белой облицовке коричневато-красными широкими полосами, нанесенными горизонтально по бедрам и коленям; головка и концы соединенных в столбик ног окрашены черной краской. Вторая статуэтка расписана по естественной поверхности обожженной глины. Черные полосы, более тонкие и часто расположенные, проведены от пояса на бедра; концы соединенных ног и головка окрашены в черный цвет. На обеих фигурках внизу живота оставлен незакрашенный треугольник, направленный вершиной вверх. Узоры на груди и спине этих фигурок почти совпадают.

Орнамент из параллельно расположенных полос известен уже в раннем Триполье. Возможно, он символизирует растение, произрастающее из тела существа, изображаемого статуэткой. Совпадение подобных орнаментов на статуэтках, происходящих с отдаленных территорий, свидетельствует о копировании разными мастерами какого-то единого известного им образца, на что уже обращала внимание Т. Г. Мовша (*Мовша Т. Г.*, 1973, с. 19). Окраска статуэток, преднамеренная их обмазка или покрытие слоем земли могут быть связаны с определенными магическими обрядами ранних земледельцев. Для более позднего времени, в частности в античных городах и сельских поселениях Северного Причерноморья, зафиксированы находки обмазанных или помещенных в комок земли статуэток, которые, как предполагают исследователи, должны были символизировать захоронение зерна в земле или сошествие богини плодородия в подземное царство (*Русяева А. С.*, 1971; *Кругликова И. Т.*, 1966).

На особое значение образа, воплощенного в женских статуэтках, указывает и обычай помещения их в могилы. В Выхватинском могильнике (табл. LXXXIX, *8*) женские фигурки обнаружены преимущественно в детских захоронениях, но встречались и в отдельных богатых погребениях взрослых мужчин (*Пассек Т. С.*, 1961а, с. 171). В усатовских грунтовых и курганных погребениях их находили (по одной-две) в заполнении могильных ям, поверх каменных закладок могил, среди камней кромлеха, в культовых ямах (*Селинов В. И.*, *Лагодовская Е. Ф.*, 1940; *Патокова Э. Ф.*, 1957; 1979).

Мужские трипольские статуэтки единичны, что, впрочем, характерно и для большинства памятников других раннеземледельческих культур. На ранних

этапах Триполья фигурки мужчин с гипертрофированными признаками пола скорее всего связаны с магией плодородия, как и женские скульптуры (*Бибиков С. Н.*, 1953). Отдельные образцы сидящих мужских фигурок иконографически восходят к известным балканским статуэткам типа «мыслитель». Имеются также фигурки мужчин с изображением широкого пояса или перевязки через плечо, предназначенной, судя по аналогиям, для подвешивания кинжала (табл. LVI, *9*). Так, среди северобалканских статуэток представлен редчайший экземпляр, на котором кинжал в ножнах изображен висящим на груди на перевязи через плечо. Эта статуэтка принадлежит культуре Чернавода III, синхронной позднему Триполью (*Berciu D.*, 1960, p. 81, fig. 16, 1). Трипольские мужские статуэтки с изображением перевязи Т. Г. Мовша связывает с обрядом посвящения юношей в воины (*Мовша Т. Г.*, 1973, рис. 12), однако следует заметить, что порой перевязь имеют и женские статуэтки. Крайне редки мужские статуэтки, воспроизводящие воинов-предводителей. Несомненно, часть из них отражает развитие культа почитаемых предков, в числе которых могли бы быть и удачливые военные вожди. На поздних этапах энеолита фигурки мужчин-воинов появляются также в Средней Азии (*Массон В. М.*, *Сарианиди В. И.*, 1973).

Трипольская зооморфная пластика достаточно разнообразна, хотя по численности значительно уступает антропоморфной. Преобладают изображения различных домашних животных, прежде всего быка с мощными рогами, а также коровы с полным выменем, барана, козла, свиньи и собаки. Лепные головки этих животных нередко украшают сосуды, предназначенные для приготовления пищи. Показательно обнаружение фигурок рогатых животных на дне очага на поселении Незвиско III (*Черныш Е. К.*, 1962). Очевидно, они были брошены в огонь преднамеренно, в ритуальных целях. На поселении Болбочь найдена статуэтка барана с двумя крохотными кусочками меди во лбу (*Маркевич В. И.*, 1981, с. 158). Не исключено, что она тоже использовалась при совершении обрядов.

Ряд фактов указывают на особую роль быка и собаки в идеологических представлениях и обрядовых действиях трипольско-кукутенских племен. Выше уже упоминалось соединение образов быка и женского божества в орнаментике статуэток и расписных сосудов, на «рогатых» глиняных амулетах и фигурных ручках черпаков. Отмечались и случаи совместных находок черепа быка с антропоморфными статуэтками. Кроме того, черепа быков с уцелевшими рогами неоднократно зафиксированы в жилищах трипольцев, в частности в Сабатиновке II и Луке-Врублевецкой. В последнем случае череп быка был зарыт перед очагом и перекрыт каменной плитой (*Бибиков С. Н.*, 1953). В одном из усатовских курганов (курган 9 могильника I) в восточном проходе кромлеха обнаружена высеченная из известняка голова быка, обращенная лобной частью на восток (*Патокова Э. Ф.*, 1979, с. 60), что, видимо, можно рассматривать как проявление культа солнечного божества. О глубоком проникновении этого культа в жизнь земледельческих общин свидетельствует обилие и разнообразие символов солнце-быка, включенных в орнаментальные композиции керамических изделий (табл. LXVII, *2*; LXXXII, *2–7*; XCII, *2*, *6*, *12*).

На собаку как символ апотропея указывал еще Б. Л. Богаевский. Предпочтение, которое трипольцы отдавали изображениям собак, исследователь объяснял тем, что собаки постоянно сопутствовали ранним земледельцам, охраняя их посевы и стада от диких животных (*Богаевский Б. Л.*, 1937). Стремление трипольцев использовать собак в культовых действиях, предохранявших от зла, достаточно четко прослеживается на разных материалах: это и обряд захоронения собак на площади поселений и могильников, и практика изготовления из их клыков амулетов-оберегов, и включение в росписи их изображений в роли «небесных псов», (табл. LXXXI), стерегущих урожай и стада (*Рыбаков Б. А.*, 1965; 1981).

В числе животных, почитавшихся трипольцами, следует также упомянуть медведя и оленя. Медведь, возможно, был жертвенным животным. Кости медведя содержат остеологические коллекции многих поселений, в том числе Луки-Врублевецкой, Ленковцев, Чапаевки, Подгорцев. Б. А. Рыбаков обратил внимание на сосуды, изображающие медведя, связав воплощенный в них образ с одной из ипостасей женского божества (*Рыбаков Б. А.*, 1965). Олень и лось были промысловыми животными. Их мясо употреблялось в пищу, рога шли на изготовление земледельческих орудий, а зубы — на амулеты-подвески. На раннетрипольском поселении Ленковцы в центре жилища близ очага и в хозяйственных ямах рога оленя найдены в комплексе с зернотерками, створками раковин речных моллюсков и рогами быка (*Черныш К. К.*, 1959, с. 24–27, рис. 16–18), что не исключает возможности их почитания как предмета, связанного с обработкой земли, или обращения к ним молитвы об умножении промыслового стада.

Трипольская зооморфная и антропоморфная пластика делится на фигурки многоразового употребления и фигурки, предназначенные для одноактного пользования. Первые — довольно крупные, тщательно вылепленные и пышно орнаментированные, вторые сделаны наспех, как правило, грубые, но в целом повторяют исходный канон. На существование фигурок одноактного пользования впервые обратил внимание С. Н. Бибиков при раскопках поселения Лука-Врублевецкая, где они в большинстве случаев встречались во фрагментах, будучи преднамеренно сломаны. Это позволило исследователю сделать вывод о существовании у трипольцев обряда, связанного с представлениями об умирающей и воскресающей природе (*Бибиков С. Н.*, 1953, с. 263).

Культовые обряды и церемонии, при которых использовались статуэтки, совершались, видимо, как в обычных жилищах, так и в специально отведенных для этих целей местах (*Макаревич М. Л.*, 1960). Так, почти в каждом жилище Луки-Врублевецкой обнаружена хотя бы одна фигурка многоразового пользования — святыня коллектива, населявшего дом (*Бибиков С. Н.*, 1953). Известна такая фигурка и в обычной жилой землянке поселения Новые Русешты I (*Маркевич В. И.*, 1970а, с. 64). Вместе

с тем на ряде поселений выделяются жилища-святилища, а на памятниках позднего периода, в частности в Усатово, и сооружения, специально предназначенные для отправления культа. Жилища-святилища, как правило, по размерам и конструкции не отличаются от жилых строений, но содержат большое число культовых предметов. Таково жилище-святилище 5 на поселении Лука-Врублевецкая, где выявлены ритуальное погребение младенца и захоронение части черепа быка (перед очагом под каменной плитой), а также найдены сосуд в виде птицы, глиняные женские статуэтки, фигурки свиньи, козы, быка и собаки, фрагмент модели жилища и глиняная погремушка (*Бибиков С. Н.*, 1953). Жилище-святилище 3 на поселении Сабатиновка II представляло собой дом площадью около 70 кв. м, куда вел коридор, завершенный вымосткой из камней у входа (*Макаревич М. Л.*, 1954, с. 90—94; 1960, с. 291, рис. 1). В предвходовой части помещения находок и подсобных сооружений не оказалось. В удаленной от входа части находилась глиняная печь с круглым основанием, возле которой найдены сосуды, пять зернотерок и пять женских статуэток. В одном из сосудов обнаружены кости быка. Вдоль торцевой стены, противоположной входу, располагались прямоугольный глинобитный алтарь (6×2,75×0,40 м) и массивное глиняное сиденье — «рогатый трон». На алтарь были помещены 16 женских сидячих статуэток и миниатюрные модели сидений (креслиц) с «рогатыми» спинками, окрашенные красной и белой красками.

Сабатиновский набор ритуальных предметов восходит к весьма раннему времени и имеет общие корни с рядом раннеземледельческих культур Юго-Восточной Европы. В этом отношении интересен набор из 26 глиняных предметов, происходящий из горизонта IX поселения Овчарово в Болгарии (*Тодорова Х.*, 1976; 1979). Набор, воспроизводящий культовую сцену, включает три небольших плоских алтарика, с каждым из которых связаны миниатюрные модели стола и сосуда, восемь сидений с короткими ножками, три цилиндрических предмета — скорее всего имитирующих подушки, лежавшие у спинок трех наиболее крупных сидений, а также две крохотные мисочки и четыре женские стоячие статуэтки одинаковых размеров. Головки фигурок выполнены в виде столбика, нос передан защипом, ножки слиты, коротенькие ручки полусогнуты в локтях и приподняты. Поза молящихся передана настолько выразительно, что не оставляет сомнений в правильности предположений Х. Тодоровой о том, что перед нами адоранты, стоявшие перед алтарями и олицетворявшие собой реальные лица, выполнявшие в общине жреческие функции. При этом три из них совершали обряд, а четвертая руководила священнодействием. Х. Тодорова полагает, что фигурки жриц и миниатюрные вотивные предметы первоначально находились в модели жилища, воспроизводя реальный реквизит древнего храма. Очевидно, женские фигурки, установленные перед моделями общинных алтарей, должны были напоминать богам о просьбах земных жителей.

Глиняные модели креслиц связаны с культом плодородия. С удивительным мастерством трипольцы, акцентируя одну из деталей — массивное круглое сиденье, умели передать суть идеи, лежавшей в их основе. Но особенно наглядно плодоносящее материнское начало выражено в образцах с явными антропоморфными чертами. Великолепный экземпляр такого креслица найден у с. Воротец Оргеевского р-на Молдавской ССР (рис. 12, *12*). Это круглое уплощенное кресло с невысоким бортиком и высокой плоской спинкой с двумя выступами-рожками, напоминающими антропоморфные ручки ритуальных ковшей для возлияний. Головка выполнена в виде плоского ромба с отверстиями по углам и в центре, шейка переходит в туловище, снабженное отверстиями. В этом изделии мы наблюдаем все приемы мастеров раннего Триполья, исполнявших в глине, кости и металле амулеты, символизирующие женское начало. Креслице с раннетрипольского поселения Александровка (Одесская обл.) в профиль напоминает сидячие женские статуэтки раннего периода (табл. LXV, *19*). Выступы ручки этого образца украшает легкий прочерченный узор. В орнаменте одного из антропоморфных креслиц, происходящих из Хэбэшешти I, использован мотив ромба (*Dumitrescu V.*, *Dumitrescu H.*, *Petrescu-Dîmbovița* M., *Gostar N.*, 1954, p. 404, pl. CXXI, *1*). Мужское начало, символом которого в трипольском искусстве является бык, нашло воплощение в так называемых «рогатых тронах», в том числе со спинкой в виде двух длинных, несколько изогнутых рогов (табл. LXV, *13*, *20*, *23*).

В поздний период вотивные креслица выполнялись без ножек в виде массивного сиденья со спинкой-статуэткой, украшенного оттисками перевитой веревочки по сырой глине. Примером может служить образец с поднестровского поселения у с. Звенячин (*Захарук Ю. М.*, 1971б, с. 186). В процессе все возрастающей схематизации креслица-статуэтки превратились в кубики (табл. LII), причем массовое их использование отмечено в Причерноморье на позднетрипольских памятниках усатовского типа (*Патокова Э. Ф.*, 1979). Этому типу креслиц-статуэток соответствуют, видимо, антропоморфные фигурки усатовского типа с плоской головкой на длинной шее и основанием, по форме и орнаменту близким кубу (табл. LII; рис. 12, *13*). Их орнамент включает изображение солнца с лучами, косые кресты и знаки в виде рогов быка. На некоторых кубиках, как и на основаниях статуэток усатовского типа, прочерченными линиями изображены концы длинного пояса и оторачивающая подол одежды бахрома. Отмечая сочетание женских фигур со знаками в виде рогов быка в позднетрипольской росписи, В. И. Маркевич полагает, что подобные сюжеты отражали веру трипольцев в оплодотворяющую силу солнце-быка, льющуюся с неба на землю (*Маркевич В. И.*, 1981). Очевидно, тот же смысл заключен в знаках на женских фигурках усатовского типа и кубиках.

Один из лучших образцов парных культовых креслиц происходит с раннетрипольского поселения Тырпешти III (табл. LXV, *22*). В большее креслице с массивным сиденьем, ограниченным спереди и по бокам небольшим валиком, переходящим в спинку с двумя выступами-рожками, вместо статуэтки, для ног которой предназначена ступенька, помещено «рогатое креслице» меньших размеров. Последнее, как и статуэтки, моделировано из двух слоев гли-

ны и, подобно им, имеет выступы на спинке, возможно, имитирующие плечи. Очевидно, обряд предусматривал использование как «рогатого креслица», так и статуэтки. Заметим, что в трипольских жилищах найдены обломки настоящих «рогатых кресел». Кроме того, известно, что вылепленные из глины рога, подобные «рожкам» малого креслица, трипольцы прикрепляли к печам. Парные культовые креслица обнаружены и при раскопках раннетрипольского поселения Путинешты (*Маркевич В. И.*, 1973а, с. 63). Спинка большего из них моделирована в виде двух орнаментированных рогов, вырастающих из сиденья, спинка меньшего завершена расходящимися в стороны скругленными выступами и сужается посередине, подобно талии статуэтки. Помимо них, в Путинештах найдены статуэтки, которые могли сидеть в креслицах.

Весьма разнообразны и формы трипольских алтарей. Наиболее упрощенный вариант алтарного сооружения — прямоугольное глинобитное возвышение — представлен в упоминавшемся жилище-святилище поселения Сабатиновка II. Во Владимировке открыты алтари крестообразной формы (*Пассек Т. С.*, 1949а). Более других интересны глиняные антропоморфные алтари, обнаруженные в домах центральной, очевидно, самой древней части поселения Трушешти I на правобережье Прута (*Petrescu-Dîmbovița M.*, 1963). На этом поселении, насчитывавшем около сотни жилищ, крупные алтари зафиксированы лишь в нескольких домах, что свидетельствует о важной роли их обитателей в жизни поселка. Один из алтарей (*Dumitrescu V.*, 1974а) выполнен в виде уплощенной схематизированной женской фигуры высотой 0,6 м с подчеркнуто пышными бедрами и расставленными ногами, в нижней части орнаментированной широкими каннелюрами, а в верхней — желобком, подобно статуэткам начала среднего периода культуры Триполье-Кукутени (табл. LXV, *25*). Два других алтаря массивнее. Алтарь из жилища 38 (высота 0,8 м, размеры основания 0,8×0,8 м) представляет собой плиту (*Petrescu-Dîmbovița M.*, 1963), напоминающую человекоподобное существо с птичьей головой и воздетыми к небу руками (табл. LXV, *27*). Уникален алтарь, обнаруженный в центре жилища 24 (табл. LXV, *1*). Две одинаково моделированные крупные антропоморфные фигуры восседают на «рогатых креслах». Их бока и «рога», венчающие спинки кресел, соединены валиками. Плоское туловище обеих фигур с широкими плечевыми выступами завершено головой в виде чаши для возлияний с носом-защипом на стенке. У меньшей по размерам фигуры чаша расположена на высоте 0,9 м от земли, у большей — на высоте 1 м. На шее одной из них изображен висящий на широкой тесьме амулет удлиненной формы, на шее другой — ромбический амулет. Признаки пола отсутствуют. Обе скульптуры разрушены в области живота. В нижней части алтаря сохранились рельефные изображения спинок нескольких кресел, аналогичных моделям культовых креслиц, происходящим с поселений Липканы (табл. LXV, *14*) и Кошиловцы-Обоз (табл. LXV, *12*). Центральная часть рельефа разрушена. Здесь, видимо, был изображен трон, подобный модели, найденной на поселении Тырпешти III (табл. LXV, *11*). Судя по аналогии с липканской моделью, рельеф в нижней части алтаря имитировал фигуры двух богинь, сидящих на тронах.

Кроме того, в Трушешти I представлены глиняные антропоморфные алтари с мелкой или глубокой чашей вместо головы или с головой-цилиндром (*Nițu A.*, 1967). Все они сломаны в области бедер; высота их достигает 35—45 см (табл. LXV, *2—4*). Это, безусловно, женские фигуры, поскольку на их полом колоннообразном туловище слегка выделены живот, чресла, а в одном случае и груди.

Ритуальные возлияния совершались с помощью глиняных ковшей, которым придавались антропоморфные очертания. Любопытно, что при изготовлении таких ковшей трипольские мастера следовали той же схеме, что и при формовке антропоморфных моделей креслиц. Сиденью в данном случае соответствовала чаша ковша, а спинке — ручка, увенчанная схематично вылепленными головками человека (табл. LXV, *37*), птицы (табл. LXV, *32*) или рогами быка (табл. LXIV, *3*). Чаще ручки ковшей завершались лепными женскими головками или женскими фигурками (табл. LXV, *33*). Такова, например, ручка ковша с раннетрипольского поселения Карбуна, крепившаяся к краю емкости (табл. LIII, *7*). Головка в виде ромба с отверстиями по углам и небольшими выступами-ушами переходит в длинную шею, украшенную поперечными полосами (видимо, ожерелье). В центре ручки сделано большое овальное отверстие, а у основания — два небольших отверстия и выступа. Последние аналогичны деталям на антропоморфной спинке культового креслица из с. Воротец (рис. 12, *12*). Лучшим образцом рассматриваемых изделий следует считать уже упоминавшуюся фигурную ручку ковша со среднетрипольского поселения Фрумушика I, на которой росписью переданы волосы, глаза, рот, ритуальная окраска лица и «рогатые амулеты». На животе этой ручки-статуэтки нанесен ромбовидный знак (табл. LXIV, *10*). Трипольские мастера не соблюдали определенных пропорций между емкостью чаши и размерами ручки ковша, в результате чего, возможно, в средний период для возлияний использовались уже не ковши, а глиняные ложки разной формы и величины (табл. LXVI, *15*, *60*). Как и ковши, ложки украшали спиралевидным узором в сочетании с символами женского и мужского божества плодородия.

Для совершаемых в честь богов возлияний, помимо ковшей и ложек, требовались также сосуды, из которых бралась жертвенная влага, и сосуды, в которые она выливалась, если сам алтарь не был приспособлен для этого. В наборе культовых вотивных предметов из с. Овчарово имеются две мисочки, на одной из которых красной краской по белому фону выполнено изображение свернувшейся в кольцо змеи. В трипольских жилищах среднего и позднего периодов миски находят довольно часто, а изображение змеи включено в орнамент многих из них. Не исключено, что часть этих мисок использовалась в ритуальных целях. С этой же целью употреблялись, видимо, и фигурные сосуды — антропоморфные (табл. LXV, *29*, *30*), зооморфные и в форме птицы (табл. LXV, *31*). Отметим антропоморфный сосуд с среднетрипольского поселения Новые Русешты I_{1a}, реконструированный В. И. Маркевичем (*Марке-*

вич В. И., 1970а). Он изображает две женские фигуры, стоящие спиной друг к другу и разделенные кругами, помещенными под руками-выступами. Расширяющаяся средняя часть сосуда имитирует их полные бедра, налепы обозначают груди и колени, ноги разделяет вертикальная полоса. В нижей части живота помещены символы в виде ромбов. Орнамент выполнен углубленными линиями и ямками и подкрашен красной охрой. Здесь, как и на многих других культовых предметах, мы наблюдаем канонизированное трипольским искусством соединение двух женских образов.

В ранний период развития культуры Триполье-Кукутени для жертвоприношений использовались круглые и прямоугольные жертвенные столики на ножках и миски на высоких подставках, в том числе антропоморфных, символизирующих хоровод людей с поднятыми над головами сосудами, наполненными жертвенной пищей. Жертвенные столики в виде плоской чаши с низким бортиком, стоящей на четырех ножках, известны уже на памятниках 1-й ступени раннего периода. Хорошей сохранностью отличаются и образцы таких изделий, происходящие со среднетрипольского поселения Березовское (*Цыбесков В. П.*, 1971). На дне чаши одного из них помещено изображение свернувшейся в три кольца змеи, выполненное в технике углубленного орнамента. Эти столики скорее всего предназначались для приношений пищи, тогда как возлияния совершались с помощью моноклевидных и биноклевидных сосудов. На раннетрипольских поселениях, в том числе в Греновке, обнаружены сосуды на скульптурных антропоморфных подставках. Глубокая миска с углубленным змеевидным орнаментом опиралась на расширяющуюся книзу подставку в виде четырех антропоморфных фигур со слитыми в кольцо ногами, разделенных в верхней части отверстиями (табл. LXXI, *4*). Крупный фрагмент сосуда на скульптурной антропоморфной подставке найден и на поселении среднего периода Фрумушика I (*Matasă C.*, 1946). Подставка выполнена в виде шести стоящих кру́гом человеческих фигур, поддерживающих сосуд, и покрыта росписью (табл. LXV, *10*). Пышный трехцветный узор украшает и подставку с поселения Извоаре II, (*Vulpe R.*, 1957). В плавных формах этого изделия с небольшим отверстием в верхней части и двумя парами согнутых в локтях «рук» мастер пытался передать образы двух женщин, возносящих крупный сосуд над головой (табл. LXXI, *1*).

Рассматриваемая категория изделий заключала определенный смысл, что не могло не сказаться в их орнаменте. При сопоставлении узоров на сосудах и подставках, происходящих с памятников разных периодов, становится очевидным, что как бы не менялся стиль их исполнения, в основе всегда оставалось изображение змеи. В ранний период художники изображали ее в виде широких, слегка изгибающихся лент, прочерченных по сырой глине, пространство между которыми заполнялось штрихами или ямками и окрашивалось красной охрой (табл. LV, *32*, *36*). В начале среднего периода тонкие змейки выполняли белой краской с черной обводкой на красном фоне (табл. LXXI, *1—3*). Таким образом, и в этих культовых предметах отчетливо проявляется стремление трипольских художников соединить женские образы с образом змеи-охранительницы. Возможно, желание принести жертву женскому божеству плодородия нашло отражение в формах и орнаментах сосудов, помещаемых на скульптурные подставки. В частности, это выражено в пластических деталях (бугорки, налепы), имитирующих женскую грудь (табл. LXIII, *28*, *29*), и в женских символах, включенных в узоры. Вместе с тем на горле таких сосудов дважды повторяются символы в виде рогов быка или барана (табл. LXXI, *1*).

Дальнейшее изменение формы и стиля орнаментации сосудов со скульптурными антропоморфными подставками привело к замене их моноклевидными (табл. LXV, *8*) и биноклевидными (табл. LXV, *6*) сосудами, широко употреблявшимися по всей трипольско-кукутенской территории уже в средний период. Во второй половине среднего периода полихромная роспись «биноклей» сменяется монохромной, они становятся ниже и массивнее. Шаровидная центральная их часть моделируется несколькими пластами глины подобно тому, как наращиваются бедра и животы женских фигурок. Это позволяет рассматривать биноклевидные сосуды как своеобразные антропоморфные скульптуры, две части которых символизируют двух людей с поднятыми над головой чашами. Фигуры людей разделяют отверстия в центре перемычки, что наблюдается и в антропоморфных подставках. «Монокль», видимо, также имитирует фигуру человека, держащего чашу над головой. На отдельных поселениях «бинокли» весьма многочисленны, многие из них связаны с жилищами-святилищами (*Заец И. И.*, 1975, с. 15). Вероятно, их использовали в качестве ритуальных сосудов при исполнении каких-то массовых обрядов, в частности при совершении обряда «поения земли» (*Рыбаков Б. А.*, 1965). На поселениях междуречья Верхнего Днестра и Прута наряду с биноклевидными сосудами обычной формы изготовлялись образцы с отчетливо выраженными деталями человеческого тела. В этом отношении примечательна коллекция поселения Шипенцы Б, в составе которой имеются «бинокли» с шаровидной, цилиндрической и вогнутой средней частью, с коническими и полусферическими чашами разной величины, с разнообразными перемычками (*Kandyba O.*, 1937). Интересен экземпляр «бинокля», нижняя часть которого сформована в виде человеческих ступней. Создается впечатление, что два человека, взявшись за руки, что-то несут перед собой. Еще нагляднее это демонстрирует образец, обнаруженный на поселении Незвиско-Красная Гора, где между чашами-воронками помещен небольшой биконический сосуд, опирающийся на толстую перемычку, в свою очередь опирающуюся на «человеческие» ноги (табл. LXV, *7*).

По мнению большинства исследователей, культовыми предметами являются и глиняные модели жилищ (*Пассек Т. С.*, 1949а; *Бибиков С. Н.*, 1953; *Мовша Т. Г.*, 1964б; *Рыбаков Б. А.*, 1981). Судя по моделям жилищ из Попудни и Сушковки (*Пассек Т. С.*, 1949а, рис. 50, 68, 69), важнейшим сооружением трипольского дома была печь. В моделях, наиболее полно передающих интерьер жилого помещения, печь располагается справа от входа. Возле

печи со стороны входа помещен антропоморфный идол, а напротив печи — длинная низкая лавка. В модели из Попудни (рис. 13, *5*) на лавке изображены стоящая на коленях женщина, растирающая зерно на зернотерке, и миниатюрные сосуды. Между печью и местом, отведенным для помола зерна, возвышается крестообразный алтарь, на который из окна в задней стенке дома падает свет. Все это соответствует реальным деталям интерьера жилого помещения, зафиксированным при раскопках трипольских поселений.

Облик каждой модели в значительной мере определяется художественными способностями изготовлявшего их мастера. С другой стороны, орнамент моделей и техника его исполнения всецело подчинены стилю, принятому в определенный период. Так, модель из Коломийщины II (рис. 13, *4*), воспроизводящая внешний вид дома, украшена углубленным узором, а модель из Владимировки (рис. 13, *3*) расписана (*Пассек Т. С.*, 1938б; 1949а, с. 75—78, рис. 32, 33, с. 99—100, рис. 54). Последняя модель — единственная в своем роде, поскольку дает представление как о наружной, так и о внутренней росписях стен, а также пола. Окна и двери ее выделены бордюром. От двух других расписных моделей жилищ, происходящих из Владимировки, сохранились лишь обломки. Одна из них изображала, видимо, двухэтажную постройку со скругленными в углах стенами (*Мовша Т. Г.*, 1964б). Опорные столбы стен второго этажа, выполненные в рельефе, опираются на платформу межэтажного перекрытия. Стены расписаны черной краской по оранжевому фону. Модель, найденная в Рассоховатке (рис. 13, *2*), изображает двухэтажную постройку с балконом над входом, круглым окном в задней стенке второго этажа и выступающим за линию стен межэтажным перекрытием, на которое опираются столбы стен второго этажа (цветная вклейка).

Все известные в настоящее время модели жилищ воссоздают либо внешний вид двухэтажного дома, либо интерьер жилого помещения второго этажа с печью, в которой выпекался хлеб. Детали интерьера имеют строго определенное место: справа от двери — печь, слева — место для помола зерна, в противоположной входу стене — окно. Возможно, это — следствие копирования трипольскими мастерами какого-то единого древнего образца. Интересна модель жилища из горизонта IX поселения Овчарово, относящаяся к первой фазе культуры Гумельница (*Тодорова Х.*, 1976; 1978, рис. 63), пока самая ранняя среди моделей жилищ рассматриваемого типа. Это квадратная платформа на четырех ножках с вертикальными стенками, с печью у правой от входа стены и корытообразным сооружением для помола зерна рядом с ней (у противоположной входу стены). Вдоль фасада с широким дверным проемом тянется огороженный с боков узкий балкон. Стенки и широкие столбообразные ножки модели окрашены красной краской. На одной из стенок красной краской нанесены магические знаки. По мнению Х. Тодоровой, модель использовалась в качестве архитектурного образца при строительстве. На наш взгляд, она, как и все модели домов, является культовым предметом и в той или иной мере связана с обрядом выпечки хлеба, со стремлением древних земледельцев путем магических действий обеспечить себе обильный урожай. Об этом свидетельствуют и помещенные в модели вотивные сосуды-зерновики, зернотерки, миски, и изображение самого процесса помола зерна. Судя по тому, что на поселениях Владимировка, Попудня, Сушковка и Коломийщина II одна модель приходится на ряд домов, действие заговора, произносимого над ней, должно было распространяться не только на обитателей жилища, в котором она была найдена, но и на семьи, проживавшие в соседних домах. На полностью раскопанных поселениях домашние алтари, как правило, имеются только в некоторых центральных жилищах. В них, очевидно, обитали старейшие члены общины, выполнявшие жреческие функции.

Некоторые исследователи к числу культовых предметов относят и небольшие глиняные конусы (табл. LVIII, *46—50*). Высказывалось мнение, что это фишки для какой-то игры (*Бибиков С. Н.*, 1953, с. 201). Действительно, основания аналогичных по форме терракотовых конусов с памятников среднеазиатского энеолита носят следы передвижения их по плоской поверхности (*Массон В. М.*, 1960, с. 61, 62). Судить о назначении глиняных конусов, встречающихся при раскопках трипольских поселений, пока трудно. В Хэбэшешти I, например, они найдены почти в каждом жилище, а в одном из домов обнаружены шесть таких предметов (*Dumitrescu V.*, *Dumitrescu H.*, *Petrescu-Dîmbovița M.*, *Gostar N.*, 1954, p. 68). Большинство конусов имеет плоское основание, но известны также экземпляры с вогнутым основанием. Некоторые конусы (табл. LVIII, *51*) являются, возможно, фаллическими символами. По форме конусам близки печати-пинтадеры со сквозным отверстием в верхней части и спиралевидным или ромбовидным орнаментом в основании (табл. LVIII, *35*, *42—45*). Отметим также конус, завершенный изображением человеческой головки, найденный на поселении Трушешти I (табл. LVIII, *41*). На поселении конца среднего периода Коновка в одном из наземных жилищ вместе с многочисленными (76 экз.) антропоморфными и зооморфными статуэтками обнаружены небольшие глиняные конусы, вершины которых моделированы в виде голов человека, быка и оленя (*Шмаглий Н. М.*, *Рыжов С. Н.*, *Шумова В. А.*, 1979).

Религиозные верования и идеологические представления трипольцев нашли отражение и в практиковавшемся ими погребальном обряде. Решение многих вопросов, связанных с погребальным культом трипольско-кукутенских племен, осложняется тем, что пока известны в основном могильники позднего периода. Наиболее полно реконструируется обряд погребения усатовской группы. Умершего помещали в могильную яму, расположенную в центре кромлеха из камней и ограниченную с юго-западной стороны несколькими крупными камнями. При раскопках кургана 9 Усатовского II курганного могильника установлено, что камни кромлеха укладывали по кругу в направлении с востока на запад, т. е. порядок кладки соответствовал движению солнца по небосклону (*Патокова Э. Ф.*, 1979). Завершив сооружение кромлеха, усатовцы возводили земляную насыпь. Иногда могильную яму, предварительно засыпанную землей, закладывали каменными плита-

ми на уровне древней дневной поверхности. Диаметр кромлехов достигал 5,5—18 м при ширине кладки от 1,5 до 5,6 м, диаметр земляной насыпи — 23—42 м. Такой способ захоронения, безусловно, требовал больших затрат труда и времени и, очевидно, выполнялся большим коллективом. Вместе с тем в Усатово известны и погребения в простых грунтовых ямах.

В двух курганах (11 и 3) Усатовского I курганного могильника найдены известняковые плиты с изображениями животных и человека. Две из них находились среди камней юго-восточной части кромлеха кургана 3 (*Патокова Э. Ф.*, 1957). Меньшая плита имела два чашевидных углубления и рельефные изображения лошадей на оборотной стороне, обращенной к земле. На второй плите фигуры человека и оленя выполнены в технике гравировки, а фигуры лошадей — рельефом. Высказывалось мнение, что в кромлех попали плиты, выломанные из скалы с петроглифами (*Формозов А. А.*, 1966). На наш взгляд, изображения человека и оленя сделаны трипольским мастером (табл. LXXIV, *20*). По стилю исполнения фигура оленя близка изображениям этих животных на сосуде из Варваровки VIII (табл. LXXXII, *10*). Фигура человека с маской на лице находит аналогии в сценах ритуальных танцев на расписных позднетрипольских сосудах (табл. LXXIV, *1*, *14*).

При раскопках кургана 2 Усатовского II курганного могильника (табл. LXXXVIII, *3*) исследователям удалось проследить последовательность действий, предусмотренных погребальным ритуалом (*Селинов В. И.*, *Лагодовская Е. Ф.*, 1940). Сначала вокруг ямы центрального погребения было выкопано несколько ям, первой из которых была, видимо, яма 6 (1×1 м). В ней обнаружены известняковая голова косули, сосуды, малиновая охра, остатки какого-то белого порошка, две пары женских статуэток, пять зубных коронок человека и три известняковые бусинки. Очевидно, здесь был совершен обряд жертвоприношения, после чего жертвенные предметы засыпали землей из центральной ямы. Культовые ямы, расположенные к северу от основной могилы, содержали фрагменты сосудов, кусочек охры и створку раковины. В одной из ям произвели перезахоронение обломков черепа и берцовой кости человека с сосудом и плоским круглым глиняным предметом в изголовье и двумя сосудами в изножии. Яму засыпали землей из центральной могилы и перекрыли большими известняковыми плитами. Затем на расстоянии около 1 м от центральной могилы на уровне древнего горизонта было совершено безынвентарное ритуальное захоронение человека, очевидно, предварительно связанного, о чем свидетельствует сильно скорченное положение костяка. Вероятно, это был зависимый член общины, призванный сопровождать своего хозяина в загробный мир.

Наконец, в центральной могиле (1,6×1,4×1,2 м) похоронили человека, занимавшего в среде общинников высокое положение. Эта могила выделяется как размерами, так и конструкцией. С северной стороны в нее вел дромос длиной 1,4 м с тремя ступеньками. Погребенный был положен на спину головой на восток с согнутыми руками и ногами. У головы поставили сосуд, а близ коленей — расписную мисочку с охрой. В западной части могилы поместили три медных височных кольца и ожерелье из 47 подвесок, сделанных из зубов волка или собаки. Кроме того, в могиле найдены темная (у нижней челюсти) и белая (в верхнем слое засыпи ямы) бусины. Потом между основным погребением и могилой с перезахоронением, а также в направлении одной из культовых ям соорудили коридоры и начали возводить кромлех, причем культовые ямы оказались под его кладкой. Внутренний диаметр кромлеха достигал 8 м, наружный — 12 м. С севера и юга в кромлехе были сделаны проходы. Сооружение земляной насыпи также сопровождалось ритуальными действиями, вследствие чего в насыпь попали кремневые отщепы, скребки, кубик из известняка, фрагменты сосудов.

В ряде могильников Пруто-Днестровского междуречья погребения не имеют внешних признаков (*Пассек Т. С.*, 1961а; *Дергачев В. А.*, 1978). Вместе с тем в Выхватинцах обнаружены выкладки из крупных плит известняка. Погребения совершены здесь по способу скорченного трупоположения на боку. В Среднем Поднепровье, где был распространен обряд кремации, пепел и остатки обгоревших костей помещали в специальные урны или заворачивали в ткань и закапывали (*Захарук Ю. М.*, 1952; 1956; *Круц В. А.*, 1977). Разнообразие погребальных обрядов в поздний период Триполья отражает, видимо, процесс усиления локальных и культурных различий, перерастающих в этнокультурные. Ряд одиночных захоронений, в том числе частичных, зафиксирован на площади поселений. Так, детские захоронения обнаружены, в частности, на раннетрипольских поселениях Солончены II (*Мовша Т. Г.*, 1960а; 1965а) и Лука-Врублевецкая (*Бибиков С. Н.*, 1953). Первое сопровождалось керамикой. Второе было совершено в небольшом углублении, перекрытом глиняной обмазкой, в центральной части жилища 5. Разрозненные кости детского скелета находились в 2 м от захоронения черепа быка, примерно на том же уровне. Поскольку у трипольцев не было обычая помещать усопших в домах, подобные захоронения могли иметь характер жертвоприношений, а в ряде случаев должны были подчеркивать значение соответствующего жилища как культового центра.

На среднетрипольских поселениях захоронения людей встречаются чаще. Погребения с трупоположениями известны в Озаринцах, Незвиско, Липканах, Веремье, Фрумушике I—II (*Мовша Т. Г.*, 1960а). На поселении Траян-Дялул Фынтынилор III на сравнительно небольшой площади располагались круглые глубокие ямы с плоским дном, в которых находились целые и разрозненные (черепа, кости, костяки без черепа) скелеты людей (дети и взрослые) и керамика (*Dumitrescu H.*, 1954б; 1957; 1958; *Necrasov O.*, *Nicolăescu-Plopşor D.*, 1959). В одной из ям найдена только керамика. Отметим захоронение черепа женщины лет 60 сопровождавшееся гипсовой маской. Поражает обилие сосудов (от 14 до 26), помещенных в погребения. Среди них много расписных форм. На позднетрипольских поселениях захоронения произведены как по обряду ингумации, так и по обряду кремации. Например, в Коломийщине I обнаружено трупопо-

ложение, в Кунисовцах и Кошиловцах-Обоз — трупосожжение, в Веремье — и те и другие (*Мовша Т. Г.*, 1960а).

Различия в обряде погребения, практиковавшемся позднетрипольскими племенами, не затрагивают его основного смысла: обеспечить соплеменнику благополучный переход в загробный мир, снабдить его необходимыми вещами и запасом пищи, вознести мольбы богам и умилостивить их жертвой. Жизнь земная отразилась и на представлениях о загробной жизни, поэтому погребения совершались в соответствии с рангом умершего, которого в мир теней могли сопровождать и принадлежавший ему слуга (раб ?), и охранявшая его добро собака.

Богатейшая информация об идеологических представлениях трипольцев, их духовном мире и даже мифологии содержится в орнаментации керамики. Большую работу по осмыслению этого источника проделали Б. Л. Богаевский (1937), Е. Ю. Кричевский (1949), С. Н. Бибиков (1953) и ряд других исследователей. Опираясь на эти отдельные разработки, Б. А. Рыбаков предложил реконструкцию трипольской идеологии и мифологии как единой сложной системы (*Рыбаков Б. А.*, 1965; 1981). Ряд орнаментальных элементов трипольской керамики указывает, по мнению ученого, на круг верований, связанных с идеей плодородия полей. Это символы прорастающего зерна, засеянного поля, сцены «ниспадения на поля живительной влаги с небес». Наличие женских символов в виде грудей и ромбов в орнаментальных композициях сосудов отражает веру трипольцев во всемогущество женского божества, посылающего на землю «небесную влагу». Отмечая присутствие в расписных узорах лунарных и солярных знаков, в частности наиболее распространенную в трипольском искусстве бегущую спираль, исследователь трактует их как изображение непрерывного бега солнца, постоянного движения времени (*Рыбаков Б. А.*, 1965, № 1, с. 42—43; 1981, с. 199). Трехчастное построение орнаментальных композиций, нередко наблюдаемое на трипольских сосудах, рассматривается им как отражение трехчастной картины мира (*Рыбаков Б. А.*, 1981, с. 193—200).

Расцвет искусства росписи приходится на конец среднего периода культуры Триполье-Кукутени, что, видимо, связано и с активным процессом мифотворчества, ярко иллюстрируемого керамикой. В поздний период широко распространяется сюжетная живопись, в которой наряду с традиционными символами плодородия в разных сочетаниях встречаются изображения людей, оленей, косуль, быков, коз, собак и птиц (табл. LXXVIII, *143*, *144*, *154*, *162*, *163*). Отмечается сочетание определенных знаков, символизирующих солнце и быка, тесно связанных между собой в представлениях древних художников. Так, на сосуде с поселения Тыргу Окна-Подей в нижнем ярусе орнамента помещен знак в виде загнутых вверх бычьих рогов, а в среднем ярусе, непосредственно над этим знаком,— лепная головка быка с большими рогами, обрамляющими изображение солнечного диска — креста (табл. LXVII, *2*). На сосуде с антропоморфными признаками из Сэрата Монтеору изображения солнечного диска и рогов быка над ними нанесены белой краской на каждую из четырех пластических деталей, имитирующих соски полных женских грудей (табл. LXXXVII, *7*). В орнамент этого сосуда включены также изображения змей и косуль. Заключенный в узкий пояс орнамент сосуда с позднетрипольского поселения Рашков XI состоит из четырех солнечных дисков, отмеченных крестами, и расположенного между ними геометризированного изображения змеи. Выше, над зубчатой линией — горизонтом, нарисованы собаки и спускающиеся бычьи рога (табл. LXXXI, *5*). Устойчивое сочетание символов солнца и быка демонстрирует множество других трипольских сосудов (табл. XCII, *2*, *3*). Аналогичное явление мы наблюдали и на прочих предметах быта и культа, происходящих с трипольских памятников.

На сосудах раннего и среднего периодов имеются рельефные и гравированные изображения людей. Чаще всего это рельефная женская фигурка, как бы обхватывающая сосуд обеими руками (табл. LXI, *5*, *6*), или заменяющий ее налеп в виде человеческих рук (табл. LXI, *2*, *10—11*). Иногда руки выполнены гравировкой (табл. LXI, *1*, *3*). Четыре пары рук, моделированные у края сосуда с поселения Новые Русешты $I_{1а}$, символизируют, видимо, четырех человек, поддерживающих сосуд (табл. LXI, *12*). В ранний период значение человеческих фигурок, среди которых есть даже «рожаницы» (табл. LXI, *8*, *9*), особо подчеркивается художниками, тогда как позднее фигурки людей приобретают еще более условный характер, причем распространяются изображения с трехпалыми руками и рельефные личины, помещенные у горла сосудов (табл. LXI, *13*, *16*, *17*). В поздний период женский образ претерпевает, вероятно, какие-то изменения. Правда, все еще встречаются фигурки, заключенные в овал, служащий символом женского плодородия, что свидетельствует о связи их с магией плодородия (табл. LXI, 20; LXXIV, *1—5*, *7*, *9*, *10*, *13*, *14*). Женщины изображаются танцующими с масками животных или в парадной одежде; иногда маски на голове заменяются солнечным диском. С ними соседствуют знаки в виде крестов, ромбов, зигзагов, а также фигурки косуль, что позволяет рассматривать такие изображения как воспроизведение ритуальных танцев трипольцев, молящих богов о дожде, и обрядов, связанных с магией плодородия (*Рыбаков Б. А.*, 1965, № 2, с. 24; 1981, с. 188—189). Поза танцующих находит аналогии в рисунках и пластике других древнеземледельческих племен (*Тодорова Х.*, 1979). Известны и многочисленные этнографические параллели трипольским обрядовым танцам (*Королева Э. А.*, 1977). В частности, в танцах, связанных с магией плодородия, большое значение придавалось движению бедер, груди, а также линии рук. Последние часто фиксировали форму треугольника, а приподнятые и разведенные в стороны имитировали рога священного солнце-быка. Различно и положение рук, зафиксированное трипольской росписью: на груди, под грудью, на животе, подняты кверху и т. д.

Каждый из рассмотренных выше объектов материальной культуры в одном или нескольких аспектах характеризует идеологические представления трипольских племен. В итоге по этим отдельным

чертам вырисовывается сложная, изменяющаяся во времени и пространстве система религиозных представлений и тесно связанных с ними кодифицированных обрядов, предусматривавших использование определенного набора культового инвентаря, служившего в магических целях и обладавшего соответствующими специфическими признаками. Для реконструкции пантеона трипольских небожителей первостепенное значение имеет глиняная скульптура, воспроизводящая по крайней мере некоторых из этих персонажей. Наиболее популярный как у трипольских коропластов, так и у всех раннеземледельческих племен вообще образ плодовитой матроны мог быть воплощением нескольких различных божеств. С. Н. Бибиков справедливо подчеркивал множественность значения женского образа, в конечном итоге отражающего идею плодородия (*Бибиков С. Н.*, 1953, с. 252). Т. Г. Мовша предложила функциональную классификацию трипольской пластики, выделив шесть групп терракот (*Мовша Т. Г.*, 1975б, с. 20—21): 1) фигурки с примесью муки или зерен злаков в тесте, связанные с культом плодородия зерновых культур; 2) статуэтки с изображением дерева или какого-либо растения, отражающие культ плодородия лугов и лесов; 3) фигурки с признаками беременности; 4) фигурки «просительниц»; 5) «охранительниц домашнего очага». Шестую группу образуют мужские фигурки с перевязью через плечо.

Функциональная классификация мелкой пластики особенно интересна, и прежде всего потому, что предполагает многообразие древних божеств со специфическими функциями, находящими прямое отражение в ее типологических особенностях. Разумеется, предложенное Т. Г. Мовшей членение означает лишь начало разработки этой проблемы. Так, если говорить о сонме женских божеств, то для этой стадиально ранней эпохи возможно разделение божества зерна и божества—покровителя лугов и лесов, тем более что знак растения можно трактовать и как злаковый колос. Наоборот, вызывает некоторое недоумение отсутствие образа небесного божества женского пола, связанного с миром звезд и планет. Возможно, его статуарным воплощением являются фигурки с солярными символами или со знаком в виде многолучевой звезды. Последняя символизирует месопотамскую Иштар на среднеазиатских терракотах эпохи бронзы (*Массон В. М., Сарианиди В. И.*, 1973). Как бы то ни было, трипольская терракота воплощает женское божество—покровительницу плодородия в разных его проявлениях и, что особенно важно, покровительницу плодородия полей. Последняя ипостась, безусловно, имела первостепенное значение для трипольцев-земледельцев, чем и объясняется, видимо, широкое использование символа засеянного поля в виде ромба в качестве изображения лона на женских статуэтках.

Б. А. Рыбаков, анализируя семантику орнаментированных сосудов, связанную, согласно его трактовке, с молениями Великой богине неба и дождя, условно называет ее архаической Прародительницей (*Рыбаков Б. А.*, 1965; 1981). Вероятно, ее образ как раз и воспроизводят глиняные фигурки с солярными символами и знаками в виде многолучевой звезды. Вместе с тем терракотовые идольчики явно демонстрируют особую популярность божества плодородия, изобилия и плодовитости, возможно, бывшего одной из ипостасей Матери-Прародительницы. Обычно, характеризуя идеологические представления трипольских общин, исследователи употребляют имена таких античных богинь, как Афина, Персефона и Деметра, что едва ли оправданно. На наш взгляд, в данном случае более правомерна описательная терминология, которой мы и придерживались.

В иконографии Триполья, равно как и других раннеземледельческих комплексов, безусловно, преобладают женские образы, что, впрочем, отнюдь не исключает существования божеств иного пола. Судя по всему, одним из них было божество, воплощенное в образе быка и представленное чаще всего разного рода символами, но нередко и пластическими формами. Соответствующая этому образу или одному из его проявлений символика неизменно сопутствует трипольцам и в быту, и в обрядовых действиях. Видимо, бык — древнейший тотем степных охотников — со временем трансформировался в зооморфное воплощение верховного мужского божества, связанного с солярным культом и почитавшегося, в частности, в образе небесного солнце-быка. Отчетливо выступает и связь божественного быка, носителя мужских начал, с женским персонажем. Помещение женских фигурок на бычьи черепа и в «рогатые креслица», «рогатые амулеты» с изображением женской фигуры, сочетание женских символов со знаками в виде рогов быка в орнаментике сосудов и ряд других фактов отражают, очевидно, процесс формирования образа божественной супружеской пары. Однако в повседневной жизни явное предпочтение отдается женскому божеству, популярность которого была безгранична.

Пока нет оснований говорить о сложении в трипольском обществе устойчивого, кодифицированного пантеона. Обычно это происходило в более поздние эпохи, в пору формирования раннеклассовых образований. Не исключено, что и почитаемое женское божество плодородия у отдельных племенных групп имело своеобразные черты, а возможно, как это было, скажем, в Шумере, и различные имена. Вероятно, именно эти особенности проявились в локальной специфике трипольской пластики, отмеченной для разных территориальных групп памятников (*Мовша Т. Г.*, 1969; 1975б).

В сложной системе идеологических представлений трипольских племен и, в частности, в их мифологии нашли свое место и различные образы, генетически восходящие к доземледельческой эпохе, но получившие дальнейшее развитие и иное воплощение. В первую очередь это касается амулетов, изготовленных из клыков и зубов диких животных, а также культов «небесных оленей», «небесных псов», стерегущих посевы и стада, и змеи-охранительницы. Змеи почитались трипольцами как покровители дома, посредники между небом и землей, связывались с их понятиями о дожде и беге времени, чем и объясняется повсеместное изображение змеи и ее символов в трипольском искусстве (*Рыбаков Б. А.*, 1965; 1981). Показательна и связь образа змеи с богиней женского плодородия, иллюстрируемая

изображениями змеи на животе глиняных женских статуэток с признаками беременности.

Идеологические воззрения раннеземледельческих племен не были суммой абстрактных образов и положений, а представляли собой составную часть повседневного их бытия, прочно входили в жизнь оседлых общин посредством многочисленных и разнообразных обрядовых действий. В трипольском обществе центральное место занимал культ плодородия, отправлявшийся самым различным образом. Б. А. Рыбаков выделяет среди заклинательных аграрных обрядов те, которые были направлены на увеличение плодоносящей силы зерна, полей, охрану посевов и урожая, обряд выпечки хлеба, а также обряды-моления о дожде, об отвращении грозы, «поения земли», связанные с разного рода возлияниями (*Рыбаков Б. А.*, 1965; 1981). Следы подобной обрядовой практики мы находим в многочисленных материалах трипольских памятников, начиная от глиняных женских фигурок, включающих зерна злаковых, и кончая культовым инвентарем, предназначенным для возлияний, а также глиняной моделью зерна, обнаруженной на одном из поднестровских поселений. Организацией ритуальных церемоний, порой носивших массовый характер и включавших танцы в парадных костюмах и масках, занималась определенная группа людей — жриц и жрецов, особо уважаемых общинниками. Культ отправлялся в жилищах-святилищах — центрах почитания племенных, а в ряде случаев, возможно, и межплеменных божеств, а также на месте погребения.

Ясно прослеживается тесная связь идеологических представлений и обрядов трипольско-кукутенских племен с идеологией и ритуальными действиями носителей других раннеземледельческих культур, что в целом определяется как историческое явление (*Токарев С. А.*, 1964). На связи с древневосточным миром и балканскими культурами указывают многие исследователи, но, как правило, это делается лишь в общей форме. Действительно, уже в материалах малоазийского памятника VII—VI тысячелетий до н. э. Чатал-Гуюке мы находим истоки представлений о божественной паре — женском божестве и солнечном быке (*Gimbutas M.*, 1973). Там же впервые встречается образ женского божества, сидящего на кресле-троне. Более близкие аналогии трипольские материалы, характеризующие верования и культовую обрядность, находят в балканских культурах, в первую очередь в памятниках Румынии и Болгарии, что указывалось в каждом конкретном случае. Таким образом, духовный мир трипольцев был частью огромной «ойкумены земледельческой мысли», являя собой яркий пример сочетания общего и особенного (*Рыбаков Б. А.*, 1965, № 2, с. 31).

Глава седьмая
Памятники синхронных Триполью культур Юга-Запада СССР

На территории Правобережной Украины и Молдавии в разные периоды энеолита обитали племена, в культурном отношении как близкие к трипольцам, так и отличные от них. Все они связаны с культурами, основной ареал которых находится за пределами нашей страны — в Юго-Восточной, Центральной и Северной Европе. Речь идет о культурах Болград-Алдени, Зимно-Злота, Гоща-Вербковица, воронковидных кубков, шаровидных амфор и закарпатского энеолита. Отдельные варианты названных культур на территории СССР отмечены определенным своеобразием. Обратимся к их краткой характеристике.

Памятники культуры Болград-Алдени

По берегам придунайских озер, в низовьях Дуная и Прута располагаются памятники, по ряду признаков (жилища, формы сосудов и способ их орнаментации) связанные с гумельницкой культурной общностью севера Балканского полуострова. Внутри последней выделен ряд культур, в том числе и раннегумельницкий вариант Алдени на территории СРР (*Comşa E.*, 1963), распространение которого на территорию СССР отмечено Т. С. Пассек в 1960 г. Раскопки поселения на берегу озера Ялпух близ г. Болград положили начало исследованию специфического варианта этой культуры, названного болградским (*Черныш Е. К.*, *Черняков И. Т.*, 1964). Последний представлен памятниками Украины (*Субботин Л. В.*, 1975а) и Молдавии (*Бейлекчи В. С.*, 1978). В настоящее время в СССР известно 26 поселений типа Болград, а в Румынии — 42 памятника типа Алдени II (карта 3, *37—49*). Различие болградских и алденских памятников позволило Л. В. Субботину ввести в употребление термин «культура Болград» применительно к памятникам левобережья Нижнего Дуная. На наш взгляд, правильнее говорить о двух вариантах одной культуры — Болград-Алдени.

Обратимся к характеристике памятников болградского варианта культуры, данные о которых все еще довольно ограниченны. Раскопки велись близ г. Болград, г. Рени, у сел Озерное, Нагорное, Вулканешты, Этулия, Лопацика, Кокора, Ново-Некрасовка (*Субботин Л. В.*, 1975а; *Бейлекчи В. С.*, 1978). Поселения расположены по берегам озер (преимущественно на вторых террасах высотой до 20 м), крупных рек, на пологих склонах небольших речек и стариц. Площадь большинства из них колеблется в пределах 0,5—1 га (Нагорное II, Этулия V и VI), но есть и поселения площадью 2 га (Озерное I, Болград); более крупные редки. Так, площадь поселений Вулканешты II и Рени ориентировочно составляет около 10 га. Культурный слой памятников имеет толщину от 0,5 до 1 м. Жилищами служили землянки, полуземлянки и наземные дома (*Черныш Е. К.*, 1965). Землянки и полуземлянки состояли из нескольких (до семи) ям, площадь их варьирует от 9 до 60 кв. м, глубина 1,6 м. Вход находился обычно со стороны, противоположной водоему, для спуска в материке вырезались ступени. Последние, как и полы, обмазывались глиной. В землянках и полуземлянках сооружались очажные ямы, иногда довольно глубокие. Наземные дома подпрямоугольной в плане формы площадью до 90 кв. м имели земляные полы, как правило, обмазанные глиной (зафиксированы и тонкие, и мощные слои обмазки). На поселениях Болград и Озерное I вскрыты дома с необмазанными земляными полами. На поселении Вулканешты II раскопан дом площадью 13×7 м, разделенный поперечной перегородкой на две комнаты 7×6 и 7×7 м. Судя по отпечаткам на кусках обмазки, дом был двухэтажным. Его стены, пол, потолочное перекрытие и дверные проемы обмазаны глиной. К жилищу примыкало хозяйственное помещение с очагом, где найдены многочисленные сосуды, зернотерки и кости животных.

Могильники болградского варианта культуры на территории СССР не известны, но обнаружены отдельные. захоронения на площади поселений. Так, в культурном слое поселения Болград расчищено захоронение ребенка 5—7 лет, совершенное на небольшой площадке из камней и перекрытое тремя рядами камней, засыпанных землей, содержащей кости животных, обломки посуды и кусочки глиняной обмазки. Погребенный лежал на левом боку, головой на северо-восток. Руки его были прижаты к груди, а ноги слегка согнуты. В изножии могилы под камнями найдены сосуд с белой росписью по прекрасно залощенному темному фону и кости животных. Ниже и несколько в стороне от этой могилы обнаружены черепа двух взрослых людей. Эти захоронения находились между домами и канавой, ограждавшей поселок на раннем этапе и засыпанной при последующем его расширении (*Черныш Е. К.*, 1964).

Каменных орудий на болградских памятниках мало, что, возможно, объясняется отсутствием поблизости выходов кремня (*Черныш Е. К.*, 1969). Кремень и твердые породы камня привозились из-за Дуная, с территории Добруджи (*Петрунь В. Ф.*, 1967). Прутский кремень использовался очень бережно: отходов производства, которые образуются при изготовлении кремневых орудий, почти нет. Нуклеусы сработаны до крайней степени. Материал настолько берегли, что вышедшее из употребления орудие переделывали в другой инструмент. Кремневая индустрия пластинчатая. Размеры пластин раз-

личны: 4,0×1,1; 7,7×2,0; 8,0×2,3 см. Из них изготовляли ножи с легкой подправляющей лезвие ретушью, вкладыши серпов, скобели, пилки, резцы, сверла, развертки. Из подпрямоугольных и подтреугольных отщепов делали скребки и наконечники стрел. Костяные и роговые изделия представлены наконечниками мотыг, землекопалками, муфтами для крепления каменных орудий, рукоятями кремневых орудий, острогами и гарпунами, долотами, шильями, кочедыгами и штампами для орнаментации сосудов. «Зеленые» сланцы, диабазы и порфириты из Северной Добруджи шли на изготовление овальных в поперечном сечении клиновидных топоров, сверленых топоров и тесел. Испорченные топоры находили применение в качестве мотыг. Песчанистые известняки служили материалом для зернотерок, составляющих более половины всего каменного инвентаря болградских поселений. Из глины изготовляли грузила и пряслица. Медные изделия редки. На поселении Болград обнаружены четырехгранное шило и колечко с несомкнутыми концами.

Культурные слои болградских поселений изобилуют керамикой (рис. 19, *1–3*, *6*, *8*). Она делится на несколько групп. Кухонная посуда изготовлена из глины с примесью шамота, мелкой половы, иногда песка. Толстостенные сосуды снаружи шероховатые, а внутри гладкие, орнаментированы налепами, ямками и валиками. По форме это крупные сосуды с яйцевидным туловом, цилиндрической шейкой и парными ручками в верхней и нижней частях, со сферическим туловом и ровно срезанным краем, горшки семи разновидностей, низкие миски и дуршлаги. Следующую группу составляют гладкостенные, хорошо залощенные сосуды, среди которых имеются биконические формы с высокой цилиндрической шейкой и чаши с ребром. Группа столовой посуды орнаментирована углубленными линиями и ямками, каннелюрами и росписью. Роспись в виде тонких линий выполнена белой краской по лощеной поверхности. Эта группа включает большое число разнообразных мисок (ребристых, усеченно-конических, полусферических), чаш (с округлыми плечиками и острореберные, высокие и приземистые, на поддоне и без поддона), а также четырехгранные сосуды. В целом посуда многообразна по формам и орнаментации. Особую группу керамических изделий составляют глиняные ложки.

Керамические изделия представлены также предметами ритуального назначения: алтарями в виде столиков, зооморфными сосудами, ромбовидными амулетами с углубленным орнаментом и отверстиями по сторонам, антропоморфными статуэтками (*Субботин Л. В.*, 1975б; 1976). Последние вылеплены из хорошо отмученной глины, иногда содержащей незначительные примеси мелкого шамота или песка, а реже — половы и зерен злаков. Поверхность фигурок залощена, углубления узора заполнены белой пастой, а орнаментальный фон окрашен красной охрой после обжига. Статуэтки весьма натуралистичны, хотя и не лишены некоторого схематизма. В большинстве случаев они изображают стоящих женщин (рис. 19, *5*). Голова выполнена в виде конуса, согнутые почти под прямым углом руки подняты вверх, верхняя часть туловища уплощена, бедра преувеличенно расширены. Вылепленные отдельно ноги соединены так, что просвет оставлен только между коленями, переданными налепами, как и живот. В локтевых изгибах и бедрах сделаны отверстия. Фигурки либо украшались углубленным узором (спирали, концентрические круги, короткие полосы), либо вовсе не орнаментировались. Отметим весьма реалистичную фигурку сидящего мужчины, подпирающего голову рукой (рис. 19, *7*), происходящую с поселения Вулканешты II (*Пассек Т. С.*, *Герасимов М. М.*, 1967). Уникальна женская костяная статуэтка, найденная на поселении Озерное I (рис. 19, *4*).

Судя по стационарному характеру поселений, обилию примеси половы к глиняной обмазке и тесту сосудов, множеству зернотерок, огромному количеству посуды, отпечаткам зерен четырех сортов пшеницы, двух сортов ячменя, проса и овса (*Янушевич З. В.*, 1976), земледелие было основным занятием болградских общин. Немалую роль играло и животноводство. Найденные на поселениях кости принадлежат в основном домашним животным (*Цалкин В. И.*, 1967; 1970). На одних поселениях количество костей особей крупного и мелкого рогатого скота почти одинаково (Болград), на других — кости овцы составляют чуть ли не половину всех остеологических находок (Озерное I). Чаще все же в стаде преобладал крупный рогатый скот, а третье место занимала свинья. Отличительными особенностями стада болградских общин являются большое количество комолых особей среди коров и большой процент домашней лошади. Судя по тому, что в основном кости принадлежат молодым особям, скот выращивали преимущественно на убой.

Различные виды хозяйственной деятельности болградцев реконструируются по наборам орудий. Они свидетельствуют о существовании таких производств, как изготовление орудий из камня и кости, деревообработка, домостроительство, земледелие, животноводство, охота, рыболовство, кожевенное дело, прядение, плетение, изготовление керамики, металлургия. Кроме того, развиты были внутриплеменной обмен и обмен с соседними трипольскими общинами (*Маркевич В. И.*, 1970а). Уровень развития болградских общин примерно соответствовал уровню развития трипольских общин конца раннего — начала среднего периодов. Однако степной характер животноводства, незначительная роль охоты, намечающиеся различия в породах крупного рогатого скота, особенности видового состава стада, широкое использование в пищу молодых животных позволили В. И. Цалкину рассматривать хозяйство болградцев как более развитое по сравнению с хозяйством трипольских общин (*Цалкин В. И.*, 1967).

Находки болградской керамики в слоях конца раннего и начала среднего периодов южнотрипольского поселения Новые Русешты (*Маркевич В. И.*, 1970а) позволяют синхронизировать болградский вариант с концом Триполья А и началом Триполья В. В пределах этого отрезка времени между отдельными болградскими поселениями отмечены некоторые хронологические различия (*Пассек Т. С.*, *Черныш Е. К.*, 1965), а ныне выделены три последовательные ступени развития болградского варианта (*Субботин Л. В.*, 1975а). Сопоставление форм керамики и способов их орнаментации свидетельству-

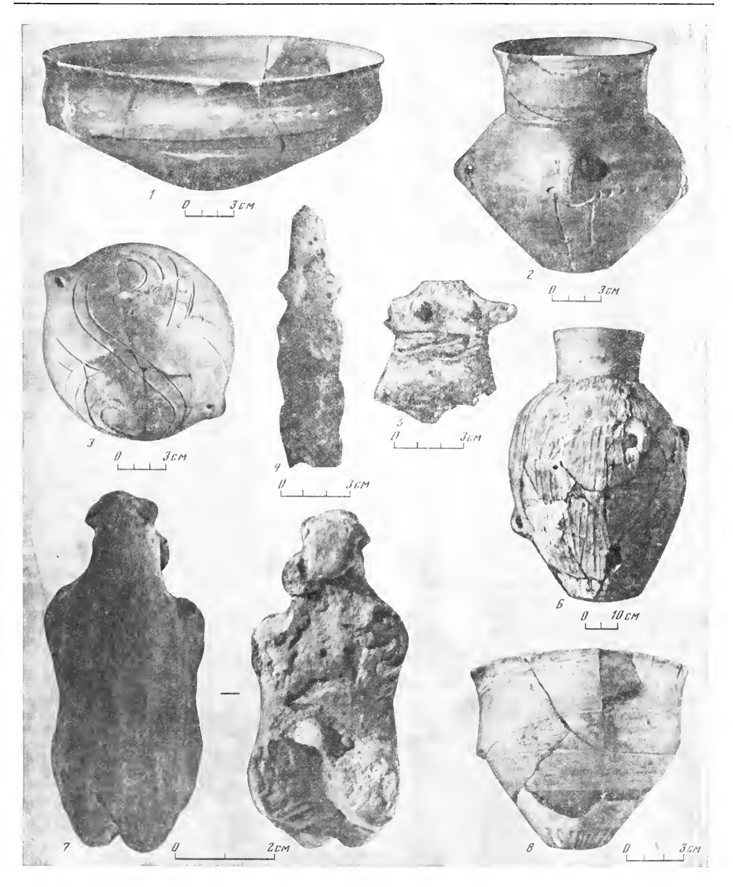

Рис. 19. Керамика (*1—3, 6, 8*), глиняные (*5, 7*) и костяная (*4*) антропоморфные фигурки с поселений культуры Болград-Алдени

1—3, *7*, *8* — Вулканешты; *4—6* — Озерное

ет, что поселения Озерное I и Ново-Некрасовка I предшествуют поселению Болград, за которым хронологически следуют поселения Нагорное II и Вулканешти II.

На левобережье Дуная общины культуры Болград-Алдени переселились в первой половине IV тысячелетия до н. э. из Северной Добруджи, с которой продолжали поддерживать самые тесные контакты (*Петрунь В. Ф.*, 1967). Оттуда они получали сырье для изготовления каменных орудий и металл. Последний, возможно, они частично использовали для обмена с трипольскими общинами. Причины исчезновения болградских поселений в районе придунайских озер в период Триполье В пока не ясны.

Памятники культуры Зимно-Злота

Ареал памятников культуры Зимно-Злота ограничен территорией между Верхней Вислой, Горынью и Верхним Днестром (карта 5, *1—3*). Культура получила свое название по наиболее исследованным поселениям, расположенным на территории СССР и Польши. В Польше эти памятники выделены в люблинско-волынскую группу энеолитической керамики или культуры керамики с белой росписью, сложившейся в результате решающих влияний раннеэнеолитических культур Центральной Европы, в том числе тисской (*Podkowińska Z.*, 1953; NP, p. 76—143).

Поселения обычно небольшие, расположены на высоких мысах и останцах близ рек, а реже—на лессовых террасах, укреплены рвами. На отдельных поселениях обнаружены сооружения в виде концентрических рвов, ограничивавших площадь 300×90 м (Злота, Стжижов и др.). Предполагается, что это загоны для скота, однако достоверно пока не установлено (NP, p. 126). На ряде поселений, в том числе в Зимно на территории СССР, открыты следы углубленных жилищ с деревянным, обмазанным глиной каркасом, очажными и хозяйственными ямами (АР, 1959, t. 3, p. 235—278; *Podkowińska Z.*, 1960; *Захарук Ю. М.*, 1971д, с. 217). На наш взгляд, вопрос о типах жилищ культуры Зимно-Злота нельзя считать окончательно решенным.

Могильников культуры Зимно-Злота известно значительно больше, чем поселений. Еще в 30-е годы ряд могильников (Злота, Амбуков, Семаки, Кукезово) исследован на Верхней Висле и на Волыни (*Archaeologia Polona*, 1962, v. 4, p. 152—164; *Захарук Ю. М.*, 1959, с. 54—71). В пещере у с. Колоколин Ивано-Франковской обл. обнаружено парное захоронение (*Sulimirski T.*, 1936), где два скорченных костяка, лежавших один черепом на север, а другой черепом на юг, сопровождались тремя сосудами, в том числе одним с белой росписью. Пять погребений культуры Зимно-Злота открыты в грунтовом могильнике в урочище Гоева Гора у с. Звенигород Львовской обл. (*Свешников И. К.*, 1956). Четыре погребения совершены в скорченном положении головой на запад, пятое — по обряду трупосожжения. При погребенных найдены сосуды, изделия из кости, рога, кремня и меди (булавка и наконечник стрелы).

Все могильники культуры Зимно-Злота очень невелики. Погребения одиночные и парные. Основной обряд погребения — скорченное трупоположение на левом боку с разной ориентировкой. Инвентарь беден. Судя по материалам могильника Злота, основным критерием «богатства» инвентаря можно считать количество посуды, сопровождавшей умершего. Число сосудов при пяти погребенных варьировало там от 1 до 15. При совершении обряда, видимо, они были наполнены жертвенной пищей. Кремневые изделия в могилах единичны. Найдены также кости животных — остатки пищи, положенной в могилу (NP, p. 76—143).

Керамика составляет основную массу находок и на поселениях (табл. XCIII, *1—9*, *12*). Она изготовлена из отмученной глины с примесью песка. Поверхность сосудов хорошо заглажена, часто залощена. По форме выделяются небольшие чаши с округлым туловом и слегка отогнутым краем и чаши с ребром. Часто они расписаны белой краской после обжига. Наиболее распространенным мотивом росписи являются треугольники, размещенные в шахматном порядке, закрашенные или заштрихованные, причем белые треугольники чередуются с заштрихованными или с неокрашенными. Другие сосуды не расписывались. Это чаши с шаровидным туловом, слегка отогнутым краем и ушками под венчиком; чаши конические или со слегка выпуклыми стенками; чаши с четырьмя выступами над краем; крупные биконические сосуды с двумя слегка загнутыми вверх ручками, расположенными на перегибе стенок.

Только на поселении Злота найдены образцы глиняной зооморфной и антропоморфной пластики: изображения голов животных, служившие, видимо, украшением сосудов, и маленькие плоские женские фигурки (NP, p. 76—143).

Для кремневых изделий культуры Зимно-Злота характерны пластинчатая техника и ретушь, аналогичная распространенной в предшествующий период у носителей культур Лендель и Тиса на территории Центральной и Восточной (Польша) Европы. Вместе с тем подобная ретушь известна на орудиях трипольской культуры этапа BI. Отметим также значительное число лезвий составных серпов. Кроме того, инвентарь включает кремневые скребки, угловые резцы, острия, наконечники стрел, отбойники, сланцевые топоры и зернотерки. Весьма совершенны роговые и костяные изделия: наконечники мотыг с продольным лезвием (табл. XCIII, *13*), шилья, долота, лощила. Украшения представлены преимущественно створками речных моллюсков с отверстиями для нанизывания. Медные украшения редки. Это височные кольца, подвески, бусины, булавки, перстни, браслеты в два-три оборота. Находки медного шлака и фрагментов глиняных тиглей свидетельствуют о местной металлообработке (NP, p. 125).

Топография поселений, стационарный их характер, набор орудий и прежде всего значительный процент лезвий серпов свидетельствуют о том, что общины культуры Зимно-Злота развивали традиционные уже формы земледельческой экономики. Большое число костей животных, найденных и на поселениях, и в погребениях, указывает и на заметную роль в экономике животноводства.

Вопрос о происхождении культуры Зимно-Злота сложен и пока еще не решен. При разработке его,

как уже отмечалось, особое внимание уделяется влияниям со стороны культуры Тиса (*Podkowińska Z.*, 1953). Распространение последней (частично вместе с ее носителями) в сочетании с развитием местного энеолитического населения, в свою очередь связанного с традициями культуры воронковидных кубков, определило формирование специфической культуры Зимно-Злота. Появление керамики с белой росписью рассматривается как признак начала распространения влияний позднего этапа культуры Тиса к северу от основной ее территории (NP, p. 126—127).

Хронологический диапазон культуры Зимно-Злота также не уточнен. То, что она существовала ранее поздней фазы культуры воронковидных кубков, общепризнано. Этому способствовало наблюдение за стратиграфией многослойного поселения Зимно (*Захарук Ю. М.*, 1959; *Пелещишин М. А.*, 1974б). Одновременно Ю. Н. Захарук, указывая на находку типичного сосуда культуры Зимно-Злота на поселении среднего периода Триполья у с. Городница Тернопольской обл., считает возможным синхронизировать памятники культуры Зимно-Злота на территории Украины с трипольскими конца среднего — начала позднего периодов (*Захарук Ю. М.*, 1971д, с. 219). Я. Каменская и Я. Козловский, пользуясь теми же данными и учитывая характер обработки кремня на памятниках рассматриваемой культуры, пришли к заключению, что они могут соответствовать этапам BI или BII трипольской культуры по периодизации Т. С. Пассек (NP, p. 127).

При сравнении форм керамики культуры Зимно-Злота и трипольской конца этапа BI (по Т. С. Пассек) обнаруживается достаточно большое сходство как в общих пропорциях, так и в некоторых деталях. Это 4-я ступень среднего периода нашей классификации, для которой характерны поселения типа Солончены II_2 и Незвиско II. Особенно велико сходство биконических сосудов с плавно отогнутым наружу венчиком, плечиками, расположенными примерно на середине высоты, и двумя ручками на боках (табл. XCIII, 12) с подобными трипольскими формами (табл. LXVI, *29*, *30*). Мягкостью очертаний отчасти близки чаши (кубки) с двумя ушками у края, происходящие с памятников сравниваемых культур (табл. XCIII, *1*; LXVI, *21*). Похожи и некоторые полусферические чаши (кубки) со слегка отогнутым венчиком. Для сопоставляемых комплексов одинаково характерны чаши на высоких полых подставках, роговые мотыги с продольным лезвием и небольшие медные предметы. Конечно, полного совпадения нет и быть не может, однако в дальнейшем путем сравнительного анализа комплексов можно будет, видимо, синхронизировать отдельные памятники культуры Зимно-Злота с памятниками определенных ступеней культуры Триполье-Кукутени.

Конец культуры Зимно-Злота связан с общей значительной перегруппировкой населения и культурным его переоформлением, происходившими в Центральной и Восточной Европе в конце IV и на рубеже III тысячелетия до н. э. Результатом этих событий явились упадок балкано-дунайских энеолитических культур, переход от среднего Триполья к позднему, упадок культуры воронковидных кубков, создание новой системы связей и формирование новых культур (шаровидных амфор, радиальной керамики, шнуровой керамики), в состав населения которых вошли и носители предшествующих энеолитических культур.

Памятники культуры Гоща-Вербковица

Распространение тисских влияний к северу и востоку сыграло решающую роль в формировании еще одной выделяемой ныне группы памятников, близкой культуре Зимно-Злота, но отмеченной определенной спецификой. Последнее позволило рассматривать эту группу как самостоятельную культуру (*Захарук Ю. М.*, 1971г; WA, 1958, t. XXVI, p. 327—398). Эпонимными памятниками этой культуры являются поселения у с. Гоща на Волыни (*Кухаренко Ю. В.*, 1958) и у с. Вербковица в Польше (WA, 1958, t. XXVI, p. 397—398; *Захарук Ю. М.*, 1971г; *Пелещишин М. А.*, 1974б). На территории Львовской, Ровинской и Тернопольской областей обнаружено более 10 пунктов с керамикой культуры Гоща-Вербковица (карта 5, *61—65*). Поселения расположены на Волынской и Люблинской возвышенностях, причем наиболее западные из них выявлены на левобережье Вислы, а наиболее восточные — на р. Горынь. Топографическое положение их различно: на песчаных дюнах, на склонах древних оврагов, на высоких берегах рек. Вследствие бедности культурных слоев они производят впечатление кратковременных стоянок. Поселения исследовались незначительными площадями, за исключением вскрытого полностью поселения Вербковица (WA, 1958, t. XXVI, p. 397—398). Оно находилось на песчаной дюне и занимало площадь 120×60 м. Примерно на половине этой площади обнаружены фрагменты глиняной обмазки наземных жилищ, к сожалению, сильно разрушенных. На остальных памятниках открыты полуземляночные жилища. Так, на поселении у с. Костянец (Волынь) расчищена полуземлянка овальной в плане формы размерами 2,55×1,80 м и глубиной 1,2 м от современной поверхности, где найдены обломки посуды, зернотерка и глиняная статуэтка животного (*Пелещишин Н. А.*, 1968; 1974б). Рядом с полуземлянкой располагалась небольшая хозяйственная яма, заполненная обломками сосудов. В полуземлянке на поселении Каменка Бужская сохранились остатки глиняной печи (?), сооруженной на каркасе из прутьев (*Пелещишин Н. А.*, 1974б).

Инвентарь поселений включает кремневые скребки, ножи, резцы и проколки, изготовленные из пластин и отщепов, каменные овальные в поперечном сечении топоры, зернотерки, роговые мотыги с продольным лезвием. Керамика (табл. XCIV, *1—14*) вылеплена из хорошо отмученной глины с примесью песка, а иногда дресвы или шамота, среднего обжига, коричневатых тонов. Поверхность сосудов покрыта тонким слоем коричневато-серого ангоба и залощена. По форме выделяются: округлотелые горшки с высокой шейкой; биконические сосуды с ручками, расположенными на перегибе стенок; низкие ребристые миски с налепными шишечками по ребру или под венчиком; глубокие округлотелые

чаши с наклоненным внутрь или слегка отогнутым наружу краем и двумя ручками, несколько возвышающимися над краем; конические чаши; биконические сосуды с низко расположенными плечиками, украшенными валиками с дуговидными ямками; чаши на высоком поддоне; широкогорлые горшки с отогнутым наружу венчиком. Орнамент очень беден: прямые или косые насечки на венчиках, ряд небольших ямок на плечиках (биконические сосуды, чаши с ребром), валики с насечками или округлыми налепами, уплощенными или приостренными.

О хозяйстве носителей культуры Гоща-Вербковица сказать что-либо определенное трудно. Бесспорные данные есть только о животноводстве и охоте. На поселении Вербковица собраны кости крупного рогатого скота и серны (WA, 1958, t. XXVI, p. 397—398). Статуэтка животного, происходящая с поселения Костянец, свидетельствует о существовании обрядов, связанных с магией плодородия скота. Обломки каменных зернотерок служат косвенным доказательством земледельческой практики.

Поселение Вербковица его исследователем отнесено к культуре Тиса (WA, 1958, t. XXVI, p. 397—398), однако раскопки у сел Гоща, Костянец, Каменка Бужская на Волыни позволили советским ученым поставить вопрос о существовании самостоятельной культуры. Ю. Н. Захарук назвал ее культурой Гоща-Вербковица (*Захарук Ю. М.*, 1971г), а Н. А. Пелещишин — культурой Вербковица-Костянец (*Пелещишин М. А.*, 1974б). Керамика культуры Гоща-Вербковица во многом сходна с посудой культур тисского круга, что усложняет решение проблем происхождения этой культуры, появления ее на территории Волыни, времени ее существования и исторического значения. Обращая внимание на определенное типологическое сходство отдельных форм посуды рассматриваемой культуры с формами керамики культуры Зимно-Злота, Н. А. Пелещишин предполагает, что памятники культуры Гоща-Вербковица позднее памятников культуры Зимно-Злота. По его мнению, они оставлены населением, проникшим с юга через западнокарпатские перевалы на территорию Польши и Западной Волыни (*Пелещишин М. А.*, 1974б). Согласно выводам польских исследователей, поселение Вербковица существовало одновременно с памятниками лендельской культуры (всежсткуявского типа) и памятниками типа Йордансмюль (*Sulimirski T.*, 1957—1959), синхронными трипольским поселениям этапа BII по периодизации Т. С. Пассек. Если признать справедливой датировку культуры Зимно-Злота, предложенную польскими археологами, то можно согласиться с мнением Н. А. Пелещишина о том, что памятники культуры Гоща-Вербковица на Волыни хронологически следуют за памятниками типа Зимно. Ю. Н. Захарук на том же основании синхронизирует памятники культуры Гоща-Вербковица с трипольскими поселениями раннего и начала среднего периодов (*Захарук Ю. М.*, 1971г, с. 216).

Сопоставление форм керамики памятников типа Гоща-Вербковица с трипольскими позволяет улавливать некоторые общие черты эволюции керамики названных культур. На 5-й ступени среднего периода культуры Триполье-Кукутени (на поселениях типа Залещики) распространяются низкие миски с ребром и миски с отогнутым наружу краем, крупные кратеровидные сосуды с резко отогнутым венчиком, но одновременно сохраняются чаши с округлым туловом, слабо выраженной шейкой и двумя ручками-ушками у ее основания. В комплексах Гоща-Вербковица также имеются приземистые миски с ребром, миски с отогнутым краем, сосуды кратеровидной формы и кубки с округлым туловом (табл. XCIV, *1, 2, 6, 13*). Очевидно, создание типологических схем керамики обеих культур позволит в дальнейшем более точно сопоставить энеолитические поселения Волыни и Подолии с трипольскими.

Относительно конца культуры Гоща-Вербковица пока можно лишь сказать, что ее создатели разделили судьбы носителей культуры Зимно-Злота.

Энеолитические памятники Закарпатья

В IV тысячелетии до н. э. на территории Закарпатья обитало население, заметно отличавшееся по материальной культуре от племен Прикарпатья, Молдавии, Подолии и Волыни. Инвентарь немногочисленных поселений, открытых в бассейне Верхней Тисы и ее притоков Уж и Латорица (карта 5, *4—6*), находит прямые аналогии в комплексах культур, сформировавшихся на территории Восточной Венгрии и Восточной Словакии. На этом основании приблизительно 10 поселений Закарпатья могут быть отнесены к энеолитической культуре Тисаполгар, а несколько поселений — к предшествовавшей ей культуре Тиса (*Пелещишин Н. А.*, 1969; *Титов В. С.*, 1971; 1975а; 1975б; *Потушняк М. Ф.*, 1972; 1978). Обследование памятников носило разведочный характер, о чем в печати имеется весьма краткая информация. Опубликовано лишь небольшое число вещей одного поселения, расположенного на окраине г. Берегово (*Пелещишин М. А.*, 1969; 1974б, с. 150, рис. 36; *Титов В. С.*, 1971).

Поселение Берегово площадью около 1 га занимало южный невысокий склон берега р. Вирки. Здесь раскопаны две полуземлянки, состоявшие из двух и трех ям. Бо́льшая яма (3,5×1,8—2 м) одной из полуземлянок имела подпрямоугольную форму, меньшая — округлую (диаметр 1,1 м). Максимальная их глубина от современной поверхности достигала 1,2—1,4 м. Общая длина другой полуземлянки равнялась 5,5 м, ширина — 1,8—2,2 м, глубина — около 1 м. В заполнении жилища зафиксированы обломки глиняной обмазки, видимо, от печей и прослойки древесного угля от сгоревшей наземной части жилища. В большей полуземлянке найдено более 2000 фрагментов керамики, около 50 небольших кремневых скребков, 20 каменных ножей и скребков, пять топоров, несколько орудий из обсидиана, семь зернотерок. Такие же предметы обнаружены во втором жилище, где, кроме них, было еще несколько схематично вылепленных женских статуэток (табл. XCV, *8*).

Керамика поселения делится на две группы. Небольшое количество тонкостенных сосудов, среди которых преобладают миски на высокой полой подставке, изготовлено из глины без заметных примесей. Цвет их светло-коричневый, розовый или белый. Ос-

новная же масса посуды вылеплена из глины с примесью шамота и небольшого количества песка, нередко покрыта темно-красным ангобом и хорошо заглажена. Многие сосуды имеют высокую, расширяющуюся книзу полую подставку (табл. XCV, *5*). Много мисок усеченно-конической формы (табл. XCV, *3*), значительно меньше горшков (табл. XCV, *2*) и амфоровидных сосудов. Стенки сосудов покрывают округлые и конические, одинарные и двойные налепы. Чрезвычайно разнообразны ручки сосудов: в виде прямоугольных уступов с вертикальным отверстием или без него, горизонтальные тунелеобразные, вертикальные коленчатые, в виде налепов гладких или расчлененных защипами (*Титов В. С.*, 1971). Часть форм расписана до обжига темно-коричневой или черной краской (табл. XCV, *1, 4*), причем геометрический орнамент покрывает всю поверхность. Есть фрагменты с углубленным узором в виде лент, заполненных штрихами и образующих меандры. Многие из перечисленных признаков керамики свидетельствуют о связях ее с культурой Тиса, на что указывают все исследователи береговского поселения. В то же время в оценке возраста памятника между ними нет согласия. Н. А. Пелещишин и В. С. Титов относят поселение к энеолиту (*Пелещишин М. А.*, 1969, с. 270; *Титов В. С.*, 1971, с. 238), М. Ф. Потушняк — к позднему неолиту (*Потушняк М. Ф.*, 1978, с. 31). Материал, который можно было бы использовать для уточнения хронологического положения береговского поселения, еще не опубликован. По данным М. Ф. Потушняка, поселения культуры Тиса известны у сел Заставное, Великая Паладь, Великие Лазы и в г. Мукачево-Малая Гора (*Потушняк М. Ф.*, 1972; 1978).

Памятники культуры Тисаполгар, датируемые второй половиной IV тысячелетия до н. э., известны у сел Дрисино-Малая Гора, Дедово-Хомпológ, Дедово-Товар, Дьяково II, Малые Геевцы-Дийнеш Эгри, Заставное-Ковадомб, Великие Лазы III, Подгорб и Мукачево-Малая Гора (*Потушняк М. Ф.*, 1972; 1978; *Титов В. С.*, 1975а; 1975б). Раскопками в Дрисино Малая Гора вскрыто 26 разновременных и разнокультурных жилищно-хозяйственных сооружений. Наиболее ранний горизонт (0,45—0,50 м) относится к тисской культуре. В полуземлянках и ямах этого времени найдены обломки горшков, мисок, кубков, амфор, чаш. Некоторые изделия орнаментированы черной краской и резными линиями. На этом же уровне открыто наземное прямоугольное жилище столбовой конструкции, отнесенное по керамике к тисаполгарской культуре. Выше залегали слои гальштатского и латенского времени (*Пеняк С. И.*, *Попович И. И.*, *Потушняк М. Ф.*, 1976). Несколько иные сооружения выявлены на поселении Заставное-Ковадомб (*Титов В. С.*, 1975б). Там частично (на протяжении 8,5 м) вскрыты остатки наземного сооружения шириной 6,6 м. Прослежены канавки от фундамента глубиной до 0,6 м и шириной 0,3—0,4 м, местами перерезанные столбовыми ямами диаметром до 0,8—0,9 м. Предположительно это жилище отнесено к тисаполгарской культуре. Бесспорно к этой культуре относится одна из ям (1А) поселения. Диаметр ее составлял около 1,5 м. В заполнении находилась типичная керамика с клювовидными ушками. Вышеназванные поселения дали много керамики, большая часть которой изготовлена из глины с примесью шамота и крупнозернистого песка. Посуда коричневатых и сероватых тонов имеет лощеную поверхность, причем особенно хорошо залощена внутренняя поверхность сосудов. Преобладают миски (усеченно-конические и округлобокие), в том числе на высоком поддоне, полусферические и округлобокие с отогнутым венчиком чаши, сосуды сферической формы, черпаки с широкими ручками. Высокие поддоны имеют круглые отверстия, а стенки сосудов украшены конусовидными, чаще клювовидными налепами. В целом посуда похожа на восточнословацкую, найденную на поселениях типа Оборин (*Šiška S.*, 1968, p. 107).

Инвентарь энеолитических поселений Закарпатья включает каменные шлифованные топоры и тесла, кремневые и обсидиановые орудия, медный рыболовный крючок. Кость в культурном слое не сохраняется, и орудия из кости не известны.

Синхронизация энеолитических культур, произведенная учеными Чехословакии и Венгрии, позволяет считать тисаполгарские памятники Закарпатья одновременными памятникам культуры Триполье-Кукутени среднего периода. С поздним периодом этой культуры обычно сопоставляется культура Бодрогкерестур (*Dumitrescu V.*, 1968а; *Šiška S.*, 1968), однако находки импортной тисаполгарской керамики на позднетрипольских поселениях Брынзены III и Костешты IV в Молдавии усложнили решение этой проблемы (*Титов В. С.*, *Маркевич В. И.*, 1974). Возможно, тисаполгарские поселения существовали в Закарпатье одновременно с позднетрипольскими поселениями Пруто-Днестровского междуречья. Хронологические границы культуры Тисаполгар пока не установлены. Решение этой проблемы затрудняется отсутствием памятников культуры Бодрогкерестур в Закарпатье.

Памятники культуры воронковидных кубков

Крупнейшей культурной общностью неолита и раннего энеолита Северной и Центральной Европы была культура воронковидных кубков. Она развивалась с середины IV до середины III тысячелетия до н. э. на огромной территории от Рейна и Ютландии на западе до Вислы и Полесья на востоке, от юга Скандинавского полуострова на севере до верховьев Буга и Днестра на юге, где племена культуры воронковидных кубков непосредственно соприкасались с трипольскими племенами. Эта культура сыграла значительную роль в распространении к северу от Дуная и вплоть до побережья Балтийского и Северного морей производящих видов экономики, явилась важнейшей подосновой культурного и этнического развития населения значительной части нашего континента. На территории СССР известны две группы памятников культуры воронковидных кубков: северная — в Калининградской обл. и Западной Белоруссии, и южная — в западных областях Украины (карта 6, *1—4*). Ближайшие аналогии эти группы памятников находят прежде всего на территории

Польши, где культура воронковидных кубков исследуется давно и активно (*Antoniewicz W.*, 1928; *Kozłowski L.*, 1924; 1939; PML, 1961, N6, p. 73—100; *Nosek S.*, 1956; *Podkowińska Z.*, 1961; NP, p. 144—177).

На территории западных областей Украины памятники культуры воронковидных кубков стали известны еще в 20-е годы. Первые значительные раскопки были проведены в 1933—1934 гг. М. Ю. Смишко у с. Малые Грибовичи близ г. Львова (*Смішко М. Ю.*, *Пелещишин М. А.*, 1962). В 50-е годы наряду с систематическим изучением поселений у с. Зимно близ г. Владимира-Волынского Ю. Н. Захарук вел специальные исследования по выявлению границ культур воронковидных кубков и Триполье-Кукутени в зоне их контакта (*Захарук Ю. Н.*, 1955; 1957; 1959). Позднее сопоставление памятников культуры воронковидных кубков, обнаруженных на территории СССР, с аналогичными комплексами междуречья Вислы и Буга позволило исследователю доказать их однотипность (*Захарук Ю. Н.*, 1964). Разведками и раскопками в бассейнах Верхнего Днестра, Буга, Припяти и ее притока р. Турии открыты 40 поселений рассматриваемой культуры (*Пелещишин М. А.*, 1963; 1966; 1971б; 1974б). В те же годы крупные раскопки проводились на территории Польши близ Грудека Надбужного (WA, 1956, t. XXIII, p. 23—48; WA, 1957, t. XXIV, p. 300—306; AP, 1958, т. 2, p. 271—322, 283—328) и Цмелюва (*Podkowińska Z.*, 1955; 1957; 1961).

Поселения культуры воронковидных кубков сооружались преимущественно на мысах, иногда укреплялись рвами и валами (Зимно, Винники). Они связаны с плодородными лессовыми почвами, но известны и сезонные поселения, расположенные в зоне тяжелых и песчаных почв (NP, p. 149). В Зимно на площади 3000 кв. м открыты остатки 22 полуземлянок и 63 хозяйственные ямы. Хорошо прослеживаются углубленные в землю части домов, хуже — наземные их части. Судя по размещению кусков пережженной глиняной обмазки, дома имели в среднем размеры 5×3 и 5×4 м. Остатки печей (диаметр пода 1,7 м) зафиксированы близ хозяйственных ям или в них самих. Судя по тому, что жилища и хозяйственные ямы составляли несколько отдельных комплексов, каждый из последних принадлежал одной большой семье.

На территории СССР могильники культуры воронковидных кубков не обнаружены, но известны отдельные захоронения на площади поселений, что, как мы видели, характерно и для трипольской культуры. Так, на поселении Зимно выявлено несколько безынвентарных погребений, совершенных в вытянутом положении на спине, головой на запад (*Захарук Ю. Н.*, 1955; 1957; *Пелещишин М. А.*, 1963; 1971б). Известны и погребения с инвентарем, весьма небогатым. В одном из мужских захоронений найдены кремневые наконечник стрелы и топор, в одном из женских — обломок сосуда, глиняное пряслице и костяное шило. В Юго-Восточной Польше открыты небольшие могильники, где погребения совершены в грунтовых ямах в вытянутом положении на спине, головой на запад (AR, 1957, N 9, p. 510—523; SA, 1959, t. V, p. 259—267). Некоторые могилы были обставлены или заложены небольшими камнями. Погребальный инвентарь состоял из одного-двух сосудов и какого-нибудь изделия из кремня или кости.

Орудия, найденные на поселениях культуры воронковидных кубков на территории Украины, изготовлены из местного волынского кремня, отличающегося высокой пластичностью (табл. XCVI, *6—14*). На поселение Зимно кремень приносили с довольно большого расстояния, так как поблизости выходов кремня не было (*Захарук Ю. М.*, 1959). Восточные общины получали высококачественный кремень, шедший в основном на изготовление шлифованных топоров, с правобережья Вислы (*Пелещишин М. А.*, 1971б, с. 233). Сделанные из него орудия найдены в Лежнице, Малых Грибовичах и Зимно. Кремневая индустрия пластинчатая. Хорошее качество кремня позволяло отделять от нуклеуса очень ровные пластины длиной более 20 см. Такие пластины служили лезвиями серпов, аналогичных серпам с прямым лезвием, бытовавшим у трипольцев. Укороченные пластины (длиной 5, 6, 9 см) шли на изготовление скребков, резцов, проколок. Из отщепов делали небольшие треугольные наконечники стрел с выемкой в основании. Из кремня изготовляли также топоры, тесла, долота, отличающиеся хорошо отшлифованным лезвием и пришлифовкой всей поверхности. Из местных пород камня делали боевые сверленые топоры с четко выделенным округлым обушком и симметрично расширенным округлым лезвием (табл. XCVI, *1, 2, 5*), зернотерки. Рог и кость служили материалом для наконечников мотыг, долот, лощил, проколок, веретенообразных наконечников стрел (табл. XCVI, *15—25*). Медных изделий мало. В Зимно найдены три плоских клиновидных топорика и несколько бусин. Подобные медные топоры известны в Грудеке Надбужном и Цмелюве. Там же обнаружены литейные тигли, что свидетельствует о местном производстве металлических изделий (WA, 1957, t. XXIV, p. 300—306; *Podkowińska Z.*, 1957). В большом количестве на поселениях находят глиняные грузики для ткацких станов и пряслица. Большинство пряслиц биконической или конической с вогнутым основанием формы и орнаментом в виде радиально расходящихся от центра линий, сделанных наколами.

Керамика, давшая название культуре (табл. XCVII, *1—12*), характеризуется прежде всего плоскодонными сосудами с воронкообразно расширяющимся горлом, отдельные из которых имеют на шейке два или четыре небольших ушка с горизонтально расположенными отверстиями. Форма большинства сосудов биконическая, тулово более или менее округлое. Крупные сосуды в верхней части украшены рядами коротких вдавлений, часто заполненных белой краской. Есть сосуды с низкой, утолщенной в основании шейкой, орнаментированные ямками, оттисками штампа, косыми линиями, и небольшие сосуды с сильно раздутым туловом и валиком в виде воротничка на горле, плоскодонные или на четырех ножках. Характерны и глубокие кубки, сильно расширяющиеся в нижней части, с высоко поднятой над краем ручкой. Ручки двух видов: одни из них завершаются стилизованной фигуркой барана (табл. XCVII, *1*), другие, раздвоенные, напоминают соприкасающиеся боками фигурки двух животных,

выделенные весьма условно (табл. XCVII, *2*, *5*). Последние в профиле имеют тот же вид, что и ручки со скульптурной головкой животного. Известна ручка сосуда в виде упряжки волов (Кренжница Яра), моделированная, видимо, по той же схеме (*Nosek S.*, 1947).

О зооморфном характере раздвоенных ручек свидетельствуют и параллели со скульптурными изображениями бычков, происходящими с верхнеднестровских поселений трипольцев, степень стилизации которых столь велика, что головка быка передается лишь парой рогов. Керамический комплекс культуры воронковидных кубков включает также дуршлаги, миски с ровным краем и сужающимся к низу туловом, миски с плавно загнутым внутрь краем.

Инвентарь рассматриваемых памятников свидетельствует о том, что общины культуры воронковидных кубков и позднетрипольские племена находились примерно на одном уровне развития экономики. Большинство орудий связано с занятием жителей земледелием и животноводством. Прямым свидетельством земледелия являются находки обгоревших зерен пшеницы, ячменя, гороха, льна, кусков лепешки, выпеченной из муки. Косвенным доказательством земледельческой практики служат кремневые заполированные от работы серпы, зернотерки, ямы, служившие зернохранилищами. Об использовании в хозяйстве парной упряжки волов можно судить по упомянутой выше скульптурной ручке сосуда, обнаруженной на поселении Кренжница Яра близ г. Люблина. Она изображает двух волов в одном ярме (*Nosek S.*, 1947). Большую роль в хозяйстве играло и животноводство. Например, в Цмелюве Опатувского дистрикта найдено 40 тыс. костей животных, из которых 60% принадлежит крупному рогатому скоту, 20 — свинье, 10 — мелкому рогатому скоту и только 10% — диким животным. Соотношение костей диких и домашних животных в Зимно примерно такое же: 13% там составляют кости диких животных и 87% — кости домашних животных. Однако видовой состав стада домашних животных в Зимно несколько иной, чем в Цмелюве. На кости крупного рогатого скота приходится 40%, мелкого рогатого скота — 17, свиньи — 30% (*Пелещишин М. А.*, 1971б). Орудия из кремня, кости и меди позволяют предполагать существование таких отраслей хозяйства, как деревообработка, переработка продуктов животноводства, охоты и земледелия, керамическое производство, прядение и ткачество, изготовление орудий труда, украшений, добыча и обработка высокосортного кремня, металлургия меди.

Общины, поселившиеся близ залежей кремня, специализировались на его добыче и обработке (NP, p. 153). Среди шахт по добыче кремня, обнаруженных в нескольких местах, наиболее исследованы шахты в Кшеменках Опатувского повята на Висле, где открыта сложная система колодцев и коридоров, в которых находились пустая порода и сломанные роговые кирки. На поселениях, производивших кремневую продукцию на обмен, найдено множество заготовок кремневых топоров. Изделия из кремня, добытого в Кшеменках, обнаружены в 140 пунктах, причем большинство их зарегистрировано в радиусе до 180 км и только 20 — в 400 км от месторождения. У племен культуры воронковидных кубков, как и у трипольцев, кремневые изделия распространялись в основном среди соплеменников. Отметим, что в Грудеке Надбужном зафиксирован случай находки песчаника, происходящего с верховьев Серета, левого притока Днестра, т. е. с трипольской территории (*Захарук Ю. М.*, 1959).

Находки трипольской керамики на поселениях культуры воронковидных кубков отмечались неоднократно (*Захарук Ю. М.*, 1959). Формы посуды, техника нанесения узора и орнамент позволяют с уверенностью говорить о контактах юго-восточной группы общин культуры воронковидных кубков с ближайшими трипольскими общинами, населявшими во второй половине позднего периода Волынь. Ближайшие аналогии эта керамика находит в памятниках городского типа. Вместе с тем сосуды культуры воронковидных кубков и их обломки найдены на позднетрипольских поселениях, в частности у с. Новая Черторыя на Волыни (*Захарук Ю. М.*, 1959). Соседство носителей культуры воронковидных кубков с трипольцами не могло не сказаться на облике их культуры. Подобно трипольским племенам, они сооружали дома на плетневом каркасе, обмазанном глиной, практиковали погребения по обряду трупосожжения; кроме того, они изготовляли керамику, подражающую трипольской (*Захарук Ю. М.*, 1959; NP, p. 144—177). Контактам общин обеих культур способствовало сходство их образа жизни, способа ведения хозяйства и отчасти идеологических представлений. Так, на памятниках обеих культур известны миниатюрные глиняные топорики с отверстиями для рукояти, связанные с культом топора (*Захарук Ю. М.*, 1959, с. 66; *Мерперт Н. Я.*, 1975, с. 163—172). Судя по скульптурным изображениям, у племен культуры воронковидных кубков существовал и культ какого-то божества, почитаемого в облике барана. Ритуальное назначение имели сосуды с ручками в виде стилизованных фигурок животных (баранов) или головки быка, а также «сосуды» без дна (*Podkowińska Z.*, 1955).

Судя по археологическим данным, общественный строй племен культуры воронковидных кубков был подобен общественному устройству позднетрипольских племен. В частности, группировка жилищ на площади поселений свидетельствует о том, что община состояла из нескольких больших семей. Небольшие родовые могильники рассматриваемой культуры не содержат материалов, отражающих имущественное неравенство членов общины, однако мегалитические сооружения, известные в Северо-Восточной Польше наряду с бескурганными захоронениями, позволяют предполагать существование «верхушки» общества, обряд погребения представителей которой отличался особой сложностью (NP, p. 144—177). Обладали ли они богатством в виде стад, металлических изделий или других ценностей, не известно, но такой трудоемкий обряд мог быть совершен только в честь очень почитаемых членов рода. Погребения эти (часто парные) совершены в вытянутом положении на спине, реже в скорченном положении на боку, головой на запад под земляными насыпями высотой до 3 м, обложенными камнями. Насыпи треугольной или прямоугольной в плане формы в длину достигали 150 м, в ширину — 15 м. Заметим также, что культ боевого топора мог существовать

только в обществе с развитыми патриархально-родовыми отношениями.

О происхождении рассматриваемой культуры имеются самые противоречивые мнения. Большинство исследователей считают культуру воронковидных кубков результатом сложных интеграционных процессов, происходивших на обширной территории от Рейна до Буга на базе северо- и центральноевропейских культур эпохи мезолита и раннего неолита (NP, p. 177). Хронологические рамки этой культуры весьма широки. Около 40 радиокарбонных дат, известных для памятников культуры воронковидных кубков, позволяют относить ее к периоду, охватывающему вторую четверть IV — вторую четверть III тысячелетия до н. э. (*Долуханов П. М.*, *Тимофеев В. И.*, 1972, с. 57). На территории Польши представлены как наиболее ранние памятники, относящиеся к рубежу первого и второго периодов неолита этой территории, например Сарново Влоцлавекского дистрикта, так и поздние, синхронные позднему Триполью, например Цмелюв Опатувского дистрикта (NP, p. 163—165). Для Сарново получена дата 3620±60 лет до н. э. (GrN-5035), для Цмелюва — несколько дат, в числе которых 2665±40 лет до н. э. (GrN-5088) (*Долуханов П. М.*, *Тимофеев В. И.*, 1972, с. 57). Относительно происхождения варианта культуры воронковидных кубков, представленного на территории СССР, известно, что он сложился в результате переселения части общин этой культуры сначала на Верхнюю Вислу, а затем в верховья Буга и далее на восток. Памятники этого варианта синхронизируются с поздним Трипольем и содержат однотипный инвентарь. Проблема исчезновения культуры воронковидных кубков связана с проблемой развития культуры шаровидных амфор, одним из основных компонентов которой и явилась рассматриваемая культура.

Культура шаровидных амфор

Культура шаровидных амфор существовала в III тысячелетии до н. э. на огромной территории от Эльбы до Среднего Поднепровья, включая бассейны Днестра, Прута и Сирета (карта 6, *5—12*). Согласно одной из последних гипотез, эта культура формировалась в бассейнах Одры и Варты, где сосредоточены наиболее ранние ее памятники (NP, p. 219). Ее создателями были, видимо, местные племена, долгое время находившиеся под влиянием соседних культур, в том числе и культуры воронковидных кубков. Зафиксированное в нескольких пунктах стратиграфическое положение разнокультурных археологических объектов позволило определить хронологическое соотношение памятников культуры шаровидных амфор с памятниками других культур. Установлено, что она частично сосуществовала с позднетрипольской культурой и поздней фазой культуры воронковидных кубков. По мнению Т. Вислянского, восточная группа памятников развивалась параллельно позднему Триполью, но не дожила до его финальной фазы (NP, p. 218). На части трипольской территории, в Среднем Поднепровье, эта группа сменила памятники Триполья.

В развитии культуры шаровидных амфор различают три последовательные фазы, охватывающие период от второй до четвертой четверти III тысячелетия до н. э. (NP, p. 218). На территории Польши начало этой культуры документируется радиокарбонной датой образца из Заребова — 2675±40 лет до н. э., а ее конец — датой, полученной для погребения в Клементовице,— 2225±30 лет до н. э. (*Долуханов П. М.*, *Тимофеев В. И.*, 1972, с. 58). Памятники культуры шаровидных амфор, открытые на территории СССР, соответствуют второй и третьей фазам и относятся к третьей и четвертой четвертям III тысячелетия до н. э. Сложение восточной группы памятников этой культуры объясняется продвижением части ее носителей из бассейна Вислы сначала в верховья Буга и Стыри, а затем далее на восток и юго-восток.

На территории Украины памятники культуры шаровидных амфор стали известны еще в конце XIX в., но лишь в 20—30-е годы XX в. были предприняты первые попытки осмысления накопившегося материала, связанные с именами Л. Козловского (*Kozłowski L.*, 1924, 1939), Е. Сецинского (*Сіцінський Є.*, 1927), В. Антоневича (*Antoniewicz W.*, 1928; 1938), И. Ф. Левицкого (*Левицький І.*, 1929). Начиная с 50-х годов большую работу по изучению памятников культуры шаровидных амфор ведет И. К. Свешников (*Свєшніков І. К.*, 1957; 1971).

На территории Советского Союза поселения культуры шаровидных амфор пока не обнаружены, но зафиксировано около 120 отдельных погребений и находок. Поселения, исследованные в Польше, Чехословакии, ГДР и ФРГ (NP, p. 186), состояли из полуземлянок и наземных домов трапециевидной в плане формы с очагом в центре. Культурный слой поселений беден. Различия в конструкциях погребальных сооружений, обряде погребения и вещевом материале позволили И. К. Свешникову выделить две локальные группы памятников рассматриваемой культуры — подольскую и волынскую (*Свєшніков І. К.*, 1957; 1971).

Для подольского варианта культуры характерны грунтовые могильники с трупоположениями в прямоугольных гробницах, не отмеченных на поверхности. Гробницы имеют форму ящиков, стены, дно и перекрытие которых составлены из крупных каменных плит прямоугольной формы. Погребения (одиночные, парные и коллективные) совершены обычно в скорченном положении на боку или на спине. Кроме того, зафиксировано несколько захоронений мужчин в сидячем положении. Твердой ориентировки, видимо, не было, так как в одних случаях каменный ящик длинной осью ориентирован по линии север — юг, а в других — по линии северо-запад — юго-восток. Погребальный инвентарь довольно беден. Он состоит из одного-двух сосудов, каменных орудий, костяных и янтарных украшений, костей животных (домашней свиньи). Примером может служить коллективное погребение, раскопанное в 1964 г. у с. Хартонивцы Тернопольской обл. (*Пелещишин М. А.*, 1974б). В каменном ящике трапециевидной в плане формы находилось пять скелетов — трех женщин, ребенка и мужчины. При скелете взрослой женщины найдены небольшой сосуд и костяная пряжка. Женщину с грудным ребенком сопровождали два сосуда, еще одну молодую женщину — сосуд

и шлифованный кремневый топор. Последним был погребен взрослый мужчина в сидячем положении. Его костяк перекрывал кости остальных захоронений, также совершенных в северо-восточной части ящика. При нем найден сосуд с крышкой. Кроме того, в гробнице обнаружены еще две костяные пряжки, которые трудно связать с определенным погребенным. Похожее групповое захоронение расчищено у с. Долгое Тернопольской обл. (*Свєшнiков I. К.*, 1971).

Шаровидные амфоры подольского варианта (табл. XCVIII, *13*, *22*, *23*) представляют собой сосуды с округлым туловом, ровным или круглым дном, цилиндрической шейкой и двумя—четырьмя ушками у ее основания. Преобладающим мотивом орнамента являются горизонтальные ряды переплетающихся линий, создающих овалы или ромбы в комбинации со свисающими треугольниками. Треугольники заполнены дуговидными углублениями («рыбья чешуя») или пересекающимися штрихами, проведенными параллельно сторонам треугольников. Часто используется в орнаменте и мотив «елочки». Некоторые сосуды украшены рядами полукруглых углублений, коротких вертикальных штрихов или оттисками шнура. Сосуды с яйцевидным туловом, округлым или несколько сплющенным дном, цилиндрической шейкой и двумя — четырьмя ушками у основания шейки (табл. XCVIII, *20*, *21*) орнаментированы тем же способом. Миски редки, крышки имеют форму низкого цилиндра (табл. XCVIII, *19*).

Для волынского варианта культуры характерны погребальные сооружения четырех типов: прямоугольный ящик из каменных плит; каменный ящик с небольшой пристройкой — «сенями»; гробница из двух вертикально поставленных плит, прикрытых сверху горизонтальной плитой; каменный ящик под курганной насыпью. В последнее время в этой группе памятников культуры шаровидных амфор стали известны грунтовые захоронения без ящика, например погребение у с. Городок Ровенской обл. (*Свєшнiков I. К.*, 1971). На Волыни погребения совершены как по обряду трупоположения, так и по обряду трупосожжения, но более распространено скорченное трупоположение. В Колодяжном и Суемцах зафиксированы мужские погребения в сидячем положении возле скорченных женских костяков. Иногда умерших посыпали красной охрой. Известен случай (с. Анета), когда погребенный мужчина был положен на слой древесного угля. Наряду с коллективными (до 10 человек) практиковались и одиночные погребения. Прах кремированных клали на дно каменного ящика или помещали в сосуд. Инвентарь волынской группы близок инвентарю подольской.

Шаровидные амфоры волынского варианта имеют ручки, прикрепленные чуть ниже шейки. Орнамент, украшающий верхнюю часть сосуда, состоит из рядов коротких вертикальных линий и линий, образующих зигзаг или «елочку». Реже используются круглые ямки, полукруглые углубления, оттиски шнура в виде рядов со спускающимися с них фестонами (табл. XCVIII, *1*, *9*, *10*). Имеются также высокие стройные амфоры с небольшим дном, яйцевидным туловом, высокой шейкой и четырьмя ушками на плечиках; глубокие чаши с яйцевидным туловом и округлым дном (табл. XCVIII, *11*); плоскодонные широкогорлые горшки (табл. XCVIII, *3*); сосуды со сферическим туловом, с высокой шейкой и без шейки, с ручками вверху (табл. XCVIII, *6*, *7*); миски; крышки (табл. XCVIII, *2*).

Каменные орудия, происходящие из могильников Волыни и Подолии, одинаковы (*Свєшнiков I. К.*, 1971). Это хорошо отполированные кремневые клиновидные топоры, прямоугольные в поперечном сечении (табл. XCVIII, *4*, *15*), долота (табл. XCVIII, *16*), ножи, сверленые топоры и молоты (табл. XCVIII, *5*). Среди пластинчатых ножей известен экземпляр с заполированным рабочим краем (*Свєшнiков I. К.*, 1971, с. 246). Обычно заполированность пластин является следствием использования их в качестве лезвий серпов. В числе изделий из кремня отметим также наконечник стрелы треугольной формы с черешком. Для памятников культуры шаровидных амфор типичны украшенные резьбой костяные подковообразные поясные пряжки с прорезями и мелкими круглыми отверстиями (табл. XCVIII, *14*), подвески из клыков кабана и зубов медведя, глиняные бусины, янтарные цилиндрические бусины и округлые подвески (табл. XCVIII, *17*). Среди янтарных изделий имеется амулет в виде диска с отверстием в центре. С одной стороны на нем помещен символ солнца — крест, с другой — схематичное изображение трех человек с луками и стрелами (*Свєшнiков I. К.*, 1971, с. 155—157). Известны и медные украшения (табл. XCVIII, *8*, *18*).

О хозяйстве общин культуры шаровидных амфор в разное время высказывались различные предположения. Близким к истине представляется мнение о животноводческо-земледельческой основе их хозяйства, которой сопутствовали охота и, очевидно, рыболовство и собирательство. В остеологическом материале из культурных слоев и погребений преобладают кости коровы; второе место занимают кости свиньи, а кости овцы и козы не превышают 10%. В отдельных случаях зафиксированы кости лошади и ритуальные захоронения лошадей (NP, p. 222—223). Вместе с тем заметное преобладание в стаде крупного рогатого скота и свиньи указывает на придомный характер скотоводческой практики, а следовательно, и на оседлость, что документируется остатками долговременных поселений. Установлено, что памятники культуры шаровидных амфор расположены исключительно в районах плодородных почв, т. е. там, где были наилучшие возможности для ведения земледелия. Свидетельствами наличия земледелия являются также находки отпечатков зерен ячменя и пшеницы, кремневых лезвий серпов и каменных наконечников мотыг (NP, p. 223). Керамика рассматриваемой культуры близка посуде древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы. Шаровидные амфоры ассоциируются с трипольскими сосудами, приспособленными для хранения зерна под плотно закрытой крышкой.

Таким образом, культура шаровидных амфор определенное время сосуществует с культурами шнуровой керамики, но исчезает ранее наступления наиболее поздней фазы последних, а в восточных своих пределах, как уже говорилось, несколько ранее финальной фазы позднетрипольской культуры.

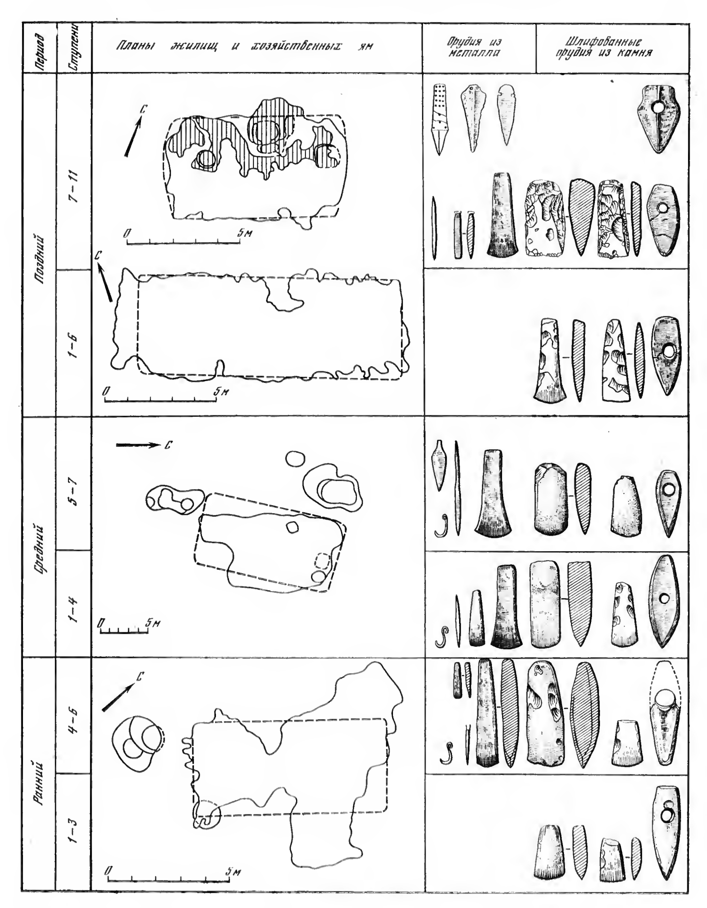

Таблица LII. Схема эволюции жилищ и инвентаря культуры Триполье-Кукутени

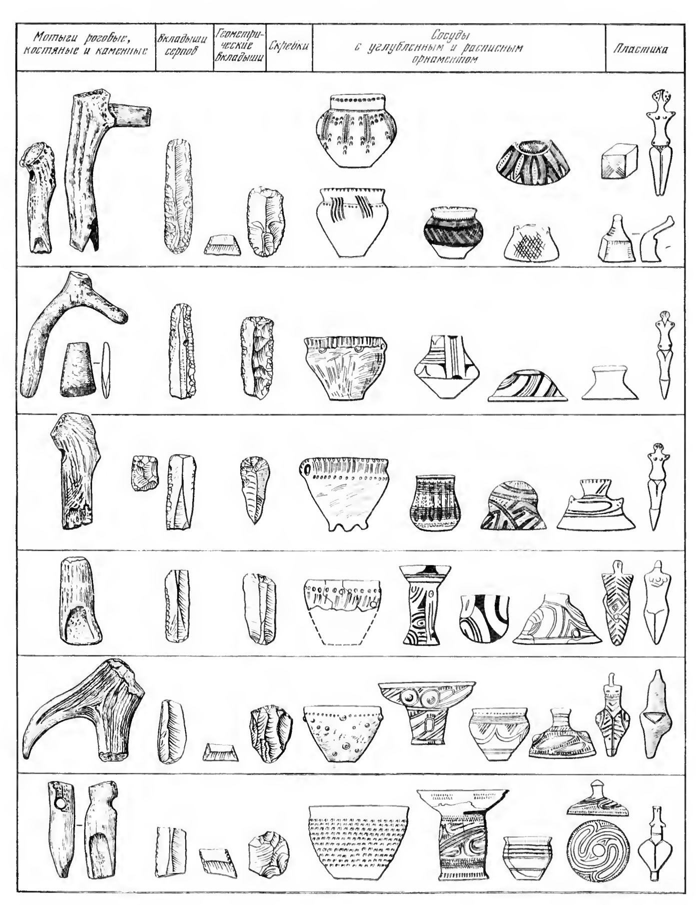

Таблица LII (окончание)

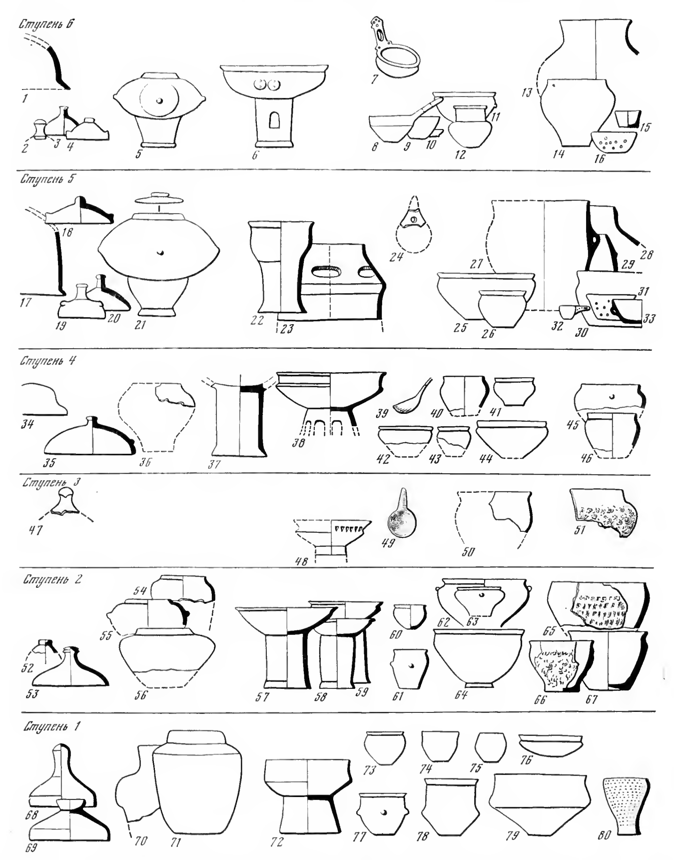

Таблица LIII. Основные формы керамики раннего периода культуры Триполье-Кукутени ступени (1—6)

1—3, 7, 9, 16 — Карбуна; *4, 12* — Александровка (Одесская обл.); *5, 6* — Солончены I; *8* — Тырпешти III; *10, 11, 13—15* — Лука-Врублевецкая; *17—33* — Ленковцы; *34—46* — Александровка I; *47—51* — Мындришка; *52, 53* — Трудешти-Гигоешти; *54, 57, 58, 60—62, 64—67* — Рогожаны I; *55, 59* — Флорешты II; *56, 63* — Кетриш I; *68, 69, 71, 78* — Траян-Дялул Вией; *70, 72, 73, 77, 80* — Эрестегин; *74, 75, 79* — Банку; *76* — Сфынтул Георге

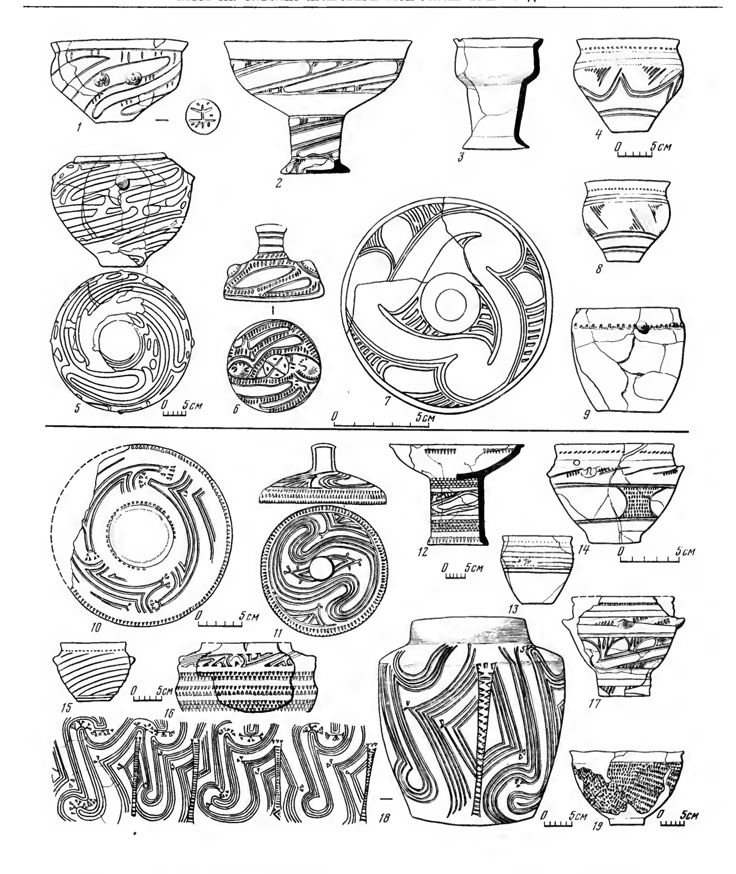

Таблица LIV. Керамика первой (*10—19*) и второй (*1—9*) половины раннего периода культуры Триполье-Кукутени

1, *3*, *4*, *6*, *8*, *9* — Ленковцы; *2*, *5* — Траян-Дялул Фынтынилор II; *7* — Тырпешти III; *10*, *18* — Траян-Дялул Вией; *11—13*, *15—17*, *19* — Рогожаны I; *14* — Ларга-Жижия

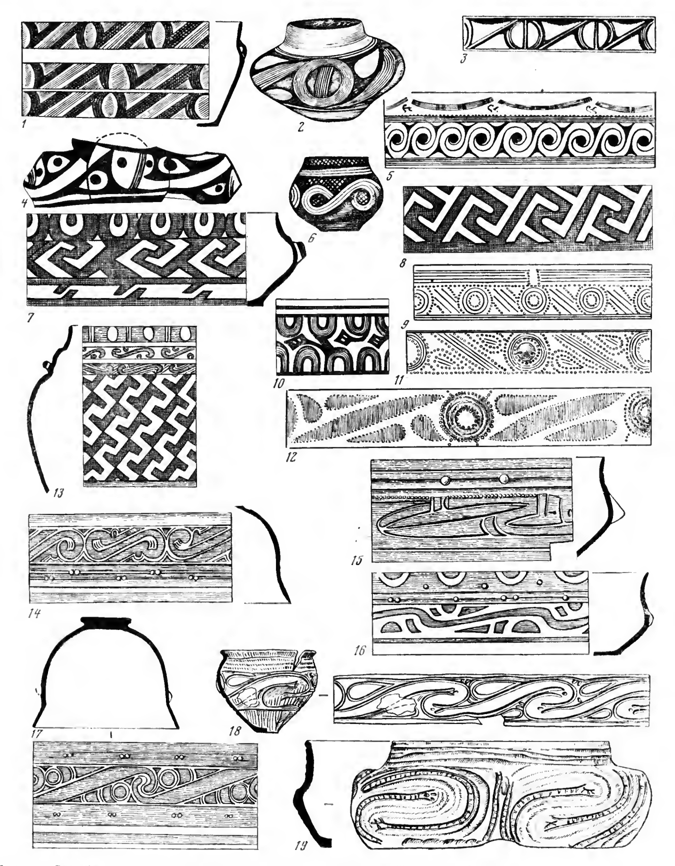

Таблица LV. Змеевидные орнаменты на керамике культуры Триполье-Кукутени

1 — Фрумушика II; *2* — Залещики; *3* — Дарабаны II; *4* — Раковец; *5, 23* — Шипенцы Б; *6* — Солончены II_2; *7, 13—17, 26—30* — Фрумушика I; *8—12, 31* — Хэбэшешти I; *18* — Извоаре I_2; *19, 35* — Траян-Дялул Вией; *20* — Петрены; *21* — Тирасполь; *22* — Тудорово; *24* — Рашков XI; *25* — Кошиловцы-Обоз; *32, 33* — Ленковцы; *34* — Эрестегин; *36* — Унгены

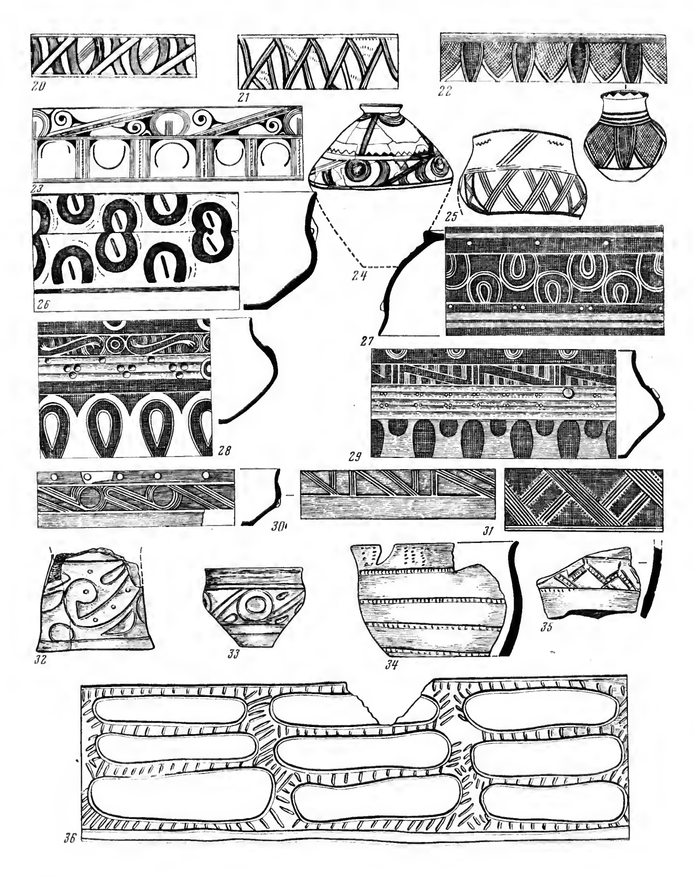

Таблица LV (окончание)

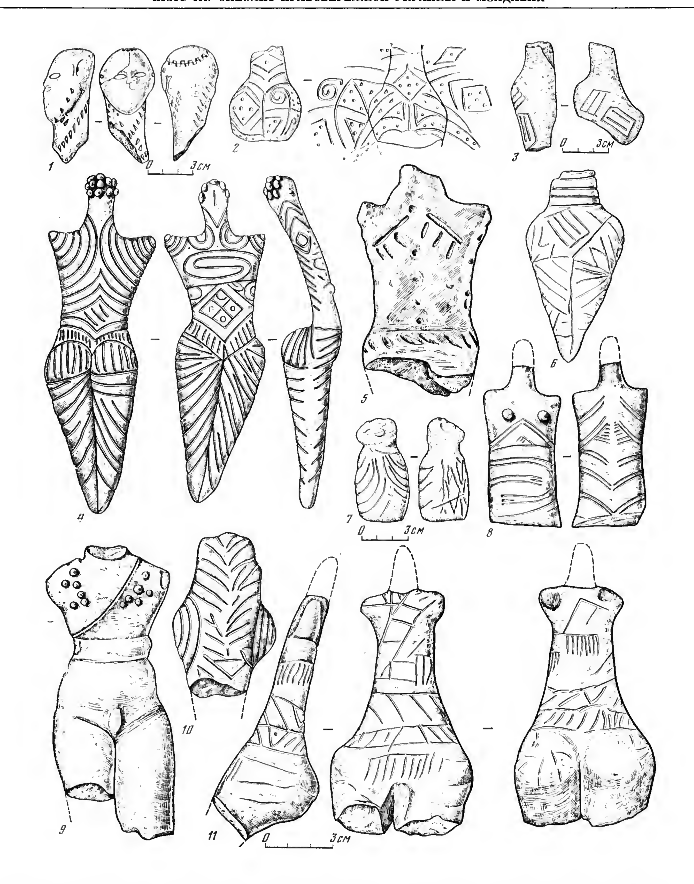

Таблица LVI. Антропоморфные статуэтки культуры Триполье-Кукутени с символическими знаками

1 – Траян-Дялул Вией; *2*, *11* – Новые Русешты $I_{1б}$; *3*, *7* — Тырпешти III; *4* — Кукутени-Четэцуя I; *5*, *6*, *10* — Лука-Врублевецкая; *8* — Новые Русешты $I_{1а}$; *9* — Раковец

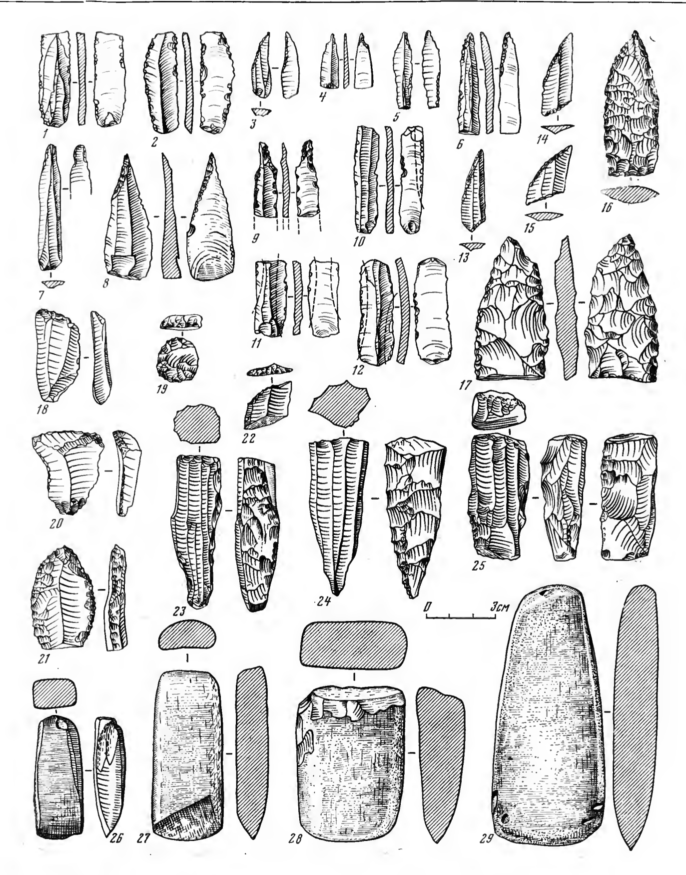

Таблица LVII. Орудия из кремня (*1—25*) и камня (*26—29*) с поселения Флорешты

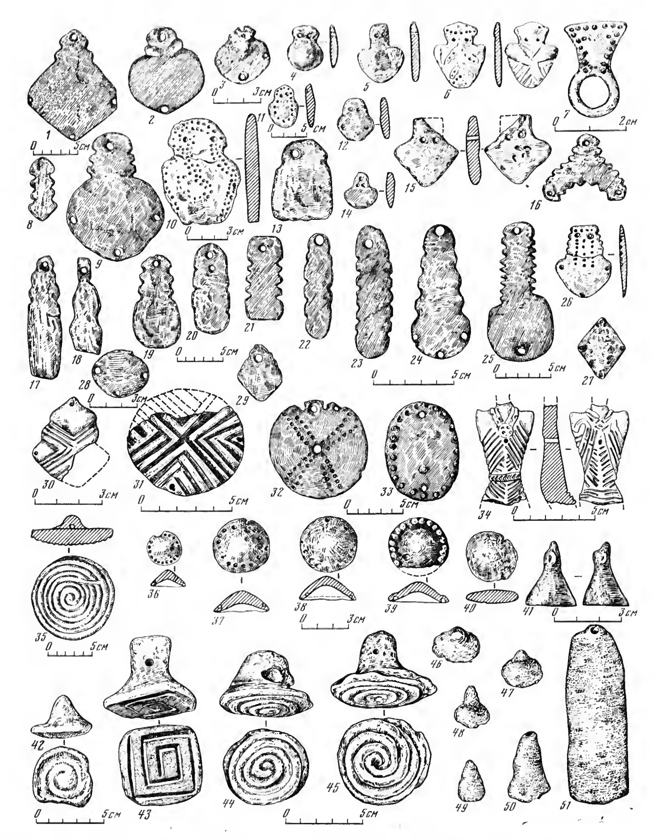

Таблица LVIII. Ритуальные принадлежности с поселений культуры Триполье-Кукутени

1—3, 9, 13, 16, 19—25, 28, 29, 32, 33 — медные амулеты. Карбуна; *4—6, 10—12, 14, 15, 26, 36—40* — глиняные амулеты. Хэбэшешти I; *7* — золотой амулет. Траян-Дялул Фынтынилор III; *8* — костяной амулет. Сабатиновка II_2; *17, 18* — костяные амулеты. Флорешты II; *27* — глиняный амулет. Поливанов Яр III; *30* — глиняный амулет. Трудешти (Гигоешти); *31, 43—45* — глиняные печати. Фрумушика I; *34* — статуэтка с изображением амулета. Фрумушика I; *35, 42* — глиняные печати. Хэбэшешти I; *41* — конусовидное изделие. Трушешти I; *46—50* — конусовидные изделия. Фрумушика I; *51* — лепное изображение фаллоса. Фрумушика I

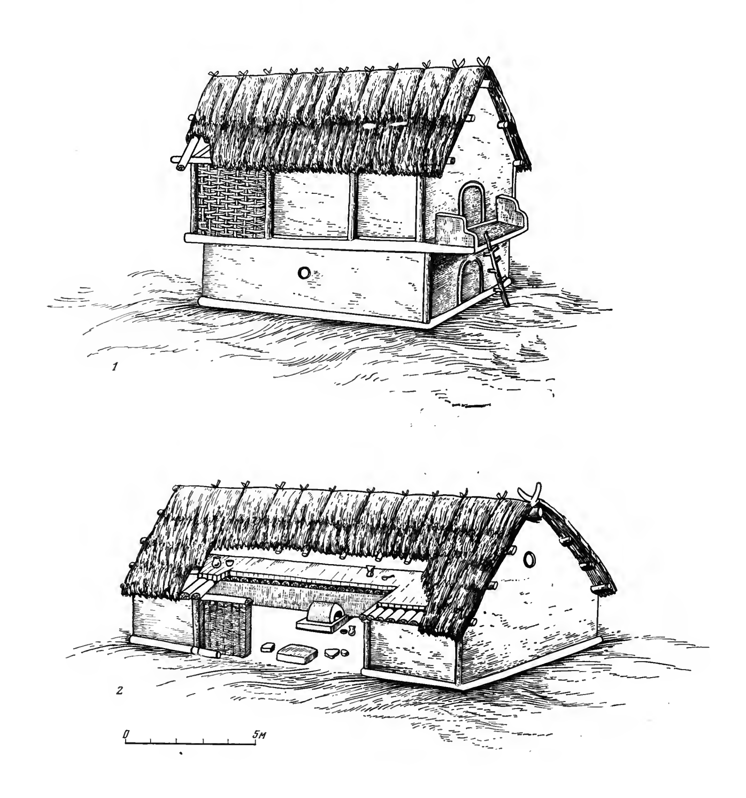

Таблица LIX. Реконструкция трипольских жилищ

1 — поселение Раковец; *2* — поселение Ленковцы

Период	Ступени	Топоры		Шилья	Крючки	Долота и зубила	Ножи	Кинжалы
		клиновидные	проушные					
Поздний	1–11							
Средний	5–7							
	1–4							
Ранний	5–6							0 5 см

Таблица LX. Медные изделия культуры Триполье-Кукутени (по Н. В. Рындиной)

Браслеты	Колечки, перстни	Височные кольца	Бусы и пронизки	Амулеты	Амулеты с орнаментом	Прочие изделия	Типы привозных вещей

Таблица LX (окончание)

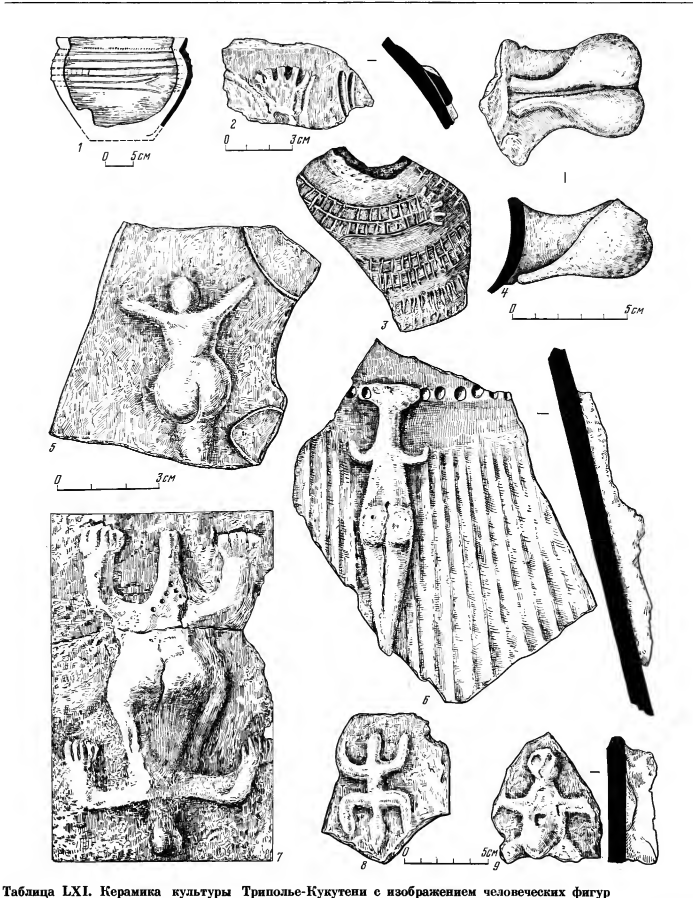

Таблица LXI. Керамика культуры Триполье-Кукутени с изображением человеческих фигур

1 — Рогожаны I; *2*, *4* — Извоаре I₂; *3* — Флорешты II; *5* — Траян-Дялул Фынтынилор II; *6*, *9* — Бырлэлешти; *7*, *8* — Трушешти I; *10*, *11*, *14* — Тырпешти III; *12* — Новые Русешты I_{1a}; *13* — Лука-Врублевецкая; *15* — Жуковцы; *16*, *17* — Веремье; *18* — Гребени; *19* — Мерешовка II (?); *20* — Брынзены III

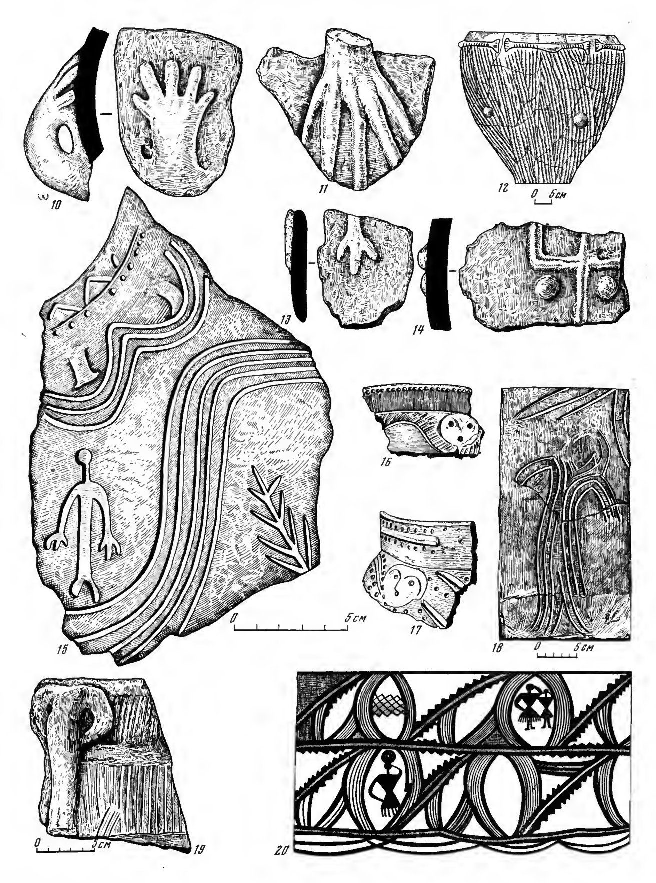

Таблица LXI (окончание)

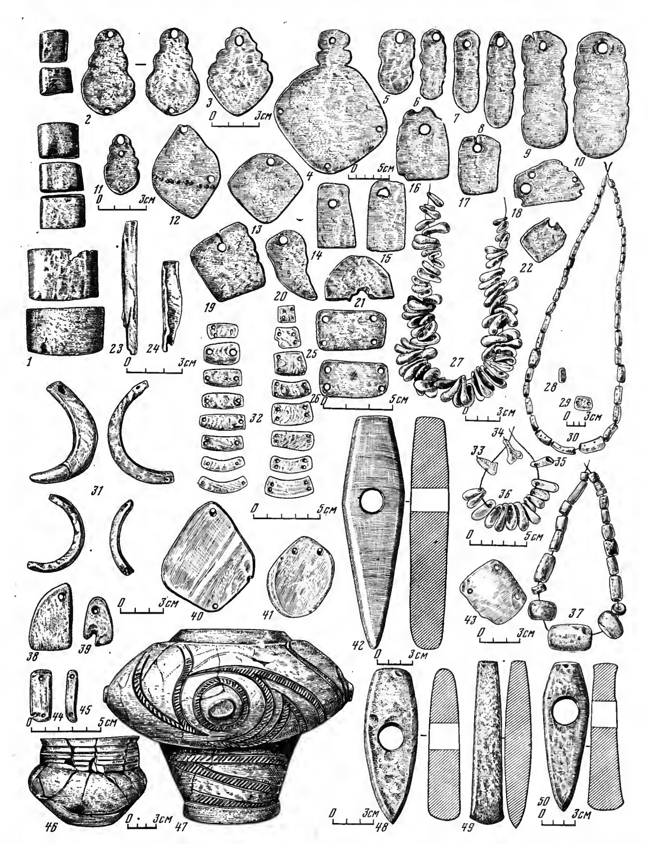

Таблица LXII. Клады с поселений Карбуна *(1—56)*, Хэбэшешти I (*57—62*) и Городница II (*63—68*)

1 — медные пластины с загнутыми краями; *2—22, 57* — медные амулеты; *23, 24* — заготовки для медных бусин; *25, 26* — медные нашивные бляшки; *27, 60* — ожерелья из зубов оленя; *28—32, 38—41, 44, 45* — пластины и бусы из морских раковин; *33* — подвеска из человеческого зуба; *34* — костяной амулет; *35* — подвеска из зуба оленя; *36* — костяные имитации зубов оленя; *37* — ожерелье из мраморных бусин; *42* — беломраморный топор; *43* — пластина из мрамора; *46, 47, 63* — глиняные сосуды; *48* — сланцевый топор; *49, 50, 64, 65* — медные топоры; *51. 68* — медные бусы; *52—55, 61, 62* — медные браслеты; *56. 58* — медные пронизки; *59* — известняковые бусы; *66* — медный нож; *67* — медная диадема

Таблица LXII (окончание)

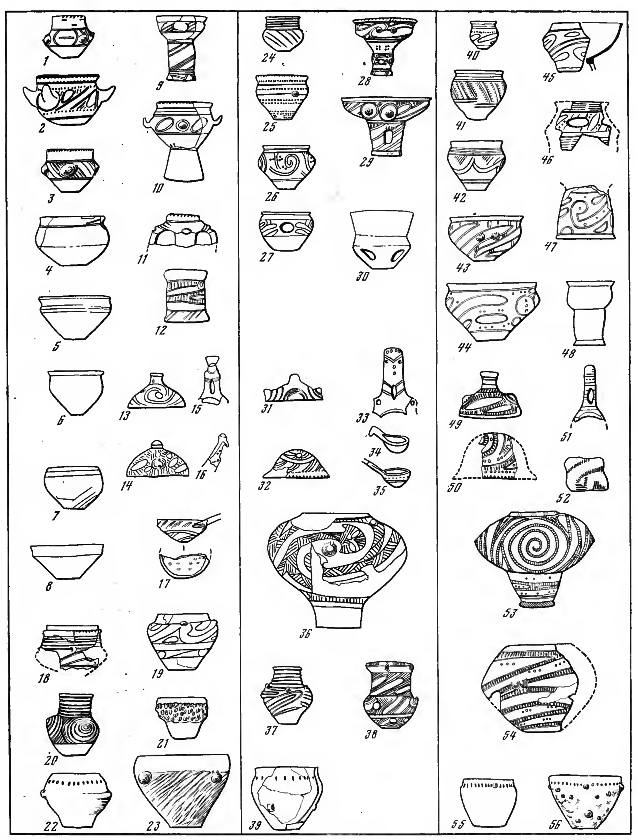

Таблица LXIII. Керамика раннего периода культуры Триполье-Кукутени из Восточного Прикарпатья *(1—23)*, Побужья *(24—39)* и Среднего Поднестровья *(40—56)*

1, 9, 10, 13, 20, 22, 23 — Траян-Дялул Фынтынилор II; *2, 14, 18, 19* — Извоаре I_2; *3* — Негрешти; *4—8, 11, 15, 17* — Тырпешти III; *12, 21* — Андриешени; *16* — Влэдени II; *24, 34* — Карбуна; *25* — Данилова Балка; *26, 27, 33, 39* — Новые Русешты $I_{1б}$; *28* — Греновка; *29* — Солончены I; *30, 32, 36—38* — Сабатиновка II_2; *31* — Александровка (Одесская обл.); *35* — Голерканы; *40, 42—49, 53, 55* — Ленковцы; *41, 51, 54, 56* — Лука-Врублевецкая; *50, 52* — Берново-Лука

Таблица LXIV. Ритуальные принадлежности и сосуды с символическими знаками культуры Триполье-Кукутени (глина)

1 — Трушешти I; *2* — Лука-Врублевецкая; *3* — Берново-Лука; *4* — Фрумушика; *5* — Хэбэшешти I; *6* — Сабатиновка II₂; *7*, *16* — Поливанов Яр I₁; *8* — Кошиловцы-Обоз; *9* — Дрэгушени; *10* — Фрумушика I; *11* — Солончены II₂; *12* — Новые Русешты I₁а; *13* — Клищев; *14* — Фрумушика II; *15* — Голерканы

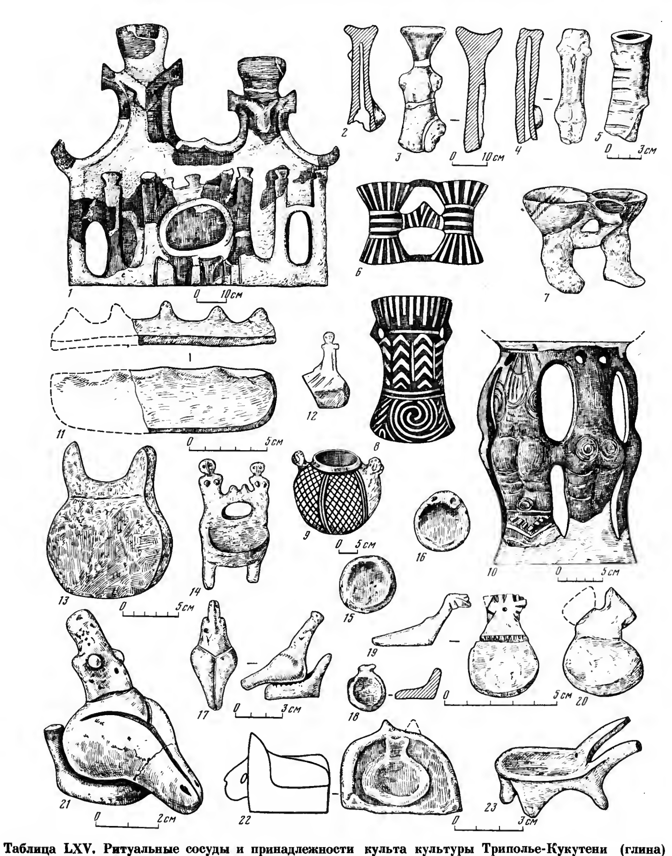

Таблица LXV. Ритуальные сосуды и принадлежности культа культуры Триполье-Кукутени (глина)

1—5, *25*, *27* — алтари; *6—10*, *24*, *28—34*, *37* — сосуды для жертвоприношений; *11—16*, *18—20*, *22*, *23*, *36* — изображения сидений; *17*, *21*, *35* — антропоморфные статуэтки; *26* — полая фигурка птицы

1—5, *25*, *27* — Трушешти I; *6*, *8* — Дрэгушени; *7* — Незвиско III; *9* — Цвикловцы; *10* — Фрумушика I; *11*, *17*, *18*, *22* — Тырпешти III; *12* — Кошиловцы-Обоз; *13* — Сабатиновка II_2; *14* — Липканы; *15*, *16* — Флорешты II; *19—21* — Александровка (Одесская обл.); *23* — Извоаре I_2; *24* — Руджиноаса; *26* — Фрумушика II; *28*, *35* — Лука-Врублевецкая; *29*, *30*, *36* — Хэбэшешти I; *31* — Траян-Дялул Фынтынилор II; *32*, *33*, *37* — Городница-Городище; *34* — Новые Русешты I_{1a}

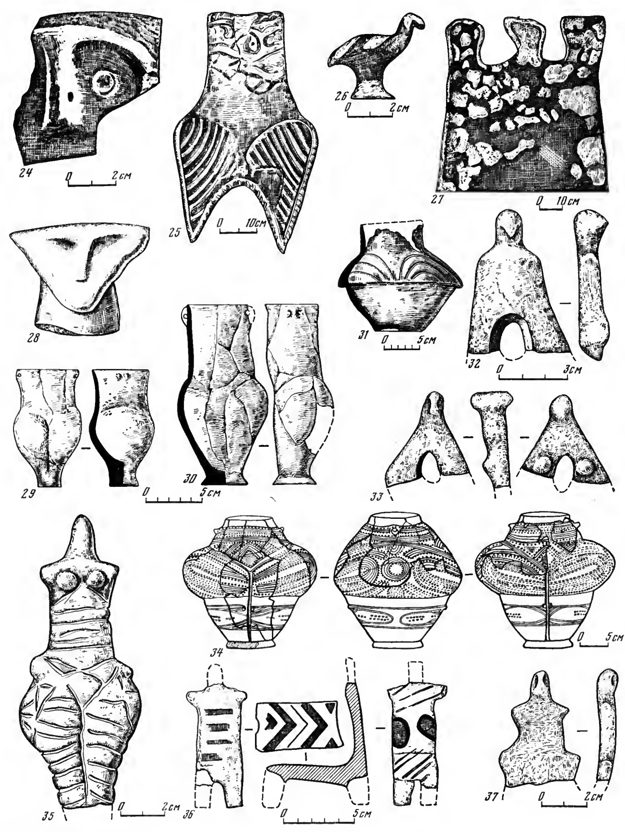

Таблица LXV (окончание)

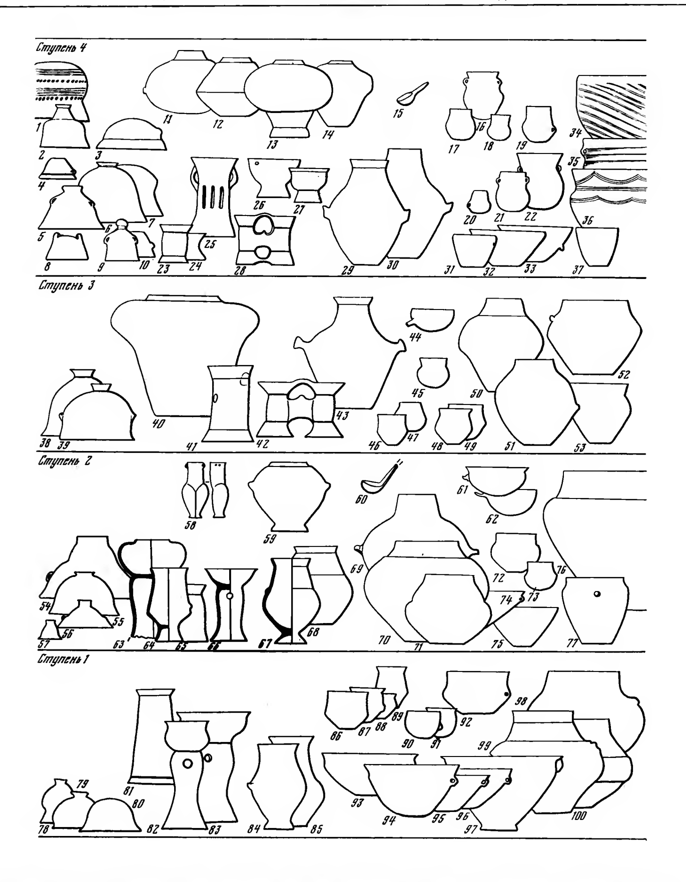

Таблица LXVI. Основные формы керамики первой половины (ступени 1—4) среднего периода культуры Триполье-Кукутени

1, 2, 9, 30, 36 — Новые Дуруиторы; *3, 4, 7, 8, 14—19, 23—24, 28, 31—35, 37* — Незвиско II; *5, 6, 12, 20, 25—27* — Дрэгушени; *11, 13, 29* — Журы; *38—53* — Трушешти I; *54—77* — Хэбэшешти I; *78—100* — Фрумушика I

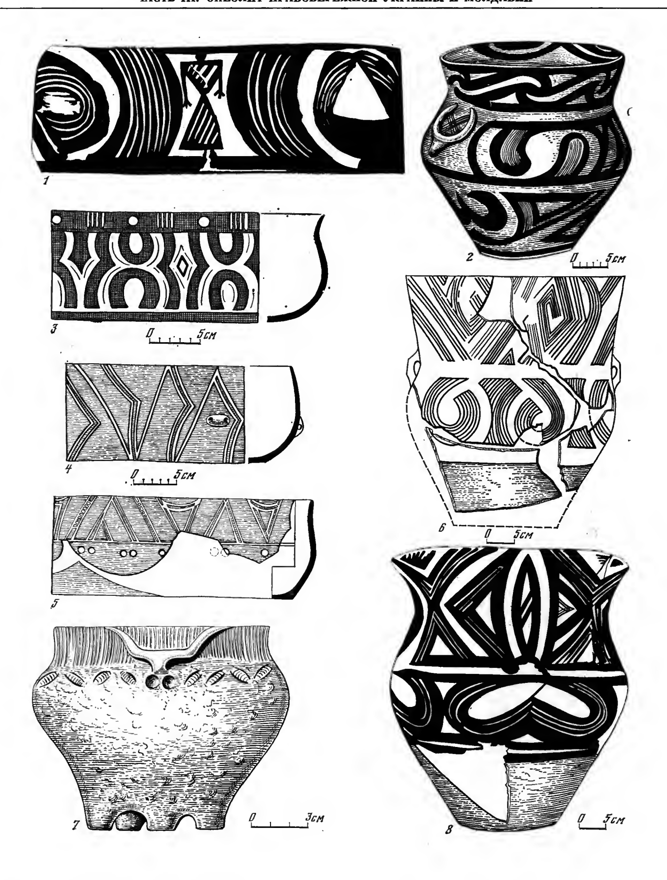

Таблица LXVII. Керамика культуры Триполье-Кукутени с символическими знаками

1—6 — Траян-Дялул Фынтынилор III; *2* — Тыргу Окна-Подей;
3—5 — Фрумушика I; *7* — Фрумушика II; *8* — Гелэешти

Таблица LXVIII. Керамика культуры Триполье-Кукутени с символическими знаками

1—4 — Дрэгушени; *2* — Кукутени-Четэцуя III; *3—9* — Кошиловцы-Обоэ; *5* — Шипенцы Б; *6* — Фрумушика I; *7* — Кукутени-Четэцуя I; *8* — Фрумушика II; *10* — Тудорово

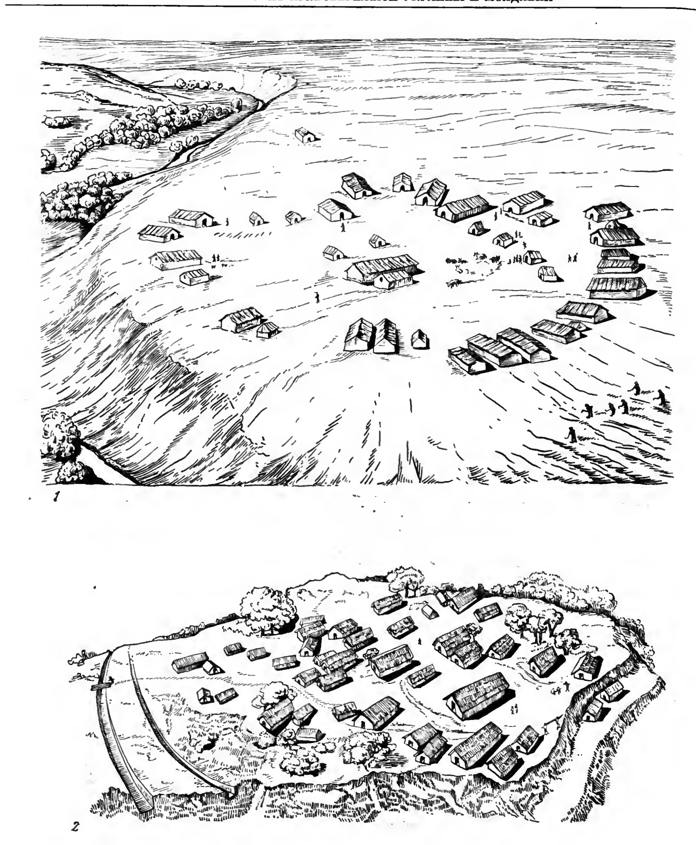

Таблица LXIX. Реконструкция поселений культуры Триполье-Кукутени

1 — Коломийщина I; *2* — Хэбэшешти I

Таблица LXX. Схема эволюции форм керамики культуры Триполье-Кукутени

1—17 — памятники типа Коломийщина I; *18—33* — Веремье; *34—50* — памятники борисовского типа; *51—69* — памятники софиевского типа; *70—83* — памятники лукашевского типа; *84—95* — Чапаевка
1—4, *8—16* — Киевщина (по В. В. Хвойко); *5*, *7*, *17* — Коломийщина I; *6* — Ржищев; *34*, *35*, *37*, *38*, *41*, *47*, *49* — Печора; *36*, *40*, *42—44*, *48*, *50* — Борисовка; *39*, *45*, *46* — Озаринцы; *51*, *59*, *66*, *68* — Софиевка I; *52—54* — Киев-Кирилловские высоты; *55* — Киев-Сырец I; *56*, *58*, *60*, *64* — Чернин; *57*, *62*, *63*, *65*, *67*, *69* — Казаровичи III; *61* — Новоселки; *70* — Евминка II; *71* — Подгорцы II; *72*, *73*, *77*, *82* — Софиевка II; *74—76*, *78*, *83* — Евминка I; *79* — Процев; *80* — Лукаши; *81* — Летки

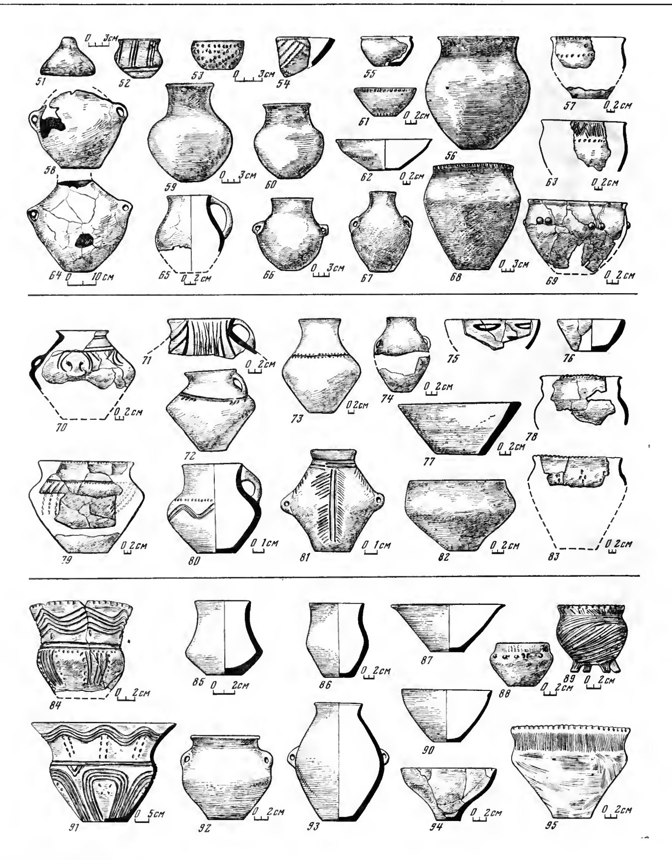
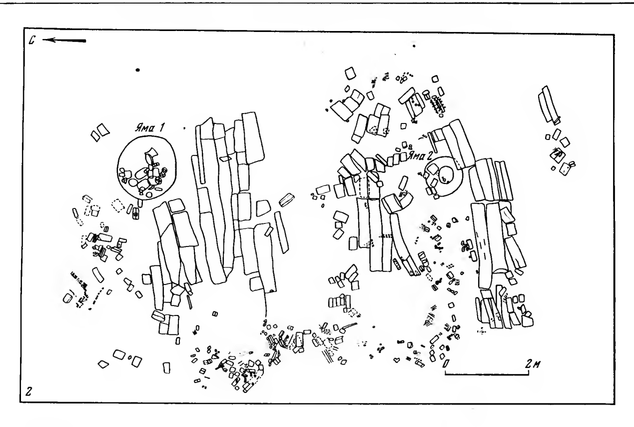

Таблица LXX (окончание)

Таблица LXXI. Сосуды с антропоморфными деталями конца раннего (*4,5*) и начала среднего (*1—3*) периодов культуры Триполье-Кукутени

1 — Извоаре II_2; *2* — Гура Вэий; *3* — Фрумушика I; *4* — Греновка; *5* — Сабатиновка II_2

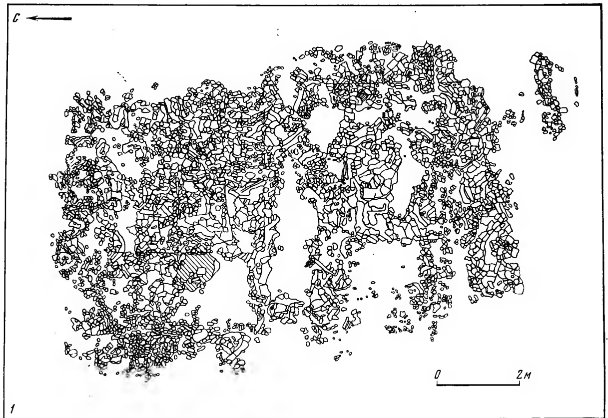

Таблица LXXII. Схемы расположения остатков межэтажного перекрытия жилища на поселении Новые Дуруиторы

1 — остатки глиняной обмазки межэтажного перекрытия; *2* — отпечатки деревянной конструкции межэтажного перекрытия на земляном полу первого этажа

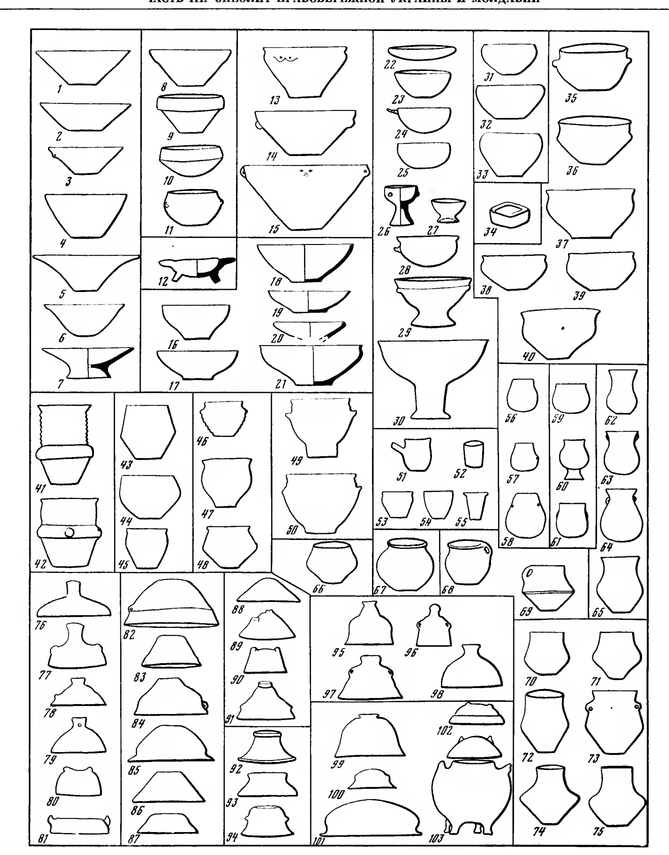

Таблица LXXIII. Формы сосудов культуры Триполье-Кукутени

1—40 — миски; *41—48*, *51—66*, *70—75* — чаши (кубки); *49—50* — широкогорлые сосуды на поддоне; *67* — округлотелый горшок; *68—69* — кружки; *76—102* — крышки; *103* — сосуд на ножках с крышкой; *104—143* — антропоморфные сосуды
1, *5*, *25*, *85*, *86*, *88*, *101* — Варваровка VIII; *2*, *92* — Клищев; *3*, *57*, *60* — Фрумушика I; *4*, *31—33*, *38*, *39*, *80*, *89*, *90*, *131* — Брынзены III; *6*, *13—15*, *24*, *28*, *78*, *84*, *99*, *114*, *115*, *121*, *124*, *130*, *133*, *134* — Хэбэшешти I; *7*, *61*, *100*, *111* — Старый Орхей; *8* — Фрумушика II; *9*, *16*, *21*, *54*, *55*, *93* — Варваровка XV; *10*, *57*, *95*, *118*, *119* — Дрэгушени; *11*, *91*, *94* — Кукутени-Четэцуя II; *12* — Старые Каракушаны; *17*, *70*, *71*, *87* — Шипенцы Б; *18—20*, *81*, *138*, *139*, *141* — Гординешты II; *22*, *23* — Кукутени-Четэцуя III; *26*, *27*, *82* — Кукутени-Четэцуя I; *29*, *83*, *129* — Незвиско II; *30* — Траян-Дялул Фынтынилор III; *34* — Рако-

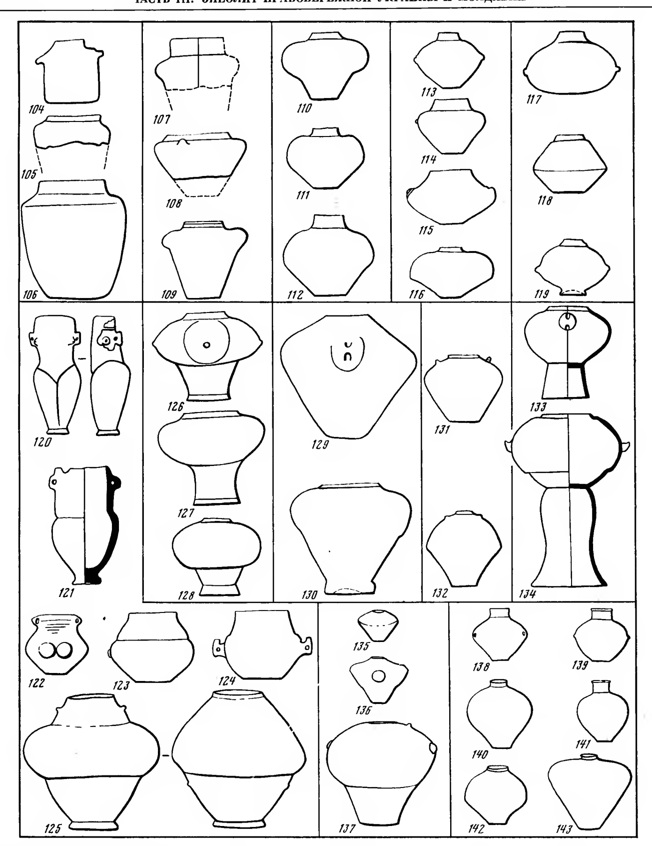

Таблица LXXIII (окончание)

вец; *35*, *36* — Усатово, курганный могильник II; *37* — Маяки; *40*, *47*, *52*, *77* — Ленковцы; *41*, *76*, *106* — Траян-Дялул Вией; *42*, *107* — Эрестегин; *43* — Банку; *44* — Тырпешти II; *45*, *46*, *49*, *53*, *105* — Рогожаны I; *48*, *120*, *122*, *123* — Новые Русешты $I_{1а}$; *50* — Ларга-Жижия; *51*, *136* — Веремье; *56*, *135*, *137* — Пенежково; *58*, *59*, *62—64*, *113* — Залещики; *65* — Незвиско III; *66* — Кирилловка; *67* — Усатово, курганный могильник I; *68* — Тудорово; *69* — Попудня; *70*, *79*, *87* — Сухостав; *71* — Брынзены IV; *72* — Кошиловцы-Обоз; *73*, *74* — Томашовка; *75* — Старые Бадражи; *96*, *97*, *117* — Новые Дуруиторы; *98* — Вертюжаны; *102*, *116*, *132*, *140*, *142* — Петрены; *103* — Парканы; *104* — Извоаре II_1; *108* — Кетриш I; *109* — Трушешти I; *110* — Брынзены IV; *112* — Яблона XIII; *125* — Новые Русешты I_{16}; *126* — Карбуна; *127* — Александровка (Одесская обл.); *128* — Журы; *143* — Старая Буда

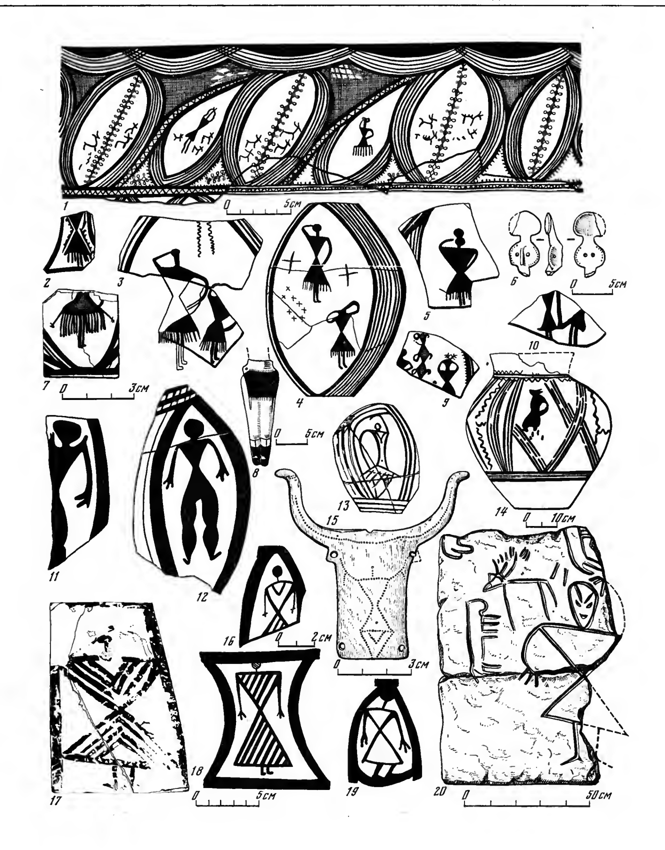

Таблица LXXIV. Изображения людей в искусстве трипольско-кукутенских общин

1—14, 16—19 — глина; *15* — кость; *20* — ракушечник
1, 2, 6, 7, 9 — Костешты IV; *3—5, 10* — Брынзены III; *8* — Ломачинцы-Вишнева; *11, 12* — Ржищев; *13* — Кошиловцы-Обоэ; *14* — Бэлтени; *15* — Бильче Золотое-Вертеба; *16, 18, 19* — Траян-Дялул Фынтынилор III; *17* — Гелэешти; *20* — Усатово, курганный могильник I

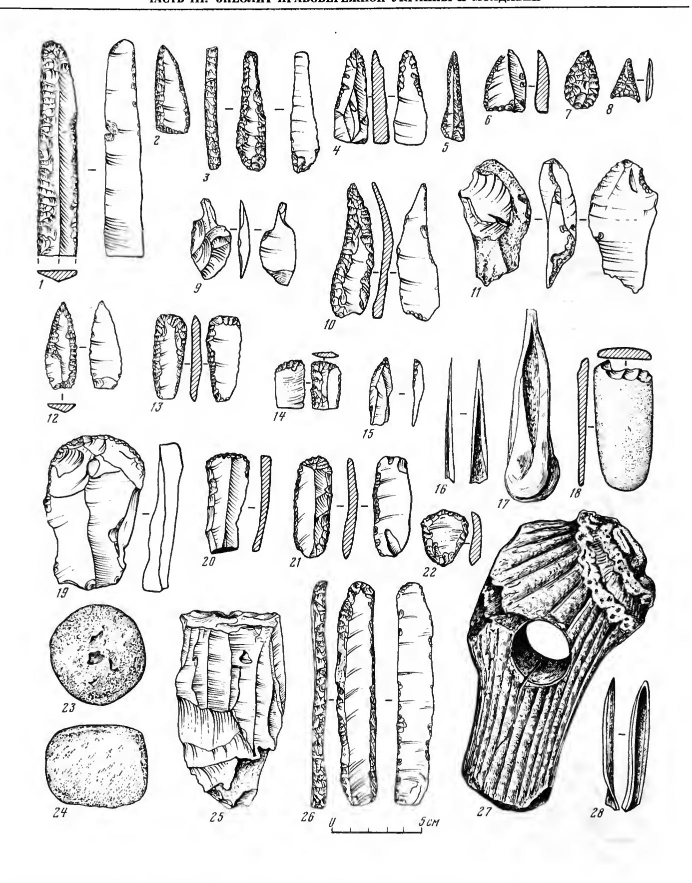

Таблица LXXV. Орудия поселения Владимировка (7-я ступень среднего периода)
1—15, *19—26* — кремень; *16—18*, *28* — кость; *27* — рог оленя

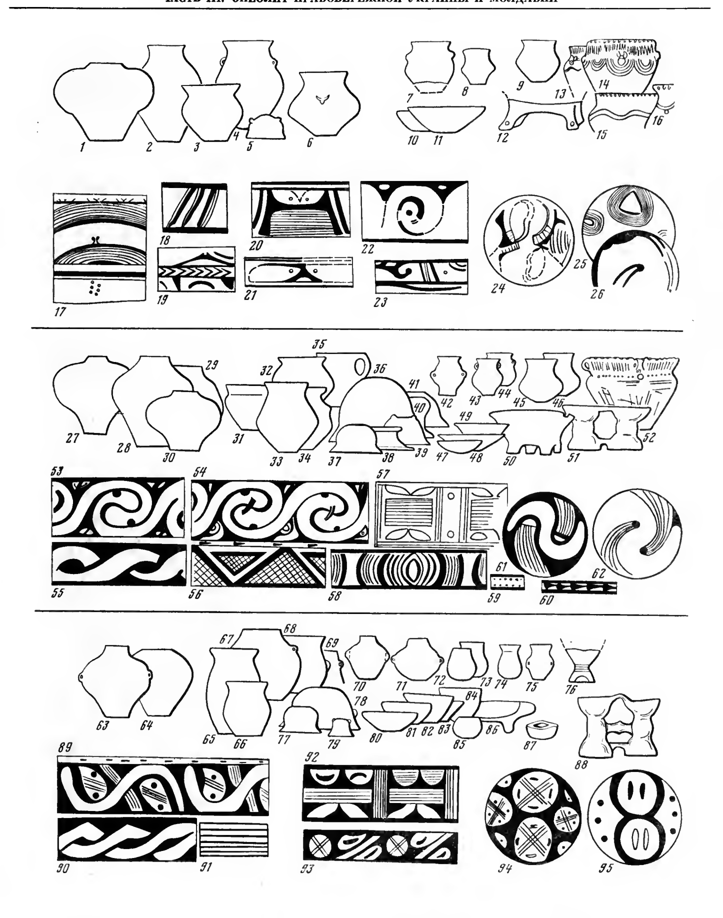

Таблица LXXVI. Керамика 7-й ступени среднего периода культуры Триполье-Кукутени

1—26 — Немиров; *27—62* — Владимировка; *63—95* — Раковец

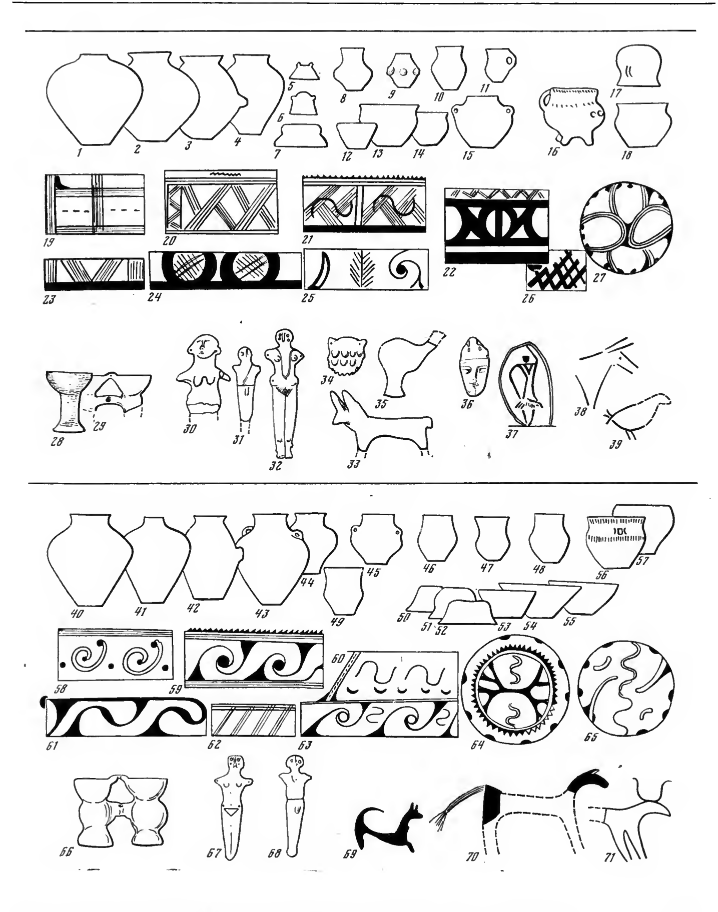

Таблица LXXVII. Материалы позднетрипольских поселений Верхнего Поднестровья

1—39 — Кошиловцы-Обоз; *40—71* — Бильче Золотое-Сад II

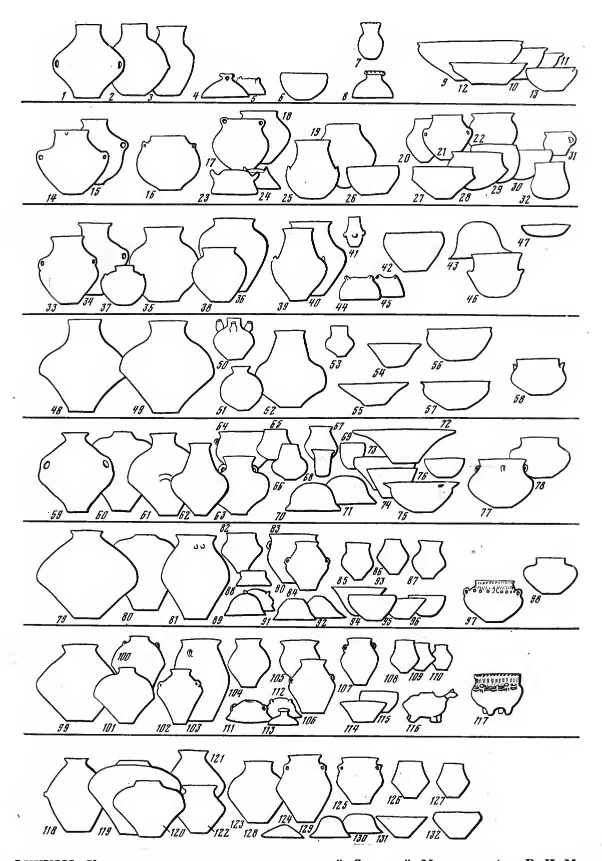

Таблица LXXVIII. Керамика позднетрипольских поселений Северной Молдавии (по В. И. Маркевичу)

1—13, *133—136* — Гординешты II; *14—19*, *23—26*, *137*, *138* — Выхватинцы; *20*, *22*, *29*, *30*, *32* — Усатово, грунтовый могильник II; *21*, *31* — Тудорово; *27* — Маяки; *28* — Усатово, курганный могильник II; *33—47*, *139—148* — Брынзены III; *48—58*, *149—153* — Старые Бадражи; *59—78*, *154—158* — Варваровка XV; *79—98*, *159—165* — Варваровка VIII; *99—117*, *166—172* — Петрены; *118—132*, *173—188* — Брынзены IV

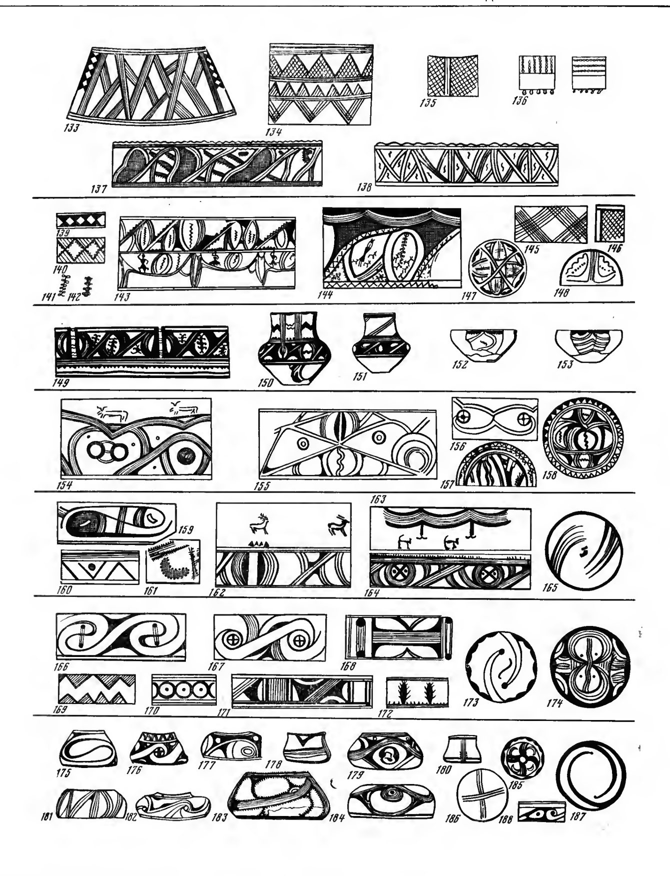

Таблица LXXVIII (окончание)

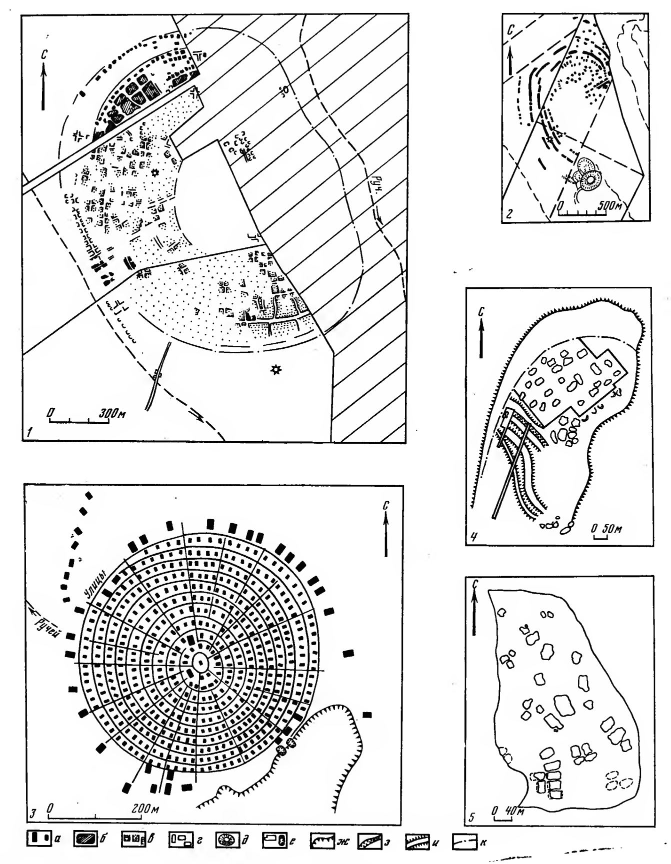

Таблица LXXIX. Планы позднетрипольских поселений

1 — Доброводы; *2* — Майданецкое; *3* — Петрены; *4* — Костешты IV; *5* — Брынзены III;
а — нераскопанные постройки; *б* — кварталы; *в* — предполагаемые кварталы; *г* — вскрытые сооружения; *д* — поздние поселения; *е* — раскопы; *ж* — обрыв; *з* — ров; *и* — вал; *к* — граница поселка

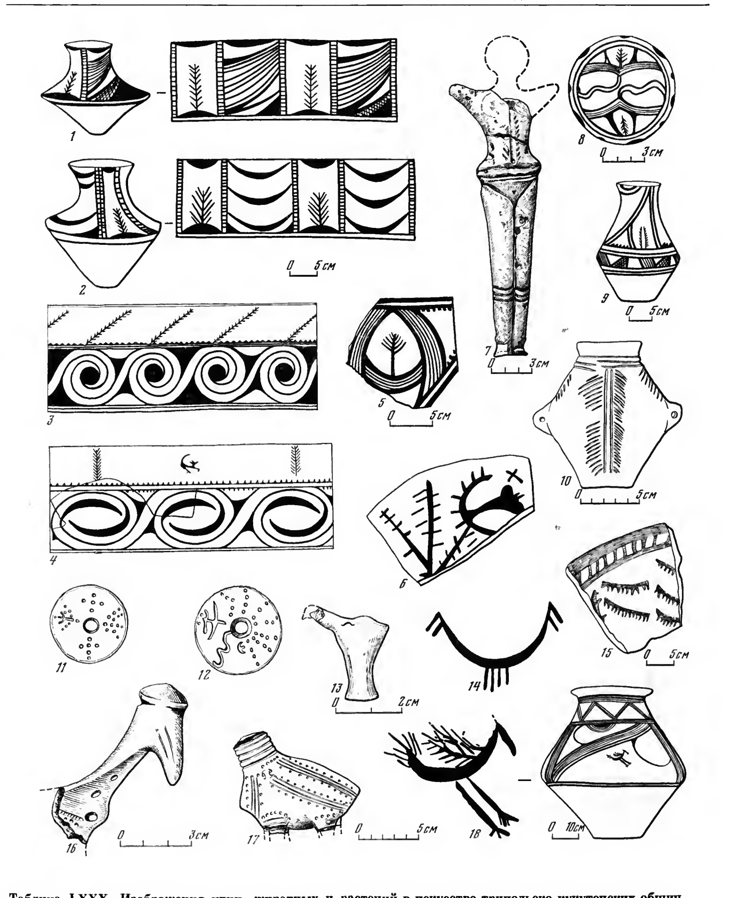

Таблица LXXX. Изображения птиц, животных и растений в искусстве трипольско-кукутенских общин

1, *2* — Томашовка; *3*, *4* — Шипенцы Б; *5*, *8* — Варваровка VIII; *6* — Среднее Поднепровье (по В. В. Хвойко); *7* — Кошиловцы-Обоз; *9* — Касеновка; *10* — Летки; *11* — Городск; *12* — Райки; *13* — Берново-Лука; *14* — Немиров; *15* — Казаровичи II; *16* — Влэдени; *17* — Лука-Врублевецкая; *18* — Брынзены IV

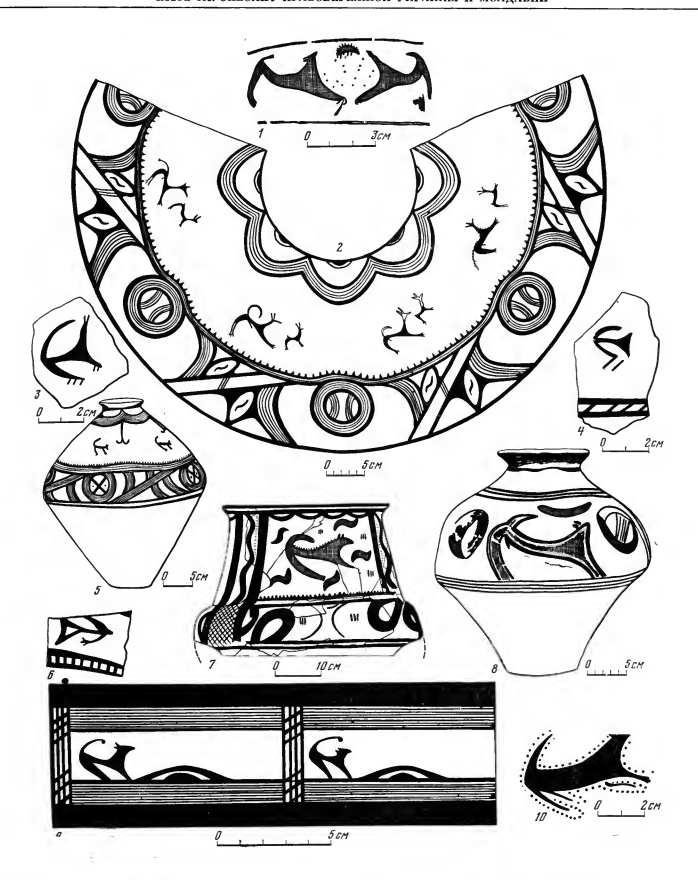

Таблица LXXXI. Изображения собак на посуде позднего периода культуры Триполье-Кукутени

1, 7 — Валя-Лупулуй; *2* — Варваровка VIII; *3—5* — Среднее Поднепровье (по В. В. Хвойко); *6* — Рашков XI; *8* — Трушешти II; *9* — Гелэешти; *10* — Вэлени

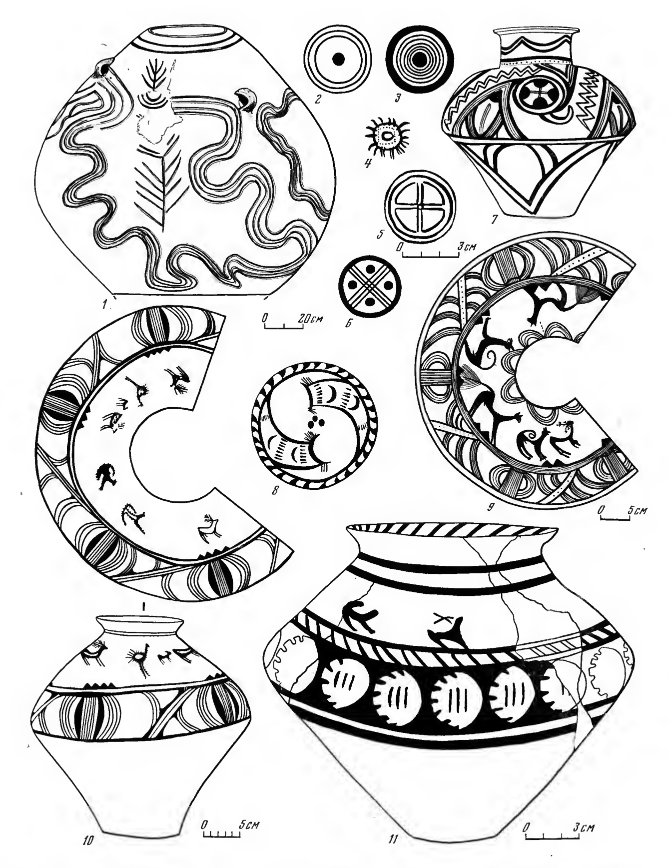

Таблица LXXXII. Керамика позднего периода культуры Триполье-Кукутени с символами воды (*1*), солярными знаками (*2—7*) и сценами охоты (*9—11*)

1, *11* — Среднее Поднепровье (по В. В. Хвойко); *2*, *5* — Шипенцы Б; *3*, *9*, *10* — Варваровка VIII; *4* — Жванец; *6* — Раковец; *7* — Кукутени-Четэцуя IV; *8* — Томашовка

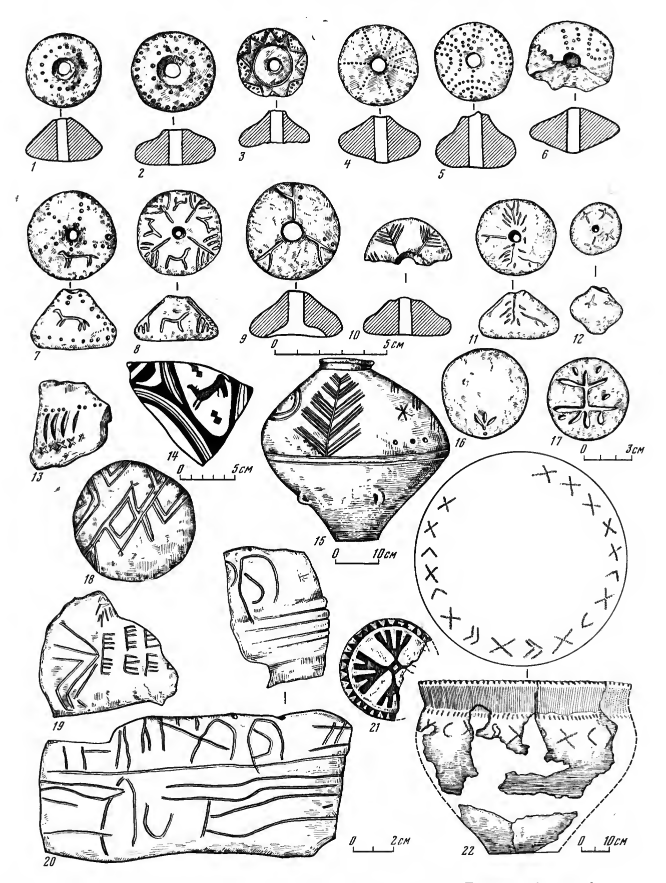

Таблица LXXXIII. Знаки на глиняных пряслицах и посуде культуры Триполье-Кукутени

1—6, *9*, *10* — Троянов; *7* — Райки; *8*, *12* — Паволочь; *11* — Городок; *13*, *18*, *19* — Траян-Дялул Вией; *14* — Старые Бадражи; *15* — Веремье; *16* — Извоаре I_1; *17* — Ленковцы; *20* — Тырпешти III; *21* — Кетриш I; *22* — Чапаевка

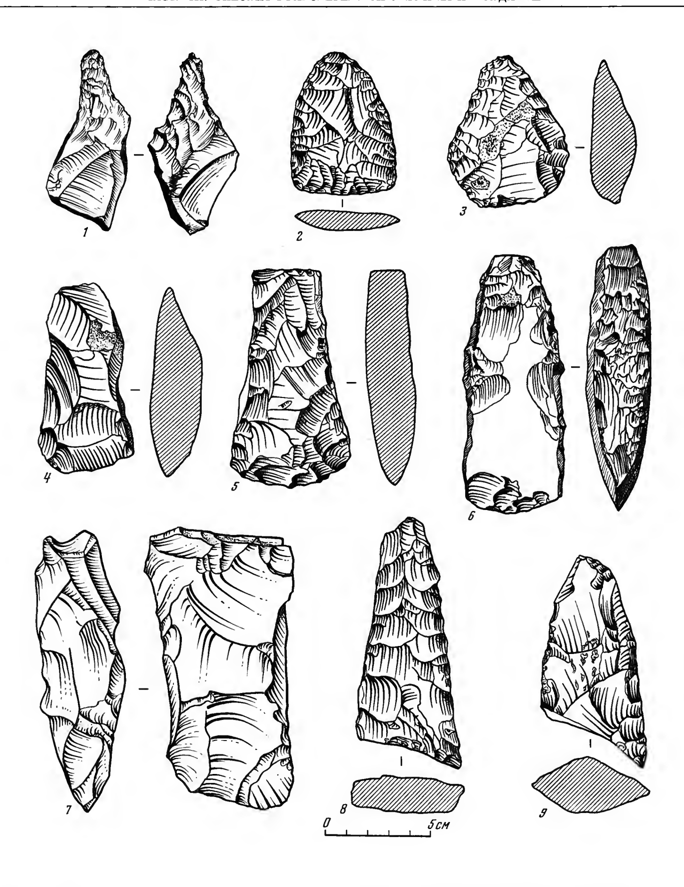

Таблица LXXXIV. Заготовки кремневых орудий из позднетрипольских мастерских Поднестровья

1—3, 5, 6 — Ломачинцы; *4, 7* — Копанка; *8* — Кормань;
9 — Комарово

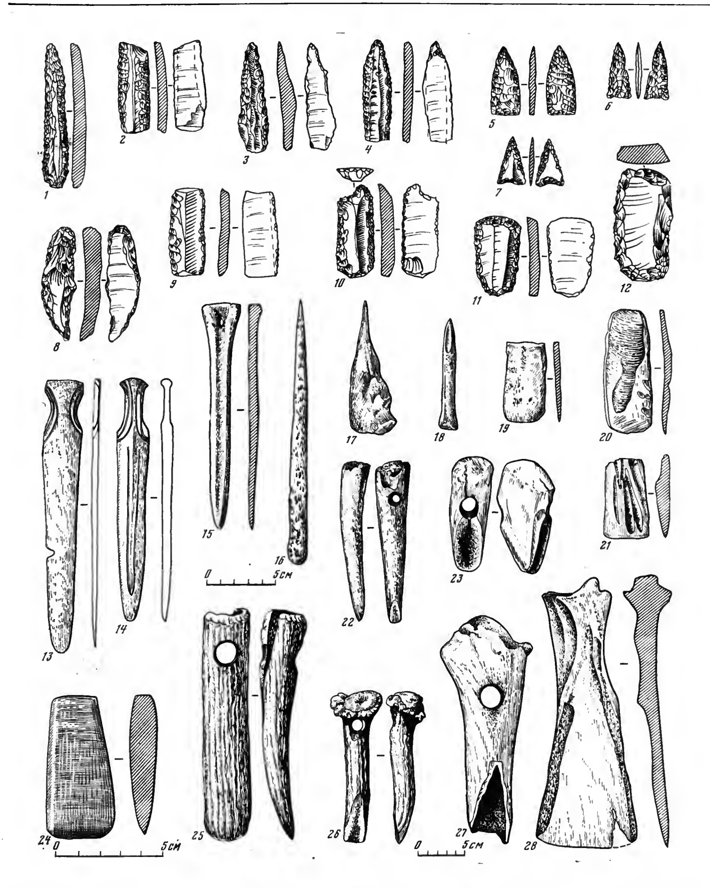

Таблица LXXXV. Орудия с поселений второй половины позднего периода культуры Триполье-Кукутени

1—12 — кремень; *13—21*, *23*, *27*, *28* — кость; *22*, *25*, *26* — рог
1, *3—6*, *9*, *10*, *14—21*, *25*, *26*, *28* — Костешты IV; *2*, *7*, *8*, *11—13*, *22—24*, *27* — Брынзены III

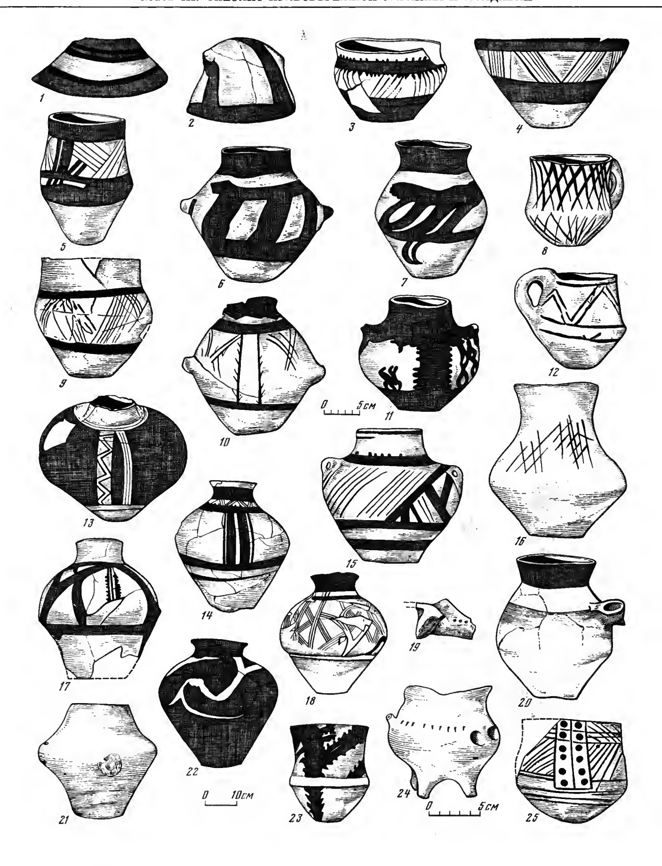

Таблица LXXXVI. Керамика позднетрипольского поселения Кошиловцы-Обоз (Верхнее Поднестровье)

1—18, *20—23*, *25* — сосуды с росписью; *19*, *24* — кухонные сосуды

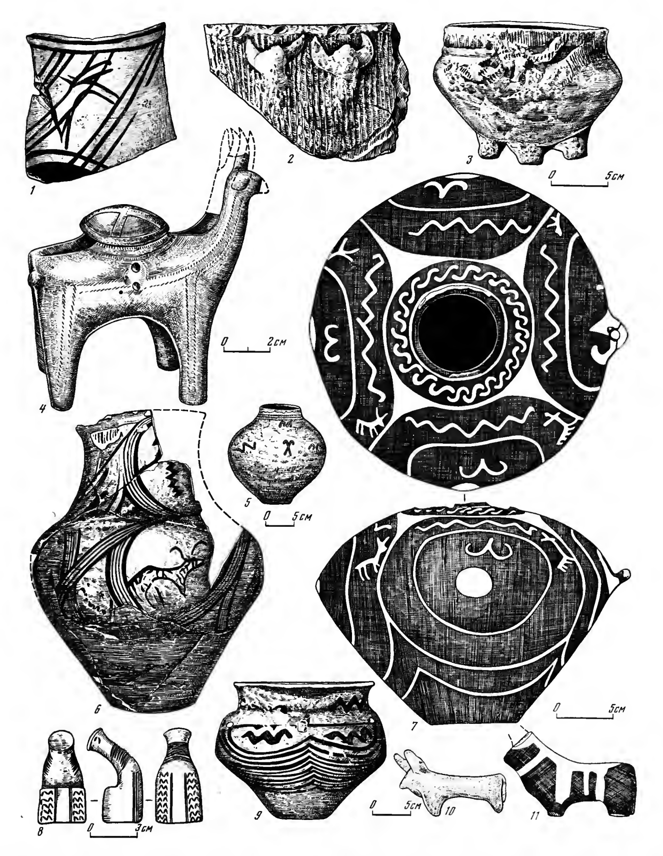

Таблица LXXXVII. Рисованные и скульптурные изображения быка и его символов с памятников позднего периода культуры Триполье-Кукутени

1, 4, 10, 11 — Кошиловцы-Обоз; *2* — Сороки-Озеро; *3* — Фрумушика II; *5* — Усатово, курганный могильник I; *6* — Бильче Золотое-Вертеба; *7* — Сэрата-Монтеору; *8* — Усатово, грунтовый могильник II; *9* — Кукутени-Четэцуя III

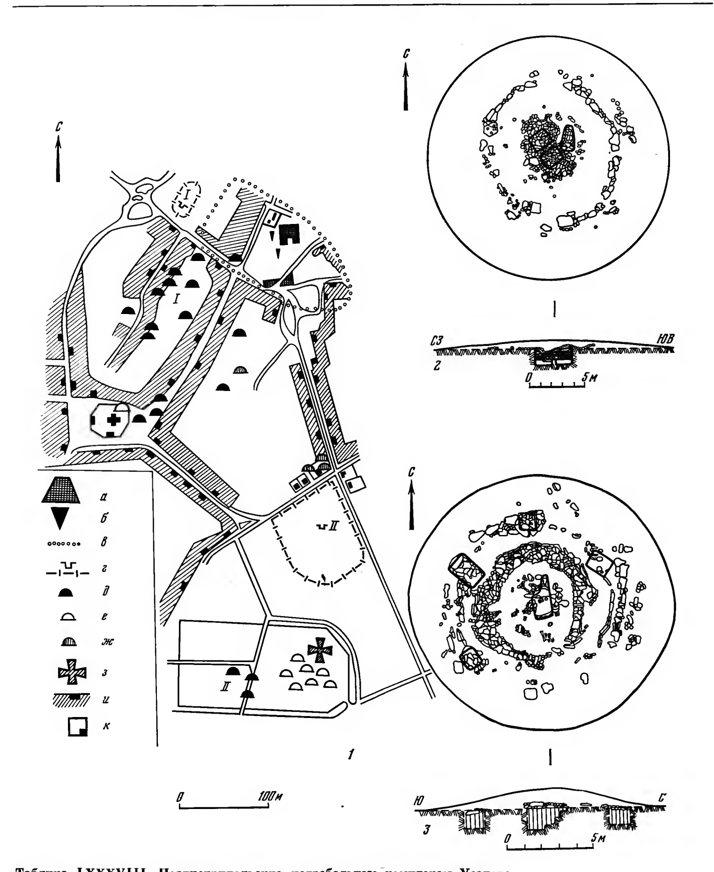

Таблица LXXXVIII. Позднетрипольские погребальные комплексы Усатово

1 — курган 3 могильника II; *2* — курган 12 могильника I; *3* — курган 2 могильника II; *4* — схема расположения археологических памятников на территории с. Усатово (по Э. Ф. Патоковой);
а — раскопы на территории позднетрипольского поселения; *б* — позднетрипольские «коридоры», высеченные в известняке; *в* — граница поселения; *г* — граница грунтовых могильников; *д* — исследованные курганы; *е* — неисследованные курганы; *ж* — разрушенные курганы; *з* — современное кладбище; *и* — сплошная застройка; *к* — отдельные усадьбы

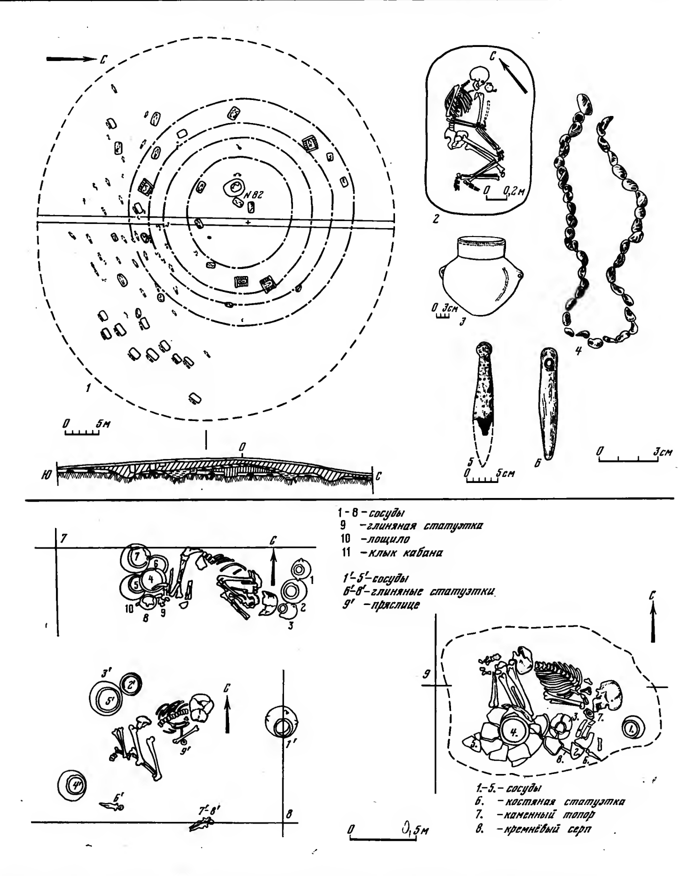

Таблица LXXXIX. Позднетрипольские погребальные комплексы могильников Нерушай (*1—6*) и Выхватинского (*7—9*)

1 — курган 9 могильника Нерушай с центральным позднетрипольским погребением 82; *2* — план погребения 82 кургана 9. Нерушай; *3—6* — инвентарь погребения 82 кургана 9. Нерушай; *7—9* — планы погребений 11,5 и 9 Выхватинского могильника

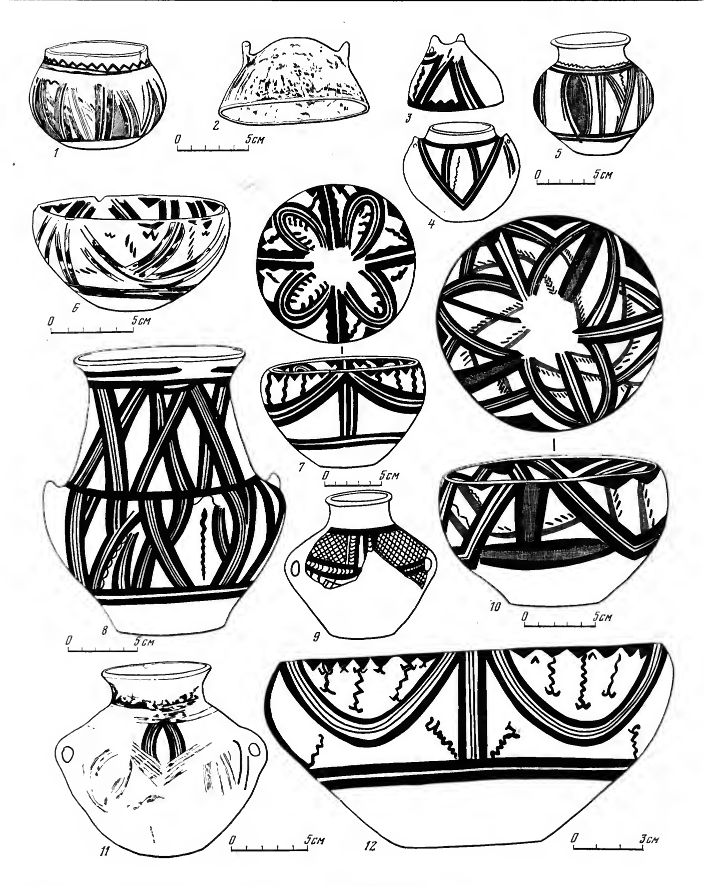

Таблица XC. Керамика из позднетрипольских погребений Выхватинского могильника (*1—12*)

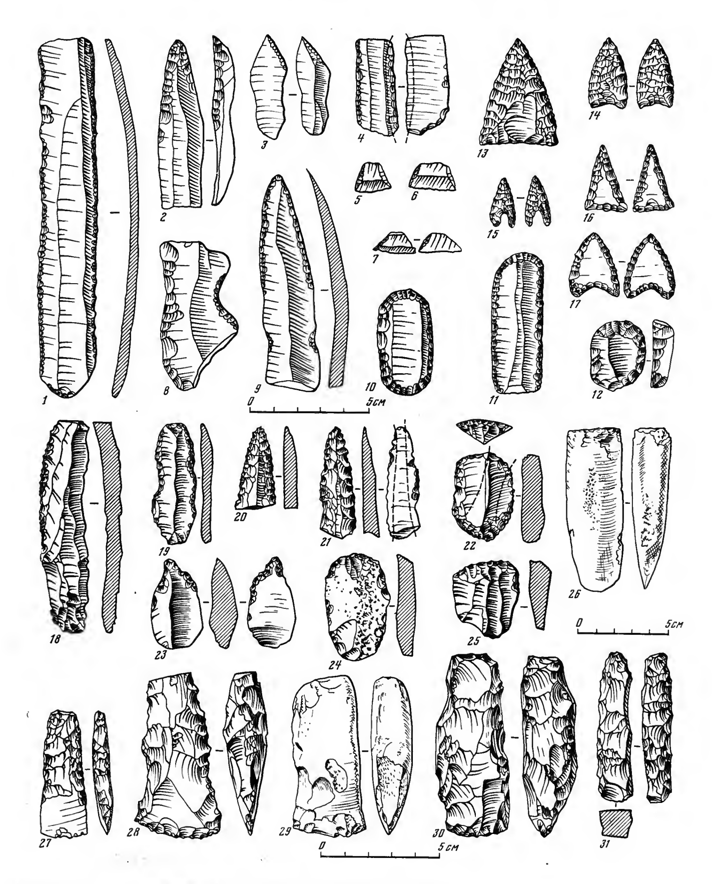

Таблица XCI. Кремневые изделия с позднетрипольских памятников

1—3, 5, 7—12, 14—17 — Выхватинцы; *4, 6, 13* — Маяки;
18—31 — Гординешты II

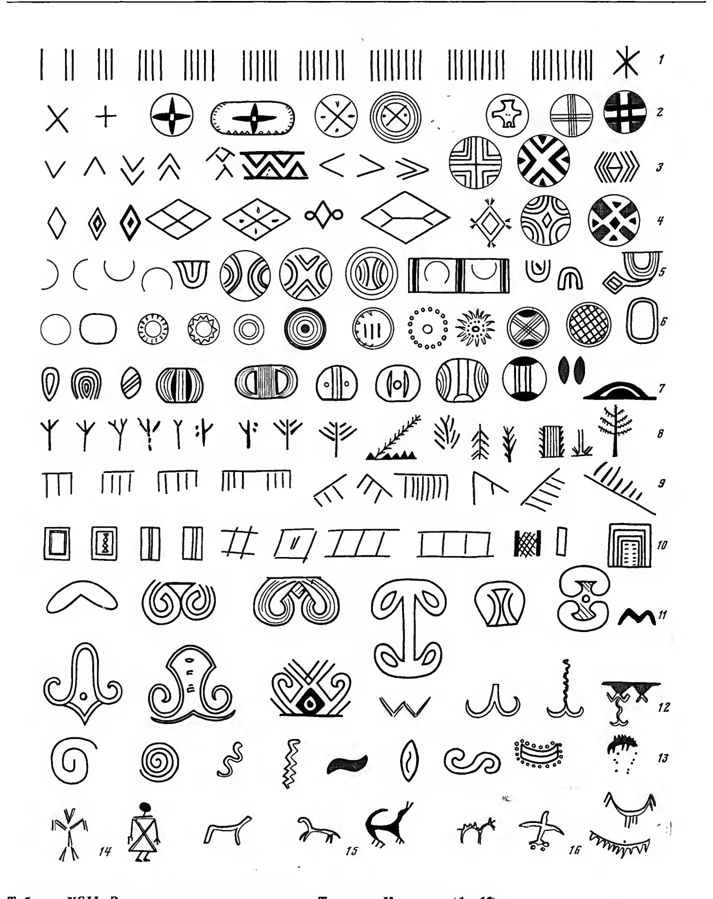

Таблица XCII. Знаки на керамике культуры Триполье-Кукутени (*1—16*)

Таблица XCIII. Керамика и орудия культуры Зимно-Злота

1—9, 12 — глина; *10* — кремень; *11* — медь; *13* — рог
1, 10, 11, 13 — Звенигород; *2, 3, 6* — Кукезово; *4, 5, 7—9* — Зимно; *12* — Баев

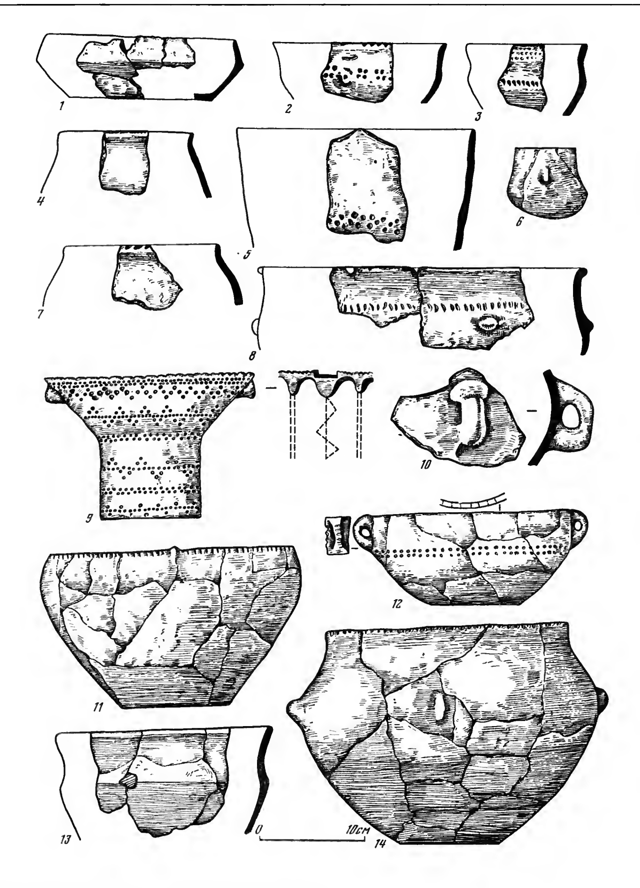

Таблица XCIV. Керамика культуры Гоща-Вербковица

1, 2, 4, 6, 7, 11—14 — Костянец; *3* — Курганы; *5, 10* — Белов; *8* — Ракобуты; *9* — Хорев

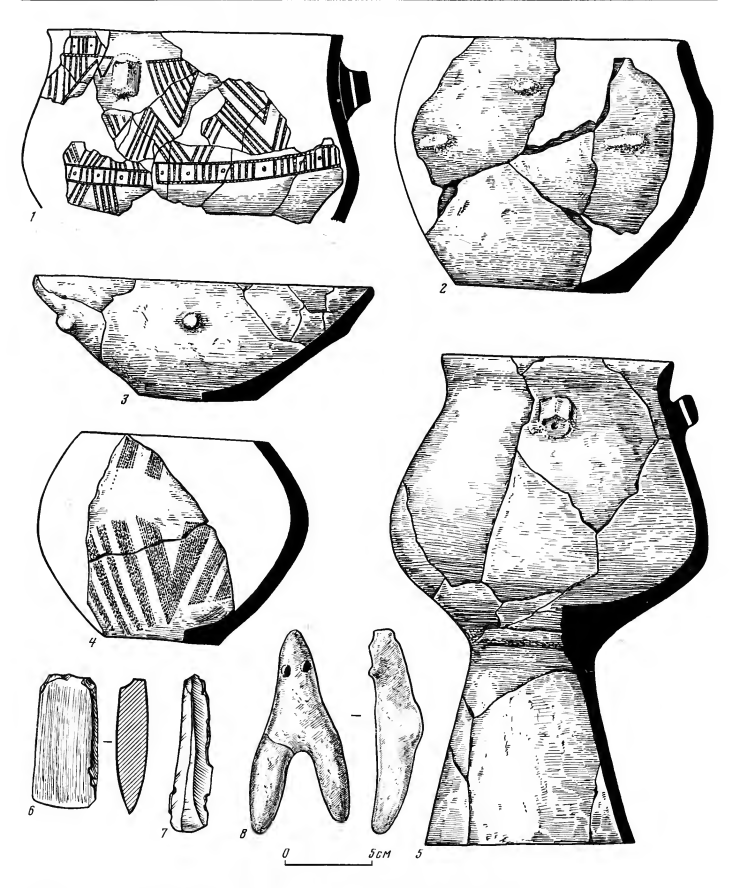

Таблица XCV. Находки с энеолитического поселения Берегово (Закарпатье)

1—5 — керамика; *6* — каменный топор; *7* — кремневый нож;
8 — антропоморфная фигурка

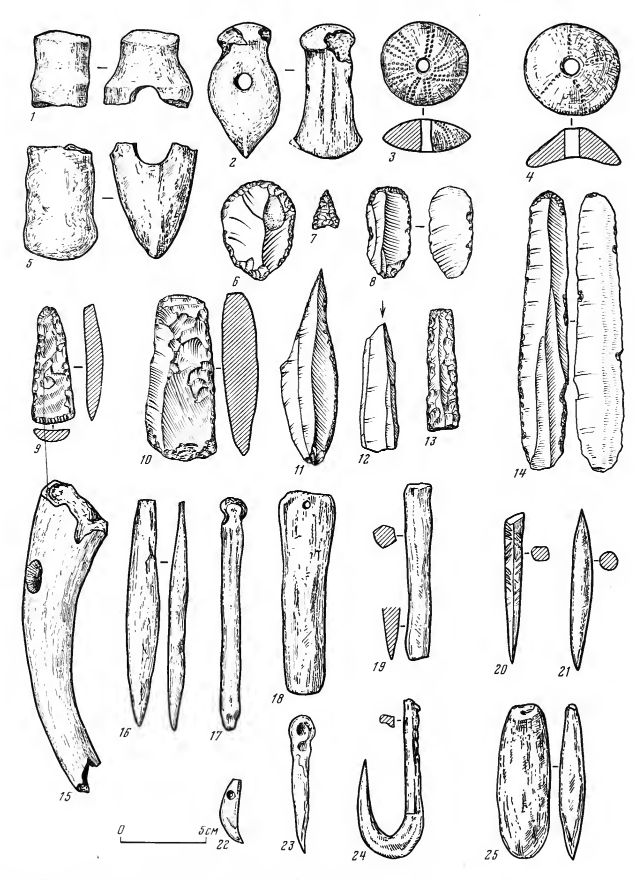

Таблица XCVI. Орудия с памятников культуры воронковидных кубков

1, 2, 5 — камень; *3, 4* — глина; *6—14* — кремень; *15—25* — рог и кость

1—14, 17—25 — Зимно; *15* — Малые Грибовичи; *16* — Лежница

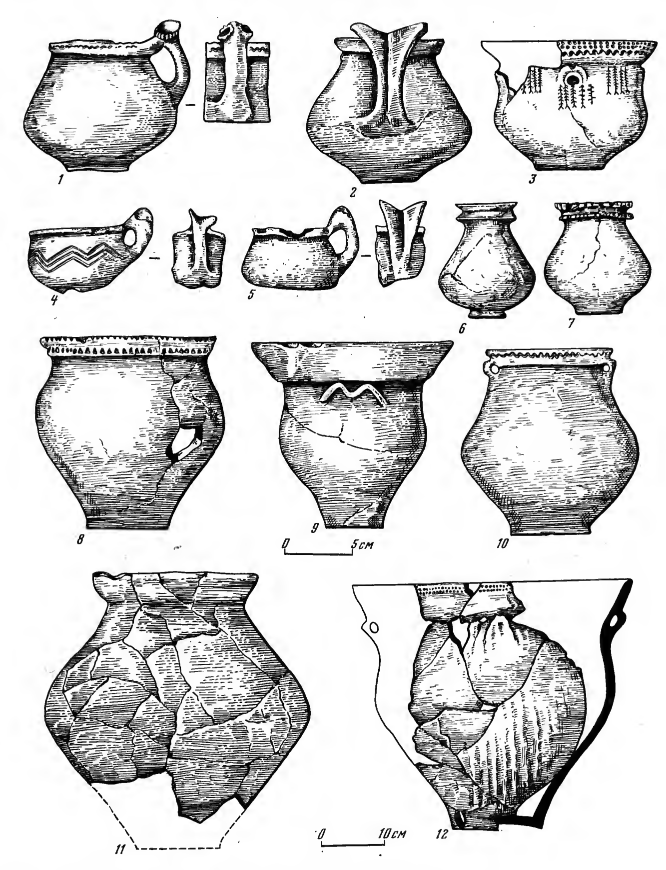

Таблица XCVII. Керамика с памятников культуры воронковидных кубков

1—3, *5—10* — Зимно; *4* — Листвин; *11* — Малые Грибовичи,
12 — Лежница

Таблица XCVIII. Инвентарь памятников волынского (*1—12*) и подольского (*13—25*) вариантов культуры шаровидных амфор

1, *8*, *12* — Колодяжное; *2*, *5—7*, *9* — Суемцы; *3* — Старый Мирополь; *4* — Колосовка; *10* — Каменный Брод; *11* — Киково; *13* — Увисла; *14*, *18*, *22* — Долгое; *15* — Чернавода; *16* — Глубочек; *17* — Кошиловцы; *19*, *23*, *24* — Кошиловецкая слободка; *20*, *21* — Хартоневцы; *25* — Улашковцы

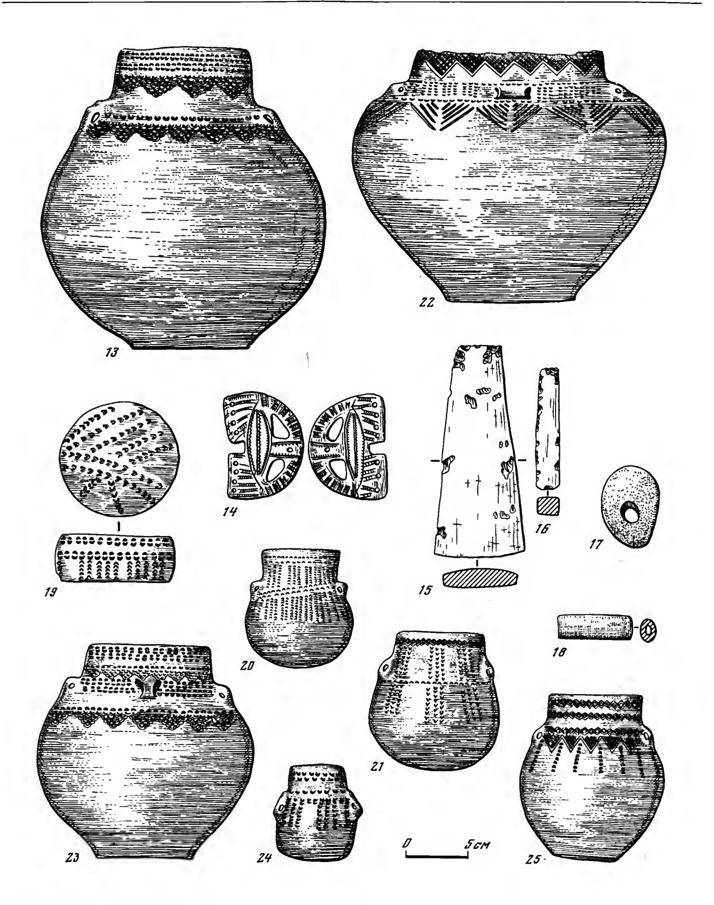

Таблица XCVIII (окончание)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Энеолит Юга СССР
и евразийские степи

Основное внимание авторов предшествующих разделов настоящего тома посвящено трем главным центрам раннеземледельческих культур Юга нашей страны. Это совершенно закономерно, поскольку, признавая комплексный характер древнейшего производящего хозяйства, следует в то же время подчеркнуть ведущую роль земледелия в крупнейших экономических и культурных сдвигах, позволяющих говорить об особом, энеолитическом, периоде в процессе развития ряда конкретных территорий. Именно земледелие обусловило переход к прочной оседлости, появление и совершенствование новых отраслей производства, связанных с потребностями подготовки посевных площадей, уборки, транспортировки и обработки урожая; оно же определило развитие ирригации, домостроительства, возникновение нового, специфически раннеземледельческого искусства.

Все три рассмотренных выше центра отмечены преимущественно земледельческим характером производящей экономики. То же следует сказать и о древнейших ее центрах на Ближнем Востоке и Балканах, где скотоводство развивалось наряду с земледелием и в тесной связи с ним. В комплексном хозяйстве периода архаической экономики (*Массон В. М.*, 1966, с. 155) оно играло весьма значительную роль. Более того, специфика природного окружения, даже в пределах единой зоны, с самого начала «неолитической революции» предопределяла формирование, с одной стороны, групп с преимущественным развитием земледелия, с другой — групп с преимущественным развитием скотоводства. Даже в пределах единых зон можно говорить о формировании и взаимодействии земледельческо-скотоводческих и скотоводческо-земледельческих групп (*Массон В. М.*, 1966, с. 155; *Flannery K. V.*, 1965, p. 1251). Но резкой дифференциации еще не было. Скотоводами осваивались прилегающие к раннеземледельческим областям участки степей и горные пастбища. И те, и другие группы находились в постоянном тесном взаимодействии, составляя единую хозяйственную систему. Говорить о специфической культуре скотоводческих групп периода архаической экономики пока нет оснований. Следует также иметь в виду, что скотоводство вообще оставляет значительно меньше свидетельств в материальной культуре, чем земледелие, а возможности использования таких свидетельств в общеисторических построениях весьма ограничены (особенно для древнейшего периода).

Лишь позднее, уже в энеолитический период, и в прямой связи с обусловленными им прогрессивными сдвигами, когда рост народонаселения вызвал необходимость освоения значительных территорий, а навыки производящей экономики распространились далеко от первоначальных центров, положение заметно изменилось. Потребовалась выработка иных форм производящего хозяйства, соответствующих специфике осваиваемых областей. Так, в поймах рек и на кромке лесных массивов возникли новые формы земледелия: «полукочевое» (по В. Г. Чайлду), подсечно-огневое и пр. Но на ряде обширных территорий возможности любой доступной на том уровне формы земледелия были крайне ограниченными, тогда как перед скотоводством открывались значительные перспективы быстрого развития и выработки новых форм. Такие формы вырабатывало местное население этих территорий. Различные группы его, соприкасаясь с древними центрами производящего хозяйства и подвергаясь их влияниям, приспосабливали достижения последних к специфике естественных условий своего существования. В степных, горных, полупустынных областях появились коллективы, ведущей отраслью хозяйства которых было скотоводство в подвижных его формах (отгонное, полукочевое, а далее и кочевое), резко ограничивающих или даже исключающих возможности одновременной земледельческой практики. Дифференциация, лишь слабо намечавшаяся ранее, приняла четкие формы и получила определенное отражение в ряде сфер жизни и культуры. Выделились обширные зоны с преимущественным развитием скотоводства. Исторический процесс в них отмечен специфическими закономерностями. Экстенсивное в своей основе, подвижное скотоводство весьма продуктивно в первые периоды развития, оно быстрее и легче земледелия дает прибавочный продукт. Охотничье-рыболовческое население, воспринявшее скотоводство и придавшее ему подвижные формы, достаточно быстро осознало эффективность новой системы хозяйства. «За самкой дикого буйвола,— писал Ф. Энгельс,— нужно было охотиться, прирученная же она ежегодно приносила теленка и, кроме того, давала молоко» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 159). Коллективы подвижных скотоводов быстро росли. Соответственно росли и их стада, что требовало постоянного расширения «производственных площадей» — пастбищ. Расширение это шло значительно быстрее и в бо́льших масштабах, чем у земледельцев. Иной характер и темп приняли и перемещения скотоводческих групп. Сегментации, постепенному и «прочному» распространению древних земледельцев (*Массон В. М.*, 1964, с. 395) противостояли единовременные, иногда быстрые и далекие «броски» скотоводов по открытым пространствам в поисках новых пастбищ, водных ресурсов, сырья и областей соприкосновения с земледельцами. Такие «броски» достигали значительного масштаба, поскольку борьба за пастбища требовала создания больших объединений, которые быстро возникали, распространялись и столь же быстро распадались или деформирова-

лись. Выделение и особенности развития скотоводческих групп обусловили появление и культурного их своеобразия, причем как технические достижения, так и элементы материальной и духовной культуры распространялись в зонах преимущественного развития скотоводства с особой быстротой. Это определялось прямыми спонтанными «бросками» их носителей и особой оперативностью связей между подвижными группами в условиях открытых степных пространств. При этом создавались огромные культурные общности. Сохранявшийся в древнейших центрах производящего хозяйства баланс между земледелием и скотоводством, несмотря на хозяйственную специфику конкретных коллективов, был нарушен. Взаимодействие, конечно, продолжалось, но теперь это было взаимодействие специфичных и даже противостоящих групп и далеко не всегда оно носило мирный характер.

Значение отмеченных явлений для всего процесса древнейшей истории чрезвычайно велико. Они знаменовали новый этап в распространении производящего хозяйства, новую форму процесса, начатого «неолитической революцией». Ф. Энгельс специально подчеркнул выделение пастушеских племен из «остальной массы варваров» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 160).

В этом аспекте особый интерес приобретают события, происходившие в бескрайней полосе евразийских степей. На территории нашей страны степи протянулись от крайних западных ее пределов — Поднестровья и Нижнего Подунавья — до Южной Сибири и границ Центральной Азии. Они связывали самые отдаленные области, глубоко различные по климатическим и ландшафтным особенностям, по характеру и уровню развития населения. Степная полоса непосредственно соприкасалась с тремя раннеземледельческими центрами, рассмотренными в предшествующих разделах, создавая возможность для определенного «фокусирования» и далекого распространения их культурных воздействий. То же касается и древнейших очагов металлургии и металлообработки, возникших на протяжении энеолита и бронзового века в Балкано-Дунайском районе, на Кавказе, Южном Урале, в Сибири.

Условия ковыльных и полынных степей, переходящих в крайних южных своих пределах в полупустыню, резко ограничивали возможности земледелия, которое могло практиковаться лишь на участках речных пойм, а позже — в лесостепи, у кромки лесных массивов. Необходимая же для развития скотоводства кормовая база была здесь практически беспредельной, причем особенно следует подчеркнуть потенциальные возможности удаленных от рек открытых степных пространств, где большая насыщенность солью придает кормам особую ценность. Однако использование этих ресурсов стало возможным лишь с началом широкого освоения степей. В предшествующий неолитический период охотничье-рыболовческие коллективы заселяли лишь поймы пересекавших степи рек, да и то крайне неравномерно. Основные территории степей — их внутренние открытые участки — не были практически заселены. Широкое их освоение могло начаться лишь с возникновением подвижных форм скотоводства, когда появились потребность в таком освоении и возможность осуществления его. С этого времени степные пространства из фактора разделяющего превратились в фактор соединяющий. Они способствовали значительным перемещениям больших групп скотоводов, сложным процессам смешения и ассимиляции, а также широкому и быстрому распространению экономических и культурных достижений как самих этих групп, так и населения разных районов, с которыми они соприкасались. И само заселение обширных степных участков носило в ряде случаев спонтанный характер, что было отмечено выше как одна из особенностей распространения скотоводческих групп.

Следует подчеркнуть, что эти явления требовали уже достаточно высокого уровня развития как животноводства, так и общего технического. Им предшествовал длительный период нарастающих воздействий всех трех древнейших очагов производящего хозяйства нашей страны — среднеазиатского, кавказского и северопричерноморского — на обширную зону охотничье-рыболовческих культур и прежде всего — на пограничные со степью лесостепные области. В период энеолита здесь появились первые скотоводческо-земледельческие группы. Их создатели не только восприняли влияние указанных южных очагов, не только использовали выработанные там формы хозяйства, но и видоизменяли их, вырабатывали новые формы, соответствующие природным ресурсам, экологическим и историческим особенностям конкретных областей.

На древнейших ступенях этого процесса распространение производящего хозяйства носило комплексный характер и сочеталось с традиционными формами присваивающего хозяйства — охотой, рыболовством, собирательством. В лесной зоне, где ресурсы последних были практически неисчерпаемыми, они еще долго полностью сохраняли свое значение. В лесостепи же роль их стала заметно уменьшаться: здесь охотничье-рыболовческие ресурсы были меньше, а возможности и стимулы производящего хозяйства резко возрастали. Вместе с тем в комплексном хозяйстве ряда районов этой зоны естественные для того уровня технического развития трудности земледельческой практики предопределили ограниченные его масштабы и преобладание животноводства. Наиболее четко это выражено в южных пределах лесостепи и особенно в самих степях, куда стали проникать первые скотоводческие группы. В различных ландшафтных зонах скотоводство принимало разные формы. На отмеченных прочной оседлостью и наличием пусть ограниченного земледелия лесостепных поселениях оно носило явно придомный характер. В стаде соответственно преобладали крупные домашние животные и свинья. Южнее, в степях, наиболее продуктивным и приспособленным к специфике этой зоны животным была овца. Именно овцеводство явилось решающим экономическим фактором в освоении степных пространств.

Внедрение новой экономики и отмеченные выше особенности ее предопределили заметную перегруппировку населения лесостепной зоны, создание новой системы связей, формирование новых культур. В дальнейшем в процессе широкого заселения скотоводами открытых степей сочетание конвергентного развития (при особой оперативности связей

между подвижными группами) с быстрым распространением культурных явлений и их носителей обусловило определенную культурную интеграцию на огромных пространствах. Здесь создавались большие культурные общности, каждая из которых охватывала ряд племенных групп и нашла отражение в соответствующих им археологических культурах. Наряду с признаками, объединявшими эти культуры, прежде всего ритуальным единством, выраженным в единообразии погребальных обрядов, следует учитывать и их своеобразие, сохранявшееся внутри общностей. Это своеобразие в значительной мере определило различные формы дальнейшего культурного развития отдельных племенных групп, входивших в состав таких общностей, обусловило постепенно нараставшую культурную дифференциацию внутри последних. Подобные общности должны рассматриваться как сложные и многокомпонентные образования, объединявшие на определенном этапе ряд конкретных групп, судьбы которых были в дальнейшем отнюдь не идентичны. Они не могут рассматриваться как археологические культуры. Правильнее именовать их культурно-историческими областями.

Детальному рассмотрению культур и культурно-исторических областей степной и лесостепной зон нашей страны будет посвящен специальный том настоящего издания. Основной расцвет их и наиболее четкое проявление специфики развития относятся уже к бронзовому веку. Здесь же мы ограничимся самой общей характеристикой наиболее ранних из этих явлений. Особое внимание будет обращено на обусловившие их формирование экономические факторы, характерные для энеолитического периода, а также на соотношение и взаимодействие степных культур и культурно-исторических областей с основными энеолитическими центрами Юга СССР.

В период расцвета северопричерноморского раннеземледельческого очага — на среднем этапе развития трипольской культуры (в середине IV тысячелетия до н. э.) — непосредственно к востоку от ее ареала сложилась культурная общность, именуемая украинскими археологами среднестоговской энеолитической культурой (*Добровольський А. В.*, 1929; *Телегин Д. Я.*, 1966; 1970; 1973). Культура эта не может быть еще отнесена к числу специфически степных явлений: бо́льшая часть ее памятников локализуется в лесостепных районах Поднепровья и Левобережной Украины, прежде всего в современном пограничье лесостепи со степью. Но следует иметь в виду, что в древности пограничье это находилось заметно южнее, а часть лесостепи носила еще лесной характер (*Телегiн Д. Я.*, 1973, с. 131; *Бибикова В. И.*, 1963, с. 130). Поэтому можно утверждать, что основная масса населения среднестоговской культуры была сосредоточена в лесостепи. Там же, что особенно важно, открыты и наиболее ранние ее свидетельства. Однако в ходе развития культуры и расселения ее носителей отдельные группы последних проникали уже в открытую степь, вплоть до южного Поднестровья, бассейнов Ингула и Южного Буга, Азовского побережья и Нижнего Подонья. Поэтому среднестоговская культура особенно важна для изучения раннего этапа развития производящего хозяйства в примыкавших к степи лесостепных районах, явившихся своего рода базовой территорией для дальнейшего освоения собственно степных пространств.

Наиболее западные памятники среднестоговской культуры открыты на правобережье Днепра, но основная их масса локализуется в Поднепровье (между Никополем и Черкассами) и в Днепро-Донском междуречье, прежде всего в бассейне Оскола и Северского Донца, а на востоке — в низовьях Дона. На этой значительной территории выделены три локальных варианта культуры. Первый — днепровский — рассматривается как основное «ядро» данной культуры, отмеченное наибольшим сосредоточением памятников как раннего, так и позднего этапов ее развития (*Телегiн Д. Я.*, 1973, с. 27, рис. 3). К нему относятся эпонимное поселение Средний Стог II, поселения Стрильча Скеля, Молюхов Бугор, Дереивка и др., Дереивский, Чаплинский, Петрово-Свистуновский и другие могильники. Второй, осколо-донецкий, вариант именуется также александрийским по названию основного его памятника — поселения и некрополя близ хутора Александрия на левобережье Оскола. Третий вариант — нижнедонской или константиновский — охватывает низовья Дона и также представлен поселениями (Константиновка, Бесергеневка, Ливенцовка) и погребальными памятниками (Константиновский, Койсугский и другие могильники). Отмеченные три варианта охватили весьма значительную территорию. Все они либо непосредственно связаны друг с другом, либо соединены открытыми степными пространствами и бассейнами рек. Определенная культурная нивелировка этой территории позволяет объединить все варианты и предполагать наличие здесь единой археологической культуры. Черты единства, давшие тому основание, выражены в характере поселений, погребальном обряде, керамике.

Связанные, как уже отмечалось, с экологическими особенностями лесостепных районов поселения базировались на производящих отраслях экономики и носили стационарный характер. Они состояли из наземных или несколько углубленных в землю прямоугольных жилищ, наряду с которыми имелись хозяйственные постройки и открытые очаги. Во всех трех вариантах сохраняются и основные черты погребального обряда: небольшие могильники без наземных признаков (лишь в отдельных случаях кромлехи или каменные закладки); индивидуальные грунтовые ямы (реже — каменные гробницы) с одиночными (в отдельных случаях парными) погребениями; трупоположения на спине с подогнутыми в коленях ногами; свободная ориентировка с преобладанием восточной и северо-восточной; обильная посыпка красной охрой. Культурное единство подтверждается и составом инвентаря, достаточно многочисленного и разнообразного, что также более характерно для лесостепных, нежели для собственно степных энеолитических общностей. Близкие формы кремневых ножей, глиняных сосудов, роговых, костяных, медных, раковинных украшений отмечены во всех локальных вариантах. Вместе с тем выявляются и некоторые особенности отдельных групп,

в том числе вытянутое на спине положение погребенных (наряду со скорченным) в Александрии, каменные конструкции могильников так называемой новоданиловской группы и, наконец, появление курганных насыпей в могильниках Яма и Койсуг. Если первая из этих особенностей связана с длительной погребальной традицией предшествующих неолитических культур, то во второй можно видеть результат кавказско-крымских влияний (*Телегін Д. Я.*, 1973, с. 115), а в третьей — нарождающуюся собственно степную традицию. Не случайно оба названных могильника расположены в степи, в восточной части ареала среднестоговской культуры.

Подобное сочетание единства и локальных особенностей представляет и керамика. Основные ее технологические группы (пористая керамика с примесью толченой раковины в тесте и керамика с примесью в глине песка и травы), как и основные формы (высокогорлые остродонные горшки, тюльпановидные сосуды) и виды орнаментации (гребенчатый, накольчатый, прочерченный, позднее — гусеничный и шнуровой) едины для всех вариантов. Подчеркнем, что формы и орнаментация связаны здесь с древними неолитическими традициями охотничье-рыболовческого населения лесостепи и леса (*Телегін Д. Я.*, 1973, с. 146). Вместе с тем специфика отдельных вариантов обусловливает и появление в них особых керамических групп: в этом отношении показательна красноглиняная керамика нижнедонского варианта, появившаяся под влиянием кавказского энеолита (*Телегін Д. Я.*, 1973, с. 26, 100, 146).

Культурная интеграция на территории Днепро-Донского междуречья, приведшая к формированию среднестоговской культуры, была обусловлена прежде всего распространением здесь, на грани лесостепной и собственно степной зон, производящих форм экономики. Среди последних явно преобладало скотоводство. Свидетельства его на поселениях среднестоговской культуры, прежде всего остеологические материалы, многочисленны и ярки, тогда как свидетельства земледелия более чем скромны и ограничиваются единичными находками роговых мотыг, зернотерок и вкладышей составных серпов. Разведение домашних животных безусловно являлось основной отраслью хозяйства всех вариантов культуры. Восприняв скотоводство под влиянием раннеземледельческих центров Юга СССР, носители среднестоговской культуры развили его, придали ему новые формы. Это прежде всего коневодство. Кости домашней лошади доминируют в остеологическом материале ряда поселений (*Телегін Д. Я.*, 1973, с. 132—133), а находки костяных псалиев позволяют предполагать начало освоения всадничества. Это глубоко специфическая черта среднестоговской культуры, позволяющая видеть в ней один из древнейших известных до сего времени центров приручения коня (*Цалкин В. И.*, 1970, с. 247) и использования его для верховой езды. Конь, а вслед за ним крупный рогатый скот прочно преобладали в основных, лесостепных, районах культуры, в южных же ее пределах первенство переходит к мелкому рогатому скоту, прежде всего к овцам (*Цалкин В. И.*, 1970, табл. VII). Это и обусловило проникновение отдельных среднестоговских групп далеко в степь. И если крупный рогатый скот мог быть воспринят в Днепро-Донском междуречье из трипольского очага, а конь был освоен на месте (дикие предки его жили в Каспийско-Черноморских степях), то в развитии специфически овцеводческой формы скотоводства можно видеть влияние более восточных, собственно степных, районов и граничивших с ними центров производящего хозяйства (*Шилов В. П.*, 1970; *Телегін Д. Я.*, 1973, с. 133; *Мерперт Н. Я.*, 1974, с. 101, 141 сл.). Не случайно доминант овцеводства отмечен в восточной части ареала среднестоговской культуры, т. е. там же, где зафиксировано и появление курганов, что также связывается с распространением собственно степной традиции.

Развитие скотоводства и выработка новых его форм обусловили рост и расселение разрозненных ранее групп населения Днепро-Донского междуречья — потомков носителей сурской культуры и неолитических культур Нижнего Подонья. Они-то и составили основную часть населения среднестоговской культуры (*Телегін Д. Я.*, 1973, с. 144 сл.), испытывавшей в процессе своего формирования заметные воздействия и со стороны днепро-донецкой культуры. Вместе с тем новая экономика вызвала резкую активизацию как внутренних, так и внешних связей. Результатом первых явились консолидация населения и само формирование культуры в слабонаселенных ранее районах, выраженное неоднократно подчеркивавшейся выше культурной интеграцией. Со вторыми же связано не только заметное увеличение плодотворных воздействий южных очагов производящего хозяйства на население широких лесостепных и степных областей, но и начало все более заметных и действенных обратных воздействий. Процесс становится двусторонним. Трипольские импорты на поселениях среднестоговской культуры сочетаются с появлением степной керамики и прочих культурных элементов на трипольских (*Мовша Т. Г.*, 1961) и, более того, на балкано-дунайских энеолитических поселениях (*Nestor S.*, *Zaharia E.*, 1968, p. 17—43; *Телегін Д. Я.*, 1973, с. 154 сл.). Безусловные разносторонние воздействия кавказского очага на Днепро-Донское междуречье сочетаются с появлением северных, в том числе и среднестоговских (*Телегін Д. Я.*, 1973, с. 155), элементов в энеолитических культурах самого Кавказа. Подобная обоюдность воздействий раннеземледельческих центров Юга и их обширной лесостепной и степной периферии становится характерной и весьма значительной особенностью энеолитического периода нашей страны, в немалой степени определившей дальнейшую судьбу южных энеолитических культур, заметные этнические и культурные изменения при переходе к раннему бронзовому веку.

Все эти явления особенно активизировались с формированием уже собственно степных общностей, базировавшихся на подвижных формах скотоводства и освоении степных пространств. Лесостепная в своей основе среднестоговская культура знаменует в то же время начало этого процесса на днепро-донском участке степной полосы. Сыграв в нем определенную роль, в первой половине III тысячелетия до н. э. она вошла в качестве местного ком-

понента в состав гораздо более широкого и уже специфически степного образования — древнеямной культурно-исторической области. Значительная часть периода развития последней относится уже к бронзовому веку и знаменует раннюю его фазу в Каспийско-Черноморских степях, но начало этого периода связано с энеолитом и присущими ему особенностями, отмеченными выше.

Древнеямная культурно-историческая область — хронологически первая из гигантских общностей, характерных для древнейшей истории степной полосы. Именно она знаменовала первую ступень широкого освоения степных пространств, распространение в них производящих видов экономики, выработку подвижных форм скотоводства. История ее предстает как длительный, сложный и многообразный этап развития и взаимодействия ряда племенных групп Каспийско-Черноморских степей. Памятники ее, впервые выделенные В. А. Городцовым на Северском Донце (*Городцов В. А.*, 1905), где они составляли конкретную локальную группу, в ходе дальнейших исследований были открыты на огромной территории от Южного Приуралья на востоке до Балкано-Дунайского района на западе (*Мерперт Н. Я.*, 1974, рис. 1). Они позволяют очертить максимальные границы области в период ее расцвета и в то же время выделить внутри нее ряд локальных вариантов, отмеченных как объединяющими чертами (прежде всего в погребальном обряде и керамике), так и определенным своеобразием, нарастающим с ходом развития вариантов, превращающихся фактически в отдельные культуры. Основных вариантов девять: волжско-уральский, предкавказский, донской, северско-донецкий, приазовский, крымский, нижнеднепровский, северо-западный, юго-западный. Не только развитие, но и происхождение каждого из этих вариантов должны рассматриваться особо: они обусловлены своеобразием местных компонентов, экономическими особенностями каждой конкретной территории, ее историческим окружением и системой связей. В частности, в формировании специфических вариантов Поднепровья и Днепро-Донского междуречья значительную роль сыграла среднестоговская культура, явившаяся местной подосновой этого процесса. В Волжско-Донском междуречье и Предкавказье для древнеямных памятников отмечены реминисценции местных неолитических культур и особенно значительные влияния Кавказа, сыгравшие свою роль уже в самом процессе формирования местного варианта культурно-исторической области, а в дальнейшем заметно усилившиеся с появлением майкопской культуры. В Северо-Западном Причерноморье особенно действенными были связи древнеямных племен с раннеземледельческими культурами этого района, прежде всего с трипольской культурой, взаимодействие с которой обусловило, в частности, создание такого смешанного культурного явления, как памятники усатовского типа.

Однако при всей специфике конкретных вариантов древнеямной культурно-исторической области особое значение имеют те общие элементы, которые проявляются по всей ее территории и обусловливают самое ее выделение. Превращение их в определяющий фактор знаменует начало ее истории, утеря ими этой роли — ее конец. К числу объединяющих элементов следует отнести такие важнейшие этнографические признаки, как погребальный обряд, а также формы и орнаментацию керамики. Определенная нивелировка обряда, естественно далеко не полная, но все же достаточно четкая, отмечается с появлением древнеямных племен на всей территории культурно-исторической области. Она проявляется в повсеместном распространении курганных насыпей, перекрывающих индивидуальные погребения со скорченными и окрашенными костяками. Курганы на протяжении ряда эпох характерны прежде всего для степного обряда. И в свете имеющихся ныне данных древнеямные курганы могут считаться древнейшими, с них начинается тысячелетняя степная традиция. Сами они являются свидетельством освоения степи, сложения специфически степного скотоводческого хозяйства, специфически степных крупных патриархальных коллективов, специфически степной психологии. Распространение нового обряда при резком сокращении или исчезновении различных предшествующих его форм свидетельствует об установлении внутреннего ритуального единства среди значительной части населения области. Оно сочетается с распространением близких керамических форм (остро- и круглодонные сосуды с четко выраженным высоким или отогнутым горлом), орнаментальных приемов (нарезка, прочерчивание, накол, штамп) и схем (зоны орнамента, ограниченные волной, зигзагом или горизонтальной линией).

Особенно важно, что эти объединяющие элементы с наибольшей четкостью выражены по всей культурно-исторической области на наиболее раннем этапе ее истории. Это позволяет предполагать, что наряду с конвергентным развитием различных групп населения в экологически близких условиях степной полосы решающую и наиболее активную роль в создании культурно-исторической области сыграло широкое и относительно быстрое распространение культур, имевших общее происхождение и первоначально общую, более ограниченную территорию. Оно могло быть обусловлено как передвижением самих человеческих коллективов, что неоднократно зафиксировано на протяжении всей истории степной полосы, так и диффузией и активным обменом, возможности которых особенно велики в условиях открытых пространств и подвижного скотоводческого хозяйства.

Выше уже отмечалось, что в восточных пределах ареала среднестоговской культуры появляются черты, ставшие характерными для древнеямных племен. Здесь происходит вклинивание в собственно степные районы. Соответственно в стаде доминируют овцы, здесь же зафиксированы и не свойственные среднестоговскому обряду курганы. Это не случайно: именно к востоку от среднестоговского ареала уже на чисто степных пространствах междуречий Дона, Волги и Урала может быть определена первоначальная территория формирования наиболее ранних групп древнеямных племен. Материалы, освещающие этот процесс, еще очень ограниченны, но все же они позволяют полагать, что в ряде своих проявлений он был аналогичен процессу, отмеченному выше для Днепро-Донского междуречья. Здесь

также зафиксировано весьма раннее проникновение производящих форм хозяйства, прежде всего скотоводства, в лесостепные районы. В Среднем Поволжье открыты памятники, представляющие местные своеобразные культуры, стадиально и хронологически соответствующие как культуре могильников мариупольского типа (Съезжее, Криволучье, Виловатовская, Старо-Елшанские стоянки) (*Васильев И. Б., Матвеева Г. И.*, 1976, с. 73—96), так и самой среднестоговской (Хвалынский могильник) культуре (*Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И.*, 1978, с. 149). Но важной отличительной чертой исторического процесса на этой территории явилось еще более активное освоение степи, выработка специфически степных культурных элементов. Выделение наиболее ранних групп древнеямных племен, как и среднестоговских, началось в определенной части зоны охотничье-рыболовческих культур, однако с самого начала они далеко вклиниваются в степные районы. Бескурганным могильникам лесостепи хронологически и культурно соответствуют здесь первые степные курганы. Тождество керамики из Съезжего (*Васильев И. Б., Матвеев Г. И.*, 1976, рис. 9—10), Хвалынского могильника, Бережновки (*Синицын И. В.*, 1959, с. 72, рис. 17, *8*), украшений из Съезжего, Криволучья, Куйбышевского погребения (*Васильев И. Б.*, 1975, с. 50), Бережновки II, Ровного, хутора Попова (*Мерперт Н. Я.*, 1974, с. 56) — достаточно четкое тому свидетельство.

Широкое освоение степи и массовое распространение курганного обряда начались в междуречьях Урала, Волги и Дона одновременно с формированием среднестоговской культуры в смежном с запада днепро-донском районе в период, когда еще были живы традиции раннезнеолитических культур типа мариупольских могильников в Приазовье и Съезжего в Поволжье. Названные процессы взаимосвязаны. Интенсивное же освоение степи обусловлено прежде всего специфической формой скотоводства, выработанной в восточной части Каспийско-Черноморских степей. Здесь достаточно быстро определился доминант овцеводства, что, как уже подчеркивалось, явилось решающим экономическим фактором в освоении степных пространств. Неприхотливые, довольствующиеся даже скудной растительностью полупустынных и пустынных районов, овцы давали обильный приплод и легко переносили далекие перемещения по безводным пространствам. Особая роль их в древнеямном стаде, документируемая всем известным остеологическим материалом, вполне соответствует условиям первоначальной территории древнямных племен, значительную часть которой занимали засушливые степи, а на юге и полупустыня. Овцы более всех прочих видов домашних животных приспособлены к жизни в подобных условиях, и заметное преобладание их в древнеямном стаде само по себе является показателем подвижной формы скотоводства, единственно возможной при освоении степи (*Шилов В. П.*, 1970; 1975).

Распространение овцеводства в степной полосе при отсутствии здесь биологического фона, необходимого для местной их доместикации, безусловно, связано с решающими влияниями южных очагов производящего хозяйства, обладавших подобным фоном. Среди последних особого внимания заслуживает западная часть Средней Азии — Восточный и Южный Прикаспий. Область эта, непосредственно соприкасавшаяся на севере с евразийской степной полосой, была составной частью передневосточного центра производящего хозяйства. Вместе с тем она обладала определенной экономической спецификой, отличавшей ее от прочих центров, отмеченных прежде всего доминантом земледелия. Здесь сколько-нибудь значительных перспектив для развития земледелия не было. Для скотоводства же, прежде всего овцеводства, имелись все необходимые ресурсы. Область эта входит в зону активного распространения диких овец (*Воронцов Н. Н., Коробицына К. В., Надлер Ч. Ф.* и др., 1972, с. 76—81; *Perkins D.*, 1973; *Flannery K. V.*, 1965). В пещерах Южного Прикаспия известны одни из древнейших в мире местонахождений костей овцы с признаками безусловной доместикации (*Coon C. S.*, 1949, p. 133; *Zeuner F. E.*, 1963, p. 153). Уже в керамическом неолите домашние овцы заметно преобладают над всеми прочими животными, представленными в памятниках Южного и Восточного Прикаспия (*Coon C. S.*, 1949, p. 133; *Окладников А. П.*, 1956, с. 201). Поэтому совершенно закономерен особый путь экономического развития этой области: главная роль здесь принадлежала скотоводству, прежде всего разведению овец, что сопровождалось постоянным освоением новых пастбищных участков. А основной потенциальной кормовой базой, необходимой для развития этого процесса, были северные степные территории. Естественно, связи с северными территориями все более активизировались. Здесь имели место и вклинивания отдельных скотоводческих прикаспийских групп в степь, и в значительно большей мере — распространение их навыков, их форм хозяйства, их культурных достижений, воспринимавшихся и трансформировавшихся степным и лесостепным населением на все более широких территориях. Связи Восточного Прикаспия со степной полосой документируются, помимо экономических свидетельств, конкретными (керамика, кремень) археологическими материалами (*Окладников А. П.*, 1956, с. 213—215; *Даниленко В. Н.*, 1969, с. 181 сл.).

Ныне в Северном Прикаспии начато выделение особых культур, бывших связующими звеньями между упомянутым очагом древнейшего овцеводства и первоначальной территорией древнеямных племен (*Мелентьев А. Н.*, 1975; 1976, с. 13—14). Тем самым начинает выявляться — вплоть до лесостепных районов Поволжья и Подонья — динамика широкого распространения овцеводства, определившего значительный отток населения в степь, создание больших скотоводческих коллективов, быстро возраставших на базе новой экономики и требовавших в связи с этим все новых пастбищных участков. Дальнейшее расселение этих коллективов по степи и прежде всего — тесное взаимодействие с родственным им сложившимся в результате весьма близких процессов населением среднестоговской культуры, а далее и с племенами более западных степных участков привели к регулярному заселению степной полосы, распространению там новой формы экономики и нового погребального обряда, установлению того относитель-

ного культурного единства, которое обусловливает выделение древнеямной культурно-исторической области.

Экономическая специфика древнеямных племен определила характер их памятников. На большей части культурно-исторической области они ограничиваются подкурганными погребениями. На раннем этапе они совершены в скорченном положении на спине, ориентированы на восток, засыпаны охрой, часто безынвентарны. Поселения чрезвычайно редки. Большей частью — это остатки кратковременных стоянок скотоводов с бедным и маловыразительным культурным слоем. Более значительные поселения единичны. В первоначальной, восточной, части культурно-исторической области их нет совсем. Они возникли в результате расселения древнеямных племен в пограничье с раннеземледельческими центрами. Под прямым воздействием последних отдельные древнеямные группы оседали на землю и переходили к комплексному скотоводческо-земледельческому хозяйству. И только в этом случае создавались крупные стационарные поселки, подобные Ливенцовке в низовьях Дона, иногда и укрепленные, как Михайловка и Скеля Каменоломня на Нижнем Днепре (*Лагодовська О. Ф.*, *Шапошникова О. Г.*, *Макаревич М. Л.*, 1962). Следует особо подчеркнуть, что взаимодействие подвижных, расселявшихся на гигантских степных пространствах скотоводческих групп с раннеземледельческими центрами явилось одним из важнейших факторов, определивших характер энеолитического периода нашей страны. Оно способствовало освоению земледельческих навыков на обширных территориях, с которыми соприкасались степные скотоводы. Тем самым были подготовлены значительное расширение земледельческой ойкумены и в будущем — подъем земледелия уже на новой технической основе. В этом процессе древнеямным племенам принадлежала весьма значительная роль переносчиков и распространителей важнейших достижений, являвшихся ранее достоянием лишь территориально ограниченных раннеземледельческих центров. Ими были реализованы возникшие с освоением степной полосы возможности фокусирования культурных воздействий всех трех энеолитических очагов Юга СССР. И сами они сыграли весьма существенную роль в судьбах последних.

Очень раннее соприкосновение древнеямных племен с Кавказом документируется достаточно четкими свидетельствами. Находки весьма архаичных сосудов в кургане 7 у станицы Кубанской (ОАК за 1902, с. 19), каменного скипетра у Терекли-Мектеба (*Иессен А. А.*, 1952, с. 48 сл.) и другие позволяют предполагать начало этих контактов еще в домайкопское время, что, несомненно, сказалось на самом процессе распространения производящего хозяйства в степной полосе (*Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 8). Но особенно активными становятся они в период существования майкопской культуры. В это время можно с уверенностью говорить о двустороннем их характере, о подлинном взаимодействии древнеямных племен со значительным культурным очагом Северного Кавказа. Если кавказский металл именно в данный период начинает широко распространяться в Восточной Европе, то решающую роль в этом процессе играли прежде всего степные племена. Отдельные группы их самим происхождением своим связаны с Кавказом. В расселении их на запад некоторые исследователи видят вторую, азовско-причерноморскую, линию развития скотоводческого энеолита Восточной Европы (*Даниленко В. Н.*, 1969, с. 228 сл.). С ней связывают кемиобинскую культуру Крыма с погребениями в каменных и деревянных ящиках (*Щепинский А. А.*, 1966, 1968; *Лесков А. М.*, 1965; 1967), ряд поселений и некрополей Нижнего Подонья, кромлехи Подпепровья и особенно распространившиеся там памятники типа нижнего слоя Михайловского поселения (*Шапошникова О. Г.*, 1971, с. 250—258).

Основная роль в процессе взаимодействия степного и кавказского миров сохранялась за древнеямными племенами. И в этом плане достаточно показательны свидетельства проникновения их культурных элементов на Кавказ. В ряде погребений и слоев майкопской культуры найдены типичные древнеямные сосуды (*Мунчаев Р. М.*, *Нечитайло А. Л.*, 1966, с. 141—143, рис. 9,*2*), орудия (*Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 324), украшения (*Формозов А. А.*, 1965, с. 140); под одними курганными насыпями и в одних стратиграфических горизонтах с майкопскими открыты древнеямные погребения (*Крупнов Е. И.*, *Мерперт Н. Я.*, 1963, с. 35 сл., рис. 15). Можно говорить и о связях более сложных и глубоких, прежде всего о безусловно единых чертах в погребальном обряде древнеямных и майкопских племен: от положения погребенного и оформления могилы (*Формозов А. А.*, 1965, с. 140) до самой курганной насыпи. При всей дискуссионности вопроса о путях появления последяей на Северном Кавказе (*Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 309) возможность прямых воздействий древнеямных племен, у которых курганы получили наиболее раннее и наиболее широкое распространение, представляется весьма вероятной. Общие черты могут быть отмечены и в инвентаре обеих культур, прежде всего в керамике, причем именно древнейшие майкопские сосуды (Майкопский курган, Хаджох и др.) сходны с архаической древнеямной керамикой. Все это свидетельствует о встречном движении и тесном взаимодействии степных и северокавказских племен, степных и северокавказских культурных элементов. При этом зона контакта между ними охватывала значительную территорию — от калмыцких степей до Кубани и Терека — и носила подвижной характер.

Не менее сложными и значительными по своим последствиям явились контакты древнеямных племен с другим основным очагом земледельческого энеолита нашей страны — трипольским. Здесь также имело место активное взаимодействие, приводившее не только к механическому смешению разнокультурных элементов, но и к постепенному формированию новых культурных явлений, в которых эти элементы оказываются уже переработанными и представленными в определенном, установившемся сочетании. К числу таких явлений принадлежат, очевидно, памятники усатовского типа, само формирование которых не могло начаться ранее массового проникновения древнеямных племен на правобережную Украину и в Молдавию. Вопрос о процессе

формирования усатовской группы не может быть решен однозначно. Здесь необходим учет и продолжения трипольских традиций, и активизации связей с культурами балкано-дунайского района, и определенной роли далеких юго-восточных, кавказско-крымских, воздействий. Но один из наиболее важных и характерных признаков, позволяющих выделить эту группу,— погребальный обряд — безусловно связан с древнеямной традицией. Утверждение и распространение его предполагает немалую роль в указанном процессе притока степного населения, сохранившего свой важнейший этнографический признак. Взаимодействие же с местным трипольским населением, а скорее всего — взаимная ассимиляция привели к сохранению здесь ряда традиций трипольской материальной культуры, хотя и подвергшихся определенной трансформации. Усатовская группа представляется при этом явлением сугубо конкретным и четко локализованным. Она сосуществовала как с рядом вариантов позднего Триполья, так и с древнеямными племенами юго-западной группы. Вместе с последними она сыграла весьма значительную роль в древнейшей истории Балкано-Дунайского района, да и всей Восточной Европы в целом. Междуречья Буга, Днестра и Дуная явились важнейшим плацдармом вторжений степных племен в Подунавье и на Балканы, способствовавших культурному и этническому переоформлению этой части нашего континента в III тысячелетии до н. э. (*Garašanin M.*, 1961; *Мерперт Н. Я.*, 1965; *Dumitrescu V.*, 1963; *Іовановић Б.*, 1976, *Gimbutas M.*, 1973; *Ecsedy S.*, 1970; 1975).

Сама возможность таких вторжений и решающих воздействий на высокоразвитые центры раннеземледельческого энеолита южных областей обусловлена уже достаточно сложной социальной структурой степных скотоводческих коллективов. В совокупности с фактами освоения огромных степных пространств, создания сложных укрепленных поселений и величественных, крайне трудоемких погребальных сооружений, развития ряда производств и активных многосторонних связей она свидетельствует о наличии у древнеямного населения больших и мощных, хотя и недолговечных, племенных объединений. Только такие объединения могли совершать смелые и далекие «броски» в густонаселенные районы Северо-Западного Причерноморья, Подунавья, Балканского полуострова и, как мы увидим ниже, в далекие области азиатских степей. Наличие резко выделяющихся размерами и сложностью оформления погребальных сооружений, а также изделий, служивших определенными знаками высшей власти (инсигниями), является свидетельством выделения социальной верхушки — прежде всего вождей племен и их объединений (*Даниленко В. М., Шмаглий М. М.*, 1972; *Мерперт Н. Я.*, 1978). В некоторых случаях сложность оформления погребений сочетается и с особым их богатством, включая и металлические предметы (Утевские курганы в Поволжье и др.). Эти явления с наибольшей четкостью прослеживаются в степях Поволжья и Северного Причерноморья, где наряду с древнеямными активно действовали крупные объединения усатовских, кемиобинских и других племен.

Менее четко документировано пока взаимодействие древнеямных племен с третьим земледельческим очагом юга СССР — среднеазиатским. И все же открытия последних лет позволяют говорить о таком взаимодействии, связанном с движением степных скотоводов к юго-востоку, со стремлением их к контакту с развитыми земледельческими областями. Продвижение к границам Средней Азии степных племен засвидетельствовано открытым в низовьях Зеравшана могильником Заманбаба I и другими памятниками, объединяемыми ныне в заманбабинскую культуру (*Кузьмина Е. Е.*, 1958; *Гулямов Я., Исламов У., Аскаров А.*, 1966). Обряд могильника (индивидуальные скорченные погребения в ямах и подбоях) и ряд находок в нем, в том числе керамика (характерные остroреберные сосуды), указывают на безусловное сохранение степных традиций, сложившихся в среде древнеямных и катакомбных племен. Вместе с тем другая группа находок отражает совершенно иную традицию, связанную с раннеземледельческой средой и соответствующими культурами юга Средней Азии. Взаимные влияния выражены здесь достаточно четко, причем местные и южные элементы явно преобладают в процессе сложения заманбабинской культуры, в основном оседлой и земледельческой. «Из областей древнейшего в Средней Азии земледелия,— пишет В. М. Массон,— попали в Заманбабинский могильник отдельные предметы; оттуда же, видимо, пришло и знакомство с медью и, скорее всего, оттуда же были доставлены и первые зерна злаковых культур» (*Массон В. М.*, 1964; с. 185). Степные черты знаменуют явно привнесенные элементы, но отражают не единичное вторжение, а достаточно длительные контакты. Здесь можно говорить об одном из ранних этапов таких контактов, которые в дальнейшем неуклонно возрастали и определили как формирование оригинальных культур бронзового века степной Средней Азии (*Итина М. А.*, 1977), так и значительные культурные и этнические сдвиги, происшедшие в Центральной Азии в целом.

Механика и конкретные пути наиболее ранних контактов древнеямных племен со Средней Азией пока еще освещены очень слабо: лишь отдельные находки на Эмбе и в Зауралье (*Потемкина Т. М.*, 1978, с. 273) отмечают движение их к востоку от бассейна Урала, но само это движение несомненно. С ним связаны контакты не только с югом Средней Азии, но и с более восточными участками степной полосы, уходящими в пределы Южной Сибири, вплоть до Алтая, Минусинской котловины, а возможно, даже и монгольских степей. Важнейшим археологическим феноменом, знаменующим развитие этой части степной полосы в энеолитический период, явилась афанасьевская культура, во многом близкая и безусловно синстадиальная древнеямной культурно-исторической области Каспийско-Черноморских степей.

Афанасьевская культура была выделена С. А. Теплоуховым полвека тому назад и явилась первой древнейшей ступенью предложенной им блестящей систематизации памятников бронзового века Минусинской котловины (*Теплоухов С. А.*, 1927; 1929). Именно здесь, под Афанасьевской горой у с. Батени,

им были раскопаны первые 25 погребений под небольшими земляными насыпями или каменными выкладками, со скорченными костяками, сопровождавшимися весьма скромным инвентарем. Для последнего наиболее характерны яйцевидные остро- или круглодонные горшки, покрытые часто по всей поверхности резным или штампованным орнаментом. Сразу же бросается в глаза определенное сходство их с керамикой древнеямных погребений, особенно восточных, волжско-уральских групп. Представления об афанасьевской культуре были далее заметно расширены С. В. Киселевым. Им раскопан ряд новых памятников, выделены два территориальных варианта культуры — минусинский и алтайский, обоснованы весьма важные положения о наличии у афанасьевцев производящего хозяйства и об освоении ими металлургии меди. С. В. Киселев впервые поставил вопрос о синхронности и синстадиальности афанасьевских памятников древнеямным (*Киселев С. В.*, 1950). Последнее сразу же получило определенные подтверждения и в антропологическом материале: Г. Ф. Дебецом и другими антропологами была установлена весьма значительная близость антропологических типов, представленных в афанасьевских и древнеямных погребениях (*Дебец Г. Ф.*, 1932; 1948; *Алексеев В. П.*, 1961).

Эти направления исследования получили дальнейшее развитие на материале, многократно умноженном в результате масштабных полевых исследований экспедиций М. П. Грязнова (*Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б.*, 1968). Число раскопанных погребений возросло более чем в пять раз. Кроме того, принципиально новым явилось открытие поселений, ранее не известных для афанасьевской культуры. Материалы этих памятников весьма расширили представления о древнейших скотоводах Южной Сибири и подтвердили тезис об общих моментах развития и несомненных связях между западными и восточными степными скотоводческими культурами. Было окончательно установлено наличие у афанасьевцев комплексного производящего хозяйства с безусловным доминантом скотоводства. Остеологическими данными засвидетельствовано разведение всех основных видов домашнего скота. Топография могильников, отдельные из которых располагались в глубинных степных районах, позволяет, как и у древнеямных племен, предполагать начало освоения открытых степных пространств, т. е. формирование подвижных форм скотоводства. Есть свидетельства и земледелия, хотя сколько-нибудь заметного развития оно не получило. Вместе с тем охота и рыболовство сохраняли здесь бóльшую роль, чем в Каспийско-Черноморских степях. Скотоводческому и охотничьему хозяйству соответствовали и небольшие, сравнительно недолговечные поселки, состоявшие из жилищ двух видов — землянок и срубов. Однако в свете новых данных носители афанасьевской культуры не могут уже рассматриваться как разрозненные, маленькие, примитивные коллективы. Этому противоречит прежде всего отмеченное выше распространение у них производящих видов экономики.

Не менее важный показатель — овладение афанасьевцами металлообработкой. Наряду с медными и бронзовыми изделиями (украшениями, оковками деревянных сосудов, мелкими орудиями) найдены золотые и серебряные, а в женском погребении у Афанасьевской горы обнаружен браслет из метеоритного железа (*Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б.*, 1968, с. 161). Подобное развитие металлообработки с использованием нескольких металлов и некоторых из них в самородном виде характерно для энеолитического периода и полностью согласуется с соответствующими данными по ремеслу древнеямных племен, также применявших названный набор металлов. Многочисленные находки позволяют судить о достаточно высоком уровне развития у афанасьевцев и других ремесел: керамического (производство круглодонных и плоскодонных горшков, вазочек на поддонах — так называемых курильниц), камне- и деревообрабатывающего (в том числе изготовление деревянных сосудов). Практиковались также прядение, выделка кож, резьба по дереву и кости.

Тщательным изучением массовых материалов погребальных комплексов установлены значительная сложность и одновременно поразительное единообразие могильных сооружений и самих обрядов. Это свидетельствует об установлении здесь, как и в Каспийско-Черноморских степях, определенного ритуального единства на значительной территории. С другой стороны, особые проявления обряда (основные и впускные могилы, случаи половозрастной их дифференциации, вторичные захоронения и т. д.) позволяют ставить вопрос об отражении ими зарождавшегося социального неравенства и функциональной дифференциации в афанасьевских коллективах (*Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б.*, 1968, с. 164), т. е. о наличии у них тех же процессов, что отмечены у древнеямных племен. Новые подтверждения получила и антропологическая близость афанасьевцев с древнеямными, прежде всего волжско-уральскими, группами при заметном отличии их от носителей располагавшихся восточнее культур прибайкальского неолитического типа. Последние характеризуются явно выраженной монголоидностью. Афанасьевское же население и в антропологическом, и в культурном отношениях представляет собой «... крайнюю восточную ветвь европеоидных племен Евразии» (*Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б.*, 1968, с. 165). Широкое распространение его в степях было обусловлено теми же, что и на западе, формами скотоводческого хозяйства. Появление того же антропологического типа на территории Монголии позволяет предполагать и далекие вторжения отдельных афанасьевских групп, хотя этот вопрос, как и общая проблема границ афанасьевской культуры, далеко не ясны.

Еще раз подчеркивая многообразные, связывающие древнеямные и афанасьевские племена черты, отметим, что нет все же оснований считать последние простым дериватом скотоводческого мира Каспийско-Черноморских степей. Сами географические и экологические особенности степной полосы обусловили формирование близких экономических и культурных явлений в разных, зачастую весьма удаленных друг от друга ее районах. Значительную роль играли здесь и связи, принимавшие особо активную и действенную форму в условиях открытых степных

пространств и подвижности скотоводческих коллективов. Они предопределяли распространение единых культурных черт и целых их сочетаний на огромных территориях.

Афанасьевская культура отмечена не только близостью к древнеямной, но и рядом глубоко оригинальных признаков, отличающих ее от последней. Это в определенной мере касается и таких важных этнографических показателей, как погребальный обряд (коллективные погребения) и керамика (система орнаментации). Окончательно сформировавшаяся афанасьевская культура должна рассматриваться как особое явление. Процесс формирования ее связан, очевидно, со степями Алтая и Минусинской котловины. Что же касается близости афанасьевской и древнеямной культур, то причины и характер каждого конкретного ее проявления должны рассматриваться отдельно. Однако сам факт распространения в обеих культурах единых и достаточно специфических форм хозяйства свидетельствует о едином их источнике — в данном случае, как уже отмечалось, прикаспийской части среднеазиатского очага производящего хозяйства. Близость антропологического типа является весьма серьезным индикатором общности происхождения как афанасьевских, так и древнеямных групп, позволяет говорить об общей их подоснове, которая предшествовала окончательному формированию рассмотренных культурных феноменов.

Заключая настоящий раздел, следует еще раз отметить, что решающие воздействия первоначальных центров производящего хозяйства на бескрайнюю степную полосу Евразии предопределили значительное его распространение, формирование специфических форм степного энеолита, превращение степи в важнейшую контактную зону, консолидацию здесь огромных человеческих групп, находившихся в тесном и активном взаимодействии и сыгравших весьма существенную роль во всей дальнейшей экономической, культурной и этнической истории.

Заключение

Рассмотренные выше археологические комплексы трех основных центров оседлой земледельческо-скотоводческой культуры на территории СССР занимают важное место в археологии нашей страны. Выразительность устойчивых наборов предметов материальной культуры, широкий круг связей и взаимодействий, дробная археологическая периодизация, как правило, основанная на надежных критериях стратиграфии, делают их эталонными для целого ряда других археологических культур. Памятники этих трех центров отражают процесс исторического развития как в плане общих закономерностей, так и конкретно-историческую ситуацию. Развитие культуры в каждом из регионов представляет собой наглядную картину соединения черт, общих для энеолитической эпохи как таковой, и специфики местного развития, связанной с происхождением данных культур, природной средой, особенностями хозяйства и конкретно-исторической ситуацией взаимодействия с соседними племенами. Экологическое разнообразие приводит к тому, что в каждом из регионов формируются разные варианты производящей экономики, обусловленные потребностями максимального получения продуктов, происходит своего рода адаптация к природным условиям, вырабатываются специфические культурно-хозяйственные типы.

В Средней Азии, начиная с неолита, формируется оседлая земледельческо-скотоводческая культура, базирующаяся в первую очередь на поливном земледелии. Прочная оседлость находит выражение и в долговременности поселений, чьи оплывшие руины образовали многометровые толщи культурных напластований, и в процветании глинобитной архитектуры в условиях ограниченных запасов иных естественных строительных материалов. С самого начала среднеазиатский энеолит теснейшим образом связан с древневосточным культурным миром и прежде всего — с культурами Ирана, а также с Эламом и Южным Двуречьем. Нередко происходит прямое переселение племен на юг Средней Азии, сопровождающееся процессами культурной и, видимо, этнической ассимиляции. На поздних этапах развития энеолитическая культура Средней Азии оказывает все большее воздействие на культуры Южного Афганистана, Сеистана, Белуджистана вплоть до долины Инда, причем в ряде случаев это влияние явно связано с прямым расселением среднеазиатских общин энеолитических земледельцев. С точки зрения исторического развития, среднеазиатский энеолит — это постепенная эволюция раннеземледельческих общин от архаических форм производящей экономики к ее расцвету. На стадии подъема отмечается выделение общинного ремесла, позволившее создать яркие произведения прикладного искусства, в том числе расписную керамику, складывается иерархия поселений, отражающая тенденцию гнездового расположения вокруг крупных населенных центров. Возрастает роль большесемейных общин как основной ячейки общества, что находит прямое выражение в типах домов и могильных сооружений. Происходит и начальная социальная дифференциация. В основных чертах развитие среднеазиатского энеолитического центра повторяет в замедленном и менее контрастном варианте эволюцию месопотамских общин на основе поливного земледелия, приведшую к формированию хозяйственных и культурных основ цивилизации.

В Закавказье наряду с развитием земледелия отмечается значительная роль скотоводства, обеспеченного прекрасной кормовой базой. Как неолитические, так и энеолитические комплексы представлены здесь исключительно оседлыми поселениями с сырцовой архитектурой. Преимущественное распространение круглых в плане домов отражает черты культурного (и этнического?) своеобразия по сравнению со Средней Азией, где преобладают прямоугольные дома. В целом закавказский центр характеризуется несколько более поздним развитием, чем среднеазиатский, что, видимо, определяет общий архаический облик энеолитических комплексов этого региона, тесно связанных с культурами Северной Месопотамии, Северо-Западного Ирана и частично северовостока Малой Азии. Ряд специфических культурных признаков указывает на самобытный характер кавказского энеолита. С точки зрения исторического развития, энеолит Кавказа характеризует частично архаическую, а в основном сложившуюся производящую экономику, начальные этапы формирования общинного ремесла. Небольшие поселки еще не образуют иерархических систем. Активные разработки источников обсидиана влекут за собой широкое применение орудий из этого материала. Первые поселения земледельческо-скотоводческих общин появляются и к северу от Главного Кавказского хребта.

Третий центр распространения культур энеолитического типа — северопричерноморский — характеризуется экстенсивным земледелием, базирующимся на использовании естественных осадков, развитым скотоводством и значительной ролью охоты. Хозяйственная система, максимально использующая возможности данной экологической ниши, судя по всему, предусматривает частое перемещение коллективов на новые места, обусловленное, видимо, постепенным истощением полей. Многослойные памятники здесь редки. Природные условия вызывают развитие каркасной архитектуры с широким применением строительного леса. Четко вырисовывается культурная ориентация северопричерноморского центра на балканский и эгейский мир, а через их посредство — и на малоазийский раннеземледельческий

центр. Это сказывается и в наборе керамических изделий, среди которых многочисленны закрытые формы, и в приемах орнаментации, где основу композиций составляют спирали. Генезис северо-причерноморских комплексов связан с расселением оседлоземледельческих общин из более западных центров, адаптирующих вместе с тем ряд местных культурных традиций. С исторической точки зрения, развитие трипольской культуры представляет собой яркий пример постепенного расселения земледельческо-скотоводческих племен, производительно осваивающих все новые пространства. Процесс колонизации сопровождается выделением общинного ремесла, началом социальной дифференциации, сложением иерархической структуры поселений вокруг крупных центров. На определенном этапе развития достигается, видимо, максимальная плотность населения, возможная в данной экологической ситуации и при данной системе хозяйства, ограниченного в своих возможностях архаическим орудийным комплексом. Взаимодействие со степными культурами, проникающими на территорию трипольцев, во многом определяет специфику локальных вариантов позднего Триполья. Все эти явления постепенно приводят к упадку трипольской культуры.

Одновременно с интенсивным развитием трех южных центров земледельческо-скотоводческого энеолита культурная трансформация происходит в обширной зоне степей, примыкающей к ним с севера, где складываются специфические энеолитические культуры и культурные общности — среднестоговская, ямная и афанасьевская. Хозяйственное развитие идет здесь преимущественно по скотоводческому пути, что во многом определяется экологической ситуацией, и в свою очередь существенно влияет на весь культурный комплекс в целом. Меньшее развитие, чем на юге, получают строительное дело и специализированные ремесла. Вместе с тем именно в этой среде формируется особый тип погребального сооружения, сохранившийся до наших дней в виде курганов, создается и получает широкое распространение колесный транспорт. Подвижность и активность степных племен приводит к усложнению их социальной структуры и, видимо, к известному обособлению вождей и племенной аристократии. Степняки активно проникают на территорию древних земледельческо-скотоводческих культур, что ярко иллюстрируют материалы Триполья. Таким образом, к энеолитической эпохе восходит то важнейшее явление древней истории, которое связано с длительным хозяйственным, культурным, этническим и политическим взаимодействием оазисов и степей и перерастает позднее во взаимодействие древних государств и кочевых объединений.

Литература

Введение

Арциховский А. В., 1954. Основы археологии М.
Березаньска С. С., 1971. Про роль металлургії у суспільному прогресі в епоху міді та бронзи.— Археологія, т. 2. Київ.
Брюсов В. Я., 1952. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.
Гурина Н. Н., 1961. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР.— МИА, № 87.
Дергачев В. А., 1978. Памятники позднего Триполья (вопросы систематизации). Автореф. дис.... канд. ист. наук. Л.
Журавлев А. П., 1975. О древнейшем центре металлообработки меди в Карелии.— КСИА, в. 142.
Журавлев А. П., 1977. Энеолит Карелии. Автореф. дис.... канд. ист. наук. Петрозаводск.
Коробкова Г. Ф., Массон В. М., 1978. Понятие неолита и вопросы хронологии неолита Средней Азии.— КСИА, в. 153.
Кухаренко Ю. В., 1969. Археология Польши. М.
Массон В. М., 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.
Массон В. М., Мунчаев Р. М., 1977. Энеолит СССР.— В кн.: Всесоюзная конференция «Новейшие достижения советских археологов»: Тез. пленар. докл. М. (Далее: Всесоюз. конф. «Новейшие достижения...»: Тез. докл. М.).
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М., 1977. Древнейшая металлургия Месопотамии.— СА, № 3.
Монгайт А. Л., 1973. Археология Западной Европы: Каменный век. М.
Пиотровский Б. Б., 1949. Археология Закавказья. Л.
Рындина Н. В., 1971. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М.
Семенов С. А., 1963. Изучение первобытной техники методом эксперимента.— В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.
Семенов С. А., 1969. Каменные орудия эпохи ранних металлов.— СА, № 2.
Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, 1956. М.; Л.
Цалкин В. И., 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.
Gryaznov M. P., 1969. Southern Siberia. Geneve.
Mallaart J., 1964. Anatolia before c. 4000 B. C. and 2300—1750 B. C. London.
Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. London.

Часть I

Адыков К. А., Массон В. М., 1960. Древности Теджено-Мургабского междуречья.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, № 2.
Айзенберг Ю. Б., 1958. Из истории использования естественного камня.— Тр. ЮТАКЭ, т. VIII.
Алекшин В. А., 1973. Каменные гири с древнеземледельческих поселений Южной Туркмении.— СА, № 4.
Алекшин В. А., 1976. Некоторые аспекты социологической интерпретации погребений эемледельцев энеолита Южной Туркмении.— СА, № 2.
Алекшин В. А., 1977. Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культур Средней Азии и Ближнего Востока. Автореф. дис.... канд. ист. наук. М.
Антонова Е. В., 1972. К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры.— СА, № 4.
Антонова Е. В., 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.
Бердыев О. К., 1967. Археологические исследования Института истории АН ТССР.— АО 1966 г.
Бердыев О. К., 1968а. Чакмаклыдепе — новый памятник времени Анау IA.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.
Бердыев О. К., 1968б. Новые раскопки на поселениях Песседжикдепе и Чакмаклыдепе.— КД, в. II.
Бердыев О. К., 1969. Изучение памятников эпохи неолита и энеолита Южного Туркменистана.— АО 1968 г.
Бердыев О. К., 1971. Некоторые результаты археологических работ Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР (1959—1966 гг.).— В кн.: Материальная культура Туркменистана, в. I. Ашхабад.
Бердыев О. К., 1972а. Монджуклыдепе — многослойное поселение неолита и раннего энеолита в Южном Туркменистане.— КД, в. IV.
Бердыев О. К., 1972б. Стратиграфия Каушутского поселения в связи с происхождением культуры Анау IA.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, № 5.
Бердыев О. К., 1974. Керамика времени Анау IA.— В кн.: Материальная культура Туркменистана, в. II. Ашхабад.
Бердыев О. К., 1976. Материальная культура Туркменистана в период неолита и раннего энеолита.— В кн.: Первобытный Туркменистан. Ашхабад.
Бишони Р., 1977. Неопубликованные находки из Анау, хранящиеся в музее Пибоди (США).— СА, № 2.
Бочкарев В. С., 1975. Металлические изделия эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья. Автореф. дис.... канд. ист. наук. Л.
Букинич Д. Д., 1924. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства.— Хлопковое дело, № 3—4. М.
Букинич Д. Д., 1929. Новое об Анау и Намазгадепе.— Туркменоведение, № 5. Ашхабад.
Вайман А. А., 1976. О протошумерской письменности.— В кн.: Тайны древних письмен: Проблемы дешифровки. М.
Ганялин А. Ф., 1953. Археологические памятники горных районов Северо-Западного Копет-Дага.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. иаук, № 5.
Ганялин А. Ф., 1956а. К стратиграфии Намазгадепе.— Тр. ИИАЭ, т. II.
Ганялин А. Ф., 1956б. Погребения эпохи бронзы у селения Янгикала.— Тр. ЮТАКЭ, т. VII.
Ганялин А. Ф., 1959. Илгынлыдепе.— Тр. ИИАЭ, т. V.
Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1959. Черепа эпохи энеолита и бронзы из Южной Туркмении.— СЭ, № 1.
Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972. Палеоантропология Средней Азии. М.
Джуракулов М. Д., 1964. Археологическая деятельность А. В. Комарова в Закаспии (К истории археологического изучения Туркестанского края).— Тр. Самаркандск. гос. ун-та им. А. Навои. Нов. сер., в. 135. Археология Узбекистана. Самарканд.
Джуракулов М. Д., 1966. История изучения каменного века Средней Азии. Автореф. дис.... канд. ист. наук. Самарканд.
Долуханов П. М., Тимофеев В. И., 1972. Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиокарбонного метода).— В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.
Дурдыев Д., 1959. Итоги полевых работ сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР 1956—1957 гг.— Тр. ИИАЭ, т. V.
Ермолова Н. М., 1968. Костные останки млекопитающих из поселений эпохи энеолита и бронзы Южного Туркменистана.— КД, в. I.
Ершов С. А., 1956а. Холм Яссыдепе 2.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, № 2.
Ершов С. А., 1956б. Северный холм Анау.— Тр. ИИАЭ, т. II.
Итина М. А., 1951. Памятники энеолита и бронзового века Средней Азии. Автореф. дис.... канд. ист. наук. М.
Кирчо Л. Б., 1972. Стратиграфия Алтындепе и количественный метод определения относительной хронологии.— КД, в. IV.

Кирчо Л. Б., 1975. «Ковры» на черепках.— В кн.: Памятники Туркменистана, № 2(20). Ашхабад.
Кирчо Л. Б., 1976. Проблема происхождения культуры ранней бронзы Южной Туркмении.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, № 6.
Кобранов Е. А., 1927. Историческое и культурное значение Анау. Ашхабад.
Кожин П. М., Сарианиди В. И., 1968. Змея в культовой символике анауских племен.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.
Комаров А. В., 1888. Закаспийская область в археологическом отношении.— Туркестанские ведомости, № 24—26. Ташкент.
Коробкова Г. Ф., 1964. Функциональный анализ кремневых и костяных изделий поры энеолита.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук. № 3.
Коробкова Г. Ф., 1969. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— МИА, № 158.
Коробкова Г. Ф., 1975. Культура и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии.— СА, № 3.
Кузьмина Е. Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии.— САИ, в. В4-9.
Куфтин Б. А., 1954. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культуры Анау».— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, № 1.
Куфтин Б. А., 1956. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.— Тр. ЮТАКЭ, т. VII.
Лисицына Г. Н., 1963а. Основные черты палеогеографии Геоксюрского оазиса.— КСИА, в. 93.
Лисицына Г. Н., 1963б. Древние земледельцы в дельте Теджена.— Природа, № 10. М.
Лисицына Г. Н., 1964а. Древнейшие оросительные каналы на юге Туркмении.— Гидротехника и мелиорация, № 9. М.
Лисицына Г. Н., 1964б. Растительность Южной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным.— КСИА, в. 98.
Лисицына Г. Н., 1965. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М.
Лисицына Г. Н., 1966. Изучение геоксюрской оросительной системы в Южной Туркмении в 1964 г.— КСИА, в. 108.
Лисицына Г. Н., 1968а. Растительность Южной Туркмении в VI—V тыс. до н. э. по данным определения углей.— КД, в. II.
Лисицына Г. Н., 1968б. Глазами древних художников.— Природа. № 11. М.
Лисицына Г. Н., 1970а. Основные этапы истории орошаемого земледелия на юге Средней Азии и Ближнем Востоке.— КСИА, в. 122.
Лисицына Г. Н., 1970б. Культурные растения Ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тыс. до н. з.— СА, № 3.
Лисицына Г. Н., 1972. История орошаемого земледелия в Южной Туркмении.— УСА, в. I.
Лисицына Г. Н., Массон В. М., Сарианиди В. И., Хлопин И. Н., 1962. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геоксюрского оазиса.— В кн.: Тез. докл. на заседаниях ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М.
Лисицына Г. Н., Массон В. М., Сарианиди В. И., Хлопин И. Н., 1965. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геоксюрского оазиса.— СА, № 1.
Литвинский Б. А., 1952. Намазгадепе (по данным раскопок 1949—1950 гг.).— СЭ, № 4.
Марущенко А. А., 1939. Анау: Историческая справка.— В кн.: Архитектурные памятники Туркмении. Ашхабад; Москва.
Марущенко А. А., 1949. Краткий отчет о работе кабинета археологии Туркменского государственного института истории за первую половину 1936 г.— МЮТАКЭ, в. I.
Марущенко А. А., 1956. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии АН ТССР.— Тр. ИИАЭ, т. II.
Масимов И. С., 1976. Новый оазис эпохи бронзы в низовьях реки Мургаб.— АО 1975 г.
Массон В. М., 1956а. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина.— Тр. ЮТАКЭ, т. VIII.
Массон В. М., 1956б. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении (энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа).— Тр. ЮТАКЭ, т. VI.
Массон В. М., 1957а. Джейтун и Карадепе.— СА, № 1.
Массон В. М., 1957б. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией.— ВДИ, № 1.
Массон В. М., 1957в. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии.— СА, № 4.
Массон В. М., 1959а. О культе женского божества у анауских племен.— КСИИМК, в. 73.
Массон В. М., 1959б. Изучение анауских культур в 1956 г.— КСИИМК, в. 73.
Массон В. М., 1959в. Древние земледельцы на юге Туркменистана. Ашхабад.
Массон В. М., 1960а. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур.— Тр. ЮТАКЭ, т. X.
Массон В. М., 1960б. Карадепе у Артыка.— Тр. ЮТАКЭ, т. X.
Массон В. М., 1960в. Джейтунская культура.— Тр. ЮТАКЭ, т. X.
Массон В. М., 1962а. Древнейшее прошлое Средней Азии: (от возникновения земледелия до похода Александра Македонского). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л.
Массон В. М., 1962б. Восточные параллели убейдской культуры.— КСИА, в. 91.
Массон В. М., 1962в. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении.— САИ, в. Б3-8, ч. II.
Массон В. М., 1962г. Новые данные о Джейтуне и Карадепе.— СА, № 3.
Массон В. М., 1963. Средняя Азия и Иран в III тыс. до н. э.— КСИА, в. 93.
Массон В. М., 1964а. Историческое место среднеазиатской цивилизации.— СА, № 1.
Массон В. М., 1964б. Традиции коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии.— КСИА, в. 101.
Массон В. М., 1964в. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.
Массон В. М., 1966а. О возникновении земледелия до сложения раннеклассового общества.— ДСА СССР VII МКДП.
Массон В. М., 1966б. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений.— КСИА, в. 108.
Массон В. М., 1970. Раскопки на Алтындепе в 1969 г. Ашхабад.
Массон В. М., 1971а. Изучение стратиграфии и топографии Алтындепе.— АО 1970 г.
Массон В. М., 1971б. Среднеазиатско-кавказский социологический параллелизм.— В кн.: Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г.: Тез. докл. Тбилиси (далее Всесоюз. науч. сессия...: Тез. докл. Тбилиси).
Массон В. М., 1971в. Поселение Джейтун. Л.
Массон В. М., 1972а. Изучение общественной структуры раннегородского поселения Алтындепе.— АО 1971 г.
Массон В. М., 1972б. Эволюция первобытных поселений Средней Азии.— УСА, в. I.
Массон В. М., 1972в. Шестой год работ на Алтындепе.— УСА, в. I.
Массон В. М., 1974а. Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры.— История материальной культуры Узбекистана, в. II. Ташкент.
Массон В. М., 1974б. Раскопки погребального комплекса на Алтындепе.— СА, № 4.
Массон В. М., 1975. Изучение слоев энеолита и бронзы на Алтындепе.— АО 1974 г.
Массон В. М., 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
Массон В. М., 1977а. Пустыня и общество: динамика взаимодействия в историческом аспекте.— Пустыни Средней Азии и Казахстана, № 6. Ашхабад.
Массон В. М., 1977б. Алтындепе в эпоху энеолита.— СА, № 3.
Массон В. М., Сарианиди В. И., 1972. Каракумы: заря цивилизации. М.
Массон В. М., Сарианиди В. И., 1973. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М.
Массон М. Е., 1955а. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг.— Тр. ЮТАКЭ, т. V.
Массон М. Е., 1955б. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г.— Тр. ЮТАКЭ, т. II.
Минашина Н. Г., 1969. Почвы энеолитического оазиса Геоксюр.— В кн.: Земли древнего орошения. М.
Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане, 1971. Ашхабад.

Романова Е. Н., Семенцов А. А., Тимофеев В. И., 1972. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана.— УСА, в. II.
Сайко Э. В., 1971. К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе.
Сайко Э. В., 1977. О теплотехнике керамики древнеземледельческих поселений (Алтындепе).— КД, в. V.
Сарианиди В. И., 1959а. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении.— СА, № 2.
Сарианиди В. И., 1959б. Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр.— КСИИМК, в. 76.
Сарианиди В. И., 1960а. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау.— СА, № 3.
Сарианиди В. И., 1960б. Энеолитическое поселение Геоксюр (результаты работ 1956—1957 гг.).— Тр. ЮТАКЭ, т. X.
Сарианиди В. И., 1962а. Культовые здания поселений анауской культуры.— СА, № 1.
Сарианиди В. И., 1962б. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса.— КСИА, в. 91.
Сарианиди В. И., 1963а. Земледельческие поселения Юго-Восточной Туркмении. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Сарианиди В. И., 1963б. Керамические горны восточноанауских поселений.— КСИА, в. 93.
Сарианиди В. И., 1964. Хапузепе как памятник эпохи бронзы.— КСИА, в. 98.
Сарианиди В. И., 1965а. Геоксюрский некрополь.— МИА, № 135.
Сарианиди В. И., 1965б. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении.— САИ, в. Б3-8, ч. IV.
Сарианиди В. И., 1966. Раскопки в юго-восточных Каракумах в 1964 г.— КСИА, в. 108.
Сарианиди В. И., 1967. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М.
Сарианиди В. И., 1968. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке.— КСИА, в. 114.
Сарианиди В. И., 1969. Продолжение работ на Улугдепе.— АО 1968 г.
Сарианиди В. И., 1970. Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана.— СА, № 4.
Сарианиди В. И., 1971. Погребение Гиссар III: Новые материалы и наблюдения.— В кн.: История Иранского государства и культуры. М.
Сарианиди В. И., 1972. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен: (по материалам Геоксюрского некрополя).— УСА, в. I.
Сарианиди В. И., 1976. Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы.— В кн.: Первобытный Туркменистан. Ашхабад.
Сарианиди В. И., Качурис К. А., 1968. Раскопки на Улугдепе.— АО 1967 г.
Сарианиди В. И., Кошеленко Г. А., 1966. За барханами — прошлое. М.
Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, 1966. М.; Л.
Терехова Н. Н., 1975а. История металлообрабатывающего производства у древних земледельцев Южной Туркмении. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Терехова Н. Н., 1975б. Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении.— В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М.
Титов В. С., 1965. Роль радиоуглеродных дат в системе неолита и бронзового века Передней Азии и Юго-Восточной Европы.— МИА, № 129.
Трофимова Т. А., 1961. Расовые типы населения в эпоху энеолита и бронзы.— КСИЭ, в. XXXVI.
Трофимова Т. А., 1964. Население Средней Азии в эпоху энеолита и бронзового века и его связи с Индией.— Тр. МОИП, т. XIV.
Трофимова Т. А., 1968. Население Южной Туркмении и его переднеазиатские и южноиндийские связи в первобытную эпоху по данным палеоантропологии.— Тр. VII МКАЭН: Тез. докл. М.
Трофимова Т. А., Гинзбург В. В., 1960. Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита.— Тр. ЮТАКЭ, т. X.
Хлобыстина М. Д., 1977. «Маленькие богини» туркменского энеолита.— КД, в. VI.
Хлопин И. Н., 1956. Верхний слой Карадепе.— КСИИМК, в. 76.
Хлопин И. Н., 1957. Изображение короны на сосуде из Карадепе.— КСИИМК, в. 69.
Хлопин И. Н., 1958. Раскопки энеолитических поселений в бассейне Теджена.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, № 5.
Хлопин И. Н., 1960а. Дашлыджидепе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана.— Тр. ЮТАКЭ, т. X.
Хлопин И. Н., 1960б. К характеристике этнического облика ранних земледельцев Южного Туркменистана.— СЭ, № 5.
Хлопин И. Н., 1961. Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л.
Хлопин И. Н., 1962а. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении.— КСИА, в. 91.
Хлопин И. Н., 1962б. Племена раннего энеолита Южной Туркмении (Геоксюрский оазис). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Хлопин И. Н., 1963а. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении.— САИ, в. Б3-8, ч. I.
Хлопин И. Н., 1963б. Ялангачдепе — поселение эпохи энеолита.— КСИА, в. 93.
Хлопин И. Н., 1964а. Модель круглого жертвенника с Ялангачдепе.— КСИА, в. 98.
Хлопин И. Н., 1964б. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.; Л.
Хлопин И. Н., 1964в. Псевдоубейдская орнаментация керамики в Южной Туркмении.— КСИА, в. 101.
Хлопин И. Н., 1966. Орнаментальный геоксюрский крест.— КСИА, в. 108.
Хлопин И. Н., 1969. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении.— САИ, в. Б3-8, ч. III.
Хлопин И. Н., 1971. Теменос на Карадепе.— СА, № 3.
Цалкин В. И., 1970. Древнейшие домашние животные Средней Азии.— Бюл. МОИП. Отд-ние биол., т. XXV, № 1—2.
Чайлд Г., 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.
Черных Е. Н., 1962. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры.— КСИА, в. 91.
Шевченко А. И., 1960. К истории домашних животных Южного Туркменистана.— Тр. ЮТАКЭ, т. X.
Щетенко А. Я., 1968а. Раскопки памятников эпохи энеолита и бронзового века в Каахкинском районе.— КД, в. I.
Щетенко А. Я., 1968б. Работы отряда 2 в Южной Туркмении.— АО 1967 г.
Щетенко А. Я., 1970. Работы Артыкского отряда Каракумской экспедиции.— АО 1969 г.
Эпос о Гильгамеше, 1961 / Пер. с аккадского П. М. Дьяконова. М.; Л.
Янушевич З. В., 1977. О находке ячменя на поселении Алтындепе.— КД, в. V.
Biscione R., 1973. Dynamics of An Early South Asian Urbanisation: the First of Shahr-i Sokhta and its Connections with Southern Turkmenia.— In: South Asian Archaeology. London.
Caldwell J. R., 1967. Investigations at Tal-i Iblis. Illinois.
Casal J. M., 1961. Fouilles de Mundigak, v. I—II.— In: Memoires de la Délégation Archéologique Française on Afganistan, t. XVII. Paris.
Casal J. M., 1969. La civilisations de l'Indus et ses énigmes. Paris.
Chirshman R., 1939. Fouilles de Sialk, v. 1. Paris.
Dales G. F., 1973. Archaeology and Radiocarbon Chronologies for Protohistoric South Asia.— In: South Asian Archaeology. London.
Deshayes J., 1975. Tessons de ceramique peinte de Tappeh Hesar.— Proceedings of the III-rd Annual Symposium on Archaeological Research in Iran. Teheran.
Dyson R., 1965. Problems in the Relative Chronology on Iran.— In: Chronologies in Old World Archaeology. Chicago; London.
Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M., 1973. Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya: Trackes of the Earliest History of the Iranian Plateau.— East and West, N 1—2. Roma.
Mc. Cown D. E., 1942. Comparative Stratigraphy of Early Iran. Chicago.
Mc. Cown D. E., 1954. The Ralative Stratigraphy and Chronology of Iran.— In: Relative Chronologies in Old World Archaeology. Chicago.
Maleki Y., 1968. Abstract Art and Animal Motifs among the Ceramists of the Region of Teheran.— Archaeologia viva. N 1. Paris.
Masson V. M., 1961. The First Farmers in Turkmenis.— Antiquity, N 139. Cambridge.
Masson V. M., 1972. Prehistoric Settlement Patterns in Soviet Central Asia.— In: Man, Settlement and Urbanism. London.

Masson M. E., Masson V. M., 1957. Archaeological Cultures of Central Asia of the Aeneolithic and Bronze Age.— Cahires d'histoire mondiale. Nevchatel.
Masson V. M., Sarianidi V. I., 1972. Central Asia: Turkmenia before Achaemenides. London.
Mellaart J., 1967. Catal Hüyük: A Neolithic town in Anatolia. London.
Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. London.
Piggott S., 1946. The Chronology of Prehistoric North-West India.— Ancient India, N 1. London.
Piggott S., 1952. Prehistoric India to 1000 B. C. London.
Pumpelly R., 1908. Excavations in Turkestan.— In: Prehistoric Civilizations of Anau, v. I—II. Washington.
Warner L., 1908. Stone Implements and Skeletons excavated in Anau.— In: *Pumpelly R.* Excavations in Turkestan, v. II. Washington.
Schmidt H., 1908. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv.— In: Prehistoric Civilizations of Anau, v. I. Washington.

Часть II

Абибуллаев О. А., 1959а. Археологические раскопки в Кюльтепе. Баку. На азерб. яз.
Абибуллаев О. А., 1959б. Раскопки холма Кюльтепе близ Нахичевани в 1955 г.— МИА, № 67.
Абибуллаев О. А., 1963. Некоторые итоги изучения холма Кюльтепе в Азербайджане.— СА, № 3.
Абибуллаев О. А., 1965а. К вопросу о древней металлургии Кавказа и Азербайджана.— МИА, № 125.
Абибуллаев О. А., 1965б. Погребальные памятники на поселении Кюльтепе.— В кн.: Археологические исследования в Азербайджане. Баку.
Абрамишвили Р. М., 1976. Археологические исследования на новостройках Большого Тбилиси.— В кн.: Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси.
Абрамишвили Р. М., Окропиридзе Н. И., Небиеридзе Л. Д. и др., 1978. Раскопки в Тбилиси.— АО 1977 г.
Абрамишвили Р. М., Окропиридзе Н. И., Григолиа Г. К. и др., 1979. Раскопки в Тбилиси.— АО 1978 г.
Антонова Е. А., 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.
Аразова Р. Б., 1974. Каменные орудия эпохи энеолита Азербайджана. Автореф. дис.... канд. ист. наук. Баку.
Аразова Р. Б., Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г., 1972. Энеолитическое поселение Гаргалартепеси.— АО 1971 г.
Арешян Г. Е., 1972. Некоторые итоги работ Мохраблурской археологической экспедиции 1970—1971 гг.— В кн.: Тез. докл. на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1972 г. (ИА АН СССР). М.
Артемьев В. В., Бутомо С. В., Дрожжин В. М. и др., 1961. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду.— СА, № 2.
Ахундов Д. Н., 1973. Палеоархитектоническая основа генезиса древних жилых и ритуальных сооружений.— Уч. зап. Аз. политехн. ин-та. Сер. X, № 1/18. Баку.
Бадер Н. О., 1975. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто: (по раскопкам 1971, 1973—1974 гг.).— СА, № 4.
Барамидзе М. В., Пхакадзе Г. Г., Орджоникидзе А. З., 1978. Раскопки в сел. Атара.— АО 1977 г.
Барамидзе М. В., Пхакадзе Г. Г. и др., 1979. Археологические разведки в Абхазской АССР.— ПАИ 1976 г.
Бендукидзе О. Г., 1979а. Об остатках диких позвоночных животных из Арухло I.— МАГК, в. VII.
Бендукидзе О. Г., 1979б. О фауне позвоночных из Цопской энеолитической стоянки.— МАГК, в. VII.
Бжания В. В., 1966а. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии.— СА, № 1.
Бжания В. В., 1966б. Древнейшая культура Абхазии (эпох энеолита и ранней бронзы). Автореф. дис.... канд. ист. наук. М.
Бжания В. В., Папаскири Л. А., Габелия О. Н., 1979. Раскопки Мачарского поселения и кургана в Псху.— АО 1978 г.
Бибиков С. Н., 1953. Поселение Лука-Врублевецкая.— МИА, № 38.
Бибиков С. Н., 1959. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита.— СА, № 4.
Бурчуладзе А. А., Гедеванишвили А. О., Пагава С. П. и др., 1975. Радиоуглеродное датирование образцов органического происхождения.— Сообщ. АН ГССР, в. 80, № 1. Тбилиси.
Вавилов Н. И., 1957а. Мировые ресурсы зерновых культур и льна. М.; Л.
Вавилов Н. И., 1957б. Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур.— В кн.: Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых, бобовых, льна и их использования в селекции, т. I. М.; Л.
Варазашвили В. В., 1980. Материалы середины IV тыс. до н. э. из Иоро-Алазанского бассейна.— Тр. Кахетской экспедиции, в IV. Тбилиси.
Гаджиев М. Г., 1966. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э.— КСИА, в. 108.
Гаджиев М. Г., 1975. Энеолитическая культура Дагестана.— Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докл. Махачкала.
Гаджиев М. Г., 1978а. Некоторые вопросы этнокультурного развития населения Северо-Восточного Кавказа в V—III тыс. до н. э.— Крупновские чтения: Тез. докл. Нальчик.
Гаджиев М. Г., 1978б. К выделению северо-восточнокавказского очага каменной индустрии.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала.
Гаджиев М. Г., 1980а. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане.— В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
Гаджиев М. Г., 1980б. Древнейшие поселения горного Дагестана.— В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
Глонти Л. И., Джавахишвили А. И., Кигурадзе Т. В., 1975. Антропоморфные фигурки Храмис Дидигора.— ВГМГ, в. XXXI-В.
Гогелия Д. Д., 1979. Особенности поселения Арухло I.— МАГК, в. VII.
Гогичайшвили Л. К., 1979. К изучению голоценовых ландшафтов территории Квемо-Картли.— МАГК, в. VII.
Горидзе А. Д., 1979. Живой реликт культурной пшеницы.— Изв. АН ГССР, в. 99. Тбилиси.
Давудов О. М., 1973. Раскопки на Верхнелабкомахинском городище.— АО 1972 г.
Джавахишвили А. И., 1973. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси.
Джапаридзе О. М., 1976. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И., 1967. Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1969 гг.).— Мацне, 3/36. Тбилиси.
Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И., 1971. Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии, Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
Иессен А. А., 1963. Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э.— КСИА, в. 93.
Иессен А. А., 1965. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи.— МИА, № 125.
Кавтарадзе Г. Л., 1981. Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
Кесаманлы Г. П., Гусейнова М. А., Джафаров И. В. и др., 1976. Новые памятники в районе строительства Шамхорской ГЭС.— АО 1975 г.
Кигурадзе Т. В., 1976. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
Киладзе Н. З., 1951. Памятник нового каменного века из Тетрамица.— В кн.: Материалы по истории Грузии и Кавказа, в. 29. Тбилиси.
Колесников В. И., 1979. Какова роль рвов древнего поселения Арухло I? — МАГК, в. VII.
Комаров В. Л., 1938. Происхождение культурных растений. М.; Л.
Коробкова Г. Ф., 1978. Древнейшие жатвенные орудия и их производительность.— СА, № 4.
Коробкова Г. Ф., 1979. Древнейшие землекопные орудия из Арухло I.— МАГК, в. VII.
Коробкова Г. Ф., Кигурадзе Т. В., 1972. К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверисгора.— КСИА, в. 132.
Коробкова Г. Ф., Эсакиа К. М., 1979. Обсидиановая индустрия Цопи.— МАГК, в. VII.
Кричевский Е. Ю., Круглов А. П., 1941. Неолитическое поселение близ г. Нальчика.— МИА, № 3.

Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий В. В., 1941. Могильник в г. Нальчике.— МИА, № 3.
Куфтин Б. А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси.
Куфтин Б. А., 1944. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит.— ВГМГ, в. XIII-В.
Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Л.
Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В., 1977. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М.
Мартиросян А. А., Торосян Р. М., 1967. К вопросу об интерпретации энеолитической культуры Армении.— Вестн. общ. наук АН Арм. ССР, № 3. Ереван.
Массон В. М., 1962. Восточные параллели убейдской культуры.— КСИА, в. 91.
Массон В. М., 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.
Массон В. М., 1970. Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии.— ВИ, № 6.
Массон В. М., 1971. Поселение Джейтун.— МИА, № 180.
Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г., 1972. О раскопках на поселении Аликемектепеси.— АО 1971 г.
Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г., 1974а. Поселение Аликемектепеси.— АО 1973 г.
Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г., 1974б. Раскопки холма Аликемектепеси.— В кн.: Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1973 г.). Баку.
Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г., 1975а. Раскопки поселения Аликемектепеси.— АО 1974 г.
Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г., 1975б. Исследования на поселении Аликемектепеси.— В кн.: Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974 г.) Баку.
Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г., 1976. Раскопки Муганского отряда.— АО 1975 г.
Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г., Аразова Р. Б. и др., 1977. Раскопки горизонта II поселения Аликемектепеси.— АО 1976 г.
Мацхонашвили К. Г., 1979. О геологических наблюдениях 1968 г. в окрестностях холма Арухло I.— МАГК, в. VII.
Межлумян С. К., 1972. Палеофауна эпох энеолита, бронзы и железа на территории Армении. Ереван.
Менабде В. Л., 1964. К истории культуры пшеницы.— Тр. VII МКАЭН: Тез. докл. М.
Менабде М. В., Кигурадзе Т. В., Гогадзе К. М., 1980. Результаты работ Квемо-Картлийской экспедиции (1978—1979 гг.).— В кн.: Археологические экспедиции Государственного музея Грузии, в. VII. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
Мерперт Н. Я., 1968. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М., 1971. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии.— СА, № 3.
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М., 1977. Древнейшая металлургия Месопотамии.— СА, № 3.
Милорадович О. В., 1956. Новые археологические находки в Грозненской области.— КСИИМК, в. 64.
Мунчаев Р. М., 1961. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.— МИА, № 100.
Мунчаев Р. М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
Мустафаев И. Д., 1964. Пшеницы Азербайджана и их значение в формообразовательном процессе. Л.
Нариманов И. Г., 1964. Древнейшие серпы Азербайджана.— СА, № 1.
Нариманов И. Г., 1965а. Археологические исследования Шомутепе в 1962 г.— В кн.: Археологические исследования в Азербайджане. Баку.
Нариманов И. Г., 1965б. Керамика древнего поселения вблизи городища Оренкалы.— МИА, № 125.
Нариманов И. Г., 1966. Древнейшая земледельческая культура Азербайджана.— ДСА СССР VII МКДП.
Нариманов И. Г., 1968. Исследование энеолитических поселений в Азербайджане.— АО 1967 г.
Нариманов И. Г., 1969. Раскопки энеолитического поселения Иланлытепе.— АО 1968 г.
Нариманов И. Г., 1970. Кюллитепе и Геойтепе.— АО 1969 г.
Нариманов И. Г., 1971. О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане.— СА, № 3.
Нариманов И. Г., 1977. К истории древнейшего скотоводства в Азербайджане.— Докл. АН Аз. ССР, т. XXXIII, № 10. Баку.
Нариманов И. Г., Махмудов Ф. Р., 1967. Энеолитические памятники на Мугани.— Изв. АН Аз. ССР. Сер. истории, философии и права, № 2. Баку.
Нариманов И. Г., Рустамов Д. Н., 1960. Неолит в Тойретепе.— Докл. АН Аз. ССР, т. XVI, № 9. Баку.
Небиеридзе Л. Д., Гогелия Д. Д., Эсакиа К. М., 1979. Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции.— ПАИ 1976 г.
Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1971 гг.), 1975. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
Пиотровский Б. Б., 1949. Археология Закавказья. Л.
Пицхелаури К. Н., 1979. Итоги работ Кахетской экспедиции.— АО 1978 г.
Пицхелаури К. Н., Дедабришвили Ш. Ш., Бушанишвили Т. В. и др., 1979. Отчет Кахетской археологической экспедиции.— ПАИ 1976 г.
Пхакадзе Г. Г., 1979. Энеолитические остатки Окумской пещеры.— МАГК, в. VII.
Рамишвили Р. М., Джорбенадзе В. А., Каландадзе З. А. и др., 1979. Исследования в ущелье Арагви.— АО 1978 г.
Рустамов Д. Н., 1965. Разведочные раскопки в Тойретепе.— Материальная культура Азербайджана, т. VI. Баку.
Сардарян А. А., 1967. Первобытное общество в Армении. Ереван.
Селимханов И. Р., 1960. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов (на материале энеолита Азербайджана). Баку.
Селимханов И. Р., Марешаль Ж. Р., 1966. О ранних этапах древней металлургии меди на территории Европы и Кавказа в свете новых понятий и результатов анализа.— ДСА СССР VII МКДП.
Семенцев А. А., Романова Е. И., 1969. Современные методы в археологических исследованиях.— СА, № 1.
Соловьев Л. Н., 1939. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии.— Тр. Абхазск. НИИ, в. 15. Сухуми.
Тбилиси. Археологические памятники, в. I, 1978. Тбилиси.
Торосян Р. М., 1971. Раннеземледельческая культура Армении. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван.
Торосян Р. М., 1976. Раннеземледельческое поселение Техут: (IV тыс. до н. э.). Ереван. На арм. яз. с рус. резюме.
Торосян Р. М., Микаелян Г. А., Даведжян С. Г., 1970. Разведки древнейших памятников Армении.— АО 1969 г.
Федоров Я. А., 1973. Этнокультурные связи Западного Кавказа в эпоху позднего неолита.— Вестн. МГУ, № 5.
Формозов А. А., 1957. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа.— КСИИМК, в. 67.
Формозов А. А., 1959. Этнокультурные области на территории СССР в каменном веке. М.
Формозов А. А., 1962. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа.— МИА, № 102.
Формозов А. А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.
Цицишвили А. Л., 1966. Костные остатки животных из Шулавери.— В кн.: Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси.
Чайлд Г., 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.
Челидзе Л. М., 1979. Орудия труда энеолитического поселения Арухло I.— МАГК, в. VII.
Чубинишвили Т. Н., 1971. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси.
Чубинишвили Т. Н., 1973. Новые материалы к изучению раннеземледельческой культуры Квемо-Картли.— В кн.: Друзья памятников культуры. Тбилиси. На груз. яз.
Чубинишвили Т. Н., Кушнарева К. Х., 1967. Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа (V—IV тыс. до н. э.).— Мацне, № 6. Тбилиси.
Чубинишвили Т. Н., Небиеридзе Л. Д., Пхакадзе Г. Г. и др., 1976. Памятники раннеземледельческой культуры (VI—IV тыс. до н. э.) в зоне строительства Арухлинской оросительной системы.— В кн.: Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси.
Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М., 1973. Итоги работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции.— ПАИ 1972 г.
Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М., 1978. К вопросу о некоторых определяющих признаках раннеземледельческой культуры VI—IV тыс. до н. э.— Изв. АН Груз. ССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусств, № 1. Тбилиси.
Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М., Небиеридзе Л. Д. и др.,

1974. Итоги полевых работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции.— ПАИ 1973 г.
Burney C. A., 1962. Excavations at Janic Tepe, Azerbaijan, 1961. Second preliminary report.— Iraq, v. XXIV, N 2. London.
Dabbagh T., 1966. Hallaf pottery.— Sumer, v. XXII, N 1—2. Baghdad.
Doluchanov R. M., 1980. Paleogeography and prehistoric settlement in Caucasus and in Central Asia during the pleistocene and holocene.— Anali dell' Instituto Orientale Napoli, v. 40. Napoli.
Dyson R. H., 1960. Early Cultures of Solduz, Azerbaijan.— A survey of Persian Art, v. XIV, part A. London.
Dyson R. H., Young T. C., 1960. The Solduz Valley, Iran: Pisdelitepe.— Antiquity, N 133. Cambridge.
Hamlin C., 1975. Dalma Tepe.— Jran, v. XIII. London.
Kirkbride D., 1972. Umm Dabaghiyah 1971: a preliminary report.— Iraq, v. XXXIV. London.
Kirkbride D., 1973a. Umm Dabaghiyah 1972: a second preliminary report.— Iraq, v. XXXV. London.
Kirkbride D., 1973b. Umm Dabaghiyah 1973: a third preliminary report.— Iraq. v. XXXV. London.
Linick T. W., 1977. La Jolla radiocarbon measurements VII.— Radiocarbon, v. 19.
Mallowan M., Rose J. C., 1935. Excavations at Tell Arpachiyan, 1933.— Iraq, v. II. London.
Mellaart J., 1967. Catal Hüyük: A Neolithic town in Anatolia. London.
Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. London.
Merpert N. J., Munchaev R. M., Bader N. O., 1976. The Investigations of Soviet Expedition in Iraq 1973.— Sumer, v. XXXII, N 1—2. Baghdad.
Merpert N. J., Munchaev R. M., Bader N. O., 1977. The Investigations in Iraq, 1974.— Sumer, v. XXXIII, N 1. Baghdad.
Merpert N. J., Munchaev R. M., Bader N. O., 1978. Soviet Investigations in the Sinjar Plain.— Sumer, v. XXXIV. Baghdad.
Munchaev R. M., Merpert N. J., 1969. Excavations at Jarim Tepe.— Sumer, x. XXV, N 1—2. Baghdad.
Munchaev R. M., Merpert N. J., 1973. Excavations at Jarim Tepe 1972. Fourth preliminary report.— Sumer, v. XXIX, N 1—2. Baghdad.
Tobler A. J., 1950. Excavations at Tepe Gavra, v. II. Philadelphia.
Young T. C., 1962. Dalma ware.— London Illustrated News, N 2. London.
Young T. C., 1963. Dalma printed ware.— Expedition, v. 5, N 2. Philadelphia.
Watson P. J., 1965. The Chronology of North Syria and North Mesopotamia from 10000 B. C. to 2000 B. C.— Chronologies in Old World Archaeology. Chicago.

Часть III

Авилова Л. И., 1978. К изучению позднетрипольского погребального обряда.— СА, № 3.
Александреску А. Д., 1961. О второй фазе докукутенской культуры.— Dacia, N. S., t. V.
Археологічні дослідження на території Богесу 1930—1932 рр., 1933. Київ (далее — *АДТБ*, 1933).
Археологія Української РСР, 1971, т. I. Київ (далее — Арх. УРСР).
Бейлекчи В. С., 1978. Ранний энеолит низовьев Прута и Дуная. Кишинев.
Белановская Т. Д., 1957. Трипольское поселение Красноставка.— КСИИМК, в. 69.
Белановская Т. Д., 1961. Раннетрипольское поселение Лука-Устинская.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л.
Белановская Т. Д., Шмаглий Н. М., 1959. Позднетрипольское поселение у с. Троянова Житомирской области.— КСИА АН УССР, в. 8.
Бибиков С. Н., 1953. Поселение Лука-Врублевецкая.— МИА, № 38.
Бибиков С. Н., 1954. Археологические раскопки у селений Попенки и Журы на Днестре в 1952 г.— КСИИМК, в. 56.
Бибиков С. Н., 1955а. Исследование трипольских памятников в Среднем Поднестровье.— КСИА АН УССР, в. 4.
Бибиков С. Н., 1955б. О некоторых вопросах истории трипольской культуры (По поводу рецензии Т. С. Пассек в ВДИ № 2 за 1954 г.).— ВДИ, № 3.
Бибиков С. Н., 1965. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья.— СА, № 1.
Бибиков С. Н., 1966а. Древние кремневые выработки в Среднем Поднестровье.— In: Acta musei nationalis Prage, Series A, Historia, v. XX / 1—2. Praha.
Бибиков С. Н., 1966б. О хронологическом разделении памятников Триполья А и типа Гумельницы (Алдени II) на Юго-Западе СССР.— ДСА СССР VII МКДП.
Бибиков С. Н., 1970. О ранних формах ремесленного производства.— В кн.: Домашние промыслы и ремесло. Тез. расширенного заседания сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР. Л.
Бібіков С. М., 1971. Ранній етап трипільської культури.— Арх. УРСР, т. I.
Бибикова В. И., 1953. Фауна раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая.— МИА, № 38.
Бибикова В. И., 1963. Из истории голоценовой фауны позвоночных в Восточной Европе.— В кн.: Природная обстановка и фауна прошлого, в. 1. Киев.
Біляшівський М., 1926. Борисівське городище.— ТКУ, т. I.
Богаевский Б. Л., 1937. Орудия производства и домашние животные Триполья. Л.
Болтенко М. Ф., 1925. Раскопки Усатовско-Большекуяльницкого поля культурных остатков.— ВОКК, ч. 2—3.
Борисковский П. И., 1950. Некоторые дополнения к археологической карте Среднего Приднестровья.— Археологія, т. IV.
Брюсов А. Я., 1952. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.
Вавилов Н. И., 1965. Центры происхождения культурных растений.— Избр. тр., т. V. М.; Л.
Великанова М. С., 1961. Антропологический материал Выхватинского могильника.— МИА, № 84.
Виноградова Н. М., 1972. Памятники переходного этапа Триполья BI — BII в Поднестровье.— СА, № 1.
Виноградова Н. М., 1973. Памятники переходного этапа Триполья BI — BII в Побужье и Поднепровье.— КСИА, в. 134.
Виноградова Н. М., 1974. Трипольские племена Пруто-Днестровского междуречья в период расцвета. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Виноградова Н. М., Бейлекчи В. С., Бырня П. П., 1974. Раскопки трипольского поселения в Старом Орхее.— АИМ 1972 г.
Винокур И. С., 1966. Археологические исследования на трипольском поселении у с. Магала.— Археологія, т. XX.
Гембарович М. Т., 1956. К вопросу о значении трипольских женских статуэток.— СА, т. XXV.
Герасимов М. М., 1960. Внешний облик человека из Неэвиско.— МИА Ю-З СССР и РНР.
Городцов В. А., 1899. Назначение глиняных площадок в доисторической культуре трипольского типа.— АИЗ, № 11—12.
Даниленко В. Н., 1969. Неолит Украины. Киев.
Даниленко В. Н., 1974. Энеолит Украины. Киев.
Даниленко В. М., Макаревич М. Л., 1956а. Червонохутірський могильник мідного віку з трупоспаленням.— АП, т. VI.
Даниленко В. М., Макаревич М. Л., 1956б. Дослідження на II Сабатинівському ранньотрипільському поселенні в 1949 р.— АП, т. VI.
Даниленко В. Н., Шмаглий Н. М., 1972. Об одном поворотном моменте в истории энеолитического населения Южной Европы.— Археологія, т. 6.
Дебец Г. Ф., 1960. Антропологическая характеристика черепа из Незвиско.— МИА Ю-З СССР и РНР.
Дергачев В. А., 1973. Позднетрипольское поселение у с. Гординешты.— АИМ 1970—1971 гг.
Дергачев В. А., 1974. Позднетрипольские курганы Тираспольщины.— АИМ 1972 г.
Дергачев В. А., 1978. Выхватинский могильник. Кишинев.
Дергачев В. А., 1980. Памятники позднего Триполья. Кишинев.
Добровольський А. В., 1952. Перше сабатинівське поселення.— АП, т. IV.
Долуханов П. М., Пашкевич Г. А., 1977. Палеогеографические рубежи верхнего плейстоцена — голоцена и развитие хозяйственных типов на Юго-Востоке Европы.— В кн.: Палеоэкология древнего человека. К X конгрессу INQUA. М.
Долуханов П. М., Тимофеев В. И., 1972. Абсолютная хронология неолита Евразии.— В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.

Думитреску Г., 1960. К проблеме происхождения докукутенской культуры.— МИА Ю-З СССР и РНР.
Есипенко А. Л., 1957. Раннетрипольское поселение Александровка.— МАСП, в. 1.
Заец И. И., 1973. Клищев — новое поселение трипольской культуры на Южном Буге.— Археологія, в. 10.
Заец И. И., 1975а. Керамический комплекс трипольского поселения Клищев.— В кн.: Конференция «Новейшие открытия советских археологов», ч. I: Тез. докл. Киев (далее — Конф. «Новейшие открытия...»: Тез. докл. Киев).
Заец И. И., 1975б. Древние земледельцы среднего течения Южного Буга во второй половине IV тыс. до н. з. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Заец И. И., 1975в. Место отдельных трипольских поселений среднего течения Южного Буга в относительной периодизации Триполья.— В кн.: Юбилейная конференция «150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР»: Тез. докл. Киев (далее — Юбил. конф. «150 лет ОАМ АН УССР»: Тез. докл.).
Заец И. И., 1978. Трипольская культура (этапов BII, CI) на Южном Буге и Днестре.— В кн.: XVII конференция ИА АН УССР «Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.»: Тез. докл. Ужгород (далее — XVII конф. ИА АН УССР: Тез. докл. Ужгород).
Захарук Ю. М., 1952. Софіївський тілопальний могильник.— АП, т. IV.
Захарук Ю. М., 1953а. Проблема позднего Триполья в Среднем Поднепровье по материалам исследований последних лет.— КСИА АН УССР, в. 2.
Захарук Ю. М., 1953б. До питания про обряд поховання населення трипільскої культури в Середньому Подніпров'ї.— НЗІСН, т. I.
Захарук Ю. Н., 1955. Поселение энеолитического времени в с. Зимно Волынской области.— КСИА АН УССР, в. 4.
Захарук Ю. М., 1956. Поселення софіївського типу в околицях Києва.— АП, т. VI.
Захарук Ю. М., 1957. Поселение культуры воронковидных сосудов на Волыни.— КСИИМК, в. 67.
Захарук Ю. М., 1959. До питання про співвідношення і зв'язки між культурою лійчастого посуду та трипільською культурою.— МДАПВ, в. 2.
Захарук Ю. Н., 1960. Глиняный амулет из с. Кошиловцы.— СА, № 2.
Захарук Ю. Н., 1962. Вопросы хронологии культур энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни.— КСИА АН УССР, в. 12.
Захарук Ю. Н., 1964. Проблемы археологической культуры.— Археологія, т. XVII.
Захарук Ю. М., 1971а. Пам'ятки кошиловецького типу.— Арх. УРСР, т. I.
Захарук Ю. М., 1971б. Пам'ятки касперівського типу.— Арх. УРСР, т. I.
Захарук Ю. М., 1971в. Пам'ятки софіївського типу.— Арх. УРСР, т. I.
Захарук Ю. М., 1971г. Пам'ятки типу Гоща-Вербковиці.— Арх. УРСР, т. I.
Захарук Ю. М., 1971д. Пам'ятки культури пізньострічкової розписної кераміки.— Арх. УРСР, т. I.
Збенович В. Г., 1966. Про кинджали усатівського типу.— Археологія, т. XX.
Збенович В. Г., 1971. Поселение усатовского типа у с. Маяки.— МАСП, в. 7.
Збенович В. Г., 1972. Хронология позднего Триполья.— Археологія, т. 7.
Збенович В. Г., 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев.
Збенович В. Г., 1975. Оборонительные сооружения и оружие у племен трипольской культуры.— Археологія, т. 15.
Збенович В. Г., 1976а. К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
Збенович В. Г., 1976б. Позднее Триполье и его связь с культурами Прикарпатья и Малопольши.— ААС, т. XVI.
Збенович В. Г., 1980а. К проблеме происхождения трипольской культуры.— В кн.: Первобытная археология — поиски и находки. Киев.
Збенович В. Г., 1980б. Хронология раннетрипольских поселений.— В кн.: XVIII конференция ИА АН УССР «Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.»: Тез. докл. Днепропетровск (далее — XVIII конф. ИА АН УССР: Тез. докл. Днепропетровск).
Збенович В. Г., 1980в. Поселение Бернашовка на Днестре (к происхождению трипольской культуры). Киев.
Збенович В. Г., 1980г. Периодизация и хронология раннего Триполья.— Археологія, т. 35.
Зиньковская Н. Б., 1976. Антропоморфная пластика раннетрипольского поселения Александровка.— МАСП, в. 8.
Зиньковский К. В., 1973. Новые данные к реконструкции трипольских жилищ.— СА, № 1.
Зиньковский К. В., 1975. К проблеме трипольского домостроительства.— Археологія, т. 15.
Зиньковский К. В., 1976. О методах изучения домостроительства племен трипольской культуры.— МАСП, в. 8.
Зиньковский К. В., Зиньковская Н. Б., 1974. Поселение Александровка.— АО 1973 г.
Зиньковский К. В., Зиньковская Н. Б., 1975а. Раскопки раннетрипольского поселения Александровка.— АО 1974 г.
Зиньковский К. В., Зиньковская Н. Б., 1975б. Раннетрипольское поселение Александровка в свете новых исследований.— В кн.: Юбил. конф. «150 лет ОАМ АН УССР»: Тез. докл.
Иванов И. С., 1978. Съкровищата на Варненския халколитен некропол. София.
Иванова И. К., 1961. Геология и фауна палеолита и неолита Днестра.— В кн.: VI конгресс INQUA. Доклады советских геологов. М.
Кандиба О., 1937. Досліди на Галицькому Поділлі в рр. 1928 та 1929.— Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка, 154. Львів.
Каніvець В. І., 1956. Могильник епохи міді біля с. Чернина на Київщині.— АП, т. VI.
Квита Х., Кол Г., 1975. Телль Голямо-Делчево — радиоуглеродные даты и абсолютная хронология.— В кн.: Селищната могила при Голямо-Делчево. София.
Кетрару Н. А., 1964. Позднетрипольское поселение у с. Кубань в Молдавии.— МИАЭ МССР.
Кларк Дж. Г. Д., 1953. Доисторическая Европа. М.
Колчин Б. А., Битвинкас Т. Т., 1972. Современные проблемы дендрохронологии.— В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.
Комша Е., 1961. К вопросу о переходной фазе от культуры Боян к культуре Гумельница.— Dacia, N. S., t. V.
Конькова Л. В., 1979. Металлографическое исследование металлических изделий из памятников усатовского типа.— В кн.: Патокова Э. Ф. Усатовское поселение и могильники. М., 1979.
Коробкова Г. Ф., 1970. Работы экспериментальной группы Молдавской археологической экспедиции.— АО 1969 г.
Коробкова Г. Ф., 1972. Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ.— УСА, в. 1. Л.
Коробкова Г. Ф., 1974а. Экспериментальное изучение орудий труда трипольской культуры.— АО 1973 г.
Коробкова Г. Ф., 1974б. Переход к земледелию и скотоводству и прогресс орудий труда (по материалам ранних земледельческо-скотоводческих культур юга СССР).— Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя»: Тез. докл. Л.
Коробкова Г. Ф., 1975а. Трипольские мотыги и проблема трипольского земледелия.— В кн.: Юбил. конф. «150 лет ОАМ АН УССР»: Тез. докл.
Коробкова Г. Ф., 1975б. Экспериментально-трасологическое изучение производства трипольского общества.— АО 1974 г.
Коробкова Г. Ф., 1977. Экспериментально-трасологическое изучение древних серпов и мезолитических орудий.— АО 1976 г.
Коробкова Г. Ф., 1978. Древнейшие жатвенные орудия и их производительность.— СА, № 4.
Коробкова Г. Ф., 1979. Экспериментально-трасологическое изучение мезолитических и неолитических орудий.— АО 1978 г.
Коробкова Г. Ф., 1980. Палеоэкономические разработки в археологии и экспериментально-трасологические исследования.— В кн.: Первобытная археология — поиски и находки. Киев.
Королева Э. А., 1977. Ранние формы танца. Кишинев.
Кравець В. П., 1954а. Раннетрипільске поселення в Городниці на Дністрі.— НЗІСН, т. II. Київ.
Кравец В. П., 1954б. Глиняные модели саней и челна в собраниях Львовского исторического музея.— КСИИМК, в. XXXIX.

Кравец В. П., 1955. Изучение позднетрипольских памятников в Верхнем Поднестровье.— КСИА АН УССР, в. 4.
Кричевский Е. Ю., 1940а. Трипольские площадки.— СА, т. VI.
Кричевский Е. Ю., 1940б. К вопросу о климате в эпоху существования трипольской культуры в связи с конструкцией жилища.— Бюлл. КИЧП, № 6—7.
Кричевский Е. Ю., 1940в. Поселение в Городске.— ТК, т. I.
Кричевский Е. Ю., 1940г. Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы.— КСИИМК, в. III.
Кричевский Е. Ю., 1940д. Раскопки на поселении Коломийщина и проблема трипольских площадок.— ТК, т. I.
Кричевский Е. Ю., 1941. О процессе исчезновения трипольской культуры.— МИА, № 2.
Кричевский Е. Ю., 1949. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы.— Уч. зап. ЛГУ, № 85, серия ист. наук, вып. 13.
Кругликова И. Т., 1966. О культуре верховного женского божества на Боспоре во II—III вв. н. э.— В кн.: Культура античного мира. М.
Круц В. А., 1977. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. Киев.
Кусургашева А. П., 1970. Антропоморфная пластика из поселения Новые Русешты I.— КСИА, в. 123.
Кухаренко Ю. В., 1958. Из материалов разведок на Волыни.— КСИИМК, в. 72.
Лагодовская Е. Ф., 1940. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г.— СА, т. V.
Лагодовська О. Ф., 1943. Проблеми усатівської культури.— НЗІІА, кн. 1. Уфа.
Лагодовська О. Ф., 1946. Розкопки усатівського кургана I—11 1940 р.— НЗІІА, кн. 2. Київ.
Лагодовська О. Ф., 1947. Усатівська культура та її місце в археологічному минулому України.— Вісн. АН Українськ. РСР, № 6. Київ.
Лагодовская Е. Ф., 1954. Войцеховское позднетрипольское поселение.— КСИА АН УССР, в. 3.
Лагодовская Е. Ф., 1953. Памятники усатовского типа.— Археологія, т. VIII.
Лагодовская Е. Ф., 1955. Михайловское поселение и его историческое значение.— КСИА АН УССР, в. V.
Лагодовська О. Ф., 1956. Пізньотрипільське поселення в Сандраках.— АП, т. VI.
Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л., 1962. Михайлівське поселения. Київ.
Левицький І., 1929. Пам'ятки мегалітичної культури на Волині.— Антропологія, т. II. Київ.
Маевский К., 1959. Заметки о трипольской пластике.— СА, № 1.
Макаревич М. Л., 1952а. Трипільське поселення біля с. Паволочі.— АП, т. IV.
Макаревич М. Л., 1952б. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури.— АП, т. IV.
Макаревич М. Л., 1954. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II.— КСИА АН УССР, в. 3.
Макаревич М. Л., 1960. Об идеологических представлениях трипольских племен.— ЗОАО, т. I / 34.
Маркевич В. И., 1964. Трипольское поселение Варваровка VIII.— В кн.: Первый симпозиум по археологии и этнографии Юго-Запада СССР: Тез. докл. Кишинев.
Маркевич В. И., 1970а. Многослойное поселение Новые Русешты I.— КСИА, в. 123.
Маркевич В. И., 1970б. Исследования Молдавской неолитической экспедиции.— АО 1969 г.
Маркевич В. И., 1971. Итоги работы Молдавской неолитической экспедиции.— АО 1970 г.
Маркевич В. И., 1973а. Исследования Молдавской неолитической экспедиции в 1970—1971 гг.— АИМ 1970—1971 гг.
Маркевич В. И., 1973б. Памятники эпохи неолита и энеолита.— В кн.: Археологическая карта Молдавской ССР, в. 2. Кишинев.
Маркевич В. И., 1974а. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев.
Маркевич В. И., 1974б. Исследования Молдавской неолитической экспедиции.— АИМ 1972.
Маркевич В. И., 1975. Исследования позднетрипольских памятников в Днестровско-Прутском междуречье.— АО 1974 г.
Маркевич В. И., 1978. Исследования Молдавской неолитической экспедиции.— АО 1977 г.
Маркевич В. И., 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев.
Маркевич В. И., Черныш Е. К., 1976. Исследование памятников трипольской культуры на территории Молдавии.— АО 1975 г.
Массон В. М., 1960. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур.— ТР. ЮТАКЭ, т. X.
Массон В. М., 1975. Первые города (к проблеме формирования городов в среде раннеземледельческих культур).— Конф. «Новейшие открытия...»: Тез. докл. Киев.
Массон В. М., 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
Массон В. М., 1980а. Раннеземледельческие общества и формирование поселений городского типа.— В кн.: Ранние земледельцы. Л.
Массон В. М., 1980б. Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок.— В кн.: Первобытная археология — поиски и находки. Киев.
Массон В. М., Маркевич В. И., 1975. Палеодемография Триполья и вопросы динамики развития трипольского общества.— В кн.: Юбил. конф. «150 лет ОАМ АН УССР»: Тез. докл.
Массон В. М., Сарианиди В. И., 1973. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М.
Мелюкова А. И., 1962. Курган усатовского типа у с. Тудорово.— КСИА, в. 88.
Мерперт Н. Я., 1965. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке.— КСИА, в. 105.
Мерперт Н. Я., 1975. Ритуальные модели топоров из Эзеро.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.
Мовша Т. Г., 1953. К вопросу о развитии трипольской антропоморфной пластики.— КСИА АН УССР, в. 2.
Мовша Т. Г., 1955. Глинобитное жилище раннетрипольского поселения Солончены I.— Изв. МФ АН СССР, № 5/25.
Мовша Т. Г., 1958. Знаряддя праці з трипільського поселення Коломийщина I.— Праці Київського державного історичного музею, в. I. Київ.
Мовша Т. Г., 1960а. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом трупоположения.— МИА Ю-З СССР и РНР.
Мовша Т. Г., 1960б. Трипольское жилище на поселении Солончены II.— ЗОАО, т. I / 34.
Мовша Т. Г., 1961. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века.— СА, № 2.
Мовша Т. Г., 1964а. Новое позднетрипольское поселение Цвикловцы в Среднем Поднестровье.— СА, № 1.
Мовша Т. Г., 1964б. О некоторых моделях жилищ трипольской культуры.— КСОГАМ за 1962 г.
Мовша Т. Г., 1965а. Многослойное трипольское поселение Солончены II.— КСИА, в. 105.
Мовша Т. Г., 1965б. Клад украшений с позднетрипольского поселения в с. Цвикловцы.— Археологія, т. XVIII.
Мовша Т. Г., 1969. Об антропоморфной пластике трипольской культуры.— СА, № 2.
Мовша Т. Г., 1970а. Позднетрипольское жилище-мастерская в с. Цвикловцы.— Археологія, т. XXIII.
Мовша Т. Г., 1970б. Позднетрипольское поселение в с. Жванец.— КСИА, в. 123.
Мовша Т. Г., 1971а. О северной группе позднетрипольских памятников.— СА, № 1.
Мовша Т. Г., 1971б. Середній этап трипільської культури.— Арх. УРСР, т. I.
Мовша Т. Г., 1971в. Гончарные центры позднего Триполья.— СА, № 3.
Мовша Т. Г., 1971г. Памятники выхватинского типа.— МАСП, в. 7.
Мовша Т. Г 1972. Періодизація і хронологія середнього та пізнього Трипілля.— Археологія, т. 5.
Мовша Т. Г., 1973. Новые данные об антропоморфной реалистической пластике Триполья.— Археологія, т. 11.
Мовша Т. Г., 1974. Городище трипольской культуры Жванец-Щовб.— АО 1973 г.
Мовша Т. Г., 1975а. Две параллельные линии в развитии трипольской этнокультурной области.— В кн.: Конф. «Новейшие открытия...»: Тез. докл. Киев.
Мовша Т. Г., 1975б. Локальные черты антропоморфной пластики памятников выхватинского типа.— В кн.: Юбил. конф. «150 лет ОАМ АН УССР»: Тез. докл.
Мовша Т. Г., 1975в. Работы в Среднем Поднестровье.— АО 1974 г.
Мовша Т. Г., 1978. К проблеме специализированных производственных комплексов в трипольской культуре.— В кн.: XVII конф. ИА АН УССР: Тез. докл. Ужгород.

Мовша Т. Г., 1979. Взаимосвязи Триполья и степных культур.— В кн.: Конференция «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы»: Тез. докл. Донецк (далее — Конф. «Проблемы эпохи бронзы»...: Тез. докл. Донецк).
Мовша Т. Г., 1980. Новые данные по идеологии триполько-кукутенских племен.— В кн.: Первобытная археология — поиски и находки. Киев.
Мовша Т. Г., Чеботаренко Г. Ф., 1969. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии.— КСИА, в. 115.
Пассек Т. С., 1938а. Исследования трипольской культуры в УССР за 20 лет.— ВДИ, № 1—2.
Пассек Т. С., 1938б. Трипольские модели жилища.— ВДИ, № 4—5.
Пассек Т. С., 1940. Трипольское поселение Коломийщина.— ТК, т. I.
Пассек Т. С., 1947. К вопросу о среднеднепровской культуре.— КСИИМК, в. XVI.
Пассек Т. С., 1949а. Периодизация трипольских поселений.— МИА, № 10.
Пассек Т. С., 1949б. Археологические разведки в Молдавии.— КСИИМК, в. XXVI.
Пассек Т. С., 1950. Трипольские поселения на Днестре.— КСИИМК, в. XXXII.
Пассек Т. С., 1952. Итоги работы Трипольской (Днестровской) экспедиции.— КСИИМК, в. XLV.
Пассек Т. С., 1954. Рецензия: С. Н. Бибиков «Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре» (МИА, 1953, № 38).— ВДИ, № 2.
Пассек Т. С., 1955а. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре.— Изв. МФ МССР, № 5/25.
Пассек Т. С., 1955б. Итоги археологических исследований на Днестре в 1952—1953 гг.— КСИА АН УССР, в. 4.
Пассек Т. С., 1957. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 г.— КСИИМК, в. 70.
Пассек Т. С., 1958. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднеенеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья.— СА, № 1.
Пассек Т. С., 1960. Результаты археологических раскопок у с. Флорешты в Молдавии.— МИА Ю-З СССР и РНР.
Пассек Т. С., 1961а. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья.— МИА, № 84.
Пассек Т. С., 1961б. Проблемы энеолита юго-запада Восточной Европы.— In: Europe à la fin de l'âge de la pierre. Praha.
Пассек Т. С., 1965а. История племен V—III тыс. до н. э. на территории Молдавии.— КСИА, в. 105.
Пассек Т. С., 1965б. Костяные амулеты из Флорешт.— В кн.: Новое в советской археологии. М.
Пассек Т. С., Герасимов М. М., 1967. Новая статуэтка из Вулканешт.— КСИА, в. 111.
Пассек Т. С., Кричевский Е. Ю., 1946. Трипольское поселение Коломийщина (опыт реконструкции).— КСИИМК, в. XII.
Пассек Т. С., Черныш Е. К., 1963. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР.— САИ, в. Б1-11.
Пассек Т. С., Черныш Е. К., 1965. Открытие культуры Гумельница в СССР.— КСИА, в. 100.
Патокова Э. Ф., 1957. Изображения животных на памятниках Большого Куяльника-Усатова.— МАСП, в. 1.
Патокова Э. Ф., 1967. Обряд погребений усатовских курганных могильников.— ЗОАО, т. II/35.
Патокова Э. Ф., 1975. К вопросу об относительной хронологии могильников Усатова.— В кн.: Юбил. конф. «150 лет ОАМ АН УССР»: Тез. докл.
Патокова Э. Ф., 1979. Усатовские поселение и могильники. Киев.
Пашкевич Г. А., 1980. Культурные растения трипольских поселений Поднепровья.— В кн.: Первобытная археология — поиски и находки. Киев.
Пелещишин М. А., 1963. Розкопки поселення культури лійчастого посуду біля с. Зимне Волинської області в 1960—1961 рр.— МДАПВ, в. 5.
Пелещишин Н. А., 1966. Поселение культуры воронкообразных сосудов у с. Лежницы на Волыни.— Археологія, т. XX.
Пелещишин Н. А., 1968. Раскопки у с. Костянец на Волыни.— АО 1967 г.
Пелещишин Н. А., 1969. Раскопки энеолитического поселения у с. Берегово Закарпатской области.— АО 1968 г.
Пелещишин Н. А., 1971а. Раскопки позднетрипольского поселения у с. Листвин на Волыни.— АО 1970 г.
Пелещишин М. А., 1971б. Культура лійчастого посуду.— Арх. УРСР, т. I.
Пелещишин Н. А., 1973. Раскопки у с. Голышев на Волыни.— АО 1972 г.
Пелещишин Н. А., 1974а. Раскопки у с. Голышев Волынской области.— АО 1973 г.
Пелещишин М. А., 1974б. Стародавні племена Прикарпаття і Західної Волині за доби неоліту та енеоліту.— В кн.: Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. Київ.
Пеняк С. И., Попович И. И., Потушняк М. Ф., 1976. Работы Закарпатской новостроечной экспедиции.— АО 1975 г.
Петрунь В. Ф., 1967. К петрографическому определению состава и районов добычи минерального сырья раннеземледельческих племен Юго-Запада СССР.— КСИА, в. 111.
Погожева А. П., 1971. Глиняная антропоморфная пластика трипольской культуры.– Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Попова Т. А., 1970. Зооморфная пластика трипольского поселения Поливанов Яр.— КСИА, в. 123.
Попова Т. А., 1972. Древние земледельцы Среднего Поднестровья в IV—III тыс. до н. з. (по материалам многослойного поселения Поливанов Яр). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Попова Т. А., 1979. Хронология Поливанова Яра и ее значение для периодизации трипольской культуры.— КСИА, в. 157.
Попова Т. С., 1980а. Древние земледельцы Среднего Поднестровья в IV—III тыс. до н. э. (по материалам поселения Поливанов Яр).— В кн.: Ранние земледельцы. Л.
Попова Т. А., 1980б. Кремнеобрабатывающее производство трипольских племен (по материалам поселения Поливанов Яр).— В кн.: Первобытная археология — поиски и находки. Киев.
Попова Т. А., Черныш Е. К., 1967. Трипольское поселение у с. Бодаки.— ЗОАО, т. II/35.
Потушняк М. Ф., 1972. Питання хронології та культурної належності пам'яток неоліту та енеоліту Закарпаття.— В кн.: Дослідження стародавньої історії Закарпаття. Ужгород.
Потушняк М. Ф., 1978. Результаты исследований памятников неолита — энеолита в Закарпатье.— В кн.: XVII конф. ИА УССР: Тез. докл. Ужгород.
Рудинський М. Я., 1926. Коротке звідомлення за діяльність Всеукраїнського Археологічного Комітету при УАН в галузі археологічних дослідів у р. 1925.— КЗАД 1925.
Рудинський М. Я., 1927а. Археологічні досліди року 1926.— КЗВУАК 1926 р.
Рудинський М. Я., 1927б. Досліди на Кам'янеччині.— КЗВУАК 1926 р.
Рудинський М., 1930. Поповгородський вияв культури мальованої кераміки.— Антропологія, т. III.
Русяева А. С., 1971. Культ Коры-Персефоны в Ольвии.— Археологія, т. 4.
Рыбаков Б. А., 1965. Космогония и мифология земледельцев энеолита.— СА, № 1, 2.
Рыбаков Б. А., 1966. Религия и миропонимание первых земледельцев Юго-Восточной Европы.— ДСА СССР VII МКДП.
Рыбаков Б. А., 1976. Новые данные о культе небесного оленя.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
Рыбаков Б. А., 1981. Язычество древних славян. М.
Рындина Н. В., 1961. К вопросу о технике обработки трипольского металла.— МИА, № 84.
Рындина Н. В., 1962. Анализы металлических изделий из трипольского слоя поселения у с. Незвиско.— МИА, № 102.
Рындина Н. В., 1970. Медный импорт эпохи развитого Триполья.— КСИА, в. 123.
Рындина Н. В., 1971. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М.
Сайко Э. В., 1977. О теплотехнике керамики древнеземледельческого поселения (Алтындепе).— КД, в. V.
Свешников И. К., 1954. Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднестровья и Западной Волыни.— СА, № XX.
Свешников И. К., 1956. Могильник в с. Звенигород Львовской области.— КСИИМК, в. 68.
Свешніков І. К., 1957. Мегалітичні поховання на Західному Поділлі. Львів.
Свешніков І. К., 1958. Підсумки дослідження культур бронзової доби Прикарпаття і Західного Поділля. Львів.

Свешніков І. К., 1971. Культура кулястих амфор.— Арх. УРСР, т. I.
Селинов В. И., Лагодовская Е. Ф., 1940. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г.— СА, № 5.
Сергеев Г. П., 1963. Раннетрипольский клад у с. Карбуна.— СА, № 1.
Сіцінський Є., 1927. Нариси з історії Поділля, ч. І. Вінниця.
Скакун Н. Н., 1978. Орудия труда раннетрипольского поселения Александровка (в свете экспериментально-трасологического исследования).— СА, № 1.
Скрыленко А. А., 1905. Глиняные статуэтки домикенской культуры, открытой в Среднем Приднепровье.— Тр. XII АС в Харькове в 1902 г., т. І. М.
Смішко М. Ю., Пелещишин М. А., 1962. Поселення культури лійчастого посуду в с. Малі Грибовичі Львівської області.— МДАПВ, в. 4.
Спицын А. А., 1904а. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого Киевской губернии.— ИАК, в. 12.
Спицин А. А., 1904б. Раскопки курганов близ с. Колодистого Киевской губернии.— ИАК, в. 12.
Субботин Л. В., 1975а. Болградский локальный вариант энеолитической культуры Гумельница. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
Субботин Л. В., 1975б. О назначении сквозных отверстий в энеолитических терракотах.— В кн.: Юбил. конф. «150 лет ОАМ АН УССР»: Тез. докл.
Субботин Л. В., 1976. Антропоморфная пластика гумельницких памятников Юго-Запада СССР.— МАСП, в. 8.
Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглий Н. М., 1970. Курганы у с. Огородное.— МАСП, в. 6.
Субботин Л. В., Черняков И. Т., Ядвичук В. И., 1976. Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья.— МАСП, в. 8.
Субботин Л. В., Шмаглий Н. М., 1970а. Раскопки курганного могильника в г. Болград Одесской области.— Археологія, т. XXIV.
Субботин Л. В., Шмаглий Н. М., 1970б. Болградский курганный могильник.— МАСП, в. 6.
Телегін Д. Я., 1968. Дніпро-донецька культура. Київ.
Телегін Д. Я., 1973. Середньостогівська культура епохи міді. Київ.
Телегин Д. Я., Зализняк Л. Л., 1975. Раскопки на Игренском полуострове.— АО 1974 г.
Тимощук Б. О., 1952а. Развідка в басейні р. Пруту.— АП, т. III.
Тимощук Б. О., 1952б. Развідка Чернівецького історико-краєзнавчого музею у 1947 р.— АП, т. IV.
Тимощук Б. О., 1956. Археологічні дослідження Чернівецького музею у 1949—1951 рр.— АП, т. VI.
Тимощук Б. О., 1978. Твердиня на Пруті. Ужгород.
Титов В. С., 1965. Роль радиоуглеродных дат в системе хронологии неолита и бронзового века Передней Азии и Юго-Восточной Европы.— В кн.: Археология и естественные науки. М.
Титов В. С., 1971. Итоги работ Закарпатской экспедиции.— АО 1970 г.
Титов В. С., 1975а. Некоторые итоги исследований Прутско-Карпатской экспедиции АН СССР в 1974 г.— В кн.: Юбил. конф. «150 лет ОАМ АН УССР»: Тез. докл.
Титов В. С., 1975б. Раскопки на Кремневом холме и на Болотном городище.— АО 1974 г.
Титов В. С., Маркевич В. И., 1974. Новые данные о западных связях Позднего Триполья.— СА, № 3.
Тодорова Х., 1976. Овчарово. София.
Тодорова Х., 1979. Энеолит Болгарии. София.
Токарев С. А., 1964. Ранние формы религии и их развитие. М.
Фабрициус И. В., 1951. Археологическая карта Причерноморья УССР, в. I. Киев.
Флореску А., 1959. Вопрос о кремневых топорах в Молдове.— Dacia. N. S., t. III.
Формозов А. А., 1966. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.
Хвойко В. В., 1901. Каменный век Среднего Приднепровья.— Тр. XI АС в Киеве в 1899 г., т. I. М.
Хвойко В. В., 1904. Раскопки 1901 г. в области трипольской культуры.— ЗРАО, т. V, в. 2.
Хвойко В. В., 1906а. Начало земледелия и бронзовый век в Среднем Приднепровье.— Тр. XIII АС в Екатеринославе в 1905 г., т. I. М.
Хвойко В. В., 1906б. Обряд погребения сожжением и его древность. Киев.
Хвойко В. В., 1909. Раскопки площадок в с. Крутобородинцы Летичевского уезда Подольской губернии и вблизи с. Веремье Киевского уезда и губернии.— Тр. МАО, т. XXII, в. 2. М.
Хвойко В. В., 1913. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев.
Цалкин В. И., 1967. Фауна из раскопок поселений культуры Гумельница в СССР.— КСИА, в. 111.
Цалкин В. И., 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы.— МИА, № 161.
Цвек Е. В., 1974а. Исследование трипольского поселения у с. Гарбузин.— АО 1973 г.
Цвек Е. В., 1974б. К вопросу об отражении в поселениях социальной структуры общества (по материалам трипольского поселения у с. Шкаровка).— В кн.: Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л.
Цвек Е. В., 1975. Трипольские племена междуречья Южного Буга и Днепра и их связь с населением Юго-Запада Причерноморья.— В кн.: Юбил. конф. «150 лет ОАМ АН УССР»: Тез. докл.
Цвек Е. В., 1976. Домостроительство и планировка трипольских поселений.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
Цвек Е. В., 1978. О времени обособления гончарного ремесла в трипольском обществе.— В кн.: XVII конф. ИА АН УССР: Тез. докл. Ужгород.
Цвек Е. В., 1980а. Трипольское поселение Веселый Кут на Горном Тикиче.— В кн.: XVIII конф. ИА АН УССР: Тез. докл. Днепропетровск.
Цвек Е. В., 1980б. Трипольские поселения Буго-Днепровского междуречья (к вопросу о восточном ареале культуры Кукутени-Триполье).— В кн.: Первобытная археология — поиски и находки. Киев.
Цвек Е. В., Телегин Д. Я., Шиянова А. В., 1979. Работы Правобережной первобытной экспедиции.— АО 1978 г.
Цвек Е. В., Шиянова А. В., 1976. Раскопки трипольского поселения у с. Мирополье.— АО 1975 г.
Цвек Е. В., Шиянова А. В., 1977. Трипольское поселение Веселый Кут.— АО 1976 г.
Цыбесков В. П., 1964. Трипольское поселение возле Березовской ГЭС.— КСОГАМ за 1962 г.
Цыбесков В. П., 1967. Фрагмент сосуда тордошского облика из трипольского поселения возле Березовской ГЭС.— ЗОАО, т. II/35.
Цыбесков В. П., 1971. Некоторые итоги исследования Березовского поселения.— МАСП, в. 7.
Цыбесков В. П., 1975. Некоторые наблюдения и выводы в связи с углубленными и наземными жилищами трипольской культуры.— В кн.: Юбил. конф. «150 лет ОАМ АН УССР»: Тез. докл.
Цыбесков В. П., 1976. Обряд акротиния в культуре трипольских племен.— МАСП, в. 8.
Черных Е. Н., 1970. О древнейших очагах металлообработки Юго-Запада СССР.— КСИА, в. 123.
Черных Е. Н., 1976а. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.
Черных Е. Н., 1976б. На пороге несостоявшейся цивилизации.— Природа, № 2.
Черных Е. Н., 1978а. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР.— СА, № 4.
Черных Е. Н., 1978б. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София.
Черныш Е. К., 1951. Трипольские орудия труда с поселения у с. Владимировка.— КСИИМК, в. XL.
Черныш Е. К., 1955. Резцы с трипольских поселений.— КСИА, в. 59.
Черныш Е. К., 1956. К вопросу о раннетрипольских поселениях.— Изв. МФ АН СССР, № 4/31.
Черныш Е. К., 1959а. Многослойный памятник у с. Печоры на Южном Буге.— АСГЭ, в. 1.
Черниш К. К., 1959б. Ранньотрипільське поселення Ленківці на Середньому Дністрі. Київ.
Черныш Е. К., 1962. К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье. Неолит и энеолит Юга европейской части СССР.— МИА, № 102.

Черныш Е. К., 1964. Многослойное поселение у г. Болград Одесской области.— КСОГАМ аа 1962 г.
Черныш Е. К., 1965. Глинобитные жилища культуры Гумельница в Нижнем Подунавье.— В кн.: Новое в советской археологии. М.
Черныш Е. К., 1966. Орудия труда трипольских племен.— ДСА СССР VII МКДП.
Черныш Е. К., 1967. Трипольские мастерские по обработке кремня.— КСИА, в. 111.
Черныш Е. К., 1969. Орудия труда культуры Гумельница.— КСИА, в. 115.
Черныш Е. К., 1970. Трипольское поселение Сороки-Озеро.— КСИА, в. 123.
Черныш Е. К., 1973. Трипольское поселение Раковец.— КСИА, в. 134.
Черныш Е. К., 1975а. Место поселений борисовского типа в периодизации трипольской культуры.— КСИА, в. 142.
Черныш Е. К., 1975б. Первоначальные пути расселения племен Кукутени-Триполье.— В кн.: Юбил. конф. «150 лет ОАМ АН УССР»: Тез. докл.
Черныш Е. К., 1976. Основные направления путей расселения племен культуры Кукутени-Триполье в ранний период.— В кн.: Восточная Европа в апоху камня и бронзы. М.
Черныш Е. К., 1977. Формирование локальных вариантов трипольской культуры.— В кн.: Всесоюзная конференция «Новейшие достижения советских археологов». Тез. докл. М.
Черныш Е. К., Попова Т. А., 1975. Итоги работ Молдавской экспедиции.— АО 1974 г.
Черныш Е. К., Черняков И. Т., 1964. Археологические разведки в Подунавье.— КСИА, в. 99.
Шишкин К. В., 1973. Из практики дешифровки аэрофотосиимков в археологических целях.— Археологія, т. 10.
Шмаглий Н. М., 1959. О планировке позднетрипольских поселений Восточной Волыни.— КСИА АН УССР, в. 9.
Шмаглій М. М., 1961. Кераміка поселень городського типу.— Археологія, т. XIII.
Шмаглий Н. М., 1966. Городско-волынский вариант позднетрипольской культуры.— Археологія, т. XX.
Шмаглій М. М., 1971. Пам'ятки городського типу.— В кн.: Арх. УРСР, т. I.
Шмаглий Н. М., 1978. Крупные трипольские поселения в междуречье Днепра и Южного Буга.— В кн.: XVII конф. ИА АН УССР: Тез. докл. Ужгород.
Шмаглий Н. М., 1980. Крупные трипольские поселения в междуречье Днепра и Южного Буга.— В кн.: Первобытная археология — поиски и находки. Киев.
Шмаглий Н. М., Дудкин В. П., Зиньковский К. В., 1973. О комплексном изучении трипольских поселений.— Археологія, т. 10.
Шмаглий Н. М., Дудкин В. П., Зиньковский К. В., 1975. Некоторые вопросы социально-демографической реконструкции крупного трипольского поселка.— В кн.: Конф. «Новейшие открытия...»: Тез. докл. Киев.
Шмаглий Н. М., Рыжов С. Н., Шумова В. А., 1979. Раскопки трипольского поселения у с. Коновка.— АО 1978 г.
Шмаглий Н. М., Черняков И. Т., 1970. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра.— МАСП, в. 6, ч. I.
Штерн Э. Р., 1906. Доисторическая греческая культура на Юге России.— Тр. XIII АС в Екатеринославе в 1905 г., т. I. М.
Янушевич З. В., 1976. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев.
Янушевич З. В., 1980. Земледелие в раннем Триполье (по данным палеоботаники).— В кн.: Первобытная археология — поиски и находки. Киев.
Янушевич З. В., Маркевич В. И., 1970. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Пруто-Днестровского междуречья.— В кн.: Интродукция культурных растений. Кишинев.
Antoniewicz W., 1928. Archeologia Polski. Warszawa.
Antoniewicz W., 1938. Z dziedziny archeologii ziem Polski.— Światowit, t. XVII. Warszawa.
Berciu D., 1960. Perioada de tranziție către epoca bronzului.— In: Istoria Romîniei. București.
Berciu D., Morintz S., Roman P., 1973. Cultura Cernavoda II. Așezarea din sectorul B de la Cernavoda.— SCIV, t. 24, N 3.
Berezanskaja S. S., 1975. Die einheimische Grundlage der Entstehung der Mitteldnepr-Kultur.— AAC, t. XV.
Berlescu N., 1964. Plastica cucuteniană din vechile colecții ale Muzeului de Istorie a Moldovei.— AM, t. II—III.
Bichir Gh., 1970. Săpăturile de la Mîndrișca.— Materiale, t. XI.
Butzureano Gr., 1891. Notes sur Coucouteni et plusieurs autres stations de la Moldavie de nord.— In: Congrès International d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques. Comptes-rendus de la dixième session. Paris 1889. Paris.
Cehak H., 1933. Plastyka eneolitycznej kultury ceramiki malowanej w Polsce.— Światowit, t. XIV. Warszawa.
Childe V. Gordon, 1923. Schipenitzi a Late Neolithic Station with Painted Pottery in Bukowina.— In: The journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, v. LIII. London.
Comșa E., 1957. Stadiul cercetărilor cu privire la faza Giulești a culturii Boian.— SCIV, t. VIII, N 1—4.
Comșa E., 1963. Unele probleme ale aspectului cultural Aldeni II.— SCIV, t. XIV, N 1.
Comșa E., 1971. L'état actuel des recherches sur les outils néolithiques de silex en territoire roumain.— In: Z badań nad krzemieniarstwem neolitycznym i eneolitycznym. Kraków.
Comșa E., 1973. Cîteva date despre așezarea de tip Ariușd de la Feldioara.— Studii și comunicări — tanulmányok es közlemenyek. Muzeul Sf. Gheorghe, v. 1973. Sf. Gheorghe.
Comșa E., 1974a. Quelques données concernant le commencement du processus de l'indo-européanisation dans le nord-est de la péninsule Balkanique.— Thracia, v. III. Serdicae.
Comșa E., 1974b. Die Bestattungssitten im rumänischen Neolithikum.— Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte, Bd. 58. Berlin.
Comșa E., 1974c. Istoria comunităților culturii Boian. București.
Comșa E., 1976. Caracteristicile și însemnătatea cuptoarelor de ars oale din aria culturii Cucuteni-Ariușd.— SCIVA, t. 27, N 1.
Comșa E., 1978a. Unele probleme privind populațiile de stepă din nord-vestul Mării Negre, din perioada eneolitică pînă la începutul epocii bronzului.— SCIVA, t. 29, N 3.
Comșa E., 1978b. Probleme privind cercetărea neo-eneoliticului de pe teritoriul României.— SCIVA, t. 29, N 1.
Crîșmaru A., 1971. Un topor de aramă descoperit în așezarea Cucuteni A de la Drăgușeni.— SCIV, t. 22, N 3.
Crîșmaru A., 1977. Drăgușeni. Contribuții la o monografie arheologică. Botoșani.
Cucoș Ș., 1973a. Céramique néolithique de musée archéologique de Piatra Neamț. Piatra Neamț.
Cucoș Ș., 1973b. Un complex ritual cucutenian descoperit la Ghelăești.— SCIV, t. 24, N 2.
Dinu M., 1957. Șantierul arheologic Valea Lupului.— Materiale, v. III.
Dinu M., 1968. Quelques considérations sur la période de transition du néolithique à l'âge du bronze sur le territoire de la moldavie.— Dacia, N. S., t. XII.
Dragomir I. T., 1959. Necropola tumulară de la Brăilița.— Materiale, v. V.
Dumitrescu H., 1945. La station préhistorique de Horodiștea sur le Pruth.— Dacia, N. S., t. IX—X.
Dumitrescu H., 1954a. Șantierul archeologic Traian.— SCIV, t. V, N 1/2.
Dumitrescu H., 1954b. O descoperire în legătură cu ritul de înmormîntare în cuprinsul culturii ceramicii pictate Cucuteni-Tripolie.— SCIV, t. V, N 3/4.
Dumitrescu H., 1957. Découvertes concernant un rite funéraire magique dans l'aire de la civilisation de la céramique peinte de type Cucuteni-Tripolie.— Dacia, N. S., t. I.
Dumitrescu H., 1958. Deux nouvelles tombes cucuténiennes à rite magique découvertes à Traian.— Dacia, N. S., t. II.
Dumitrescu H., 1959. Săpăturile de la Traian-Dealul Fîntînilor.— Materiale, v. VI.
Dumitrescu H., 1961. Connections between the Cucuteni-Tripolie cultural complex and the neighbouring eneolithic cultures in the light of the utilization of golden pendants.— Dacia, N. S., t. V.
Dumitrescu H., Dumitrescu V., 1970. Șantierul arheologic Traian.— Materiale, v. IX.
Dumitrescu V., 1941—1944. La station préhistorique de Traian.— Dacia, N. S., t. IX—X.
Dumitrescu V., 1955. Cîteva precizări cu privire la sceptrele în forma de capate de cal din R. P. R. și din URSS.— SCIV, t. VI, N 3/4.
Dumitrescu V., 1957. Le dépot d'objets de parure de Hăbășești et le problème des rapport entre les tribus de la civilisation

du Cucuteni et les tribus des steppes pontiques.— Dacia, N. S., t. I.
Dumitrescu V., 1959. La civilisation de Cucuteni.— Berichten van de rijksdienst voorhet oudheidkundig Bodemonderzoek, 9. Amersfoort.
Dumitrescu V., 1960. Complexul cultural Cucuteni.— Istoria Romîniei, t. I. Bucureşti.
Dumitrescu V., 1963a. Originea şi evoluţia culturii Cucuteni-Tripolie.— SCIV, t. XIV, N 1.
Dumitrescu V., 1963b. The date of earliest western expansion of the kurgan tribes.— Dacia, N. S., t. VII.
Dumitrescu V., 1967. Quelques remarques au sujet de la culture néolithique Précucuteni et de la station de Traian-Dealul Viei.— Dacia, N. S., t. XI.
Dumitrescu V., 1968a. Consideraţii cu privire la poziţia cronologică a culturii Cucuteni în raport cu culturile vecine.— Apulum, v. VII/1. Alba Iulia.
Dumitrescu V., 1968b. L'art néolithique en Roumanie. Bucarest.
Dumitrescu V., 1972. Quelques aspects des synchronismes des cultures néo-énéolithiques et de la période de transition à l'âge du bronze dans l'Europe sud-orientale et le monde égéo-anatolien.— Actes du IIe Congrès International des études du sud-est Européen, t. II. Athènes.
Dumitrescu V., 1974a. Arta preistorică în România. Bucureşti.
Dumitrescu V., 1974b. Cronologia absolută a eneoliticului românesc în lumina datelor C^{14}.— Apulum, v. XII. Alba Iulia.
Dumitrescu V., 1974c. Aspecte regionale în aria de răspîndire a culturii Cucuteni, în cursul primei sale faze de dezvoltare.— SCIVA, t. 25, N 4.
Dumitrescu V., 1979. Arta culturii Cucuteni. Bucureşti.
Dumitrescu V., Dumitrescu H., Petrescu-Dîmboviţa M., Gostar N., 1954. Hăbăşeşti. Bucureşti.
Dumitrescu V., Dumitrescu H., 1962. Activitatea şantierului archeologic Traian.— Materiale, v. VIII.
Ehrich R. W., 1965. Chronologies in Old World Archaeology. Chicago; London.
Florescu A., 1966. Observaţii asupra sistemului de fortificare al aşezarelor cucuteniene din Moldova.— AM, t. IV.
Gimbutas M., 1956. The Prehistory of Eastern Europe, part I.— Bull of the American School of Prehistorica research, N 20. Cambridge; Mass.
Gimbutas M., 1973. The Gods and Goddesses of Old Europe. London.
Hadaczek K., 1914. La colonie industrielle de Koszylowce. Album. Lwów.
Harţuchi N., Dragomir I., 1957. Săpăturile arheologice de la Brăiliţa.— Materiale, v. III.
Himner M., 1933. Étude sur la civilisation prèmycénienne dans le bassin de la Mer Noire après des fouilles personelles.— Światowit, t. XIV. Warszawa.
Kandyba O., 1937. Schipenitz Kunst und Geräte eines neolithischen Dorfes. Wien; Leipzig.
Kirkor A. H., 1878. Sprawozdanie i wykaz zabytków. złożonych w Akademji Umiejętności z wycieczki archeologiczno-antropologicznej w r. 1877.— Zbiór wiadomości do antropologji krajowej, t. II. Kraków.
Kopernicki I., 1878. Pozsukiwania archeologiczne w Horodnicy nad Dniestrem wspólnie z p. Władysławem Przybysławskim, dokonane w r. 1877.— Zbiór wiadomości do antropologji krajowej, t. II. Kraków.
Kozłowski L., 1924. Młodsza epoka kamienna w Polsce. Lwów.
Kozłowski L., 1930. Budowle kultury ceramiki malowanej w świetle badań przeprowadzonych w Koszyłowcach, Nieżwiskach i Buczaczu. Lwów.
Kozłowski L., 1939. Zarys pradziejów Polski południowowschodniej. Lwów.
László F., 1914. Fouilles à la station primitive de Erősd (1907—1911).— Dolgozatok, t. II. Kolozsvár.
Majewski K., 1936. Gliniane modele chat kultury ceramiki malowanej na Ukrainie.— Światowit, t. XVI. Warszawa.
Majewski K., 1938. Plastyka terrakotowa kultury ceramiki malowanej w zbiorach Lwówskich.— Światowit, t. XVII. Warszawa.
Majewski K., 1947. Studia nad kulturą Trypilskaą.— Archeologia, N I. Wrocław.
Majewski K., 1948. Chronologia i styl plastyki figuralnej zachodniotrypilskij.— Archeologia, N II. Wrocław.
Makarenko N., 1927. Sculpture de la civilisation Trypolienne en Ukraine.— JPEK. Leipzig.
Marinescu-Bîlcu S., 1968. Unele probleme ale neoliticului Moldovenesc în lumina săpăturilor de la Tîrpeşti.— SCIV, t. 19, N 3.
Marinescu-Bîlcu S., 1971. Aspects tardifs de la civilisation à céramique rubanée et sa contribution à la genèse de la civilisation Précucuteni I.— PZ, Bd. 46, Heft 1.
Marinescu-Bîlcu S., 1974a. La plastica in terracotta della cultura precucuteniana.— Revista di scienze preistoriche, t. XXIX, fasc. 2. Firenze.
Marinescu-Bîlcu S., 1974b. «Dansul Ritual» în representările plastice neo-eneolitice din Moldova.— SCIVA, t. 25, N 2.
Marinescu-Bîlcu S., 1974c. Cultura Precucuteni pe teritoriul României. Bucureşti.
Marinescu-Bîlcu S., 1977. Unele probleme ale fazei Cucuteni A, în lumina săpăturilor arheologice de la Topile.— Cercetări istorice, serie nouă, v. VIII. Iaşi.
Matasă C., 1946. Frumuşica, village préhistorique à céramique peinte dans la Moldavie du nord, Roumanie. Bucureşti.
Matasă C., 1964. Aşezarea eneolitică Cucuteni B de la Tîrgu Ocna-Podei.— AM, v. II—III.
Monah D., 1978. Datarea prin C_{14} a etapei Cucuteni A_2.— SCIVA, t. 29, N 1.
Morintz S., 1962. Tipuri de aşezări şi sisteme de fortificaţii şi de împrejmuire în cultura Gumelniţa.— SCIV, t. XIII, N 2.
Morintz S., Roman P., 1968. Aspekte des Ausgangs des Äneolithikums und der Übergangsstufe zur Bronzezeit im Raum der Niederdonau.— Dacia, N. S., t. XII.
Morintz S., Roman P., 1969. Über die Chronologie der Übergangszeit vom Äneolithikum zur Bronzezeit in Rumänien.— Dacia, N. S., t. XIII.
Necrasov O., Nicolăescu-Propşor D., 1959. Studiul antropologic al scheletelor deshumate la Traian în campania de sapaturi din 1956.— Materiale, v. V.
Nestor I., 1928. Zur Chronologia der rumänischen Steinkupferzeit.— PZ, Bd. XIX.
Nestor I., 1938. Céramique peinte de style ancien à Şipeniţ (Bucovina).— Dacia, t. V—VI.
Nestor I., 1959. Cu privire la periodizarea etapelor tîrzii ale neoliticului din R. P. R.— SCIV, t. X, N 2.
Nestor I., 1960. Zur Periodisierung der späteren Zeitstufen des Neolithikums in der Rumänischen Volksrepublik.— Dacia, N. S., t. IV.
Nestor I., Zaharia E., 1955. Şantierul arheologic Sărata-Monteoru — SCIV, t. VI, N 3—4.
Nestor I., Zaharia E., 1968. Sur la période de transition de néolithique à l'âge du bronze dans l'aire des civilisations de Cucuteni et de Gumelniţa.— Dacia, N. S., t. XII.
Niţu A., 1955. Aşezarea cu ceramică de factură precucuteniană de la Tg. Negreşti.— Studii şi cercetări ştiinţifice, seria III-a, ştiinţe sociale, v. VI, 1—2. Iaşi.
Niţu A., 1967. Reprezentări antropomorfe în decorul plastic al ceramicii de stil Cucuteni A.— SCIV, t. 18, N 4.
Niţu A., 1969. Ceramica Cucuteni B de la Miorcani (Botoşani).— Memoria antiquitas, v. I. Muzeul arheologic Piatra Neamţ. Piatra Neamţ.
Niţu A., 1972. Reprezentarea bovideului în decorul zoomorf pictat pe ceramica cucuteniană din Moldova.— Carpica. Muzeul de istorie Bacău.
Niţu A., 1977. Continuitatea ceramicii pictate între culturile Cucuteni-Tripolie şi Gorodsk-Usatovo (Horodiştea-Folteşti).— Cercetări istorice, serie nouă, v. VIII. Iaşi.
Nosek S., 1947. Ciekawa figurka zwierzeca kultury czasz lejowatych z Krężnicy Jarej w pow. lubelskim.— SPAU, t. 48, N 9.
Nosek S., 1956. Stan potrzeby badań w zakresie neolitu Małopolski.— WA, t. XXIII, z. 1.
Ossowski G., 1893. Sprawozdanie czwarte z wycieczki paleoetnologicznej po Calicji w r. 1892.— ZWAK, t. XVII.
Passek T., 1935. La céramique Tripolienne. M.; L.
Passek T., 1964. Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale à l'époque néolithique.— Atti, v. I. Roma.
Păunescu A., 1970. Evoluţia uneltelor şi armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României. Bucureşti.
Petrescu-Dîmboviţa M., 1953. Cetăţuia de la Stoicani.— Materiale, v. I.
Petrescu-Dîmboviţa M., 1963. Die wichtigsten Ergebnisse der archäologischen Ausgrabungen in der neolithischen Siedlung von Trusesti (Moldau).— PZ, Bd. XLI.

Petrescu-Dîmboviţa M., 1965. Nouvelles fouilles archéologiques à Coucouténi-Baitchéni en Roumanie (dans le nord de la Modavie).— Atti, v. II. Roma.
Petrescu-Dîmboviţa M., Casan I., Mateescu C., 1951. Săpăturile arheologice de la Folteşti.— SCIV, t. I.
Petrescu-Dîmboviţa M., Dinu M., Bold Em., 1958. Cercetări arheologice în Podişul Central Moldovenesc.— Analele ştiinţifice ale Universităţii «Al. I. Cuza» din Iaşi, serie nouă, secţiunea III, v. IV. Iaşi.
Podkowińska Z., 1953. Pierwsza charakterystyka stanowiska eneolitycznego na polu Grodzisko I we wsi Złota, pow. Sandomierz.— WA, t. XIX/1.
Podkowińska Z., 1955. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych na Górze Gawroniec (Pałyga) w Ćmielowie, pow. opatowski, w 1954 r.— SA, t. I.
Podkowińska Z., 1957. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych prowadzonych w 1955 r. w Ćmielowie na stanowisku Gawroniec-Pałyga.— SA, t. III.
Podkowińska Z., 1960. Badania w Strzyżowie, pow. Hrubieszów, woj. Lublin, w latach 1935—1937 oraz 1939.— AP, t. 5.
Podkowińska Z., 1961. Spichrze ziemne w osadzie kultury pucharów lejkowatych na Gawrońcu-Pałydze w Ćmielowie, pow. Opatów.— AP, t. 6.
Roman P., 1963. Ceramica precucuteniană din aria culturilor Boian-Gumelniţa şi semnificaţia ei.— SCIV, t. XIV, N 1.
Schmidt H., 1932. Cucuteni in der Oberen Moldau, Rumänien. Berlin; Leipzig.
Šiška S., 1968. Tiszapolgárska kultúra na Slovensku.— SLA, t. XVI/1.
Smiszko M., 1939. Tymczasowe sprawozdanie z badań na osadzie neolitycznej w Horodnicy, pow. Horodenka.— SPAU, t. 44, N 1. Kraków.
Sulimirski T., 1936. Notatki archeologiczne z Małopolski Wschodniej.— WA, t. XIV.
Sulimirski T., 1950. The Problem of the survival of the Tripolye Culture.— PPS for 1950, new series, v. XVI. Cambridge.
Sulimirski T., 1957—1959. Polska przedhistoryczna, cz. I—II. London.
Sulimirski T., 1961. Copper Hoard from Horodnica on the Dniester.— Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Bd. XCI. Wien.
Székely Z., 1965. Contribution à l'étude du développement du Néolithique dans la Transylvanie sud-orientale.— Atti, v. II. Roma.
Tchernysch E. K., 1970. Quelques facies locaux de la civilisation de Tripolié.— В кн.: Тр. VII МКАЭН, т. V.
The Neolithic in Poland, 1970. Wrocław; Warszawa; Kraków.
Titov V. S., 1971. Tripolye culture in the chronological system of neolithic and copper age cultures of South-Eastern and Central Europe.— RCDA de l'URSS VIII CISPP (Belgrade, 1971). Moscow.
Tudor E., 1965. Ceramică aparţinînd culturii Cernavoda, descoperită la Căscioarele.— SCIV, t. 16, N 3.
Vulpe A., 1973. Începuturile metalurgiei aramei în spaţiul Carpato-Dunarean.— SCIV, t. 24, N 2.
Vulpe R., 1941. Les fouilles de Calu.— Dacia, t. VII—VIII.
Vulpe R., 1957. Izvoare. Bucureşti.
Zaharia N., 1964. Două vase pictate din grupul Horodiştea-Folteşti descoperite în raionul Iaşi.— AM, t. II—III.
Zaharia E., 1967. Angaben über die Boian-Giulesti Kultur. Die Siedlung von Leţ.— Dacia, N. S., t. XI.

Часть IV

Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И., 1978. Хвалынский энеолитический могильник.— АО 1977 г.
Алексеев В. П., 1961. О брахикранном элементе в составе населения афанасьевской эпохи.— СЭ, № 1.
Бибикова В. И., 1963. Из истории голоценовой фауны позвоночных в Восточной Европе.— В кн.: Природная обстановка и фауны прошлого. Киев.
Васильев И. Б., 1975. Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева.— В кн.: Самарская Лука в древности. Куйбышев.
Васильев И. Б., Матвеева Г. И., 1976. Поселение и могильник у с. Съезжее.— В кн.: Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев.
Воронцов Н. Н., Коробицына К. В., Надлер Ч. Ф. и др., 1972. Хромосомы диких баранов и происхождение домашних овец.— Природа, № 3. М.
Городцов В. А., 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г.— Тр. XII АС в Харькове, т. I. М.
Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б., 1968. Афанасьевская культура.— В кн.: История Сибири. Л.
Гулямов Я., Исламов У., Аскаров А., 1966. Первобытная культура в низовьях Зеравшана. Ташкент.
Даниленко В. Н., 1969. Неолит Украины. Киев.
Даниленко В. М., Шмаглий М. М., 1972. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Европи.— Археологія, т. 6. Київ.
Дебец Г. Ф., 1932. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя.— Антропологический журнал, № 2. М.
Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М.
Добровольський А. В., 1929. Звит на археологічні досліди на території Дніпрельстану року 1927.— В кн.: Збірник Дніпропетровського історико-археологічного музею, т. I. Дніпропетровськ.
Иессен А. А., 1952. К вопросу о древних связях Северного Кавказа с западом.— КСИИМК, в. XVI.
Итина М. А., 1977. История степных племен Южного Приаралья. М.
Киселев С. В., 1950. Древняя история Южной Сибири. М.
Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я., 1963. Курганы у станицы Мекенской.— В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М.
Кузьмина Е. Е., 1958. Могильник Заман-баба.— СА, № 2.
Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л., 1962. Михайлівське поселення. Київ.
Лесков А. М., 1965. Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев.
Лесков А. М., 1967. Работы Керченской экспедиции АН УССР.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг. Киев.
Массон В. М., 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.
Массон В. М., 1966. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества.— ДСА СССР VII МКДП.
Мелентьев А. Н., 1975. Памятники сероглазовской культуры.— КСИА, в. 141.
Мелентьев А. Н., 1976. Памятники неолита Северного Каспия (памятники прикаспийского типа).— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
Мерперт Н. Я., 1965. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке.— КСИА, в. 105.
Мерперт Н. Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.
Мерперт Н. Я., 1978. О племенных союзах древнейших скотоводов Восточной Европы.— В кн.: Проблемы советской археологии. М.
Мовша Т. Г., 1961. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века.— СА, № 2.
Мунчаев Р. М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
Мунчаев Р. М., Нечитайло А. Л., 1966. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике.— СА, № 3.
Отчет императорской Археологической комиссии за 1902 г. СПб.
Окладников А. П., 1956. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении.— Тр. ЮТАКЭ, т. VII.
Потемкина Т. М., 1978. Работы Тоболо-Иртышского отряда.— АО 1977 г.
Синицын И. В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, № 60.
Телегин Д. Я., 1966. Основные черты хронологии среднестоговской культуры эпохи меди.— ДСА СССР VII МКДП.
Телегін Д. Я., 1970. Основні риси та хронологія середньостогівськой культури.— Археологія, т. XXIII.
Телегін Д. Я., 1973. Середньостогівська культура епохи міді. Київ.
Теплоухов С. А., 1927. Древние погребения в Минусинском крае.— В кн.: Материалы по этнографии, т. III, в. 2. Л.
Теплоухов С. А., 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края.— В кн.: Материалы по этнографии, т. VI, в. 2. Л.
Формозов А. А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.

ЛИТЕРАТУРА

Цалкин В. И., 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.
Шапошникова О. Г., 1971. Пам'ятки типу нижнього шару Михайловки.— Арх. УРСР, т. I.
Шилов В. П., 1970. Похождення кочевого скотарства у Східній Европі.— Український історичний журнал, № 7. Київ.
Шилов В. П., 1975. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века.— СА, № 1.
Щепинский А. А., 1966. Культуры энеолита и бронзы в Крыму.— СА, № 2.
Щепинский А. А., 1968. О неолите и энеолите Крыма.— СА, № 1.
Coon C. S., 1949. Cave Exploration in Iran.
Dumitrescu V., 1963. The Date of Earliest Western Expansion of the Kurgan Tribes.— Dacia, N. S., t. VII.
Ecsedy S., 1970. New Date of the Steppe Relations of the Copper Age in Eastern Hungary.— Mora Ferenc Muzeum Evkonyve. Mora Ferenc.
Ecsedy S., 1975. Bemerkungen zur Frage der Relativen Chronologie der Grubengrab — (Jamnaja) Kultur und deren Eindringungen in Ostungarn.— AAC, t. XV.
Flannery K. V., 1965. The Ecology of Early Food Production in Mesopotamia.— Science, 12 March, v. 147, N 3663.
Garasanin M., 1961. Pontski i stepski uticali u Donjem Podunavlju i na Balkanu na perelazy iz neolitskog u metalno doba.— Glasnik zemaljsog Muzeja u Sarajevu, N. S., sveska XV—XVI. Sarajevo.
Gimbutas M., 1973. The Beginnings of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans 3500—2500 B. C.— In: The Journal of Indo-European Studies, v. I, N 2. Los Angeles.
Іовановѣ Б., 1976. Тумули степске културе гробова јма у Подунавçу.— Старинар, т. XXVI. Београд.
Nestor S., Zaharia E., 1968. Sur la période de transition du néolithique a l'age du bronze dans l'ere des civilisations de Cucuteni et de Gumelnita.— Dacia, N. S., N 12.
Perkins D., 1973. The Beginnings of Animal Domestication in the Near East: Summary.— American Journal of Archaeology. v. 77, N 3.
Zeuner F. E., 1963. A History of Domesticated Animals. London.

Список сокращений

АИЗ — Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. М.

АИМ — Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.

АЛЮР — Археологическая летопись Южной России. Киев.

АО — Археологические открытия. М.

АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.

Бюлл КИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. М.

ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси.

ВДИ — Вестник древней истории. М.

ВИ — Вопросы истории. М.

ВОКК — Вісник Одеської комісії краєзнавства. Одеса.

ДСА СССР VII МКДП — Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков. М.

ЗОАО — Записки Одесского археологического общества. Одесса.

ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.

ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.

ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.

Изв. АН ТССР — Известия АН Туркменской ССР. Ашхабад.

Изв. ГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.

Изв. МФ АН СССР — Известия Молдавского филиала Академии наук СССР. Кишинев.

КД — Каракумские древности. Ашхабад.

КЗАД — Коротке звідомлення за археологічні досліди. Київ.

КЗВУАК — Коротке звідомлення Всеукраїнського археологічного комітету. Київ.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.

КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.

КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея. Одесса.

МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси.

МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.

МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

МИАЭ МССР — Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев.

МИА Ю-З СССР и РНР — Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев.

МОИП — Московское общество испытателей природы.

МУРЕ — Матеріали до українсько-руської етнології. Львів.

МЮТАКЭ — Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. М.; Л.

НЗІІА — Наукові записки інституту історії і археології АН УРСР. Уфа.

НЗІІМК — Наукові записки інституту історії матеріальної культури АН УРСР. Київ.

НЗІСН — Наукові записки інституту суспільних наук АН УРСР. Київ.

ПАИ — Полевые археологические исследования. Тбилиси.

СА — Советская археология. М.

СЭ — Советская этнография. М.

САИ — Свод археологических источников. М.; Л.

ТК — Трипільська культура. Київ.

ТКУ — Трипільська культура на Україні. Київ.

Тр. АС — Труды Археологического съезда. М.

Тр. ИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Ашхабад.

Тр. МАО — Труды Московского археологического общества. М.

Тр. VII МКАЭН — Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1964.

Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.

УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.

Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л.

AAC — Acta Archeologica Carpatica. Kraków.

AM — Archeologia Moldowei. Bucureşti.

AP — Archeologia Polski. Warszawa.

AR — Archeologicke rozhledy. Praha.

Atti — Atti del VI Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche e Protostoriche. Roma.

Dacia — Dacia. Bucureşti.

Materiale — Materiale şi cercetări arheologice. Bucureşti.

NP — The Neolithic in Poland. Wroclaw; Warszawa; Kraków, 1970.

PA — Památky Archeologické. Praha.

PML — Prace i materialy Myzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. Seria Archeologiczna. Łodź.

PPS — Proceedings of the Prehistoric Society. London.

PZ — Prähistorische Zeitschrift. Berlin.

RCDA de l'URSS VIII CISPP (Belgrade, 1971). Moscou — VIII Congrèss International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Belgrade, 1971. Les Rapports et les Communications de la Délégation des Archéoloques de l'URSS. Moscou, 1971.

SA — Sprawozdania Archeologiczne. Wroc!aw; Warszawa; Kraków.

SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti.

SCIVA — Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie. Bucureşti.

SLA — Slovenska archeológia. Bratislava.

SPAU — Sprawozdania z posiedzeń i czynności Polskiej Akademii Umiejętności. Kraków.

JPEK — Jahrbuch für prähistorische Ethnografische Kunst. Leipzig.

WA — Wiadomości Archeologiczne. Warszawa.

ZA — Zeitschrift für Archaologie. Berlin.

ZWAK — Zbiór wiadomości do antropologji krajowej. Kraków.

Указатели

Указатель географических названий*

* В указателе, кроме общепринятых, используются сокращения: вер.— вершина, возв.— возвышенность, дол.— долина, др.— древний, истор. обл.— историческая область, котл.— котловина, месторожд.— месторождение, низм.— низменность, пещ.— пещера, рав.— равнина, рц.— райцентр, руч.— ручей, ст. ж. д.— станция железной дороги, уроч.— урочище, хр.— хребет.

Указатель археологических культур и памятников*

* В указателе, кроме общепринятых, используются сокращения: грунт.— грунтовый, кип — культурно-исторический период, к-ра — культура, к. с.— культурный слой, кург.— курганный, мог-к — могильник, пос.— поселение.

Оглавление

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Энеолит СССР

*

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор
Н. В. Малиновская

Редактор издательства
Н. Г. Белей

Художник
Б. И. Астафьев

Художественный редактор
Т. А. Прусакова

Технический редактор
Л. В. Каскова

Корректоры
Л. И. Кириллова, Л. Р. Мануильская

ИБ № 26 638

Сдано в набор 18.03.82
Подписано к печати 22. 09. 82
Т-12978. Формат 60×90 1/8
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 46. Усл. кр. отт. 52
Уч.-изд. л. 52,2 Тираж 31500 экз.
Тип. зак. 1751
Цена 4 руб.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10